

В
Г

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

ПРИГОВОРЕННЫЕ
К СВЕТУ

ЭКСМО

ГОЛОВАЧЕВ

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

ПРИГОВОРЕННЫЕ
К СВЕТУ

ЭКСМО

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

Василий ГОЛОВАЧЕВ

ВТОРЖЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ
ПРАВИЛА БОЯ
СКАЗАНИЯ О ВЕЕРЕ МИРОВ
ГАСИТЕЛИ СОЛНЦ
ЛИК БЕСА
БОЙ БЕЗ ПРАВИЛ
ВОЙНА РЕАЛЬНОСТЕЙ
ИСКАТЕЛИ СМЕРТИ
ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК
ЧЕРНАЯ СИЛА. ЧЕРНОЕ ВРЕМЯ
ДРЕВО ВРЕМЕН
ВЛАДЫКИ РЕАЛЬНОСТИ
ПРОБУЖДЕНИЕ ДЖИННА
ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕВОЗМОЖНОГО
ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
РЕЛИКТ: ДЕТИ ВЕЧНОСТИ
РЕЛИКТ: АБСОЛЮТНЫЙ ИГРОК
КРАЙ СВЕТА
СЕРДЦЕ ВСЕЛЕННОЙ
ПРИГОВОРЕННЫЕ К СВЕТУ

ЧИТАТЬ ЧИСТОЕ РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ:

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

**ПРИГОВОРЕННЫЕ
К СВЕТУ**

УКРОЩЕНИЕ ЗВЕРЯ

РАССКАЗЫ

**В. Головачев, З. Головачева
КТО МЫ? ЗАЧЕМ МЫ?**

Москва

2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 61

Оформление серии художника *A. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Г 61 Головачев В. В., Головачева З. В.
Приговоренные к свету: Избранные произведения /
В. В. Головачев, З. В. Головачева. — М.: Эксмо, 2006. —
736 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 5-699-19127-5

С уничтожением Храма Морока противостояние Темных и Светлых
сил на Русской земле не заканчивается. Более того, проникая во властные
структуры и захватывая политические посты, эмиссары Зла приобретают
все большее влияние и получают возможности для воздействия на души
тысяч людей. Хранители Рода в тревоге. И не напрасно. Выжившие после
битвы адепты Чернобога уже готовы вновь восстановить Врата Зверя и
впустить его в реальный мир. А вот готовы ли защитники к новой сече?

В сборник «Приговоренные к свету» вошел роман «Укрощение Зверя», а
также рассказ В. Головачева и эссе «Кто мы? Зачем мы?», написанное им в
соавторстве с З. Головачевой.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-19127-5

© Головачев В. В., 2006
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2006

УКРОЩЕНИЕ ЗВЕРЯ

Роман

Вы, кто любите природу —
Сумрак леса, шепот листвьев,
В блеске солнечном долины,
Бурный ливень и метели,
И стремительные реки
В неприступных дебрях бора,
И в горах раскаты грома,
Что как хлопанье орлиных
Тяжких крыльев раздаются, —
Вам принес я эти саги...

Лонгфелло

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений
Возникнет праведная Русь.
Я за нее одну молюсь.

M. Волошин

Глава 1

УПРЕЖДАЮЩИЙ УДАР

Снегопад кончился, выглянуло солнышко, и все вокруг заискрилось, заиграло сотнями радуг, засверкало драгоценными каменьями, так что на пушистые снежные холмики и поляны больно было глядеть.

Ростислав Видеев вдохнул всей грудью чистый морозный воздух, посмотрел на солнце — не щурясь, и направился в обход погоста, сунув руки в карманы зипуна, как это делал почти каждый день по утрам, после занятий с ризничим, перед тем как сесть за икону.

Ростиславу исполнилось восемнадцать лет. Родителей он не знал, и воспитывали юношу сначала в детском доме, а когда детдом упразднили чиновничим повелением, за воспитание отрока взялись монахи церкви Георгия Победоносца, расположенной в деревне Сено, в километре от поселка Новый Изборск Псковской губернии. Там Ростислав прижился, закончил школу и стал богомазом, или, говоря современным языком, иконописцем. В настоящее время он заканчивал писать большую икону Пресвятой Богородицы. Отцы местной церкви уже успели пустить о ней слух как об иконе — спасительнице земли от террора и скверны.

Икона же действительно впечатляла. Ее высота достигала двух с половиной метров, а изображена на ней была Богоматерь в полный рост, держащая одной рукой младенца Иисуса, под ногами ее — земной шар, а на нем египетские пирамиды, Тадж-Махал, Кремль и другие чудеса света, символизирующие нации и целые цивилизации.

В правом нижнем углу иконы Ростислав поместил болото, в которое должна была уползти нечисть. Фоном являлся венок из полевых цветов, соединяющий небесную и земную

сферы, сквозь который проглядывал лик Бога. Другой рукой Богородица опиралась на расцветший жезл — символ очищения души. Охватывал икону рунический орнамент, по мысли иконописца символизирующий торжество жизни над смертью, добра над злом.

Вопрос — зачем ему это надо? — Ростислав себе не задавал. Он свято верил, что делает благое дело по зову души. К тому же он знал, что испокон веков чудотворные иконы защищали Русскую землю, и верил, что его творение послужит добру и свету.

Тропинку в снегу, протоптанную им же вокруг погоста, замело, пришлось прокладывать новую. Ноги в стареньких ботинках замерзли, однако Ростислав не стал отказываться от прогулки. Душа просила тихих размышлений.

Старое церковное кладбище, заросшее ракитами, березками и кустарником, располагалось в центре села, на возвышенности, рядом с церковью, звонницей и малыми пристройками. Сама церковь была построена еще в тысяча пятьсот шестьдесят втором году и представляла собой крепкое, четырехстолпное, трехапсидное сооружение с одной главкой синего цвета над четырехскатной кровлей, отделанной декоративным узором. Традиционное членение фасада широкими лопатками придавало церкви торжественный вид.

Полюбовавшись красивым силуэтом строения, Ростислав бросил взгляд на двадцатиметровую звонницу, стоявшую на квадратном основании, с массивной двухпролетной арочной стенкой с колоколами, и побрел мимо оригинальных волнистых ворот кладбища, в обход ограды, вокруг погоста, забирая к северу. Перешел улицу с редкими по причине чувствительного морозца прохожими, начал спускаться к ближайшему пруду, самому большому из имеющихся трех, замерзших, покрытых льдом и засыпанных снегом.

Внезапно его окликнули:

— Эй, паря, погодь.

Ростислав оглянулся.

Его догоняли двое прохожих, которых он заметил на улице.

Один был плотен, кряжист, одет в черный полуушубок и черные плотные штаны. На голове меховая шапка, на ногах сапоги. Густая черная борода, квадратное лицо, мощные брови, глаза-буравчики.

Второй был помоложе и одет современнее, в блестящую зеленоватую куртку со множеством молний и кармашков, в джинсы и зимние ботинки с пряжками в виде паучков. На голове плоская кепка с меховым отворотом. В ухе серьга из белого металла. Бледен, гладко брит, скулы острые, рот пуговкой и бегающие глаза.

— Чей будешь? — угрюмым басом спросил, подходя, мужик в полуушубке.

Ростислав обратил внимание на его правую руку без перчатки: ноготь на большом пальце был черным, а на указательном пальце красовался перстень в форме змеи. Точно такой же перстень имел и молодой спутник бородача.

— Ничай я, — улыбнулся Ростислав. — При церкви живу.

— Видеев твоя фамилия?

— Да он это, иконорез, — повел плечом молодой, сверкнув бледно-серыми злобными глазами. — Х-художник, бля, век воли не видать.

— Не лайся зря, — прогудел бородач недовольно.

— А что будет? — ухмыльнулся парень. — Ты Хрису пожалуешься? Или самому Господину?

— Извините, — стесненно проговорил Ростислав. — Если вам ничего от меня не нужно...

— Очень даже нужно, — снова ухмыльнулся незнакомец в куртке. — Говорят, ты иконы красивые пишешь?

Ростислав порозовел.

— Дело не в красоте...

— Это уж точно. Можешь показать?

— Она в приделе стоит, рядом с церковью.

— Вот и покажи, а мы оценим.

— Оставь, Ефим! — буркнул бородач. — Некогда нам иконами любоваться. Д е л о делай.

— Так, может, это не он — ожидаемый рунник. Да и молод больно.

— Сказано — гасить всех под второй десяток, значит, будем гасить. Тебе сколько годков, малый?

— Восемнадцать.

— Вот, то, что надо. Сполняй волю Хриса.

— Сам-то что ж?

Глаза бородача налились чернотой, метнули молнии.

Его спутник передернул плечами, выдавил бледный смешок.

— Ладно, ладно, не дави на психику, я пошутил. — Он поднял перед собой руку с перстнем. — Да придет Тот, Чье Имя Будет Произнесено!

— Что вам надо? — хотел еще раз спросить Ростислав, но опоздал.

Перстень на пальце молодого спутника бородача налился фиолетово-сиреневым сиянием и метнулся в монашеского воспитанника неяркий шарик света.

Ростислав отшатнулся, но шарик вильнулся, вонзился ему в грудь, и Ростислав почувствовал ледяной удар, застыл, парализованный, оглохший и ослепший.

Бородач повернулся к нему спиной, двинулся к дороге, разгребая сапогами снег. На дороге появилась машина — серая «Мазда-6», остановилась у бордюра.

Бородач достиг машины, открыл заднюю дверцу, оглянулся.

— Чего стоишь?

Молодой человек в куртке наставил на застывшего с открытым ртом Ростислава палец:

— Пу!

Словно дождавшись этого слова, иконописец мягко завалился лицом в снег, раскинув руки.

Напарник бородача быстро запрыгал по снегу назад, к дороге, сел в машину. Оба посмотрели на неподвижно лежащего в снежном сугробе парня.

— Готов? — спросил их водитель, похожий обликом на монаха.

— Верняк, — ослабился молодец в куртке. — Даже если очнется, забудет все, что знал. Хотя я бы гасил их попроще: удар ножом в шею — и каюк.

Бородач промолчал.

«Мазда» рванула с места, набирая скорость.

Солнце снова закрыли тучи, начался снегопад. Но лежащий на обочине Ростислав Видеев не пошевелился. Сердце его остановилось.

Глава 2

МИСТЕРИЯ ВЕСА

Полная луна вышла из-за туч и осветила замерзшее болото, окруженное со всех сторон мрачным зимним лесом.

Снег присыпал мох и траву, но кочки и высокий ковыль все же были видны из-под наста, создавая впечатление увядания и мертвого сна природы. Путник, случайно забредший сюда в это время года, наверное, перекрестился бы и побыстрее удалился прочь, подальше от этого угрюмого места, навевающего тоску, уныние и первобытный страх. Но вопреки безрадостной атмосфере болота к нему со всех сторон стягивались странные люди в черных одеяниях. Некоторые явно были монахами, остальные же носили мирские одежды, хотя и подчеркнуто старинного кроя. Они вышли на край болота, остановились на короткое время, переглядываясь, снова двинулись вперед, охватывая цепью парящую в центре болота полынью размерами с баскетбольное поле.

Из леса прилетел одинокий волчий вой.

Цепь пришельцев замерла.

Затем один из них, высокий старик в черной монашеской рясе, с крестом на груди в виде недокрученной свастики, с посохом в руке, седобородый, согбенный, поднял вверх свой суковатый посох с ручкой в форме головы змеи с зубастой пастью. Ручка засветилась изнутри неживым сине-фиолетовым светом, метнула ввысь клубок голубого огня, который поднялся выше елей и лопнул ручьями света.

Волчий вой оборвался.

Старец поманил пальцем кого-то.

Из леса вышли четверо мужиков в зипунах, подталкивая в спину спотыкавшегося седого старика без шапки на голове, с холщовым мешком в руках. Процессия преодолела бо-

лото, остановилась у края полыни, перед большой кочкой с белой шапкой снега.

Старика вытолкали вперед.

Его длиннобородый сверстник с посохом в руке подошел ближе, направил острие посоха на кочку. Ударила неяркая фиолетово-сиреневая молния. Снег на вершине кочки испарился, облачко пара быстро рассеялось в морозном воздухе.

— Собирай В о л о д а р ь, Евстигней!

Старик, безучастный ко всему на свете, молча взялся за мешок, высыпал на снег два десятка деревянных дощечек с какими-то письменами. Начал складывать на кочке крест из дощечек.

Мужики в черном опасливо попятались.

Горбатый старец направил на них посох.

— Стоять!

— А не жахнет, Хрис? — пробормотал один из них.

— Не жахнет, — усмехнулся в бороду старец. — Это все-го лишь руновязь силы, повелевать коей буду я.

Старик без шапки, судя по всему никак не реагирующий на мороз, которого владелец посоха назвал Евстигнеем, положил последнюю дощечку, выпрямился.

— В о л о д а р ь собран, — прозвучал его тихий бестелесный шепот.

Глаза старика были открыты, но ничего не видели. Да и сам он давно был мертв, поддерживаемый лишь волшебством черных заклинаний.

— Цату!

Евстигней пошарил на груди, достал из-под полы стеганой фуфайки тускло блеснувший металлический кругляш, положил на центральную дощечку креста.

В воздухе повис стеклянный звон, будто по хрустально-му графину ударили палочкой.

Над крестом встало облачко переливчатого сияния.

Колдун взмахнул своим посохом, и сорвавшаяся с острия палки молния увлекла облачко сияния к парящей полынье. Облачко расплылось зонтиком, с треском опало множеством шипящих искр. По воде полыни побежали мелкие волны, складываясь в красивый интерференцион-

ный узор. Затем в середине водоема вода вздулась бугром, и тот покатил к берегу, то есть к кромке замерзшего болота.

Цепь монахов и их угрюмых коллег дрогнула.

— Стоять! — оскалился Хрис. — Магидаты на устроение!

Все вытянули вперед сжатые кулаки с перстнями в виде змей.

Водяной бугор приблизился к снежно-ледяному краю полыни, взметнулся вверх, превращаясь в текущую гигантскую полупрозрачную змею с головой полудракона-получеловека.

— Замри, навий слуга! — густым басом пророкотал старец, направив на водяную змею посох, добавил непонятную трескучую фразу.

Змея, роняя водяные капли, застыла, нависнув над кочкой с разложенным на ней деревянным крестом.

Евстигней не двинулся с места, продолжая глядеть перед собой невидящими глазами.

Еще одна странная фраза, трудно произносимая человеческим языком.

У змеи засветились три глаза.

— Иди, принеси нам Врата, Ягья, сын Господина! — проговорил колдун. — Да будет это угодно Тому, Чье Имя Произнесено!

Посох метнул молнию, вонзившуюся в туловище змеи.

Древний изверг-демон, оставшийся в живых после разрушения Храма Морока, вытянулся на десятиметровую высоту, формируя тело из вод озерца-болота, и бесшумно втянулся обратно. Исчез.

Луна выглянула из-за туч, высветив черное на белом, словно решила узнать, что происходит в сердце леса, посреди болот.

Минута прошла в напряженном молчании.

Пришельцы, вытянув шеи, всматривались в парящее черное зеркало воды.

Затем в центре полыни возник водяной бугор, показался к цепи черных фигур, вырос в сказочного водяного дракона и выбросил на снежный наст толстую черную плиту

размером метр на метр, облепленную комьями слизи и бородами водорослей.

Цепь монахов дрогнула.

Хрис взмахнул посохом.

— Уходи, Ягья! Жди вызова! Ты мне еще понадобишься.

Полыхнула молния, пронзая тело змеи.

Древний демон, обретший временную форму благодаря силе заклинания, качнулся назад, медленно погрузился в закипевшую воду. Последней волны скрылась странная двоящаяся голова монстра, внезапно ставшая почти человеческой, с высветившимся на миг красивым женским лицом.

Колдун подошел к дымящейся плите, осмотрел ее со всех сторон, покачал головой. Достал из складок рясы необычной формы — с двумя горлышками — сосуд из фиолетового стекла. Взболтал. Отвинтил колпачок на более узком горлышке, наклонил над плитой. Из горлышка сорвалась крупная светящаяся изумрудом капля, упала на плиту и вмиг одела ее тонкой пленкой пламени.

Раздался грозовой треск. Во все стороны полетели комья слизи, клочья водорослей и струи пара. Над плитой на одно мгновение вырос призрачный контур морды апокалиптического зверя — полудракона-получеловека, сверкнули огненные глаза.

Цепь монахов попятилась, отмахиваясь крестами и перстнями.

Призрак чудовищного демона раскрыл пасть, словно улыбнулся в ответ на страх мелких людышек, втянулся в плиту, погас. Плита еще некоторое время вздрогивала и держалась, как кусок желе, потом успокоилась, очищенная от ила и грязи.

— Забирайте, — облегченно проговорил колдун.

Четверо дюжих монахов подошли к Вратам, через которые в мир Земли сходил древний арктический бог Морок, бог северного ветра, войны и насилия, слуга еще более сильного владыки черных сил Чернобога. Плита зашипела. Монахи отскочили.

Хрис коснулся плиты концом посоха.

Раздался треск. По плите пробежала огненная змейка, оставляя после себя трещину.

Колдун выругался сквозь зубы, взялся за крест на груди, дотронулся до Врат еще раз.

— Остынь!

Плита оделась сеточкой молний, почернела. Застыл и Лик Зверя на ней — изображение Морока, хотя смотреть на него долго было нельзя: черное дыхание демона, проходившего сквозь Врата тысячи раз, настолько пропитало их, что они сами стали излучать морок — силу.

— Поднимайтесь!

Монахи с опаской взялись за плиту, подняли, понесли к лесу, утопая в снегу. Было видно, что несут они ее с трудом, будто она бетонная или металлическая.

— Собирай Володарь, — приказал Хрис стоявшему без движения Евстигнею.

Тот покорно собрал дощечки в мешок.

— Ведите его.

Парни в черном толкнули старика в спину, повели вслед за монахами, несущими плиту.

Потянулись за ними и остальные служители культа Морока, молча, не проронив ни слова. Их лица, освещенные луной, были равнодушны и угрюмы, отражая внутреннюю сущность черных душ.

Болото опустело. Лишь в окне полыньи изредка взбулькивали пузыри да вспухали и опадали водные бугры. Успокоилась водная гладь лишь спустя час после ухода гостей.

Они между тем двигались по лесу недолго. Вышли на поляну, окруженную кольцом засохших деревьев, многие из которых упали вершинами к ее центру. За кустами в дальнем углу поляны сверкнули волчье глаза, однако никто их не заметил. Только Хрис приостановился, поверочал головой настороженно, всматриваясь в мертвое спокойствие зимнего леса; он чуял зверя. Но волк не показывался, ни одно движение не нарушало ночного сна природы, и колдун успокоился.

Монахи, сопровождавшие переносчиков Врат, очистили в центре поляны несколько пней. На одном установили плиту, на втором безучастный ко всему происходящему старик с непокрытой головой снова начал раскладывать до-

щечки с вырезанными на них рунами. Закончил, отступил на шаг, уронив руки.

Монахи окружили плиту, подняли перед собой сжатые кулаки с перстнями, затянули странную тягучую песню.

Колдун поднял посох, произнес трескучую фразу наподобие той, которой он вызывал демона Ягью.

С острия суковатой палки сорвалась неяркая желтая молния, ударила в центр плиты, одев ее в пленку бледного огня. Тотчас же над крестом Володаря стало призрачное облачко света, случайно или нет принявшее форму человеческого тела. Еще одна молния пронзила это облачко, увлекая его к плите.

Раздался мерзкий визг и вой! Плита стала корчиться как живая, выпячиваться, дергаться! Впечатление складывалось такое, будто ее обожгли.

Монахи дрогнули, зароптали, затем громче запели свою унылую песню, но не тронулись с места, лишь защитили ладонями левых рук глаза, правые же — с перстнями — продолжая держать перед собой.

Плита начала течь вверх, формируя демоническую морду драконочеловека, пересеченную трещиной. Сверкнули налитые алым свечением пустые, без зрачков, глаза.

Евстигней вдруг как бы очнулся, шагнул было к плите, претерпевшей удивительную метаморфозу, поднял руки, словно собираясь вцепиться Зверю в горло. Но глаза призрачного демона метнули тусклую багрово-фиолетовую молнию, и старик вдруг вспыхнул как факел! Причем горело только его тело, одежда осталась нетронутой! Через несколько мгновений от старика остались только фуфайка, штаны и куча пепла.

Зверь повернул морду к Хрису.

Тот вздрогнул, очнулся, достал бутылку с двумя горлышками. Взболтал, боком приблизился к ожившим Вратам, прикрывая глаза ладонью, чтобы ненароком не встретить зомбирующий, мертвящий, убивающий взгляд демона. Отвинтил колпачок с более широкого горлышка и ловко капнул на морду зверя так, что капля попала на трещину.

Зашипело.

Пасть демона раскрылась, издав тот же сверлящий уши визг и вой. Трещина задымилась и стала затягиваться, пока окончательно не исчезла.

Колдун отмахнулся посохом.

— Сим повелеваю! Будь цел и невредим!
С нами Тот, Чье Имя Произнесено! Р-р-рек-
тограмматр-р-ронн!

Последнее слово наполнило гулом всю поляну.

Монахи повторили его вrasпев, так что со всех сторон из леса вернулось гулкое каркающее эхо, а с деревьев осыпался снег.

Где-то далеко прозвучало короткое волчье рыдание. Ему отозвался собачий лай в близлежащих деревнях.

Демон вытянулся вверх на два десятка метров прозрачным чешуйчатым телом змеи и втянулся в основание плыты, как бы провалился в нее, образовав уходящий в бесконечность дымный колодец.

Удар, треск!

Колодец «выпрыгнул сам из себя», превращаясь в демона, снова нырнул вниз, вернулся, ушел в глубь земли и, покачавшись таким странным маятником, превратился в светящуюся расплавленным стеклом вздрагивающую плиту.

Еще один треск, потише.

Плита в один миг остывла, почернела. Теперь она выглядела как новенькая, только что отштампованная каким-то дьявольским прессом. Трещина, ямки, борозды и сколы на ее углах исчезли. Выпуклое изображение Лика Беса на ней стало четче, реалистичней, живей.

Хрис опустил посох, сгорбился, опираясь на него, дыша с трудом, будто его покинули силы. Впрочем, так оно и было. Магия всегда отнимает у адепта его энергию и жизненные силы, а тем более магия тьмы и зла.

К нему подошел угрюмый мужик с черной бородой.

— Надо уходить, Хрисанф. Мы всю округу разбудили.
— Зато прочистили Врата. Господин будет доволен.
— Евстигнея бы закопать...
— Ни к чему. Старик сделал свое дело. Забирайте модуль.

— А он не...

— Не бойся, Алексий, модуль включается только от слова. Ты его не знаешь.

Мужик махнул рукой монахам. Те взялись за плиту, легко подняли, удивленно переглянулись. Плита, которую они еле тащили сюда, потеряла почти весь вес!

— Несите к озеру.

Процессия направилась через поляну к северной кромке леса, в сторону озера Ильмень, до которого по прямой было всего чуть больше километра. Однако снегу намело много, поэтому шли медленно, утопая по колено, а то и по грудь. Луна склонилась к горизонту, когда все тридцать три участника мистерии выбрались к замерзшему озеру вблизи мыса Бармин Нос.

Здесь их ждал современный вездеход «Пурга», славившийся своей живучестью и проходимостью. В его кабине могли свободно разместиться пять человек и груз в пятьсот килограммов. Однако в вездеход сели только трое: колдун Храма Морока, его чернобородый помощник и еще один молодой монах, игравший роль телохранителя Хриса. Плиту Врат завернули в полиэтиленовую пленку, перевязали скотчем, уложили в багажное отделение.

— Заканчивайте дела, — обратился к остальным Хрис. — Никто не должен помешать приходу Господина. Ищите новых девок, ищите иконописцев и... э-э... нейтрализуйте. Наместник ждет наших удачных постав.

— Сам-то почему не сподобился присутствовать на ритuale? — проворчал один из монахов постарше. — Аль спужался?

Водитель вездехода, неподвижно сидевший у штурвала, на которого никто не обратил внимания, бросил короткий сверкнувший взгляд на Хриса.

Колдун покосился на него, сдвинул брови.

— Придержи язык, Евлампий! Наместник ничего не боится и следит за каждым из нас.

— Так уж и за каждым, — не унимался монах.

Водитель «Пурги» вдруг выбросил в его сторону сжатый кулак, и бородача словно ветром отнесло на несколько метров назад, так что он не удержался на ногах, завяз в сугробе.

— Еще кто-нибудь вякнет, — раздался хрипло-шипящий голос, — пасть порву!

Толпа монахов и прислужников Храма попятилась.

— Наместник здесь!

— Черный Вей!

— Правая рука Господина... — послышались голоса.

— Поехали, — бросил водитель, облик которого так и не удалось никому разглядеть в свете луны.

Хрис уселся рядом с ним, захлопнул дверцу. Монахи-сопровождающие устроились в кабине. Вездеход сорвался с места и, вздымая снежную пыль, понесся через озеро к его западному краю, где в двадцати километрах начинались пригороды Новгорода.

Сбитый с ног монах заворочался, сел, вытирая ладонью снег с лица, с трудом встал. Никто не протянул ему руки.

Снегоход превратился в точку, исчез на снежно-ледяном торосистом поле.

Лишь тогда служители культа Морока задвигались, заговорили и отправились по своим следам обратно в лес. Каждому из них предстояло самостоятельно добираться до окружавших озеро деревень, а кое-кому и гораздо дальше.

Луна вышла из-за туч, озарила опустевшую ледяную гладь озера.

Затем из кустов на берегу выглянула светлая волчья морда, сверкнули янтарно-желтые глаза. Волк постоял немногого, вытянув морду вперед, глядя на озеро, и бесшумно канул во тьму.

Глава 3

ДРУГАЯ СИЛА

Поздно ночью в окошко старенькой избы на окраине села Вербного Новгородской губернии постучал какой-то путник.

Спустя мгновение в избе мелькнул огонек. Сама собой отворилась дверь избы. Путник оглянулся на кого-то, сказал тихо:

— Жди здесь.

В кусты под забором юркнуло светлое пятно, сверкнули прозрачные волчьи глаза.

Путник бесшумно шагнул в сени, аккуратно прикрыл за собой дверь.

В горнице его ждал небольшого роста пожилой мужчина с абсолютно лысой головой, но с усами и седой бородкой, в длинной белой рубахе до пят.

— Здрав будь, Всеслав.

— Храни тебя Род, Георгий.

Волхв Новгородской славянской общины и Витязь Оберега общин, или, как можно было назвать эту службу по-новому, «оперработник службы вечевой безопасности Рода», пожали друг другу руки, и хозяин кивнул на стол, застеленный чистой скатеркой, на котором в простом подсвечнике стояла свеча.

— Присядем.

Гость, снявший ботинки еще у порога, снял зимнюю куртку, шапку, повесил на вешалку, прошелся по теплым половикам, сел на массивный деревянный табурет. Хозяин принес крынку с молоком и кружки, налил себе и гостю, сел сам. Выпили по полкружки, прислушиваясь к тишине ночи. Всеслав не спросил, почему гость прибыл в столь неурочный час, словно это было в порядке вещей, а Витязь, налитый внутренней силой, позволяющей ему легкоправляться с морозом, не торопился начинать разговор. Допил молоко, поставил кружку на стол.

— Это состоялось, владыко. Они восстановили Лик Беса.

— Да, я слышал. Где именно это произошло?

— Там же, где стоял Храм. Врата уцелели, как и демон Ягья. Остался жив, к сожалению, и маг Храма.

— Хрисанф?

— Он и руководил ритуалом восстановления модуля. Кстати, им удалось оживить Евстигнея, который по их заказу вырезал Володарь с руной Силы.

— Как им это удалось?

— Не знаю. Мы упустили из виду эту возможность.

— Евстигней... я думал, он давно... но ты уверен, что именно он был там?

— Я проверил, сходил на то место, где происходил сход ублюдков Морока. На берегу осталась одежда Евстигнея. Сам он... сгорел.

Всеслав прикрыл глаза рукой, помолчал.

— Мы виноваты в его гибели. Я виноват! Знал же, что бесы охотятся за рунописцами... а он был первым... Они тебя не засекли?

— Там был Светлый, волк Владиславы, он все видел. Я пришел позже.

— Куда они понесли Врата?

— Неизвестно. Погрузили на какой-то транспорт, а дальше за пах Врат исчезает. Они могут всплыть где угодно.

Всеслав задумался, глядя на свечу.

— Их надо найти. Во что бы то ни стало! До того, как в наш явный мир придет Морок. И надо подготовить дружину, которая смогла бы пройти Мост между Явью и Навью и нейтрализовать Зверя в его логове.

— Я займусь этим лично.

— Постарайся. Но хватит ли сил?

— Нас не будут ждать, во всяком случае там, в мире Морока. А здесь сил хватит. Я найду тех, кто был с нами в день уничтожения Храма, они подготовлены лучше всех. Правда... — Георгий замялся.

Волхв остро посмотрел на него.

— Договоривай.

— Прошло три с лишним года... Я знаю, что обретенник к Пашин ушел от жены, а Громов... э-э, в общем, он тоже не живет с женой и детьми.

— Почему?

Витязь молча, с виноватым видом, развел руками.

Всеслав опустил голову.

— Я догадываюсь. Это примитивная месть Морока всем тем, кто ему мешал. Слишком много его слуг осталось на земле ждать прихода Господина. И эта сеть продолжает действовать. Ты знаешь, что в деревушке Сено умер юный иконописец Ростислав? Якобы от внезапной остановки сердца.

Георгий коротко кивнул.

— Они ищут нашего руновяза. Это уже пятый случай по России. К сожалению, мы не можем приставить охрану ко всем талантливым художникам.

— Надеюсь, Данила в безопасности?

— Его оберегает Нестор со товарищи. И в любой момент могу подключиться я, тем паче что школа недалеко.

Волхв улыбнулся.

— Светлый отрок, правильный. Ему дан удивительный дар с лышать мир душой. Не спускайте с него глаз! Только он один может закончить новый Володарь с Руной Света. Только с его помощью мы сможем помешать Мороку и его черному Господину выйти в наш мир. Их появление будет равнозначно катастрофе общеземного масштаба, Новому Потопу. Человечество и так болеет всеми мерзкими болестями, а с приходом Чернобога и вовсе превратится в стадо, в систему бесовского питания, в материал для его античеловеческих опытов.

— Мы это понимаем. Но эмиссары и агенты Морока сидят везде, на всех ключевых постах власти, в каждой социальной структуре, в том числе в Думе, Правительстве, Кремле, в силовых ведомствах, и их больше, чем наших людей. Но мы работаем.

— До весеннего Схода общин мы должны закончить руновязь, иначе нас ждет раскол. Миссионеры Морока не дремлют. Их методы просты и действенны, а главное — нравятся молодежи.

— Слепой молодежи.

— Так надо лечить эту слепоту!

Георгий промолчал.

Всеслав посмотрел на его спокойное лицо, вздохнул.

— Это я не тебе сказал, а себе. Мало нас, ты прав. Что мы можем противопоставить Мороку?

Витязь потер затылок ладонью, слабо улыбнулся.

— Только великое терпение, владыко. Наши силы ограничены. А враг силен и коварен. Ему ничего не стоит купить душу человеческую, не имеющую иммунитета ко лжи. Одна надежда — ученики наши. Их не так много, как хотелось бы, но они есть, и они идут верным путем. Да и по образовательному уровню наши школы способны конкуриро-

вать с любыми школами России. Выпускники их легко поступают в любые престижные институты. А ведь учатся они не одиннадцать лет, а гораздо меньше, хотя и овладевают тем же объемом знаний.

— Да, — кивнул волхв задумчиво, — это правда. И все же Система Морока пустила корни в структуры образования Отечества так глубоко, что в этом болоте тонут почти все светлые начинания. Зато проходят черные идеологемы вроде единого госэкзамена и «реформы языка».

— Пока мы не можем этому помешать, владыко. Но мы работаем.

Всеслав повесил голову.

Витязь смотрел на него терпеливо, с пониманием и соjalением, зная, что дни владыки сочтены. Всеславу исполнилось уже двести лет, а это был предел даже для волхвов такого уровня.

— Мы работаем... — невнятно повторил Всеслав. — СМИ, образование, наука, финансы — в руках ворога... черные колдуны воскрешают наших павших волхвов для своих целей... Держатели Ночи контролируют все властные структуры... чиновники поголовно продаются слугам Морока... православные храмы превратились в самые настоящие «черные дыры», высасывающие энергию и души у людей... а ты говоришь: мы работаем...

Георгий хотел возразить, что сил Оберега для масштабных операций по очистке социума от скверны у них мало, но передумал. Правда была горькой. Славянские общины пока не могли уберечь Род от вымирания.

Всеслав налил себе еще молока, но пить не стал. Вдруг повел над кружкой рукой, и молоко лентой вылетело из кружки, собралось в шар. Колышущийся молочный шар подплыл ко рту волхва, и тот одним глотком втянул его в рот. Посмотрел на сохранившего невозмутимый вид гостя, усмехнулся.

— Скажешь, баловство?

Георгий молчал.

— Баловство, конечно, — пробормотал волхв. — Или мы все же что-то можем?

— Можем! — твердо сказал Витязь.

Глава 4

НАДЕЖДА

Чухлома расположена на покрытой лесами Галичской возвышенности, в пятидесяти километрах к северо-востоку от старинного городка Галич Мерьский и в ста семидесяти километрах от Костромы. Город стоит на берегу ледникового Чухломского озера, упоминаемого в Солигаличской летописи как Чудское, что непривычно для слуха тех, кто знает другое Чудское озеро — в Псковской губернии, на льду которого дружина князя Александра Невского разбила немецкое войско.

В далекой древности в этих местах жили финноугорские племена — чудь и меря. В летописи же Чухлома впервые упоминается в тысяча триста восемьдесят первом году как город, входящий в Галицкое княжество. Однако возникла она раньше, еще в десятом веке, а приобрела известность, когда между галицким князем Юрием Дмитриевичем и его племянником московским князем Василием II завязалась в начале пятнадцатого века борьба за великокняжеский престол, продолженная после смерти Юрия его сыновьями Дмитрием Шемякой и Василием Косым. Конец этой кровавой распре был положен только в тысяча четыреста пятидесятом году: Василий Темный разбил войско своего двоюродного брата и подчинил Чухлому вместе с другими городами Галицкого княжества Москве.

Чухлома в настоящее время — красивый старинный русский город, богатый произведениями деревянного зодчества и каменными сооружениями разных эпох, такими, как Успенская церковь тысяча семьсот тридцатого года, дома купцов Климовых и Большаковых, Преображенский собор и главная достопримечательность города — соборы и церкви Свято-Покровского Авраамиева Городецкого монастыря, расположенного на берегу Чухломского озера, в месте, где из озера вытекает речка Векса.

К сожалению, почти не сохранилось монастырское кладбище, на котором были похоронены дворяне рода Лермонтовых вместе с основателем рода Джорджем Лермонтом.

Между тем Данила Ломов любил бродить в окрестностях этого кладбища и даже отыскал плиту надгробия одного из предков гениального поэта.

Даниле исполнилось семнадцать лет. В Чухлому он из своего Парфина, расположенного на озере Ильмень, переехал еще два года назад, к дядьке Василию, брату отца, чтобы закончить школу. Пятидесятiletний Василий Иванович Ломов и его жена Вера Андреевна своих детей не имели и с превеликим удовольствием приняли в семью племянника. Данила обещал стать великолепным художником и после школы собирался поступать в Московский государственный художественный университет. Рисовал он все — от пейзажей до портретов людей, но больше всего любил писать иконы в орнаментах, фигурами которых были старинные рунические символы и буквы древнерусского языка.

Жили Ломовы в собственном доме в Рыбной слободе, на окраине города, на берегу озера, и Данила часто в свободное время помогал им по хозяйству: дрова наколоть, двор прибрать, починить что-нибудь.

Все работали: Василий Иванович — врачом в местной больнице, специалистом по лечению остеохондроза и ревматизма, его жена — там же медсестрой. Поэтому весь день, не считая времени занятий в школе, Данила был предоставлен сам себе, и это его вполне устраивало. В случае чего он и сам мог приготовить себе обед или ужин, хотя Вера Андреевна старалась не оставлять его без еды.

Впрочем, свободного времени у парня, вымахавшего под метр девяносто, плечистого, сильного, практически не оставалось. Кроме учебы он занимался не только художественным творчеством, но и борьбой под руководством школьного учителя физкультуры, также переехавшего из Парфина в Чухлому и устроившегося в ту же школу. Звали учителя Нестором Будимировичем, был он уже в летах — многие считали, что ему далеко за шестьдесят, — но столь подвижен и крепок, что сомнений ни у кого насчет его профпригодности не возникало. Данила же точно знал, что учителю больше ста лет и знает он столько, что беседовать с ним было одно удовольствие. Что же касается вида борьбы,

а вернее, рукопашного боя, которому Нестор Будимирович обучал парня, то он назывался лютый бой и представлял собой одну из разновидностей воинского искусства русских витязей — ж и вы. За четыре года занятий Данила овладел многими навыками этого воинского искусства и мог постостоять за себя в любое время и в любых условиях. Хотя однокашникам свое умение предпочитал без нужды не демонстрировать. Он был добродушен, почти как все истинно сильные люди, стеснителен и не любил показывать свою силу.

Дом дядьки Василия был деревянным, как и большинство жилых строений Чухломы. Центр города, конечно, застраивался современными «высотками» в десять и шестнадцать этажей, но окраины жили по-старинному, и патриархальный деревенский вид Рыбной слободы всегда приводил Данилу в прекрасное расположение духа. Он любил простоту и неторопливость деревенской жизни, несмотря на все тяготы современного бытия, да и сам не любил торопиться, будучи созерцательной натурой, стремящейся понять смысл того или иного явления.

В доме Ломовых у Данилы имелась своя комната, где стояли стол, кровать, комод с книгами, стул и мольберт. Кроме того, в его распоряжении был чулан, где он хранил картины, иконы и поделки из дерева — фигурки зверей и птиц. А недавно у парня появился и компьютер, чему он был очень рад, хотя и использовал его только для поиска нужных материалов для школы и разного рода эзотерических текстов; Данила увлекался тайными знаниями древних и много читал.

Девочки из класса относились к нему снисходительно, потому что он не ругался, как другие мальчики, не пил пиво, не курил, не участвовал в общих вечеринках и тусовках, не ходил по дискотекам, зато безропотно помогал всем, кто об этом попросит. В том числе охотно откликался на просьбы девчонок, за что получил от ребят кличку Данила-Угодник. Однако он на это не обижался, а дав однажды укорот заводиле класса Шурику Фрумкину, забияке и драчуну, заслужил уважение и у мужской половины школы. Его подна-

чивали, но до определенного момента, зная, что Угодник может легко одолеть любого.

Была у Данилы и девочка. Вернее, он был тайно влюблен в Марусю Линецкую, красавицу с длинными льняными волосами, волоокую и пухлогубую. Но добиваться ее расположения не стал, побаивался, и не столько злых языков, сколько того, что она отвергнет его, как уже отвергла неуклюжие попытки ухаживания со стороны более смелых парней. А так — дружил, как и с другими девчонками, помогал решать задачи по математике, иногда танцевал с ней на школьных вечерах... катался на лыжах, возил на лодке по озеру вместе с другими... и мечтал по ночам о встречах один на один, видел в красочных снах...

Во вторник пятнадцатого февраля он вернулся из школы раньше родственников, быстро пообедал: щи, овсяная каша с мясом, молоко, — и подсел было к компьютеру. Но пошастать по Сети ему не дали. В доме вдруг объявились незванные гости.

Данила учゅял их «спиной», прислушался к своим ощущениям и вышел из комнаты в горницу.

Дверь в сени была открыта, пропуская ток холодного воздуха, и оттуда на него смотрели двое: горбившийся старик в монашеском одеянии, седобородый, с неприятным немигающим взглядом тусклых желтоватых глаз, и молодой парень в блестящей куртке со множеством молний, в джинсах и ботинках с пряжками в виде пауков. На голове у него была приплюснутая шапка с меховым отворотом. Глаза у парня бегали по сторонам, водянисто-серые, злые, холодные, и весь его облик был неприятен и порождал ощущение скрытой опасности, будто он держал за пазухой змею.

— Вам кого? — удивленно спросил Данила.

— Ты будешь Данила Ломов? — спросил молодой, раздвигая бледные губы в кривой улыбке.

— Да, я. А вы кто?

— Тебя-то нам и надо. Говорят, ты иконы пишешь? Покажь свое искусство.

— Зачем? — не понял Данила.

Гости переглянулись, вошли в горницу, не сняв обуви.

— Может, мы купим парочку.

— Я не продаю...

— Нам продашь.

Данила сдвинул брови.

— Не продам!

— А ты повежливее, повежливее, молодой человек, — с укоризной прогудел старик, погладив бороду; Данила заметил, что один ноготь на его руке был черным, а на пальце красовался перстень в форме змеи с большой головой. — Чай, к тебе не простые гости пожаловали. Мы тебя в бараний рог скрутим, ежели понадобится.

Данила почувствовал странный удар по голове — изнутри, будто там взорвалась газовая граната, но сознания не потерял, автоматически переходя в состояние резонансной готовности к бою, как учил его Нестор Будимирович.

— Уходите! Я вас не звал!

Молодой верзила в дурацкой шапке-кепке бросил на старца глумливо-вызывающий взгляд.

— Хамит богомаз! Придется укорот дать. Не возражешь, святый отче?

— Делай дело, — буркнул старик, озираясь. — Надо будет посмотреть, что он успел намастерить.

— Отрок подраться хочет, дадим ему шанс?

— Уходите! — повторил Данила, сжав кулаки.

— Щенок! — нехорошо улыбнулся незнакомец в кепке. — Знал бы, с кем имеешь дело!

— Кончай ваньку валять, Ефим! — недовольно сказал горбун в рясе. — Торопиться надо, неладное чую.

— Я только дам ему урок, — сказал парень и прыгнул к Даниле, намереваясь ударить его в голову.

Но удар цели не достиг. Художника в этом месте уже не было. Он оказался в метре слева и мог бы ответить, но не стал этого делать. Проговорил глухо:

— Вы не имеете права...

Спутник монаха снова бросился вперед, размахивая длинными руками с растопыренными пальцами, но снова промахнулся. Отскочил, растерянный, разозленный и недоумевающий.

— Ах ты, курва сопливая!

Данила вовремя заметил движение руки противника, метнулся вправо-влево, «качая маятник», и сорвавшаяся с перстня парня молния миновала его, разнесла стеклянный графин на столе.

Данила замер, глядя то на осколки стекла, то на верзилу в кепке.

Тот ощерился, снова выбросил вперед кулак со змеиным перстнем, и хотя Данила ждал этого — на уровне подсознания, все же с великим трудом увернулся от новой фиолетово-зеленой молнии, вонзившейся в стену рядом с висевшими на ней фотографиями. Однако она пролетела так близко от головы, что щека, ухо и часть шеи Данилы онемели. Пахнуло жутким холодом.

— Вот же прыткий иконописец попался! — Парень в кепке выругался. — Придется мочить по-серезному.

Монах, разглядывавший висевшую на противоположной стене горницы, между окнами, небольшую икону с изображением богини Макоши — творение рук Данилы, оглянулся.

— Обойдись без шума, Ефим. Нам он ни к чему.

— Щас я его уложу!

Молодой спутник монаха вытащил из-под полы куртки крест в форме недокрученной свастики, поднял перед собой.

— Ну что, щенок, ты и с этим справишься? Именем Того, Кто Придет...

Договорить он не успел.

Словно темная молния прынула из сеней в горницу, и владелец креста и кепки отлетел к стене, отброшенный страшным ударом, буквально влип в стену, роняя крест, сполз на пол.

В середине комнаты протаял силуэт человека, тут же «размазался» от скорости, превращаясь в струю д в и ж е - н и я, устремившуюся к монаху. Но тот, к удивлению Данилы, оказался еще быстрее и, точно так же «размазавшись» в прыжке-полете, переместился к двери, собираясь исчезнуть

в сенях. И наткнулся на еще одного гостя, не уступающего ему во владении магической динамикой легкостью.

Удара Данила не заметил.

Тем не менее старика-монаха вдруг унесло назад, как воздушный шарик, он упал, врезался головой в ножку стола и затих.

Силуэты гостей «отвердели», перестали зыбиться и плыть, приобрели плотность и цвет.

На юношу смотрели двое: Нестор Будимирович, учитель по рукопашному бою, и пожилой, невысокого роста мужчина, в котором Ломов-младший узнал Георгия, человека, приходившего к нему год назад вместе со своим другом, которого он называл коротко: владыко. Именно они и дали молодому парню ключ к древним эзотерическим знаниям, поведали истинную историю русского и славянского Рода и предложили вырезать на дощечках так называемую руну Света, символ славного бога Светича, одного из Ликов Белобога.

— Здрав будь, Данило, — прогудел Нестор Будимирович, кряжистый, медлительный с виду, с тяжелым, в складках и буграх лицом, но с умными, живыми и добрыми глазами.

— Привет, — отозвался Данила сдавленным голосом, покраснел, откашлялся. — И вы здравы будьте.

Георгий подошел к монаху, снял у него с шеи цепь с крестом, подобрал валявшийся на полу крест парня в кепке, нагнулся над ним, тут же выпрямился. Встретил взгляд Нестора Будимировича.

— Вызывай своих орлов, Нестор, их надо увезти.

— Вы... их... — начал Данила, бледнея.

— Они еще живы, — сказал Георгий спокойно. — Не говори никому, что к тебе заходили хха. И не переживай особенно. Это нелюди, убийцы, лишенные душ.

— Хха?

— Служители Храма Морока. Они получили задание — убивать всех молодых иконописцев и художников вроде тебя.

— Зачем?!

Георгий усмехнулся.

— Холуи Морока забеспокоились, что владычеству их Господина придет конец, и приняли превентивные меры.

— Но я же ничего...

— Ты в я же шь Руну Света, которая способна объединить все светлые силы и возродит Светича, врага Морока.

— Возродит? Разве он... умер? Боги же не умирают...

Нестор Будимирович закончил говорить с кем-то по мобильному телефону, вмешался в разговор:

— Наши боги не умерли, дружок, просто они тысячи лет назад отдали все свои силы для спасения Рода, растворились в нем, и, чтобы их с о б р а тъ, возродить, нужны объединительные усилия. Ты как раз и можешь сыграть роль ключика этих усилий.

— Я не знал... вы мне об этом не говорили...

— Поговорим еще, не все сразу. — Нестор Будимирович прислушался к звукам улицы, стремительно вышел и вернулся с двумя мощными парнями, в которых Данила признал школьного сторожа Митю и врача из больницы, где работал дядька Василий.

Парни поздоровались, легко взвалили на плечи тела старика-монаха и его спутника, вышли. На улице заработал двигатель автомобиля, звук удалился, стало тихо.

— Ну, я тоже пойду, дела, — сказал учитель, похлопал Данилу по плечу. — Учись вычислять потоки внимания и вектор опасности, мальчик, слушай пространство. Вслед за этими упырями могут прийти и другие.

Нестор Будимирович ударил ладонью по подставленной ладони Георгия, скрылся за дверью.

Данила наконец расслабился, робко посмотрел на гостя.

— Чаю?..

— Обязательно, — кивнул Георгий. — А потом покажешь, что у тебя получилось.

Парень оживился, сбежал на кухню, включил чайник, расставил на столе чашки, и вскоре они пили чай с чабрецом и зверобоем, собранными и засушенными еще летом лично Данилой.

Потом смотрели иконы и рисунки, созданные молодым художником за два зимних месяца. Последними Данила вы-

ложил из особого сундука, обитого металлическими обручами, два десятка ясеневых дощечек с вырезанными на них рунами.

Георгий внимательно осмотрел их, откладывая те, что уже видел, отложил четыре новые. Взял в руки одну из них.

— Руна СВА, — тихо сказал Данила.

Витязь погладил резы, похожие на китайский иероглиф «чань», но без «лишних» хвостиков и более красивый, постучал по дощечке сгибом пальца.

Дощечка отзывалась певучим звуком, будто была не деревянной, а фарфоровой.

— Грееет, — улыбнулся Георгий, прижав дощечку к щеке, встретил заинтересованный взгляд юноши. — Молодец, предреченник, это хорошее решение. Мы на верном пути.

Данила порозовел.

— Я так вижу... а она по ночам светится...

— Так и должно быть. Давно, лет пятьдесят назад, я видел такую же руну на старом Володаре.

— На том, что делал дедушка Евстигней?

— Нет, ее вырезал еще до Евстигнея известный художник Варрава Васильев. К сожалению, он рано умер и не смог довершить начатое. Теперь это дело в твоих руках.

— Я... постараюсь...

— Тебе дано откровение божье, русские боги зашевелились в душах людей и ждут сочувствия. Поможем им — они помогут нам.

Георгий снова погладил дощечку, аккуратно положил в сундучок.

— Береги их, никому не показывай, ни друзьям, ни родичам. Рано еще. И будь осторожен. На, держи. — Он протянул юноше маленький раскладной мобильный телефон.

Данила взял, поднял голову.

— Зачем, дядя Георгий?

— На всякий случай. Это связь со мной. Раскроешь — и я услышу вызов. И вот еще что... вполне возможно, что нам придется уехать отсюда.

— Почему? Куда? — растерялся Данила, сразу подумав о Марусе.

— Может быть, в Москву. Здесь оставаться небезопасно.

— Мне же школу заканчивать...

— Разумеется, закончишь, хотя получить нужные для поступления в университет знания не проблема. Мы с тобой этим займемся. Однако береженого бог бережет, а слуги Морока могут объявиться здесь не раз. Мы, конечно, постараемся отвести им глаза... но гарантий нет. Тем не менее учись, работай и не переживай, только будь внимательней. Остерегайся людей с черными ногтями. Почуешь холод — сразу дай знать мне или Нестору.

— Хорошо, дядя Георгий.

— Прячь Володарь. Ты действительно никому его не показывал?

Данила вспомнил, что хотел похвастаться своим руноплетением Марусе.

— Н-нет, дядя Георгий, никому. Вы же не велели...

— Это очень важный палимпсест, без него мы не спримемся с бедой, навалившейся на наше Отечество.

— Я понимаю, дядя Георгий.

Данила унес сундучок, а когда вернулся, гостя в горнице уже не было. Хотя как он мог миновать сени, успеть одеться и уйти незамеченным, трудно было представить. Впрочем, Витязь, владеющий прямым видением мира и древней системой выживания — живой, мог еще и не такое. Данила и сам умел ходить легкоступом, хотя и не в такой мере, как его учителя. Но жаждал когда-нибудь достичь такого же совершенства.

Повертел в руках новый мобильник, он сунул его в карман рубашки на груди, прибрал горницу, пожалев разбитый графин (придется теперь брать вину перед родичами на себя), и снова подсел к компьютеру. Он уже научился быстро переключаться на решение первостепенных задач, не расходивая зря эмоции и переживания по поводу произошедших событий. Но в памяти нет-нет да и всплывало злое лицо молодого спутника монаха с ледяными глазами и сам монах с черным ногтем. Слуги Морока. Приходившие его убить!

Данила передернул плечами, сбежал на кухню, умылся холодной водой и приказал себе сосредоточиться на учебе.

Вечером он покаялся тете Вере в случайном разбитии графина, уединился в комнате с очередной дощечкой и принялся переносить на нее с листочка бумаги руну, «греющую сердце». Теперь он видел, какой она должна была быть.

Глава 5

ТРЕТЬИМ ПЕТЬ ВУДЕШЬ?

В Мезень Максим Бусов приехал утренним поездом. А поскольку вещей он с собой почти не взял — все уместилось в одной спортивной сумке, то и решил пройтись до дома пешком, тем более что от вокзала до родного «гнезда», как он называл трехкомнатную квартиру родителей в старом кирпичном двухэтажном доме, было всего ничего — около двух километров.

Мезень расположена в двухстах пятнадцати километрах от Архангельска и в сорока пяти от Белого моря, на берегу одноименной реки. К моменту приезда Максима городу исполнилось четыреста восемьдесят лет — официально, хотя точной даты его основания никто не знал. Было известно лишь, что в начале шестнадцатого века на этом месте новгородскими торговыми людьми было основано поселение Окладникова слобода, которая и превратилась в семнадцатом веке в торговый и административный центр всего бассейна реки Мезень.

Развитию поселения способствовало его благоприятное географическое положение, поэтому именно через него проходил Северный торговый путь в Сибирь и именно здесь регулярно проводились крупные ярмарки.

Городом Мезень стала в тысяча семьсот восьмидесятом году путем объединения слободы Лампожня — на левом берегу Мезени, Окладниковой слободы и соседней Кузнецковской — на правом берегу реки. Вновь образованный город был причислен к Архангельской губернии в составе Воло-

годского наместничества, а с тысяча семьсот восемьдесят четвертого стал центром уезда.

В конце восемнадцатого века торговое значение Беломорского пути в Сибирь снизилось, и Мезень превратилась в тихий городок, куда власти ссылали политических противников. Сюда был направлен бывший фаворит царевны Софьи, опальный князь Василий Голицын, а также революционер-народник Порфирий Войновальский, небезызвестная Инесса Арманд, а также писатель Александр Серафимович. Был сослан в Мезень и прпрапрадед Максима Устин Бусов — «за вольнодумство», где и остался на всю жизнь, женился, завел семью и приобрел известность как певец с чудесным густым баритоном. Его звали в Архангельск, в Петербург и Москву, но Устин так и остался в Мезени, привязавшись к ее природе и людям.

Максим родился в конце двадцатого века и пошел в Устина, обладая таким же красивым голосом — бархатным баритоном, что и прпрапрадед. Более того, он мог распеть аж целых три октавы — от диксанта до баса, и эта особенность голоса дала ему заметное преимущество при поступлении в Архангельскую консерваторию. Отучившись четыре с половиной года, он помчался домой, в Мезень, чтобы сообщить родителям, что его еще до окончания консерватории пригласили в Московскую оперу.

Февраль в Мезени — лютый месяц, морозы здесь всегда были значительные — до сорока градусов и ниже. Но восемнадцатого февраля мороз упал до двадцати, выглянуло солнце, и Максим с удовольствием прошелся по хрустящим тротуарам центрального Советского проспекта до своей недлинной, но памятной улицы Серафимовича.

Максима нельзя было назвать красавцем, но вырос он в отца, славившегося статью и силой, и девушки невольно обращали внимание на широкоплечего, высокого, с обаятельной улыбкой парня, с гривой вьющихся русых волос, падающих на плечи, и родинкой над бровью. Эта родинка доставила ему немало горестей, так как мальчишки в школе прозвали его из-за нее «барышней». Однако впоследствии прозвище забылось, а родинка осталась, придавая лицу не-

кий «поэтический» шарм, по признанию консерваторских дам. Главным же достоинством двадцатиоднолетнего парня был его волшебный голос, от которого замирали сердца слушателей (и лопались стеклянные стаканы, как случилось однажды в гостях у знакомой, где Максим, желая удивить девушку, взял высокую ноту). Недаром Максиму прочили карьеру сродни карьере певца Дмитрия Хворостовского, известного всему миру, и недаром заезжая московская знаменитость, известнейший скрипач, побывав в Архангельске на концерте с участием Максима, пообещал ему замолвить словечко «где надо», чтобы Бусова пригласили в столицу. И Максима действительно пригласили. Сдержал-таки слово скрипач.

Конечно, дома была только бабушка. Родители Максима работали: отец — заместителем начальника порта, мама — в местной филармонии, и оба появлялись только к концу дня. Но Максима это вполне устраивало, он пообнимался и поговорил с бабушкой, обрадованной приездом внука, позавтракал и тут же начал обзванивать друзей и знакомых, чтобы договориться о вечерней встрече и потусоваться с местной театральной и музыкальной молодежью.

— Куда же ты? — спохватилась бабушка, когда переодевшийся Максим появился на кухне, натягивая белый полушибок. — Я блины собралась печь. Да и родители тебя еще не видели.

— Я к Пашке, — сообщил на ходу Бусов, — на часок, потом загляну к маме на работу, а вечером поужинаем вместе.

— Гляди, не задирайся ни с кем, молодежь нынче шебутная пошла, безответственная, а ты вон какой видный.

— Ладно, бабуля, — засмеялся Максим, — постараюсь бытьтише воды, ниже травы, не переживай.

Через час он встретился с другом детства Павлом Брусицыным, известным в Мезени спортсменом-лыжником, чемпионом района и области. Пашка заканчивал спортивный институт и никуда из родного города уезжать не собирался.

Зашли в ресторан «Мезень» все на том же главном городском Советском проспекте, где располагались почти все

заведения соцкультбыта и административные учреждения. Пашка похвастался новой золотой медалью, которую он получил за победу в соревнованиях «Архангельская лыжня», и признался, что собирается жениться.

— На ком? — поинтересовался Максим, вспоминая знакомых девчонок.

— Ты ее не знаешь, — махнул рукой раскрасневшийся Павел. — Она москвичка, приезжает сюда регулярно в местный спортклуб, устраивает аттракционы. Ты не экстремал случайно? Зорбингом не увлекаешься?

— А с чем его едят? — простодушно спросил Максим.

— Сам зорб — это прозрачный пластиковый шар диаметром около трех метров. Внутрь залезает любитель острых ощущений, и шар спускают с горы.

— Нет, спасибо, — улыбнулся Максим. — Мне что-нибудь поспокойней, в гольф люблю поиграть, в бильярд.

— Ты же вон какой здоровый, мог бы и борьбой заняться или в крайнем случае футболом.

— Я немножко в волейбол играю, футбол не люблю.

— Тоже ничего вид спорта, когда-то и я им увлекался.

Заговорили о друзьях: кто где поселился, на ком женился, где учился и работает. Выпили по глотку сухого вина за рано ушедшего из жизни Ломтика — Гену Ломотова, никогда ни на что не обижавшегося, не жаловавшегося, доброго и отзывчивого. Вспомнили учителей. Сошлись на том, что школа дала им очень многое, а главное — тягу к самостоятельному учению и поиску.

— Ну, а ты как? — переключился Пашка на друга. — Не женился? Закончил свою музыкальную лабуду?

— Весной выпуск, — не обиделся на «лабуду» Максим.

— Куда поедешь? Или в Архангельске останешься?

— В Москву приглашают.

— У-у, это клево! Столичная богема, тусовки, шоу, все такое прочее. Это для тебя.

Максим покраснел. Пашка, простая душа, вовсе не хотел его поддеть, но в чем-то он был прав. Максиму нравилась его «культурная» жизнь, которую он выбрал вполне сознательно. Однако и развиваться, идти вперед можно

было, только покоряя какие-то вершины. Москва же могла дать ему в этом отношении неизмеримо больше, чем любой другой город России.

— Да, — спохватился Павел, — а какой факультет ты заканчиваешь?

— Не факультет, — улыбнулся Максим снисходительно, — отделение по классу вокала.

— Один хрен. Значит, петь будешь? Помню, ты под гитару хорошо пел, девчонки млели, обожали тебя слушать. Кстати, знаешь, за кого Валька Федорова вышла? За Панченко.

— Она же с Костей дружила.

— А мужем спортсмена выбрала, — рассмеялся Пашка. — Дуб дубом. Хочешь, подъедем к ним, они на Тургеневской живут.

— Удобно ли... — засомневался Максим.

— Ты же не каждую неделю приезжаешь в Мезень. Они только рады будут. Заодно и песни попоем, и наших вспомним. Я могу еще Шурика Степного пригласить и Кольку Артиухова, Серегу Хинчика, они здесь, в порту работают. Оттянемся по полной, когда еще встретимся? Можем компанией в ресторан завалиться и на зорбе покататься.

— Зимой?

— Какая разница? Шар, он и зимой шар, залезай и катись. Тем более бесплатно, так как аттракционом отец моей Ксеньки заведует.

Дальше разговор перескочил на другие темы: на политику, поговорили о скорых выборах президента; о предпочтениях в литературе: Пашка, к удивлению Максима, много читал, — и в конце концов поехали по друзьям, кто еще оставался в Мезени.

Вечером Максим полчаса побывал с родителями, на ходу перекусил и умчался на встречу с однокашниками, пообещав вернуться пораньше и рассказать о своем консерваторском житье-бытье. Однако на самом деле вернулся поздно, когда все уже спали. Стараясь не шуметь, разделся, залез в ванную, с наслаждением вымылся и тихонько забрался на

кухню попить на ночь чаю. Но мама все равно услышала, и они еще час проговорили, делясь новостями.

Спать Максим лег в третьем часу ночи. И приснился ему странный сон, будто принимали у него экзамен по вокалу двое угрюмого вида профессоров: стариk в черном одеянии, смахивающем на монашескую рясу, и бородач в таком же черном ватнике, украшенном блестящими змейками и четырехветвистыми спиральками наподобие свастики. Выслушав Максимову песню:

И это — явь? Не сновиденье?
Не обольстительный обман?
Какое в жизни возрожденье!
Я плачу! Я свободой пьян! —

они замахали руками, закричали что-то на тарабарском языке и выгнали Максима из аудитории. Проснувшись на короткое время, он с облегчением понял, что это был лишь сон, и повернулся на другой бок.

На следующее утро его разбудила бабушка, сообщив, что ему звонили друзья и незнакомый мужчина, назвавшийся Георгием.

— Что ему было нужно? — вяло поинтересовался Максим, нежась в постели.

— Просто спросил, приехал ты или нет. Я сказала, что приехал и спиши.

— Кто он?

— Не представился, только имя назвал, а голос приятный.

— Позвонит еще, если я ему нужен.

Максим полежал еще в постели, гадая, откуда этот Георгий знает его домашний телефон, потом заставил себя встать. В одиннадцать часов его ждал у себя Пашка, чтобы отправиться на экстремальное катание на зорбах. Досадуя, что дал себя уговорить, Максим умылся, позавтракал и спешил на встречу с той же компанией, с какой вчера «гудел» в ресторане, а потом у Кольки Артюхова дома.

Собрались почти все, кто был, всего восемь человек.

Настроение поднялось.

День был морозным, но солнечным, и молодые парни и

девушки забыли на время о своих делах, о работе, о том, что ждет их впереди. Они были вместе, как в школьные годы, и будущее казалось им светлым и бестревожным.

Пока ехали на пристань, возле которой и разместился аттракцион по зорбингу, Пашка рассказал историю этого вида развлечений.

Первый зорб сконструировал еще в прошлом веке, в тысяча девятьсот семьдесят первом году француз Жиль Эберсоль. Получив патент на изобретение, он провел несколько смелых экспериментов: спустился с десятиметрового водопада, с крыши десятиэтажного дома, с вершины горы Фудзияма. Последнее испытание закончилось неудачно: склон горы оказался слишком крутым, и зорбонавт сломал себе обе щиколотки. Это заставило его усовершенствовать крепления рук и ног внутри шара, после чего зорб и начал свое триумфальное шествие по планете.

Отцами русского зорбинга стали предприниматели Монтай Иманов и Алексей Караваев, которые завезли зорб в Россию в две тысячи втором году и поставили производство шаров на поток.

— С тех пор мы тоже катаемся на шарах не хуже французов, — закончил Пашка, довольный реакцией аудитории. — Их спокойно можно приобрести в личное пользование, заплатил штуку баксов и пользуйся.

— Чего же ты не купил? — заметил Коля Артюхов, самый неспортивный из компании; еще в школе он отличался полнотой и весом; однако отказываться от спуска он не решился.

— Да мне зорб ни к чему, — пожал плечами Пашка. — Я не фанат, хотя уже раз десять спускался. Правда, летом, зимой еще не пробовал. Но ощущения, пацаны, — полный улет!

Оказалось, действительно «улет»!

Несмотря на то что вестибулярный аппарат у Максима был довольно прочен, спуск на зорбе с берегового откоса на ледяную гладь реки произвел на него неизгладимое впечатление. Захотелось испытать головокружительное кувыркание внутри прозрачного шара еще раз, тем более что всей

компании спуск на зорбах обошелся практически бесплатно (Пашка постарался не ударить лицом в грязь и упросил свою суженую, с которой познакомил всех приятелей, дать им возможность покататься). Довольная и усталая компания разбрелась по домам, пообещав встречаться каждый раз, как Максим заедет в Мезень.

Максим доехал от порта до своей улицы на автобусе, соображая, что будет делать вечером. Его двухдневный «отпуск» заканчивался, пора было возвращаться в Архангельск. Вместе с ним из автобуса вышли двое мужчин, некоторое время шли сзади, потом окликнули:

— Максим Валерьевич, задержись на минутку.

Максим, удивленный обращением — по отчеству его называли редко, — оглянулся.

Мужчины догнали его. Один постарше, с усами и седоватой бородкой, в длинном сером тулупе с меховым воротником, в шапке, второй помоложе, но тоже в летах, невысокий, крепкий, спокойный, внушающий удивительную уверенность и надежность. На нем была коричневая куртка с капюшоном и обычная кепка, открывающая уши. Только теперь Максим вспомнил, что видел его среди зрителей, наблюдавших спуски на зорбах.

— Кто вы?

— Добрый вечер, — поклонились незнакомцы, и тот, что был помоложе, добавил: — Меня зовут Георгий, я звонил тебе утром.

— Да, я помню, бабушка говорила... но я вас не знаю.

— Пройдемся? — мягким глуховатым басом предложил второй незнакомец. — Да ты не бойся нас, Максим Валерьевич, ничего худого мы не замышляем. А меня можешь звать Иннокентием.

— Я не боюсь... Иннокентий... э-э...

— Просто Иннокентий, — усмехнулся Георгий. — Или волхв Иннокентий.

— Волхв? — недоверчиво пробормотал Максим. — Вы не шутите? Волхвы же... это... из мифов...

— Нет, волхвы не миф. Просто власти не торопятся признать, что история ведающих мир людей не кончилась,

намеренно искажают истинную информацию, задурили молодым головы с помощью средств массовой дезинформации. Хочешь знать правду?

Максим вдруг проникся терпеливой убежденностью и достоинством подошедших к нему незнакомцев, кивнул:

— Хочу.

— Тогда прогуляемся до твоего дома, покалякаем, если не возражаешь.

Они двинулись по улице, освещенной редкими фонарями, к дому Бусова.

Иннокентий заговорил первым.

Максим сначала больше присматривался к нему, пытаясь по речи, облику и поведению определить его некие «колдовские» качества, потом увлекся рассказом и с интересом дослушал историю Ведической Руси и волхвов, сохранивших древние знания и традиции в условиях тотального истребления древнерусской религии христианами.

— А дальше что? — воскликнул он простодушно, когда Иннокентий закончил.

Новые знакомые Бусова переглянулись.

— На первый раз достаточно, — сказал Георгий, пряча усмешку. — Если захочешь, наши беседы продолжатся.

— Я учусь в Архангельске...

— Не имеет значения.

— Но что вы хотите от меня? Ведь не просто так увидели меня и решили просветить.

— Ты правильно понимаешь ситуацию. Мы давно за тобой наблюдаем. Уж прости за откровенность. Ты хороший человек, еще не избалованный «благами» цивилизации, и у тебя есть одно неоспоримое достоинство.

— Молодость, что ли? — хмыкнул Максим.

— Голос.

— Ну и что? Я пою и собираюсь стать... в общем, буду петь в опере. Или вы хотите, чтобы я бросил?

— Ни в коей мере, — качнул головой Иннокентий. — Навпаки, мы хотим предложить тебе достичь вершин, которых достигают немногие.

— Это каких?

— Во-первых, мы можем помочь тебе овладеть «языком истины», на котором говорили наши предки, языком жизни, языком Природы, который позволит тебе говорить с ее Духами и понимать язык животных и леса.

— Сказки!

— Вовсе нет, и ты это узришь и оценишь. Во-вторых, мы научим тебя петь не только языком и горлом, но и всем телом, что намного усилит энергию твоего воздействия на людей и на мир вокруг.

— Как это можно петь телом? — усомнился Максим, зябко пряча кулаки в карманы полуշубка; мороз к вечеру усилился.

— А вот так, — проговорил волхв, и внезапно фигура его стала зыбкой, туманной, над головой заискрились иголочки инея, а затем зазвучала песня, всего две фразы, которые буквально потрясли всего Максима! У него замерло сердце и воздух застрял в легких — от восхищения и радости, настолько чарующ и красив оказался волшебный голос Демудра.

Замигал и погас фонарь возле дома, словно стыдясь своего бледного света.

В округе залаяли собаки.

Максим выдохнул клуб пара, прошептал:

— Ух ты! Крутой!.. Только я ничего не понял...

— Это Дэванагари, — сказал Георгий, — «язык богов». Иннокентий пожелал тебе здоровья и удачи.

— А еще раз?

Мужчины обменялись улыбками; Максим почему-то хорошо видел их в слабеньком отсвете окон дома на снегу.

— Ты и сам сможешь петь так же, даже лучше, если проповедешь терпение. Твой дар выше моего.

— Вы не шутите?! — Максиму стало жарко. — Тогда я попробую. Только я уезжаю завтра...

— Тебя найдут наши ученики, начнешь заниматься с ними.

— А вы разве не будете меня учить?

— Я присоединюсь позже, — пообещал волхв.

— Спасибо!

— Не повторяй слепо это христианское слово, оно означает — «спаси бог», а нас ни к чему спасать. Лучше говори — благодарю.

— Спа... благодарю, — проговорил сбитый с толку Максим.

— А не за что еще. Проявишь свои способности, поднимешься на горку, тогда и поблагодаришь. Думай, отрок, тебе есть куда идти. Прощай пока.

— До свидания...

Последние слова Максима повисли в воздухе. Волхва и его спутника уже не было рядом, они исчезли, словно растворились в воздухе.

Максим потоптался по скрипучему снежному тротуару, озираясь, подумал, уж не пригрезилась ли ему встреча с носителями русской традиции, как называли себя незнакомцы. И словно в ответ на его мысли фонарь на столбе вспыхнул ярким светом, разгоняя ночную тьму.

Глава 6

ГРОМОВ

Лежачего не бьют, а терпеливо дожидаются, когда он встанет.

Эту шутку Антон Громов припомнил, с трудом поднявшись утром, чтобы идти на работу. Доплелся до ванной, прополоскал рот, хотя лучше не стало: во рту сохранились особый *шершавый* запах и горечь, характеризующие состояние похмелья. Вчера он с кем-то снова пил пиво, потом какую-то бурду, остальное осталось за кадром. Добирался он до дома, а точнее, до съемной квартиры, которую делил с одним белорусом, подрабатывавшим в Костроме на стройке, уже на автопилоте. Вспомнилось еще одно ироническое изречение: реальность — это иллюзия, вызываемая отсутствием алкоголя.

Криво улыбнувшись, Антон поскреб пальцем двухдневную щетину на щеках и решил не бриться. Дрожали руки. И вообще не хотелось жить.

Петро Дмитрич, сосед, уже ушел. Он вставал рано, а приходил поздно, работал как вол, не жалея сил, чтобы вернуться в Гомель с приличной суммой денег. Антон даже ему иногда завидовал, так как этот спокойный уравновешенный человек имел цель в жизни. В отличие от Громова.

Доеv вчерашний салат из одуванчиков и крапивы, Антон запил завтрак чаем с черствым хлебом, собрался кое-как и поплелся на рынок, где подрабатывал грузчиком у одного из коммерсантов, имевшего три продуктовые палатки.

Так он жил уже почти год, уйдя из семьи, оставив жену с детьми в Москве, хотя причина развода так и осталась ему непонятной. Ну, стал выпивать с друзьями, ну, стал задерживаться допоздна на работе; тогда он еще служил в частном охранном предприятии БОКС. Разве за это разводятся? Но Валерия рассудила иначе, подала на развод, и он ушел. Жалел ли об этом? Да, безусловно. А силы воли на то, чтобы вернуться и покаяться, начать новую жизнь, не хватало. Так и жил по инерции полубомжом-полуалкоголиком, от зарплаты до зарплаты, спуская деньги на выпивку, не имея возможности даже купить себе приличный костюм. И зимой, и летом ходил в одном и том же — в застиранных джинсах и джинсовой куртке. Бывший инструктор ГРУ по рукопашному бою. Бывший сотрудник БОКСа. Бывший друг Ильи Пашина, ставшего не то философом, не то рыцарем-джедаеем (ха-ха), забывшим о существовании Антона Громова. Бывший муж изумительно красивой женщины Валерии Гнедич. Ну, и бывший отец двух дочурок, двух- и трехлетнего возраста.

Дверь захлопнулась, как всегда, со звуком выстрела.

Пружины надо поменять, мелькнула привычная, не раз всплывавшая мысль.

Он сделал шаг, голова закружилась.

— Осторожно, грузчик, — пробормотал он сам себе. — Шутки кончились, началась лестница.

Антон Андреевич Громов действительно не знал причин частых ссор и развода с женой. Случайным приятелям он говорил: умопомрачение нашло... Соглашался, когда ему объясняли, что есть женщины, люто ненавидящие пьяных,

а его жена — из таких. На вопрос же: с чего он запил? — отвечал тем же: умопомрачение нашло, морок попутал, сглазил кто-то, наложил проклятие. О том, что это так и есть, он не думал. Мысли привычно тонули в алкогольной эйфории, и жизнь катилась вниз по накатанной колее, не встречая сопротивления воли. Если это бездумное существование можно было назвать жизнью.

Иногда он ложился спать трезвым, и это было хуже всего. Потому что в голову начинали стучаться воспоминания и мысли о покаянии, мечты о возвращении к семье, желание завязать с паскудной одинокой жизнью и стать человеком, которого все уважают. Но, промучившись таким образом ночь, наутро он находил способ опохмелиться, и все возвращалось на круги своя. Мечты казались несбыточными, а встреча с Валерией и вовсе недостижимой.

Однажды, полгода назад, зимой, он все-таки сорвался в Москву, нашел садик, в который Валерия водила дочерей, долго наблюдал за ними сквозь решетку ограждения, пока они возились в снегу вместе с другими детьми под надзором воспитательницы. Потом его заметила охрана детсада, и ему пришлось доказывать, страдая от унижения, что он не бомж, не похититель детей и не террорист. Вернувшись в Кострому, он было твердо решил бросить пить и не пил три дня, пока кто-то из сердобольных приятелей на рынке, видя его мучения, не предложил «пройтись по пивку». И жизнь снова поскакала галопом.

Антон спустился во двор, постоял, щурясь на раннее ласковое солнце. Июнь в Костроме удался нежарким, спокойным и тихим, что радовало, так как, по слухам, Европа в двух тысячах километров отсюда загибалась от жары.

Ну и пусть, кивнул он сам себе, заставив двинуться привычным маршрутом; на работу он ходил пешком, благо до рынка с его торговыми рядами от улицы Депутатской (Громов жил в старом пятиэтажном доме напротив стадиона «Труд») можно было дойти всего за сорок минут.

Что заставило его выбрать местом жительства Кострому, Антон и сам толком не знал. Сначала он хотел уехать в Нижний Новгород, где жили дальние родственники Громовых

по линии отца. Потом подвернулся случай съездить в Кострому с напарником по БОКСу, и Антон, побродив по ста-ринному городу и полюбовавшись его монастырями, уже не захотел уезжать отсюда. Историю Костромы ему поведал приятель, который и дал Громову временный приют; впоследствии Антон съехал из его квартиры, когда понял, что хозяин стал тяготиться его присутствием.

Основание Костромы приписывается князю Юрию Долгорукому, которому понравились места у слияния рек Волги и Костромы; в те далекие времена Горьковского водохранилища еще не существовало. Считается, что датой основания поселения является тысяча сто пятьдесят второй год. С тех пор поселение росло, неоднократно подвергалось опустошительным набегам и разорениям польско-литовскими войсками, немецкими рыцарями, монголо-татарами, новгородскими ушкуйниками, однако отстраивалось вновь и расширялось. В тысяча двести сорок седьмом году оно стало центром Костромского удельного княжества, а в середине четырнадцатого века вошло в состав Московского. В семнадцатом веке Кострома — уже крупный ремесленный город с развитым текстильным, кожевенным, кузнецким и мыловаренным производством.

К нынешним временам город сохранил большинство памятников старины и зодчества, кроме разве что кремля, на месте которого был разбит парк, террасами спускающийся к Волге; в конце одной из его аллей сохранилась «беседка Островского», которую посещал в свое время и Антон.

Однако основными достопримечательностями города считаются Ипатьевский монастырь на территории Старого города, основанный в тринадцатом веке, пятиглавая каменная церковь Иоанна Богослова с шатровой колокольней, возведенная в тысяча шестьсот восемьдесят седьмом году, собор Богоявленского монастыря середины шестнадцатого столетия, церковь Воскресения на Дебре, Городище и музей народной архитектуры и быта, крупнейший в России.

Год назад Антон еще посещал эти места, позволявшие отдохнуть сердцу и измученной душе, однако все реже и ре-

же, и вспоминал о них лишь в те моменты, когда по какой-то надобности проходил мимо.

В половине девятого он был уже у торговых рядов. Поздоровался с хозяином палаток усачом Свиридом, бывшим харьковчанином, переехавшим в Кострому, привычно взялся разгружать «Газель» с товаром — напитками, пивом, водкой. Мысли о жизни более достойной отошли на второй план, а потом и вовсе испарились. Осталось лишь тупое равнодушное ожидание конца рабочего дня.

Освободился Антон в семь часов вечера. Вяло повздорил с хозяином, требуя аванса, получил двести рублей и тут же, на рынке, купил у знакомого бутылку «рвановки», как здесь называли самогон. Выпили на троих, взяв в долю еще одного грузчика, имевшего закусь — огурцы, хвост селедки, лук и полбатона хлеба. Домой Антон отправился не сильно трезвым, но и не совсем пьяным, как говорится — серединка на половинку. Хотелось набраться вусмерть, но какая-то вредная мысль не давала покоя, зудела, тыкалась в болотную мякоть головы и удержала-таки от «продолжения банкета». Мысль была: не попытаться ли самому найти Илюху Пашина? Чего он молчит, экстремал долбаный? Заступник Рода, бля!

В подъезде был какой-то шум. Антон зацепил его краем сознания, привычно поднялся по ступенькам в вестибюльчик с висящими на стенах почтовыми ящиками и лишь после определил источник.

Двое парней били пожилого мужчину. Антон его узнал: это был Иван Амвросиевич, сосед, живущий этажом ниже. Вспомнилась статья в газете, сообщавшая об участившихся ограблениях в подъездах старых домов, не оборудованных домофонными системами. Грабители действовали крайне просто: подкарауливали жертву, били, отбирали деньги, часы, мобильные телефоны и скрывались. Антон стал свидетелем именно такого наглого нападения.

Иван Амвросиевич упал.

Бандиты замерли, увидев смотревшего на них снизу Громова.

На одном была самодельная вязаная маска с прорезями

для глаз, открывающая макушку. Он был высокий, белобрысый, узкоплечий, одет в мятые серые штаны и клетчатую рубашку с длинными рукавами. Второй, пошире в плечах, помассивнее и пониже ростом, одетый во все коричневое, маски не имел, зато имел широкую физиономию, заросшую многодневной щетиной, и широкий туфлеобразный нос; шапка черных курчавых волос делала его голову идеальным шаром.

— Отпустите его, — сказал Антон мрачно. — И валите отсюда, пока я милицию не вызвал.

Бандиты переглянулись.

— Сам вали, сявка! — буркнул коричневый. — Вякнешь мусорам — на перо наденем. — Он показал нож.

Черт с ними, не связывайся, пискнул внутренний голос.

Антон посмотрел на шевелящегося на ступеньках Ивана Амвросиевича, шагнул на ступеньку выше.

Грабители подобрались. Тот, что был в маске, тоже достал нож, одной рукой пошарил у лежащего Ивана Амвросиевича в карманах пиджака, вытащил тощий бумажник.

— Положи на место! — нехорошим голосом проговорил Антон.

— Смотри-ка, он еще права качает, гусь об...ный! — удивился клетчатый. — А ну, пошмонай его, Бован!

Коричневый шагнул навстречу Антону, умело держа нож обратным хватом, полосонул им перед собой.

— Замри, паскуда, порежу!

Антон молча ударил его носком кроссовки по голени, перехватил руку с ножом, вывернул и нанес рубящий удар ребром ладони по толстой шее согнувшегося бандита. Тот с приглушенным воплем загремел вниз по лестнице, врезался головой в стену и затих.

— Ах ты, курва вонючая! — изумился парень в маске. — Да я ж тебя щас замочу в натуре!

Он бросился с ножом на Антона, споткнулся о подставлennную ногу, охнул и тоже улетел вниз, с грохотом ударился плечом и лицом о перила лестницы, упал на своего подельника.

Антон озабоченно посмотрел на распоротую полу джин-

свой куртки, покачал головой; бандит успел-таки зацепить его ножом. Пробормотал вслух:

— Квалификацию теряешь, инструктор.

Иван Амвросиевич зашевелился, попытался сесть. У него наливалась синевой припухлость под глазом и был разбит нос.

Антон подошел, помог соседу подняться, подставил плечо:

— Пойдемте, Иван Амвросиевич, я помогу вам дойти.

— Кто это был? — насморочным голосом прошепелявил сосед, с трудом ковыляя по ступенькам. — Я же никого не трогал...

— Грабители, — ответил Антон. — Хорошо, что я подоспел вовремя.

— Деньги... — Сосед попытался нашупать в кармане кошелек, охнул. — Вот зараза, грудь болит! Ребро, что ли, сломали...

— Ничего, до свадьбы заживет, «Скорую» в крайнем случае вызовите. А деньги ваши целы.

Антон довел Ивана Амвросиевича до квартиры и, не дождаясь, пока домочадцы соседа откроют дверь, поднялся к себе на пятый этаж. Хмель прошел, нейтрализованный вспышкой давно забытого боевого режима. Захотелось выпить. Поколебавшись немного, Антон сел в спальню на кровать и принял чинить куртку, порезанную ножом бандита. Мелькнула мысль вызвать милицию, но ушла, не найдя сочувствия у внутреннего голоса.

Антон повесил починенную безрукавку на стул, побродил по комнате, не зная, чем себя занять, ткнулся было к соседу, но Петро Дмитрича еще не было, хотя часы показывали десять вечера. Тогда он решительно вытащил из комода бутылку с остатками самогона, допил, закусил половинкой лимона и лег спать. А через полчаса его разбудил сильный рывок за плечо, он скатился с кровати, разлепил глаза и увидел над собой нависшую фигуру в камуфляж-комбинезоне, в шлеме и маске, с автоматом в руках.

«Бандиты вернулись?!» — мелькнула недоуменная мысль.

Но это были не бандиты — бойцы ОМОНа.

— Не дергайся! — заорал комбинезон, выворачивая ему руку. — Вставай! Пошел! Дайте ему штаны и рубаху!

Еще один комбинезон бросил Громову безрукавку и джинсы.

— Надевай!

Антон с трудом попал ногами в штанины, натянул безрукавку. Ему снова вывернули руку.

— Вперед!

Он хотел было провести прием «выкручивание белья»... и не смог! Тело не повиновалось! А почуявший сопротивление омоновец не стал дожидаться сюрпризов и умело врезал Громову прикладом автомата по затылку.

Антон отключился...

...и осознал себя спустя какое-то время лежащим на полу микроавтобуса, на котором приехала группа ОМОНа.

— По какому праву... — прохрипел он и получил еще один удар — по ребрам.

— Молчать! Рыпнешься — глухим встанешь!

Он затих, понимая, что полномочий разговаривать с задержанным парням в комбезах никто не давал. Надо было подчиняться условиям и ждать объяснений от их начальства.

Через час он эти объяснения получил.

— Гражданин Громов, — сказал ему рыхлый капитан с бочкообразным туловищем, — вы задержаны за умышленное нанесение побоев в пьяном виде гражданам Симаку и Тлеубаеву в подъезде дома номер одиннадцать по улице Депутатской. Возражения по существу дела есть?

— Есть, — сказал Антон. — Я никого не...

Его ударили сзади. Сознание помутилось.

Краем глаза заметив движение, он на мгновение сконцентрировался и в долю секунды нанес два удара — пяткой по пальцам стопы и ребром ладони в нос тому, кто его бил. Омоновец без звука отлетел в угол милицейской дежурки. Но на Антона набросились сразу трое и уложили лицом вниз на дощатый, грязный пол помещения.

— Возражений нет, — сказал капитан равнодушно. — В камеру его.

Антона подхватили под руки, повели из дежурки по коридору с ядовито-зелеными стенами, втолкнули в КПЗ. Дверь с лязгом захлопнулась за его спиной.

Антон выпрямился, держась за пульсирующий болью затылок. На него смотрели шесть пар глаз, принадлежащих задержанным. Трое выглядели так же, как он: помятые, небритые, неухоженные, с вурдалачьими физиономиями. Молодой парень, бритый наголо, в кожаном «прикиде» с цепями и бляхами, лежал на топчане в ботинках. В ногах у него сидела размалеванная девица в коротком платьице и курила, картино выпуская дым. Еще один обитатель КПЗ — породистый старик в белом костюме — сидел на другом топчане и читал газету.

— Талан на майдан, — улыбнулся один из небритых; только сейчас Антон заметил, что все трое играют в карты. — Пришивайся. Шпилить в стиru умеешь?

Антон поиском глазами место, чтобы сесть, не нашел, молча сел в угол камеры. За что его задержали, он не знал, однако был уверен, что все выяснится, сосед расскажет, как было дело, и его наутро выпустят.

— Эй, фазан, к тебе люди в лоб ботают.

Антон закрыл глаза, расслабляясь.

— Не уважает, паскуда, — удивился предлагавший Громуvu поиграть в карты. — А не потрюмлить ли нам эфтого ишака?

Двое картежников встали, подошли к Антону, один ткнул ему в ногу носком жеваного ботинка.

— Ты, понтыра, по какому делу канашь?

— Не приставайте к нему, — проблеял старик в белом. — Видите, человек не в себе.

— Заткнись, бабай, не встревай в канитель. Эй, фофан. — Новый тычок ботинком в ногу. — Застрял, что ль?

Антон не ответил.

— Во падла! С ним по-вялому бухтят, а он сопит и не питюкает!

Носок ботинка больно врезался в голеностоп.

И у Антона лопнуло терпение.

Первым к нарам улетел мужик, трижды ударивший Грo-

мова по ноге. Вторым Антон уложил его напарника, вооруженного кастетом. Почему его не обыскали милиционеры, сажая в камеру предварительного заключения, было непонятно.

Третий игрок в карты, самый медлительный и самый здоровый, въехал в ситуацию только после того, как его коллеги успокоились в разных позах на полу камеры. Однако мозгов у него было немного, чтобы понять и оценить противника, поэтому он тоже полез в драку и получил два удара, которые заставили его заорать от боли и окосеть, схватившись за промежность. Антон толкнул его пальцем в лоб, и здоровяк упал на спину, едва не сбив с топчана старика в белом.

— Клево стебаешься! — одобрила Громова девица, окинув его оценивающим взглядом.

В то же мгновение открылась дверь и в камеру ворвались двое громил в милицейской форме, набросились на Антона, орудуя дубинками. В принципе он смог бы отбиться и от них, обладая навыками рукопашника-инструктора на бессознательном уровне, тело само вспомнило бы нужные приемы, но перед ним были не враги, а выполняющие свои обязанности менты, и Антон прекратил сопротивление.

Его ударили в живот, по голове, скрутили и выволокли из камеры.

— В одиночку! — приказал кто-то.

Последнее, что он помнил, был толчок в спину и удар лбом о холодную бетонную стену.

Очнулся Антон в темноте.

Привычно включил все органы чувств, не двигаясь, чтобы никто не мог определить, что он пришел в себя. Вокруг было тихо, как в склепе, сыро и холодно, и он понял, что лежит, скрючившись, на полу тесного помещения без окон и каких-либо деталей, кроме одной: в углу помещения торчал унитаз.

Одиночка, вспомнился голос неведомого начальника. Его действительно бросили в одиночную камеру.

Антон пошевелился, сел, оперся спиной о стену, ощущая пульсирующую боль в избитом теле. Трезво подумал:

похоже, я отсюда выйду не скоро. Вряд ли Иван Амвросиевич пойдет в милицию защищать соседа. Скорее всего он даже не понял, кто его вырвал из рук бандитов. А это означает, что дела и в самом деле плохи. Ментам нужна положительная статистика задержания преступников, а он на роль преступника подходит как никто. Итак, Антон Андреич, что будем делать?

Сидеть будем, ответил внутренний собеседник Громова. Лет пять впаяют «за избиение мирных граждан». Но как они нашли его, эти «мирные граждане»? Неужели имеют милицейскую «крышу»? Тогда и свидетели найдутся, которые подтвердят, что ты избивал «мирных граждан». А у тебя никого, ни родных, ни друзей, ни приятелей... Закономерный итог никемушной судьбы...

«Сам такой! — огрызнулся Антон. — Мы еще поборемся!»

Хотя оптимизма никакого он не испытывал. На душе было смутно и горько. Хотелось плакать. И пить!

Он попытался мысленным сосредоточением снять боль в голове, не смог. Глаза наполнились влагой, шевельнулись губы:

— Ослаб ты, Андреич, однако...

Кое-как устроившись на полу, он закрыл глаза, расслабился; вспомнил жену, девочек, мысленно позвал: Дашутка, Катюша, плохо вашему папке... Показалось, что они его услышали, протянули ручонки. Но тут рядом с ними появилась сердитая Валерия, схватила дочерей на руки, и видение растаяло.

— Лерка, я не хотел... — с тоской прошептал Антон. — Прости меня...

Вспомнилась встреча полгода назад с соседкой, Майей Петровной, занимавшейся сватовством, которая вполне серьезно предложила ему найти женщину для создания семьи. Она и в самом деле была свахой, в прошлом — блокадница, жена дипломата, педагог с сорокалетним стажем, — и делом занималась основательно, подыскивая пары именно для совместной жизни, а не для скорого интима. В ее картотеке значилось более семи тысяч фамилий одиноких мужчин и женщин, ищущих счастья. Оказалось, она знает та-

тарский, персидский, английский языки, и за десять лет работы свахой соединила более трехсот пар. Однако Антон отказался от услуг соседки, точно зная, что лучше Валерии жену не найдет.

— Лерка, хрено мне...

Вскоре он забылся, задремал, очнулся, снова задремал и мучился так до утра, пока за ним не явились те же бугаи в форме, рывком подняли, повели на допрос к следователю, поставили перед столом.

Следователь, худенький мужчина средних лет с неприметным лицом, доходчиво объяснил ему, что, если Громов признается в содеянном, ему дадут от силы два года, а если нет — загремит на нары лет на пять.

— Я не виноват, — ответил Антон, понимая, что его слова ничего для следователя не значат. — Двое грабителей напали на соседа, Ивана Амвросиевича, я вступился. Он может подтвердить.

— Мы опросили жильцов дома, никто из них не подтверждает ваши слова, гражданин Громов. Будете и дальше запираться?

— Мне не в чем признаваться.

Следователь посмотрел за спину Антона.

— Двинь ему в косинус.

Кто-то умело нанес Антону удар по почкам. Охнув, он согнулся и получил еще один удар — по шее. Упал. Но тут же завелся, ослепленный яростью, подсечкой сбил на пол верзилу-сержанта с дубинкой, вырубил его ударом локтя в переносицу, вскочил и в два движения впечатал второго милиционера в книжный шкаф. Раздался вскрик, посыпались стекла, следователь вскочил из-за стола, бледнея.

В кабинет ворвался еще один мент, вытаскивая из кобуры пистолет.

— Стреляй! — завопил следователь. — Он нас всех сейчас...

— Э-э, уважаемые, погодите, — проговорил кто-то спокойно, и Антон только теперь увидел в углу кабинета скромно присевшего на стульчик монаха в черном. — Разрешите, я с ним поговорю.

Загородившийся стулом следователь нерешительно глянул на Антона, на своих коллег, на монаха.

— Он вас...

— Ничего он мне не сделает. — Монах встал, улыбнулся Антону, хотя черные непроницаемые глаза его так и остались «запертыми», не отражая никаких эмоций. — Он законопослушный россиянин, не правда ли, Антон Андреевич?

— Мы встречались? — прохрипел Антон, внезапно обливаясь холодным потом от нахлынувшей слабости.

— Разве что в прошлой жизни. — Монах зыркнул на приходящих в себя милиционеров. — Выходите покуда.

— Я не имею права... — начал следователь.

Глаза монаха недобро сверкнули.

— Оставьте нас на минуту!

Следователь вздрогнул, махнул рукой помощникам, направляя их за дверь, вышел следом.

Монах пододвинул стул.

— Присядь, Антон Андреевич, погутарим.

Антон рухнул на стул: ноги не держали, волна слабости дошла и до них, тело казалось рыхлым ватным комом. Служитель церкви перекрестил его одним пальцем, и Антон заметил на пальце черный ноготь. В памяти ворохнулось какое-то смутное воспоминание, связанное не то с монахами, не то с черными ногтями, но утонуло в болотной жиже головы.

— Кто вы?

— Я служу Господину, — дернул щекой монах. — А звать меня отцом Марцианом. Однако речь не обо мне, гражданин Громов. Положение твое незавидное: попытка ограбления, драка, нападение на блюстителей закона...

— Я никого не грабил.

— Допустим, да кто в это поверит, мил-человек, ежели ты постоянно пьешь и не контролируешь себя? А свидетели твоих неблаговидных деяний всегда найдутся. Вот и получается, что светит тебе исправительно-трудовое учреждение в Магаданской губернии на долгие годы. Как говорится, люди делятся на две категории: те, кто сидит в тюрьме, и те, кто должен сидеть в тюрьме.

— Не виноват я...

— Э, мил-человек, заладил: не виноват, не виноват, — а доказать сие трудно, если вообще возможно.

— Вам-то что? Зачем вы все это мне рисуете?

— Есть возможность избежать наказания. — Монах поднял руку, предупреждая возражения собеседника. — Даже если ты не виноват, тебя уже отсюда не выпустят.

Антон помял затылок пальцами, закрыл глаза: боль не проходила, мешая думать.

— Чего вы хотите?

— Хороший вопрос. Я представляю одну структуру, служащую своему Господину. Присоединяйся, Антон Андреевич, не пожалеешь.

— Что за структура?

— Служба Храма.

— Какого еще храма? Христа Спасителя, что ли?

— Этой службе уже больше десяти тысяч лет.

— А Господин кто? — Антон уловил острый блеск в глазах священнослужителя, перевел взгляд на руку с черным ногтем, и вдруг его озарило: — Уж не Морок ли??!

— Догадливый, — растянул губы в неприятной усмешке монах.

— Ах ты, дрянь! — Антон попытался вскочить, но у него не получилось, ноги не держали, и тело оставалось рыхлым и пропитанным водой как губка. — То-то я думаю, на кого ты похож? Хха!

— Я не хранитель Храма, — качнул головой собеседник. — Я ченор Костромской волости. Хха — мои слуги. Но не суть. Предлагаю подумать и присоединиться к нам. Бойевые кондиции ты еще полностью не утратил, и это радует.

— Ни за что!

— Дело твое, мил-человек. Если тебе нечего терять... детишек не жалко... тогда покорячься на лесоповале.

— Пошел вон!

— Заходите, — позвал монах.

Дверь распахнулась, в кабинет вбежали следователь и два амбала с дубинками.

— В камеру его, пусть поразмышляет о житье-бытье.

Здоровенный сержант вытянул Антона дубинкой вдоль спины, так что тот свалился со стула, и монах добавил:

— Не перестарайтесь, материал сгубите. Возможно, он мне еще понадобится.

— Вставай! — ударили Антона в бок ногой.

Что было потом, он уже не помнил.

Очнулся в камере-одиночке с разбитым в кровь лицом. С тоской спросил сам себя: что дальше, Громов?

Никто ему не ответил.

Глава 7

ЧЕРНЫЙ ВЕЙ

Алексей Ридигерович Балабонов родился тридцатого июля тысяча девятьсот шестьдесят второго года во Владивостоке. Закончил среднюю школу, отслужил в армии и поступил в Высшую Краснознаменную школу (ВКШ), КГБ, на факультет контрразведки. Успешно закончил, после аспирантуры получил ученую степень кандидата юридических наук и был оставлен в ВКШ преподавателем.

До девяносто девятого года карьера Балабонова ничем не выделяла его среди коллег. Интерес к росту он стал проявлять в начале двадцать первого века, когда работал в НИИ «Прогноз», где занимался изучением паранормальных явлений и возможностей их применения в интересах спецслужб.

Его заметили, и в две тысячи втором году Балабонов перешел на работу в Службу безопасности президента России. Был аналитиком, начальником аналитического отдела, заместителем начальника Службы. Занимался вопросами астрологии, оккультизма, телекинеза и парапсихологии. В две тысячи шестом году Алексею Ридигеровичу присвоили звание генерал-майора.

В две тысячи восьмом он вошел в состав Межведомственной комиссии по защите государственной тайны. Ушел из Службы безопасности президента в бизнес, руководил инвестиционной компанией «Меркурий». А затем его заметил депутат Госдумы Калошин, он же — Черный Вей, эмис-

сар Морока в России, и предложил иную службу с иными горизонтами и перспективами. И Балабонов без долгих раздумий согласился. Он был уже подготовлен к тому, чтобы поверить в систему Морока и принять предлагаемые условия. Именно он и стал Черным Веем после того, как Калошин ушел в мир Морока вместе с Господином.

Из компании «Меркурий» Балабонов подался в депутаты Государственной думы, а оттуда — в Министерство внутренних дел, где и получил должность замминистра.

В свои пятьдесят лет выглядел Алексей Ридигерович на тридцать: высокий, статный, широкоплечий (недаром служил в Кремлевском полку), с гривой красивых седых волос, лицо мужественное, с волевой складкой губ, подбородок тяжелый, упрямый, а глаза бледно-голубые, с поволокой, производящие на женщин исключительно сильное впечатление. Лишь изредка в них вспыхивала презрительная искра, характеризующая его отношение к собеседнику и к людям вообще, и тут же тонула в бледной голубизне показного отеческого внимания.

Девятнадцатого июня замминистра вызвал к себе помощника рано утром: по понедельникам он начинал работу в восемь часов.

Помощник явился через две минуты. Он был предельно исполнителен, предан и ради шефа мог пойти на все. Звали его Фатых Дехкиев, он имел звание майора, и в системе министерства его знали как начальника охраны заместителя министра. О том, что он выполняет еще и особо деликатные поручения Балабонова, знали только двое: сам Алексей Ридигерович и членор Xрама Морока Хрисанф.

Фатых Дехкиев родился в Фергане в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году. После окончания школы неожиданно для всех легко поступил в МГИМО, закончил, год отработал в Институте мировой экономики и был переведен в Службу внешней разведки России. Балабонов встретился с ним случайно: оба участвовали в Форуме глобальной политики НАТО в Брюсселе, хотя и с разными целями. Познакомились. Будущему Чёрному Вею нужны были соратники и верные исполнители. Он присмотрелся к Дехкиеву. Моло-

дой чекист произвел на него хорошее впечатление. Особен-но понравилось Алексею Ридигеровичу знание образован-ным молодым человеком приемов рукопашного боя, сам Балабонов увлекался лишь гольфом. Спустя какое-то время он уговорил президента перевести Дехкиева в Службу безо-пасности. С тех пор они работали вместе, хотя Балабонов и менял места службы. Будучи уже заместителем главы МВД, Алексей Ридигерович легко устроил Дехкиева своим тело-хранителем.

Фатых мало походил на узбека. Его матерью была укра-инка, и он перенял почти все ее черты: круглое лицо, губы сердечком, нос луковкой. Об узбекской крови говорили лишь черные, блестящие как вороново крыло волосы да разрез узких желтых глаз. Однако характером он пошел в от-ца, известного узбекского оппозиционера, и только казался интеллигентно-мягким.

— Садись, — пригласил Алексей Ридигерович поручен-ца. — Докладывай.

Дехкиев бросил взгляд на картину, висевшую за спиной заместителя министра, сел за Т-образный стол. Картина по сути отражала внутреннее отношение Балабонова к челове-честву. На ней была изображена троица, хотя и далеко не святая: первый персонаж убивал кого-то ножом, второй стрелял ему в спину, третий бил дубинкой по голове челове-ка с пистолетом.

— Внешники, — сказал Дехкиев, раскрывая папку.

— Давай, — кивнул Балабонов.

«Внешниками» они между собой называли дела, кото-рые вызывали общественный резонанс и подлежали рас-крытию. Существовали еще и «внутренники» — дела, кото-рые не докладывались министру, и работали по ним спец-группы, подчиненные напрямую Дехкиеву и самому Алексею Ридигеровичу.

— Убийство двух братьев-предпринимателей в поселке Медное Тверской губернии. Преступники почти не остави-ли следов, но шансы на раскрытие высокие.

— Мотивы?

— Единственная версия — зависть. Братья работали с утра до ночи и не хотели ни от кого зависеть.

— Убили местные или залетные?

— По нашей информации, в поселке завелись «народные мстители», решившие обложить данью местных «кулаков».

— Они для нас представляют интерес?

— Вряд ли «мстители» способны работать по команде, они скоро сядут, судя по отмороженным действиям, и мы ничего не выиграем.

— Тогда пусть их найдут, не мешай следствию.

— Слушаюсь. Еще двенадцать бытовух...

— Пропусти, ими пусть занимаются всерьез.

— Слушаюсь. Убийство депутата Жариновского...

— Это дело на контроле у министра, пусть убийц поймают, если это не наши люди.

— Не наши. Он слишком глубоко копнул связи бывшего премьера, и его убрали.

— Дальше.

— Приватизация оборонного объекта в Туле. К сожалению, следствием вскрыты факты прямого подкупа...

— Дальше, это дело на контроле у Генпрокуратуры, я знаю, кто прокололся, но его свои же уберут, чтобы не расстревонил обо всей системе.

— Еще дело «оборотней в погонах»...

— Довести до конца и примерно наказать, пусть все видят, что мы чистим свои ряды и радеем за народ. Все?

— Журналисты «Известий» готовят материал по детской наркозависимости. Похоже, у нас утечка информации, так как ими выявлены практически все места продажи наркотиков и основные тусовочные пункты.

— Данные по Москве?

— В том числе. Накрыты Пушкинская площадь — сбыт анаши, гашиша и марихуаны, Манежная и Лубянка — синтетика, «винт», «марки» и лекарственные «колеса», Цветной бульвар, Патриаршие пруды, Чистые пруды — гашиш, «грибочки», таблетки, Воробьевы горы, Поклонка — марихуана...

— Хватит, все понятно, надо срочно убрать из центра всех поставщиков, система должна работать без сбоев.

— Сделаем. Еще один удар по нашей системе готовит Дума. В соцкомитет поступил материал с анализом коррупции в России на всех уровнях. Правые схватились за него, как за мешок с золотом, и намерены предать гласности.

— Они с ума сошли? — удивился Балабонов. — Глава соцкомитета Яблинский — наш человек!

— Не знаю, у меня на руках только факты.

— Выяснить и доложить! Если это его идея — замочить в сортире! Что в материале?

— Да вся система практически. Все госслужбы, наиболее активные в собирании взяток: ГИБДД — на первом месте, вузы, суды, органы регистрации по месту жительства, военкоматы, агентства по устройству на работу и так далее.

Алексей Ридигерович пригладил ладонью волосы на затылке.

— Кажется, я догадываюсь, чьих рук это дело.

— Чьих?

— Не догадываешься? Давай с трех раз.

— ВЧК.

Балабонов кивнул. Под аббревиатурой ВЧК подразумевалась Вечевая чрезвычайная служба русского Рода, доставившая сети Морока и Черному Вею лично немало неприятностей.

— К сожалению, нам так и не удалось внедрить в их ряды своего человека.

— Надо срочно задействовать чемора.

— Хрисанф стар, ему пора на покой.

— Ничего, послужит еще. Смог же он восстановить Врата.

— Вызвать его?

— Я сам вызову. В апреле в Калуге состоится очередной Сход Союза славянских общин, который будут охранять дружинники ВЧК, надо будет просочиться туда и заморочить одного из дружинников. Хрису это вполне под силу.

— Обычно руководит охраной таких мероприятий кто-нибудь из Витязей.

— Ну и что?

Дехкиев пожал плечами.

— Витязи чуют наших оперов за версту и не проиграли еще ни одного открытого боя.

— Это всего лишь означает, что мы плохо готовим своих бойцов. Сход возьми под личный контроль, да и я помогу. Пора браться за ВЧК всерьез.

— Как скажете.

— Что у тебя по «внутренникам»?

— Мы потеряли одну из ячеек «Хисб-ут-Тахрира» в Тобольске. Я не смог помешать следствию, местные оперативники из антитеррористического центра оказались проворнее. Через две недели суд.

— Что так быстро?

— Тобольский прокурор торопится заявить о себе с целью пойти выше.

— Ячейку всю взяли или кто-то еще остался?

— Захвачены все девять человек, в том числе Азат Сайбаталиев, координатор сети.

— Плохо, надо было хотя бы предупредить исламистов, чтобы действовали поаккуратнее.

— Они и так работали грамотно и тихо, но их кто-то сдал.

— Кто? Свои?

Дехкиев помолчал.

— Не знаю. Может быть, те же родноверцы из ВЧК.

— Найти и доложить!

— Слушаюсь.

Речь шла об одной из организаций «Исламской партии освобождения», сеть которых по всей стране поддерживалась ставленниками Черного Вея для разжигания национальной вражды. Вербовщики этого движения, прошедшие обучение в медресе Башкирии, Татарстана и в спецшколах Тегерана, действительно умели обрабатывать население малых городов России, выбирая в первую очередь неблагополучные семьи, уговаривая людей, склонных к спиртному и наркотикам. Именно этот контингент был наиболее внушаем и легко поддавался «проповедникам», бросая пить и принимая ислам. И именно их легко было натравить на других людей, исповедующих иную веру. Чем слуги Черного Вея и пользовались.

Алексей Ридигерович глянул на часы.

— Что еще? Поторопись, мне надо подготовить доклад министру.

Дехкиев мельком глянул на его руку с черным ногтем на указательном пальце, переложил листочки в папке.

— Нам не удалось переманить на свою сторону господина Фоменко.

Речь шла о председателе правления национального банка «Русь», который поддерживал движение славянских общин и не давал возможности подключиться к денежным потокам системе Морока.

Балабонов нахмурился.

— Он стал нам мешать. Похоже, настала пора действовать радикальнее. Найди исполнителей для... профилактической акции. Фоменко должен сыграть в ящик.

— Насчет этого у меня есть идея. Чемор Костромы Марциан обнаружил там одного из бывших ваших противников, Антона Громова. Его умело подставили, и Громов сейчас сидит в КПЗ по обвинению в избиении мирных граждан в состоянии алкогольного опьянения. Если он не согласится работать на нас, ему грозит заключение от трех до пяти лет.

— Он не согласится.

— Можно попробовать. Мы знаем, где живет его жена с двумя детьми.

— Хорошо, займись этим делом. Потом можно будет поднять крик, что славяне-родноверцы убивают друг друга. Одним ударом убьем двух зайцев: подмочим репутацию славянского Союза и ликвидируем мешающего нам чиновника. Что у нас по иконописцам?

— Убрали пятерых... — Дехкиев не закончил.

— Что мнешься, как красна девица?

— В Чухломе пропали двое наших исполнителей...

— Что значит — пропали? Утонули, сгорели, попали под машину, сбежали за границу?

— Они не вышли на связь. Я послал человека для проверки, он тоже замолчал.

Алексей Ридигерович пожевал губами, подбирав выражение.

— Пошли группу! Езжай туда сам! Исполнители не

иголки, наверняка их кто-то видел. А иконописца они успели нейтрализовать?

Дехкиев виновато опустил голову.

— Неизвестно.

— Так выясни! Даю два дня! Потом полетят головы!

— Слушаюсь, товарищ генерал.

— И последнее. — Балабонов чуть расслабился, в три глотка осушил чашку с остывшим чаем. — Разведка Витязей наверняка признала про Врата. Надо сделать так, чтобы они пошли по ложному следу. Пусть ищут модуль везде, только не там, куда мы его перевезли.

— На Ильмени?

— И не только. Наведите их на Чухломское озеро, на Ладогу, на другие малодоступные места. Пусть повозятся, поищут, пока мы будем готовить выход Господина.

Дехкиев встал, склонил голову.

— Будет сделано. Да придет Тот, Чье Имя Произнесено!

Алексей Ридигерович махнул рукой, включил компьютер.

— Свободен.

Майор вышел.

Компьютер зашелестел вентилятором. На несколько мгновений этот звук усилился многократно, и на вспыхнувшем экране появился алый паучок — иерогlyph вызова Господина. Балабонов коснулся иероглифа пальцем с черным ногтем. Раздался странный звук, напоминающий стон. Паучок заполнил собой весь экран, трансформировался в жуткую морду Зверя, и монитор преобразовался в объемную колышущуюся фигуру — голову монстра, напоминающую драконью и человеческую одновременно. На Черного Вея глянули ало светящиеся узкие глаза Проекции Господина.

Балабонов быстро надел черные очки. Даже он — также одна из «пси-проекций»-вселений Морока — не мог прямо смотреть в глаза Господину.

— Говори! — шевельнулись губы Зверя.

— Все идет хорошо... — начал Алексей Ридигерович бодрым тоном.

* * *

Фатых Дехкиев никогда ни в чем не сомневался. Он мог бы еще два года назад продолжить карьеру разведчика СБР или в крайнем случае дипломата, но, согласившись работать под началом Балабонова и узнав, кто он есть на самом деле, Дехкиев без колебаний начал выполнять его поручения. Не колебался он даже при выполнении «мокрых» дел, относясь к жизни и смерти с философским равнодушием кочевника-азиата, уверенного, что его на том свете ждет обещанный исламскими проповедниками рай. О том, что ждет других людей после смерти, он не задумывался, люди для него стали материалом, необходимым для достижения личных целей. Но и жестоким его назвать было нельзя, просто Фатых Ахметович так жил — вне жизни, не видя бед и горя других людей, прислушиваясь только к своим умозаключениям и руководствуясь в основном физиологическими потребностями. К сожалению, таких людей (которым необходима приставка «не»), формирующих духовный тупик человечества в целом, становилось все больше.

После встречи с эмиссаром Морока в его кабинете в недрах здания МВД Фатых поехал на базу министерства в Барвихе и принял решение решать поставленные Черным Веем задачи. А поскольку он привык выполнять спецоперации по ликвидации неугодных хозяину лиц «многослойно», с подстраховкой, то и последнее поручение по банку «Русь» решил подготовить на двух уровнях.

К вечеру того же дня он встретился с Садыком Сейтаковым, одним из лидеров узбекской преступной группировки в Москве, контролирующей кое-какие рынки и сеть мелких магазинчиков. Встреча состоялась в ресторане «Солнечная долина» на Ленинградском проспекте, в отдельном кабинете, позволяющем «не светить» лиц, с которыми контактировал майор.

— Есть предложение, — сказал Дехкиев, когда они выпили и закусили. — Надо убрать одного несговорчивого банкира.

Сейтаков, пожилой, с виду медлительный, смуглолицый, усатый, с проседью в черных волосах, отложил вилку.

— Не, уважаемый, мы на это не пойдем.

Дехкиев налил себе еще вина — пили грузинское, «Саперави», сделал глоток.

— Надо.

Сейтаков помедлил, налил вина и себе, тоже сделал глоток.

— Хочешь нас подставить? Мы банкиров не режем.

— Этого надо убрать быстро и без шума. Расследованием будет заниматься мой шеф, поэтому никто никого не поймает, гарантирую.

— Все равно это...

— Ты мне должен, Садык, забыл? Кто вытащил тебя из ментовки год назад?

— Знаю и готов отблагодарить, но...

— Вот и отблагодаришь. Банкира надо замочить быстро, через два-три дня. Все данные я тебе дам.

Сейтаков, не торопясь, допил вино, щуря и без того узкие глаза.

— Я деловой человек. Что я буду иметь?

— Много. А главное — нашу «крышу».

— Я могу привлечь наемников?

— Это твоя забота. Дело должно быть сделано, а чьими руками — не важно.

— Хорошо, мы сделаем. Но обещай, что подстражуешь в своих ментовских коридорах.

— Я дважды не повторяю.

— Кто банкир?

— Кирилл Фоменко, председатель правления банка «Русь».

— Не знаю такого. Чем он тебе насолил?

— Не мне — шефу, у них свои расчеты.

— Когда мы его должны кончить?

— Не позднее четверга.

Сейтаков подумал, допил вино, взялся за вилку. Если он соглашался что-то делать, то потом не колебался и не размышлял о необходимости этого шага.

— Что у тебя с пальцем?

— А что? — не понял Дехкиев.

— Ноготь черный.

Майор озабоченно посмотрел на ноготь указательного пальца и пробормотал:

— Ничего... ушиб...

Глава 8

ПАШИН

Он вышел на край поля, чувствуя спиной успокаивающую прохладу леса, посмотрел на полуденное солнце: над полем дрожало марево нагретого воздуха, напоенное ароматами цветущих трав. Захотелось, как в детстве, упасть в траву навзничь и уйти взглядом в синеву небес, раствориться в них. Но было слишком жарко.

Илья шагнул обратно в лес, собираясь окунуться в его живительную тень, и вдруг краем глаза заметил белое пятнышко, возникшее посреди поля. Оглянулся.

По полю шла девушка в белом сарафане.

Екнуло сердце.

Илья раскинул руки:

— Владислава...

Девушка махнула призывающей рукой, побежала навстречу, не приминая травы босыми ногами, быстрая, как ветер, легкая, как дымка, затем свернула и побежала обратно.

Пашин бросился за ней, крича безголосо:

— Слава! Погоди! Это же я! Слава...

Девушка остановилась, искоса глянув на преследователя.

Илья споткнулся.

Это была не Владислава. Очень красивая смуглянка с пунцовыми губами, волосами вразлет, с диким взглядом зеленых глаз, но не его жена.

— Что остановился? — пропела она смешливо.

— Кто ты? — сдавленным голосом проговорил он.

— Аль не узнал? Полуденница я. Иди ко мне, добрый молодец, я тебя не обижу.

Илья мотнул головой, отступил на шаг. Перед глазами поплыл туман, голова отяжелела, ноги налились свинцом.

— Иди своей дорогой...

Девушка откинула головку так, что взметнулись волосы, засмеялась, ее смех перешел в глухой обморочный хохот, она растопырила пальцы с черными ногтями и бросилась к Пашину, превращаясь в уродливую беззубую старуху с черным провалом рта.

Илья дернулся назад... и проснулся в холодном поту, подхватился на кровати с колотившимся о ребра сердцем.

Рассвело. В окно спальни упал первый луч встающего солнца. Пели птицы. Свежий утренний ветерок шевелил занавеску.

Илья мысленным усилием унял сердцебиение, помял лицо ладонью, лег на спину, глядя в потолок. Сон встревожил. Из дальних далей сквозь зыбкое марево памяти на него смотрели глаза Владиславы, вопрошая, куда он подевался. Но ответить ей было нечем. Хотя стоило поднять трубку телефона и позвонить...

Волевым усилием Илья подавил и это желание. Владислава осталась в Москве. Он же теперь жил в Подмосковье, отдельно от жены, хотя до сих пор было не совсем понятно, как это случилось. Ревность взыграла ни с того ни с сего? Или была-таки причина?..

Он бросил взгляд на часы: половина шестого, рано еще, некуда торопиться, — попробовал уснуть, но разбуженная память повела по знакомым тропинкам, увлекла в прошлое, и отстроиться от воспоминаний оказалось непросто. Лишь через час он наконец осилил сам себя и встал. Сделал зарядку, включающую в себя дыхательные практики жизни и тренировку «трансцендентного» зрения: он научился подключаться к зрительным системам насекомых, птиц и зверей и мог теперь смотреть на мир их глазами.

Для эксперимента Илья подключился к поющему на дереве под окном луговому чекану, и с минуту в глазах мелькали искаженные смазанные картины дома, деревьев, каких-то туманных фигур, — в зеленоватом отлеске, с неожиданно четкими вспышечными деталями: птица «автоматически» выискивала пищу (в поле зрения неожиданно на мгновение остановившиеся летающие насе-

комые) и отмечала несущие опасность движения окружающей среды. Ничего особенного не обнаружив, Илья вышел из поля зрения чекана, и тот, замолчав на пару секунд, снова завел свою скрипучую песенку: хи... чек-чек... йе... чек-чек... чиерр...

Уже больше года Пашин после ухода от жены снимал комнату в подмосковных Дубровицах, устроившись в охрану банка «Русь». Сначала он работал рядовым охранником, потом начальником смены, в настоящее же время уже руководил всей охраной и разрабатывал системы мероприятий по пресечению бенчмаркинга.

До прихода в банк Илья не имел ни малейшего понятия, что такое бенчмаркинг. Лишь позже выяснилось, что это обыкновенная конкурентная разведка, основанная на сборе закрытой информации о рынке и работе конкурентов в данной области. Пришла пора и банку «Русь» заняться этой проблемой, поскольку и им занялись мощные финансовые системы, работающие на олигархов и государственные структуры с их полностью коррумпированнойластной вертикалью. А действовали конкуренты очень изобретательно. К примеру, банк «Юфул» заявлял о несуществующей вакансии, предлагал зарплату выше, чем в других банках, и просил рекрутера рассказать о том, чем он занимался на прежнем месте и чего достиг. Естественно, кое-какие тайны работы других банков переходили к работодателям, хотя принимать новых сотрудников тот же банк «Юфул» и не собирался.

Столкнувшись с этой проблемой, глава банка «Русь» Кирилл Иванович Фоменко попросил заняться ею Пашина, и Илья вынужден был изучать непривычный для него сектор деятельности, понимая, что отказываться не имеет права. Да и расписываться в собственном бессилии он не любил.

Уходя от жены, Илья оставил ей все, в том числе и машину. Поэтому в Дубровицы и из Дубровиц в Подольск, где находился офис банка, он ездил на общественном транспорте либо изредка брал такси.

Почему фантазия забросила его в этот старинный рус-

ский поселок, Пашин и сам толком не понял. Встретил приятеля Мишу Зуева, который жил в Дубровицах, тот предложил заехать к нему в гости, так Илья и оказался в Подмосковье, сохранившем постройки старинной помещичьей усадьбы: церковь Знамения Пресвятой Богородицы тысяча семьсот четвертого года, дворец, три флигеля и липовый парк.

Современные Дубровицы расположены у слияния рек Десны и Пахры, в шести километрах от Подольска. Первое же упоминание о селе известно еще с тысяча шестьсот двадцать седьмого года, когда в писцовых книгах появилось сообщение: «В Молоцком стану за боярином Иваном Морозовым старинная вотчина село Дубровицы на реке Пахре». При Морозовых в селе и были построены деревянная церковь Ильи Пророка и усадебный дом. Впоследствии деревянная церковь была разобрана и перенесена, а на ее месте в конце семнадцатого века началось строительство каменного храма.

Усадьба Морозовых на протяжении двух веков переходила из рук в руки князей Голицыных, Потемкиных и фаворитов царей и цариц, пока в тысяча девятьсот девятнадцатом году не стала музеем дворянского быта, просуществовавшим всего восемь лет. Затем экспонаты музея были вывезены в Москву, Серпухов и Царицыно, а в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году здание усадебного дома сгорело и было восстановлено лишь в семидесятом.

Поскольку с тысяча девятьсот шестьдесят первого года в Дубровицах начал работать Всесоюзный научно-исследовательский институт животноводства, то на него и возложили уход за усадьбой. Но церковь была возвращена прихожанам только в девяностом году двадцатого века. С августа две тысячи третьего года на территории усадьбы начались восстановительные работы, которые продолжались и в тот момент, когда в Дубровицы приехал Пашин.

В принципе усадьба и являлась главной достопримечательностью поселка, выросшего на береговых склонах Пахры и Десны. Сам поселок был невелик, но и в нем уже появились современные дома и коттеджи, принадлежащие

подольской знати. Миша Зуев, приятель Ильи, бывший путешественник-экстремал, к «знати» не принадлежал, Дубровицы просто были его родиной. Здесь жили его праотцы и прадеды, и от них сохранился столетний деревянный двухэтажный дом, не слишком красивый и шикарный, но добротный и уютный. Правда, Илья прожил у приятеля всего полгода. Потом устроился на работу в банк в Подольске и снял квартиру в тех же Дубровицах, чтобы ни от кого не зависеть.

Холодный душ взбодрил. И Илья занялся завтраком.

Когда лишних денег не водилось (да и бывают ли они, «лишние» деньги?), он в летние месяцы собирал зелень: крапиву, щавель, чеснок, укроп, — добавлял вареное яйцо, майонез и делал изумительно вкусные салаты. А потом так пристрастился к ним, что и в нынешние «сытные» времена питался в основном тем, что мог собрать или купить на местном рынке. К примеру, в четверг он сварил себе отличный свекольник с кефиром и ел два дня. А в субботу изготовил салат из одуванчиков, ингредиентами которого стали кедровые орешки, листья одуванчика и салата, петрушка, вареное яйцо, майонез и цедра лимона. Соль, как говорится в таких случаях, — по вкусу.

Нынешний завтрак (понедельник, девятнадцатое июня, по прогнозу — жара под тридцать, грозовые ливни) прошел под знаком «легкого недонасыщения». Илья съел творожную закуску: творог, сметана, мелко порезанный зеленый лук, укроп, петрушка и ягоды земляники, — запил лимонным чаем и отправился на работу.

Дом, в котором он снимал квартиру, стоял недалеко от нового здания Института животноводства, за которым начиналась территория конного двора с красивыми каменными арчатыми стенами. Миновав двор, Пашин влезся в худенький поток сельчан, спешащих к автобусам, полюбовался резным каменным фасадом церкви Знамения со скульптурами апостолов у основания столпа храма и сел в автобус, за четверть часа довезший его до центра Подольска. Выходя из автобуса, он почувствовал спиной чей-то прицельный взгляд, оглянулся, но увидел лишь спину человека в монашеской рясе, скрывшегося в толпе горожан.

Сердце потревожил укол совести: вспомнилось расставание с Антоном Громовым и Валерией три года назад, после известных событий на озере Ильмень. Поначалу они пerezванивались, потом перестали. Где-то Гром сейчас? Почему не напоминает о себе?

Сам-то давно их вспомнил? — с укоризной проговорил внутренний голос. Был же в Москве неоднократно, почему не заехал?

Надо будет позвонить, виновато отозвался Илья.

Не просто позвонить — найти, навестить, узнать, как дела, и, может быть, помочь.

Почему ты думаешь, что Гром нуждается в помощи?

Интуиция.

Илья кивнул. Интуиция действительно подсказывала ему, что у Антона не все благополучно в жизни. Его надо было отыскать.

Внимание привлекло движение на дороге. Машины скопились у светофора, заполнив все четыре ряда. А между ними медленно пробирался мотоцикл с двумя седоками в шлемах. Вели они себя необычно: нервно вертели головами и зачем-то осматривали каждую машину. Затем тот, что сидел впереди, вынул из-под себя бейсбольную биту.

Удар по боковому стеклу бежевой «КИА Соренто». Стеклянные брызги! Сидевший сзади мотоциклист нырнул в разбитое окно, выдернулся из машины кейс. Водитель дал газ...

Это были барсеточники, избравшие для достижения цели самый простой метод: разбить стекло автомашины, схватить с сиденья сумочку или дипломат и скрыться на мотоцикле. Наверное, они бы так и ушли с кейсом, так как ни ограбленный водитель, ни его коллеги в других автомашинах не успели бы даже выскоичить. Однако, на беду «шумахеров», им пришлось податься вправо, чтобы обехать автобус и миновать перекресток, где стоял Пашин.

Тело сработало само собой, без подсказки сознания. Илья сделал шаг вперед и точным движением толкнул руль мотоцикла. Мотоцикл — отличной динамики ровер «Судзуки» — занесло, водитель не справился с управлением, слиш-

ком резко вывернув руль, и «Судзуки» упал на бок. Оба «шумахера» с воплями покатились по асфальту.

К счастью, это произошло в тот момент, когда один поток автомобилей остановился, а поперечный еще только трогался с места по указке светофора.

Мотоцикл врезался в бампер «Газели». Автомобили разом замерли.

Неудачливые грабители, вскочив на ноги, попытались оседлать своего «коня», но не успели. Выскочивший из «КИА» владелец кейса и спешащий к месту аварии постоянной патрульной службы подскочили к мотоцилистам и скрутили обоих.

— Вот гады, что делают! — раздался негодующий женский голос. — Средь бела дня на бедных мальчиков набрасываются!

Илья оглянулся на возмущенную «несправедливостью» женщину средних лет, пышнотелую, в золоте, с сигаретой в руке, встретил взгляд одного из мужчин, оказавшегося свидетелем нападения грабителей на автомобилиста.

— Шкворень им в диафрагму! — проворчал мужчина. — Подонки в коже! Сколько уже таких случаев было. А эта дура их защищает!

— Кто дура?! — взвизгнула дама.

— Она не разобралась, — мягко сказал Илья.

— Зачем же крик поднимать? — Мужчина нехорошо посмотрел на женщину. — В свидетели пойдете, гражданка?

— Что ты... а? — не поняла пышнотелая. Потом сообразила, что ее оппонент может оказаться штатским сотрудником милиции, и быстро пошла прочь.

— И все ушло в свисток, — ворчливо добавил мужчина.

Илья засмеялся, кинул взгляд на сцену с задержанием и продолжил путь.

В девять часов утра он был уже в банке. Из своего маленького кабинетика позвонил управляющему.

— Зайди, Илья Константинович, — ответил ему Фоменко. — Есть разговор.

Пашин проверил состояние систем охраны банка, пере-

кинулся парой слов с дежурным по смене, заглянул в компьютер и направился к председателю правления.

Кириллу Ивановичу Фоменко исполнилось тридцать семь лет, то есть на семь лет меньше, чем Илье. Где он работал раньше, Пашин не знал, да и не интересовался. Было известно лишь, что Фоменко закончил московский иняз и какое-то время участвовал в организации Российского движения против нелегальной иммиграции. И только потом стал одним из основателей национального банка «Русь».

Выглядел Кирилл Иванович по-спортивному подтянутым, жилистым, энергичным, а на вопрос Пашина: каким видом спорта он занимается? — ответил как-то с улыбкой:

— Я автогонщик.

Впрочем, он наверняка не был чужд физкультуре и поддерживал себя в хорошей физической форме. Именно поэтому он отказывался от личного телохранителя, несмотря на разгул в стране терроризма.

— Доброе утро, — встал он из-за стола, протягивая Пашину руку; на управляющем был белый костюм без галстука и черная рубашка, на лацкане пиджака красовался серебристый значок в форме молнии. — Присаживайся, Илья Константинович. Как дела?

— Нормально, — ответил Илья, мимолетно вспомнив свой подутренний сон. Разгадать, что сей сон означает, пока не удалось.

Они сели. Фоменко нажал клавишу селектора.

— Маша, принеси нам кофе.

— Мне минералки, Кирилл Иванович.

— И боржоми. — Фоменко подвинул на краешек стола красную папочку. — Почитай на досуге, Илья Константинович.

— Что это?

— Кое-какие документы, факты и аргументы... — Он замолчал, улыбнулся. — В рифму заговорил. Ты знаешь, чем я занимался до нынешней службы?

— Нелегальная иммиграция.

— Верно. А кроме этого, еще и деятельностью разного рода религиозных сект на территории России. Здесь — дан-

ные мониторинга по количеству и роду деятельности и по воздействию сект на российский народ. Кроме того, еще и программа ликвидации сект.

— Интересно, — подвинул к себе папку Илья.

Зазвонил телефон. Фоменко снял трубку.

— Слушаю... да, на месте... сегодня же... говори...

Илья раскрыл папку, полистал с любопытством. О сектах на территории России он не только знал не понаслышке, но и сам участвовал три года назад в ликвидации одной, исповедующей католический культ Морока, извратившей священные символы русского ведизма, в том числе — удивительной силы и жизни символ фаллоса. В папке же лежали документы, раскрывающие суть деятельности чуть ли не двух сотен сект, мракобесных и католических в том числе, и лишь сейчас Пашин вдруг осознал масштабы сети Морока, опутавшей сектантской паутиной весь мир.

Внимание привлекла секта под названием «Мрак».

Сердце сбылось с темпа.

Вспомнились бои с хх — служителями Храма Морока на берегах озера Ильмень. Как давно это было... и как недавно — всего три года назад! А он ведь практически ни разу не вспомнил об этом! Почему? Отчего? Кто закрыл заслонку памяти, перекрыл канал воспоминаний? Непонятно... Морок, затмение... Он бы и не вспомнил, если бы не эта папка с документами. Может быть, секта «Мрак» как-то связана с культом Морока?

Илья долистал папку, остановился на программе ликвидации сектантства.

«Депортировать все нелегальные секты с территории России. Процедуру депортации осуществлять за счет самих сект, как правило, поддерживаемых финансово из-за рубежа.

Максимально ужесточить местное и федеральное законодательство, принять специальный федеральный закон по борьбе с особо опасными сектами, использующими в своей практике психотронную технику и специальные психолингвистические практики.

Создать в каждом регионе страны органы наблюдения за деятельностью сект...»

— Заинтересовался? — отвлек Пашина от чтения вопрос управляющего, закончившего разговор по телефону.

— Да, — кивнул Илья, откладывая папку. — В свое время я сталкивался с сектантской деятельностью, это и в самом деле очень опасная хрень.

— Согласен, — белозубо засмеялся Фоменко. — Эта «хрень» действительно весьма опасная зараза. Организаторы сект играют на самых низменных чувствах людей — эгоизме, зависти, лени, желании иметь все и не работать, — вбивая в головы послушников басни о том, что они, как некогда библейский Иисус, готовы взять их грехи на себя. А людям нравится, с них сняли ответственность за любой поступок, и теперь всем разрешено грешить, лгать, воровать, обманывать, подличать. Мессия все равно простит, только покайся.

Илья слушал, удивляясь горячности управляющего банком, которому вовсе не обязательно было заниматься подобными вещами. Но Фоменко неожиданно открыл с другой стороны, и Илья невольно подумал: уж не связан ли Кирилл Иванович с Витязями Родовой защитной службы?

Фоменко остро посмотрел на собеседника.

— Думаешь, у нас ничего не получится?

Илья закрыл папку, подумал.

— Радикальными методами с этой бедой не справиться. Нужен институт воспитания...

— Ты не дочитал. О воспитании в этом документе тоже есть свои положения. Слышал что-нибудь о деятельности родноверческого Союза славянских общин?

Илья кивнул.

— Читал... и кое-кого знал в свое время.

— Деятелями Союза уже разработана программа патриотического воспитания молодежи и создана сеть школ. Одна из них известна уже лет десять.

— Школа Щетинина...

— Значит, и ты слышал, что уже само по себе хорошо. Но кроме школ Щетинина работают еще и семинары Холошли, и школа Родноверия, Коляда, круг Бора и другие. Однако проблема глубже и опасней, вот почему необходим

мы наравне с воспитательными радикальные меры. И очень нужно, чтобы настоящие заступники нашего Рода принимали в таких делах активное участие.

Илья поймал умный, с хитринкой взгляд управляющего, подумал: уж не знает ли он, что я посвящен в Витязи? И не для того ли завел разговор о сектах? Что, если он послан Георгием, чтобы напомнить о правах и обязанностях заступников и Витязей?

— Извини, Илья Константинович, что гружу тебя с утра чужими заботами, — погасил свой оценивающий взгляд Фоменко; слово «чужими» он выделил интонацией. — Но мне необходимо знать твоё мнение.

— Я обязательно прочитаю, — пообещал Пашин.

— Ну и славно. Во времени не ограничиваю, когда прочитаешь, тогда и поговорим. А пока у меня к тебе просьба. — Кирилл Иванович вдруг смущился. — Мои коллеги почему-то решили, что мне позарез необходима личная охрана. Если бы это предложил кто-то другой, я бы просто посмеялся, но все они — опытные и мудрые люди, поэтому...

— Понял, — кивнул Илья. — Не проблема.

— Приставь ко мне на какое-то время кого-нибудь из наших парней, кому ты доверяешь.

— Телохранитель — профессия иного плана, нежели охрана объекта. Первое время я сам вас посопровождаю, пока не найду подходящую кандидатуру, а потом посмотрим.

— Договорились, — с облегчением сказал Фоменко; впечатление было такое, будто он боялся, что Пашин откажется. — Командуй парадом. Что я должен делать в первую очередь?

— Пока ничего, — улыбнулся Илья. — Просто предупреждайте меня заранее, куда собираетесь ехать и с кем встречаться, остальное по ходу дела. И дай бог, чтобы никакого «дела» не случилось.

— Да кому я нужен? — развел руками Фоменко. — Ни крутых коттеджей, ни крутых машин, ни счета за бугром... И тем не менее спасибо за согласие.

— Не за что. — Пашин встал, взял папочку. — Жду распоряжений.

До конца дня он занимался своими рутинными делами, изучал тактику агентов бренчмаркинга, переписывался с коллегами по электронной почте и прикидывал варианты охраны «клиента», которым неожиданно стал для него управляющий. В семь часов вечера Фоменко сообщил ему, что едет домой.

— Я готов, — ответил Илья.

В начале восьмого они покинули офис банка, занимавший почти весь первый этаж трехэтажного здания в центре Подольска, на улице Царицынской (в здании, кроме банка «Русь», арендовали помещения еще несколько крупных контор), и Пашин сел за руль фоменковской «Ауди-6» пятилетней давности.

— Я сам поведу, — заикнулся было управляющий.

Но Илья остался непреклонным:

— Вот теперь вам придется выполнять все мои требования, Кирилл Иванович. Садитесь сзади и предоставьте мне действовать по своему плану.

— Хорошо. — Фоменко устроился сзади. — Хотя и не привычно чувствовать себя пассажиром, а уж тем более VIP-персоной.

— Ну, для подобных ощущений нужен джип с охраной. Фоменко засмеялся.

— Ты прав. Хотя на джип я не претендую.

Отъехали от здания банка, и тотчас же Илья заметил двинувшуюся за ними серую «Нексию». Заговорила интуиция. Сам собой включился режим «сторожевой паутины». Илья стал замечать мельчайшие детали обстановки и предугадывать появление любых препятствий и задержек на пути следования.

Он попробовал прибавить газу.

«Нексия» слегка отстала, но тут же умело сократила разрыв. К тому же следом за ней держалась как приклеенная еще одна легковушка — седан «Хендэ Соната», и Илья окончательно убедился в том, что за ними увязался «хвост».

— Кирилл Иваныч, у вас есть друзья или приятели, имеющие серую «Нексию»?

Фоменко почесал за ухом.

— Вроде бы нет.

— А серебристую «Хендэ Сонату»?

— Тоже нет. А в чем дело?

— Нас преследуют именно эти тачки, причем, по-моему, без номеров.

Фоменко оглянулся.

— Не оглядывайтесь, — предупредил Илья. — Держитесь покрепче, попробуем ехать в режиме стрит-рейсинга.

«Ауди» резко увеличила скорость, обогнала крайний левый ряд потока по встречной полосе и проскочила светофор на желтый свет. Машину подбросило на вспучившемся асфальте, мелькнули оранжевые робы сидящих на бордюре дорожных рабочих.

— В России две беды, — проворчал Фоменко, — и одна из них вечно ремонтирует другую.

Илья на шутку не ответил.

«Нексия» и «Хендэ» отстали. Но Илья продолжал выживать из мотора и из дорожной ситуации максимум преимуществ, зная, что преследователи также постараются сделать все, чтобы не отстать. За время работы в банке он успел неплохо изучить город и знал, где может попасть в пробку, а где нет. Поэтому не просто крутил барабанку, а с таким расчетом, чтобы его маневры максимально затруднили преследователям путь и, с другой стороны, не сбили саму «Ауди» с дороги домой.

Фоменко жил на окраине Подольска, в районе водной станции на Пахре, всего в десяти километрах от центра города. «Ауди» пролетела это расстояние, с учетом зигзагов и поворотов, за шесть минут.

— Я думал, что никто не гоняет быстрее меня, — сказал управляющий с восхищением, — но ты меня превзошел! Никогда не участвовал в гонках?

— Приходилось... неофициально.

— Понятно. — Фоменко оглянулся. — Отстали? Может быть, ты ошибся?

Илья загнал машину во двор пятиэтажки, где жил управляющий.

— Быстро выходите!

Фоменко посерезнел, выбрался из кабины.

— А ты?

— Я подожду здесь немного и присоединюсь. Есть кто дома?

— Жена с дочкой отдыхают в Крыму, у родственников, теща на даче, так что я один. Лето...

— Это хорошо. Будьте готовы вызвать милицию.

— Что, так серьезно?

— Боюсь, более чем.

— А можно, я позвоню друзьям?

— Зачем?

— У них собственная служба безопасности...

— Не служба защиты Рода случайно? — вспомнил Илья Витязя Георгия.

— Я не знаю, как она называется на самом деле, ребята охраняют разные объекты славянских общин...

— Звоните!

Фоменко кивнул, помедлил немного, скрылся в подъезде.

Илья расслабился на несколько мгновений, пребывая в состоянии «сторожевой паутины». Мелькнула мысль, что он напрасно поднял тревогу, затеял гонки по Подольску и преследователи ему только померещились. Однако через полминуты во двор влетела серая «Нексия», и все встало на свои места. Преследователи существовали реально.

Илья дождался, пока «Нексия» остановится в двух десятках метров от «Ауди», рванул дверцу и взял темп.

Такой прыти от него никто не ждал.

В кабине «Нексии» сидели трое: смуглолицый водитель с сигаретой в зубах, в майке на загорелом торсе, и два амбала с одинаковыми квадратными физиономиями, один — славянской внешности, стриженный «под ноль», второй — узбек или казах, оба в черных футболках. От них несло пивом и опасностью, исходившей от обоих невидимым, но ощутимым облаком: оба были вооружены.

Во двор медленно въехала серебристая «Соната».

Счет пошел на доли секунды.

Илья рванул дверцу машины со стороны заднего седока,

нащупал у него под мышкой кобуру и в два движения — футбольку вверх, ладонь на рукоять — выдернул пистолет («макаров-2М», весьма неплохая машинка). Только после этого парень лапнул свое оружие, но получил удар пистолетом в нос и отвалился к другой дверце, потеряв сознание. Илья спихнул его дальше, влез в машину, сунул дуло пистолета в могучую шею начавшего разворачиваться амбала на переднем сиденье.

— Замри!

Оглянувшись водитель протянул было руку к бардачку, но Илья ткнул его пальцем левой руки в шею, и тот отшатнулся, ойкнув и теряя сигарету изо рта, напомнив известную басню о вороне с куском сыра и лисице.

— Сидите тихо! Будете шебуршиться — сдам всех в милицию инвалидами! Подними руку с пистолетом вверх! Медленно! Возьми пистолет двумя пальцами. Так. Протяни мне, медленно!

Амбал на переднем сиденье повиновался, понимая, что шансов выстрелить первым у него нет.

Илья взял пистолет левой рукой («Волк-2», классный шмалер!), направил дуло в бок водителя.

— А теперь быстро отвечайте на вопросы, причем истинную правду, как на исповеди. Кто вас послал следить за Фоменко?

Водитель и его спутник переглянулись.

Илья уловил этот мгновенный обмен взглядами — не лохи сидят, хотя и не профессионалы спецслужб, — выстрелил из «макарова» таким образом, чтобы пуля прошла между седоками и застряла в двигателе.

Оба вздрогнули в испуге: выстрел в кабине с закрытыми дверями и стеклами прозвучал оглушающе, хотя вряд ли был слышен снаружи, нейтрализуемый внешними городскими шумами.

— Ну?!

— Бек... — просипел водитель.

— Кто это?

— Бугор...

— Имя, фамилия!

- Садык... Сейтаков...
- База?
- Что?
- Судя по всему, вы не местные, птицы залетные, где базируетесь?
- В Москве... рынки пасем...
- Зачем вам Фоменко?
- Бек приказал... мы исполняем...
- Приказал что? Следить? Напугать? Замочить? Быстро говори!
- Замочить...
- За что?
- Мы не знаем... он встречался с кем-то... из органов...
- С кем?
- Не знаю... — Водитель отвел глаза.

Бандит рядом с Ильей начал приходить в себя, черноволосый, смуглый, с усиками, и Пашин безжалостно послал его в нокаут еще раз.

- Считаю до трех! Раз... два...
- Я его совсем не знаю, падлой буду! — заторопился водитель. — Видел два раза... это какой-то фитилистый мент, Бек назвал его Фатых...

Илья боковым зрением отметил движение серебристой «Сонаты», заторопился.

— Возвращайтесь на базу, господа мокрушники, и передайте своему боссу, что, если он хочет жить, пусть оставит банкира в покое. Иначе я лично заеду к нему на хазу и устрою пожар! И пусть не надеется на «крышу»! Мы этого тихаря из органов — Фатыха найдем. Я доходчиво объясняюсь?

— Ты же один... — не выдержал стриженый амбал, обнаруживая недюжинные аналитические способности.

— Это вы видите одного, — усмехнулся Илья. — А если внимательно присмотритесь к пейзажу, то увидите как минимум три ствола, любующихся вашими рожами. Ну так как, договорились или мне для вящей убедительности надо кого-то списать в расход?

Илья передернул затвор «Волка».

Это подействовало.

— Мы обрываемся...

— Отлично! Эй, коллега, достань-ка пушку из бардачка, — обратился Илья к амбалу. — А то она покоя не дает твоему напарнику. Медленно, рукоять вперед.

Стриженый передал пистолет — еще один «макаров», но старый, образца семидесятых годов прошлого века.

Илья разрядил его, бросил под водительское сиденье.

— А эти пушки я заберу с собой. Звони коллегам в подъехавшей «Сонате».

— Кому? — сыграл удивление водитель.

Илья ткнул пистолетом ему в ухо.

— Не клей казака! Звони! Скажи им, пусть уезжают.

Водитель достал мобильник, набрал номер:

— Муся, сваливаем отсюдова... Да не бузи, тут все схвачено, локш потянули.... Встретимся на шиве, у моста... Не, нас тихарь пасет, фишку рубишь?!

Серебристая «Соната» тронулась с места, выехала со двора.

— Дай трубу, — сказал Илья. Взял мобильник, нажал несколько кнопок. — Второй, я Первый, проследи за серебристой тачкой... задерживать не надо... я уже выпуливаюсь. Конец связи.

Илья стер набранный номер из памяти телефона, кинул трубку водителю.

— Свободны! Пока. Еще раз увижу ваши рожи или замечу слежку — спущу всех своих собак! Уяснили?

Оба бандита дружно кивнули. Действия, манера держаться и переговоры Пашина произвели на них впечатление.

Илья вылез из «Нексии», сунул пистолеты под мышки, под рубашку, показывая, что готов пустить их в ход в любую секунду.

«Нексия» с трудом развернулась во дворе и уехала.

А Илья трезво подумал, что теперь придется работать по прикрытию Кирилла Ивановича всерьез, по полной программе, иначе неведомого Садыка Сейтакова по кличке Бек не остановить.

Кто-то посмотрел ему в спину. Он резко обернулся.

К нему вдоль шеренги автомашин подходил пожилой мужчина в обычной летней одежде, с простым русским лицом, отмеченным сеточкой морщин под глазами и у губ, чем-то похожий на все того же Георгия, Витязя на службе Рода. Сверкнули голубые глаза, на губах обозначилась легкая улыбка.

— Илья Константинович?

— Здравствуйте, — пробормотал Пашин, догадываясь, что это приехали друзья Фоменко, которым тот позвонил.

Глава 9

ЗВУКИ МУ

В Москву Максим летел счастливым человеком. Во-первых, он успешно сдал выпускные экзамены. Во-вторых, его официально уведомили, что он принят солистом в Московский оперный театр.

В-третьих, ему удалось без особых эксцессов расстаться с подругой, которая намеревалась женить его на себе. Любовь прошла, но Соня упорно не хотела этого понять и добивалась своего, пока окончательно не стало ясно, что они ошиблись друг в друге.

Расставание получилось грустным, а душе стало легче. Судьба свела их два года назад и развела. Как шутил приятель Максима Коля Молок: на свете есть лишь одна женщина, предназначенная тебе судьбой, и, если ты не встретишь ее, ты спасен.

Конечно, Максим отметил свою удачу, причем дважды — в кругу семьи и в компании друзей. Однако уже во вторник, двадцать второго июня, его посадили в Архангельске в самолет, и он полетел в Москву, радостно предвкушая искусы столичной жизни.

Рядом с ним оказался молодой парень, ровесник Бусова, веселый и жизнерадостный. Они познакомились. Парня звали Валерием, а работал он барменом и жил в Москве.

— Родичей навещал, — сообщил он. — В Архангельске живут.

Разговорились.

Валерий пожаловался на чиновников городской управы, затеявших волокиту с документами на приобретение участка на берегу Белого моря.

— Хочу коттеджик себе финский поставить, — признался бармен. — А они устроили чехарду с хождением по мукам. И каждый норовит подчеркнуть свою власть. Мзду не берут, боятся, много их таких посадили за взятки, но и дело не продвигается. Знаешь, сколько они в среднем получают в месяц?

— Нет, — качнул головой Максим.

— Больше пятидесяти тысяч! Депутаты законодательного собрания, кстати, еще больше. А зарплата учителя равна всего двум-трем тысячам. Улавливаешь разницу?

— Откуда ты знаешь?

— Мой друг работает учителем в гимназии. Да и я, между прочим, — Валерий чуть смущился, — заканчивал пединститут. А работаю барменом.

Взлетели. Стюардессы начали разносить напитки. Максим взял томатный сок, Валерий заказал минералку. Одет он был модно, в летний костюм песочного цвета в тонкую частую полоску и в дымчатую кисейную рубашку. На шее не крестик на цепочке, как поначалу показалось Максиму, а какой-то серебристый значок в форме ладошки. И пахло от него не потом, а дорогим лосьоном. Лицо загорелое, овальное, прямой нос, карие глаза, прямые губы, твердый подбородок. Парень наверняка нравился девушкам и знал об этом. А вел себя просто, достойно, не переступая грани все-дозволенности и всезнайства.

Максим невольно опустил глаза на свои белые брюки и остался доволен. Он тоже любил хорошо одеваться, и ему это доставляло удовольствие. Лишь одно обстоятельство мешало ему жить: ему часто говорили — с лучшими намерениями, разумеется, — что он похож на известного шоумена Николая Баскова. А Максим хотел быть похожим на самого себя и не быть в тени великих и не очень предшественников. Именно поэтому он старался поддерживать себя в хо-

рошой физической форме, чтобы быть стройнее, и красил соломенные от рождения волосы в темный цвет.

— Значит, ты теперь будешь петь в оперном, — заговорил Валерий, получив минералку. — Это хорошо. А на эстраду не хочешь?

— Нет, — коротко ответил Бусов.

— И правильно. Попса, она и есть попса. Мне даже иногда жалко становится, что многие наши звезды с великолепными голосами опускаются до песен, смысл которых укладывается в три слова, а музыкальный диапазон до двух нот. Жить-то где собираешься?

— Еще не знаю, — сконфузился Максим. — Обещали помочь с квартирой. Поживу пока у знакомого.

— А давай ко мне? — предложил неожиданно Валерий. — Я один, живу в двухкомнатной, в центре, на Тверском бульваре, прямо напротив культурного центра «Старый Свет», не бывал там?

— Нет.

— Рядом ресторан «Пушкинъ». Ну ладно, это не главное. Я тебя свожу туда, хороший центр построили, умеют и наши возводить современные дворцы. Согласен?

— Ну, не знаю... — замялся Максим, вспоминая, что его собираются встретить люди из родноверческого Союза, приходившие к нему еще зимой. — Неудобно...

— Как раз удобно, да и тебе в театр ходить недалеко, три остановки на троллейбусе или одна на метро.

— Не люблю стеснять...

— Говорю же, я живу один, никого ты не стеснишь, да и веселей вдвоем.

— Почему ты один? А родители, жена?

— Это квартира деда, контр-адмирала в отставке, он умер три года назад, а квартиру мне оставил.

— Повезло.

— Это как сказать. Я деда сильно любил, классный был мужик, с характером, он меня и воспитал. Лучше бы он жил еще.

— Извини...

— Да ничего, все путем. — Валерий оживился. — А хочешь, расскажу, на чем зарабатывают бармены?

— Разбавляете водку водой? — улыбнулся Максим.

— Те, кто разбавляет спиртное водой, просто не умеют работать. Если что-то мутишь, надо делать это не в ущерб качеству. К примеру, ежели коньяк разбавить подкрашенной водой, он сразу теряет запах и сильно меняет вкус. А если водкой — одни плюсы. В дорогой коньяк нужно доливать именно водку, а в чеке пробивать самый дешевый, и навар получается до тысячи рублей со ста граммов. Или еще пример: кладем в шейкер пять кубиков льда и наливаем туда не пятьдесят граммов вискаря, а тридцать пять, так будет казаться, что там все семьдесят. Представляешь?

— Круто!

— Так же и с разными коктейлями: не доливаешь по пять-десять граммов — и уже в наваре. Есть разница цен и в водке. Берем «Флагман», а продаем как «Русский стандарт», навар — от трехсот рублей со ста граммов.

— А если кто-нибудь различит вкус?

— Есть такие гурманы, — согласился Валерий, — но мы для них держим водку в морозильнике, тогда вкус разных сортов практически неразличим.

— Я не знал, — удивился Максим.

— Я тоже, — засмеялся Валерий, — до того, как устроился на работу в баре. Да мы и на мелочи неплохо зарабатываем, на сдаче, на попкорне, на кофе, на пепси-коле.

— Каким образом?

— Колу делаем из сиропа и воды со льдом. С кофе тоже все просто. Неопытный бармен нальет одинарный и чек пробьет как одинарный, а сумму назовет за двойной. Это грубо: клиент запросто может глянуть в чек. Просили двойной — мы и пробиваем двойной, а наливаем одинарный. Вот уже и чашка лишняя, которую можно смело продавать без чека.

— Лихо!

— А еще лучше принести свой кофе, и торгуй — не хочу. В общем, секретов много, надо лишь работать по-умному.

— А если все-таки поймают?

— Бывали такие случаи, — кивнул Валерий смущенно. — Кого штрафовали, кого увольняли, но я везучий. — Он засмеялся, подмигнул. — Да и не наглею.

— Я бы вообще не смог так... — пробормотал Максим.

— Мне тоже так казалось, — пожал плечами бармен. — Да жизнь заставила. У меня сестренка младшая болеет — белокровие, деньги постоянно нужны. Правда, мне обещали помочь...

— Кто?

— Познакомился недавно... Говорят, у них лекари есть особенные, любой недуг излечивают.

— У меня отец врач, — сказал Максим. — Могу попросить.

— Спасибо, не надо пока. Если не помогут, тогда я к тебе обращусь. Ну, а ты как дошел до консерватории? Поешь хорошо?

Максим порозовел. Показалось, что в голосе соседа прозвучала нотка пренебрежения.

— Почему... не только пою... изучаю систему строев, ладов, гармоний и мелодики... звуковые модули...

— Это еще что за зверь?

— В основе многих звуковых систем лежит интервал квинта, она и является своеобразным звуковым модулем, с помощью которого структурируется звуковое пространство, образуется оригинальная музыкально-кристаллическая решетка, которая организует высотные преобразования звука.

— О! Мои знакомые тоже говорили о звуках, что их можно создавать как геометрические фигуры и передавать без потерь и искажений на большие расстояния.

— Звуковые солитоны.

— Что?

— Ну, это такие одиночные устойчивые волны.

— В общем, тоже интересная вещь. Один из них как-то продемонстрировал этот самый... солитон. Не поверишь — звук отскакивал от потолка и стен как мячик!

Максим вспомнил знакомство с волхвом Иннокентием, который обещал научить его «петь телом». Может быть, речь идет об одном и том же человеке?

— Как зовут твоих знакомых?

— Андрей Дормидонтович и Георгий.

Максим с интересом посмотрел на Валерия, хотел было спросить, как они выглядят, но постеснялся.

— Я тоже знаком с одним Георгием...

— Да сколько их по России, — отмахнулся бармен, потом хохотнул: — Хотя почему бы им не быть родственниками?

Стюардессы стали разносить завтраки.

Разговор прервался.

После завтрака молодые люди поговорили еще о столичных тусовках, знатоком которых был Валерий, об автомобилях — кто какие предпочитает, и самолет совершил посадку в аэропорту «Шереметьево-1».

— Как будем добираться? — спросил Максим. — Тачку возьмем?

— Нас будут встречать, — ответил Валерий уверенно.

Это «нас» зацепило внимание Бусова, но ненадолго. Они вышли в зал прилета, и к ним тотчас же подошел мужчина средних лет в сероватых льняных штанах и такой же рубашке. Максим с удивлением признал в нем Георгия, спутника волхва Иннокентия.

— Вы?!

Георгий усмехнулся.

— Такова воля обстоятельств. Познакомились?

— Все нормально, — сказал Валерий, глянув на спутника с некоторым смущением. — Он согласился жить у меня.

— Ну и славно. Идемте к машине.

— Это он? — посмотрел вслед Георгию Максим в замешательстве. — Ты о нем говорил?

— А ты?

Они посмотрели друг на друга.

— Мир тесен! — сказал Валерий менторским тоном.

Максим засмеялся, почувствовав странное облегчение. Он понял, что знакомство с барменом состоялось неспроста и являлось оно частью плана, разработанного волхвом и Георгием еще зимой.

Они догнали Георгия, вышли из здания аэропорта, сели

в голубую «Ладу-114». Георгий сел рядом с водителем, таким же пожилым с виду, как и он. Максим с Валерием устроились сзади. «Лада» пересекла линию шлагбаума, выехала на дорогу, соединяющую аэропорт с Ленинградским шоссе.

— Как долетели? — обернулся Георгий.

Максим ответить не успел. Машину с ревом обогнал джип «Лендкрузер» и резко подал вправо, подрезая «Ладу».

— Прянь! — бросил Георгий незнакомое слово.

Но водитель «Лады» оказался не менее крутым гонщиком и успел отреагировать на маневр джипа, мгновенно выворачивая руль вправо, спасая машину от столкновения, и затормозил. Джип проскочил буквально в сантиметре от бампера «Лады», вильнул влево-вправо, вынуждая «Ладу» остановиться. Остановился сам.

Водитель и Георгий обменялись быстрыми взглядами.

— Неужели БАЗа? — проговорил водитель.

Из джипа выскочили трое парней в черных брюках и белых рубашках, похожие друг на друга, как зубы из рекламы зубной пасты. Они размахивали руками и что-то кричали, показывая на правый бок «Лендкрузера».

— Чиркачи, — растерянно и в то же время авторитетно сказал Валерий. — Вот повезло!

— Какие чиркачи? — не понял Максим.

— Подстава! У нас это до сих пор модно. Чиркачи нарочно подставляются, а потом вынуждают платить за ремонт своих машин.

— Мы же их не задели, — недоверчиво посмотрел на него Максим.

— А им по фигу! У них наверняка уже есть царапины или вмятины на корпусе, да и менты прикомлены. Сейчас кто-нибудь подъедет и подтвердит, что это мы виноваты. Что будем делать, дядя Жора?

— Посидите, — спокойно сказал Георгий, вылезая. Подошел к джипу.

Парни бросились к нему, возбужденно тыкая пальцами в бок «Лендкрузера». Один подбежал к «Ладе», словно для того, чтобы показать место удара, однако водитель «Лады» тут же сдал назад, не давая ему приблизиться.

— Они специально мажут бампер краской и делают царапины, якобы от столкновения, — добавил Валерий.

Георгий в это время что-то сказал. Максиму показалось, что он услышал слово «молнь» или что-то вроде этого.

Галдеж на дороге стих. Парни замерли, выпучив глаза, опустили руки. Георгий похлопал их по плечам, двинулся обратно к машине. По пути ухватил за локоть третьего, прятавшего правую руку за спиной, дунул ему в ухо — так это выглядело со стороны, и тот неожиданно упал. Георгий сел в машину.

— Поехали.

«Лада» обогнула джип, увеличила скорость.

— Что вы им сказали? — в один голос воскликнули Максим и Валерий, сгорая от любопытства.

— Посоветовал сменить профессию, — все так же невозмутимо ответил Георгий.

— Думаешь, не БАЗа? — Водитель бросил взгляд на зеркальце заднего вида.

— Непохоже.

— Что такое «база», дядя Жора? — полюбопытствовал Валерий.

Витязь помолчал, также поглядывая на боковое зеркальце, достал мобильник:

— Олег, пробей джип «Лендкрузер» с номером «три девятки» и позвони.

Спрятал мобильник, повернулся к седокам на заднем сиденье.

— БАЗа — это аббревиатура слов «безадресная защита».

— Что они означают?

— Вам это пока знать ни к чему.

— А почему упал тот, третий, что к нам подходил?

— От ветра, — серьезно сказал Георгий, подмигивая Максиму.

Валерий фыркнул.

— Действительно, от чего же еще? Научили бы своим приемчикам.

Георгий не ответил, поглядывая в зеркальце.

Валерий повернулся к соседу.

— Ну что, струхнул?

— Немного, — улыбнулся Максим.

— Я тоже. Не люблю попадать в такие разборки. Чувствуешь себя полным идиотом, а сделать ничего не можешь.

— Странно, что они не стали качать права, доводить комедию до конца.

— Это дядя Жора их уговорил, — понизил голос Валерий. — Он знает такие приемы, что не поверишь, если сам не увидишь. Хочу набиться к нему в ученики. А ты каким-нибудь видом борьбы не владеешь?

Максим отрицательно качнул головой, с уважением глянул на спину несуетливого, спокойного в нутре него Георгия. Присутствие этого человека, несмотря на его вовсе не героический вид, умение владеть собой внушали спутникам уверенность и безмятежность.

Свернули на старое Ленинградское шоссе, по-прежнему забитое потоками машин, хотя уже давно было открыто движение по новой — скоростной трассе. Однако «Ладе» удалось миновать все пробки, и через час Максима и Валерия высадили в центре Москвы, на Пушкинской площади.

— Устраивайся, — сказал Георгий Максиму. — Запомни мой мобильный. — Он продиктовал номер. — В случае чего сразу звони. Вечером встретимся, поговорим, если не возражаешь.

«Лада» исчезла.

Максим в некоторой растерянности повернулся к Валерию.

— Не переживай, певец, все путем, — засмеялся тот. — Я знаю этого человека недавно, но он всегда появляется в нужный момент и добивается своего.

Он же Витязь! — хотел сказать Максим, но вовремя прикусил язык: бармен мог не знать, кем являются его новые знакомые, а выглядеть в глазах Георгия трепачом не хотелось.

Вскоре Валерий не без гордости показывал Бусову свою квартиру.

Максим же рассматривал интерьеры и убеждался в том, что гордость бармена имеет основания.

— Сам делал? — полюбопытствовал он, озираясь.

— Нет, что ты, — махнул рукой Валерий. — Это все родной дядя Иван придумал, он столяр и работает в бригаде строителей-ремонтников. Когда я переехал сюда, они мне ремонт и сделали, качественно и дешевле, чем другим. Нравится?

Максим рассеянно кивнул.

Квартира бармена была отделана деревом всех видов и оттенков — от почти белого до почти черного. Но выглядело это потрясающе! Особенно поразили Максима ажурные перегородки из янтарной сосны и мебель — из обожженного до светло- и темно-коричневого цвета клена. Плюс изумительного рисунка «пейзажи» на досках пола.

— Бук, — топнул ногой Валерий, довольный произведенным на постояльца впечатлением. — Дядька Иван сам рисунок подбирал. Он классный столяр, все стулья и полки изготовил собственноручно.

— Здорово! — искренне похвалил квартиру Максим. — У твоего дядьки хороший вкус.

— А теперь смотри. — Валерий щелкнул выключателем.

В стенах и в потолке зажглись звездочки, соединенные световыми пунктирчиками, плавно меняющими цвет по закону радуги. Комнаты волшебно преобразились, превратившись в пещеры сокровищ.

— Что это?!

— Светодиоды и оптико-волоконные жилы, это уже мое творчество. Ночью будет видно лучше.

— Блеск!

— Правда? — обрадовался польщенный похвалой хозяин, смущенно дернулся за вихор. — А дядька говорит — эклектика.

— Нет, очень красиво!

— Тогда давай переоденемся, помоемся с дороги, бросим вещи, и я тебе покажу столицу.

Они так и сделали. В квартиру же Валерия вернулись только поздно вечером, к одиннадцати, посетив несколько кафе, торговый центр на Манежной и только что открывшийся культурный центр «Старый Свет», о котором гово-

рил Валерий. Собственно, с него они и начали поход по Москве, изнывающей от июньской жары.

О том, что такой центр существует, Максим услышал по телевизору. Но в нем он не был ни разу. Поэтому с восторгом неофита воспринял и соединение в едином комплексе выставочных и конференц-залов с антикварными магазинами и рестораном, и богатые интерьеры центра, оформленные в рокайльной¹ и неоклассической стилистике. Максим готов был часами рассматривать потрясающие по красоте орнаменты, тончайшую резьбу по дереву, роспись по серебру, патинированные золотые поверхности скульптур, картины с кракелюрами и многое другое, но непоседливый Валерий ждать приятеля не захотел. Пришлось ограничиться часовой прогулкой по «Старому Свету» с заходом в ресторан, в баре которого, как оказалось, и работал Валерий.

Максим, естественно, из вежливости похвалил ресторан, чем окончательно расположил к себе бармена. Однако ему и в самом деле понравилась атмосфера центра, ненавязчиво погружающая посетителей (в том числе посетителей ресторана и бара) в культурную среду, по сути — в музей, наглядно воспитывающий вкус и отношение к русской старине, память о которой старательно стирали и затушевывали те, кто был в этом заинтересован.

Побывал Максим и в Оперном театре, месте своей будущей работы. С трепетом ступил он под своды фойе с его мраморным полом, колоннами и каменными панно на стенах.

Сначала охрана не хотела пускать в театр молодых людей, но после объяснений Бусова, что он просто хотел бы «подышать воздухом оперы», им милостиво разрешили заглянуть в зал, чьи стены слышали всех знаменитых мастеров вокала на протяжении двух веков.

— Не хочешь спеть? — предложил Валерий, когда они

¹Рокайль (от фр. rocaille — раковина) — орнамент в виде раковины, а также во втором значении стиль в архитектуре и декоративном искусстве.

подошли к оркестровой яме перед сценой. — Проверить акустику, так сказать.

— Зачем? — смущаясь Максим. — Здесь великолепная акустика, я знаю.

— Как хочешь, — пожал плечами Валерий. — Надеюсь, ты меня пригласишь на концерт?

— Не на концерт... я буду петь в опере...

— Не все ли равно, где петь?

— Конечно, не все равно.

Валерий глянул на сдвинувшиеся брови Бусова, засмеялся.

— Извини, я не хотел тебя обидеть. Конечно, в оперу не пригласят кого попало. Во всяком случае, наша попса здесь не поет.

К вечеру, искалесив центр Москвы, Максим осоловел и с трудом добрался до квартиры Валерия. Более привычный к таким походам Валерий, видя состояние приятеля, отправил его в ванную, а сам заварил чай. Однако, искупавшись и выбравшись в халате на кухню, Максим обнаружил там кроме хозяина еще двух гостей: Георгия и пожилого с виду мужчину ненамного старше самого Георгия. Впрочем, первое впечатление оказалось ложным. Впоследствии выяснилось, что спутнику Витязя по имени Иннокентий, которого он называл *п о т в о р н и к о м*, исполнилось сто пятьдесят лет.

— Ну, вы тут посидите, — сказал Валерий, поднимаясь со стула, — чайку попейте, а я пойду искуплюсь.

— Вы хотите поговорить со мной? — догадался Максим, с трудом удерживаясь от зевка; он расслабился после ванной и хотел спать.

Георгий посмотрел на спутника.

— Он не в тонусе.

Иннокентий усмехнулся, заглянул в глаза Бусова.

— Сейчас мы ему тонус поднимем.

В голове прошумел морозный ветерок, и Максим с удивлением почувствовал прилив сил. Голова прояснилась. Сон отступил. Кровь побежала по жилам энергичней.

— Что вы... сделали?! — прошептал Максим.

— Сняли морок, — серьезно ответил Иннокентий. — Спать хочешь?

— Н-нет! Кто... вы?

Иннокентий покосился на Георгия.

— Он летописец Рода, — сказал Витязь. — Тот, кто знает истинную историю славянства, Рода русского и вообще человечества. Зимой мы с ним кое-что рассказали тебе, приоткрыли завесу тайны, сегодня, накануне Купалы, хотелось бы дать тебе еще часть знания.

— Зачем?

Гости переглянулись.

— Хороший вопрос, — проговорил Иннокентий, глядя на Бусова с легкой озабоченностью. — Не ошиблись ли вы, ратники, с избранником?

Максим покраснел, осознав, что своим дурацким вопросом породил в душе потворника-летописца тень сомнения.

— Не ошибается только лежачий камень, — философски откликнулся Георгий. — Хотя я уверен, что мы не ошиблись. Просто он еще молод и полон уверенности, что живет правильно.

— Может быть, свозить его в Калугу, на празднование Купалы? Он многое бы взял, да и очистился бы здраво.

— Предложи.

— Поедешь? — спросил Иннокентий, продолжая изучать Максима прищуренными светло-серыми глазами.

— Почему в Калугу? — пробормотал Максим.

— Потому что это место ближе всего к Москве. Празднование проводит Союз славянских общин, на капище Гамаюнщина под Калугой, завтра вечером, со среды на четверг.

— Мне это необходимо?

— Кто знает? Нам кажется — да.

— Что это за праздник в будний день? — Максим уловил усмешку в глазах Иннокентия, заторопился: — То есть я слышал про Ивана Купалу, конечно, но не очень интересовался...

— Потому что люди не знают ни своих корней, ни тра-

диций. Морочение народа достигло максимума. Большинство не знает подлинной истории отечества, ты не исключение. А празднование Купалы в ночь летнего солнцеворота ведется не один век и не одно тысячелетие. Это один из древнейших священных дней годового Коло, когда Солнце входит в полную силу, когда юноша Ярило становится мудрым мужем Даждьбогом. Только имя Иван присоединили к Купале уже в христианские времена, когда церковные люди приурочили к нашему светлому празднику свой — день Иоанна Крестителя.

— Я не знал...

— Большинство твоих сверстников в таком же положении. Но ты изъявил желание поглубже узнать истинную Славянскую летопись, поэтому я пришел поговорить с тобой перед тем, как ты начнешь учиться видеть Правду.

Максим перевел взгляд на Георгия.

— Мне обещали... научить петь «всем телом»...

— Так и будет, — кивнул Витязь. — Но перед тем, как начать изучение благозвучия, ты должен узнать Гамаюновы песни, пробуждающие людей от сна.

— Какого сна?

— В нашу лютую эпоху, — усмехнулся Иннокентий, — миром правит владыка снов Сивый Мориан, он же Морок, слуга Чернобога. Люди живут выдуманной им жизнью.

— Откуда вы знаете?

— Мы — хранители Традиции, иногда еще добавляют — Северной, имея в виду, что русский Род селился на Севере задолго до того, как родились южные роды славянства, в том числе Киевская Русь. Но об этом мы еще поговорим, дадим почитать нужную литературу. Мы же являемся посредниками, несущими свет знания во тьму невежества.

— Светлые... — пробормотал Максим, не удержавшись от иронии.

Иннокентий и Георгий посмотрели на него с одинаковым чувством гордого превосходства и терпеливого смирения одновременно.

— Мы их посланники. Истинно Светлые не живут в больших городах, где власть Морока сильна, они не высту-

пают по телевидению и не выходят к митингующим толпам. Да и начни они говорить, толпа их не услышит, зазомбированная слугами Морока, а идеологи толпы суть его слуги, они легко вывернут их слова наизнанку. Но они есть и они служат Роду, поддерживая традиции и не рядясь в псевдостаринные одежды. Ты готов их выслушать?

— Я... не знаю... — тихо произнес Максим. — Вы рассказывали о Мороке... о русских богах... но в школе нас учили другому... к тому же я некрещеный и не верю в... богов.

— Вера — не знание, ее легко поколебать. А то, что ты некрещеный, это не беда. Христианская религия базируется на ложных постулатах, которые вдалбливались в головы людей на протяжении двух тысяч лет, поэтому с ними трудно бороться.

— Почему ложные? — поднял взгляд Максим.

— Потому что лукавый христианский бог проповедовал учение, ведущее падших к дальнейшему их падению, якобы «для их спасения». Может, вспомнишь библейское: не согрешишь — не пokaешься, не пokaешься — не спасешься? Разве из этого постулата не следует прямое «грешите ради спасения»?

— Ну... я не думал...

— А ты подумай. Людям настойчиво предлагается план «восхождения» в духе: чтобы идти вверх, нужно идти вниз, в пропасть греха, и временами каяться, чтобы не мучила совесть, будучи уверенным, что поднимаешься вверх. Именно этот тезис и многие другие взяты на вооружение Мороком и его холуями, отчего Россия-Русь и живет сегодня во грехе.

— Разве Библию писали слуги Морока?

— И это хороший вопрос. Отвечу так: христианизация Руси была спецоперацией агентов Морока, чтобы скрыть истину — кто командует парадом. То есть в данном случае Морок спрятался за спину христианского мессии и стал недоступен. Истинную же его сущность заменили два мифа: первый — о мессии, которым стал Иисус Христос, второй — о «варварстве» русского народа, пребывавшего до христианизации «в диком состоянии». Хотя на самом деле летопись русской цивилизации насчитывает не меньше одиннадцати

тысяч лет, а если считать с предками-гиперборейцами, то и все сто тысяч. Кстати, Тибетская черная традиция самой древней религии Бон является отзвуком культа Морока. Но это тема отдельного разговора. Мы же хотели побеседовать с тобой о другом.

— О чём?

— Во-первых, о пантеоне русских богов. Во-вторых, о создании сети Морока и его целях. Или тебе это неинтересно?

— Интересно! — сказал Максим искренне. — Хотя я читал... в детстве...

— Ну-ка, припомни, что именно.

— Кажется, был такой бог Перун, еще Сварог... богиня Макошь...

— Все?

Максим порозовел.

— Был еще Хорс... и Дашибог...

— Не даш, а Даждь, — поправил Георгий.

— Что ж, какие-то познания у тебя есть, — сказал Иннокентий без насмешки. — Это радует. Однако они неточны и скучны. Над всеми богами русского пантеона царит Вышний, или иначе Род. Он вне Времени, над Пространством, над Вселенной, над борьбой и покоем, Владыка Прави. Белобог и Чернобог — исполнители его Воли, отвечающие за Состязание, поддерживающее развитие мира. Сварог — созидающий Лик Вышня, Дый или Дэв — Секира в руках Вышня, Перун — Десница. В материальном мире противостоят друг другу Велес и Дый, в духовном — Черный бог и Белый. Именно их противостояние и порождает круговорот материи и духа.

— А Морок?

— Морок — слуга Чернобога, указывающий слабым душам путь в Небытие.

Максим задумался, машинально приглаживая волосы.

— Но тогда получается, что... Морок и Чернобог... полезны?!

Георгий и Иннокентий снова обменялись взглядами.

— Ты задаешь хорошие вопросы, предреченнник, — ска-

зал Иннокентий. — Они уже являются ответами. Добавлю, однако: в мире должно царить Равновесие. Если из него убрать Тьму, то не станет и Света. Поэтому нужен баланс сил. К сожалению, этот баланс ныне нарушен в пользу Тьмы, от того все наши беды. Власть на Земле захватил Морок. Наступила ночь Сварога, опустошающая души людей.

— Вот почему так важно не допустить, чтобы Морок вернулся в наш мир, — добавил Георгий.

— Разве он... ушел? — не понял Максим.

— Три года назад мы...

— Погоди, Витязь, — перебил спутника Иннокентий. — Рано еще сему отроку знать конкретику. Азы постичь надобно.

— Согласен, — не стал возражать Георгий.

— А вопрос можно? — робко спросил Максим.

— Разумеется.

— Почему вы решили просветить меня? Я же только... — Максим пошевелил рукой, — певец, не физик и вообще не ученый. Не интеллектуал, в общем.

— Это большое заблуждение, — сказал с улыбкой Иннокентий, — что разумность или интеллект — основной принцип организации жизни. Выстроить счастливую жизнь «по уму» не удалось ни предкам, ни современникам. На фоне удивительных достижений научно-технического прогресса все очевиднее вырисовывается тупик цивилизации. Рост психических расстройств, наркомании, преступности — особенно суициального терроризма, бездуховности, наконец, приобрел эпидемический характер. Да и сам человеческий интеллект начал сдавать. Все больше проблем с усвоением школьных программ у детей. Все меньше творческих прорывов у взрослых, особенно в поэзии, литературе, человеческознании.

— Вы хотите сказать, что это все — из-за переизбытка интеллекта? — недоверчиво сказал Максим.

— Скорее из-за недостатка духовности. Избитая истина, но — истина! Природу надо постигать не только разумом, но сердцем.

— А Морок? В чем его влияние?

В кухню заглянул Валерий, по пояс голый, с мокрыми волосами.

— Все еще беседуете? Тогда я пошел спать.

— Можешь присоединиться к нам, не помешаешь.

Валерий нерешительно глянул на циферблат настенных часов, почесал макушку, махнул рукой.

— Ладно, послушаю. Только чаю попью.

Иннокентий посмотрел на Максима:

— Ты готов слушать дальше?

— Да! — ответил Максим.

Глава 10

В ДОВРЫЙ ПУТЬ

Было грустно расставаться с церковной мастерской, в которой он писал иконы для монастырей под началом иероят Артемия. Отец Артемий пестовал молодых художников и иконописцев, взяв на себя обязанности учителя и наставника. Однако он был человек мудрый и быстро отвлек Данилу, пришедшего проститься, от его переживаний.

— Вот ты говоришь — друзья, друзья, не хочется терять друзей, — сказал Артемий. — А готов ли ты бежать сломя голову другу на помощь, не по умственному решению, а по зову сердца, не раздумывая?

Данила хотел ответить утвердительно, но встретил оценивающий взгляд иероята и вдруг понял, что тот прав. Таких друзей, которым он мог бы довериться полностью и ради которых побежал бы куда угодно без раздумий, среди сверстников у него не было. Школьные приятели были, девушка, о которой он вздыхал по ночам, была, а друзья так и не появились.

— Желаю тебе обрести таких друзей, — перекрестил его Артемий. — Тогда и жизнь сложится иначе.

Дома — Данила уже привычно называл дом дяди Василия Иваныча своим — он собрал все свои рисунки и картины, упаковал в специальный плотный пакет; их следовало везти в Москву, чтобы показать на конкурсных экзаменах в

институт. А вот иконы пришлось оставить. Все они были написаны на досках, и везти в столицу два десятка деревянных икон было бы слишком тяжело.

Данила расставил иконы на диване и на столе, постоял перед ними в задумчивости. Он знал, что греческие иконописцы используют для икон кипарисовые доски, он же писал их на липовых. Наклеивал мездровым kleem на лицевую сторону будущей иконы паволоку — льняную ткань, выдерживал неделю для придания нужной крепости, готовил левкас — смесь клея и мела с добавлением олифы. Накладывал слой левкаса на паволоку и полировал после высыхания.

Этой технологии его обучил Артемий, ею же Данила пользовался теперь самостоятельно.

Продолжалась работа над иконой следующим образом.

На доску наносился рисунок, золотился фон иконы, nimбы святых, и только после этого иконописец приступал к живописи. Краски брались натуральные, изготовленные по стариным рецептам: яичный желток плюс природный пигмент, дающий определенный цвет. Красный, к примеру, Данила делал из киновари, привозимой из Крыма, другие — из различных минералов, истолченных с водой до состояния мельчайшего порошка.

Заканчивалась работа нанесением на икону слоя олифы, из-за чего комната Данилы, да и весь дом Василия Ивановича пропахли запахами красок и особенно олифы.

Главным делом, конечно, было не техническое исполнение иконы, а написание лиц, искусству которого иконописцы обычно учатся всю жизнь. Но у Данилы был природный дар художника, поэтому он писал лица с изумительной достоверностью, поражающей всех, кто знакомился с его творчеством. Лики получались «неземные», без «красивости» и перегруженности второстепенными деталями, но приносящие покой и умиротворение.

Данила поколебался немного и все-таки сунул в чемодан одну небольшую иконку с изображением русского святого Рукаты, о судьбе которого ему рассказывал волхв Всеслав. Руката совершил подвиг, сохранив Голубиную Книгу — летопись земли Тверской, да и вся его дальнейшая

жизнь была подвижнической, отмеченной служением народа. Однако отец Артемий, увидев эту икону, приnahмурялся, назвал Рукату язычником и посоветовал Даниле писать только канонических церковных святых. Данила промолчал. У него было свое мнение, кого считать истинно святыми людьми.

Собрав иконы в старинный деревянный сундук, он поставил его в чулан, достал дощечки с рунами, также разложил на диване. Всего было вырезано на дощечках двадцать рун, но только десять из них с в е т и л и с ь, то есть несли внутри себя некий сакральный смысл и обладали энергией. Остальные получились красивыми, геометрически правильными, но силой не обладали. Однако Даниле было жаль потраченного труда, руны ему нравились (новоруны — как называл их Георгий), и выбрасывать их он не стал.

Полюбовался руной СВА, несущей смысл сияющей силы небес, излучающей ощутимое тепло, потрогал пальцем руну У-УШ — Любовь, отозвавшуюся тонкой вибрацией. Все они были так или иначе связаны с буквами русского алфавита, и все были с о в е р ш е н н ы, соединяя прошлое с настоящим и будущим. Еще когда Данила только начинал резать руны, Георгий принес ему свиток с нарисованными на нем буквами В е л е с о в и ц ы — самой древней системы русской письменности и сказал, что современный русский язык и алфавит — лишь остатки могучей магической Системы Управления Миром. Сами же руны были всего-навсего «руськымы писмены», своеобразными пиктографическими ключами выхода на те или иные параллельные реальности и силы Вселенной. Но только спустя три года, изучив символику русского, арабского, коранического и китайского языков, вырезав два десятка рун, Данила понял, насколько Георгий был прав. В древние времена люди могли словом творить чудеса.

Нынешний же язык допускал не только искажение смысла древних слов, несущих силу, свет и добро, но и ругань, мат, при злоупотреблении которым у людей начинались проблемы со здоровьем, ведущие к гормональным нарушениям. Об этом Даниле говорил учитель Нестор Буди-

мирович, не употребивший в жизни ни одного бранного слова. Впрочем, Данила никогда не ругался и сам, выделяясь этим в кругу школьных приятелей. В школе же ругались даже девчонки младших классов, не говоря о старших, считающих употребление матерных выражений вполне естественным делом.

Собрав руны в холщовый мешок, Данила уложил его на дно чемодана, накрыл вещами и одеждой. Огляделся, вдруг осознавая, что больше сюда не вернется. Его ждала неведомая жизнь в столице и полная неожиданных приключений дорога. Хотелось, чтобы эти приключения были интересными и добрыми.

В памяти всплыл образ Маруси Линецкой.

Данила вздохнул. Прощание с Марусей получилось теплым, но не таким, каким он себе его представлял. Девушка хорошо относилась к нему, однако точно так же дружила и с другими парнями, не выделяя никого. Сердце Маруси было свободно, но места в нем для молодого художника не оказалось. Впрочем, надежда у него оставалась. Маруся собиралась поступать в московский мединститут и дала ему телефон родственников, у которых она должна была остановиться.

Еще раз вздохнув, Данила взял чемодан и вышел в горницу, где его ждали хозяева.

Полчаса ушло на советы и наставления, на которые не скучились Василий Иванович и Вера Андреевна, искренне сожалевшие, что племянник уезжает. Его потискали, поцеловали, всучили сумку со снедью, и Василий Иванович провез племянника на вокзал. Решили, что Данила сначала поедет в Москву, подаст заявление в институт, устроится в общежитии, а уж потом на пару дней съездит домой, в Парфино, где его с нетерпением ждали мама, отец и сестренка.

Нестор Будимирович пришел провожать ученика к поезду.

— Помни, о чём я тебя предупреждал, — сказал он, пожимая Даниле руку. — Ты многому научился, но главное — не приемы боя, а чувство меры, точное знание того, когда и где применять свою силу.

— Я помню, учитель.

— Лютый бой, которому я тебя учили, это лишь часть общей системы адекватного реагирования на жизненные ситуации. Будешь терпелив и настойчив, тебя найдут учителя не чета мне.

Данила, ощущая неловкость, кивнул. Вспомнил, как ездил в апреле с Нестором Будимировичем в Калугу, на Сход славянских общин, где учитель демонстрировал на ристалище свое ратное умение. Победить его не смог никто, хотя для участия в воинских состязаниях приехали умелые бойцы со всех уголков России и из-за рубежа. Правда, потом Даниле учитель признался, что есть Витязи, с которыми и ему не справиться.

— Георгий? — поинтересовался Данила.

— И он тоже, — улыбнулся Нестор Будимирович.

Объявили посадку. Данилу еще раз обняли по очереди родственники, похлопал по плечу Нестор Будимирович, сказав, что он, к сожалению, не сможет проводить его, но Данилу в Москве встретят нужные люди, и Данила сел в вагон. Через несколько минут вокзал Чухломы скрылся за поворотом дороги.

Зашемило сердце. Что-то ждет его впереди?..

В купе заглянул небритый парень в майке с изображением Карла Маркса на груди, сказал кому-то сзади:

— Здесь.

Из-за его спины выглянули еще две такие же физиономии.

Данила и какой-то старичок-путешественник в полотняном костюме песочного цвета, сидевший напротив, переглянулись.

Небритый «Маркс» втащил в купе большую полосатую сумку, за ней другую, глянул на старичка.

— Выträхнись отсюда покудова.

Старичок встопорщил брови.

— Вы мне?

— Тебе, тебе. Дай сумки устроить.

— Повежливее нельзя? — не выдержал Данила.

— Чего?! — повернулся к нему «Маркс». — Ты-то чего встреваешь, пацан? А ну, выträхивайся вместе с ним, пока я

укладываться буду. Молоко на губах не обсохло, а уже учить начинаешь.

— Пойдем, мил-человек, — поднялся старичок. — С хамом лучше не связываться.

— Ты чего сказал, дед? — удивился небритый. — Это я хам?! Сам ты говно, бабай обтюханный! Вылезай быстрей!

Он протянул руку, собираясь вытолкнуть старика из купе.

В следующее мгновение Данила привстал, перехватил его руку, вывернул за спину, заставив «Маркса» ойкнуть и согнуться, выставил его в коридор.

— Постойте здесь, подумайте, потом извинитесь и уложите вещи.

Спутники небритого, ошарашенные случившимся, застыли как истуканы, переводя взгляды с него на обидчика и обратно.

Данила отпустил руку, шагнул в купе, смущенно улыбнулся в ответ на благожелательно-заинтересованный взгляд старичка.

— Извините...

— Благодарствую за заступничество, — старомодно поклонился старичок. — Я сам виноват, спровоцировал его на грубое деяние. С такими людьми лучше не начинать полемику.

Грубость — остроумие дураков, вспомнил Данила изречение¹ Нестора Будимировича.

— Ах ты, тля сопливая! — опомнился «Маркс», бросаясь на Данилу с кулаками. — Да я же тебе ухи пообрываю!

Данила уклонился от удара в голову, не представляя, что делать дальше, — драться не хотелось, душа требовала иного решения, — но условия поведения диктовал не он, надо было каким-то образом выходить из положения.

Он снова перехватил руку небритого, уложил его лицом на полосатые сумки, заблокировал второй рукой удар приятеля «Маркса», втиснувшегося в купе на помощь, и ткнул его согнутыми пальцами руки в солнечное сплетение. Парень икнул, согнулся, держась за живот, закатил глаза.

¹Андре Моруа.

— Прекратите! — проникновенно сказал Данила, с трудом выдергивая запахи пива, пота и перегара. — Не будете хамить, никто вас не тронет.

— Отпусти! — прощедил сквозь зубы «Маркс». — Больно...

В купе хотел пролезть третий приятель усмиренных, но наткнулся на посветлевший предупреждающий взгляд Данилы и вздрогнул, останавливаясь.

— Каратист, что ли?

— Отпусти, гад! — снова взмолился «Маркс».

— Мы договорились?

— Тебе расписку написать?

Данила отпустил небритого. Тот помог подняться приятелю, оба выбрались из купе.

— Ловко вы их, молодой человек, — похвалил старишок. — Какой системой ратного искусства владеете, если не секрет?

— Лют, — коротко ответил Данила, жалея, что ввязался в драку. Хотя, с другой стороны, иначе поступить он не мог. Как говорил учитель: я могу все понять и все простить, кроме хамства и лжи. И все же сосед прав, ситуацию, наверное, можно было разрешить иначе, мирным путем.

— Пойдемте, поговорим спокойно в коридоре, — предложил старишок, излучавший странное доброжелательное спокойствие. — Пусть они уложат свои вещи.

Небритые расступились, пропуская их. «Маркс» вошел в купе, запихал одну сумку на верхнюю багажную полку, вторую под сиденье, вышел, и все трое сели в соседнее купе, поминутно выглядывая и о чем-то переговариваясь.

Данила и попутчик вернулись на свои места.

— Стало быть, в стольный град едете, экзамены сдавать? — проявил недюжинную проницательность старишок. — В какой институт, ежели не секрет?

— В художественный, — ответил Данила с некоторым стеснением.

— Художник, стало быть?

— Я в основном иконы писал... но и пейзажи тоже могу... и портреты...

— Это хорошо, нужное дело, — закивал старичок. — Я вот все больше по кулинарной части споспешествовал, да на пенсии теперь, трудно у плиты стоять. А раньше поваром работал.

— У меня отец здорово готовит, — поддержал разговор Данила, постепенно расслабляясь. — Много старинных рецептов знает.

— Главное не рецепты, — поднял вверх палец стари-
чок. — Главное — правила и приемы приготовления. Вер-
нуться к технологиям кухни столетней, а тем паче двухсот-
летней давности невозможно. Вся среда другая, флора и
фауна, а вот культуру еды поддерживать надо. Увлекаться
же заморскими рецептами, экзотическими блюдами не
след, национальная кухня потому и национальная, что со-
ответствует определенному народу и месту жительства.

Данила с любопытством посмотрел на собеседника.

— Вы говорите... как профессор.

Старичок приподнялся, прижал руку к груди.

— Позвольте представиться: Афанасий Кузьмич Вален-
нок, потомственный кулинар, по образованию — ботаник,
доктор наук. А вас как звать?

— Данила... Ломов.

— Очень приятно.

Они обменялись рукопожатиями. Старичок снова заго-
ворил о кухне, потом заметил рассеянность слушателя и
махнул сухой ручкой:

— Не думайте о них, молодой человек, не стоят они на-
шего гнева. Так вот, я утверждаю, что самая скверная кухня
выработалась у городских низов в начале прошлого века.
Выбравшись из деревни в город, они отталкивались от всего
деревенского и пытались перенять приемы приготовления
пищи городских верхов. Получилось нечто совершенно ди-
кое...

В купе заглянула небритая физиономия, исчезла.

— Тут оне...

На пороге возник сержант милиции, невысокий, худой,
узкоплечий, с выдающимся брюшком, окинул старичка и
Данилу равнодушным взглядом.

— Что же это вы, граждане, безобразничаете? Жалуются на вас пассажиры. К людям пристаете, деретесь. Ваши документы, молодой человек.

Данила покраснел, глянул на Афанасия Кузьмича, достал паспорт.

Милиционер бегло просмотрел документ, стукнул им себе по ладони, перевел взгляд на Данилу.

— Придется пройти со мной.

— Я ни в чем не виноват! — возмутился Данила. — Они сами первыми начали...

— Разберемся. Пройдемте!

— Э, мил-человек, — встал кулинар, остро посмотрел в бесцветные глазки сержанта, — зачем же безвинных виноватыми делать? Ступай себе с миром, мы тут сами разберемся,тишком да ладком. Тебе отдохнуть надоально, устал, поди, от безделья, болезный. Ступай, ступай, а документ верни.

Милиционер протянул Даниле паспорт, осоловело посмотрел по сторонам, словно соображая, что он тут делает, покачнулся, с трудом выбрался из купе.

В коридоре забубнили мужские голоса, стихли. В проеме двери мелькнула удивленная небритая морда, за ней другая, но войти в купе попутчики Данилы и старичка не решились. Сонный вид стража порядка и его отказ «утихомирить хулиганов» произвели на них сильное впечатление.

Афанасий Кузьмич сел на место, прищурился.

— На чем мы остановились?

— На городской кухне, — пробормотал Данила, также ошарашенный легкостью, с какой «божий одуванчик» разрядил обстановку.

— Ах, да, — всплеснул руками кулинар. — Это какие-то необучаемые люди, ленивые и неграмотные. Вообще падение культуры еды связано с тем, что все стремятся брать готовое, полуфабрикаты, и не хотят тратить время на приготовление необходимых природных ингредиентов. Отсюда и болезни желудка, и отсутствие радости...

Данила слушал, кивал, соглашаясь, но его не покидало ощущение, что он уже встречал этого старичка. И лишь много позже, укладываясь спать, он понял, в чем дело: от

Афанасия Кузьмича исходила та же теплая, благожелательная и в то же время непреклонная сила, что и от Георгия. Да и держались эти столь разные люди одинаково: просто и с достоинством.

Больше приключений не было до самой Москвы.

Небритые попутчики зашли в купе ночью, когда Афанасий Кузьмич и Данила уже спали, тихо легли и тут же уснули. Храпели, конечно, да и запах от них исходил тот же — помоечно-спортивный, но с этим пришлось мириться.

Поезд прибыл на Ярославский вокзал столицы в шесть часов утра.

Прощались сердечно.

Афанасий Кузьмич пожелал Даниле успешно сдать приемные экзамены в институт, посоветовал относиться к еде серьезно и дал телефон, по которому его можно было найти. Куда он подевался потом, Данила не понял. Кулинар исчез, словно в воздухе растворился. Однако Данила тут же забыл об этом. К нему, озирающемуся у вагона с чемоданом в руке, подошел Георгий, и художник вздохнул с облегчением. Все же он ни разу в столице не был и остаться один на один с большим городом опасался.

— Как доехал? — спросил Георгий, глянув на чемодан.

— Нормально, — ответил Данила, постеснявшись рассказывать ему об инциденте в вагоне.

— Попутчики не обижали?

Данила поймал взгляд Витязя с веселыми искорками и догадался, что тот каким-то образом прознал о том, что случилось.

— Не...

— Вот и славно. Сам донесешь?

— Он нетяжелый.

— Тогда пошли к машине.

Из вагона вылезли помятые небритые молодцы с полосатыми сумками, громко переговариваясь. Увидев Данилу с Георгием, они умолкли. Георгий окинул их внимательным взглядом, направился по перрону к вокзалу.

На привокзальной площади их ждала белая «Верба», последняя модель «Жигулей» спортивного вида, водитель ко-

торой, неопределенных лет, как и Георгий, помог им уложить в багажнике чемодан. Устроились на заднем сиденье, и «Верба» отправилась в путь.

Поскольку Данила ни разу не видел столько больших зданий и такое количество машин, он с любопытством завертел во все стороны головой, и Георгий, видя это вполне оправданное любопытство, стал подсказывать, по каким местам они едут и мимо каких архитектурных памятников и достопримечательностей проезжают.

Двигались медленно, центр Москвы был забит потоками автомобилей до предела, и лишь знание водителем уличек и переулков, а также дворов и проездов спасло пассажиров «Вербы» от долгого стояния в пробках.

Наконец выбрались к памятнику Пушкину, свернули на Тверской бульвар. «Верба» заехала во двор старого четырехэтажного здания, стоящего напротив сверкающей стеклом и керамикой башни.

— Культурный центр «Старый Свет», — подсказал Георгий.

— А здесь ты будешь жить, — кивнул он на дворик, тесно забитый машинами, окруженный невысокими старинными домами.

— А общежитие? — заикнулся Данила.

— Зачем тебе общежитие? С сокурсниками ты и так будешь часто встречаться в институте, а жить лучше отдельно, спокойно, в центре. Да и мы поблизости будем.

Георгий открыл железную дверь ближайшего дома, снабженную домофоном, поднялся на последний, четвертый, этаж, позвонил. Дверь открыла худенькая седенькая старушка в платье с узорами и в косынке. Всплеснула руками:

— Приехал, соколик мой ясный! А постоялец где ж?

Георгий посторонился, глянул на Данилу.

— Вот он. Знакомься — это бабушка Милолика, моя родная сестра.

— Здрась... — неловко поклонился юноша, смущившись под взглядом чистых голубоватых глаз старушки. — Данила...

— Высокий-то какой, — снова всплеснула руками Ми-

лолика, — да статный! Уж как я рада, что ты приехал, младшенький, уж как рада! Поживешь у меня, не стеснишь, да и скучно одной-то, а я ухаживать буду. Да ты проходи, проходи, не стесняйся, родичи мы, не чужие люди.

Данилу завели в квартиру, небольшую, двухкомнатную, но удивительно светлую, уютную, обставленную старинной мебелью, с домоткаными половиками, с картинами и фотографиями на стенах, и вскоре он обедал в компании с Витязем и его сестрой, не умолкавшей ни на минуту. Впрочем, она знала меру и мгновенно нашла себе занятие, когда мужчины решили побеседовать наедине.

— Ну как? — спросил Георгий, уместив в одном слове весь спектр вопросов о чувствах и оценках молодого художника.

— Здорово! — ответил Данила так же кратко и искренне, давно чувствуя себя как дома.

— Вот и славно, — поднялся Георгий. — Устраивайся, решай свои дела, сходи в институт, а вечером встретимся и поговорим.

— И вот еще что, — остановился он на пороге. — Я давал тебе мобильный телефон...

— Вот он, — показал Данила.

— На нем есть красная кнопка. Что случится — не дай бог, конечно, — сразу жми эту кнопку. Да и вообще звони, если понадобится совет или помощь. Я всегда на связи.

— Хорошо, дядя Георгий, — кивнул Данила.

На душе было тихо и тепло. Он вдруг поверил, что все у него сложится в жизни хорошо.

Глава 11

НАЛЕВО ПОЕДЕШЬ...

Кирилл Иванович Фоменко так и не узнал, что уцелел лишь благодаря находчивости и боевому опыту своего телохранителя. А сам Пашин о стычке с киллерами говорить ему не стал.

Следующий день прошел в суете, но мирно.

Киллеры и вообще наблюдатели не появлялись.

Фоменко поколесил по Подольску, съездил в Москву и вечером снова отправился домой, будучи примерным семьянином. Если он и ходил в рестораны, то исключительно в нерабочие дни и исключительно с женой.

На третий день Пашин нашел себе сменщика, молодого парня, бывшего чоповца¹, понимавшего толк в охране важных персон, и почувствовал облегчение. Теперь можно было не сушить себе мозги каждый день, включаясь в режим «сторожевой паутины», который отнимал немало сил.

В среду, двадцать третьего июня, Илья проинструктировал сменщика, доложил директору о перераспределении обязанностей, насчет чего тот не возражал, и до обеда изучал документы, переданные ему Фоменко еще в понедельник, о планах ликвидации сектантства и о возрождении славянского движения. Обедать Илья пошел в задумчивом состоянии. В памяти то и дело всплывали эпизоды войны с хранителями Храма Морока, а в душе крепла уверенность, что нужно срочно отыскать Громовых и Терентия Ратникова и обменяться с ними новостями.

Обедал Пашин обычно в кафе «Полтава» на привокзальной площади, где кормили вкусно и недорого. В среду он тоже отправился туда, решив не изменять традиции. Сел к открытому окну, где было не так жарко, заказал обед: окрошку и фритатту с кабачками, по сути — обычновенный омлет, в который добавлялись кабачки, жареный лук, тертый сыр, зелень петрушки и базилика.

Принесли холодную окрошку, Илья взялся за ложку и встретил взгляд высокого мужчины средних лет с узким вытянутым лицом, на котором выделялись скулы и губы. Одет мужчина был в светло-коричневый костюм, который висел на нем как на вешалке.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Потом мужчина засмеялся, подошел к столу, подал руку:

— Здравия желаю, Константинович! Ехал мимо, увидел

¹ЧОП — частное охранное предприятие.

тебя в кафе, глазам не поверил. Думаю — ты или не ты? Решил проверить. Ты что в Подольске делаешь?

— Живу, — сказал удивленный Пашин, также не ожидавший увидеть давнего приятеля Виктора Скокова, служившего в Главном управлении по борьбе с организованной преступностью. — Какими ветрами тебя сюда занесло?

Скоков сел, бросил взгляд на стол.

— Знаешь, я тоже с тобой поем, пожалуй. — Он подозвал официанта. — Когда мы с тобой в последний раз виделись? Года четыре назад? Или три?

Илья кивнул. С Виктором они пересеклись в Москве аккурат перед его походом на Ильмень-озеро, а потом он пригласил его к себе на свадьбу.

Скоков сделал заказ, посмотрел на Пашина.

— Ты не изменился.

— Ты тоже.

— Да нет, годы берут свое. Я уже и спортом бросил заниматься по-серезному. Ты-то форму держишь?

— Пытаюсь.

— Молодец, есть, значит, сила воли. Кстати, путешественник, что же это ты жену бросил?

Илья нахмурился.

— Ты о чем?

Виктор махнул рукой.

— Да знаю я твою историю. С месяц назад встретил твою жену в Сокольниках, разговорились, в ресторане посидели, она и пожаловалась.

— Владислава... жаловалась?

— Ну, не то чтобы... но рассказала. А я сделал вывод, что ты дурак. Одна она живет, никого у нее нет. Что у вас на самом деле произошло?

Илья отвел глаза, помолчал.

— В тупик я зашел, Витя...

Скоков засмеялся.

— Тогда ты не дурак.

Илья вскинул на него затуманенные воспоминаниями глаза.

— Не понял...

— Как сказал один сатирик: дурак никогда не заходит в тупик, потому что там полно умных.

Илья невольно улыбнулся:

— По большому счету он прав.

— Так что все-таки случилось? Какая кошка пробежала между вами?

Илья углубился в поглощение супа. Вспомнились старые обиды, странное увлечение Владиславы сменой причесок, что раздражало, частое отсутствие жены дома по вечерам. Через месяц после свадьбы она начала заниматься танцами, также не доставлявшими Илье радости, так как он танцевать не любил и партнером жены быть не хотел, да и где вы видели у молодой красивой девушки седого и бородатого партнера?

Спустя год, поступив в институт, Владислава увлеклась совершенствованием своих «ведьминых искусств», что также требовало времени. Но если некоторые из шестидесяти четырех правил, установленных Владиславой, которыми должна владеть «настоящая женщина», Илья понимал, такие как: женщина должна следовать за супругом и уметь доставить ему наибольшее удовольствие, — то такие как: изготовление кукол для игр и ведовства или знание различных азартных игр, — вызывали у него недоумение.

А потом у жены появился приятель, с которым она занималась английским и который провожал ее иногда до дому, хотя Слава вполне могла позвонить мужу, чтобы он забрал ее на машине из института или с занятий в студии.

— Ты виноват, она? — продолжал допытываться Виктор.

— Наверное, я, — нехотя признался Пашин. — Слишком глубоко ушел в свои переживания, стараясь понять, что происходит. Потом терпение лопнуло...

— У нее?

— У меня.

— Понятно, ревность взыграла. И ты сжег все мосты и ушел. Сколько времени ты один? Или не один? — Скоков прищурился.

— Один, — качнул головой Илья. — После нее не нужен никто... люблю я ее...

— Странно любишь, милый мой. Я вот если люблю кого, то никуда не сбегаю. Не думал вернуться?

— Поздно...

— Ни хрена не поздно! Судя по ее настроению, ждет она тебя. Не сомневайся, езжай. А то будет как в анекдоте: вчера было рано, завтра будет поздно, а сегодня — некогда.

Илья усмехнулся.

— Давай сменим тему. Сам-то как живешь? Какими судьбами в Подольске?

— Я же на службе, получил задание шефа скоординировать федеральные и региональные Управления по борьбе с терроризмом. Подольск — один из тех городов южного Подмосковья, который входит в зону моей ответственности.

— А конкретно чем вы занимаетесь?

Скоков помрачнел, проглотил кусок заказанного шашлыка, промокнул губы салфеткой.

— Ты телевизор смотришь, газеты читаешь?

— Ну, так, только новости.

— Тогда должен знать, что масштабы терроризма растут по всему миру, не только в России. Каждый день гремят взрывы то на западе, то на востоке, то в центре. Я уж не говорю за юг и весь Кавказ. Вот мы и поднимаем всех на ноги. Такое впечатление, будто назревает что-то, какое-то событие, которое потрясет мир.

Пашин напрягся. В памяти всплыли бои со слугами Морока и плита с Ликом Беса — Врата, через которые он приходил в мир Земли. Может быть, идет подготовка к его возвращению? Отсюда и всплеск терроризма и преступности вообще?

— Ничего, прорвемся, — сказал Скоков, оптимист по натуре. — Сплотиться только надо, как мы это умели раньше, да скинуть с России ярмо дьяволизма.

Илья прищурился, с интересом глядя на приятеля, слова которого неожиданно вошли в резонанс с его собственными мыслями. Но сотрудник ГУБОП продолжал обедать, не

ответив на взгляд Пашина, а стало быть, никакого отношения к людям, знающим истину о мистериях Морока, он не имел.

— Кем ты сейчас служишь?
— Начальник межведомственного комитета.
— Майор, полковник?
— Полковник, хотя должность генеральская. Хочешь анекдот? Водитель сегодня рассказал.

— Валяй.

— Утром гаишник останавливает «Мерседес», козыряет: «Инспектор Иванов, еще не завтракал». Водитель «мерса»: «Киллер Петров, уже на работе».

Пашин засмеялся.

— Ну, если милиция сама про себя анекдоты стала сочинять, что-то меняется к лучшему в этой жизни.

— Медленно меняется, — неожиданно серьезно сказал Скоков, берясь за кофе. — На оперативках шеф зачитывает сводки как с линии фронта. Налицо очередная волна преступности, а как с этим бороться, никто не знает даже теоретически. Так что действительность гораздо хуже, чем нам вещает телевидение.

Илья кивнул, вспоминая запавшие в душу стихи:

Милый мой, действительность не лечится —
Это установлено давно.
Данный бред зовется «человечество» —
И другого, знаешь, не дано¹.

— Слушай, а с чекистами вы не работаете?
— С ФСБ? Работаем. А что?
— Там у меня приятель служит, Терентий Ратников, не слышал о таком?
— Нет, не слышал. А в каком управлении?
— Когда я с ним знакомился, он работал в научно-техническом, курировал разработки, связанные с парapsихологией и экстрасенсорикой.
— С этим управлением мы не работаем.

¹ Е. Лукин.

В ухе у Скокова пропилякал мелодию наушник мобильника. Он придинул к губе усик микрофона.

— Да... через минуту. — Развел руками. — Мне пора, Илюха. Звони, а будут деньги — заходи, как говорил мой брат. Телефон запиши.

— Запомню.

Полковник продиктовал номер, пожал Пашину руку и стремительно вышел из кафе. Махнул рукой, садясь в подъехавший «Форд Мондео» последнего выпуска с квадратиком государственного флага за стеклом. «Форд» уехал.

Илья посидел еще немного в расслабленном состоянии, вспоминая встречи с друзьями, и вдруг отчетливо понял, что Виктор прав: пришла пора менять свою тупиковую линию жизни.

День закончился как обычно, подчеркнув тем самым рутинность бытия, которому подчинялся Пашин последние годы. Однако процесс анализа жизни, запущенный случайной встречей с Виктором (случайной ли, вот в чем вопрос?), уже пошел, и Пашин с удивлением осознал свое странное отношение к событиям в мире и к своему собственному положению, слишком спокойному и размеренному. Раньше он на все реагировал быстрее, живее и острее. Последние же три года вообще прошли как во сне, он и вспомнить-то ничего существенного не мог, ни одного события, которое оставил бы в памяти глубокий след. Может быть, его и в самом деле сглазили колдуны Храма Морока, навели какую-нибудь тоску?

— Заморочили... — пробормотал вслух Илья, напугав старушку, выходящую вместе с ним из автобуса в Дубровицах.

Чтобы окончательно расставить все точки над «i» и решить, в каком направлении менять уклад жизни, Илья медленно побрел домой через весь поселок, полюбовался на купола церкви Знамения, остановился у парапета моста через Пахру. Из-за жары река обмелела, но это обстоятельство не мешало людям купаться, в том числе в тех местах, где стояли запрещающие знаки. Не была исключением и среда последней декады июня. Даже вечером, около девяти часов,

температура воздуха не опускалась ниже двадцати девяти градусов, поэтому население Дубровиц почти поголовно спасалось у воды.

Илье тоже захотелось искупаться, хотя он от жары не страдал, умея регулировать процессы внутреннего энергобмена. Однако мечту о купании осуществить не удалось.

На мосту появилась машина — белая «Верба», остановилась напротив, из нее неторопливо выбрался невысокого роста мужчина средних лет, и Пашин с замиранием сердца узнал в нем Георгия, заступника Рода, Витязя и хранителя традиций славянских общин.

От реки повеял слабый прохладный ветерок, но для Ильи он сейчас олицетворял иной ветер — ветер перемен.

— Здрав будь, обретенник, — сказал Георгий, протягивая крепкую ладонь.

Он был одет в обычный летний костюм песочного цвета, какой можно увидеть едва ли не на каждом третьем жителе России, поэтому трудно было догадаться, что костюм этот носит Витязь Рода, обладающий боевым мастерством, которое превосходит большинство современных школ воинских искусств.

— Добрый вечер, — ответил Илья, бросил взгляд на машину Георгия, в кабине которой сидел водитель. — Надеюсь, вы не будете уверять, что проезжали здесь совершенно случайно?

— Не буду, — показал добродушную усмешку Витязь. — У нас к тебе деловой разговор, Илья Константинович. Пройдемся? Или где-нибудь присядем?

— Я живу неподалеку, можем зайти ко мне, почавничать.

— Садись, подъедем.

Они сели на заднее сиденье «Вербы». Водитель оглянулся, поздоровался. Он был чем-то похож на Георгия, хотя Илья был уверен, что никогда раньше они не встречались.

— Это мой коллега, Тимофей, — представил его Георгий. — Тим, это Илья Пашин.

— Очень приятно, — в один голос сказали Пашин и водитель.

— Сейчас прямо, — показал Илья, — а на перекрестке направо.

Водитель кивнул, и у Ильи сложилось впечатление, что Тимофей знает дорогу.

Впечатление оказалось верным. «Верба» выехала точно к дому Пашина, хотя он и не уточнял адрес. Илья посмотрел на Георгия. Тот ответил ему знакомой усмешкой, давая понять, что все под контролем. И удивляться тут было нечему. Если ведическая служба безопасности начинала какую-то акцию, то готовила ее основательно, будь это даже обыкновенная встреча с одним из своих подопечных.

Поднялись в квартиру Пашина. Илья поставил чайник. Гости умылись с дороги, расположились за столом в гостиной.

— Слушаю вас, — сказал Илья, стараясь не показывать поднявшегося в душе волнения.

— Не будем ходить вокруг да около, Илья Константинович, — негромко начал Георгий. — Положение дел таково, что нам нужна твоя помощь. Не пора ли выходить из отшельнического транса, куда ты сам себя запрятал?

Кровь бросилась Илье в лицо. Но взгляд Георгия был полон такого доброго понимания и сочувствия, что Илья сдержал и ответное резкое слово (вам-то что за дело?), и вопрос (что вы имеете в виду?), и обиду. Опустил голову, справился с чувствами.

— Я думал об этом...

— Что ж, хорошо, коли так. Присоединяйся к нам. Ты не завершил свой путь обретенника и заступника, остановился на пороге, не познал своих корней. Между тем нас все еще мало, каждый на счету, а силы врага нашего прибывают. Ведомо ли тебе положение вещей в мире?

Илья вдруг подумал, что передача ему материалов по ликвидации сектантства Кириллом Ивановичем и встреча с Виктором Скоковым являются звеньями одной цепи и вполне могут быть скрытой инициацией его душевных сил, подготовкой к встрече с Витязями и волхвами. Они ждали его «пробуждения» три года и решили действовать, не дождавшись возвращения «блудного обретенника» в общину.

Вспомнились слова волхва Евстигнея, сказанные им три года назад, накануне битвы с хранителями Храма Морока. Илья тогда высказался насчет того, что не видит смысла в создании общин и возрождении обрядов, так как время изменилось и нужно приспосабливаться к новым условиям. На что Евстигней ответил:

— Ты прав, предреченный (тогда Илья только-только стал «личинкой» Витязя). Не следует думать, что, изобретая якобы древние обряды, рядясь в псевдонародные одежды, можно решить какие-то свои духовные проблемы, стать «древнее и русее». Ряженый так и останется ряженым. Главное — работа в душе, направляемая совестью.

— Кое-что ты наверняка слышал, — продолжал Георгий, оценив молчание собеседника. — Но не все. Морок опутал паутиной своего влияния весь социум. Запад уже не сопротивляется, превратившись в гнилое болото, несмотря на высокий уровень жизни, хотя и это обстоятельство есть следствие воздействия Морока: он дал народам Европы и Америки возможность безудержного потребления, и они превратились в безликую массу, в стадо, которым легко управлять. Россия еще борется, но и у нас положение ухудшается.

— Терроризм...

— Рост преступности и терроризма — верхушка айсberга. Секта Морока продолжает работать и неволить все новые и новые души. Слуги Морока сидят везде, во всех властных структурах, на всех постах, управляемые эмиссаром.

— Черным Веем...

— Которого, кстати, еще необходимо вычислить. Они готовят не просто выход Морока, но более масштабную акцию, сравнимую с общеземной катастрофой.

Илья вскинул голову.

— Что вы имеете в виду?

— Выход Чернобога.

Последнее слово Георгий произнес все так же негромко, но от голоса его задрожала люстра и в комнате повеяло ходом.

— Откуда вы... знаете?

— Мы снабдим тебя всей информацией, какой обладаем. Ты готов изменить свое нынешнее положение? Или оно тебя полностью устраивает?

Снова в памяти всплыли стихи поэта («Милый мой, действительность не лечится...»). Илья внутренне поежился, осознав всю глубину своего отчуждения от всего того, что защищал когда-то.

— Готов... И все же, откуда вы знаете, что готовитесь именно выход главного Господина? — На ум пришла приговорка, сопровождавшая все речи служителей культа Морока. — Того, Чье Имя Будет Произнесено?

— Это имя уже произнесено, — заговорил молчавший до этого момента Тимофей глуховатым баском. — Секта Морока зашевелилась. Хха зимой восстановили Врата и теперь ждут момента, чтобы вызвать Господина.

На кухне засвистел чайник.

Илья поспешил на кухню, принес чайный прибор, варенье и мед. Заварил чай, налил в чашки.

— Налицо т е н д е н ц и я, — сказал Георгий, пододвигая к себе чашку. — Началась четвертая мировая война, нацеленная на истребление Рода нашего. Мы следим за выходами Морока на протяжении двух тысяч лет. Могу напомнить последние, свидетелями которых был я и мои предки. Убийство царя Александра II, тысяча девятьсот семнадцатый год...

— Революция?

— Гражданская война, истребившая лучших сыновей России. Тысяча девятьсот сорок первый год...

— Отечественная...

— В тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году мы не полетели на Луну первыми потому, что агенты влияния Морока сумели развести творческие коллективы и сделать их антагонистами. В девятьсот девяностом распалась империя СССР. В девятьсот девяносто четвертом началась война в Чечне. Кстати, чеченские боевики поддерживаются слугами Морока до сих пор. В две тысячи пятом едва не рухнула власть в Дагестане и Ингушетии, породив очередной кровавый кризис. В Париже началась заваруха с уничтожением

коренного населения. Потом полыхнула вся Европа. После нашего последнего боя с хх и ухода Морока положение на год стабилизировалось, но затем снова начались взрывы и кровавые вылазки террористов, и с каждым — уже не годом — месяцем ситуация только ухудшается. Что говорит не просто о нарастании негатива, но о резонансе социального зла! Паучья сеть Морока вибрирует, ждет «паука». К тому же у нас есть и прямые оперативные данные, подтверждающие общий вывод: ожидается выход Князя Тьмы!

Снова качнулась люстра над столом, зазвенели хрустальные висюльки.

— А что же наши боги спят? — вырвалось у Пашина. — Почему не реагируют? Есть же... ну или были когда-то — Перун, Сварог, Световид, тот же Белобог!

— Недавно такой же вопрос задавал нам один юный певец, — усмехнулся Георгий. — Хотя вопрос вовсе не детский. С зарождения в дозвездной материи нашего Мироздания-Рода в нем борются две силы: Жизнь и Смерть, Белобог и Чернобог. Они антагонисты, но одновременно и части Единого Целого. Главное, чтобы между ними всегда поддерживалось равновесие. Когда же один побеждает, как сейчас Чернобог, тогда и приходит время других богов — Природных Сил, представляющих собой Лики Первых. К примеру, перечисленные тобой боги являются Ликами Белобога, а Морок — Лик Чернобога. Но если Морок действует, то наши родные боги ждут своего часа. И для их появления нам всем надо лишь объединиться и позвать их. Мы же пока разобщены. Даже организаторы общин трактуют законы Мироздания и принципы устроения корней Рода каждый по-своему.

— Не кончилось еще время их сна, — вздохнул Тимофей, огладив пальцами подбородок. — Не ушло Время Тьмы. Чернобог побеждает, не выходя из своей Обители Нежизни. Еще только предстоит нам опуститься к нему и возжечь свечу...

— Не торопись, — перебил товарища Георгий, — рано еще об этом. А богов своих мы помним, не забываем, да только и они нуждаются в нашей помощи. Хотя данная

тема требует отдельного разговора. Так как, Илья Константинович, даешь свое слово, пойдешь с нами супротив черной силы?

Илья стиснул зубы, помедлил.

— Даю! Что мне нужно делать?

— Здесь, в Подольске, ты хорошо себя показал. Благодарим за Кирилла Ивановича, его потеря нас бы сильно огорчила.

Пашин пожал плечами, хотя слушать похвалу было приятно.

— Это моя работа.

— Кстати, мы позже поговорим о том, кто «заказал» Фоменко. Но за ним присмотрят, а нам позарез нужен свой человек в столице. Надо ехать в Москву. Требуется побывать телохранителем очень важной персоны.

— Спикера Госдумы, что ли? — пошутил Илья, неприятно удивленный абсолютно неперспективным предложением.

— Важнее, — улыбнулся Георгий. — За Данилкой Ломовым надобно присмотреть. В институт парнишка приехал поступать.

— Что?! Данила Ломов... в институт?! Хотя... ему уже шестнадцать...

— Семнадцать.

— Да какая опасность может ему грозить?

— Он не просто художник, — сказал Тимофей. — Он рунорез, продолжатель дела Евстигнея...

— Согласен! — твердо сказал Илья.

Глава 12

ПОГРУЖЕНИЕ В ТРЯСИНУ

Сутки Антон просидел в отдельной камере. Спал. Грэзил с открытыми глазами. Вспоминал события последних дней, месяцев и лет. Но вспомнить ничего особенного не смог. Три года с момента битвы на Ильмень-озере прошли как сон, не затрагивая чувственных центров. Если только не

считать созданной им же самим ситуации, в результате которой он вынужден был уйти от жены. Жизнь после этого события тонула в странном тумане бездумного отношения ко всему на свете, в том числе и к себе самому. В первую очередь — к себе самому.

На третий день после задержания и драки в камере его снова повели на допрос.

Следователь был тот же, выводящие бугаи-менты те же плюс монах по имени Марциан в кабинете следователя.

— Надумал, Антон Андреевич? — ласково спросил монах, оглаживая бородку. — Завтра тебя судить будут, статья приличная, никак не меньше трех лет в неволе отсидишь.

Антон покосился на его руку с черным ногтем на указательном пальце. Ничего не хотелось. Сердце сковало беспроственное равнодушие. Но и сидеть в тюрьме три года не хотелось. Был уже опыт такого сидения.

— Чего вы хотите?

— Вот это другой разговор, — одобрительно кивнул монах, посмотрел на молчавшего следователя. — Выйди на минутку, любезный.

Следователь, по-прежнему не сказав ни слова, вышел. Вид у него был пришибленный, осоловелый, словно после хорошей затяжки марихуаны.

— Пока что от тебя мы хотим одного, — продолжал Марциан, держа Антона в прицеле глаз. — Чтобы ты согласился работать с нами. Нам не хватает таких людей. Придется, конечно, привести себя в форму, вспомнить воинские навыки.

— Что я должен буду делать?

— А всяко разно, — усмехнулся монах. — Без работы не останешься. Зато и получать хорошо будешь, квартиру справную дадим, машину. Только не вздумай действовать самостоятельно. Есть у нас специальные люди, окоротят, ежели что. — В голосе монаха лязгнул металл.

Антон пропустил угрозу мимо ушей.

— Мне надо подумать...

— У тебя было время подумать, — качнул головой монах. — Или да, или нет. Либо ты отсюда пойдешь со мной,

либо обратно в камеру, а оттуда — по этапу. Только ведь тюрьма — не родная сестра, там и не таких ломают.

Антон хотел ответить пренебрежительным: это мы еще посмотрим! — но встретил темный зловещий взгляд монаха и вдруг осознал, что его и в самом деле могут посадить на несколько лет. А второй раз сидеть в тюрьме не хотелось.

Антон отвернулся, заметил на столе следователя открытую бутылку минералки, сцепил ее и выпил до дна. Сжал в кулаке, глянул на монаха, наблюдавшего за ним.

— Я согласен...

Через час, подписав какие-то бумаги у следователя, Антон вышел из здания Костромского УВД.

Монаха ждала машина — серая «ДЭУ Нексия» с темными стеклами. Из машины вылез здоровенный бугай в джинсовой безрукавке, с татуировкой на предплечье: дракон держит в лапах девушку. Громова усадили на заднем сиденье, монах сел рядом с водителем, машина резво набрала скорость.

— Вот деньги. — Марциан протянул Антону конверт. — Купиши билет до Москвы на ночной поезд, который отправляется в два часа. В семь утра будешь в Москве. Тебя там встретят. И купи себе костюм, переоденься, приведи себя в порядок, а то от тебя бомжом за версту разит.

Антон покраснел, хотя вряд ли кто из спутников обратил на это внимание.

Его довезли до дома, высадили.

— Мы будем рядом, — тонко намекнул о наблюдении монах, растянув губы в кривой улыбке. — Не делай глупостей, Громов.

Машина уехала.

Антон долго смотрел ей вслед, не думая ни о чем, очнулся, повертел головой, чтобы обнаружить слежку, ничего подозрительного не увидел и зашагал домой.

Вечером того же дня он, побритый, одетый в новый костюм (сумму выдали ему приличную, хватило и на билет, и на костюм, и на дорожные аксессуары, и на ужин в ресторане), сел в купейный вагон поезда Кострома — Москва. Голова была пустой и звонкой, думать ни о чем по-прежнему

не хотелось, а попытки совести достучаться до ума (Ты что делаешь?! Они же нелюди, подчиняющиеся воле Морока!) ни к чему не привели. Душа Антона уснула, задавленная психикой, деформированной обстоятельствами, воздействием колдовской навети и собственным желанием «выбиться в люди».

В купе вместе с ним оказалась миловидная женщина лет сорока, с дочкой пяти или шести лет. Антон помог ей уложить вещи, и они разговорились.

Оказалось, что соседка по купе является ректором Костромского университета культуры и искусств, а едет она в Москву добиваться правды у Генеральной прокуратуры и Министерства культуры.

— А Костромская прокуратура не в состоянии решить вопрос? — поинтересовался Антон, поглядывая на девчушку, тихую и стеснительную; чем-то она напоминала старшую дочурку Громова Дашу.

— В том-то и загвоздка, что наша облпрокуратура, — грустно улыбнулась соседка, ее звали Татьяной, — заинтересованная структура и поддерживает позицию администрации города.

— А в чем суть конфликта?

— Прокуратура возбудила уголовное дело, — Татьяна смутилась, — якобы за незаконную выдачу дипломов по специальности «юриспруденция». На самом же деле это происки чиновников городской администрации, позарившихся на участок университетской земли. Администрация возжелала разместить там продовольственный рынок.

— Знакомые песни, — усмехнулся Антон, на какое-то время выходя из своего безразличного состояния. — Они будут давить на вас до тех пор, пока вы не сдадитесь. Рынок — это огромные деньги, и чиновники никогда не откажутся от своего куска.

— Они и начали борьбу, — пригорюнилась Татьяна, погладив дочь по голове. — Заявляют, что университет не имеет аккредитации на эту злополучную специальность, что я превысила должностные полномочия и нанесла ущерб городу аж в размере полумиллиона долларов! Представляете?

— Нет, — качнул головой Антон.

— Есть у нас и аккредитация, и полномочий своих я не превышала. Да только никто нас не слушает. Вот и приходится добиваться приема у министра.

— Ничего, все у вас получится, — заверил ректора Антон, а сам мимолетно подумал, что в иные времена он наверняка бы проникся сочувствием к женщине и предложил свою помощь в деле борьбы за справедливость.

Мысль мелькнула и исчезла, не оставив следа.

Антон еще посидел немного в купе, потом лег спать. Даже предчувствие перемен в своем положении и ожидание встречи с женой и детьми (надо их непременно навестить!) не всколыхнули, как прежде, его эмоциональную сферу. Каждый раз, как он начинал думать о тех или иных самостоятельных шагах, которые можно будет предпринять, перед глазами возникал призрак монаха Марциана, качающего пальцем с черным ногтем, и все благие намерения испарялись как дым.

Поезд прибыл на Ярославский вокзал Москвы в семь утра.

К Антону, озиравшемуся у вагона, подошли два накачанных (просто горы мышц!) парня в спортивной форме, длинноволосый и коротко стриженный.

— Громов? — неожиданно тонким голосом осведомился длинноволосый.

— Он, — лаконично ответил Антон.

— Чапай за нами на полусогнутых.

Антон оглянулся на выходивших из вагона маму с дочкой, помахал им рукой.

— До свидания. Желаю добиться своего.

— Спасибо, — улыбнулась Татьяна. — Пусть и у вас все будет хорошо.

— Чего застял? — повелительно бросил обернувшийся амбал-стриженый, угрюмый и чем-то недовольный. — Ходчей костили переставляй.

Антон смерил его взглядом.

— Мышками-то не играй, мисюра, кафтан треснет.

— Что ты вякнул?! — удивился амбал. — Давно не космыряли?

— А ты попробуй, — «некорошим» тоном предложил Антон.

Встречающие переглянулись.

Длинноволосый, с жидким голоском, шагнул к Громову, схватил за плечо, но почему-то промахнулся. Снова попытался вцепиться пятерней в плечо Антона и снова промахнулся. На его твердокаменной физиономии проявилась морщинка, означавшая, очевидно, удивление.

— Шагай вперед, лоб дешевый, — продолжил Антон с иронией, — и не кати масть, едалы береги. Понял?

— А?! — снова удивился длинноволосый, глянув на своего напарника. — Миха, этот карась залетный понты бутит! На «понял» нас взять хочет! Да я тебя!.. — Он попытался схватить Антона за грудки... и вдруг хекнул, съеживаясь, как сдувающийся воздушный шарик, присел, не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть застывший в легких воздух.

Антон посмотрел на стриженого.

— Помоги корешу, лохмач, и топайте вперед, пока я не рассердился.

Стриженый напрягся, сделал было шаг к Антону, но встретил его предупреждающий взгляд и начинать драку не решился. Помог подняться приятелю, и они поплелись по перрону, оглядываясь, озадаченные демонстрацией боевого мастерства не слишком крутым с виду мужиком.

На привокзальной площади Громова и его конвоиров ждала темно-зеленая «Ауди-8» с бело-синим номером. Амбала, встретившие Антона у вагона, открыли дверцу, пошушикались с кем-то внутри, распахнули дверцу пошире.

— Залазь! — с ухмылкой бросил стриженый.

Антон наклонился, чтобы войти, и его ударили сзади по копчику так сильно, что он едва не взмыл от боли. Рванулось было из кабины назад, чтобы ответить обидчику, но в нос ему уперся ствол пистолета, и он вынужден был остановиться.

— Садись тихо, не рыпайся, — сказал кто-то с легким акцентом.

Дверца захлопнулась, «Ауди» тронулась с места.

Антон протер заслезившиеся глаза и встретил взгляд узкоглазого и смуглого мужчины на переднем сиденье. Повернул голову: рядом сидел милиционер-сержант с пистолетом, крупногабаритный и малоподвижный, с виду как монумент.

Душа похолодела.

«Неужели чертов монах передумал и меня снова решили упечь на нары?!» — мелькнула жуткая мысль.

— Будешь и дальше показывать крутой нрав, — продолжал узкоглазый, не то узбек, не то киргиз, — всплыvешь уже в море. Это первое. Второе: никаких самостоятельных действий! Помни, что ты зэк, а не свободный гражданин. В любой момент тебя могут вернуть в камеру, только уже с другими последствиями. Ну, и третье: не вздумай бежать! Мы тебя из-под земли достанем. Уяснил?

Антон покосился на неподвижного здоровяка-сержанта, и ему расхотелось иметь дело с узкоглазым, а заодно и с монахом Марцианом, служившим своему черному господину — Мороку.

— Что мне надо будет делать?

— Вечером получишь инструкции. Отдыхай пока.

«Ауди», не обращая внимания на светофоры, дорожные знаки, разделительные полосы и посты ДПС, помчалась по Лесной улице, свернула на 2-ю Миусскую и остановилась во дворе многоэтажки напротив ресторана «Ботик Петра».

Страж порядка, сидевший рядом с Антоном, спрятал пистолет, вылез, открыл дверцу. Стоял он так удобно для неожиданного нападения, что у Антона мелькнула образная мысль: не соскочить ли ему с поезда, идущего в ад? Но он встретил насмешливо-предупреждающий взгляд узбека и внутренне поежился. Этот человек, явно какая-то шишка в милицейских рядах, наверняка подстраховался и запросто мог выстрелить ему в спину.

Громов вылез.

«Ауди» уехала. Зато следом подъехал милицейский «Форд» с мигалками. Подозрения Антона имели почву: его не выпускали из поля зрения, причем скорее всего еще с Костромы, хотя он и не учゅял слежку.

«Нюх потерял, рэкс», — проворчал кто-то внутри Антона сожалеющее.

Сержант повел подопечного в подъезд многоэтажки. Поднялись на девятый этаж. Сержант позвонил в дверь под номером 32, обитую коричневым пластиком. Дверь открыл хмурый тип в майке и шортах, с давней щетиной на щеках. Возраст его определить было трудно: в пределах от тридцати пяти до пятидесяти. Он не удивился появлению сержанта, что означало: это либо штатный сотрудник милиции, либо нештатный, что сути не меняло.

— Заходи, располагайся, — бросил сержант.

Антон вошел.

Дверь за ним закрылась.

— Проходи, — отступил в сторону небритый, окинув фигуру Громова равнодушным взглядом. — Твои апартаменты слева.

Квартира была двухкомнатной.

Антону досталась небольшая спальня с узкой кроватью, застеленной тонким одеяльцем, со столиком в углу и шкафом с двумя десятками книг. Никаких излишеств. Чисто, просто, неуютно. Казарма.

Антон оглянулся.

Сосед смотрел на него ничего не выражавшими оловянными глазами.

— Жрать захочешь — еда в холодильнике.

— Тебя как звать? — поинтересовался Антон.

— Рудик, — ответил небритый после паузы и удалился в свою комнату. Спрашивать имя соседа он не стал.

Антон осмотрелся, присел на высокую кровать, оказавшуюся жесткой, как тюремный топчан. Выглянул в окно: дома, дома, стройка, дворы, зелень кое-где. Москва, ешкин кот!

Он прилег. В голову начали лезть разные дурные мысли от «утопиться в ванне, что ли?» до «сбегу к чертовой матери!» Тогда он залез под душ и с удовольствием помылся, расслабляясь, вытерся одним из небольших серых полотенец также казарменного вида. Забрел на кухню. В холодиль-

нике оказался сыр, батон колбасы и кефир. Негусто, однако.

Подумав, Антон отрезал приличный кусок колбасы, съел с хлебом, отыскавшимся в шкафчике над столом, сделал чай и выпил с бутербродом.

Сосед не показывался.

Антон послонялся по комнате, полистал пару книг — сплошь дамские детективы, постоял на балконе, созерцая пейзаж с высоты девяти этажей, вернулся, лег на кровать. Но уснуть не смог. В голову снова начали стучаться мысли, и одна из них вскоре полностью завладела сознанием.

Валерия! Дети! Надо их повидать, а то когда еще придется?

Он поднялся, начал одеваться.

Словно подслушав его мысли, на пороге возник абориген с небритой физиономией.

— Ты куда?

— Погулять, — соригинальничал Громов.

— Не велено.

— Я пройдусь до ближайшего кафе, глотну пивка и вернусь обратно.

— Не велено.

— Слушай, друг, — проникновенно сказал Антон, — мне надо на детей глянуть, хоть одним глазком! Через полтора часа я буду на месте, клянусь!

— Не велено! — в третий раз буркнул Рудик.

— Что ты заладил одно и то же! — разозлился Антон. — Можешь доложить своим командирам, что я отлучился недолго.

Небритый молча повернулся, вышел, а когда Антон, надев рубашку, появился в прихожей, на него глянул ствол пистолета в руке соседа.

— Топай назад!

Оранжевая пелена ярости застлала глаза.

Когда Антон очнулся, небритый лежал на полу прихожей, закрывая голову руками, а его оружие находилось в руке Громова.

— Идиот! — выдохнул он, расслабляясь. — Сам напрописался!

Небритый пошевелился, поднял голову, открыл мутные глаза.

— Отдохни, — посоветовал ему Антон, разрядил пистолет, бросил на пол и закрыл за собой дверь квартиры.

Валерия и после ухода мужа продолжала жить в своей старой квартире в Китай-городе, в Старопанском переулке. Антон сначала прошелся по переулку, с сильно бьющимся сердцем постоял у подъезда, борясь с желанием зайти домой, но пересилил себя. Затем ему пришла идея посетить детский сад, куда Валерия водила дочерей, и он поспешил туда, надеясь, что еще есть время и он успеет.

Успел.

Детей уже начали забирать родители, так как часы показывали семь вечера, но Даша и Катя — он их сразу узнал! — еще возились на детской площадке, опекаемые добродушной полной воспитательницей.

Антон, спрятавшись так, чтобы его не было видно с территории садика, прижался к узорчатому забору, замер, глядя на детей. Сердце заколотилось о ребра так сильно, что готово было выскочить из грудной клетки. Глаза наполнились слезами. Он смахнул их, не понимая, что с ним происходит, и увидел Валерию. Дети с визгом бросились к маме, она опустилась перед ними на корточки, прижала обеих девочек к себе.

Жена ничуть не изменилась с момента их расставания, хотя прошло уже больше года. И она была так красива и желанна, что Антон едва не крикнул: Лера!

Опомнился, прижав кулак к губам, уже не вытирая слез.

«Совсем ты разнюнился, рэкс, — слабеньким голоском напомнил о себе внутренний собеседник, олицетворявший собой прежнего Громова, — ослаб, однако...»

Антон ему не ответил. Стоял, раскинув руки, прижимаясь к забору, скрытый кустарником от посторонних глаз, и смотрел на размытые ореолы своих любимых, понимая, что не может подойти к ним, весело окликнуть, прижать к груди и поехать вместе с ними домой. Стена между ними стояла,

стена отчуждения, молчания, непонимания, стена времени, наконец, и не было в мире силы, способной ее взломать.

Валерия усадила девочек в салон старенькой «Мицубиси Харизмы», принадлежавшей еще ее первому мужу, задержавшись на мгновение, оглядываясь по сторонам, словно почувствовав, что за ней наблюдают. Дверца захлопнулась. Машина выехала из шеренги других машин, свернула в переулок, исчезла.

Антон вышел из-за кустов сирени, отгораживающих территорию детсада от дороги, проводил машину жены невидящими глазами. Жить не хотелось до отвращения. В голове назойливой мухой зудела мысль: послать все к черту и вернуться!..

В памяти сам собой всплыл образ монаха Марциана, мелькнул его черный ноготь. На сердце снизошла странная расслабленность. Душа перестала трепыхаться пойманной в силки птицей. Тоска растворилась в поднявшемся со дна души промозглом тумане.

«Не примут тебя, — сказал кто-то в голове Антона ватно-трезвым голосом, — не нужен ты им такой...»

Он очнулся, соображая, где находится и что делать дальше, но решить эту проблему не успел.

Рядом с визгом тормозов остановился знаменитый российский джип «Патриот» с синей полосой, захлопали дверцы, к Громову подскочили милиционеры, и на затылок его обрушился тяжелый удар дубинки.

Сознания Антон тем не менее не потерял. Начал сопротивляться — чисто рефлекторно, «на автопилоте», и даже уложил двоих блюстителей порядка на асфальт. Однако пропустил еще несколько сильных ударов, упал, ему заломили руки, сковали наручниками и всунули в джип.

— Мы его взяли, товарищ майор, — доложил командир группы захвата. — У детсадика пассся... Куда доставить?.. Есть, сейчас привезем.

Антона притиснули к сиденью два могучих работника милиции, старшина и сержант, «Патриот» рванул по улице к светофору, оставив позади собравшуюся было толпу зевак.

Ехали быстро, практически не соблюдая правил движения. «Патриот» свернул в знакомый двор, остановился. Антона выгрузили из джипа, волоком дотащили до лифта и дальше — до квартиры. Дверь открыл небритый Рудик с перевязанной головой, молча посторонился. Громова швырнули в прихожую.

— Забирай напарника, — сказал сопровождавший милиционеров офицер с погонами капитана. — Через час приедет начальство, чтобы он был в форме.

Милиционеры ушли, дверь захлопнулась.

Рудик отомкнул наручники, больно ткнул носком кроссовки в бок Антона.

— Вставай, умойся, сука бешеная! В следующий раз пристрелю!

Антон с трудом поднялся, ощущая себя боксерской грушей, поплелся в ванную. Вода смыла грязь и пот с тела, утихомирила боль в местах ушибов. Лишь боль в затылке не проходила, и он обнаружил под волосами солидную шишку. Попытался убрать ее мысленно-волевым усилием, как делал это не раз, но не смог. Организм его приказов не слушался, отправленный почти ежедневными «инъекциями» алкоголя.

В прихожей раздался звонок, послышались шаги надзирателя, затем повелительный голос:

— Где он?

В дверь ванной шлепнули ладонью.

— Вылезь.

Антон вышел, застегивая рубашку.

Его ждали бугай-сержант и знакомый узбек, сопровождавший Громова от вокзала до квартиры, только на сей раз в форме майора милиции. Он окинул Антона цепким взглядом, покачал головой:

— Я думал, ты умнее... Иди в комнату!

Антон молча шагнул в свою спальню, сел на кровать, ни на кого не глядя.

— У тебя есть выпивка? — обратился майор к Рудику.

— Чешская «Ракия», — буркнул тот.

— Где ты такую дрянь достаешь? Водку пить надо, да и то в меру. Плесни ему в стакан.

Антону сунули в руки стакан, наполовину заполненный прозрачной жидкостью. Он помедлил, пытаясь задавить радостную дрожь желудка, потом осушил стакан в три глотка. Голова закружилась, по телу разлилось приятное эйфорическое тепло.

— Еще...

— Обойдешься. — Узкоглазый подвинул к себе стул, сел напротив Антона. — Знаешь этого пацана?

Антону вручили фотографию. Он с трудом сфокусировал зрение на лице молодого человека. Показалось, что парня он уже где-то видел.

— Ну?

— Баранки гну! Его надо убрать!

— К-как убрать? — не понял Антон.

— Ликвидировать, — терпеливо пояснил майор. — Завтра тебе покажут, где он живет, получишь машину и необходимое снаряжение. Но с завтрашнего дня — ни капли спиртного!

— Не-е... — качнул головой Антон, бросая фотографию на кровать. — Не буду! Я вам не киллер по вызову!

Сержант-сопровождающий глыбой навис над Громовым, но узкоглазый майор остановил его, качнув головой.

— Детей любишь? — ласково спросил он. — Хорошие у тебя девочки, Дашутка и Катюша. Да и жена красивая... — Глаза майора угрожающе вспыхнули, тон изменился: — Сделаешь все, что я прикажу! Иначе с твоими детками или с женой случится неприятность! В люк на дороге угодят или под машину попадут. Понял?!

Антонпротрезвел, приподнялся:

— Ах ты, своло...

Удар сержанта отбросил его к стене.

Майор снова качнул головой, и сержант отступил назад.

— Я спрашиваю: ты понял?

— Еще раз... ударишь... убью! — пообещал Антон сержанту.

Тот не отреагировал.

Майор оценивающе глянул на Громова, повернул голову к сержанту:

— Адрес семьи установили?

— Так точно!
— Привезите их сюда...
— Не надо! — глухо сказал Антон. — Я сделаю...
— Прекрасно, — хлопнул по коленям ладонями майор, вставая. — До завтра, зэк.

Представители власти вышли. Рудик бросил взгляд на сгорбившегося постояльца, закрыл дверь.

Антон посидел немного в той же позе, чувствуя себя проснувшимся в помойке после пьянки, поднял фотографию. И вдруг узнал парня: это был повзрослевший Данилка Ломов, племянник Пашина...

Глава 13

УРОК ПЕНИЯ

Столичная жизнь пришла к Максиму по вкусу. За два дня, проведенные в Москве, он успел проникнуться ее деловым духом и темпом жизни, а главное — понять и принять душой целеустремленность москвичей и рассеянность гостей столицы, слоняющихся по улицам в поисках острых ощущений и без устали разглядывающих ее достопримечательности. Он и сам поддался искушению созерцательства, побывав на Красной площади, в Кремле, на Поклонной горе и на Старом Арбате, а также испытав шок от духоты и суеты метро, переставшего справляться с потоками пассажиров не только в часы пик, но и в любое другое время суток.

Валерий ездить с ним по знаменитым местам Москвы отказался. Ему пришлось заменять сменщика, и он днями и ночами пропадал в баре. Максим дважды посещал бар, а за одно и культурный центр «Старый Свет», по залам которого можно было ходить каждый день, обнаруживая что-то новое, но цены ресторанной кухни «Старого Света» кусались, а денег у певца было не так много, как хотелось, поэтому он перешел на питание в небольших кафе, довольствуясь пельменями и овощными блюдами.

В театре, куда он заходил каждый день, тоже имелось ка-

фе, но оно работало только по вечерам, а цены и там превышали возможности Бусова, из-за чего Максим в театральном кафе пил только чай или — редко — кофе.

Его познакомили с руководством театра, с другими актерами и певцами, и в четверг он начал уже осваивать сцену, приглядываться к поведению мастеров и запоминать лица молодых певцов, с которыми ему предстояло работать.

Дважды он пел со сцены — для директора театра и его свиты, припомнив свои арии из репертуара Архангельской консерватории, и настолько очаровал дам, что директор снизошел представить его свите и сказал, похлопав Бусова по плечу:

— Силища какая! Вы будете иметь успех, молодой человек, я верю. Главное — работать, идти вперед и не забывать учителей...

Что он подразумевал под этим, Максим не понял, но был рад, что его оценили еще до начала настоящих концертов и опер.

После второго выступления он заметил в зале знакомое лицо, однако отвлекся и лишь потом понял, что кроме театральных завсегдатаев его слушал волхв Иннокентий, поэт и летописец Рода. Но поэт не подошел к нему, и Максим забыл об этой встрече.

Вечером в пятницу Валерий наконец освободился и сам предложил постояльцу поход по ресторанно-тусовочной Москве.

Максим, зная состояние своего кошелька, ответил было отказом:

— Мне с партитурой поработать надо...

Но Валерий, отгадав причину отказа, засмеялся, покровительно похлопал его по спине:

— Гуляем на мои. Или я не в состоянии заработать на приличный отдых? К тому же пятница по древнеславянским обычаям считается днем Лады, богини любви и красоты, покровительницы дружеских контактов. В пятницу не работают, это день денежных трат и любви. Так что расслабься.

— Откуда ты знаешь про древнеславянские обычай?

— Встречаюсь с кем надо, — хитро подмигнул Валерий. — Со знающими людьми. Не переживай, они и тебя просветят.

Бармен снова давал понять, что он не так прост, как кажется, и Максим еще раз подумал, что их встреча в поезде неслучайна.

Для начала зашли в ресторан «Старый Свет». Посидели у стойки бара, Максим — молча, потягивая холодный тоник, Валерий — с шутками и прибаутками. Потом поехали в клуб «Аэлита», где у Валерия были знакомые. Но и в клубе не задержались, поехали в центр и остановились в элитном молодежном «Шик-базаре» на Сретенке, куда заглядывали не только дети состоятельных политиков, бизнесменов и артистов, но и сами родители.

Валерий и здесь нашел приятелей, с которыми он не преминул познакомить Бусова, хвастливо представив его как «знаменитого оперного певца».

Максим, покраснев под любопытными взглядами компании, сидевшей за тремя сдвинутыми столиками недалеко от эстрады, сказал, что он только-только начинает карьеру, но его не стали слушать, усадили за стол рядом с двумя девицами в странных нарядах, разговор в компании, прерванный появлением Валерия, возобновился, и на Максима перестали обращать внимание.

Девицы, правда, сначала проявили некий интерес, спросив, где он поет, давно ли в Москве и кого из других знаменитых певцов знает лично.

— Кого именно? — попробовал поддержать «светский» разговор Максим.

— Влада Сташевского, — начала перечислять рыжая девица по имени Сима, — душку Диму Маликова, парней из группы «Пуситроль»...

«А разве они певцы?» — хотел спросить в ответ Максим, считавший упомянутых «знаменитостей» безголосыми говорителями песен, причем бездарных, но вслух произносить этого не стал. Ответил коротко:

— Не имел чести быть представленным.

Девицы приувяли. Соседка рыжей, по имени Ксения,

длинноносая, с короткой мальчишеской прической и то-ненькой косичкой на затылке, все же попыталась найти общие увлечения, задав вопрос: а чем занимается товарищ певец в свободное время?

Максим начал было чистосердечно рассказывать, что увлекается изучением симметричных звуков — как своеобразных звуковых кристаллов, способных выразить чистую мелодию и шум, величавое спокойствие пустыни и одиночество человека в огромном городе, но по реакции слушательниц понял, что эта тема их не волнует, и замолчал.

Спас его Валерий, подсевший к девицам с дежурными хохмами, освободив приятеля от обязанностей учтивого кавалера.

Максим вздохнул с облегчением, начал осматриваться, разглядывая гостей клуба и сравнивая их с публикой архангельских заведений подобного типа.

К столику подошла платиновая блондинка с густо подведенными глазами и ярко накрашенными губами, жеманно подала руку:

— Привет, красавчик. Не угостишь девушку мускафеидом?

— Чем? — не понял Максим.

— Ты что, глухонемой? — вытаращилась блондинка. — Впервые здесь тусуешься? Я тебя раньше не видела.

— Впервые, — признался смущенный Максим.

— А-а... угости водярой, с утра трубы горят...

— Я не пью...

— Ну и не пей, только мне налей.

— Неудобно, — замялся Максим, — я не заказывал...

— Лох дешевый! — обиделась девушка, бросила на Бусова презрительный взгляд и отошла.

— Не связывайся с ней, — посоветовала рыжая Сима, — это Ксюша Бабчак, подруга Левы Особняка, а он очень крутое шоумен.

— Я и не связываюсь, — пробормотал Максим. Продолжать вечер в незнакомой компании ему уже расхотелось. Он нашел глазами Валерия, что-то оживленно втолковывающего парням компании, поманил его рукой, чтобы со-

общить, что уходит, но в это время к столу подошли двое мужчин: один постарше, в белом костюме и черной атласной рубашке, бритоголовый, но с «артистической» щетиной на щеках, второй — его полная противоположность — в черном костюме и белой рубашке, лохматый, бритый до си-невы.

— Лева, — шепнула Сима.

— Это ты, что ли, наших девчонок обижаешь? — обратился к Максиму бритоголовый «нехорошим» тоном.

— Вы мне? — удивился Максим.

— Тебе, тебе, — мрачно проговорил второй — лохматый.

Компания Валерия притихла. Валерий оглянулся, не понимая, что происходит.

— Пошли, поговорим, — продолжил бритоголовый.

Максим беспомощно посмотрел на соседей, не зная, что делать.

— О чём?

— О музыке, — ухмыльнулся лохматый.

Валерий вскочил, обогнул стол.

— Лев Хачатурович? Здрасьте. Что у вас за проблемы?

— Это у него сейчас будут проблемы, — кивнул лохматый на растерянного Бусова. — Вставай, пошли, тебе говорят.

— Что случилось? — повернулся Валерий к Максиму.

— Я не знаю... — пожал плечами растерянный Максим.

— Он не налил водяры одной знакомой девушке, — хихикнула Сима.

— А ты замри, паскуда! — наставил на нее палец лохматый. — Тебя не спрашивают!

— Извините, Лев Хачатурович, — сказал Валерий торопливо, — он не местный, не знает тут никого, я ему все объясню...

— Заткнись! — бросил бритоголовый, посмотрел на Максима. — Чтоб я тебя здесь больше не видел, усек?

Максим, никогда прежде не попадавший в такие ситуации, хотел мирно пообещать шоумену Особняку никогда никого не обижать, но вдруг встретил торжествующе-ехидный взгляд той самой блондинки, которая требовала «мус-кафеид», и возмутился:

— Никого я не обижал! И никуда не пойду! Вы не имеете права...

— Что ты мигнул?! — удивился Особняк. — Повтори!

— Да ты знаешь, с кем базлаешь?! — цапнул Максима за плечо лохматый. — А ну согнись, сопляк, и целуй ему ботинки!

Максим попытался освободиться, не смог, посмотрел на смущенного таким оборотом дела Валерия, и в это время сзади послышался негромкий уверенный голос:

— Прошу прощения, господа хорошие, могу я чем-нибудь помочь?

Максим оглянулся. К ним подходил Георгий, внимательный, собранный и спокойный.

— Тебя только не хватало, — буркнул лохматый. — Ты кто такой, дядя?

Георгий достал из кармана светло-серого пиджака красную книжечку, махнул ею перед носом лохматого, спрятал, перевел взгляд на бритоголового.

— Пройдемте.

— Я Лева... — начал было бритоголовый.

— А я Жора, пройдемте.

— Я сейчас своих вызову...

— Гражданин Особняк, не усугубляйте, — сказал Георгий казенным голосом. — Прошу пройти со мной.

Во взгляде Особняка мелькнуло сомнение.

— Это он первым начал...

— Разберемся.

Особняк посмотрел на спутника.

— Лодя, зови наших...

Георгий шагнул к нему, глаза его вспыхнули, хотя тон не изменился:

— Идите, гражданин! Не то всю ночь придется провести в нардоме!¹

Бритоголовый шоумен, считавший себя, наверное, фигурой неприкосновенной, вздрогнул, помедлил, но подчинился, побрел к выходу из зала. Лохматый Лодя вприпрыжку побежал за ним. Георгий кивнул Валерию, глянул на

¹Камера (уголовн. жаргон).

Максима с осуждением (во всяком случае, так ему показалось) и поспешил за «кругой» парой.

Платиновая подруга Особняка кинула на Максима уничтожающий взгляд, исчезла.

Компания оживилась, раздался смех, посыпались шутки.

— Кто это? — спросили парни у Валерия.

— Секьюрити, наверно, — нашелся он, повернулся к Бусову: — Извини, Макс, но ты сам виноват...

— Ни в чем я не виноват, — возразил расстроенный Максим. — Я пошел домой.

— Остынь, все позади, давай посидим еще, время детское... а эти больше не прицепятся, гарантирую.

Максим покачал головой, сказал всей компании «до свидания» и зашагал к выходу, не слушая приятеля. Вечер был испорчен. А сидеть среди незнакомых людей белой вороной и молчать он не любил.

Валерий догнал его у вертящейся двери клуба, потянул за рукав:

— Извини, я же не нарочно. Обиделся?

— Да нет, — сказал Максим. — Просто я тут чужой.

— Вот поэтому и надо почаше появляться в компаниях, чтоб стать своим.

— Зачем? — улыбнулся Максим. — Если уж становиться своим, то в той среде, которая мне ближе.

Валерий озадаченно дернул себя за мочку уха.

— Слушай, а ведь ты прав. Я не подумал. Хотя дураки наподобие этого Левы Особняка встречаются в любой компании. Как говорил мой шеф, хорошо бы придумать для них более трудный способ размножения.

Максим засмеялся.

Они вышли из клуба на освещенный тротуар. Хлопнула дверца одного из стоящих напротив автомобилей, к приятелям подошел невысокий пожилой мужчина, в котором Бусов узнал водителя Георгия.

— Добрый вечер, молодые люди. Садитесь в машину.

Валерий и Максим переглянулись.

— Я бы еще потусовался тут, — нерешительно сказал бармен.

Из вертящейся двери клуба вышел Георгий.

— Потусуйся. А мы с твоим квартирантом побеседуем где-нибудь в спокойном месте.

— Тогда я пошел. — Валерий вскинул вверх сжатый кулак, скрылся за дверью.

— Я никуда не хочу ехать... — пробормотал Максим.

— Тогда мы подвезем тебя домой.

— Вы... следите за мной?

— Опекаем, — усмехнулся водитель. — К сожалению, сработала БАЗа Храма Морока, поэтому тебе придется какое-то время потерпеть наше присутствие.

— Что за БАЗа? Я уже второй раз слышу...

— Пожалуй, пришло время объяснить, — сказал Георгий. — Садись в машину, неудобно разговаривать на улице.

Разместились в кабине белой «Вербы», машина выехала со стоянки клуба, влилась в транспортный поток вечерней Москвы.

— А что вы с ним сделали? — полюбопытствовал Максим, имея в виду наехавшего на него Леву Особняка.

— Ничего, отпустил, — ответил Георгий. — К утру он обо всем забудет.

— А эта БАЗа... почему она сработала в мою сторону? Какое отношение я имею к Храму Морока?

— К этому Храму имеем некоторое отношение мы, — сказал водитель.

— Ну и что?

— К сожалению, ты попал в круг наших ведомых, а магия БАЗы реагирует на всех людей, так или иначе затрагивающих интересы секты Морока.

Максим недоверчиво посмотрел на водителя.

— Вы говорите — магия? Это же... фантастика... сказки.

— Ты еще убедишься, что это реальность, — сказал Георгий. — Орден Морока создавался черными магами, пристешниками Морока, еще в конце четвертого века нашей эры, когда наступила Ночь Сварога. Хотя первоначально это был военный монашеский орден, участвовавший в походах на Египет русколанского князя Великосана. Но после смерти Буса Белояра, кстати, твоего прямого предка, и разгрома Русколани гуннами часть этого монашеского ордена

откочевала на Приднепровье, оттуда на север, к Белому морю, и в конце концов осела в Подмосковье и Москве.

— В истории этого нет.

— Историю писали слуги Морока, чтобы скрыть истину. И это им удалось. Но Ведическая Традиция не умерла, еще есть Хранители, несущие свет истины, и пока они живы — живы и боги наши, и наш Род.

— Хранители — тоже маги?

— Далеко не все. Но большинство из них выбрали для себя жертвенные пути: учить, лечить и судить.

— Почему — жертвенные?

— Потому что люди этих профессий всегда чем-то жертвуют — здоровьем, энергией, психикой, временем, удобствами, личной жизнью.

— Вы... тоже?

Водитель и Георгий обменялись взглядами.

— По-разному, — сказал водитель. — Области нашего влияния — культура, наука, ремесла, краеведение, музейное дело, летописание — короче, все, что может разбудить уснувшие души родичей. А вот ему приходится рисковать чаще, ибо он Витязь, заступник Рода.

— Но ведь культура и наука... все остальное... не дают власти... разве влияния на них достаточно для вашего дела?

— Нет, недостаточно, — качнул головой Георгий. — Нас уничтожают всеми имеющимися у слуг Морока средствами, и физическое уничтожение — еще не самый страшный метод. Но в моменты угроз существованию Рода как расы запускается скрытый механизм сопротивления насилию, в результате чего появляются Люди Резерва, лидеры, способные вести за собой людей и сплотить Род. И ты один из них.

Максим вздернул бровь, с удивлением и недоверием посмотрел на спокойное сосредоточенное лицо Витязя.

— Я? Вы шутите?

— Мы похожи на шутников? — усмехнулся водитель, сворачивая во двор дома, где жил Валерий.

— Но я же вовсе... не лидер... я хочу заниматься своим делом... петь...

— Ты и будешь заниматься своим делом, только на ином уровне, зная Традицию.

— По-моему, вы ошибаетесь насчет меня.

— Да, иногда мы ошибаемся, — согласился Георгий. —

Но мастера жизни — нет. Каждый человек несет в себе устойчивый паттерн психических состояний, свободно ими читаемый. Они и вычислили тебя, так как ты излучаешь в диапазоне отзывчивости, открытости, любознательности и доброжелательства.

Максим покраснел, усилием воли попытался скрыть смущение.

— Я просто так живу... Вы мне расскажете о Традиции?

— Для этого мы и встретились. Но я и Тимофей плохие наставники, мы люди дела. Тебе придется вести беседы с одним из родноверцев.

— Кто он?

— Ты его уже видел. Это летописец Иннокентий. Или у тебя есть возражения?

— Нет!

— Вот и славно. Добавлю единственное, на что уполномочен, чтобы у тебя сложилось правильное понимание темы. Ведическая Традиция — это не только славянский ведизм и язычество, это и зороастризм, и индуизм, и иранская Традиция, уходящие в глубь тысячелетий к древнейшим корням Истока Всего. Мы же с Тимофеем и все наши волхвы суть носители Северной Традиции, восходящей к наследникам гиперборейского магического реализма. То есть мы в соответствии с Традицией — внуки и правнуки Даждьбога. Запомнил?

— Да...

— И последнее: несмотря на то что Морок — сам слуга Чернобога, он не является Абсолютным Злом, как и его хозяин. Оба они суть властители Нави, олицетворяющие вселенский Закон Перемен. Не существует созидания без разрушения, добра без зла, света без тьмы. Однако везде и всегда нужна м е р а! Ныне же равновесие на Земле поколеблено в сторону разрушения, Навь вторгается во все сферы Яви-жизни, что недопустимо. Поэтому мы и боремся со слугами Морока за восстановление справедливости. А ты можешь нам помочь. Если, конечно, согласишься.

Максим смущился.

— Я уже согласился... хотя не понимаю, какой от меня толк...

— Об этом тебе сообщат те, кому положено. Идем.

Они вылезли из машины.

— Я подожду здесь, — сказал водитель.

Георгий и Максим поднялись на третий этаж, Максим открыл дверь квартиры Валерия своим ключом... и остановился на пороге, включив свет, глядя на стоящего у ажурной перегородки в гостиной седоголового старика. Это был Иннокентий.

— Здрав будь, мил-человек, — прогудел волхв.

— Добрый вечер, — пробормотал Максим, оглянулся на Георгия.

— Он из тех, кто владеет словом, — сказал тот, понимая чувства молодого певца. — Или, если хочешь, магией. Прощай до завтра, предреченник, сегодня я уже тебе не понадоблюсь.

И его не стало. Был рядом — и пропал! Только стукнула, закрываясь, входная дверь квартиры.

Максим сглотнул.

Иннокентий улыбнулся.

— Когда-нибудь и ты научишься ладить с миром. Проходи, располагайся.

Максим прошел в гостиную, потянулся к выключателю и замер.

Все деревянные панели, стенки, перегородки, мебель, доски пола вдруг засветились изнутри янтарной желтизной, и квартира Валерия волшебно преобразилась, превратилась в пещеру сокровищ, завораживающую взор.

— Нравится? — сказал волхв.

— Очень! — выдохнул Максим. — Как вы это делаете?

— Каждая вещь имеет свою душу, пусть и не такую, как у человека. А мы умеем с этой душой договариваться. Однако посидим лучше при обычном свете.

Щелкнул выключатель. Под потолком загорелось ожерелье скрытых в толще дерева светильников.

— Садись, — кивнул Иннокентий на стул, сел сам, расставив ноги шире, уперся ладонями в колени. — Мне сказали, что ты не только поешь, но и изучаешь звуковой строй.

— Мелодические звуковые модули, — поправил Максим. — Хочется понять, почему музыка и песня так сильно воздействуют на человека.

— На человека воздействует не только ладовая музыка, но и шум.

— Я знаю, нас учили, белый шум вообще отшибает память..

— Кроме белого есть и другие шумы. К примеру, черный программирует человека на любое противоправное деяние, даже на убийство или на самоубийство, розовый шум способен оживлять, синий — заживлять раны и так далее. Однако мы к этому еще вернемся. Сегодня я хочу проверить твой дар «орати словом Всех Света».

— Что? — не понял Максим.

— Спой что-нибудь.

Максим, чувствуя неловкость и смущение, хотел откаться, но встретил взгляд волхва, умный, понимающий, сочувствующий и доброжелательный, без тени усмешки, и подчинился. Затянул арию князя Игоря, сначала тихо, как бы сомневаясь в своем искусстве, потом увлекся и последние слова вытянул как на сцене, в полную силу.

Один из светильников в потолке лопнул, погас.

Оба посмотрели на него: Максим — озадаченно, Иннокентий — с задумчивым прищуром.

— БАЗа... — прошептал Максим.

— Тебя уже посвятили в наши дела? — догадался Иннокентий. — Не рановато ли? Хотя, может быть, все идет своим чередом. Но это не БАЗа. В твоем голосе спит сила потомков Буса Белояра, способная колебать пространство. Давай-ка попробуем воспеть колославу.

— Что?

— Одна-две строки, посвященные одному из Родных богов, которые поются в едином ритме, называется колославой. К примеру: Гой-еси-Велесе-Гой-Веле-Веле-Веле-се-Гой! Но сначала я научу тебя гудеть.

— Как это?

— Есть такое понятие — славянская гудьба. Первые звуки, извлекаемые из народных инструментов — скрипок, гуслей, волынок, свирелей, славяне называли гудением или

гудьбой. Так вот каждый священный слог должен длиться долго, пока хватит дыхания, тогда он входит в резонанс с телом и сознанием. Как говорил мастер: «Магическая музыка атакует ваши чувства и пробуждает нужную эмоциональную реакцию. Любая музыка, которую можно слушать без четкого осознания ее присутствия, есть музыка мистическая, несущая сакральный смысл». А гудение и есть такая музыка.

— А пение?

— И пение тоже гудение в своей основе. К примеру, звук О (он же буква О) несет в себе смысл Родового Первояйца, слог «Гой» отражает смысл всетворящей Силы Рода, слог «Ма» — сила Великой Матери и так далее. Эти слоги надо прогруживать, «гудеть», чтобы они передали свою силу тому, кто это делает.

— Понятно.

— Начни гудеть слог «Ма».

Максим замешкался, снова ощущив прилив неловкости, будто его заставляли играть в какую-то детскую игру с непонятными правилами.

— Это не игра, — усмехнулся волхв, непостижимым образом прочитав мысли молодого человека. — Это посвящение в Традицию. А гудеть надо так.

Он глубоко вздохнул три раза, сложил губы трубочкой и запел глубоким бархатным баритоном:

— Ма-а-а-а-а...

— Ма-а-а-а-а... — подхватил Максим так мощно, что стоящая в нише на полочке керамическая ваза завибрировала и взорвалась сотней осколков.

Глава 14

СНЫ

Облака затянули ночное небо, скрыли луну и звезды, стемнело, и лес превратился в загадочное темное пространство, полное призрачных теней, внезапно выплывающих из черноты светлых колонн, кружевных узоров, черных пещер, гулких шепотов и тресков.

Но она не боялась ни темноты, ни лесных звуков и ша-

гала по лесу легко и естественно, будто родилась тут и знала каждое деревце, каждую ложбину или холмик.

Джинсовый костюм был слегка великоват, поэтому рукава и штанины она подвернула, однако он ничуть не стеснял ее в движениях. Волосы же, светлые, длинные — до пояса, она аккуратно собрала на затылке в узел, перехватила резинкой, а на голову накинула косынку.

В лесной чащобе стало темнее, деревья выросли вокруг непроходимой стеной.

Девушка остановилась, осматриваясь, прислушиваясь больше к своим ощущениям, а не к лесным звукам, и увидела тропинку. Точнее, не тропинку, а ее след: здесь когда-то ходили люди.

Она устремилась к тропинке, невесомая, как ветер. Ни одна веточка не треснула под ногами, не зашуршал ни один опавший лист. Тропинка повела ее в глубь леса, огибая заросли кустарника и мшистые болотные окна. Вот она достигла круглой поляны, окруженной со всех сторон гигантскими елями и поясом упавших вершинами к центру поляны засохших деревьев. Посреди поляны виднелось озерцо, тоже круглое, небольшое, как колодец.

Девушка добралась до берега озерца, наклонилась к черному зеркалу воды. Внезапно облака разошлись, открывая сияющий лик луны, и в зеркале воды отразились звезды и лицо девушки, печальное и строгое. Она сняла с себя джинсовую курточку, потом джинсы и кроссовки, выпрямилась, оставаясь в одной прозрачно-белой рубашке.

В лесу ухнул филин. Со всех сторон донеслось каркающее эхо, заставив девушку вздрогнуть.

— Илюша... — прошептала она, прижав кулачки к груди. — Я не могу жить без тебя...

Луна спряталась за тучи, но поляна оставалась видимой, словно засохшие деревья засветились изнутри, как гнилушки.

Девушка подняла джинсовую курточку, бросила в озерцо. За ней последовали джинсы и кроссовки, булькнули, скрываясь в воде. Девушка сняла косынку, стянула резинку, волосы рассыпались по плечам нежным серебристым водопадом.

Показалась луна. Подул неизвестно откуда взявшийся косой ветер.

Девушка протянула к ней руку, застыла, не отрывая глаз от сияющего золотистого диска. Неизвестно, сколько длилось бы ее оцепенение, если бы не крик филина:

— Иди!.. Иди!..

Она вздрогнула, шагнула в озеро. Ноги обожгло холодом, но девушка, вскрикнув, заставила себя шагнуть глубже.

— Илюша... милый... прощай...

Луна над головой превратилась в лицо старухи с безумными глазами, черные старушечьи губы искривились в злобной торжествующей усмешке. Ветер принес с небес ее бормотание:

— Ягъя вечный, сынок богов беспечный, прими ее в объятья, нашли проклятья, утонет добрыня, пропадет берегиня...

Девушка закрыла глаза, сделала еще шаг, погружаясь в воду по грудь.

Какой-то длинный воющий звук коснулся ее ушей.

Она вздрогнула, широко раскрывая глаза, оглянулась.

Звук повторился — тоскливыи волчий вой.

И вот из черных зарослей на поляну вылетел волк со светящимися, как янтарь, умными глазами. Девушка протянула к нему руки.

— Светлый!

Волк метнулся к ней, прыгнул на грудь, лизнул в губы... и лежащая на кровати Владислава с криком подхватилась, таращясь в темноту ночи.

Поляна, озеро и волк исчезли.

Она была дома. В окно спальни светила сумасшедшая луна. Тихо шагали по времени старые ходики на стене.

— Илюша... — проговорила Владислава срывающимся голосом и вдруг заплакала, прижав к лицу ладони.

* * *

Он понял, что попал в волшебную страну, увидев на изумрудно-зеленои травяной равнине замок необычайной красоты.

Издали замок, освещенный светом миллионов звезд, казался стройным, изящным, гармоничным, стремящимся к небу, и сам светился изнутри нежным опалом. Однако было в нем и нечто тревожащее душу, не поддающееся рациональному объяснению, отчего хотелось подойти к нему поближе и убедиться, что он совершенен не только как геометрическое сооружение.

Илья сошел с холма, двинулся к замку. И чем ближе подходил к нему, тем большее беспокойство охватывало его. Наконец, когда замок вырос перед ним сверкающей горой, стало понятно, что его пропорции отличаются от тех, к каким привык человеческий глаз. Замок строился в стиле готического шатра, но создавали его явно не люди и не для людей.

Илья протер заслезившиеся от напряжения глаза... и оказался внутри замка. Впрочем, он не удивился, странным образом помня, что видит сон.

Перед ним распахнулся коридор, узкий и длинный, очень высокий, напоминающий ущелье в горах. Стены коридора, белые как кость, были покрыты насечкой и бороздами, будто их драли когтями саблезубые тигры. Пол казался стеклянным, а с потолка кто-то смотрел на человека слепыми мертвыми глазами.

Илья передернул плечами, двинулся вперед, прислушиваясь к глухой ватной тишине замка.

Коридор разветвился. Перекресток. Гигантский зал распахнулся внезапно, похожий больше на кратер вулкана с центральной дырой, из которой струился столб подсвеченного снизу багрового дыма.

Кто-то пробежал по коридору, стуча коготками, коснулся плеча Ильи. Он стремительно обернулся. Никого... Только в стенах тает некий след — словно хвост звездочек, удаляющийся в глубины замка.

Гулкий шепоток родился в кратере...

Илья вздрогнул, вглядываясь в туманную струю, начавшую приобретать форму жуткого монстра.

Ягъя! Демон Ночи! Сын Морока и Мары...

Бежать отсюда, пока не поздно!

Илья бросился прочь от зала-кратера, лишь позже заметив, что пол коридора стал бугристым, усеянным камнями.

Снова топот невидимых ног, стук коготков, шуршанье крыльев невидимой твари за спиной. Он отмахнулся наугад, чувствуя нарастающий страх, стрелой пронесясь через коридор и выбежал из замка, но — не на покрытую изумрудной травой равнину, а на угрюмую бугристую поверхность плато! Остановился с неистово колотившимся сердцем, с недоумением озираясь, не понимая, куда попал.

Шрамы, кратеры, ложбины, кучи камней, скалы, горы вдали, стеклянное на вид небо над головой, мутно-желтое, с прожилками света, дымы до горизонта...

Илья оглянулся.

Замок был на месте, но теперь он и вовсе казался собранным из пористых серых и белых костей, готовым рухнуть грудой обломков от любого сотрясения. Из его центрального входа, похожего на разинутый рот, вылетела струя светящегося дыма, очертаниями напоминавшая хищного зверя. Раскрылась алая пасть, высунувшись раздвоенный язык, потянулся к человеку.

— Илюша... — послышался ломкий, хрустящий, шелестящий, как сухая трава под ветром, шепот.

Илья дернулся назад, споткнулся, ударился затылком о каменный бугор... и проснулся в холодном поту. Подхватился на кровати, глядя на освещенную луной стену комнаты. Потом лег. Но снова поднялся на локтях, вдруг вспомнив шепот: Илюша... Так звала его Владислава.

Сон да мне в очи да во сей ночи
Стани до утра оберег чела
Тут сну достаток нову дню початок
А боле всего оберег добро!

Кажется, так учил Евстигней произносить оберег сна.
Не быть худу!

— Слава... — проговорил Илья онемевшими губами, — я найду тебя...

Перед глазами возникла тонкая светлая фигурка, бегущая по цветущему лугу. Такой он увидел жену при первой встрече на берегу озера Ильмень.

Когда это было? И было ли вообще?..

Глаза повлажнели. Он вытер их тыльной стороной ладони, сердито подумал: стареешь, дружок. Витязь ты или где? Слюни подбери!

Сердце заныло, пронзенное стрелой тоски. Господи, Слава, как же тебя не хватает!..

Глава 15

РАБОТА «НЕ ВЕЙ ЛЕЖАЧЕГО»

До утра он так и не уснул.

Сначала в голову лезли всякие воспоминания, связанные с поиском Лика Беса — Врат, через которые в мир Земли выходил Морок, с первой встречей с Владиславой, с дальнейшими событиями, закончившимися боем с хх — служителями Храма Морока. Потом на ум пришла мысль, что Владиславы в Москве нет, летнюю сессию она сдала и уехала к родственникам в Парфино. Однако все же Илья смог успокоить сердце зрелым размышлением: нет у нее никаких родственников — и стал собираться на работу.

Третий день он жил в Москве, на 1-й Миусской улице, недалеко от метро «Новослободская», в двухкомнатной квартире, которую ему сняли квартирьеры местной славянской общины. И уже второй день Илья выполнял работу теплохранителя Данилы Ломова, племянника, сына дядьки Федора Ломова, у которого он останавливался с друзьями три года назад.

Данила обрадовался, встретив Пашина, и не стал возражать Георгию, который свел дальних родственников и сообщил, что теперь Данилу везде будет сопровождать свой человек. Парень понимал свое положение, став мишенью для киллеров Морока, а главное — знал истинное положение вещей и готов был идти в своем рунописном ремесле до конца.

Кроме того, оказалось, что он прекрасно обучен рукопашному бою и кодексу чести воина Рода: воин тот, кто не ищет покоя и бездействия, не служит деньгам и не признает

их власти над собой, способен защищать не только себя, но и других, везде и всегда отстаивает справедливость, подчиняет свои прихоти разуму и воле.

- Кто же тебя обучал? — поинтересовался Илья.
- Нестор Будимирович, — ответил Данила.
- Волхв?
- Нет, школьный учитель. Он обещал приехать в Москву в конце лета.
- Неплохо бы с ним познакомиться.
- Нестор Будимирович очень хороший человек, строгий, но справедливый и добрый. Он в совершенстве знает Лют-бой и меня подготовил.
- В таком случае он Витязь.
- Может быть, я не спрашивал.
- Покажешь приемы? Я о стиле Лют только слышал, adeptы этой системы якобы занимаются с учениками в Коломне.
- Конечно, покажу.

Данила вечером того же дня действительно продемонстрировал свое боевое умение, и Пашин зауважал его учителя. Семнадцатилетний парень мог бы, наверное, легко стать чемпионом страны по рукопашному бою, если бы захотел. К тому же кое-какие приемы Лют-стиля были неизвестны и самому Илье, отчего он решил в будущем взять их на вооружение.

- Ну, а чем ты занимаешься еще кроме тренировок и рунописания? — спросил он.
 - Готовлюсь к экзаменам в институт.
 - Нет, я имею в виду — для души.
- Данила смутился, но все же сообщил дяде, что изучает историю и ведическую этику.
- Какую историю? — не понял Илья.
 - Мне дал дядя Георгий... это история Рода... русские Веды. Там наш мир рассматривается как совокупность и нераздельное взаимодействие трех планов: Прави, Нави и Яви. Очень интересно!
 - И что же ты уже усвоил?
 - Это долго рассказывать.

— А ты в двух словах.

— Ну, это как дух, душа и тело у человека, тоже три плана. Меня и Нестор Будимирович учил работать на трех уровнях: с использованием методов Прави — на уровне сознания, Нави — на уровне внутренней энергетики и Яви — на уровне физического развития тела. Но это действительно долго рассказывать...

— Ладно, мы еще поговорим об этом, иди, занимайся экзаменами.

На второй день Илью познакомили с бабушкой Милоликой, хозяйкой квартиры, где поселился Данила, и Пашин с интересом и удовольствием побеседовал с ней, не только обладавшей огромным жизненным опытом, но и живо интересующейся нынешним положением дел в стране и в мире. В результате они сошлись во мнении, что коррумпированной снизу доверху власти можно противопоставить только систему обучения истинному знанию, памяти Искона — корней Рода и сплоченность растущих общин, и остались весьма довольными друг другом.

Показал Данила своему родичу-телохранителю и руны, которые он успел вырезать на липовых и ясеневых дощечках к этому времени. Илья с любопытством повертел в руках легкие дощечки, прислушался к своим ощущениям. Дощечки с разными рунами по-разному и отвечали тому, кто их разглядывал. Особенно одна из них, начинавшая буквально светиться, дымиться и обрастиать шубой электрических искорок.

— Руна СВА, — сказал Данила, наблюдая за дядей. — Самая важная часть руны Света.

Илья взял другую дощечку, с изображением двух пересекающихся прямых углов, с удивлением отметил, как она потяжелела, налилась внутренней силой.

— Руна И-НА, — сказал Данила. — Олицетворяет мощь и защиту. А это УМ-БА, руна Радости.

Илья провел пальцем по рисунку: руна была составлена из полуокружности с хвостиком — в виде буквы «Э» и квадрата, опиравшегося на прямой угол. Руке стало щекотно,

по локтю пробежала судорога, захотелось чихнуть и засмеяться.

— Удивительное ощущение! — Илья с улыбкой вернул дощечку. — Сколько же ты уже вырезал?

— Девятнадцать. А надо двадцать две.

— Почему именно столько?

— Дядя Георгий говорит, что для воссоздания рунного креста — Володаря, который сделал дедушка Евстигней. Этот крест может не только восстанавливать любые материальные структуры, но и вызывать богов.

— Да, — кивнул задумчиво Илья. — Когда-то мы пытались претворить эту идею в жизнь. Ничего не получилось.

— Я знаю, дядя Георгий рассказывал. Дедушка Евстигней сплел Ключ к Руне Света, этого оказалось недостаточно. Я попробую пройти дальше.

— Что ж, может быть, у тебя и получится. А тебе говорили, для чего готовится Володарь?

— Нет, не говорили.

— Интересно, что задумали волхвы? Как ты думаешь? Просто так они ничего не делают.

— Это еще одна попытка достучаться до небес, — серьезно сказал Данила.

Илья невольно улыбнулся.

— Как ты сформулировал? Достучаться до небес? Очень образно... и правильно. Пора нам призвать наших богов, пусть обратят свой взор на то, что творится на Земле.

Больше они о рунах не говорили. Хотя и вертелся на языке Ильи вопрос: каким образом Данила в и д и т рисунок руны? Выходит в астрал и ментал, объединенное поле информации космоса? Или все это делается на подсознательном уровне, с помощью тончайшей душевной интуиции?

Однако задать этот вопрос троюродному племяннику Паши не решился. Зато с удовольствием выслушал парня, поделившегося методикой своего обучения искусству «воина совершенства». Данила был убежден, что настоящий мужчина должен обладать как минимум двумя дюжинами качеств, делающих его достойным уважения.

— Это каких же? — поинтересовался Илья.

— Например, он должен быть чистым, стойким и скромным, дисциплинированным...

— Умным, справедливым, сильным и простым, — добавил Илья со смехом. — Знать Ведические писания, Копное право, уметь доказывать свою правоту, контролировать чувства.

Данила смутился.

— Я имел в виду...

— Извини, не хотел тебя обидеть. Ты прав, конечно. Хотя все эти качества перечислены еще в Изборнике девятого века и воспроизведены заново в книге Трехлебова «Кошуны Финиста Ясна Сокола» как шестьдесят четыре искусства, делающих мужчину совершенным. Ты его имел в виду?

— Нет, у меня другие книги...

— Не важно. Расскажи лучше, что ты делаешь конкретно.

— Пощусь... — Данила встретил веселый взгляд Пашина, ответил стеснительной улыбкой. — Пост заставляет организм укрепляться и очищает кровь.

— Не возражаю. Еще?

— Закаляюсь холодной водой, летом — в бане...

— Правильно, это еще один весьма действенный метод укрепления организма — холодом и жарой, от бани до хождения босиком по углям.

— Еще выполняю специальные упражнения, через день — в долгом статическом положении, в особых позах, даже очень неудобных и непривычных для тела.

— Упражнения на симплексное напряжение.

— Очень трудно! — признался Данила.

— Еще бы, зато мышцы потом будут как стальные!

— И плюс высокоактивные занятия, это гимнастика и Лют-борьба.

— Куришь, выпиваешь?

— Как можно? — зарделся Данила. — Неправедно это. Нестор Будимирович говорит: пить, курить — смердом быть.

— Совершенно с ним согласен. Хороший тебе учитель

достался, я рад за тебя. Каковы у тебя планы на сегодняшний день?

— Сидеть дома, учить билеты.

— В таком случае я пока отправлюсь по делам. Надумашь куда-нибудь поехать — позвонишь. Один не выходи ни в коем случае.

Так на второй день работы (не бей лежачего, как говорят в таких случаях) Илья смог освободиться для решения личных дел, а именно — попытаться встретиться с женой. Что сказать ей при встрече, он не знал, поэтому ждал этого момента с тревогой и страхом, как перед важным экзаменом.

Однако встретиться с Владиславой в этот день не удалось. Телефоны не отвечали, ни мобильный, ни домашний (сменила, что ли?), а на звонок в дверь никто не откликнулся. Вполне могло быть, что Владислава, сдав экзамены за третий курс, уехала-таки из столицы, а где ее искать, Илья не знал. Впрочем, оставалась призрачная надежда, что она гостит у подруг. Одну из них — Валентину Черных, сокурсницу жены, Илья помнил, осталось теперь только найти ее адрес. А после странного сна с замком, когда он услышал зов Владиславы, желание найти ее усилилось настолько, что Илья решил заняться поисками жены немедленно. Надо было лишь узнать у «важной охраняемой персоны» — Данилы — план его походов на субботу, двадцать шестое июня.

На всякий случай он еще раз позвонил Владиславе по известным ему телефонам, ответа не получил и спустился к машине в минорном настроении.

Для выполнения обязанностей телохранителя Пашину выдали «транш» — деньги на расходы в количестве восьми-десяти тысяч рублей — и снабдили транспортом — отечественной «Вербой» белого цвета с московскими номерами. У машины был форсированный двухлитровый двигатель, позволявший ей приличными темпами набирать скорость до двухсот двадцати километров в час. Правда, по московским улицам с вечными пробками особо не разгонишься, но руки соскучились по рулю, и Илья с не испытанным ранее удовольствием садился на место водителя, чувствуя эмоциональный подъем.

От Миусской улицы до Пушкинской площади рукой подать — минут двадцать пешего хода, но Тверская практически всегда плотно забита машинами, движущимися со скоростью около десяти километров в час. И Пашин потратил на весь путь от своего дома до «гостиницы» Данилы те же двадцать минут.

Бабушка Милолика встретила его, как всегда, приветливо, с улыбкой, и ему пришлось выслушать ее монолог о «войне цивилизаций» — она послушала новости по телевизору — и попить чаю.

— А что за война? — не сразу вник в суть монолога Илья. — Между кем и кем?

— Передача была, — всплеснула руками старушка, — «круглый стол» с участием ведущих аналитиков и политологов. Идет война между христианской и мусульманской цивилизациями. Все признаки налицо.

— Успокойтесь, Милолика Степановна, — снисходительно улыбнулся Илья. — Это все происки определенных идеологов, пытающихся переложить вину за все, что делается в мире, с большой головы на здоровую. Война, конечно, идет, но не между цивилизациями, а между террористами, направляемыми американскими и западными политиками, и остальным миром. Америка ведь христианская страна?

— Так она себя представляет.

— А на чьей стороне она воевала в Югославии в конце прошлого века, устанавливая «мир и порядок»? На стороне христиан-сербов? Нет, на стороне боснийских мусульман. А кого поддержали насквозь мусульманские страны Персидского залива во время операции США «Буря в пустыне»? Исламский Ирак? Нет, коалицию христиан. Кто такой бен Ладен? Борец за исламскую идею уничтожения неверных? А кто его спонсировал и использовал против тогдашней империи СССР? Те же христианские Соединенные Штаты. Понимаете? Агрессивный террористический ислам не цивилизационный субъект, а средство для радикального переворота мира.

Пашин заметил, что Данила, замерший в дверях, не сводит с него глаз, подмигнул ему.

Данила порозовел, скрылся в своей спальне, проговорив оттуда:

— Дядя Илья, вы говорите, как дядя Георгий.

— Что ж, значит, мы думаем одинаково.

— Спасибо за просвещение, — улыбнулась Милолика. — А я-то все за чистую монету принимаю, об чем они там болтают.

Илья поймал мудрый, с лукавинкой, взгляд старушки и понял, что все она понимает как надо, а тему затронула лишь для того, чтобы проверить мировоззрение гостя. Уж не ведунья ли она? — мелькнула мысль. Ведьма, как говорили встарь, имея в виду исконное значение этого слова: «вedaющая матерь».

Милолика упорхнула на кухню с посудой, вернулась.

— А ты какой веры будешь, мил-человек?

— Православной, — ответил стесненно Илья. Подумав, добавил: — Не нынешней, перенявшей методики христианства, а древней, опирающейся на Родовой Искон и Традицию.

Илья не стал говорить, что стал приверженцем древлеверской Традиции недавно, да и то под влиянием Витязей Союза славянских общин. Бабушке было достаточно и того, что он идет *правильно* дорогой. Он мог бы добавить в развитие затронутой темы, что новое мироустройство, предлагаемое Западом, полностью подчинившимся слугам Морока, невозможно без натравливания народов друг на друга, без краха России, поэтому западные кукловоды и используют по всему миру радикальных исламистов, в том числе в России — в Чечне, Ингушетии, Дагестане и даже в исконно русских городах. Но вряд ли бабушка Милолика нуждалась в этом уточнении. Она все *в идея* и так.

— Вижу, — вдруг поклонилась Илье старушка, словно прочитав его мысли, — наш ты человек, Илюша.

Она скрылась на кухне.

Илья посмотрел на возникшего на пороге спальни Данилу. С трудом унял душевное волнение, внезапно еще раз осознав, что хозяйка квартиры далеко не так проста, как кажется. Не зря же Георгий поселил Данилу именно у нее, а не

у себя, где он находился бы под надежной защитой. Наверняка квартира Милолики тоже охраняется каким-нибудь колдовством и «не видна» ни одному черному магу на службе Морока.

— Куда идем? — с готовностью поднялся Илья из-за стола.

— В библиотеку, — сказал Данила, — в район Киевского вокзала.

— Поехали.

— Будьте осторожнее, — пожелала им на прощание бабушка, — неспокойно мне что-то сегодня.

— Не беспокойтесь, Милолика Степановна, — веско сказал Илья, — мы люди мирные, но наш бронепоезд в любой момент может покинуть свой запасный путь.

— Не ссорьтесь ни с кем, — улыбнулась старушка, — машинисты.

Сели в арендованную «Вербу» Пашина, с трудом выбрались на Тверской бульвар.

Илья включил экстрасенсорное сканирование, опасных потоков внимания к машине не почувствовал, но решил не расслабляться. Бабушка Милолика не стала бы пугать постороннего и его телохрана от нечего делать, ей были ведомы какие-то скрытые линии прогнозирования будущего, поэтому стоило отнестись к ее предупреждению всерьез.

Улица напротив архива художественного института была забита машинами, поэтому Илье пришлось оставить «Вербу» на площади Киевского вокзала и пройтись пешком лишних сто метров.

Так и сделали. А проходя мимо вокзала к улице Брянской, стали свидетелями некрасивой сцены. Пятеро милиционеров дубинками разгоняли продавцов цветов напротив вокзала, в основном пожилых женщин, грубо выхватывая у них цветы, швыряя букеты в синие «воронки» и впихивая туда же продавцов. Многие плакали: «Сыночки, что же вы нас, как скотину, гоняете?»

Идущие впереди молодая мамаша с маленьkim сыном остановились. Мальчишка испуганно прижался к маме:

— Мам, это бандиты, да?

— Идем отсюда, Олежек, это милиция.

Илья и Данила обменялись взглядами.

— Чем они отличаются от бандитов? — хмуро буркнул Данила.

— Стражи закона, — крутанул желваки на щеках Илья, прикидывая, с каким наслаждением он набил бы морду одутловатому сержантику, заталкившему в «воронок» ста-рушку.

Пожилой мужчина, проходивший мимо и остановившийся поглядеть на расправу, усмехнулся в ответ на его слова:

— Все просто: здесь рядом рынок, где торгуют цветами кавказцы, а наши им своей продажей мешают, конкуренты, блин, вот горные орлы и вызывают милицию.

Словно иллюстрируя слова прохожего, появились двое — седоватый капитан и семенящий рядом смуглолицый представитель Кавказских гор, что-то втолковывающий офицеру.

Мужчина плонул, зашагал по своим делам.

Данила покачал головой.

— Так же нельзя...

— Увы, племяш, — сказал Илья, — шутка: если нельзя, но очень хочется, то можно, — стала для таких блюстителей порядка правилом.

На площадь из метро вдруг высыпала стая молодых людей в немыслимых балахонах и черных, кожаных, несмотря на июньскую жару, костюмах. В глазах зарябило от множества блях, молний, заклепок и значков. На шеях парней красовались ошейники с шипами, а волосы у членов компании, что у парней, что у девушек, раскрашенные во все цвета радуги, были собраны в особые прически под названием «ирокез». Послышались шутки, мат, возгласы:

— Круто оторвались!

— Клево торкнулись!

— Зелень в рыло и п...ц!

— Панки хой, орлы!

— Кто это? — хмыкнул удивленный Илья.

— Панки, конечно, — пожал плечами Данила.

— Неужели их племя еще не исчезло? Я думал, они уже давно вымерли, как динозавры, вместе с социализмом.

Компания панков миновала милиционеров, не обративших на них никакого внимания, и рассеялась по скверу, как стая воробьев.

— У нас в школе тоже была такая банды, никого не боялась, — сказал Данила.

— Тебе не хотелось потусоваться с ними?

— Не-е... — качнул головой молодой художник. — Это же бессмысленная трата времени.

Они пересекли площадь, прошли через сквер, и Данила скрылся за дверями библиотеки. А Илье вдруг сделалось неуютно. В спину подул холодный ветерок. Сама собой включилась и «ощетинилась» система определения опасности. Не оглядываясь, он начал экстрасенсорное сканирование местности и вскоре вычислил «очаг внимания»: у газетного киоска стоял небритый дядя в серой, с желтыми разводами футболке, джинсах, похожий на запившего с горя интеллигента, и делал вид, что выбирает журнал. При этом он временами косился на Пашина и явно никуда не торопился.

Второй «очаг внимания» обнаружился на противоположной стороне улицы, среди шеренги автомобилей. Оттуда изредка вылетал «трассер» взгляда, вонзившийся в затылок Илье, из чего он сделал вывод, что его или Данилу — или их обоих — «пасут» некие структуры, которые во всех странах мира принято называть «наружным наблюдением».

Впрочем, это были непрофессионалы, иначе Илья не смог бы вычислить их так быстро. Наблюдатели, естественно, пытались работать скрытно, однако это у них получалось плохо.

Илья сел в скверике на скамейку, не выпуская из виду дверь в архив, размышляя, что делать в сложившейся ситуации. С одной стороны, сама по себе слежка неопасна, поскольку всегда является всего лишь инструментом более сложных оперативных комбинаций. С другой — ради удовольствия никто наблюдать за объектом не будет, просто это означает, что готовится какое-то действие, результа-

том которого вполне может быть ликвидация объекта. А так как сам Пашин ни для кого интереса не представлял (чего уж там пальцы растопыривать), то следить начали именно за Данилой. Младший Ломов был художником-рунорезом. Поэтому следить за ним могли только соглядатаи хха, холуи секты Морока.

Илья достал было мобильник, чтобы позвонить Георгию, и устыдился порыва. Еще ничего не произошло, а его размышления могли быть и неверными. Время для объективной оценки происходящего пока не пришло.

Он набрал номер телефона Данилы.

— У тебя все в порядке?

— Сижу, читаю, — почти шепотом ответил Ломов.

— Ну, читай. Предупреди только, если надумаешь выходить.

Илья посидел в скверике полчаса, потом купил газету, прогулялся, делая вид, что увлечен чтением, сел снова.

Небритый тип скрылся куда-то, но машина — серая «ДЭУ Нексия», продолжала стоять в ряду других машин, и оттуда к Пашину тянулся лучик взгляда, не предвещавший ничего хорошего. Он уже собрался было действовать, как и в случае с Фоменко — неожиданно и быстро, с упреждением, но в машине словно почувствовали его намерения, «Нексия» сорвалась с места и уехала.

Не появлялся больше и небритый «интеллигент». А вот ощущение скрытного наблюдения осталось, хотя и ослабело. По-видимому, Илью с Данилой передали другой паре наблюдателей, прячущихся более профессионально. Поразмышляв на эту тему, Илья поднялся со скамеечки, пересек улицу и вошел в вестибюль библиотеки. Предъявил на входе удостоверение сотрудника частного охранного предприятия, поднялся в зал и тихонько сел в уголке с газетой, убедившись, что Данила прилежно изучает разложенные по столу документы.

Через два часа Ломов-младший сдал просмотренные материалы, подошел к телохранителю.

— Я готов.

— Ты меня заметил? — прищурился Илья.

— Почувствовал, — смущенно признался Данила. — Честное слово, мне неловко...

— Не бери в голову, это моя работа.

— Все равно я не привык к такому вниманию. Ты мог бы заняться своими делами.

— Нет у меня никаких дел. — Илья мимолетно подумал о Владиславе. — Отвезу тебя домой, сдам на руки бабушке Милолике, тогда и займусь. Куда теперь?

— В институт.

— Давай сначала пообедаем, потом поедем в институт. Или у тебя там встреча?

— В час консультация.

— В таком случае поехали на консультацию, а после нее в кафе.

Вышли из библиотеки.

Данила был сосредоточен на своих проблемах и ничего не замечал. Илья же сразу почувствовал поток внимания к своей персоне, говоривший о том, что передвижение племянника и дяди контролируется. Появился и знакомый небритый «интеллигент», сменивший футболку на рубашку-сетку. Он делал вид, что пьет пиво в скверике и никуда не торопится. Но стоило Пашину с Данилой пересечь сквер, как «интеллигент» двинулся за ними, продолжая прихлебывать пиво из жестянки.

— За нами «хвост», — сказал Илья, садясь за руль. — Ты раньше вон того типа не видел? С банкой пива в руке.

— Нет, не видел, — качнул головой Данила, оглянувшись.

— Наблюдает за нами с утра. Ладно, посмотрим, что он будет делать дальше.

«Верба» Пашина покинула стоянку возле вокзала, и тотчас же небритый бегом бросился к подъехавшей «Нексии», которая умело перестроилась следом за «Вербой».

— Не очень-то они и скрываются, — заметил Данила. — Зачем мы им понадобились?

— Не догадываешься? Тебя разве Георгий не предупреждал?

— Предупреждал, но я думал, что это... несерьезно.

— Если за тебя взялись хха, то это очень серьезно, племяш. Плохо, что они тебя отыскали. Как бы не пришлось менять место дислокации.

— Не хотелось бы, — с сожалением проговорил Данила. — Мне там хорошо.

— Держись!

Илья рывком увеличил скорость машины, обогнал ряд машин у светофора по встречной полосе, пересек поперечную улицу и свернул в переулок под клаксоны рассерженных его маневром водителей.

«Нексия» отстала.

Поток внимания, ощущаемый как дуновение холодного ветра в затылок, ослаб.

— Оторвались? — оглянулся Данила.

— Посмотрим.

Через полчаса, поплутав по переулкам и улочкам Китай-города, они подъехали к зданию Московского художественного института, и Данила убежал в аудиторию, пообещав нигде после консультации не задерживаться. А Илья занял такую позицию, чтобы видеть все паркующиеся напротив автомобили. Однако серая «Нексия» так и не появилась. Не чувствовалось и перемены псих-потенциалов вокруг, что говорило об отсутствии наблюдающих за «Вербой» людей. Маневр Пашина удался, преследователи потеряли их из виду.

Не обнаружили они себя и позднее, когда Илья с Данилой поехали обедать, а потом отправились домой. Тем не менее Илья бдительности не ослабил, продолжая напрягать свою экстрасенсорику и контролировать изменение энергоинформационной обстановки на всем пути следования. Он отчетливо осознавал, что, если уж неизвестные наблюдатели вышли на след Ломова-младшего, своего занятия они не оставят и следующее их появление не за горами.

Так как Данила больше не собирался покидать квартиру, Илья решил не надоедать квартиранту и его хозяйке и, попрощавшись с ними, какое-то время наблюдал за жизнью двора в надежде, что преследователи Данилы обнаружат себя. Однако все было тихо. Летняя жара обволокла зор прозрачной пеленой, люди по нему ходили редко, машины ка-

зались брошенными, и ни одна из них в поле зрения Пашина не показалась подозрительной. Послонявшись возле дома, он все-таки заставил себя еще раз оценить состояние пространства, ничего опасного не учуял и с облегчением сел в машину, зная, что будет делать дальше.

Мысль позвонить Георгию и сообщить о слежке за Данилой ушла. Голову заняли другие мысли. Пришло ощущение, что сегодня он непременно встретится с Владиславой, и это ощущение было столь острым, что Илья без раздумий направил машину к своему бывшему дому на Карамышевской набережной. Показалось даже, что он слышит голос жены: Илюша... — и думать о чем-то другом стало недосуг.

Дверь в квартиру, холодная и твердая, отрезвила его.

Хозяйка не прикасалась к ней и давно не открывала, это было очевидно. И все же Илья надавил на кнопку звонка, раз, другой, третий, ожидая, что вот-вот послышатся шаги, звякнут запоры и дверь откроется. Но чуда не произошло. Владислава не появилась. Ее не было дома, не было в городе, ее не было на Земле и вообще в этой Вселенной, иначе она наверняка откликнулась бы на мысленный зов мужа. Означало ли это, что она забыла его и думала о другом мужчине? Возможно. Тогда почему Виктор утверждал, что Слава живет одна и ждет?

Илья поднял глаза к потолку.

Где ты, любимая? Отзовись!..

Тишина в ответ, глухая, ватная, обидная.

Илья сел на ступеньку лестницы, закрыл глаза и просидел в оцепенении до тех пор, пока не послышались голоса и шаги — соседи Владиславы возвращались с работы. Он встрепенулся, посмотрел на часы: половина девятого. Ничего себе отключился, телохранитель! Словно в яму провалился. Пора домой, чего зря штаны просиживать у заветного порога?

И вдруг в сердце вонзилась игла тревоги.

Илья вздрогнул, прислушиваясь к своим ощущениям, потом рванул вниз по лестнице, выскочил во двор, нырнул в машину и помчался к Пушкинской площади, отчетливо видя туманные струи недобрых намерений, устремившиеся к Даниле.

Глава 16

ДРУЗЬЯ — ВРАГИ

Он проспал до обеда. Проснулся от острого желания освободиться от выпитого вечером пива. Сходил в туалет, сноva лег. Посмотрел на часы. Вяло подумал, что пора вставать. Но не встал. Хандра опутала его липкой паутиной, по гулкому пространству головы ползали обрывки мыслей, но ни одна не задерживалась в сознании, все уползали в камыши смутных ощущений скользкими змеями.

Он закрыл глаза, но память тут же вывела на дисплей воспоминаний последнюю встречу с дочерьми, и Антон, выругавшись, заставил себя подняться. Помахал руками, имитируя зарядку, умылся. Стало немного легче.

Квартира давила тишиной, как удав кроликом.

Послонявшись из угла в угол и от спальни до кухни, удивляясь отсутствию соседа, он позвал:

— Рудик!

Никто не откликнулся.

Антон толкнул дверь второй комнаты, но она оказалась запертой.

— Я жрать хочу! — машинально заявил он неизвестно кому, добавил озадаченно: — Ты куда запропастился?

Наружная дверь тоже была заперта, а поскольку ключей Антон не имел, то и мечтать о бегстве не стал. Поплелся на кухню, нашел в холодильнике яйца, масло, лук, сделал омлет и съел, запил чаем. Вернулся в спальню, размышляя о причине отсутствия соседа, и обнаружил на столе небольшой телевизор. Хмыкнул: вчера его еще не было. Неужели хозяева решили скрасить безрадостное сидение квартиранта, подарив ему «виртуальный выход в мир»?

Включил телевизор.

По первой программе шла передача под названием «Кряк-бряк». По второй — какой-то телесериал. По НТВ ведущий со значительным лицом задавал кому-то вопросы и делал вид, что внимательно слушает ответы. По каналу «Культура» передавали новости, и Антон с изумлением узнал, что на аукционе в Лондоне был продан тест на бере-

менность с остатками мочи знаменитой певицы Бритни Спирс. Причем желающих купить этот «приватный» предмет оказалось более восьмисот человек. Ушел тест за пять тысяч один доллар США.

— Охренели совсем! — пробормотал Антон, переключая канал.

Посидев у телевизора еще полчаса, он заснул и завалился на кровать, не раздеваясь. Уснул. А проснулся от толчка в плечо:

— Вставай, бомж!

Антон открыл глаза. У кровати стоял Рудик, одетый в черную сетчатую рубашку.

— Вставай, на дело пойдем, — добавил по-прежнему небритый сосед. — Мы выследили объект, твое дело его привлечь.

Одно мгновение Антон не понимал, о чем идет речь, потом разом поднялся. Мелькнула мысль еще раз попробовать отказаться от задания. Но перед глазами возникли фигурки дочерей, их счастливые улыбающиеся лица, и порыв угас.

— Когда?

— Пока доедем, стемнеет, самый раз выходить на охоту. Не мне тебя учить.

По-видимому, Рудик был уверен, что его сосед — обычновенный киллер по найму, поэтому и вел себя соответственно.

Антон посмотрел на него мутным взглядом, и Рудик криво улыбнулся, показав рукоять пистолета.

— И не мечтай! Если самому нечего терять, то твоей бабе есть чего. Попробуешь устроить революцию, тебе принесут ее скальп. Или фрагменты девочек.

Антон сжал кулаки.

— Если хоть один волос...

— Да брось ты, — пренебрежительно отмахнулся Рудик. — Попал в клетку — сиди и не рыпайся.

Антон глубоко вздохнул, закрыл глаза, пряча ненависть в глубине души. Вспомнилось чье-то изречение: жизнь отличается от клетки тем, что выход из нее никогда не за-

перт. Может быть, и в самом деле уйти в мир иной, пока не поздно?

Его толкнули в плечо.

Он очнулся, шагнул к двери, поймал брошенный из проема рукой Рудика черный спортивный костюм.

— Переодевайся.

Костюм оказался впору, кроссовки тоже. Кроме того, Громову выдали «разгрузку» — специальный жилет со множеством кармашков, ремней и застежек для ношения оружия. Правда, оружия оказалось мало: нож, тазер — электрошоковый пистолет, посылающий электроразряды по лазерному лучу, и необычной формы пистолет с толстым пупырчатым дулом.

— Что это? — полюбопытствовал Антон, взвешивая пистолет в руке.

— «Швепс», — коротко ответил Рудик.

— Шокер?

— Метатель липкой пены. При попадании в цель пена почти мгновенно твердеет.

— Зачем он мне?

— У объекта есть телохран. Возможно, придется его нейтрализовать.

— Не проще ли замочить?

— Как хочешь, можешь не брать.

Антон еще раз взвесил в руке тяжелый «швепс» и сунул его в петлю на боку, чтобы не мешал.

— Кто телохранитель?

— Какой-то бородатый хмырь, опытный, гад, засек нас, пришлось менять технологию слежки.

— Он вооружен?

— Скорей всего нет, однако расслабься, телохран оставил свой пост и уехал. Судя по всему, ночью он подопечного не охраняет.

Спустились во двор, загрузились в серую «Нексию». Кроме водителя в ней сидел тощий тип в милицейской форме, с длинным лошадиным лицом и глазами навыкате.

— Твой напарник, — сказал Рудик. — Будешь звать его Сидоровым или товарищем сержантом.

«Нексия» выехала со двора.

Окончательно стемнело. Жара заметно спала, но нагретый за день асфальт улиц продолжал отдавать тепло, и врывающийся в окна машины душный воздух не освежал.

В половине одиннадцатого подъехали к Пушкинской площади, свернули во двор дома за «Макдоналдсом».

— Проверь, — бросил «товарищ сержант Сидоров».

Рудик вылез из машины, куда-то делся, вернулся через несколько минут.

— Все тихо.

«Сидоров» поднес ко рту мобильник:

— Начинаем.

Тотчас же фонарь, освещавший двор, погас.

Антон понял, что в операции участвует целая команда, а он всего лишь исполнитель основного финального акта, призванный убить Данилу Ломова.

— Вылезай!

Антон несколько мгновений колебался, взвешивая «за» и «против» отказа участвовать в операции, но перед глазами встало видение: Дашутка и Катя бегут к Валерии, она их обнимает, — и колебания прошли. Точнее, отступили, опустились на самое дно души.

— Жду в машине, — сказал Рудик, проводив их до подъезда.

«Товарищ сержант» приложил к пластине домофона пластиковый ключ, замок щелкнул.

— Иди первым, третий этаж.

Антон молча зашагал по ступенькам наверх, прислушиваясь к просачивающимся на лестницу сквозь стены квартири звукам. Остановился на площадке третьего этажа. Пронеснулась сторожевая система организма, раздвинувшая диапазоны зрения и чувствования. Судя по ровному шуму, дом жил своей неторопливой спокойной жизнью, люди отдыхали, смотрели телевизоры, читали и готовились ко сну. Ни один раздраженный крик не коснулся слуха, ни один испуганный или враждебный взгляд не упал на крадущихся в полутораке (лампочка горела лишь в вестибюле дома на первом этаже) киллеров сквозь замочные скважины дверей.

«Товарищ сержант» ткнул пальцем в дверь под номером 23.

Антон вопросительно поднял брови, жестом показал: ломать дверь, что ли?

«Сидоров» поднял руку, останавливая его.

Антон внимательно посмотрел на обитую коричневым дерматином дверь, и та вдруг ответила ему мрачным предостерегающим взглядом. Он вздрогнул.

Отшатнулся и «товарищ сержант», почуяв враждебную вибрацию квартиры, где жил подлежащий ликвидации объект. Снял фуражку, пригладил волосы, снова надел. Произнес почти беззвучно:

— Черт! У них тут защита поставлена!

— Какая защита? — так же тихо прошептал Антон.

«Сидоров» оскалился, достал мобильник; ноготь на одном из пальцев его правой руки был черным.

Какое-то воспоминание ворохнулось в сознании Громова. Монах Марциан, вызволивший его из СИЗО Костромского УВД, тоже имел черный ноготь — метку секты Морока. А это означало, что слуги Морока свободно разгуливали по городам и весям России, подчинив своему влиянию даже ее столицу. Они же контролировали и действия Антона.

— Глаз, проверка, — приглушенно заговорил «товарищ сержант». — Объект на месте?

— На месте, — ответили ему.

— Кто еще в квартире?

— Старуха-хозяйка.

— Следите за окнами и за входом.

«Сидоров» спрятал мобильник, достал тускло блеснувший крест со слегка загнутыми концами. Антон, холдея, понял, что это уморь — магический «излучатель» черной силы, которым пользовались колдуны — служители Храма Морока. «Сержант» выставил уморь перед собой. С креста сорвалась неяркая фиолетовая молния, с шипением вонзилась в дверь, которая на миг оделась слоем зеленоватого свечения. Еще одна молния озарила лестничную площадку. Крякнул замок, испустив струйку дыма.

— Вперед! — отступил в сторону «Сидоров».

Антон рванул дверь на себя, мимолетно удивившись ее морозному холodu, ворвался в прихожую и буквально споткнулся под взглядом ясных голубоватых глаз старушки, выглянувшей из кухни.

— Вперед! — подтолкнул его выкрик «сержанта». — Ищи пацана! Она моя!

Антон освободился от взгляда хозяйки квартиры, метнулся в гостиную, где появился из спальни удивленный шумом Данила Ломов.

Антон выхватил тазер.

И тотчас же взгляд парня, одетого по-домашнему в шорты и майку, изменился. Он был готов к такому варианту развития событий!

Антон выстрелил.

Данила прыгнул в сторону, ловко минуя стул. Молния разряда прошла мимо, вонзилась в стену, оставив на обоях зигзагообразный дымящийся шрам.

Антон выстрелил еще раз и снова не попал! Противник двигался на удивление быстро, плавно и слитно, будто был специально обучен «качать маятник», уходить из-под выстрела.

В это же самое время за их спинами бабушка Милолика сражалась — на ментальном уровне — с «товарищем сержантом», манипулировавшим магическим крестом. Силы их оказались примерно равными, и «товарищ сержант Сидоров» ничем не мог помочь напарнику. Он пыхтел, краснел, дулся, шептал проклятия, тыча крестом в старушку, руки его тряслись, лошадиная физиономия покрылась испариной, глаза вылезли из орбит, но все было напрасно. Бабушка Милолика стояла, гордо выпрямившись, прижав кулачки к груди, глаза ее сияли, и было видно, что колдовство черного мага против нее бессильно.

— Стреляй! — прохрипел «сержант».

Антон опомнился, снова начал выщеливать танцующего среди старинной мебели Ломова-младшего, и в этот момент в квартире один за другим появились новые действующие лица.

Сначала — Рудик с пистолетом. Он направил на хозяйку дуло «вальтера» с глушителем и нажал на курок.

Однако в момент выстрела кто-то толкнул его в спину, пуля вонзилась в вешалку, и в прихожей возник высокий мужчина с аккуратной русой бородкой. Антон вздрогнул, узнавая Илью Пашина. Вспомнились слова Рудика: «Телохран — какой-то бородатый хмырь». Надо было раньше догадаться, пришла сожалеющая мысль.

Пашин между тем продолжал действовать. От его удара Рудик улетел в кухню, роняя пистолет, едва не сбив с ног бабушку Милолику.

«Товарищ сержант Сидоров» развернул крест-уморь в его сторону, мигнула зелено-фиолетовая молния, попадая в плечо не успевшего увернуться Ильи. Его отбросило к стене. Илья схватился за онемевшее плечо другой рукой.

Бабушка Милолика взмахнула обеими руками, отчего по прихожей прошла волна теплого воздуха.

— Добей! — ощерился «сержант», вынужденный снова обратить внимание на старуху.

Антон поднял тазер, пребывая в состоянии полусна-полуяви. В голове — звонкая пустота, ни одной мысли. Только гулкое эхо предупреждения Рудика: «Тебе принесут ее (Валерии) скальп! Или фрагменты твоих дочек!»

Илья метнулся к нему через весь коридор, но вряд ли успел бы достать, если бы не Данила. Молодой художник толкнул ногой стул, тот попал Громову в колено и заставил ловить равновесие. Поэтому молнии разряда прошли мимо Ильи. Затем Пашин вцепился здоровой рукой в Антона и начал бороться, мешая выстрелить еще раз.

И снова в схватку вмешался Данила.

Он оказался рядом, рванул Антона за плечо и толкнул его в лицо растопыренной ладонью с такой силой, что тот улетел в угол гостиной, с грохотом опрокинув подставку с телевизором.

На несколько секунд движение прекратилось.

«Товарищ сержант», округлив глаза, смотрел на Данилу.

Бабушка Милолика глядела на «сержанта» с кротким

выражением побледневшего лица, но глаза ее были полны сияния и силы.

Данила и Пашин смотрели на Громова.

Антон потряс головой, вскочил. Из носа на губу ему скатились две кровавые дорожки. Он вытер их тыльной стороной ладони, скривился, потянул из захвата «швепс», другой рукой достал нож.

— Прекрати! — негромко сказал Илья. — Все кончено, Антоша. Никогда не думал, что встречу тебя... так.

Из кухни показалась голова Рудика, его рука с пистолетом: он целился Илье в спину.

И тогда Антон сделал то, чего от него не ждали: выстрелил из «швепса» в Рудика! А затем в «сержанта Сидорова», также схватившегося за пистолет.

Из дула «швепса» вылетели две прозрачные «пули», похожие на сосульки, одна звучно шлепнулась в лоб Рудику, обволакивая его лицо студенистой массой, вторая нашла руку «сержанта». Обе «пули-сосульки» вспенились, обтекая «препятствия» тонким слоем пены, и эта пена мгновенно застыла.

Рудик успел-таки выстрелить, но ни в кого не попал, с приглушенным воплем выронил пистолет и начал судорожно сдирать с лица затвердевшую пену. «Товарищ сержант Сидоров» тратить время на очищение руки не стал, метнулся к двери, зашипев, как кошка, и выбежал в коридор.

Оглянувшись на них Илья перевел взгляд на Антона, качнул головой, сказал: «Подождите», — и выволок Рудика на лестничную площадку, спустил его с лестницы, так что напарник Громова пересчитал ребрами и головой все ступеньки.

Ожившая бабушка Милолика всплеснула руками, засуетилась, принесла холодной воды в ковшике.

— Вот, попейте, родниковая, снимает все боли.

Илья глотнул воды, протянул ковшик Антону. Тот залпом допил воду, сел на диван, ни на кого не глядя, сгорбился.

Данила посмотрел на Пашина.

— Что мне делать?

— Иди к себе в спальню.

Данила поставил на место телевизор, скрылся в своей комнате.

Илья присел на стул, прислушиваясь к звукам за стенами квартиры.

— Прости, что не нашел времени разыскать тебя. Не было бы этой... встречи. Рассказывай.

— Что? — глухо проговорил Антон.

— Что произошло? Как ты здесь оказался? А главное — почему стал работать на эту мерзкую команду?

— Они пригрозили... убить Валерию... и девочек...

Илья потемнел, разглядывая друга, с которым не виделся почти три года.

— Рассказывай все.

Антон помолчал, все так же глядя в пол остановившиеся глазами, потом начал говорить. Через десять минут Илья знал все, что случилось с Громовым за последний месяц.

— Понятно. — Он помял лицо ладонями. — Храм мы уничтожили, но secta жива. И живы ее колдуны, продолжающие свое черное дело. Ловко они тебя захомутали.

Кто-то вошел в квартиру, пахнуло холодным воздухом.

Илья оглянулся.

В гостиную заглянула Милолика, за ней вошел Георгий, остановился на пороге, кивнул Илье и выглянувшему из комнаты Даниле, окинул поникшего Антона цепким взглядом.

Тот поднял голову. Несколько мгновений Витязь и его бывший соратник смотрели друг на друга. Потом Антон криво усмехнулся, встал.

— Я знаю, что вы обо мне думаете... мне нет прощения... но у меня не было выбора...

— Ошибаешься, — мягко проговорил Георгий. — Выбор у человека есть всегда. Садись, поговорим.

Антон помедлил, играя желваками, отвернулся, сел.

Данила, поняв, что у взрослых свои разговоры, деликатно скрылся в своей комнате.

— Принеси-ка горячего чайку с медком, — попросил

Георгий бабушку Милолику. — Моего любимого, зеленого, с эстрагоном, освежающего. Ну, а вы, други мои, выкладывайте, что произошло.

Илья коротко поведал ему историю вербовки Громова служителями секты Морока.

— Да, они умеют обрабатывать людей, — задумчиво сказал Георгий, поглядывая на Антона. — Ты ведь тоже не так давно очнулся от морочного безразличия к жизни?

Илья поморщился.

— Я с себя вины не снимаю.

— Виноваты мы все, что не сразу отреагировали на заклятие, наложенное Мороком на наш Род. Но речь не об этом. Что делать с ним?

— Ничего, — мрачно сказал Илья. — Пусть сам разберется в себе, в своей жизни, что он делал и делает не так, какие ошибки допустил. И он вернется. Но ему надо помочь. Точнее, не ему, а его жене — ей грозит опасность. Хха никогда не бросают слов на ветер и могут запросто взять Валерию с детьми в заложники.

— Это правда, — согласился Георгий.

Бабушка Милолика принесла чай, расставила чашки, варенье и мед в розетках, сухарики.

— Пейте, гости поздние, и Данилушку пригласите.

— Я пойду, — встал Антон, избегая смотреть на присутствующих. — Или я ваш пленник?

Георгий и Пашин переглянулись.

— Тебе нельзя идти домой, — сказал Илья.

— У меня нет дома.

— Я имею в виду квартиру, где ты сейчас живешь.

— Что-нибудь придумаю.

— Иди к жене, — негромко посоветовал Георгий.

Антон вскинул голову.

— Мы же с ней... она никогда не...

— Объясни ей все, скажи всю правду.

— Она не поймет...

— Если любит — поймет.

— Если...

— Иди, иди, — присоединился к Георгию Илья, с сочув-

ствием глядя на растерянное лицо друга. — Если ты этого не сделаешь, так и будешь ходить кривыми стежками-дорожками. К тому же тебе будет легче защитить свою семью от возможного визита хха, находясь рядом. Завтра во второй половине дня я тебя найду.

Антон закрыл глаза, бледный до синевы, постоял так немного, побрел из гостиной, деревянно переставляя ноги. Хлопнула входная дверь. Стало тихо.

В гостиную заглянула бабушка Милолика.

— Зачем выгнали человека? Он заблудший, но не потерянный еще.

— Ему надо побывать одному, — сказал Георгий.

— Грешен я, грешен я, грешен, — медленно проговорил Илья. — Что же твой суд не поспешен?

Георгий глянул на него вопросительно.

— Стихи, — пояснил Илья. — И все же это я виноват, что он перешел на другую сторону. Надо было найти его раньше. Но все казалось — успею, он где-то рядом, всегда можно позвонить и подъехать.

— Ощущение ложной близости и доступности самый естественный способ самообмана. Однажды в вашем случае сработало заклятие магов Храма, разъединившее вас и заморочившее сознание, затуманившее дхарму — долг души, пресекшее тягу к общению. Да и вообще к активному образу жизни. К сожалению, мы слишком поздно вспомнили о вас. Но еще не все потеряно, Милолика права. Больную душу твоего друга можно излечить.

— Не сомневаюсь. Но не подстраховать ли его? Работодатели могут запланировать месть отступнику.

— Мы позаботимся о нем. Все будет в порядке. А вот ты, Илья-заступник, сегодня допустил непростительную ошибку. Заметил слежку и мало того, что не позвонил, но и оставил рунописца одного. Хорошо, вспомнил о своих обязанностях, а ведь мог и не успеть.

Илья виновато опустил голову.

— Сам не знаю, как это случилось... все время думаю о...

— Жене?

— Да.

— Почему же не ищешь ее?

— Ищу, но ее, наверное, нет в Москве. Никто на звонки не отзыается и дверь не открывает... Больше такого не повторится! Однако Данилу надо расквартировать в другом месте, здесь ему оставаться нельзя.

— Завтра мы этим займемся.

— Мне остаться?

— Сегодня здесь заночую я. А ты подстрахуй-ка на всякий случай Громова. Знаешь, где живет его жена?

— Бывал не раз, в Китай-городе, Старопанский переулок, дом шесть... если только не переехала.

— Не переехала, ступай.

Илья попрощался с Данилой, с бабушкой Милоликой, пожал руку Георгию и вышел. На душе скребли кошки, настроение было отвратительное, он действительно оплошал, и лишь предложенное действие — подстражовать Антона — не позволило ему окончательно скиснуть.

А во дворе он едва не налетел на застывшего у двери Громова.

— Ты еще здесь? — удивился Илья и встревожился: — Заметил кого?

— Я боюсь... — глухо признался Антон. — Лера меня не...

— Садись, поехали! — Илья подтолкнул друга к машине.

Глава 17

ПОЙДИ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА

Утро выдалось ясным, солнечным, но прохладным. И хотя была суббота, считавшаяся по древнерусской традиции днем Чернобога, отчего предки Пашина не планировали в этот день никаких важных дел, а лишь славили светлых богов, настроение у Ильи было хорошее.

Он с удовольствием пробежался по парку в спортивных трусах, без майки, встретив лишь старичка, выгуливавшего собаку, потом принял душ и съел треть батона хлеба с кефиром. Вспомнилась встреча с женой Антона вчерашним вечером.

Сказать, что Валерия удивилась, увидев гостей и особенно мужа, значит, ничего не сказать. Она была просто в шоке. Но Илья отметил главную черточку ее состояния — растерянность и ни капли гнева или презрения — и вздохнул с облегчением. Чего греха таить, он побаивался реакции Валерии, хотя и уверял Антона, что его не выгонят и впустят в дом.

Сначала разговор не клеился.

Антон молчал, опустив глаза, о чем-то думал, лицо его тоже стало непривычно растерянным, и расшевелить его Илье никак не удавалось. Валерия первая пришла в себя и начала расспрашивать Пашина о работе, о жизни, поглядывая на мужа, узнала о том, что Илья живет один, всплеснула руками. Лицо ее изменилось, стало тревожным, она почувствовала нехороший подтекст признания Ильи.

— Почему же вы разошлись?

Илья развел руками, криво улыбнулся.

— Не поняли друг друга. Хотя виноват, наверно, я, несмотря на все мои попытки самооправдания. Знаешь пословицу? Ум — это способность находить убедительные оправдания собственной глупости. Так вот я из таких умных.

Валерия покачала головой, бросила взгляд на оцепеневшего в кресле, не поднимающего головы Антона.

— А работаешь где?

— Служу в одной конторе, — уклончиво ответил Илья, — телохранителем. Но в наше время работу найти не трудно. Сама знаешь, чем тяжелей работа, тем легче на нее устроиться. Правда, Гром?

Антон косо посмотрел на него.

— Правда...

Валерия едва заметно усмехнулась, кивнула на него.

— Твой друг сегодня неразговорчив. Что это с ним?

— А пусть сам расскажет. — Илья поднялся, похлопал Антона по плечу. — Ему есть чем похвастаться. Не сиди пнем, мужчина, я точно знаю, что язык у тебя есть. Ума нет, как и у меня, а язык есть. Начинай, дружище, и спокойной ночи всем. До свидания, Лера.

— Я тоже пойду... — встал Антон.

— Сиди! — жестко сказал Илья, толкнув его обратно в кресло, посмотрел на Валерию. — Найдется для него место переночевать?

— Что ж он сам спросить не может?

— Гром!

Антон вздрогнул, беспомощно глянул на жену, и глаза его стали совсем насчастными.

— Лера, я... понимаю... я все эти годы... как дурак... можно, я останусь?

Валерия нахмурилась, оценивающе разглядывая мужа, повернула голову к Илье.

— Он не пьет! — поспешил добавил тот.

Она улыбнулась.

— Странно все это... сам бы он не пришел, ведь так? Это ты его заставил.

— Нет, — с трудом выговорил Антон, — пришел бы...

Илья еще раз похлопал его по плечу, пошел к двери.

— Прощайте пока, мальчики и девочки, надеюсь, вам есть что вспомнить.

Выходя из подъезда, он посмотрел на освещенные окна квартиры Громовых на третьем этаже, глубокомысленно проговорил:

— Получить прощение всегда легче, чем разрешение... Хотя сказано это было совсем по другому поводу.

Дома Илья несколько раз порывался позвонить Валерии, но так и не решился, боясь разрушить возникшую хрупкую связь меж супружами. Вспомнив об этом, он бросил взгляд на часы: четверть восьмого, еще рановато для субботы, но терпимо, — и набрал номер Громовых. Трубку взяла Валерия.

— Доброе утро, — сказал Илья без особого раскаяния, — не разбудил?

— Меня — нет, — тихо ответила женщина.

— А он?

— Спит.

— У вас все... нормально?

— Не знаю, у кого это «у вас», а у меня нормально. У него же, насколько я успела понять, как раз все ненормально.

— Ничего, главное — не оставлять его одного. Он сам все поймет и возьмется за ум. Помоги ему, Лера, ему очень тяжело.

— Обойдусь без советчиков, — сердито сказала Валерия. — Потом поговорим, а то дети проснутся.

Она повесила трубку, а Илья, улыбаясь, постоял еще с трубкой в руке, понимая, что Валерия лукавит. Она приняла мужа, иначе не оставила бы его в квартире после объяснения.

— Вот и пойми вас, подруги жизни, — осуждающе покачал головой Илья. — То вы за пустяковые провинности готовы убить, то прощаете преступления. Или прав классик? Женщины созданы для того, чтобы их любили, а не для того, чтобы понимали.

Поколебавшись немного, он набрал номер Данилы:

— Доброе утро, абитуриент. Ты уже встал? Какие планы на сегодня?

— Дядя Георгий говорит, будем переезжать. А мне так не хочется, — с сожалением признался Данила.

— Сам понимаешь, это вынужденный шаг. Ничего, будешь заглядывать к бабушке Милолике, тем более что новая квартира, по словам Георгия, где-то недалеко. Ждите, я скоро приеду.

Илья собрался, направился к двери, но остановился, глядя на телефон. «Вдруг она уже дома?» — пришла робкая мысль. Рука потянулась к трубке. Но он преодолел желание позвонить Владиславе. Вчера звонил весь день и даже ночью, вернувшись от Громовых, да никто не ответил. Вряд ли за ночь что-нибудь изменилось. И все-таки душа жила надеждой, что он вот-вот услышит милый голосок жены.

Илья схватил трубку телефона, набрал знакомый до боли номер, послушал равнодушные гудки и аккуратно положил трубку на место. Посмотрел на себя в прихожей в зеркало, подумал, надо сбрить бороду к чертовой матери, а то на старика похож, и вышел, так же аккуратно закрыв за собой дверь.

Температура воздуха на улице уже поднялась до двадцати двух градусов. День обещал быть жарким.

Илья протер пыльное лобовое стекло, привычно проканировал двор на предмет выявления подозрительных действий подозрительных людей и насторожился. Затылок свела «электрическая» судорога — реакция организма на поток внимания. Он напрягся, включая состояние «сторожевой паутины». Двор, окруженный домами — старыми и не очень, — заиграл световыми ореолами вокруг стоящих машин и спешащих по своим делам пешеходов. Однако все эти ореолы были бледно-желтыми или перламутровыми, что говорило об отсутствии интереса со стороны обладателей аур-ореолов к машине Пашина. И тем не менее он чувствовал, что за ним наблюдают.

Илья кинул взгляд на окна ближайшего дома. Вполне возможно, слежка велась из какой-нибудь квартиры. Но даже если бы он и обнаружил наблюдателя, ничего бы это не дало, поэтому Илья включил двигатель и выехал со двора, настроенный на активные действия.

Ощущение взгляда в спину ослабело... и тут же возникло вновь.

Илья удовлетворенно кивнул сам себе, заметив отъехавший от тротуара автомобиль — бежевую «Нексию», которая двинулась за ним.

— Что ж, ребята, — проворчал он, — давайте поиграем в кошки-мышки. Сегодня мне недосуг выяснить, кто вы и откуда, но сделать это я еще успею. А пока попрыгайте, как я.

Илья резко увеличил скорость, пересек сплошную разделятельную линию и помчался по встречной полосе к пешеходному переходу, миновал его на красный свет, лихо проскочив под носом у черного «Порше-Кайенна», который остановился и перекрыл дорогу преследователям.

— Извини, друг, — сквозь зубы сказал Илья.

Попетляв по улочкам и переулкам в районе Белорусского вокзала, он добрался до Пушкинской площади, оставил машину у «Макдоналдса» и пешком дошел до дома Данилы, проверяя, нет ли за ним «хвоста».

Ощущение взгляда в спину исчезло окончательно. Он оторвался от наблюдателей, не ожидавших такой прыти от бородатого мужичка, владеющего далеко не самой крутой

тачкой. Хотя расслабляться не стоило. Если уж какая-то контора начала следить за объектом, а скорее всего это были оперативники секты Морока, то рано или поздно они снова сядут на хвост, и тогда придется разбираться с ними по-серьезному.

Данила был уже готов к переезду. Лицо парня не выражало радости, но он понимал ситуацию и принимал мир таким, каким он был.

Бабушка Милолика тоже была расстроена, что лишается постоянца, требующего внимания и заботы. Но и она понимала положение вещей и подчинялась обстоятельствам.

— Обедать и ужинать будешь у меня, — заявила она категорическим тоном, — и вообще заходи в любое время, буду очень рада тебя видеть.

— Обязательно, — пообещал смущившийся Данила.

Георгий, закончив говорить с кем-то по телефону, махнул рукой:

— Выходим.

Вещей у Данилы было немного, поэтому особых хлопот переезд не доставил. К тому же оказалось, что Ломов действительно переселяется в дом, стоящий в соседнем дворе, так что ехать никуда и не понадобилось.

— Чего оглядываешься? — заметил Георгий косые взгляды Пашина. — Заметил что?

— За мной следили. — Илья лаконично рассказал об утреннем происшествии. — Боюсь, это те же мужички, спутники Антона, которых мы вчера отпустили. Надо было тогда еще выяснить у Антона, с кем конкретно он контактировал и кто давал ему задание.

— Почему же ты не выяснил?

Илья почувствовал скрытый упрек в словах Георгия, помрачнел.

— Не подумал, если честно. Да и потом не до того было. Я боялся, что Валерия не примет его...

— Приняла?

— Во всяком случае, не выгнала, а уж как там оно сложилось, не знаю. Мы договорились после обеда встретиться.

— Я буду ждать вас обоих у Милолики, есть разговор.

— Хорошо.

Холодная воздушная струйка коснулась уха Ильи. Он напрягся, замедлил шаг.

Георгий искоса посмотрел на него.

— Расслабься, все под контролем. Нас сопровождают мои люди.

Илья молча кивнул.

Соседний двор не отличался от того, где стоял дом бабушки Милолики.

Георгий подошел к первому подъезду старенькой, но аккуратно покрашенной пятиэтажки, открыл дверь электронным ключом. Поднялись на второй этаж. Георгий позвонил. Через несколько секунд дверь открыла приятной наружности, вихрастый, одетый в шорты и майку молодой человек, отступил в глубь прихожей:

— Здрасте, дядя Жора, проходите.

— Знакомьтесь, — сказал Георгий. — Илья Константинович Пашин, Даниила.

— Валерий, — подал руку молодой человек. — Очень приятно. Кто тут квартирант?

— Я, — несмело выступил вперед Даниила. — Извините за беспокойство, мне только до экзаменов...

— Я в курсе, меня предупредили, без проблем, да и втроем веселее будет.

— Втроем? — поднял бровь Илья.

— У него уже есть квартирант, — усмехнулся Георгий. — Спит, наверное.

— Разбудить? — предложил Валерий.

— Я уже встал, — раздался приглушенный мужской голос, и в гостиную из спальни вышел еще один симпатичный молодой человек, скуластый, пухлогубый, с шапкой вьющихся темно-русых волос.

— Максим, — представил его хозяин квартиры, — певец и вообще хороший парень. Максим, это Даниила, тоже творческий человек — художник, он проживает какое-то время с нами, если не возражаешь.

— Я здесь не хозяин, — улыбнулся певец, дружески разглядывая Даниилу. — Да и с чего бы я возражал?

— Располагайся, — сказал Валерий, широко поведя рукой. — Это твои апартаменты. — Он заметил взгляд Данилы, брошенный на деревянный интерьер. — Нравится, нет?

— Красиво!

— Рад, что тебе нравится. Оценка художника многого стоит.

— Я еще не художник... собираюсь только учиться...

— Мне сказали, что ты рисуешь, как Шишкин, — засмеялся Валерий. — И давай на «ты», это будет правильно. Не люблю, когда меня обезличивают выканьем.

— Хорошо, — пробормотал Данила.

Георгий и Илья обмениались понимающими взглядами.

— Молодежь быстро находит общий язык, — усмехнулся Витязь. — Им будет о чем потрепаться. Итак, джентльмены, устраивайтесь, завтракайте и занимайтесь своими делами. Илья, жду тебя с Антоном.

Георгий ушел.

Илья посмотрел на Валерия.

— Помочь?

— Не надо, — махнул рукой бармен, — чай, кофе и бутерброды готовы, прошу на кухню, джентльмены, ха-ха...

Во время завтрака Валерий никому не дал раскрыть рта.

Он поделился своими впечатлениями от нового фильма, дал несколько советов Даниле, как надо заваривать чай с травами и долго рассказывал о хитростях барменского дела, уверяя, что главное при этом — чтобы клиент остался доволен не качеством коктейлей, а качеством обслуживания.

— Разве это правильно? — усомнился Данила.

— А если клиент попадется крутой? — добавил Максим.

— Перед стойкой бара все равны, — безапелляционно заявил Валерий. — Потому что в баре ценится не прикид клиента и не его счет в банке, а искусство бармена. Конечно, приходится иногда изощряться. Но мне достаточно один раз взглянуть на человека, и я уже знаю, какой коктейль ему приготовить. К примеру, худой, поджарый обычно предпочитает сухие несладкие напитки, в крайнем случае — вискарь, более полный остановит свой выбор на сладких.

— Интересно, и какой коктейль ты бы сделал мне? —
поинтересовался Максим.

Валерий не смутился:

— «Пикассо».

— Это еще что за зверь?

— Классная вещь! Я постепенно добавляю воду в вермут, чтобы его алкогольное содержание упало до семи градусов, замораживаю, а потом такой ледяной кубик бросаю в сухой мартини, и, когда он расходится, образуется как бы кровавый след.

На лицах Максима и Данилы появилось одинаковое презгливое выражение.

Валерий засмеялся.

— А многим нравится. Не хочешь «Пикассо», сделаю тебе «Хемингуэй» — виски с имбирным пивом, очень даже мужской напиток.

— Спасибо, я предпочитаю просто сухое красное вино.

— Ты не дорос до барменского искусства, — напыщенно проговорил Валерий и первым рассмеялся. — Но я тебя все-таки научу пить коктейли.

— Разве можно сравнивать твою работу с искусством? — наивно удивился Данила.

— Почему же нет? Профессия бармена — это, безусловно, искусство жить. Или я не прав, Илья Константинович?

— Прав, — кивнул, улыбаясь, Илья. — Хотя у меня насчет твоего ловкачества несколько иное мнение.

— А вот я вам сделаю коктейль «Совершенный», — не обиделся Валерий, — и вы быстро измените свое мнение.

— Коктейль алкогольный?

— Разумеется.

— Я из крепких напитков не пью ничего, кроме шампанского.

— А этот коктейль и приготавливается на основе шампанского. Берем тончайшие ломтики очищенного имбиря, настоянного на водке в течение семи месяцев, устилаем ими дно бокала, льем в бокал брют и добавляем дольку апельсина. Получается изумительный коктейль с удивительным послевкусием! — Валерий закатил глаза и поцокал языком.

Максим и Данила засмеялись.

Улыбнулся и Пашин.

— Верю, хотя вряд ли когда-нибудь оценю. Но пора заниматься делами, парни. Ломов, твои планы?

— Институт, — сказал Данила, подумав.

— Тогда поехали.

Во дворе возле «Вербы» Пашина их остановил мужчина средних лет, похожий чем-то на Тимофея, водителя, с которым ездил Георгий:

— Прошу прощения, други, вам придется взять другую машину.

Илья невольно оглянулся, ища глазами Георгия.

— Кто вы?

Мужчина улыбнулся.

— Я из той же команды, меня зовут Владиленом. Вот ваша машина. — Он указал на золотистую «Мазду-6». — Вот ключи и техпаспорт.

Илья взял ключи, документы, и Владилен тут же исчез, будто испарился.

Данила и Пашин переглянулись.

— Служба у них такая! — поднял палец Илья. — Учись, студент.

— Я еще не студент, — смущаясь, сказал Данила.

— Будешь!

Они сели в «Мазду», Илья осмотрелся — бардачок пустой, если не считать сервисной книжки, салон чистый, сиденья велюровые, в кабине пахнет травами. — Ничего аппарат, сгодится.

— А почему нам дали новую? — поинтересовался Данила.

— Наша засветилась. Пусть теперь те, кто за нами следил, поищут «Вербу», а мы будем ездить на «Мазде».

Выехали со двора.

Ни одна машина не тронулась вслед за ними, и Илья с облегчением перевел дух: похоже, преследователи потеряли объект слежки. Хотя, с другой стороны, они могли подстерегать Данилу и возле института, и возле библиотеки, зная, что он туда непременно явится.

— А неходить на консультации до экзаменов ты не можешь?

— Не-е... — качнул головой Данила. — Там строго... да и много интересного дают.

— Ладно, посмотрим, какую очередную игру нам предложат.

До института доехали без приключений.

Илья проводил Данилу до аудитории, дождался окончания занятий, повез обедать художника к бабушке Милолике, предварительно просканировав улицу напротив института «третьим глазом» экстрасенсорики. Преследователи не появились. Никто из прохожих и пассажиров стоящих у здания машин Данилой не заинтересовался. И все же странное чувство забытой вещи не покидало Илью. Интуиция подсказывала, что угроза жизни Ломова-младшего не исчезла и появление киллеров секты не за горами.

После обеда Илья проводил Данилу до новой квартиры и позвонил Громовым.

Трубку снова взяла Валерия:

— Але?

— Привет, Лера, — сказал Илья. — Как там у вас дела?

— Как сажа бела, — фыркнула Валерия.

— Я думал, ты на работе.

— Отпросилась.

— Антон с тобой?

— Спит.

— Спит? Это здорово! С ночи, что ли?

— Позавтракал, залез в ванну и уснул, еле растолкала.

Теперь спит в спальне.

Илья улыбнулся.

— Расслабился бедняга. Я рад, что он...

— Что?

— Отдохнет. Спасибо тебе.

— За что?

— За то, что не оттолкнула, поверила. С нашей помощью он вылезет из того болота, куда залез чуть ли не с головой. Буди его, он мне нужен.

— Зачем?

— Георгий ждет нас в четыре часа.

— А без Антона никак нельзя обойтись?

— Нельзя, — твердо сказал Илья.

Валерия помолчала.

— Он мне кое в чем признался... Вы опять что-то затеваете?

— Не мы, — возразил Илья, — те же силы, с которыми мы воевали три года назад.

— Это... серьезно?

— Более чем.

Валерия сделала еще одну паузу.

— Хорошо, сейчас разбужу. Подождешь у телефона?

— Нет, буди своего суженого, пусть одевается и едет на Пушкинскую площадь, я буду ждать его через час у памятника.

— Через час не получится, жди через полтора, — объявила Валерия и положила трубку.

Илья посмотрел на часы.

— Можно, я тут с тобой посижу? Не помешаю?

Данила, устраивающийся на новом месте, простодушно кивнул.

— Не помешаешь. Я могу писать в любых условиях. Кстати, вчера вечером вырезал еще одну руну.

— Покажи.

Данила покопался в своих вещах, вытащил дощечку.

Илья с интересом повертел дощечку в руках, разглядывая вырезанный узор, напоминающий соединенные квадратиком русские буквы «Щ».

— И-РА, — произнес нараспев Данила, — руна Помощи. Мне осталось вырезать еще две руны, и Володарь будет закончен.

В тишине квартиры тонко прозвенел пустой графин на столе.

Оба посмотрели на него.

Илья прижал палец к губам.

— БАЗА? — понимающие прищурился Данила.

— Всух лучше ничего, что связано с этими делами, не говорить. В астрал выпущена программа защиты планов Морока...

— Наведа.

— Что?

— Наведа — наведенное магическое заклятие.

— Откуда ты знаешь?

— Беседовал с волхвом Иннокентием.

— Я тоже имел счастье беседовать в нем. В общем, по меньше слов, побольше дела. Никто не должен знать, чем ты занимаешься. Кстати, как тебе соседи?

— Нормально. Валерий, с одной стороны, очень простой, а с другой — хитрый, а Максим... не знаю, какой он певец, но он хороший человек, это видно.

— Ладно, устраивайся, решай свои проблемы. Надумашь куда-то ехать — позвони, я буду рядом, у бабушки Милолики.

Данила снова принял разбирать свои вещи, и Пашин оставил его одного. Рука потянулась к мобильнику — позвонить Валерии и узнать, выехал ли Антон, однако звонок означал бы, что он не доверяет Громову, и звонить Илья не стал.

Без десяти минут четыре он уже стоял возле памятника Пушкину, где встречались десятки других людей, назначивших встречи в этом месте. Но прошло пять минут, десять, пятнадцать, двадцать, а Громов не появлялся. Илья снова достал мобильный телефон, позвонил Валерии. Никто не ответил. Подождав еще пять минут, Илья направился к бабушке Милолике, гадая, где может быть Антон.

Дверь открыла хозяйка.

— Проходи, Илья Константинович, Гоша сейчас будет.

— Никто больше не приходил?

— Супостаты сюда больше не сунутся, — улыбнулась старушка. — Или ты не о них спрашивал?

— Антон должен прийти.

— Дружок твой? Придет, не волнуйся, никуда не денется. Чай с пирогами будешь?

— Обязательно, — кивнул Илья, хотя был сыт. — С чем пироги?

— С вишней.

— Обожаю пироги с вишней!

Милолика просияла, поспешила на кухню и вскоре привнесла в гостиную чай и тарелку с румяными пирожками. Илья попробовал пирог — понравилось — и с удовольствием

ем съел несколько штук, запивая ароматным зеленым чаем. А через минуту в дом явились гости — Георгий и угрюмый, не выдерживающий прямого взгляда Антон. Илья вздохнул с облегчением: в душе ворочались сомнения, что бывший друг и соратник превозможет себя и придет-таки на встречу.

Бабушка Милолика захлопотала вокруг гостей, поэтому и им пришлось отведать вкусных пирожков, после чего только и началась беседа.

— Не буду ходить вокруг да около, — сказал Георгий, посмотрев на притихших друзей. — Оба вы знаете, что происходит. Слугам Морока удалось изобрести самый надежный способ контроля масс — создать структуру власти в стране и во всем мире, которая поощряет насилие, секс, особенно нетрадиционный, сквернословие, ложь и предательство. В ход идут все средства, в том числе и возродившаяся киноиндустрия, выпускающая такие «шедевры», как «Ночной» и «Дневной Дозоры», «Волкодав», «Маг-некромант» и прочую мерзость, которые якобы отстаивают идеалы Добра и Справедливости в борьбе со Злом. Хотя на самом деле нам предлагают переживать за носителей того же Зла, только иного калибра. Но не суть. Это преамбула. Теперь главное.

Георгий допил чай, промокнул салфеткой губы.

— Илья уже в курсе событий. Ты, Антон, нет. Колдуны Храма Морока воссоздали Врата, то есть Лик Беса, и готовят выход в нашу реальность своего хозяина. Этого допустить нельзя.

— Почему вы говорите об этом мне? — тихо спросил Антон. — Я же был... против...

— Был или продолжаешь быть?

Антон опустил голову, у него запылали уши.

— Вы же знаете... я согласился только потому, что мне... угрожали...

— Так ты с нами или нет?

Антон поднял голову, встречая прямой взгляд Витязя.

— Вы мне... доверяете?

— Безусловно.

— Но ведь я... предал...

— Как говорит мой учитель, не следует усматривать злой умысел в том, что вполне объяснимо глупостью.

Антон вздохнул.

Георгий добавил безжалостно:

— С одной стороны, ты явно упал, хотя падшим ангелом тебя назвать нельзя. С другой — ты человек, попавший под удар Морока. Но главное — ты один из нас. Если ты нашел силы остановиться перед прыжком в пропасть, не идти на поводу у обстоятельств, вернуть душу. Это тяжело, я знаю, но без этого ты недочеловек. А мы поможем. Согласен?

Антон сглотнул, бледнея.

— Что я должен делать?

— Опасность выхода Морока велика как никогда. Необходимо сначала отыскать Врата...

— И уничтожить?

— Скорее всего Лик Беса неуничтожим. Мы пытались уничтожить его трижды, и каждый раз колдуны Храма его восстанавливали. Да и если даже нам это удастся, нет гарантии, что Морок не найдет другого выхода. Поэтому нами разработан другой план.

— Найти Врата и подстеречь выход Морока? — предположил Илья.

— Нет, спуститься в его мир и реализовать формулу выхода светлых богов, Световида или Семаргла. А лучше — самого Сварога. Для этого Данила Ломов и вяжет руновязь, пытаясь воскресить Володарь.

Илья и Антон переглянулись.

— Ни фига себе задачка! — почесал макушку Илья.

— Возьметесь?

Антон нерешительно посмотрел на друга.

— Возьмемся! — решительно заявил Пашин. — У вас есть хоть какие-нибудь намеки, где искать Лик Беса?

— Неопровергимых данных мало. Пока что мы знаем лишь то, что после мистерии восстановления на берегу озера Ильмень Лик Беса был перевезен в Новгород, где следы его теряются. У нас есть предположения...

— Москва! — перебил Витязя Илья.

Георгий посмотрел на него с любопытством.

— С чего ты взял?

— Легче всего спрятать иголку в стоге сена. В Москве отыскать Лик Беса будет невозможно. Да и Черный Вей не-бось обретается здесь же. Установите за ним слежку, он сам приведет вас к Вратам.

— Легко сказать — установите слежку, — покачал головой Георгий. — Мы пока не знаем, кто занял место Черного Вея после Калошина. Да и установить слежку за черным ма-гом, правой рукой Морока, вряд ли возможно. И тем не ме-нее ты озвучил одну из версий. Однако начнете вы поиски с Ильмень-озера. Если там модуля нет, проверите озеро Чух-ломское в Костромской губернии. По слухам, там начали происходить странные события. Ну, а коли и там не обнару-жится след Врат, вернетесь в Москву.

— Надо сразу начинать с нее.

— Наши люди уже занимаются столицей. Сил не хватает. Поэтому мы хотим привлечь вас. Оыта вам не занимать, остальное будет зависеть от подготовки и настроя. — Геор-гий бросил взгляд на потупившегося Громова. — Или есть сомнения?

Антон поднял голову, сказал медленно:

— Я готов... только опасаюсь за...

— Твоих близких мы постережем. А ты что скажешь, об-ретенник?

Илья помолчал, колеблясь, говорить или не говорить о своих проблемах.

— Я хотел бы сначала найти Владиславу. Она уехала... не знаю куда...

— У нас мало времени. Могу дать тебе на поиски сутки. А потом пошлем по ее следу своих охотников.

— Не надо, я сам.

— Тогда начинайте изучать материалы. — Георгий дос-тал из кармана дискету, передал Илье. — Здесь все, что мы знаем о Храме, о секте и о мистерии восстановления Лика Беса. Завтра утром встречаемся у Валерия и намечаем план действий.

Он встал.

Поднялись и Антон с Ильей.

Георгий положил им руки на плечи, ставшие вдруг ка-менно тяжелыми.

— Как принято говорить в таких случаях — миссия почтит невыполнима. Но еще не поздно отказаться.

— Нет! — в один голос ответили друзья.

Глава 18

ПОГУДИМ?

Третья встреча Максима с Иннокентием состоялась за пределами Москвы, в усадьбе Усово под Истрой, принадлежащей Северной общине. Как оказалось, здесь, на берегу озерца Ера стояло капище Сварога, сохранившееся благодаря стараниям хранителей древнерусской Традиции.

Само капище не сильно порадовало глаз Бусова, а вот дольмен времен дохристианской Руси, по сути — развалины древнейшего святилища (сами хозяева называли его *светищем*) произвели очень сильное впечатление. Даже в нынешние времена, спустя много тысяч лет после исчезновения в пучине моря Гипербореи, было видно, что это строение удивительно гармонично.

Как пояснил Иннокентий, русские зодчие создали стройную сопряженность линейных мер — систему саженей, получив мощный инструмент духовно-архитектурного варьирования. Эта система давала возможность передать в божественных пропорциях храмов тонкие нюансы бытия, музыку жизни.

Мало того, все русские сажени — от прямой до великой — построены были по такому же алгоритму, что и темпорированный ряд в музыке, создающий особенно гармоничное сочетание звуков.

— Чувствуешь гармонию резонанса? — спросил волхв, и голос его завибрировал гулким эхом. — Эта гармония поднимала воспевание до силы магического заклинания. Боги слышали каждое наше слово. Я ведаю, что ты получил представление о системе гармонических ладов, поэтому должен знать, что чистые ритмы всегда соотносятся с определенными идеями, переживаниями и физиологическими процессами.

— Я изучал шаманские бубны, — сказал Максим, запинаясь. — Удары в бубен стимулировали измененные состояния сознания.

— Верно, подбором ритмов шаманы устанавливали своеобразный контакт с нефизическими уровнями сознания. Все мы — биохимические, электромагнитные энергетические системы, подверженные тем или иным ритмам, а звуковые ряды как раз и способны менять эти ритмы. Тебе надо научиться это делать, достичь уровня «божественного» звука. Слышал об Орфее?

— Читал... в детстве, он был великим певцом...

— Считается, что его отцом был сам Аполлон, а матерью муза Калиопа. От нее фракиец и унаследовал музыкальный дар. Так вот Орфей владел тем самым «священным магическим» звуком и мог не только очаровывать слушателей пением, но и лечить, и двигать предметы, и убивать.

Максим недоверчиво посмотрел на спутника.

Иннокентий кивнул.

— Да, и убивать тоже. К сожалению, звук, как и любая вибрация, несет не только созидающее, но и разрушительное начало. Вот, смотри.

Иннокентий встал в центр дольмена, сложил рупором ладони и звучно бросил один звук:

— О!

Этот звук шариком заметался между каменными плитами сооружения, порождая эхо и усиливая громкость, и с треском влип в трещиноватую стену, так что от нее отвалился кусок.

Максим вздрогнул.

— Круто!

Иннокентий усмехнулся.

— Это еще не силовой священный звук, а всего лишь ми-орфада, фокус концентрации звука в определенной формы солитоне. Но этот звук можно и усилить, и если орфада попадет в голову человеку, тот получит мощный акустический удар.

— Он оглохнет?

— Разрыв ушных перепонок обеспечен, а может слу-

читься и кое-что посерьезнее — сотрясение мозга, разрыв сосудов и...

— Смерть?!

— Увы, друже, это оружие, и владеющий им способен на многое.

— Вы меня и этому научите?

— У тебя другая задача, — качнул головой волхв, — созидающая, а не разрушающая. Однако не будем отвлекаться. Ты готов?

Максим невольно оглянулся, реагируя на шуршащее эхо, прилетающее со всех сторон от каждого их движения.

— Готов.

— Тогда погудим?

И они начали «гудеть» по очереди: Иннокентий — со знанием дела, Максим — пытаясь подражать ему и «выдуть» чистые гармонические звуки, от которых по коже бегали мурашки и сердце сначала замирало, а потом начинало работать как пулемет.

В конце концов у него начали получаться звуковые «шарики», и он «выгудел» достаточно четкий звуковой «пакет», рикошетом отразившийся от ладони учителя (Иннокентий погрозил ученику пальцем — осторожнее), и занятия закончились.

Они вышли из дольмена, провожаемые внимательным взглядом прятавшегося неподалеку сторожа.

Погода изменилась. Похолодало. Небо закрыли низкие хмурые тучи, предвещая дождь.

Максим с удивлением посмотрел на часы, вдруг обнаружив, что занятия длились больше трех часов.

Иннокентий покосился на него.

— Хорошо погудели, Орфей. Думаю, у тебя получится.

— Что?

— Повелевание. В скором времени ты овладеешь волшебным словом и сможешь привлекать энергию удачи, решать любые проблемы и лечить людей. Но для этого ты должен сфокусировать внимание на всех трех аспектах повелевающего звука. Сегодня мы изучали только ритм, воздействующий на физические тела. Кроме того, нам пред-

стоит понять важность мотива, оказывающего влияние на эмоции и мысли, и подойти к пониманию гармонии звукового ряда, воздействующей на все уровни — физический, эмоциональный, ментальный и духовный. В комбинации эти три аспекта повелевания словом способны творить Песню Абсолюта.

— Вы думаете... я смогу?

Волхв кивнул.

— Я это вижу. Хотя путь труден и надо проявить терпение. Будешь терпелив и усидчив, мы научимся придавать форму не только звукам, но и энергетическим волнам. Но этого мало. Тебе предстоит изучить сакральный смысл русского алфавита, буквы которого имеют по пять-шесть планов значения.

— Я читал... кириллица — это последняя редакция рунного алфавита...

— Верно, до нее существовали и Велесовица, и Перуница, и Всеясветная Грамота, содержащие гораздо больше руно-буков, но даже кириллица — не просто буквы, а определенный космический код, несущий в себе в зашифрованном виде знания о структуре Мироздания и управлении социальными процессами. В следующий раз я посвящу тебя в тайны белого шума и покажу кое-какие инструменты для настройки организма на «гудение букв Всесвета».

На землю упали первые редкие капли дождя.

Иннокентий поднял голову к небу, нахмурился.

— Нехорошо, однако.

— Что нехорошо? — не понял Максим.

— Сегодня не должно было быть дождя.

Молодой человек пожал плечами.

— Погода стала непредсказуемой.

— Она очень даже предсказуема и даже управляема. Но в последнее время нам не удается контролировать ее в нужных пределах. Поторопимся, друже.

Они ускорили шаг, выбирайсь с капища на дорогу, ведущую к усадьбе.

Ливень обрушился на притихший лес, на озеро, на строения усадьбы, когда волхв и его ученик вошли в дом.

* * *

Вечером Валерий предложил квартирантам расслабиться — сходить в бар и посидеть в приятной компании. Однако Данила отказался, сославшись на необходимость подготовки к экзаменам, и Максим не без колебаний согласился поддержать бармена, боясь огорчить его окончательно.

— Только предупреждаю, — сказал он, — если компания мне не понравится...

— Понравится, — беззаботно махнул рукой Валерий, — это мои знакомые музыканты, хорошие ребята и девчонки, они у нас часто играют и поют. А сегодня у них выходной.

В половине десятого Максим уже сидел в баре, где работал Валерий, — сегодня была не его смена, — среди приятелей бармена, действительно оказавшихся простыми и веселыми людьми. Бусова познакомили со всеми, и он успокоился, почувствовав себя среди своих. Рядом присела симпатичная брюнетка по имени Лариса, проявившая явный интерес к певцу, и они разговорились, обнаружив одинаковое увлечение театром и классической музыкой. Поэтому Максим оказался не готов к предложению Валерия поехать в другое место.

— Зачем? Разве здесь плохо?

— Кто говорит, что плохо? — удивился Валерий. — Нам предложили послушать хороший джаз в клубе «Е-мое», очень стильный и современный. Кстати, обещали провести в клуб бесплатно.

Максим нерешительно посмотрел на собеседницу.

Валерий заметил его взгляд.

— Мы и Ларису возьмем с собой. Поедешь, Лара? Будет весело.

— Почему бы и нет? — улыбнулась девушка. — До утра я совершенно свободна.

Компания снялась с мест, расселась по машинам.

Максим оказался в одной машине с Валерием и Ларисой, водителем оказался словоохотливый украинец Гога, он же — саксофонист, который успел рассказать множество анекдотов, пока его золотистая «Ауди-6» выбиралась из центра Москвы на шоссе Энтузиастов. Да и Валерий не ос-

тался в стороне, добавив пару анекдотов о врачах и пациентах. Последний его анекдот был такой:

— Приходит мужик к сексопатологу: «Доктор, я очень люблю свою жену!» — «Э-э, батенька, это не ко мне, это к психотерапевту».

Посмеялись.

— Кстати, — добавил Валерий, — я недавно ухохотался от рекламы. Помните рекламу «охученных» фруктов? Так эта не хуже. «Ощущи на себе приятную прохладу зеленого чая «Липтон». Врубились?

Лариса засмеялась.

— Это если обольешься этим чаем, что ли?

— Вот-вот, я тоже так подумал.

— А я недавно к зубному ходил, — сказал Гога. — Там на стене тоже висел плакат с рекламой: «Хочешь быть супергероем? Вырви зуб!»

Засмеялись все.

И в это время давно следовавший за «Ауди» джип «Патриот» вдруг обогнал ее и резко подался вправо, подрезая машину. Гога еле успел вывернуть руль, чтобы не столкнуться с джипом, нажал на тормоз и выехал на тротуар, едва не сбив прохожего. Валерий врезался головой в лобовое стекло. Максим и взвизгнувшая Лариса слетели с сидений, сильно ударились о спинки передних кресел.

— Гребаный водила! — выругался Гога.

Джип остановился. Из него выскочили трое парней в черных рубашках и белых брюках, похожие друг на друга, как кегли, окружили «Ауди». Один рванул дверцу слева, выволок Гогу. Второй выдернул с переднего сиденья Валерия, третий схватил за руку ошеломленного Максима.

— Вылезай!

— В чем дело?! — попытался сопротивляться Максим.

Его ударили кулаком в лицо, дернули за руку, и Максим оказался на тротуаре. В голове загудело от удара, глаза наполнились слезами.

— Ты кто такой?! Откуда свалился?! Что делаешь у бармена?!

Каждый вопрос сопровождался встряской, голова Мак-

сима моталась из стороны в сторону, и он никак не мог освободиться от цепкого захвата здоровяка в черной рубахе.

— От... пус...ти... ти... те!

— Говори, шмакодявка, зачем приехал к бармену?! Кто там еще с вами живет?! Говори, а то покалечу, падла!

Одновременно с допросом Максима шел и допрос Валерия, примерно по той же теме:

— Кто у тебя живет?! Зачем они у тебя поселились?! Где третий сожитель?! Откуда он прибыл?! Зачем?!

Валерий пытался выкрутиться из рук допрашивающего, но его ударили по голове, и он упал.

Лариса, оцепеневшая в кабине, вдруг выпрыгнула из машины и забарабанила парню, допрашивающему Максима, по спине с криком:

— Отпусти его! Милицию позову!

Верзила отмахнулся от девушки, и Максиму наконец удалось вырвать руку. Он отскочил в сторону и совершенно автоматически выкрикнул: «Хорр!» — формируя звуковой шар так, как его учил Иннокентий. И у него получилось!

Невидимый акустический «сгусток» попал в голову верзиле в черной рубашке, и тот, охнув, схватился за уши, согнулся.

Его напарник, оглянувшись, замер. Лишь третий член банды понял, в чем дело, и, оскалившись, глянув на Максима, потащил из-за пазухи пистолет.

В то же мгновение рядом с дерущимися с визгом тормозов остановилась белая «Верба», из нее вынеслись две тени, мгновенно оказались рядом с бандитами. Парень с пистолетом вдруг выронил оружие, согнулся, выпучив глаза, лег на асфальт с выражением недоумения на лице. Тот, что был Валерия, отлетел на несколько метров в сторону, врезался плечом в фонарный столб и затих. Третий член шайки сориентировался быстро, бросился наутек, но одна из теней догнала его, и он с воплем взлетел в воздух, грохнулся на капот джипа, скатился на тротуар.

Движение прекратилось.

Тени приобрели четкие очертания, превратились в людей, до этого момента двигавшихся так быстро, что казались

размытыми, «размазанными» от скорости. Это были Георгий и водитель «Вербы» Тимофей.

— Живы?

— Как будто, — проговорил Максим, не веря, что все кончилось.

Валерий, держась руками за голову, с трудом встал.

— Башку пробили, гады! Чем я теперь думать буду?

— В машину!

Максим посмотрел на Ларису, подал ей руку.

— Спасибо, вовремя вы вмешались.

— Что они от вас хотели?

— Сам не понял.

— Поехали?

Гога, выругавшись, полез в свою машину. Валерий и Максим с Ларисой хотели присоединиться к нему, но Георгий преградил им путь.

— Не сюда. В нашу машину.

— Мы хотели...

— Догуляете в другой раз. — Георгий поднес к уху мобильник: — Ваня, быстро группу на угол Самотечной и Цветного бульвара, у нас три «груза двести пятьдесят».

Валерий, морщась, молча направился к «Вербе». Максим растерянно оглянулся на Ларису:

— Извините...

— Ничего, я понимаю, — махнула рукой девушка. — Хотите, я дам вам номер телефона?

— Хочу.

— Записывайте. — Она продиктовала номер. — Позвоните, когда доберетесь до дома.

Максим записал номер на мобильник, сел рядом с Валерием.

Георгий и Тимофей о чем-то пошептались, и Тимофей занял водительское кресло.

— Завтра поговорим, — сказал Георгий, жестом давая понять, что пора ехать.

Тимофей рванул машину с места, как опытный гонщик.

Погода снова испортилась. Подул холодный ветер, пошел дождь.

Максим с участием посмотрел на притихшего приятеля.

— Голова болит?

— Как с похмелья, — криво улыбнулся Валерий. — Все плывет и качается. Интересно, откуда эти мерзавцы узнали, что вы с Данилой живете у меня?

Максим промолчал. Этот же вопрос волновал и его.

Доехали быстро. Тимофей проводил их до квартиры, осмотрел зачем-то все комнаты, достал мобильник.

— Слава, усиль наружку, у нас утечка.

Из ванной выглянул Данила с мокрыми волосами — он принимал душ, — увидел битые физиономии Максима и Валерия, поднял брови:

— С кошками дрались, что ли?

Тимофей направился к выходу.

— Сидите дома, никуда до завтрашнего утра не выходите. Завтра будем переезжать.

Данила проводил его удивленным взглядом, посмотрел на Валерия.

— Что произошло?

— Расслабились, называется, — скривился тот, направляясь в туалет.

— На нас напали, — сказал Максим.

— Кто?!

— Ни малейшего понятия. Но они знали, что мы с тобой живем у Валеры.

— Откуда?

— У них спроси.

— Сволочи! — сказал Валерий, рассматривая себя в зеркале. — Вон какая гуля вскочила! Давно надо было попросить дядю Жору научить меня драться.

Максим молча направился в свою комнату, сбросил брюки, жилет, обнаружил на рубашке пятна крови, покачал головой. Вдруг отчетливо стало понятно, что это лишь начало и впереди его ждет жизнь, полная тревог, волнений и драк с плодящимися, как тараканы, слугами Морока. В душе впервые проклонулись ростки сомнений в правильности избранного пути. Он готовился стать певцом, ему же

предлагали стать бойцом отряда, сражавшегося с силами Тьмы. Но готов ли он к этому?

Наметившийся синяк под глазом дал о себе знать уколышком боли. Максим покачал головой, присел на край кровати в оцепенении. Потом вспомнил, как он «выгудел» звуковой шар, который заставил бандита отвлечься, и улыбнулся. Может быть, не так уж все и плохо?

В спальню заглянул Валерий.

— Чего сидишь, как паук в засаде? Крепко досталось?

— Ничего, нос только разбили да синяк под глазом поставили. Но ты прав, нам надо научиться драться.

— Хотите, я вас научу? — предложил возникший на пороге Данила.

Оба посмотрели на него, переглянулись.

— Ты же еще... — Валерий пошевелил пальцами.

— Пацан? — улыбнулся Данила. — Меня сызмальства обучали ратному делу.

— Почему бы и нет? Да, Макс?

— Мы же завтра куда-то переезжаем.

— Ну, не за пределы же Москвы, я буду к вам приезжать тренироваться.

— Хорошо, договорились.

Валерий встал в боксерскую позу, мотнул головой и поморщился, касаясь рукой затылка.

— Болит, гадство! Здорово он меня звезданул! Макс, Иннокентий говорил, что можно исцелять людей пением, не хочешь попробовать, спеть что-нибудь, чтобы голова прошла?

Максим смущился:

— Я еще не умею... мы только начали изучать воздействие звука на среду... Давай позвоним Иннокентию, он применит «розовый шум» и вылечит твою башку.

— Долго ждать, лучше я анальгин проглочу. — Валерий поплелся на кухню.

— Вы и в самом деле изучаете воздействие звука на предметы? — с любопытством спросил Данила.

— Ну да.

— А как это выглядит?

Максим хотел проигнорировать вопрос, потом приставил ко рту ладони, как это делал Иннокентий, и «выдул» круглый звук «О!»

Шарик звука заскакал по спальне и с тихим звоном расколол фонарик бра на стене.

Глава 19

КАК В ВЫДЫ ВРЕМЕНА

Теперь он каждое утро начинал с десятиминутной медитации и погружения в особое состояние очищени. Далеко не уходил, боялся «не вернуться». Но и десяти-пятнадцати минут хватало на то, чтобы почувствовать себя бодрым и помолодевшим. Научил его этому Георгий, проявивший неожиданное для такого занятого человека терпение и участие в судьбе бывшего соратника, еще три года назад готовившегося стать Витязем. Он же предложил Антону и систему физического восстановления, использующую особый режим нагрузок и расслаблений. Выглядело это так.

После медитативного сеанса в шесть часов утра (чтобы не будить жену и детей, Антон занимался в гостиной) он делал тысячу приседаний и сто раз отжимался от пола на кулаках. Четверть часа сидел в ванной под душем в позе лотоса, снова приседал и отжимался, затем обегал квартал вокруг дома и становился под яростный холодный душ, чтобы каждая клеточка тела «дынилась и тлела», а кровь, насыщенная кислородом, мчалась по сосудам, как горная река.

К этому времени Валерия уже вставала и готовила завтрак — легкий, необременительный, протеиново-фосфорный, как она говорила, в который входили рыба, очищающий чай с мяты и фрукты. Георгий лично принес Антону кое-какие сущеные травы, и он приготовил настой из сушеницы топяной, понижающий давление и успокаивающий сердце. Вдобавок ко всему Антона свозили в Подмосковье, к месту выхода положительных природных энергий, где он провел в одиночестве почти сутки и получил такой заряд

силы, что, вернувшись, поразил Валерию, проявив к ней повышенное мужское внимание в течение всей ночи.

Кроме всего прочего, Антон имел долгую беседу с волхвом Иннокентием, который научил его упражнениям для обретения душевного равновесия и очистки организма от алкогольных «шлаков», накопленных за последние годы, и от алкогольной зависимости. В принципе Антон и сам знал системы очистки физиологической базы, будучи в прошлом профессионалом рукопашного боя, но, во-первых, давно ими не пользовался и подзабыл, а во-вторых, система, предложенная Иннокентием, была точней и эффективней.

Антон садился в позу для медитации, складывал руки в молитвенном жесте перед собой таким образом, чтобы большие пальцы касались друг друга, но находились на некотором расстоянии от ладоней. Затем касался горла кончиками больших пальцев — ниже щитовидной железы — и, закрыв глаза, медленно делал семь вдохов и выдохов. При выдохе надо было издавать звуки: «а-а», «эйе», «э-э», «о-о», «у-у». Долго, до полной очистки легких от воздуха. Как говорил Иннокентий, звук «а-а» является собой сильный иньтон, звук «эйе» — сильный ян-тон, «э-э» — умеренный инь, «о-о» — умеренный ян, а звук «у-у-у» — представляет собой баланс равных количеств инь и ян. И действительно, повторяя эти простые упражнения по утрам и вечерам, Антон сразу ощутил изменение в колебаниях внутренних энергетических потоков, а на третий день почувствовал себя значительно лучше.

Сначала он испытывал неловкость и смущение при разговорах с женой, помня свое прежнее поведение и долгое отсутствие в семье, но Валерия вела себя так, будто ничего особенного не произошло, и Антон успокоился, вдруг осознав, что это и есть счастье — когда тебя любят и ждут и верят в твою силу и доброту. Дети же и вовсе приняли возвращение «блудного» отца как само собой разумеющееся явление, что еще больше усиливало желание Громова стать для них защитой и опорой.

В стремлении побыстрее вернуть себе былые физические кондиции он забыл обо всем, что предшествовало его

возвращению, поэтому звонок Ильи во вторник, четвертого июля, подействовал на него как отрезвляющий душ.

— Как сам? — поинтересовался Пашин индифферентным тоном.

— Нормально, — ответил Антон сдержанно.

— Валерия?

— На работе.

— Девочки?

— В детсаду.

— Тогда я сейчас к тебе приеду.

— Зачем?

— Не забыл? Мы должны сделать одно важное дело.

Антон сделал паузу.

— Когда?

— Нас не торопят, но прошло уже четыре дня, пора заняться подготовкой.

Антон еще немного помолчал, ломая внутри себя лед нежелания выходить на тропу войны.

— Хорошо, приезжай.

Вспомнилось изречение Оруэлла: «Самый быстрый способ закончить войну — проиграть ее». Однако душа не соглашалась с такой постановкой вопроса. Победа сил Морока означала бы полную капитуляцию не одной страны — России, а всей цивилизации, что однозначно ускорило бы ее гибель. Думать же об этом не хотелось. Но и напрягаться не хотелось, так как война всегда требует жертв, а в этой приходилось жертвовать самым дорогим — здоровьем и жизнью своих близких.

Пашин приехал через сорок пять минут. Он был собран и деловит.

— Отправляемся завтра. Как самочувствие?

— Подхожу к кондиции, — проворчал Антон.

Илья мгновенно выбросил вперед руку с растопыренными пальцами, нанося удар «лапой тигра», и Антон отлетел в глубь прихожей, не успев отреагировать. Правда, он остался на ногах и даже не поморщился, хотя такой удар мог сломать ему ребра.

— «Железная рубашка», — понимающе осклабился Илья.

— В другой раз отвечу, — мрачно пообещал Антон.

— Извини, просто хотел убедиться в твоей адекватности. Рад, что ты не потерял форму.

— Давай без излишней лирики.

Илья внимательно посмотрел на бесстрастное лицо друга.

— Ты как будто обижен на меня. Я, конечно, виноват, что не...

Антон остановил его жестом.

— Оставим эту тему. Я никого ни в чем не обвиняю. В своих бедах виноват я сам. Ты вытащил меня из дерьма, и я тебе благодарен.

— Честно?

— Честно, — кивнул Антон, выдерживая его взгляд.

— Я чувствую в тебе какую-то неуверенность.

— Нет никакой неуверенности, есть желание уберечь семью от новых стрессов. Валерия поверила мне, понимаешь? И если я сейчас брошу ее...

— За ней и девочками присмотрят. Ты же должен понимать, что у нас нет другого выхода? Если мы не перекроем Мороку кислород, так и будем всю жизнь сражаться с его шестерками.

Антон отвернулся.

— Я понимаю.

Илья положил ему руку на плечо.

— Надо, Гром! Никто, кроме нас, не сможет укротить зверя в его же логове. Мы обязаны сделать это. Кстати, тебе легче...

Антон непонимающе глянул на Пашина.

— В каком смысле?

— Ты не один, — добавил тот с тоскливой усмешкой. — У тебя есть Лерка.

— А разве Владислава не с тобой?

— К сожалению, я, как и ты, жил... отдельно.

— Ни хрена себе! У вас-то что произошло?

— Долго рассказывать.

— Где она? Или живет с другим?

— По слухам, никого у нее нет, но я никак не могу ее найти. Скорее всего она уехала из Москвы. Закончим дело с Ликом Беса, и я попытаюсь отыскать Славу. Поможешь?

Антон помедлил немного, подал руку.

Илья, усмехнувшись, подал свою.

— Поехали?

— Куда?

— Команда Георгия подготовила нам экипировку: комбезы, арминги, оружие, кое-какое снаряжение. Заберем его, проверим и в путь.

— Надо предупредить Леру.

— Мы сюда еще вернемся. В Парфино поедем завтра утром.

Антон скрылся в спальне и появился уже в брюках и футболке фирмы «Лотос».

— Я готов.

А уже сядясь в машину Пашина, он сказал:

— Слушай, а как там поживает Тереха Ратников? Может, мы и его возьмем с собой?

— Терентий уже полковник, теперь он возглавляет Аналитический отдел в Главном управлении ФСБ. Я с ним еще не встречался, но при необходимости мы его привлечем к нашим проблемам.

— Он женился?

— Разумеется, на Иришке. Она закончила МГИМО, работает с отцом в МИДе.

— Рост ему обеспечен, — усмехнулся Антон.

— Ну он и сам не дурак, как ты знаешь.

— Хорошая у нас тогда команда сложилась.

— Надеюсь, и на этот раз соберем не хуже.

— Данила Ломов?

— И он тоже с нами. Ты против?

— Молод больно.

— Молод, но не зелен. Парень отлично владеет рукопашкой и очень правильно воспитан.

Антон покривил губы, помял шею ладонью.

— Да, он тогда ответил мне вполне профессионально. Кто еще?

— Пока не знаю. Георгий лишь намекал, что с нами пойдут еще три-четыре человека.

— А певец нам зачем?

— Чтобы вызвать ангела-хранителя, — серьезно сказал Пашин.

Антон с недоверием посмотрел на него.

— Шутишь?

— Нисколько. Мы с тобой в этой команде будем играть малую роль телохранителей Максима и Данилы. Главными будут они. Один — чтобы сложить Володарь, другой — чтобы произнести магическое слово для вызова Светлых сил.

— Разве мы сами не в состоянии это сделать?

— Нужен не обычный звук, а священный, волшебный, божественный, если хочешь, который может пропеть далеко не каждый человек.

— И мы действительно спустимся туда, вниз, в ад Морока?

— Вниз, — улыбнулся Пашин. — Вряд ли это «низ» в нашем понимании. Но мы намереваемся сделать именно это — спуститься в навий мир Чернобога, чтобы прищучить его слугу Морока. Ты против?

Антон покачал головой, отвернулся.

— Если бы я мог не идти, я бы не пошел.

— Постарел, что ли?

— Нет, я просто... сомневаюсь в правильности этого шага.

— Поход необходим, — вздохнул Илья. — И ты это знаешь. Хотя никто не даст гарантии, что он будет успешен. С другой стороны, как говорил один психолог¹: «Мы требуем гарантировать нам четко очерченные сферы сомнений и неопределенности».

Антон нехотя улыбнулся.

— Я тоже требую.

— На эту тему тебе стоит побеседовать с Иннокентием. Если и он не сможет тебя убедить, мы пойдем без тебя. Ко-

¹Дуглас Адамс.

манде не нужны сомневающиеся в успехе бойцы. Однако мы уже приехали.

Машина свернула к старенькому двухэтажному зданию в районе Белорусского вокзала, остановилась у железной двери с облупившейся зеленой краской. Дверь открылась, из нее выглянул пожилой мужчина в синей рабочей робе, махнул рукой, подзываая приехавших.

Здание оказалось складом, забитым железнодорожными контейнерами, тюками, ящиками и бочками. Проводник провел гостей в дальний угол склада, где начиналась лестница в подвальные помещения. Спустились на нижний уровень склада, прошли по коридору с рядом ржавых колонн и вошли в раскрытую железную дверь.

Помещение было тесным, узким и представляло собой оружейную комнату, с виду никем не охраняющую. В стенах помещения светились проемы и ниши с полками, на которых лежали пулеметы, автоматы, снайперские винтовки, гранатометы и пистолеты разных марок, в основном отечественного производства. И хранилось здесь оружия столько, что им можно было вооружить целый батальон.

К гостям из незаметной двери вышел Георгий в такой же синей робе, что и проводник.

— Вот ваше снаряжение, — сказал Витязь, кивая на две большие сумки на полу комнаты. — Комбезы «Рысь», разгрузки, приборы ночного видения, арминги, одежда, комплекты для подводного плавания, один «шмель» — для обследования местности. Достаточно?

Антон и Илья переглянулись. Экипировка вызывала уважение. А наличие «шмеля» — автономного летающего киберразведчика с телекамерой слежения, размером с ладонь человека, говорило о том, что у службы безопасности Рода, возглавляемой Георгием, имелся доступ к секретным военным разработкам.

- Еда? — спросил Пашин.
- Сухпай «СС-22», аптечка, рации.
- Тогда все.
- Выбирайте оружие.

Илья с сомнением посмотрел на приятеля.

- Может быть, обойдемся холодняком?

Антон покачал головой.

— Если наткнемся на хха — с одним холодным оружием не отбьемся. Я бы взял какой-нибудь ПП и пару «орехов»¹.

— Хорошо, бери, я в таком случае возьму «С-комплекс». Что у вас есть?

Георгий подошел к одной из освещенных ниш, вытащил изумительной хищной красоты винтовку с лазерным прицелом и оптической насадкой.

— Подойдет? Новейший «винторез» две тысячи шестого года выпуска. Имеет компьютер для анализа уязвимости цели.

Илья взвесил винтовку в руке, приставил приклад к плечу, прижал глаз к окуляру, повел стволом из стороны в сторону.

— Дух захватывает! Первый раз держу в руках такую серьезную пушку!

— Дальность прицеливания — около пяти километров, убойная сила зависит от пули. Есть ракетные пули с самонаведением и урановым сердечником, которые сохраняют убойную силу и на дальности в пять километров. Но они дороги и у нас их мало. Я дам вам всего две штуки. Они способны пробивать и броню танков. Получишь пули «фас» с улучшенной аэродинамикой, дальность поражения — до двух с половиной километров.

— Годится!

— Можно подумать, мы едем воевать, — пробормотал Антон.

— Кто знает, — философски пожал плечами Георгий. — Мы уже посыпали в район Ильмень-озера своего разведчика, он исчез.

Илья и Антон обменились взглядами.

— Поэтому легкой прогулки я вам не обещаю, — закончил Витязь бесстрастно.

— Когда выезжать? — поинтересовался Илья, все еще не выпуская из рук «винторез».

— Вчера? — пошутил Антон.

¹ПП — пистолет-пулемет, «орех» — миниатюрная граната.

— Лучше всего завтра утром, часов в шесть. К обеду будете в Парфине. А там сами решите, как добираться до Войцев.

— Принято.

Через полчаса они ехали на квартиру к Илье.

* * *

Федор Ломов, отец Данилы и дальний родич Пашина, принял нежданных гостей радушно.

— Вот уж кого не чаял увидеть! — пробасил он, обнимая Илью, а потом Антона. — Какими путями вас занесло в наши места?

— Тебе привет от сына, — сказал Илья, с удовольствием разглядывая кряжистую фигуру родственника без малейших признаков ожирения.

— Откуда вести? — удивился Федор. — Он же в Москву уехал.

— Так мы его там и встретили. Скоро начнутся экзамены в институт, парень готовится, велел передать, что все нормально.

— Надеюсь, поступит?

— Он у тебя самостоятельный и очень ответственный товарищ. К тому же умеет за себя постоять. А вот нам понадобится твоя помощь. Кстати, где Елена Кондратьевна?

— Жена с дочерью отдыхают в Крыму, — развел руками Федор, — так что я один на хозяйстве. Что за помощь вам нужна?

— Моторная лодка и что-нибудь из еды.

Федор помял пальцами подбородок, не спеша отвечать.

— С едой проблем не будет, а вот с лодкой сложнее. Хочу... спрошу у моего бывшего ученика Димитрия, он рыбак и должен бы иметь лодку. Когда она вам нужна?

— Вчера, — сказал Илья.

— Понял. Тогда ждите, располагайтесь в доме, мойтесь с дороги, я скоро буду.

Федор оседлал велосипед и укатил.

Антон забрался под душ. Илья же прошелся по территории прилегающего к дому Ломовых участка, прислушиваясь

к птичьим трелям и тихому шуму природы. Деревня Парфино стояла на отшибе цивилизации, и хотя ее жители тоже приобретали различные транспортные средства, все же их было мало и отзвуки технического прогресса гуляли по деревне редко.

До Парфина разведчики добрались без приключений.

И все же Илью не покидало ощущение дежа вю, связанное, с одной стороны, с прежними походами на Ильмень, а с другой — с неким магическим фоном, пронизывающим берега озера. Экстрасенсорика организма реагировала на этот застарелый фон, созданный тысячелетиями присутствия на Ильмени Храма Морока, и отстроиться от него было трудно.

Федор вернулся через полчаса.

— У Дмитрия лодки с мотором нет, только весельная, а вот у его приятеля, владельца местного магазинчика, есть катер. Но он просто так катер не даст.

— Мы заплатим.

— Леха Захаренко парень не промах, заломит цену.

— Без проблем, да и времени на поиски другого варианта у нас нет. К вечеру мы уже должны выйти на озеро.

— Тогда я поеду поговорю...

— Вместе поедем. Антон, подожди здесь.

Громов, блаженно вытираясь полотенцем после душа, кивнул.

Илья и Федор сели в машину, прокаленную солнцем: даже в тени температура днем держалась выше тридцати градусов, а на солнце было и вовсе за пятьдесят.

— Душно, быть дождю, — сказал Федор. — Такой жары у нас отродясь не было, даже баба Калина не помнит.

Илья кинул взгляд на белесое небо без единого облачка, вспомнил слова Иннокентия о странном поведении погоды, разбалансированной некими магическими манипуляциями. Вполне могло быть, что Природа и в самом деле реагировала на скорое прибытие Морока.

Хозяина катера Алексея Захаренко они нашли в продуктовом магазинчике, расположенному на окраине деревни. Он был обрит наголо и носил соломенные усики. С виду ему можно было дать лет тридцать, и являл он собой новый тип

предпринимателя, в меру активного и наглого, спешащего застолбить делянку по добыче «золотого песка» там, где еще не объявились такие же, как и он, охотники за мечтой «живь красиво».

— Зачем вам катер? — в лоб спросил он, услышав просьбу Федора.

— Покататься, — улыбнулся Илья.

— А честно?

— Этот разговор между нами?

— Нет базара, — дернул плечом Захаренко, озадаченный вопросом.

— Если честно, мы с другом подыскиваем на берегах озера красивые места для постройки коттеджей.

— Но ведь для этого нужно разрешение не только местных властей, но и Минприроды.

— Это уже наша забота. С чиновниками всегда можно договориться. У нас есть кое-какой опыт.

— А по-моему, сколько им ни давай, — презрительно сказал Федор, — все равно мало будет. Всем давать — мошны не хватит.

— Всем давать и не надо, — хмыкнул Захаренко. — Только тем, от кого что-то зависит. Я бы тоже много дал... чтобы мне дали еще больше. Ладно, я разрешу вам показаться на катере, сколько платите?

— Сколько надо?

— Сто рублей в час, тысяча — сутки плюс за бензин.

— Да ты что, казак... — возмутился было Федор.

— Согласен, — сказал Илья. — Вот аванс — пятьсот плюс пятьсот за бензин, остальное после возвращения. Думаю, за сутки мы управимся. Показывай посудину.

Захаренко без капли смущения взял деньги, махнул рукой, увлекая гостей за собой.

Небольшая пристань с двумя десятками лодок в подкове заливчика оказалась всего в пяти минутах пешего хода от дома Алексея.

Спустились к воде, и Алексей спрыгнул на палубу небольшого, но вполне современного катера «Новая Вита», имевшего гармоничные скоростные формы и небольшую

рубку на двух человек. Посторонился, пропуская Илью, открыл дверь рубки.

— Водить такие аппараты умеете?

— Приходилось.

— Тогда вот ключи, вот люк в машинное отделение, здесь бар и телевизор. Максимальная скорость катера — тридцать узлов.

— Ну, на такой скорости мы вряд ли будем ходить, однако хорошо иметь запас. Люблю мощные машины.

— Я тоже, — оживился Захаренко. — Езжу на спортивных, гонщик в прошлом.

— Я не гонщик, но тоже люблю быструю езду.

Захаренко похлопал рукой по штурвалу; видно было, что он любит свой катер:

— Не подведи, Витуся.

Вылезли на палубу. Хозяин катера спрыгнул на берег, махнул рукой, прощаясь, поспешил назад, оглядываясь.

Федор посмотрел ему вслед.

— Жадный, обормот! Знаешь, как его в деревне кличут?

— Как?

— Олигарх.

Илья улыбнулся:

— На олигарха он не тянет.

— Но деньги любят.

— Кто их не любит? Парень научился зарабатывать на всем, его за это можно только уважать. Хорошо еще, что согласился сдать катер в аренду.

— Вы уж с ним поаккуратней, не повредите, не то мне придется отдуваться.

— Не придется, мы люди осторожные, мирные, опытные, знаем, как надо обращаться с дорогими посудинами.

— Когда отправитесь?

— Да прямо сейчас, пообедаем только.

Внезапно Илье показалось, что он слышит тихий голос Владиславы. Он даже оглянулся по сторонам, пытаясь определить, откуда прилетел голос. Но никого не увидел. Подумал с тоскливым сожалением: почудилось...

Федор посмотрел на него с прищуром, и Илья взял себя в руки.

Они вернулись в дом Ломовых, поели, собрали свои сумки, уложили в багажник «Вербы» вместе с едой, собранной Федором, и до пристани добрались на машине. Перегрузили вещи, попрощались с Федором.

— За машину не беспокойся, — пробасил Ломов-старший, — никто ее у меня не тронет. Когда вас ждать?

Илья посмотрел на низкое солнце, готовое нырнуть за далекую кромку леса на другом краю озера.

— Может быть, завтра к вечеру вернемся.

— А если задержитесь?

— Постараемся не задерживаться. У тебя мобильный телефон есть?

— Имеется.

— Диктуй номер, позвоню, если что.

— Если понадобится помочь — звони немедленно.

— Как говорил мой дед, трудней всего помочь тому, кто в этом не нуждается.

Федор усмехнулся, пожал руки путешественникам, поднялся на береговой откос. Илья включил двигатель. Катер заворчал, стал медленно отходить от причала.

— Ни пуха ни пера! — долетел голос Федора.

— К черту! — в один голос проворчали Илья и Антон.

И, словно реагируя на это слово, катер вздрогнул как живой, «передернул плечами», так что звякнули какие-то металлические и стеклянные предметы в рубке.

— БАЗа! — сквозь зубы процедил Антон.

Илья кивнул, увеличивая скорость катера.

Глава 20

ПРОФЕССИОНАЛЫ

Стемнело, когда катер миновал скалу Синий Камень, а за ней мысок Стрекавин Нос, олицетворявший собой остров Войцы, отделенный от материка широкой протокой. Илья выключил мотор. Стало тихо. Катер проплыл еще полсотни метров по инерции и остановился.

Издалека, с берега, прилетел тосклиwyй волчий вой.

Илья и Антон прислушались, переглянулись. Каждому вспомнились приключения на острове, разные в силу обстоятельств и личных отношений к ситуации.

Илья закрыл глаза...

Три года назад он точно так же подплыл к острову, закрытому со стороны озера тростниковой крепью, только днем, и услышал дивной красоты девичий голос. Где-то недалеко на берегу, за зеленой стеной кустарника, среди ив и берез пела девушка.

Влекомый какой-то странной сладостной силой, он повел катер сквозь расступившийся тростник, наугад, не осознавая, что делает и куда плывет. Пристал к берегу, поднялся по некрутому береговому склону наверх, вышел на луг с высокой травой и увидел девушку, стоящую под березой на краю луга. Она смотрела на него спокойно и внимательно, одетая в легкий цветастый сарафан, который почти не скрывал небольшую грудь и длинные ноги. Пушистые светлые волосы у нее были распущены по плечам, сияя, как платиновая корона, отчего она походила на лесную нимфу, спустившуюся с дерева на землю. Назвать ее просто красивой не поворачивался язык. По ощущению Ильи, она была прекрасной, и он стоял и смотрел на незнакомку, юную, почти девочку, вбирая ее красоту не глазами, а сердцем, понимая, что внезапно встретил ту, единственную, которую ждал всю жизнь...

Глаза наполнились слезами.

— Владислава... — прошептал Илья.

— Что? — отозвался Антон.

Илья очнулся.

— Ничего... вспомнил, как я здесь искал проход к берегу. Ничего не чувствуешь?

Антон помолчал. Габаритные огни и фонарь катера они не включали вовсе, поэтому в сгустившихся сумерках лица спутника видно не было, только смутное белое пятно, однако Илья хорошо знал друга и чувствовал его напряжение.

— Звенит...

— Верно, з в е н и т . Весь берег накрыт колдовской на - в е т ъ ю , как паутиной: тронешь паутинку — задрожит вся сеть.

— Значит, монахи восстановили Храм?

— Едва ли, но их колдуны поставили сторожевой за-слон, чтобы контролировать всех приплывающих и приезжающих. Я думаю, хха нас уже засекли.

Словно в ответ на слова Пашина, над катером закричала чайка.

Оба задрали головы, ища глазами белый блик на фоне быстро темнеющего неба.

— БАЗа, — снова пробормотал Антон. — Что будем делать?

— Нам по-любому надо проникнуть во внутреннее островное озерцо, на берегу которого стоял Храм. Если Лик Беса и находится в здешних местах, то лишь где-нибудь поблизости от него.

— Мы можем искать его месяцами.

— У меня есть компас.

— Какой компас? — не понял Антон.

Илья полез в карман, вытащил перстень в форме змеи с непомерно большой и зубастой — «крокодильей» головой. Внутри черного камешка мигнула и погасла алая искра.

— Магидат?!

— Он самый.

— Откуда он у тебя?

— Георгий дал. Если Врата Морока здесь, магидат отзовется. По сути, камень перстня является осколком плиты с Ликом Беса. Однако пора действовать. План такой: подходим к берегу на веслах, тихо переодеваемся, натягиваем гидрокостюмы и под водой ищем протоки, ведущие к озеру с Храмом. Ищем Врата, находим...

— Или не находим.

— ...и возвращаемся.

— План принят. — Антон достал свою сумку.

Через полчаса они плыли вдоль берега, осваиваясь с положением боевых пловцов, затем нырнули, повинувшись указаниям арминга. Протока, скрытая тростником, камышом и зарослями кустарника, ведущая в глубь острова, оказалась на месте. Никто ее не сторожил и «магические мины» на пути пловцов не ставил.

Включили приборы ночного видения, не боящиеся воды.

Ориентироваться стало легче, хотя оба могли обходить-ся и без них, опираясь на экстрасенсорику организмов: Антон — меньше, Илья — больше.

Плыли медленно, погрузившись на полтора метра, оги-бая топляки и корни деревьев, торчащие из мглы берегов, как костлявые руки мертвцев. Свернули в другую протоку, более глубокую и широкую, а из нее — в совсем узкую и тес-ную, хотя такую же глубокую. Преодолев в общей сложно-сти около трех километров, остановились, ворочая голова-ми. Появилось чувство взгляда в спину, не поддающееся во-левой нейтрализации. К тому же Илье стало казаться, что впереди их ждет засада.

Он дотронулсся до плеча Антона, ткнул пальцем в близ-кую поверхность воды над головой.

Они всплыли, затылок к затылку, оглядывая в полусфе-ре обзора стены кустарника по обе стороны протоки и чер-ную воду с пятнами ряски и бородами водорослей. Инфра-красные очки делали пейзаж фантастическим, неземным, разбивали его на сочетание пятен всех оттенков зеленого цвета. Температура ночью в июне не опускалась ниже двадцати градусов, и нагретые за день предметы испускали призрачный «лунный» свет. Однако никого живого побли-зости не оказалось, ярких прожилок очки не показывали, и пловцы молча поплыли дальше, уже не опускаясь под воду.

Протока вильнула, стала расширяться, мельчать.

Илья жестом показал: выходим.

Выползли на берег, прислушиваясь к тишине леса и ост-рова. Сняли ласты, маски, гидрокостюмы, оставаясь в боев-ых комбинезонах. Проверили оружие.

Магидат на пальце Ильи похолодел, алая искра в его камне стала мигать чаще. Но все же это не говорило о нали-чии поблизости плиты с Ликом Беса.

Где-то неподалеку завыл волк, оборвал вой на высокой ноте.

Илья замер.

— Светлый...

— Волк Владиславы? — негромко отозвался Антон. — Ты уверен?

— Его видели здесь... Хорошо бы договориться с ним, лучшего проводника нам не найти.

— Как ты с ним договоришься?

— Он нас учゅял... сам разберется. Кстати, что ты ощущаешь?

— Звенит... сильнее...

— Н а в е д а работает. Видимо, колдун Храма постарался оградить остров с озером от посторонних гостей с помощью заклинания. Другие на нашем месте давно сбежали бы отсюда.

Уложили гидрокостюмы в пакет, подвесили на дереве, чтобы пакет не тронули лесные жители. Двинулись вдоль протоки к центру острова и вскоре вышли на опушку леса с полосой сухих деревьев.

Сердца обоих забились сильней. Вспомнился бой с монахами и жрецами Храма, в результате которого Храм был уничтожен, а на его месте образовалась бездонная трясина.

Илья сдвинул на лоб инфраочки, напряг «третий глаз». Гамма цвета перед глазами изменилась, ночной мрак протаял фиолетовыми и багровыми провалами и ямами. Стали видны бочажины и топкие мшистые низины болотца, за которыми обозначилась синяя, более холодная гладь озера. Слева от него открылся черный кратер — там, где когда-то стоял Храм Морока с подземными казематами.

Илья дотронулсь до руки Громова, показал, куда идти. Медленно зашагали к озеру, обходя топкие места, кочки, упавшие и полусгнившие деревья и пни.

Воздух вокруг «зазвенел» гуще: колдовская наветь не желала пропускать непрошеных гостей. А затем вдруг на них набросилась туча комаров!

Сначала они молча отмахивались от безжалостных кровопийц, не обращавших внимания на потерю значительной части собратьев, потом взялись за обломанные ветки кустарника. Но и это не помогло. Тогда Илья сжал в кулак руку с магидатом на пальце и рассек им комариную тучу с яростным шипением:

— Сгиньте, твари!

Перстень метнул тусклую фиолетовую искру, похолодало. И туча комаров внезапно рассыпалась, потеряв интерес к людям.

Посидели в кустах на корточках, приходя в себя.

— Инсектозащита, — прошептал Антон. — Ничего нового.

— Было бы хуже, — почти беззвучно ответил Илья, — если бы на нас напали змеи или местные хищники.

— Хищников, наверное, тут уже не осталось, только мошки да комары. Что твой компас?

— Молчит пока. Боюсь, мы зря сюда сунулись, нет здесь Врат.

— Есть предложения?

— Обойдем озеро, остров, порыщем на берегу Ильмени за Войцами и вернемся. Если бы Лик Беса был спрятан здесь, магидат уже отреагировал бы на него.

Двинулись дальше, поднялись на небольшой бугор, за которым начинался спуск к озеру. Илья уловил тихое журчание воды, замер, всматриваясь в черную гладь озера. Показалось, что по озеру катится волна — при полном безветрии и отсутствии течения.

— Вода движется! — удивился Антон.

Илья наконец сориентировал диапазон зрения таким образом, что стал видеть все почти как днем, и действительно увидел несущуюся вдоль берега струю. Все круглое озеро занимал водоворот!

— Что это?! — прошептал Антон, в отличие от спутника не снимавший свой прибор ночного видения.

— Вопрос не по адресу.

Илья посмотрел на перстень. Внутри камня разгоралась и гасла многолучевая зелено-фиолетовая звездочка, указывая на какое-то магическое «излучение». Но магидат должен был реагировать на Врата иначе — ало-фиолетовым свечением, и, что означала появившаяся звезда, было непонятно.

— В этом озере не было никакого течения!

— Но ведь откуда-то оно появилось?

Илья достал фонарь, включил. Луч высветил топкий край берега и несущуюся струю воды. Впечатление было такое, будто в озере работал мощный насос, гоня воду вдоль берега.

Внезапно течение замедлилось, словно «насос» отключили.

Оба разведчика почувствовали на себе чей-то угрюмозлобный взгляд. В центре озера возник водяной бугор, бесшумно покатился к берегу, приобретая форму прозрачной змеиной головы с капюшоном.

— Кобра?!

— Ягья! — догадался Илья. — Уцелел, демон!

Антон, оскалясь, дал очередь по «кобре»: пок-пок — словно кто-то палкой прошелся по забору; глушитель пистолета-пулемета почти нейтрализовал звуки выстрелов.

Пули пробили «змеиную голову», не причинив ей никакого вреда.

— Бежим!

— Поздно!

Илья метнул в озеро микрогранату.

Вспышка света, взрыв!

«Кобра» расплескалась на струи, но тут же в течение долей секунды собралась в тело змеи и нависла над берегом, вытягиваясь вверх.

— Ловушка! — прохрипел Антон. — Нас подставили!

И тогда Илья выставил вперед магический перстень, никогда принадлежавший одному из жрецов Храма.

Собравшаяся обрушиться на берег водяная змея отшатнулась.

— Рысью! — сдавленным голосом высипел Илья.

И они помчались прочь от озера, не разбирая дороги, чудом избежав ям с водой, топких низин и пней, ни разу не споткнувшись и не упав, пока не вломились в полосу засохшего на опушке леса.

Водяная «кобра» преследовать их не стала. Возможно, радиус ее действия был ограничен, а может быть, излучение перстня послужило неким паролем типа «я свой», который и стал для Ягги приказом не трогать гостей.

«Кобра» постояла у берега, покачиваясь, прозрачной зыбкой колонной, опала, превратилась в водяной бугор, и тот покатился вдоль берега, порождая вихревое течение. Бывший страж Храма Морока продолжал стеречь то место, где когда-то находилась его тюрьма. Возможно, водная пучина скрывала множество страшных тайн, но доступ к ним был невозможен. Ягья, древний демон холода и мрака, побочный сын Морока и Мары, был способен без устали нести свою службу на протяжении сотен и тысяч лет.

— Нас точно подставили, — повторил Антон сквозь зубы.

— Не пори чепухи. Георгий посыпал разведчика, тот пропал, вот и послали нас, чтобы убедиться, что Лика Беса здесь нет. Кому-то выгодно, чтобы все думали, что Врата здесь. Поэтому мы должны во что бы то ни стало вернуться.

— Ты уверен, что Ягья не охраняет Врата?

— Магидат молчит. Да и я нечу «запаха» Врат. Уверен, жрецы Храма специально распустили слухи о том, что Лик Беса по-прежнему находится в районе Ильмень-озера.

Антон помолчал.

— Вечная ему память...

Илья кивнул, понимая, что речь идет о погибшем разведчике. В отличие от них ему не удалось убежать от Яги.

— Возвращаемся.

Бросив по взгляду на озеро, оба зашагали к протоке, соединявшей храмовое озеро с Ильменем. Однако вскоре заплутали и снова вышли к полосе сухого леса на краю болота, за которым начиналось озеро с живущим в нем демоном.

— Что за чертовщина? — буркнул обескураженный Антон.

Илья молча сориентировался по армингу, выбрал направление движения, и они опять направились к южной оконечности острова, отделенного от материка протокой.

На этот раз им удалось оставить храмовое озеро позади, но на пути вдруг появилось болото, пришлось его обходить, и они снова не заметили, как свернули в сторону, а когда опомнились, впереди показалась корявая крепь сухостоя. Тень Храма Морока лежала на природе колдовской печатью и не позволяла выбраться из этих мест никому.

— Не отпускает, зараза! — устало проговорил Антон. — Может, дождемся рассвета?

Илья прислушался к своим ощущениям.

— Мы затронули бесовскую паутину, колдуны секты уже знают, что кто-то нарушил границы их владений, и скорее всего пошлют сюда свой спецназ.

— Дадим бой! Первый раз, что ли?

— Не хотелось бы сражаться на чужом поле и по чужим правилам.

— Но в темноте мы запросто можем угодить в болото или забрести на магическое «минное» поле — костей ведь не соберем!

— Да, здесь наверняка заложены «магические мины» — ловушки с колдовством, но и ждать рассвета стремно. Включай свою экстрасенсорику на полную мощность, будем выходить.

Глотнув горячего чаю из термоса и съев по плитке шоколада, они сосредоточились на паранормальных состояниях, изменивших сознание, и снова двинулись прочь от заколдованного места, притягивающего их к себе, как магнитом. И вышли-таки из «ведьминого круга», миновали болотный пояс, с облегчением увидев в просветы между деревьями (в состоянии психорезонанса с природными стихиями оба видели в темноте почти как днем) высоченные ели, обозначавшие выход к протоке, по которой они приплыли сюда.

Внезапно Илья увидел поток светлячков, устремившийся к ним из еловых зарослей. Ни слова не говоря, удариł Антона по плечу, заставляя его упасть ничком в траву.

Струя желтеньких огоньков, похожая на трассерный пунктиир, и в самом деле оказалась автоматной очередью. В обычном состоянии Илья едва ли засек бы эту очередь до того, как она прошлась бы по ним, но его реакция в измененном состоянии намного превосходила обычную человеческую, сторожевая система организма в идела все физические явления, представляющие опасность, и лишь потом, когда очередь пронеслась над их спинами, он осознал, какая опасность им угрожала.

— Засада!

— Я понял! — глухо отозвался Антон.

— Работаем!

И они начали «работать», превращаясь в бойцов спецназа, какими были много лет назад. Впрочем, они оставались профессионалами и теперь, несмотря на временное отсутствие боевых действий. Хотя Илья все же имел преимущество, так как не терял навыков и кондиций, как Антон, и не нуждался в восстановительной психотерапии.

Охотников, подстерегавших Пашина и Громова у протоки, где они оставили гидрокостюмы, оказалось четверо. Двое из них были вооружены автоматами, скорее всего десантными «калашами»¹, поливая из них кусты и деревья в направлении приближавшихся разведчиков. Еще двое в стрельбе участия не принимали, но «светились» в ментальном поле так сильно, что не приходилось сомневаться в их намерениях. Скорее всего они являлись колдунами Храма и были вооружены посеребренее — магическими крестами — уморями и перстнями-магидатами. Ими и решил в первую очередь заняться Илья.

— Расходимся! — шепнул он Антону. — Ты берешь стрелков, я монахов с их магическими «пушками». Шуми, но не высовывайся.

Громов растворился в темноте леса.

Илья метнулся влево, выбирая тропу так, чтобы вектор его движения нельзя было вычислить наверняка, и с разбегу взобрался на лежащий под наклоном ствол упавшего лесного великана. Напряг «третий глаз», пеленгую медленно приближавшихся к нему охотников, явно пытавшихся подкрасться незаметно: их ауры он видел как слабо светящиеся багровые медузы.

— Еще пару десятков метров... — прошептал он, прицеливаясь. — Посмотрим, умеете ли вы уворачиваться от ракетных пуль.

Боевики Храма почуяли его намерения.

Один вдруг бросился бежать к нему зигзагом, прибли-

¹Автоматы Калашникова.

жаясь с невероятной быстротой. А второй, метнувшись в сторону, выстрелил.

Он и в самом деле был вооружен уморем, концентрирующим природную энергию и мечущим молнию разряда на приличное расстояние. Впрочем, у его напарника тоже имелся уморь, и он начал стрелять из него на бегу. Но охотники не учили подготовки и реакции Ильи, а главное, не знали, чем он вооружен. Поэтому огневой контакт закончился не в их пользу.

Илья выстрелил одновременно с первым охотником, но в отличие от него успел скатиться с дерева на землю, и энергетический разряд пришелся на замшелый ствол, превращая его в пук острой щепы. А вот ракетная пуля, выпущенная из «винтореза» и управляемая компьютерным наводчиком с корректировкой траектории полета, нашла свою цель. И даже колдун-охотник, чьи возможности превосходили возможности любого человека, не смог увернуться. Пуля попала ему прямо в голову. Умер он мгновенно.

Зато второй успел приблизиться к Илье почти вплотную, и, если бы не пришедшая со стороны помощь, ему пришлось бы туго.

Охотник выстрелил из уморя. Илья увернулся, чуя охвативший спину мгновенный озноб от пролетевшего над ним разряда.

И тут раздался волчий вой, вскрик, охотник схватился с выскочившим из зарослей зверем, и Илья успел в падении выстрелить еще раз.

Ракетная пуля безошибочно нашла и эту цель, попав противнику в плечо. Он с криком выронил крест-уморь и, шатаясь, побежал прочь, отбиваясь от волка, уже не помышляя о прямом бое с Пашиным. Преследовать его и стрелять в спину Илья не стал. Позвал:

— Светлый!

Сверкнули прозрачные волчьи глаза, в руку ткнулся холдный волчий нос.

— Светлый; — растроганно проговорил Илья, гладя голову зверя, — живой. Благодарю за помощь!

Недалеко прозвучали выстрелы.

— Потом поговорим. Помоги ему!

Волк исчез.

Продолжая находиться в состоянии боевого возбуждения, Илья быстро огляделся.

Между Антоном и двумя другими охотниками все еще продолжалась дуэль. Не давая противнику завладеть инициативой, Антон маневрировал так умело, что они все время находились на одной линии и зачастую мешали друг другу вести прицельный огонь. В принципе за него можно было не беспокоиться. Бывший десантник и инструктор ГРУ вполне способен был справиться со стрелками и сам. Но время уходило, противник мог прислать на подмогу своим еще несколько бойцов, и Илья решил вмешаться в схватку.

Он переместился по лесу таким образом, чтобы оказаться от охотников с «калашами» сбоку, аккуратно прицелился, используя только оптику винтовки, и поразил самого дальнего стрелка, причем обычной пулей. Ауры этой пары отличались от аур владельцев магических крестов незначительно и были видны довольно отчетливо.

Четвертый член засадной группы, видимо, прекрасно ориентировался в ситуации. Поэтому, когда его напарник замолчал, прекратив двигаться, он рванул по прямой к берегу Ильмень-озера, забыв про стрельбу. Илья мог бы, наверное, снять его одним-двумя выстрелами из винтовки, но не захотел напрасно проливать кровь.

Как всегда, после напряжения и большой энергопотери навалилась усталость. Захотелось прилечь и ни о чем не думать. Но он заставил-таки себя включить рацию, вызвал Антона, и они встретились через четверть часа на берегу протоки.

К счастью, засадники хотя и обнаружили пакет с гидрокостюмами, уничтожить его не успели.

Чувствуя усиливающийся с каждой минутой густой «звон» магической «паутины», разведчики торопливо натянули костюмы, нырнули в протоку и как можно быстрей поплыли к озеру, к тому месту, где оставили катер.

Здесь им пришлось изрядно покружить вдоль берега, так как спецгруппа секты, вызванная каким-то сторожем острова, успела отвести его в другое место. Однако в конце

концов катер нашелся, они взобрались на него, стянув маски, Илья завел двигатель и повел катер к середине озера.

И в этот момент с берега дунул такой волнной страха, что у обоих волосы встали дыбом! И тотчас же катер накрыла туча мошек, комаров, жуков, пчел и слепней! Каким-то чудом колдунам Храма удалось поднять в воздух этих далеко неочных насекомых и бросить их в атаку на разведчиков.

— В рубку! — скомандовал Илья Антону, примостившись на палубе суденышка.

Они захлопнули дверцу рубки, отсекая основную массу насекомых, накинули на головы капюшоны гидрокостюмов и маски и тем самым пресекли попытки разъяренных ос, пчел и слепней атаковать незащищенные участки кожи. Илья увеличил скорость катера, и за ними потянулся тающий в ночи жужжащий хвост. Потом он вспомнил о перстне, поднял его над головой.

Магидат метнул тусклую зеленовато-фиолетовую искру. Пчелы и осы тут же потеряли интерес к людям, начали разлетаться по углам рубки.

Илья открыл дверцу, чтобы тугая воздушная струя выдула насекомых из крохотного помещения. Еще через минуту последний слепень погиб под ладонью Антона. Илья остановил катер. Стало тихо.

Они вылезли на палубу, расчесывая искусанные щеки, лоб, уши и тыльные стороны ладоней.

Над озером мирно сияли звезды, вода тихо журчала под форштевнем катера, было свежо. С берега, от которого они удалились больше чем на два километра, прилетел низкий волчий вой.

Илья помахал в ту сторону рукой:

— Спасибо, Светлый...

— Кому это ты? — прошепелявил Антон, поглаживая укушенную губу.

— Мне помог Светлый, волк Владиславы.

— Жив еще зверюга?

— Помнит.

— А если бы инсектоатака началась раньше, на острове?

Илья снял с головы капюшон, дыша полной грудью.

— Что-нибудь придумали бы.

Ему вдруг снова почудился тихий голос Владиславы, прилетевший из дальнего далека по воде. Он вздрогнул, прислушался. Это был не голос — ментальный вызов. Жена звала его.

— Парфино... — беззвучно шевельнул он губами. — Она в Парфине!

— Что? — не рассыпал Антон.

Илья вместо ответа включил мотор катера.

Глава 21

С ЛЮБИМЫМИ НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ

У него было фантастически податливое — несмотря на приличный мышечный каркас — тело, и она пальцами ощущала вихрики энергии под его кожей, бегущие потоками нежных искр. Его тело сейчас то казалось малой частью чего-то огромного и теплого, то становилось калиткой, за которой раскрывался путь в космос, им не придуманный, но точно угаданный и необходимый обоим. Она любила его отзывчивость, его усталость и силу. Она лепила его радость, чувствовала ее, усиливала и рождала ответное движение в нем, сама получая несказанное удовольствие, в которое погружалась, как в морскую пучину. Ощущение понимания, всепоглощающее и радостное, появлялось даже до прикосновения ее пальцев к его телу, и тогда начинался совершенно естественный диалог тела с телом, души с душой, тонкая подстройка чувств, сверка кодов и раскрытие дверей, закрытых до этого на замки обыденности, в иные миры, которые невозможно было описать словами. А затем он начинал откликаться на прикосновение ее пальцев с такой непосредственной радостью, что у нее начинала кружиться голова и внутри рождалось удивительное состояние «безмысли», когда рассуждения и оценки становились абсолютно лишними...

Щеку обожгла слеза.

Владислава вздрогнула, прерывисто вздохнула, с усилием вытащила себя из сладостной струи воспоминаний и грез.

Илья не отзывался на ее зов. Он ушел в один момент, сразу и навсегда. Возможно, она была неправа, поощряя ухаживания Кости, партнера по танцам, который готов был на все, лишь бы оставаться рядом с ней подольше, пусть и без всяких надежд на интимную близость. Но Илья почему-то увидел в их общении нечто большее и приревновал. А так как человеком он был цельным и решительным, то и поступал всегда твердо и властно, не пытаясь установить истину, подчиняясь только своим внутренним оценкам и чувствам. Почему он увидел в Косте соперника, Владислава не поняла. Хотя впоследствии, когда Илья ушел, у нее было достаточно времени подумать о своем поведении, о его непоколебимой уверенности в правильности своих поступков, о жизни вообще. Она сделала вывод. Костя больше не настаивал на желании проводить ее до дома, а потом и вовсе исчез. Но было уже поздно. Она осталась одна, с ужасом сообразив, что не винит Илью в случившемся и продолжает любить его, как и прежде...

Владислава сняла с тумбочки у кровати крохотную хрустальную розочку, сувенир фирмы Сваровски, которую Илья подарил ей на день рождения, спустя год после свадьбы, незадолго перед расставанием. Он уже знал ее восхищение хрусталем, но все равно подарок подействовал на нее оглушающе. Она часто потом доставала розу, перебирала в пальцах, с детским восторгом любуясь чистыми переливами лучиков света в гранях, и прятала обратно. Теперь же роза лежала в спальне всегда, доставляя радость и одновременно печаль, возбуждая сладостные воспоминания былой близости с любимым.

— Илья... — прошептала она, не стирая со щек бегущих слез. — Мне трудно без тебя...

Пальцы выпустили розу, она со стуком упала на пол. Владислава торопливо подняла ее, поцеловала, прижала к сердцу, почему-то недобрую, холодную и колючую.

Это отрезвило. Она положила розу на тумбочку, вытерла слезы, сказала сердито:

— Вот найду любовника, пожалеешь, что ушел!

Но она знала, что нужен ей был только он один, и никто больше.

Полежала, глядя в потолок ничего не видящими глазами, пытаясь сосредоточиться на реалиях жизни.

Встала, подошла к зеркалу, придилично разглядывая себя под разными углами. Вспомнилось чье-то изречение: когда Природа не может дать женщине ничего ценного, она из жалости дарит ей красивое тело.

Владислава невольно улыбнулась, вздохнула, не сводя глаз с отражения в зеркале:

— Думаешь, он бы тебя не бросил, будь ты уродкой?

— Дурочка, — покачало головой отражение, — перестань мучиться! Тебе еще только двадцать один год, вся жизнь впереди, и мужики будут бегать по пятам и становиться в очередь.

— Илья гордый, он не встанет в очередь.

— Тогда ищи его.

— Не буду.

— Чего же ты хочешь?

Слеза навернулась на ресницы, но она решительно сбросила ее пальцем.

— Я хочу, чтобы он вспомнил обо мне и вернулся! И хватит разговоров! Я сильная, я вытерплю!

На утренний шейпинг хватило двух минут. Еще час ушел на соблюдение кое-каких правил из «клироса ведьм», в который входили шестьдесят четыре искусства. Владиславе понадобилось около десятка, в том числе тренировка умения быть собранной в любой обстановке и умения рассуждать, выявлять закономерности и делать правильные умозаключения. Умения, связанные с ухаживанием за мужем, она пока не тренировала в связи с отсутствием такового, да и воспоминания о нем вызывали душевную муку и боль.

Решение поехать в Парфино возникло само собой, спонтанно: надо же где-то отдохнуть летом? А в этом городке у нее жила дальняя родственница по матери, тетка Ефросинья. И Владислава засобиралась в дорогу, гоня от себя мысли, что едет она в Парфино не отдыхать, а в надежде

встретить Илью, у которого в деревне Парфино жили родственники — Федор и Лена Ломовы.

Парфино-город стоит недалеко от Парфино-деревни, раскинувшейся по восточному берегу Ильмень-озера. В город Владислава приехала двадцать первого июня, но долго не могла себя заставить поехать в деревню, чувствуя, что прибыла сюда напрасно. Тем не менее, прожив у тетки Ефросиньи, принявшей племянницу весьма радушно, больше недели, Владислава вдруг села в автобус и двадцать девятого июня поехала в деревню — «просто так, развеяться, поменять обстановку, подышать свежим воздухом и купить свежего молочка».

Полдня она провела на берегу озера, убеждая себя, что ей действительно захотелось «хлебнуть целебного воздуха и пообщаться с природой». Потом сердце не выдержало, и Владислава отправилась искать дом Ломовых. Нашла. Но дом оказался закрытым на замок, никто на ее стук не откликнулся, да и Ильей здесь «не пахло», и разочарованная до глубины души Владислава побрела назад, к центру села, чтобы отправиться в город на автобусе. Она не заметила, что какой-то лохматый старик бомжеватого вида проводил ее подозрительным взглядом и заспешил куда-то, оглядываясь. Появился он на площади, возле автостанции, в сопровождении бритоголового хлопца в черном костюме. Этот хлопец и сопроводил Владиславу до города, делая вид, что она его совсем не интересует.

Затосковав, она провела на квартире у тетки три дня, не выходя за ее пределы, однако третьего июля снова сорвалась в деревню, вдруг поверив в предчувствие встречи с мужем.

На этот раз ее сопровождали уже двое — высокий горбящийся старик и бритоголовый парень, переодевшийся в джинсы и майку. Однако, занятая своими мыслями и переживаниями, Владислава снова не обратила на слежку внимания. Перед глазами женщины стоял образ Ильи, и ни о чем другом думать не хотелось.

У дома Ломовых она появилась в половине восьмого утра, утомленная автобусной духотой и жарой, но окрыленная

надеждой, и сразу увидела следы подъезжавшей к дому машины. Сердце забилось так сильно, что Владислава остановилась, прижав ладонь к груди.

В этот момент открылась дверь и на пороге появился Федор Ломов, собравшийся куда-то ехать на велосипеде. Увидев гостью у калитки, он остановился, удивленный. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Потом родственник Ильи улыбнулся, покачал головой, проговорил рокочущим басом:

— Сюрприз за сюрпризом, однако. Сначала муж явился с другом, теперь вот ты.

— Илья здесь?! — вырвалось у нее. — Ой, прости, дядя Федя, здравствуй!

— Илья с Антоном уехали вчера.

— Куда??

— Взяли катер и уплыли на озеро, кажется, на твою родину. Да не стой ты за калиткой, как чужая, проходи, подождешь их у меня. Они обещали сегодня вернуться.

Кровь бросилась Владиславе в лицо.

— Я не... они же... не знаю, неудобно...

— Чего ж тут неудобного? — удивился Федор. — Моих никого нет, на морях загорают, разместиться есть где, заходи и живи.

— Я лучше... где-нибудь...

Федор внимательно посмотрел на жену Пашина, хотел что-то сказать, но в это время заметил появившихся на улице старика и бритоголового парня и нахмурился. Они медленно прошли мимо, занятые разговором, но от них исходила некая тревожная неуверенность, и это почувствовала даже Владислава. Тоже нахмурилась, вспоминая, где она видела бритоголового.

— Знакомые? — вполголоса спросил Ломов, кивая на удаляющуюся пару.

— Нет... но видела лысого... здесь, в деревне, в автобусе...

— Когда?

Владислава снова покраснела.

— Я приезжала три дня назад... он сел со мной в автобус.

Федор проводил прохожих сосредоточенным взглядом, размышляя, потом посторонился.

— Заходи в дом, располагайся. Никуда не уходи, я скоро вернусь.

— Может быть, я лучше поеду домой?

— У этого молодца черный ноготь.

— Ну и что?

— Не нравится он мне. Одна встреча может быть случайной, две — с одним и тем же человеком — нет. Заходи, я вернусь, и вместе дождемся Илью.

Федор оседлал велосипед, укатил.

Растерянная Владислава, оглядываясь, вошла в дом. И только там вдруг поняла, что интуиция ее не обманула: Илья находился совсем близко и мог прийти в любой момент.

Сердце вновь зашлось в стремительном темпе, гоня по сосудам не кровь — огнь ожидания! Но она заставила-таки сердце успокоиться — на какое-то время — и торопливо привела себя в порядок.

Кто-то вошел в дом, стукнув дверью.

— Илюша! — вскрикнула Владислава, бросаясь к двери в сени, и наткнулась на бритоголового парня, из-за спины которого выглядывал старик неприятного вида.

— Вам кого?! — испуганно-изумленно воскликнула Владислава.

— Девка светая, — забормотал старик, — убегла с пришлым, тута он, Деме надо сообщить або самому Хрису.

— Заткнись! — коротко сказал бритоголовый.

— Кто вы?! — отступила Владислава. — Почему зашли без спросу?! Выйтите отсюда немедленно!

— С нами пойдешь! — схватил ее за руку бритоголовый.

— Никуда я не пойду! — попыталась вырвать руку женщина. — Вы не имеете права!

— Еще как пойдешь! — ощерился бритоголовый, нанося ей удар кулаком в висок.

Владислава вскрикнула, едва не потеряв сознание. В голове поплыл звон, перед глазами завертелись огненные колеса.

— Эй, вы что тут делаете? — раздался из сеней чей-то гулкий голос.

Старик обернулся как ужаленный.

В проеме двери выросла широкая кряжистая фигура Ломова.

— А ну убирайтесь!

Бритоголовый тоже оглянулся, выбросил вперед руку. Перстень в форме змеи на его пальце полыхнул сине-зеленым пламенем.

Федор отшатнулся, бледнея, начал оседать.

Бритоголовый повернул кулак с перстнем к Владиславе. Еще одна тусклая вспышка осветила горницу. Девушка поклонилась, окончательно переставая что-либо соображать.

— Уходим! — прошипел бритоголовый, подхватывая ее и перекидывая через плечо.

И в этот момент в сенях объявились двое мужчин.

Время замедлило свой бег...

Глава 22

СИНИЙ ТУМАН

Мотор катера внезапно заглох. Антон вытянул шею, прислушиваясь к наступившей тишине.

— Что за черт?

Илья поднял голову к небу, которое в течение минуты затянули тучи. Подул холодный ветер, не принесший тем не менее заметного облегчения. Какая-то неясная темная масса появилась перед носом судна.

— Синий Камень! — процедил сквозь зубы Илья. — Весла на воду!

— В чем дело?

— Это почти то же самое, что «ведьмина поляна» на суше. Куда бы ни плыл, все равно снесет на эту скалу. Я уже пытался обойти ее в свое время.

Они взялись за весла, развернули катер. Темная масса оказалась за кормой, стала удаляться.

Однако стоило гребцам отвлечься, как скала снова выросла впереди угрюмым жирафом.

— Дьявольщина! — выругался Антон. — Как мы здесь оказались?! Я же следил! Может, поколдуешь перстнем?

— Не поможет, здесь действуют более древние заклятия.

— Что же, мы так и будем крутиться вокруг скалы?

Илья посмотрел на побледневшее на востоке небо.

— Скоро рассвет. Отдохнем и поплыем уже утром. Ни к чему зря мозоли на ладонях набивать.

Так и сделали, коротая время за чаем, посматривая на скалу за кормой катера. Опустили весла в воду, когда окончательно рассвело. Скала стала неохотно удаляться.

Но двигатель завелся лишь спустя час, когда между катером и скалой пролегло больше двух километров. Поэтому к пристани на окраине Парфина они подошли только к восьми часам утра.

— Закроем и пойдем отдадим ключ? — предложил Антон. — Чтобы неходить туда-сюда лишний раз.

Илья раздул ноздри, вслушиваясь в «гул и шум» mentalityного поля деревни. Пахло врагами и, как ни странно, Владиславой. Но прежде всего — угрозой!

— Работаем!

Антон быстро огляделся, ничего подозрительного не увидел.

— Ты чего?

— Я чую... обстановка изменилась... работаем!

Антон оценивающе посмотрел на отвердевшее лицо друга, молча полез в сумку и достал пистолет-пулемет.

— Оставь, — покачал головой Илья. — Пойдем налегке.

Они бросили сумки со снаряжением в рубку катера, заперли дверь, спрыгнули на пристань, двинулись вдоль деревни к дому Ломовых. И чем ближе подходили, тем явственнее чувствовали опасность, хотя ничего подозрительного в поведении прохожих не замечали.

Остановились у изгороди, отделяющей участок Ломовых от соседей.

По-прежнему в поле зрения попадались только бабульки, спешащие куда-то поутру, да угрюмые, невыспавшиеся сельчане мужеского полу, шагавшие на работу. И тем не менее тревога не покидала душу, интуиция сигнализировала о каких-то скрытых негативных сдвигах в окружающей среде,

а в ушах москитом звенел «датчик» резонансной готовности к бою.

— Во двор! — скомандовал Илья. — Зайдешь с тыла.

Антон молча сиганул через забор, метнулся через сад, обходя дом Федора с тыльной стороны, исчез за сараем.

Илья двинулся к калитке, отмечая лежащий на дорожке велосипед и прислушиваясь к шуму, долетавшему из дома сквозь полурастхнутую дверь. Толкнул дверь от себя, впрыгнул в сени.

В тот же момент в сенях появился и Антон, вошедший через дверь, ведущую в сени со двора.

Они увидели прислонившегося спиной к старенькому буфету Федора, сидящего на полу без кровинки в лице, старика в полосатом пиджаке и мятых штанах и выходящего из горницы мощного бритоголового парня с безвольно поникшей девушкой на плече. Этой девушкой была Владислава!

Несколько мгновений все четверо, не считая обспамятившего Федора, смотрели друг на друга. Потом началось общее движение.

Старик взялся за крест-уморь под пиджаком, однако воспользоваться им не успел. Антон, поймавший его движение, текучей струей переместился к нему и ударом кулака впечатал крест в грудь старика. Тот с воплем отлетел назад, ударился о деревянную перегородку чулана с висящей на ней утварью и свалился на пол кучей тряпья.

Бритоголовый выбросил вперед кулак с тускло блеснувшим перстнем-магидатом, но разряд магического «излучателя» Илью на месте не застал, просвистел мимо, разнося стоящие на стеллаже стеклянные банки. Илья же за мгновение до «выстрела» перешел на темп, оказался в шаге от противника и нанес ему один короткий, но страшный удар в лоб. Удар назывался «ласканье стенки» и наносился торцом ладони с такой скоростью и таким образом, что внутренняя стенка лобной кости выгибалась и отслаивалась чешуйками, поражавшими мозг.

Бритоголовый, откачнувшись, тяжело рухнул на спину, прямой как палка, не издав ни звука, с выпученными глазами. Он ничего не успел сообразить.

Оказавшийся рядом Антон успел подхватить Владиславу, осторожно перенес в горницу и уложил на диван.

— Помоги Федору, — сказал Илья; у него тряслись руки и прыгали губы, приходилось прилагать усилия, чтобы сбросить с себя возбуждение боя, гнев и ярость.

Антон шмыгнул в сени.

Илья склонился над женой, бегло оглядывая лицо, шею, грудь, руки, ноги. Вздохнул с облегчением: ни раны, ни царапины, и сердце бьется. Ничего, сейчас мы тебя вернем к жизни.

Он накрыл ладонью лоб Владиславы, не касаясь кожи, вторую ладонь приблизил к виску, сосредоточился на энергоотдаче и устроение сознания жены. Пальцы свело, как от легкого электрического разряда.

Ресницы женщины затрепетали, веки дрогнули, открылись затуманенные болью глаза.

Пашин положил ей руки на плечи, проговорил медленно:

— Тьма, рассеялся!

Владислава подняла голову, в глазах ее протаяли удивление и узнавание.

— Илю...ша!

— Я! — сказал он сведенными судорогой радости губами.

— Ты вернулся... прости... меня...

— Это ты меня прости!

— Не надо... ничего говорить... обними меня...

Владислава протянула к нему руки, и он прижал жену к груди с такой силой, что она охнула.

Когда Антон, сумевший помочь Федору прийти в себя, заглянул в горницу, Пашины целовались...

Потом они, обезоружив старика и засунув обоих незванных гостей в кабину «Вербы», отвезли киллеров секты Морока за окопицу деревни, перенесли в старенькую лодку, подогнанную Федором, оттолкнули от берега.

Бритоголовый молодец был мертв.

Старик еще жил. Но вряд ли он, очнувшись, стал бы жаловаться в милицию. Скорее всего он должен был доложить

о случившемся кому-то рангом повыше в иерархии секты, и лишь потом весть об этом долетит до слуха Черного Вея, руководившего всеми силами «черного спецназа» в России. Понимая, что ответ не заставит себя ждать, Илья поторопил спутников, и они попрощались с Федором, все еще бледным и вялым.

— Будь осторожен, — сказал Илья, пожимая ему руку. — Хха могут вернуться, чтобы уточнить, что произошло.

— Ничего, мы их встретим, — оскалился Ломов-старший. — У меня кум в милиции работает, скажу ему, что меня ограбить хотели. Устроим этим бандитам ласковую встречу! Вы в Москву?

— Туда.

— Передайте Даниле гостинец. — Федор протянул полосатую сумку. — Не тряслите, там банки с вареньем и соленьями, чай, пригодятся мальцу. Все не покупать. Нужда будет — позвоните, приеду.

Илья кивнул, и «Верба» устремилась к выезду из Парфина.

Вскоре они были далеко от деревни и от озера Ильмень, на берегах которого тысячи лет стоял тщательно скрывающийся от людей, но оказывающий на них жуткое мистическое влияние Храм Морока.

* * *

Ливень обрушился на Москву внезапно, спутав все прогнозы метеорологов и напугав чиновников мэрии, ответственных за работу тревожных служб во время стихийных бедствий.

— Мракотворь, — сказал Георгий, глядя в окно.

Антон посмотрел на него вопрошающе, и Витязь добавил:

— Предзлодействие, как говорят волхвы. Морок еще не вышел, но его черное дыхание уже физически просачивается через Врата в наш мир.

— А нельзя Лик Беса запеленговать по этому дыханию? Георгий усмехнулся:

— Не существует таких пеленгаторов. Если не считать

перстней-магидатов. Хотя мы пытаемся анализировать про-исходящее. Но очень много отвлекающих маневров предприняли наши враги, приходится учитывать сотни параметров. Мы послали вас на Ильмень именно потому, что расчеты указывали на озеро как на центр морок-излучения. Вокруг него и происходили странные события, в том числе — охота на молодых художников.

— Мы встретили на озере Ягью...

— Мы исключили его влияние, и теперь центр морок-поля, по расчетам, переместился в Костромскую губернию. Вам придется съездить туда, пошарить вокруг Чухломского озера.

— Но ведь в Чухломе жил Данила.

— К нему киллеры секты пришли в последнюю очередь, чтобы не демаскировать тайный центр секты раньше времени. Вы готовы к новому походу?

Антон посмотрел на молчаливого Илью.

— Мне нужно два дня, — сказал тот тихо, не реагируя на ответный веселый огонек в глазах спутника.

— Ему надо побывать с женой, — пояснил Громов Георгию, разглядывающему Пашина в некотором сомнении. — Мы случайно встретили ее в Парфине.

— Ничего случайного в таких встречах не бывает. Как это произошло?

Антон коротко рассказал о схватке с боевиками секты, пытавшимися захватить Владиславу.

Георгий взялся за подбородок.

— Вы уверены, что это не она навела на вас морочий спецназ?

— Судя по словам Федора, она приехала в Парфино позже нас.

— Я не верю в такие совпадения. Если за ней следили, вам нельзя ехать домой.

— Мы справимся, — так же тихо, без выражения, сказал Илья.

Антон переглянулся с Георгием, подмигнул ему. В Москву вел машину он, а Илья всю дорогу просидел сзади с Владиславой, обнимая ее и часто целуя, шепча о чем-то и

снова целуясь, и теперь было видно, что Пашин побыстрее хочет оставаться наедине с женой.

О встрече с Георгием они договорились по мобильнику, еще на подъезде к Москве, и Витязь пригласил их к бабушке Милолике. Ливень разродился, когда все трое поднялись в квартиру. Мужчины уединились в гостиной, а бабушка Милолика увела Владиславу на кухню. Изредка в гостиную долетали их голоса и тихий смех. Старушке удалось успокоить жену Ильи и разговорить.

— Двое суток я вам дать не могу, — продолжал Георгий. — Дорога каждая минута.

— Когда надо ехать? — спросил Антон, вполне понимая чувства друга.

— Как всегда — вчера.

— Хорошо, завтра я буду готов, — согласился Илья, кинув взгляд на дверь, ведущую в прихожую. — Но я бы хотел попросить вас...

— За ней присмотрят мои люди, — кивнул Георгий. — Пусть поживет здесь, у Милы.

— Она не согласится.

— Тогда уговори ее пожить у нас, — предложил Антон. — Лерка только рада будет.

Илья подумал, поднялся.

— Хорошо. Все?

— Завтра жду вас здесь к обеду, — сказал Георгий. — Сейчас заверните на склад, сдайте оружие.

— Зачем? — не понял Антон. — Мы же поедем в Чухлому.

— Есть предположение, что «сторожевая паутина», накинутая колдунами секты на охраняемые их спецурой места, реагирует на вооруженных людей. Вам придется ехать без оружия и полагаться только на свои силы.

Илья и Антон переглянулись.

— Хреново, — поскреб Антон в затылке. — Нас все равно засекут. Пистолетик или снайперка не помешали бы.

— Во-первых, вам помогут наши люди, наблюдающие за местностью в том районе. Во-вторых, совсем без оружия вы не останетесь. Магидат у вас уже есть, к нему прибавится вот эта штуковина.

Георгий достал из кармана пластиковый пакет, развер-

нул. В его руках блеснул металлический крест с загнутыми концами и грубо выдавленной в центре пятиконечной звездой.

— Уморы! — пробормотал Антон.

— Сможете им воспользоваться? Только учтите, он отнимает очень много энергии. Если колдуны Морока используют для поддержки ниргуну — «сгущенную» психофизическую субстанцию, то вам придется опираться только на свои внутренние запасы.

Илья взял в руки крест, разглядывая его со всех сторон.

— Холодный...

— При разряде он становится вообще ледяным, обморозить пальцы можно. Его температура падает до минус сорока-пятидесяти градусов, будьте осторожны. Но это мощное оружие, хотя и близкодействующее.

— Я в курсе.

— Тогда у меня пока все.

Илья завернул уморь в пакет, посмотрел на Антона.

— Ты с нами?

— Сдадим оружие, подвезешь меня домой.

— Хорошо.

Илья заглянул на кухню. Владислава встрепенулась, вскочила, прижалась к нему.

Милолика улыбнулась, сделала странный жест — как бы погладила обоих.

— Все у вас сладится, милые мои.

Все трое попрощались с хозяйкой, вышли.

Георгий посмотрел на сестру.

— Что ты видишь?

— Мрак и печаль, — сморщилась старушка. — Трудно им придется. Они хорошие люди, а идут на смерть.

— Во все времена только такие и шли на смерть, спасая других. Но мы сделаем все, чтобы смерть обошла их стороны.

— С ними любовь, она им поможет.

— Хочу верить. — Георгий достал мобильник. — Паша, прикрой «зоной» белую «Вербу», а когда они разъедутся по домам, постереги семьи Громова и Пашина.

— Слушаюсь, — ответил абонент.

* * *

Им дали другую машину — серебристую «БМВ» семьсот сорок пятой серии, и от Москвы до Чухломы, через Ярославль и Кострому, они доехали быстро, всего за три с половиной часа. Остановились у Василия Ивановича Ломова, брата Федора, у которого недавно жил Данила. Ни Василий Иванович, ни его жена не удивились гостям, отчего Илья сделал вывод, что их предупредили.

— Будьте как дома, — проговорил Василий Иванович, такой же плотный и мощный, как и его брат. — Захотите есть — холодильник в вашем распоряжении. Жена борщ вчера готовила, наваристый, и котлетки накрутила куриные. Вот ключи, будете уходить — дом закроете.

Ломовы ушли, они работали в местной больнице, и гости оказались предоставленными сами себе. Приехали они уже к вечеру, поэтому ждать выхода на разведку осталось недолго.

— Ну, и где наши наводчики? — поинтересовался Антон, нетерпеливо посматривающий на часы. — Как они нас найдут?

— Время еще есть, — сказал Илья. — В принципе они нам не очень-то и нужны. Если Врата прячут в этих краях, магидат их запеленгует. Попозже выйдем на озеро и обследуем все его берега.

Антон хотел заявить, что он не верит в присутствие Лика Беса в Чухломе, но посмотрел на задумчиво-отрешенное лицо Пашина и спросил с любопытством:

— Ну и как, помирились?

Илья посмотрел на него длинно, как бы издалека, потом глаза его прояснились, в них мелькнула ироническая искорка.

— То же самое я хотел спросить у тебя.

— Я мог бы ответить.

— Но я не спросил.

— А я спросил.

Илья улыбнулся, походил по небольшой гостиной ломовской квартирки, сел на диван.

— Нам с тобой повезло, что у нас такие жены. А ведь они могли бы и не принять нас.

Антон выпятил нижнюю губу, подумал, покачал головой.

— Не могли.

— Почему?

— Потому что они дарованы нам небом, а небо редко ошибается, соединяя лишь тех, кто этого достоин.

— Ты считаешь себя достойным Валерии?

Антон снова задумался, не обижаясь на вопрос.

— Да, я был неправ, когда заварил всю эту кашу, не отрицаю, однако всегда любил Лерку... и девочек... но так получилось...

— Не оправдывайся, я в таком же положении. Теперь будем наверстывать упущенное. Закроем Мороку дорогу в наш мир и заживем как люди.

Лицо Антона разгладилось, стало мечтательным. Потом он заметил веселый взгляд друга и сделал строгое лицо.

— Я есть хочу. Хозяева разрешили пользоваться ходильником, давай воспользуемся. Мой бывший напарник по рынку говорил: мужчина должен есть чаще, но больше, а работать реже, но меньше.

— Хороший девиз, — рассмеялся Илья. — Но я предлагаю прогуляться по Чухломе и поужинать в местном кафе. Я здесь ни разу не был.

— Я тоже. Принимается. Пойдем погуляем, а то на одном месте сидеть тошно.

Они закрыли дом и двинулись по улице к центру города, разглядывая местные достопримечательности: церкви, старинные дома, деревянные и кирпичные, пожарную каланчу и торговые ряды.

Поужинали в кафе «Галич», выбрав плов из баклажанов и стейк из лосося.

— Люблю баклажаны в любом виде, — заметил Антон. — Что в жареном, что в пареном. Говорят, они очень полезны.

— Еще бы, — кивнул Илья, — в этих ягодах столько ви-

таминов и минеральных веществ, что можно считать их лекарством.

— Разве баклажан — ягода?

— Ты не знал? Да, это вовсе не овощи, а ягоды. В них нет холестерина, зато есть никотин, так что, съев один баклажан, ты выкуриваешь сигарету.

— Шутишь?

— Отнюдь. Хотя этот никотин в отличие от никотина сигарет не наносит вреда легким. Их сначала полюбили кавказцы — грузины, армяне, азербайджанцы, молдаване тоже, ну и турки, а в Европе — испанцы и итальянцы. Ты пробовал аджал-сандал?

— Слышал что-то такое.

— До сих пор спорят, кто придумал этот баклажановый бестселлер: армяне или грузины. Я ел не один раз — пальчики оближешь!

— Не знал, что ты такой гурман.

— Так получилось. Последний год я жил в Подмосковье и полюбил овощную кухню, сам научился прилично готовить. О пользе и вкусовых качествах баклажанов я могу даже лекции читать. Европейцы, кстати, вообще использовали отвары из баклажанов в качестве приворотного зелья. А ведь они узнали о баклажанах позже всех, в восьмом столетии, от арабов. В Китае едят эту ягоду уже две с половиной тысячи лет, а в Индии еще больше. Вернемся, я приготовлю тебе баклажаны с пармезаном.

— Буду ждать. — Антон склонился над столом, проговорил быстро: — Обрати внимание на толстяка у входа...

— Уже обратил, — безмятежно сказал Илья. — Это либо обещанный проводник, либо...

— Филер. Проверим?

— Позже, посмотрим, как он будет себя вести.

Ужин прошел в теплой и дружественной обстановке, если не считать того, что оба опять «работали», хотя со стороны, наверное, представляли собой занятых неспешной беседой приятелей. Выпили по чашке чая. Вышли из кафе.

Толстяк, все это время читавший газету и подносивший к губам давно опустевшую чашку с кофе, двинулся за ними.

А когда Илья решил это дело прекратить, захватить наблюдателя и выяснить, кому он служит, произошло интересное событие.

К толстяку, одетому в шорты и цветастую рубашку на выпуск, топающему сзади с постной физиономией осоловевшего от жары человека, вдруг подошли с двух сторон двое парней, постарше и помоложе, и толстяк споткнулся, изменился в лице, покрылся потом, ноги у него подогнулись, но упасть ему не дали, бережно опустили на тротуар, прислонили к афишной тумбе.

Один из парней непримечательной наружности оставил толстяка, догнал приостановившихся разведчиков.

— На берегу озера, за пристанью, найдете лодку под номером 25.

Сказав это, он присоединился к напарнику, и они неспешно зашагали прочь от тумбы с толстяком, закатившим глаза. Никто из прохожих, случившихся в этот момент на улице, не обратил на инцидент особого внимания.

— Спасибо, — сказал запоздало ему вслед Антон.

— Вот и наводчики, — проговорил флегматично Илья. — Профессионально работают. Так что все под контролем.

— А толстяк тогда кто?

— Здесь наверняка обосновалось подразделение секты Морока, имеющее свои контролирующие органы. Все приезжие попадают под негласный надзор. Надеюсь, этот боров не успел сообщить хозяину, что засек двух подозрительных мужиков.

— Я тоже надеюсь. Пошли искать лодку?

— Самое время.

Однако они сначала вернулись к Ломовым, переоделись в пятнистые спецкостюмы, в которых ходила чуть ли не половина рыбаков и охотников, и направились к пристани, расположавшейся на юго-западном берегу Чухломского озера.

Солнце скрылось за пеленой выходящих из-за горизонта облаков, землей завладели густеющие сумерки. Природа притихла в ожидании грозы.

Постояв на пристани, довольно оживленной в этот ве-

черный час, разведчики сделали вид, что собираются рыбачить, сторожко наблюдая за владельцами лодок и катерков, возвращающихся с озера. Лодку с номером 25 на борту они обнаружили по соседству с тремя водными мотоциклами, на которых расположилась компания молодых людей.

Молодых людей было пятеро — две девушки и три здоровых парня в шортах ядовито-красного цвета. Они веселились, перебрасываясь матерными шуточками, и не прочь были поиграть в любовные игры прямо на берегу. Появление Пашина и Громова явно расстроило их планы.

— Эй, мужики, — окликнул их самый мускулистый из парней, — не пошли бы вы по домам? Поздно уже, дети по лавкам плачут, жены рыдают, а вы на рыбалку собрались на ночь глядя.

Компания заржала.

Антон и Илья молча поставили лодку на киль, начали сталкивать на воду.

— Эй, вам говорят! Валите отсюда пошустрие, завтра придет.

Разведчики продолжали свое дело, проверяя, не течет ли лодка, вставили весла в уключины.

— Вот чухонцы гребаные! — озлился заводила компании. — Оглохли, что ли? Щас мы вам уши прочистим!

Троица в алых шортах, картинно играя мышцами, двинулась к лодке разведчиков.

— Вторая часть марлезонского балета, — пробормотал Антон, вспоминая сцену из старого отечественного фильма «Три мушкетера». — Неужели это снова БАЗ?

Ответить Илья не успел.

Из-за дощатой будочки недалеко от них вышел вдруг милиционер и направился к компании, окружившей лодку Ильи.

— В чем дело, граждане? Почему шумим?

Троица парней мгновенно стушевалась, затопталаась на месте, поглядывая друг на друга. Девицы, до этого отпускавшие скабрезные замечания в адрес «рыбаков», тоже притихли, озадаченные внезапным появлением стража порядка.

— Попрошу документы, — козырнул милиционер, оста-

навливаясь на береговом откосе; был он плотен, уверен в себе и спокоен, на простоватом лице светились льдистые глаза, подчеркивающие обстоятельную независимость этого далеко не молодого человека.

— Да мы тут плаваем...

— Возвращаемся...

— Документы дома... — послышались голоса.

— В таком случае попрошу следовать за мной, — скучающим тоном сказал милиционер.

— А что мы сделали?

— Мы же только пошутить...

— Они первые начали...

— Я этого не заметил.

— Товарищ командир! — вскочила одна из девиц. — Отпустите нас, мы, честное слово, домой пойдем, нас ждут.

Милиционер оценивающе посмотрел на нее, на подругу, покачал головой.

— Увижу после десяти на берегу — до утра будем выяснять.

— Мы уже уходим!

Парни бросились к своим супермотоциклам, и компания с визгом и ревом моторов унеслась в другой конец озера.

Милиционер посмотрел на стоявших плечом к плечу разведчиков.

— На рыбалку, значит, собирались? Дело хорошее, если только не глушиТЬ рыбУ динамитом. Советую сходить под Большой Починок, там болото начинается, говорят, клев хороший. Правда, там недавно рыбак пропал, так и не нашли его, так что будьте повнимательнее.

Он помахал рукой и не спеша зашагал к пристани, скрылся за пакгаузом.

Антон посмотрел на Илью.

— Последуем совету?

— Поехали, — ответил Пашин коротко.

Они сели в лодку один за другим, оттолкнулись от берега, заработали веслами.

Солнце село, сумерки опустились на озеро невесомым серым покрывалом. Повернули на север, не теряя берег из виду, настраиваясь на долгую работу.

Перстень на пальце Ильи изредка выстреливал фиолетовую искорку, что означало отсутствие каких-либо концентраций магического поля в пределах трех-четырех сотен метров от лодки.

Прошли лодочную станцию, освещенную фонарем на столбе.

Сумерки сгостились, затушевывая и без того плохо видимые детали пейзажа на берегу.

Илья сосредоточился на охотничьем состоянии, изменяя физиологические показатели организма мысленным усилием. Диапазон зрения раздвинулся в обе стороны, чуть меньше — в ультрафиолет, чуть больше — в инфракрасную полосу спектра. Тьма отступила. Берег стал виден отчетливее, только гладь озера осталась фиолетово-синей, так как вода прогревалась за день меньше, чем земля и предметы на ней.

— Если здесь везде сидят опера Георгия, — проворчал Антон, — почему они сами не отыщут Врата?

— Значит, они специалисты не того уровня.

— А мы, выходит, того?

Илья помолчал, всматриваясь в стену камыша, проплывающую мимо в полусотне метров.

— Возможно, это наше испытание.

— Какое еще испытание?

— Нам предстоит гораздо более опасный поход в мир Морока, и мы должны доказать, что это нам по силам.

— Мы уже не раз доказывали раньше... — Антон осекся.

— Вот именно, — буркнул Илья, — раньше, три года назад. Кто-то хочет убедиться, сможем ли мы вернуть былые кондиции.

— Мы... — криво улыбнулся Антон. — Ты-то в хорошей форме. Речь идет обо мне, разве не так?

— Потом поговорим, не отвлекайся.

Они снова заработали веслами, прислушиваясь не только к природным звукам, долетавшим с берега, но и к внутренним ощущениям, зачастую опережавшим внешнее проявление источников шума.

Чухломское озеро было почти круглым, имея в диаметре

сорок восемь километров, поэтому его периметр составлял около ста пятидесяти километров. Чтобы обследовать все его берега, потребовалось бы не меньше суток. Но поскольку разведчики уже получили подсказку, где искать Лик Беса, Илья сразу же направил лодку в сторону села Большой Починок. По прямой от пристани Чухломы до села было всего километров пятнадцать (Илья хорошо изучил карту местности, выданную Георгием еще в Москве), и лодка преодолела это расстояние за полтора часа.

Сориентировались, руководствуясь далеким собачьим лаем и пением петухов. Подошли поближе к берегу. Здесь и начиналось болото, отделяющее село Большой Починок от озера. Оно занимало полосу берега длиной двадцать и шириной около трех километров. Вполне могло быть, что монахи Храма использовали болото в качестве охранной зоны своих тайников и действительно упрятали Лик Беса на каком-нибудь островке посреди болота.

— Звенит... — поежился Антон.

Илья не ответил, прислушиваясь к москитному звону «сторожевой паутины», накрывшей берег и часть озера. Не приходилось сомневаться, что и здешние места были магически настроены на отпугивание людей, а это, в свою очередь, означало, что кто-то сильно не хотел видеть здесь неожиданных гостей.

— Посторонним вход воспрещен, — прошептал Антон. — Хотя это может быть и ловушка.

Илья кинул взгляд на перстень. Фиолетовая искорка стала появляться в его камне чаще. И все же Вратами здесь не пахло. Магидат просто реагировал на повышенный магический фон.

— Идем к берегу.

Они налегли на весла, все так же поддерживая себя в «охотниччьем» состоянии.

Полоса камыша и высоких метельчатых трав, за которой начинался низкий топкий берег, приблизилась. Лодка уткнулась в нее, повернула, следуя изгибам стены.

— Ищи проход.

— Ищу...

Прошли полчаса, час, гребцы утомились, но упорно шли вдоль берега, пытаясь найти подходы к болоту. Если служители культа Морока и в самом деле спрятали Врата на болоте, то к тому месту должна была вести протока.

— Стоп! — скомандовал Илья, угадав в сплошных зарослях более светлую арку. — Сюда!

Подплыли ближе, осторожно втиснули лодку в узкую щель между плотными островками травы.

Внезапно похолодало. Оба замерли, обращаясь в слух.

Магидат замигал чаще, а цвет его свечения сместился от фиолетового к красному диапазону.

Вслед за волной холода с берега прилетел низкий подземный гул. Лодку качнула волна.

— Что за черт! Колодовская «мина» рванула?!

— Вполне...

— Уходим?

— Не спеши, сторожа этих мест на это и рассчитывают. Плыем дальше.

Лодка заскользила по расширявшемуся проходу и вскоре вышла к заводи, окруженной со всех сторон стеной камыша и тростника. Берег озера в этом месте представлял собой слой торфа, который возвышался над водой всего на полметра и казался твердым как камень. Впрочем, он и в самом деле был засохшим, достаточно прочным и упруго пружинил под ногами. А слева, под склонившейся к воде стенной кустарника, виднелась корма затопленной лодки и часть весла.

— Посланец Георгия, — пробормотал Антон. — Вот откуда он не вернулся. Что показывает компас?

— Ничего, Врат здесь нет. Но что-то есть...

— Что?

— Возможно, еще одна «мина».

— В таком случае нас пытаются заманить в ловушку.

— Вероятно.

— Тогда надо срочно валить отсюда!

— Пока не убедимся, что Лик Беса отсутствует, не уйдем.

— Но ведь перстень молчит.

— Прогуляемся по бережку, посмотрим, куда ведет эта тропинка, и вернемся.

— Без оружия неуютно...

— Хочешь, дам уморь?

— Я не колдун, — фыркнул Антон. — Тебе дали, ты и пользуйся. Ладно, это я просто пытаюсь отстроиться от звона в ушах, не дает сосредоточиться. Лодку здесь оставим?

— Нет смысла отводить ее на озеро.

Илья вылез на слой торфа, заколебавшийся под ним, топнул ногой.

— Держит.

Вылез и Антон. Оглядевшись, они двинулись по торфяной платформе в глубь болота, нашли проход между кустами ольхи и рябины, углубились в заросли каких-то осоковидных трав. Тропинкой эту естественную дорожку называть было нельзя, тем не менее было видно, что ею пользовались, и разведчики удвоили осторожность, отмечая все подозрительные кочки и корневые узлы, вслушиваясь в подозрительные шорохи и скрипты.

Дорожка привела к поляне, поросшей сочной травой и мхом. Но это была не поляна, а самая настоящая трясина, о чем и Антону, и Илье шепнула их интуиция. Пройди они еще с десяток метров, и провалились бы в бездонный колодец топи, мирно поджидавший путников.

Еще одна волна холодного воздуха вылилась на поляну. А вслед за ней из лесных зарослей по другую ее сторону хлынул синий — по ощущению, а не по зрительному восприятию — туман. Над острыми кончиками сучьев и трав беспомощно вспыхнули огоньки. Запахло гнилью.

— Метан! — выдохнул Илья. — Быстро назад!

Они метнулись прочь от поляны-трясины, из центра которой ударил в ночное небо фонтан болотного газа. Однако волна метана накрыла их с головой, видимость резко ухудшилась, темп бега снизился, и обоим пришлось переходить на голотропное дыхание, не нуждающееся в легких.

Внезапно Илья отметил нарастание психоэмоционального напряжения по мере того, как они приближались к торфяному берегу, и завертел головой, сосредоточиваясь на

ментальном «зрении». И тотчас же обнаружил три тусклые «медузы» — ауры людей, появившихся на том месте, где разведчики оставили лодку. Илья тронул бегущего рядом Антона за рукав, останавливая его.

— Там засада!

Говорить было трудно, волна метана и других болотных газов забивала носоглотку, раздражая горталь.

— Обходим? — выхрипнул Громов.

— Ты влево, я вправо!

Через две минуты оба выскочили на берег озера, пружинящий и мелко вздрагивающий под ногами, справа и слева от прохода, по которому бежали до этого.

Их, конечно же, ждали, но синий туман, выплеснувшийся с берега на озеро, помешал и засадной группе, заставив ее бойцов заняться одеванием противогазов.

Илья обнаружил своего противника на пару секунд раньше, чем тот его. Это был высокий молодой человек в таком же комбинезоне, что был и на Пашине. В руках он держал рогатину. В другое время Илья только посмеялся бы над таким вооружением, но он уже знал, что служители Храма могут использовать в качестве оружия любой острый предмет, а рогатины очень даже неплохо метали энергетические разряды.

Парень среагировал на сгущение тумана слишком поздно. Его рогатина плюнула сгустками лилового свечения, которые с визгом прошли воздух в метре от Ильи, но он был уже в движении, и «выстрелить» еще раз боец засадного отряда не успел. Удар в грудь отбросил его на кусты ивняка, а от второго удара он перелетел через кочку и свалился в воду.

Илья замер на месте, обращаясь в слух.

Слой торфа под ногами продолжал вздрагивать и дрожать, в трех десятках метров от замершего Пашина слышалась какая-то возня. В поле ментального зрения проявились целых три «медузы»-ауры, одна из которых принадлежала Антону, отличаясь по цвету от двух других.

Илья метнулся в ту сторону, чувствуя приближение упадка сил: мышцы требовали кислорода, голотропное ды-

хание не давало такого объема, какой требовался для интенсивной энергоотдачи.

На этот раз его засекли вовремя.

Одна из «медуз» бросилась к нему наперерез, из синего тумана вылетела извилистая зелено-фиолетовая молния, едва не задела плечо.

Илья на бегу начал «качать маятник», сбивая противнику прицел.

Вторая молния также пролетела мимо, с треском развалила пень. Впереди сгустилась тень. Илья ускорился до предела и с выплеском силы ударил в эту тень «копьем» руки. Сформировавшаяся в фигуру человека «тень» с воплем выронила рогатину и свалилась в топкую ложбинку.

Спину обдало ледяным ветром; согласно восточным школам это чувство называлось «ветром смерти».

Илья отпрыгнул в сторону, понимая, что его подловили на векторном движении, и автоматически выставил перед собой крест-уморь.

В тумане полыхнула сине-лиловая вспышка, стрела огня ударила точно в Илью. Но уморь отразил смертельную стрелу, и она с треском и шипением рассыпалась на десятки тонких огненных струек. Илья едва не выронил похолодевший крест сведенной судорогой рукой. Подчиняясь интуиции, нырнул на землю, пропуская над собой еще один разряд. Лицо исколола жесткая трава.

Где-то рядом раздался глухой вопль, торфянная крепь под телом Пашина содрогнулась. Его противник отвлекся, пытаясь сообразить, кто кричал.

Илья вскочил, сделал два прыжка к противнику и, подчиняясь все тому же прозрению боя, ткнул перед собой крестом с яростной мыслью: сдохни! Уморь метнул желто-зеленую искру, не такую яркую и мощную, как молния противника, но цель свою она нашла. Раздался еще один приглушенный вопль, затрещали кусты.

Илья метнулся вперед и застал противника, согнувшегося над стволом осинки, врасплох. Свое оружие — трезубец, а не рогатину — этот худой и высокий мужик в черном

применить не успел. Удар в голову отбросил его на несколько метров назад, в заросли боярышника и крапивы.

Стало тихо.

— Антон! — позвал Илья.

— Здесь я, — отозвался напарник.

В тумане обозначилось смутное пятно, оформилось в фигуру Громова, поддерживающего левой рукой правую.

— Ранен?

— Руку парализовало...

— Потом подлечу, уходим.

Они быстро добрались до берега, спрыгнули в лодку, к счастью еще не потопленную засадниками, и погнали к протоке.

Торфяной берег болота, затянутый синим туманом, и заводь скрылись за изгибами тростниковых стен протоки. Затем лодка вырвалась на простор озера, и тут же пошел дождь.

Илья бросил грести, с наслаждением подставил лицо под струи небесной воды.

— Благодать!..

— Куда теперь? — буркнул Антон, дыша полной грудью.

— Домой.

— А Врата?

— Их здесь нет.

— Уверен?

Илья помолчал.

— Тому, кто руководит сектой...

— Черному Вею?

— ...выгодно распускать ложные слухи о Вратах. Наша служба безопасности вынуждена вести поиски Лика Беса на Ильмени и здесь, на Чухломе, теряя время. Вот почему хва уничтожают разведчиков: чтобы те не смогли передать своим истинные сведения об отсутствии Врат.

— Сволочи!

— Согласен.

С недалекого берега вдруг прилетела волна гудения. Разведчики повернули головы, прислушиваясь. Илья первым догадался, что означает это гудение.

- Ходу!
- Что это?
- Старый прием...
- Инсектоатака!
- Греби!

И они налегли на весла, спасаясь от очередной атаки насекомых, вызванных черным колдовством сторожа этих мест.

Через полтора часа лодка с искусанными гребцами — часть слепней и ос нагнала-таки их — причалила к пристани Чухломы.

Глава 23

ДРАКОНЫ В МОСКВЕ

Бабушка Милолика редко ходила в церковь, а если и ходила, то не молиться, а посочувствовать молящимся. Она знала, что никакие просьбы и увещевания до бога не доходят, а тем более — до бога христианского, пообещавшего вернуться с мечом и покарать всех, а не помочь им в жизни. Милолика была убеждена, что богов надо славить, восхвалять, дарить им трябы, лишь тогда они дают силу и защиту, помогают Роду. Однако во вновь отстроенном храме Спасителя Милолика не была ни разу, поэтому на просьбу старинной приятельницы Прасковьи проводить ее в храм она ответила согласием.

Встретились старушки в метро «Кропоткинская», разохались, расчувствовались, прослезились, вспомнив, какими были в молодости. Поднялись наверх и пешком направились к златоглавому храму.

Прасковья выглядела старше Милолики, хотя на самом деле была на десять лет моложе. Жила она в большой семье, имела семерых детей, двадцать внуков и шесть правнуоков, поэтому могла рассказывать о своих бытовых проблемах долго.

— Да брось ты, старая, не куксись, — махнула рукой Милолика. — Ты счастливая, коли у тебя столько детей.

— Я и не кукуюсь, — улыбнулась сухенькая, курносая, седая Прасковья. — Да жить нынче трудно, не слушаются дети, как раньше. То попсой увлекутся, то в Интернете сутками пропадают, книг не читают, культуры не понимают. Вот я уже шестого внука нянчу, Сашку, в детсад вожу, и что? Десять лет назад, когда я в этот же садик Нюрку водила, были случаи, конечно, дрались детки из-за игрушек, но редко, а сейчас сплошь и рядом, прямо война идет!

— Это правда, — опечалилась Милолика, — потерял народ свой дух, продал душу Мороку, вот тьма и овладевает сердцами. Я недавно ток-шоу по телевидению смотрела...

— Слово-то какое страшное — ток-шоу-у-у!

— Не говори, кума. Так ведущий там привел жуткую статистику по нашим женщинам — мне аж плохо стало! Ведь у нас половина женщин — одинокие!

— Врут они все.

— Этот не врет вроде, за народ радеет. Говорит, сто семьдесят пять наших баб из тысячи никогда не состояли в браке, сто восемьдесят — вдовы, сто десять — разведенки. Представляешь?

— Представляю, кума, у самой младшенькая, Галина, разведена, да внучки две — никак хороших мужей не найдут, все попадаются алкоголики або гулены. Горькая наша доля.

Старушки остановились на ступеньках лестницы у храма, задрали головы, разглядывая сияющие золотые купола.

— Богато православие живет, — покачала головой Милолика. — Вот только свято ли?

— Иные да, иные нет. Знаешь, кого я тут недавно встретила? Протоиеряя новгородского, Хрисанфа. Страшный человек, не к месту будь сказано! Черный весь изнутри, а туда же — о святости и о грехе глаголет, сам во грехе погрязший.

— Это какой же Хрисанф? Знавала я одного, в Парфинском приходе служил, да сгинул вроде.

— Высокий, горбится, седой, а глаза — как дыры!

— Ты точно его видела?

— Так его ни с кем не спутаешь. Хотя здесь он был без рясы, в мирском.

— Что же он тут делал?

— Шептался с каким-то бритоголовым хлопцем, потом исчез. Но это был он, Хрис, правду говорю! — Прасковья перекрестилась.

— Ладно, бог с ним, — махнула рукой Милолика, — кто сюда только не ходит. Даже безбожники тропу протоптали, чтобы не отстать от начальства. А Хрис и вовсе не Иисусу Христу служит, а Мороку. Не знаю, что хуже. Пошли, что ли?

— Пошли.

Они поднялись к главному входу в храм и двинулись дальше, разглядывая резные золоченые двери, колонны и фрески на стенах.

Вечером бабушка Милолика встретилась с братом.

— Я сегодня в церкви была, с Прасковьей.

Георгий с любопытством посмотрел на сестру.

— На Сретенке?

— Нет, в храм Спасителя ходили. Красиво, торжественно, аж мурашки по коже. Прихожане внемлют каждому слову монашьему. Самой захотелось подпеть.

— Да, в этом храме скрыта энергия, — кивнул Георгий. — Но не созидающая, а отнимающая силы, энергия не-бытия. Очень хорошо продуманы пространство и геометрия зала, трансепта, амвона, человеку кажется, что он выходит оттуда просветленным. На самом же деле у него отсасываются последние искры истинно божьего Духа.

— Я это почуяла, — печально кивнула Милолика.

— Зачем же пошла?

— Прасковья просила, а мне любопытно стало.

— Христианизация Руси была хорошо спланированной и успешно проведенной спецоперацией Морока, использующего Византийский каганат и продавших души русских князей. Никто так и не понял, кто же командовал парадом. И Морок стал недоступен, истинную его сущность заменили мифом, постаравшись стереть из памяти людской даже упоминание о наших древних богах. А системы искажения информации, внедренные им через церковь, работают до сих пор. Нам до них еще далеко, несмотря на кое-какие успехи.

— Не так уж все и плохо, братик.

— Нам бы еще пять-семь лет простоять, окрепла бы Традиция, подросло бы поколение знатных Веды. Да не даст нам Морок такой форы.

— Поэтому ты и посылаешь к нему дружину?

Георгий засопел, прошелся по горнице — руки за спиной.

— У нас нет другого пути. В нас еще горят божьи искры, в нашем языке все еще ждут своего часа смысловые ключи Гиперборейской Культуры Глубинного Покоя. Мы все еще способны возродить Империю Духовного Истока, государство богочеловеков. А для Морока и его слуг нет ничего страшнее, ибо они сразу потеряют над нами власть.

— Понимаю.

— Ведь цель этой тихой, но жестокой войны нынешнего каганата с Русью — не дать ей иметь целостную, многоуровневую, всесторонне устойчивую систему богомировоззрения! Для наших врагов проиграть войну — значит потерять все! Вот и воюют, не щадя ни чужих, ни своих.

— Природу покоряют...

— Природу не покорять надо, а любить, жить с ней в ладу, тогда и она ответит жизнеречением. Боги наши никуда не ушли, но отдали себя Роду, во имя его сохранения и возрождения. Они ждут, когда мы позовем их, начнем славить, как это делали наши предки. Кровь наша всегда держала в нас Дух славянский, и постепенно он начал просыпаться, будить Разум. Мы долго искали формы служения Жизни и Роду, пока не создали то, что нам ближе всего.

— Общину...

— Славянскую общину, способную восстановить «златую цепь» Родовой Традиции. И это будет!

— Но ведь не все колена общины несут свет истины?

— К сожалению, слуги Морока проникли и в наши ряды, создавая псевдославянские союзы, поддерживающие секту Морока. Это и неязычники, и кришнайты, хиневичи и инглинги...

— Тыфу, слово-то какое... нерусское!

— Плюс мулдашеверы, «настоящие ученые» типа академика Кругляковского и другие «родноверцы-христиане». —

Георгий помял лицо ладонями, остывая. — Что-то я разволновался.

— Потому что переживаешь за тех, кого надо будет послать в ад Морока.

— Я сам с ними пойду. — Георгий помолчал. — Так и что Прасковья?

— А видела она в храме, вот бы никогда не подумала, Хрисанфа — черного колдуна.

— Хриса? Не спутала она?

Милолика усмехнулась.

— С кем его спутаешь?

— Если так, то это хорошая весть.

— Что же в ней хорошего? — удивилась Милолика.

Георгий внимательно посмотрел на сестру.

— Теперь я знаю, где надо искать Лик Беса. Но хватит об этом. Покорми-ка гостя, есть хочу.

Милолика поспешила на кухню.

А Георгий, покружив по гостиной, включил мобильный телефон:

— Потворник, встретиться надо.

— Приходи вечером, — последовал ответ.

Они встретились в Тропаревском парке, у родника.

Погода стояла чудесная, летняя жара в лесу не чувствовалась так, как на улицах и площадях столицы, и гуляющих по парку людей было много. Однако территория парка охранялась общинной службой безопасности, а также системой магического распознавания, и слуги Морока неожиданно появиться здесь не могли.

Постояли у часовенки, построенной еще в самом начале века рядом с источником святой воды, исцеляющей, по уверениям местных жителей, от многих болячек. Потом Иннокентий предложил пройтись, и Георгий не стал возражать, хотя времени у него было, как всегда, мало.

— Мир выстоит, — продолжил свою мысль волхв. — Должен выстоять! И мы обязаны ему помочь, несмотря на то, что это не мы подтолкнули его к черте Хаоса. Две тысячи лет назад служители Чернобога, ненавистники Жизни, создали бездуховную религию, заставляющую человека гре-

шить, оторвавшую его от Природы, поставившую разум превыше всего. Вот он и завел цивилизацию в очередной технологический тупик. Только слепой не видит, как умело Морок продолжает ослеплять людей жадностью и жаждой власти. Кто его остановит?

— Мы, — негромко сказал Георгий.

Они задержались у кустов рябины на берегу ручья.

— Мы... — повторил Иннокентий, покосившись на полосу бумажек, окурков, пластиковых бутылок в траве. — Иногда мне кажется, что все наши усилия напрасны и людей не переделаешь. Хочешь, расскажу притчу?

Георгий кивнул, завороженный струей текущей воды.

— Много тысяч лет назад произошла великая битва между силами Света и Тьмы. Силы Света победили, хотя и заплатили очень дорогую цену: погибли почти все Витязи Земли нашей. И один из уцелевших Витязей, усталый до изнеможения, забрызганный кровью, своей и врагов, в погнутых и пробитых доспехах, спустился к реке, на берегу которой была сеча, и сел на камень, глядя на воду. Вот как мы сейчас.

Георгий очнулся, посмотрел на ставшее печальным лицо волхва.

— И вдруг он увидел в водах реки какое-то видение, — продолжал Иннокентий. — Встал, завороженный, постоял немного и вдруг начал спускаться в реку, вошел по колено, по грудь, по шею и исчез. Утонул. И вот ты ответь мне теперь, родич мой славный, что же заставило победителя отдать жизнь после победы? Почему он вдруг решил утопиться?

Георгий помолчал.

— Помрачение рассудка?

Иннокентий покачал головой.

— Нет, друг мой. Он просто увидел будущее, наше время, и оно ему показалось столь ужасным, что он не захотел жить.

Мимо пробежала веселая стайка детей, играющих в пятнашки.

Волхв и Витязь обменялись взглядами. Губы Иннокентия тронула слабая улыбка.

— Есть надежда — они. Наши дети и внуки. Ради них мы и бьемся с Мороком и его приспешниками. Причем Морок — меньшее зло, нежели его слуги, как ни странно. Он сам слуга второго Принципа Всебога — Принципа разрушения старого ради созидания нового. Поэтому поход нашей дружины к нему — это выбор меньшего зла.

Георгий усмехнулся:

— Умный человек сказал, что из двух зол следует выбирать оба, все равно беда не приходит одна.

Улыбнулся и собеседник:

— Не в бровь, а в глаз. Но преамбулы в сторону. Что тебе удалось выяснить?

— Во-первых, мы убедились, что Врат нет ни на Ильмени, ни на берегах Чухломского озера, во что нас пытались заставить поверить стражи Лика Беса. Это стало ясно после экспедиций предзаступников.

— Как они себя проявили?

— Выше всяческих похвал. Громов еще не восстановился полностью, но вел себя достойно. Пашин — готовый Витязь, прошедший испытание. Но главное, что с ними теперь их берегини.

Иннокентий кивнул.

— Это и в самом деле важное обстоятельство. Пройти границу Яви и Нави можно только всецело любящему человеку. Но если Врата не там, то где? В Новгороде?

— В Новгороде их тоже нет. Мои любичи перевернули весь город и его окрестности и не нашли. Но я знаю, где хранится Лик Беса.

Иннокентий с интересом глянул на сумрачно-спокойное лицо главы Ведической службы безопасности.

— В Москве, — закончил Витязь.

— А точнее?

— В храме Спасителя.

Иннокентий качнул головой, отвечая своим мыслям:

— Почему-то я примерно так и предполагал. Если что-то очень нужное и важное надо спрятать, то легче всего это сделать на самом открытом месте. Ведь мы три года искали Врата везде, только не в Москве. Однако откуда сведения?

— Подруга Милолики Прасковья случайно встретила в

храме Хрисанфа, колдуна Храма Морока. А он просто так не появляется в людных местах. Конечно, мы осторожно обошли храм, и магидат сработал! Лик Беса — там!

Иннокентий, склонив голову, начал подниматься по тропинке вверх, углубился в лес. Георгий последовал за ним. Вышли на лесную полянку, где была оборудована детская площадка с качелями, горками и песочницей. Здесь играли дети, а их мамаши, бабушки и дедушки степенно прохаживались поодаль, ведя неспешные беседы. Было жарко, но неподалеку хозяйствственные службы района установили фонтанчик, и все могли попить холодной водички или облизаться, что дети и делали с визгом и смехом. Да и взрослые тоже.

— Хитро, — заговорил волхв. — Но предсказуемо. Наконец-то они воссоединились — трансцендентные и физические Врата, через которые в наш мир тайком десантируется Зло, чтобы паразитировать на наших эмоциях, отсасывать нашу энергию, превращать людей в стадо баранов. И ведь у Морока и его ученика получалось до сих пор?

Георгий промолчал.

Иннокентий сокрушенно покачал головой.

— Прости старика за ненужные сентенции. Тебе-то и так все давно понятно. Давай к конкретике. Нам нужен Черный Вей. Нам позарез необходимо знать, где он, откуда командует парадом и что замышляет. Вычислили, кто он?

— По всем данным, это замминистра МВД Балабонов. Наши аналитики просканировали дела и проанализировали карьеры более тысячи нынешних успешных политиков, олигархов, представителей так называемой творческой элиты и силовых структур. Большего подлеца пока найти не удалось.

— Кто-то сказал: все, что известно о подлецах, — пустяки по сравнению с тем, что неизвестно.

По губам Георгия скользнула легкая улыбка.

— Верное суждение. Я тоже изучал досье на Балабонова и склоняюсь к выводу, что он и есть Черный Вей. Только Балабонов, с его возможностями и самостоятельностью, мог помочь спрятать Лик Беса в центре Москвы.

— Нужны веские доказательства.

— Магидат...

— Магидат — орудие Морока, он не является физическим датчиком или прибором. К его «показаниям» надо относиться с известной долей скепсиса.

— Доказательства будут. За храмом ведут наблюдение самые умелые наши контрразведчики.

— У нас мало времени, катастрофически мало. Уже завтра надо знать точно, кто наш главный враг в нашей реальности и где Врата. Похоже, пора созывать Собор старейшин и решать эту проблему на ментальном уровне. Хотя и нежелательно будить в ментале дремлющие черные реакции. У тебя все?

— Мы готовимся к походу. И в связи с этим у меня просьба: если Собор состоится, пусть он посмотрит под землей выходы к храму. Подземных коммуникаций под Москвой много, и какие-то из них наверняка ведут туда, куда надо, однако для их изучения требуется время.

— Существует очень древняя система тоннелей, прорытых еще нашими предками во времена Гипербореи, она должна была сохраниться. Если владыко Всеслав даст согласие, мы попытаемся выявить эту систему.

— Тогда у меня все.

Иннокентий кивнул, сказал: «Будь здоров, родич» — и направился в обход поляны. Исчез в лесу.

Георгий постоял немного у детской площадки, глядя на играющих детей, потом встрепенулся и взялся за мобильник.

— Тимоха, машину к западному выходу из парка...

Глава 24

ВРАГ НЕ ДРЕМЛЕТ

Всероссийский Собор старейшин славянских общин, на котором присутствовали двенадцать волхвов со всех концов некогда могучей империи, прошел в подмосковном Большеве в четверг, шестого июля.

После двухчасового собрания белый волхв, председатель Собора владыко Всеслав и летописец Рода Иннокен-

тий уединились в небольшом старом доме на окраине городка, называемом «тайной обителью» или «приютом волхвов». Здесь останавливались многие из них, чтобы поразмышлять о смысле жизни либо спланировать замысел и решить накопившиеся проблемы.

Снаружи дом-обитель выглядел как и все постройки подобного типа в Большеве или в любом другом русском городке: деревянный, рубленый, с двускатной гофрированной крышей, с мансардой, окна — с резными наличниками, вокруг — сад. Да и внутри он не сильно отличался от других домов, хотя и казался больше, чем снаружи. Однако в нем можно было легко разместиться дюжине постояльцев, каждому — в своей комнате, и тогда гостю становилось понятно, что внутри дома работают какие-то иные физические законы и другая геометрия, позволяющие жить привольнее и свободнее и не заботиться об удобствах.

Комната, где остановился владыко Всеслав, выглядела аскетично. В ней располагались кровать, книжный шкаф со старинными, кожаными, в позолоте книгами, деревянные резные стол и стул. Плюс картина на стене: обрыв, туман, солнце, встающее из тумана, и склонивший в глубоком раздумье голову седой старик в белых одеждах, стоящий на краю обрыва. Иннокентий знал, что это тот, кого люди впоследствии назвали Сварогом.

Всеслав мельком глянул на картину, подошел к столу, на котором рядом с монитором компьютера суперсовременного вида лежал удивительной красоты плоский отполированный срез агата в форме человеческой ладони, а на этом агате стояло острым концом вниз и не падало яйцо из хрустеля. Владыко тронул яйцо, оно качнулось несколько раз туда-сюда, как ванька-встанька, и застыло в прежнем положении.

— Я слушаю тебя, правник.

Иннокентий машинально склонил голову перед картиной, прижав ладонь правой руки к груди, шагнул ближе.

Собор волхвов выполнил то дело, ради которого созывался. Объединившись в светое кольцо — своеобразный энергоинформационный эгрегор, старейшины Союза

общин подтвердили предположение Георгия о местонахождении Врат Морока в Москве, а также определили положение системы тоннелей в той части столицы, где стоял храм Спасителя. По ним действительно можно было подобраться к самому храму, имеющему два подземных уровня. Но сделать это незаметно было очень трудно, даже владея паранормальными способностями, и правник и летописец Рода хотел обратить внимание владыки на это обстоятельство.

— Для исполнения замысла необходимо двойное, а то и тройное устройство подвига, — сказал Иннокентий. — Подход к Вратам заколдован силой Мары, простому смертному к ним не подойти.

— Разве операция по захвату Лика поручена простому человеку?

— Операцию разрабатывает Георгий Кудеяров, но Витязь такого уровня мало, им надо помочь.

Всеслав огладил бороду, дотронулся до спинки стула, и тот разделился на две точные копии. Владыко сел на первый стул, Иннокентий, помедлив, на второй.

— Я пойду с отрядом, — сказал Всеслав.

— Прошу прощения, владыко, — покачал головой Иннокентий. — Тебе нельзя. Мы уже потеряли Евстигнея, поэтому не можем так рисковать. С отрядом пойду я. Дай благословение.

Всеслав задумался, глядя на хрустальное яйцо на агате. Снова дотронулся до него. Раздался тихий нежный звон, яйцо начало раскачиваться и светиться.

— Хорошо, с тобой будет мое повеление. Плюс это.

Владыко провел над яйцом ладонью, — оно перестало светиться, звенеть и раскачиваться, — и внутри него вдруг высветился сложный геометрический рисунок из множества пересекающихся малых и больших треугольников. Иннокентий почувствовал всплеск ментального поля и волну щекочущего нервные окончания тепла.

— Верить...

Всеслав снял яйцо с пластины агата, сжал между ладонями, и оно превратилось в плоскую семилучевую звезду с

диаграммой внутри. Это была Шри Янтра мандала, или, по-русски, Веритья, диаграмма, символизирующая активность Вселенной и процесс непрерывного творения. Во все времена эта Янтра служила метафорой нисхождения духа в материю — проявления Вселенной из первозданного Хаоса и несотореной Тьмы.

Иннокентий бережно принял хрустальную звезду.

— Благодарю, владыко. Еще вопрос: могу я подкорректировать энергосферы кое-кого из наших воинов?

— Кого именно?

— Пашина и Громова. Они успешно прошли испытание и снова с нами. Но им требуется оптимизация духовных связей, что важно для такого дела, какое им предстоит.

— Они выдержат?

— Должны.

— Хорошо, не возражаю. Но знают ли они, с чем или с кем встретятся? За Калиновым Мостом их будут ждать слуги Морока — окрутные мороки, один другого страшней. Справятся ли с ними наши посланцы? Имя первого морока — Трусливая Нерешительность, второго — Самоуверенная Увлеченность, третьего — Преждевременное Знание, четвертого — Ослепляющее Могущество. Это очень коварный морок, чарующий искателя Пути силой и ложным всемогуществом, которыми он овладевает на определенном уровне ведания. Но страшнее всех пятый морок — Ложная Самость, свобода волеизъявления, утверждения себя в центре мира. Самость есть корень и основа всей Маэты человеческой, мешающей многим идущим найти Путь ко Вратам Обители Мудрости. Готовы наши посланцы сразиться с этими мороками?

Иннокентий стал печален.

— Я не знаю, владыко. С этими мороками трудно бороться даже мне, прошедшему все Посвящения. Но мы сделаем все, чтобы наши Витязи понимали свою ответственность и знали обо всех препятствиях.

Всеслав встал.

— Гой, Матерь Прозрения! Помоги им!

— Гой-Ма! — склонил голову волхв.

* * *

Сутки они изучали систему подземных коммуникаций Москвы в районе станции метро «Кропотkinsкая», которую передал Георгию Иннокентий. Двадцать четыре часа непрерывного бдения, не считая двух коротких перерывов на обед и ужин, принесли свои плоды. Илья и Антон сначала разобрались в схемах самостоятельно, затем выслушали диггера — специалиста по московским подземельям и канализации — и вполне конкретно определили точку соприкосновения гиперборейских тоннелей с нынешними канализационными и техническими сооружениями. Этой точкой оказался Китай-город, от которого до Большого Каменного моста и дальше, до площади Пречистенских Ворот, вел один из тоннелей, построенный, по словам Иннокентия, еще до битвы магических империй — Атлантиды и Гипербореи, то есть больше двадцати тысяч лет назад.

— Остальное решит разведка, — сказал Антон, когда они закончили обсуждение замысла. — Надо выйти под храм Спасителя и запеленговать Врата.

— Разведки не будет, — покачал головой Георгий. — Второй раз нам не дадут возможности подобраться к Вратам. Необходимо планировать операцию по захвату Врат сразу и до конца. Нам поможет только лихой, хотя и всесторонне подготовленный наскок, наглый, быстрый и неожиданный. Никаких разведрейдов, никаких дополнительных расследований, ни одного намека на то, что мы знаем, где находится Лик Беса, и готовим перехват.

Антон посмотрел на Пашина, встретил его ответный взгляд.

— Тебе все понятно?

— Более или менее.

— А я не могу этого понять. Я даже не могу понять тех, кто способен это понять.

— Ты о чем?

— Я привел слова Юлианы, королевы Нидерландов, произнесенные ею по поводу теории относительности. Хочу только добавить, что ни одна успешная операция не об-

ходилась без разведки. Если вы хотите провалить дело, тогда флаг вам в руки.

— И все-таки придется проводить нашу операцию без дополнительных разведдействий, — негромко произнес Георгий. — Атака должна быть абсолютно внезапной, быстрой и точной.

Антон хмыкнул, разглядывая его лицо, лицо обыкновенного с виду человека, озабоченного бытовыми проблемами.

— Георгий, ты кто по званию?

Витязь усмехнулся.

— Поручик.

— Поручик?! Глава службы безопасности — поручик?!
Даже не полковник?

— У нас иная служебная иерархия. Я учусь за исход любой операции, которую задумывает и исполняет моя команда, потому и поручик.

— А майоры, капитаны, генералы у вас есть?

— Нет. Потворники, заступники, дружинники, операторы, вот появились эфаналитики в связи с компьютерными технологиями. Высший чин — правник.

— Кто же у вас добился этого чина?

— Оставь эту тему, — проворчал Илья.

— Интересно же...

— Правник — не звание и не должность, — покачал головой Георгий. — И не медаль за заслуги. Это поручение, которое дается человеку достойному, способному проникнуть в суть проблемы и решить ее с наименьшими затратами сил и средств. С правником нашей службы вы уже встречались.

— Неужели это твой водитель, Тимофей? — озадачился Антон.

— Иннокентий, — сказал Илья.

Георгий кивнул.

— Но он же... — Антон хотел сказать: старик, — но спохватился: — Он же волхв, летописец...

— Ему поручено закончить дело Евстигнея.

— Э-э... да-а... понятно. А мы с Ильей кто? Дружинники? Или пока никто? Так сказать, абитуриенты?

— Вы теперь заступники, и от вас зависит очень многое. Далеко не все, но многое. Итак, други, если я вас не сильно огорчил, приступим к разработке плана. В операции будут участвовать все наши самые опытные сотрудники и специалисты поддержки. Нам же, как головному отряду, предстоит захватить Лик Беса, активировать его и пройти через открывшиеся Врата в мир Морока и Чернобога. По сути — в мир смерти, которому наши предки дали название — Навь.

— Хорошо бы кто-нибудь дал нам почитать путеводитель по Нави, — проворчал Антон.

— Такого путеводителя не существует.

— Тогда хотя бы расскажите, что это такое, кто там обитает, куда нам надо дойти и что сделать.

— Иннокентий прочтет вам обзорную лекцию, — улыбнулся Георгий. — Хотя он собирается идти с нами. И дело у нас простое: найти Обитель Чернобога, вызвать с в е т л о г о бога, который и проведет переговоры с хозяином Обители, чтобы тот укротил распоясавшегося слугу своего — Морока. Вот и все.

— Действительно, проще пареной репы, — хмыкнул Антон.

— Вот что я предлагаю... — Георгий включил компьютер.

* * *

На разработку плана проникновения в храм Спасителя и захвата Врат ушло два дня. А в воскресенье, девятого июля, произошли события, которые потребовали срочного созыва Совета безопасности Союза общин и подключения сил контрразведки, так как стало понятно, что спецслужбы Черного Вея прознали об участии в замысле Пашина, Гримвова, Максима Бусова и Данилы и решили нанести упреждающий удар.

Сначала помощники Черного Вея — заместителя министра МВД Балабонова (теперь это было известно точно) — устроили охоту на Данилу.

В воскресенье художник поехал в институт на последнюю перед экзаменами консультацию, и на него прямо у входа в институт напала банда бритоголовых отморозков, «косящих» под скинхедов. Как оказалось впоследствии, никакого отношения к настоящим скинам эти молодцы не имели, будучи на службе у милиции в качестве «дружинников» и шестерок для особо щекотливых поручений. Видимо, их часто использовали для подобного рода провокаций. Правда, Данила был готов к инцидентам и не дал втянуть себя в элементарную драку. Удачно остановив первого «скина», одетого в черную кожу со множеством блях и молний, несмотря на июльскую жару, Данила сманеврировал таким образом, что первым оказался у двери в институт и скрылся за ней, не посчитав зазорным «удалиться, не прощавшись». Брызгаться вслед за ним в здание, имеющее вневедомственную охрану, бритоголовые молодчики не рискнули. А затем ими занялись телохранители Данилы, сопровождавшие рунописца в последнее время.

Однако на этом охота за ним не закончилась, и после занятий, когда он выходил из института, к нему подошли два сотрудника милиции. Козырнули, потребовали документы. Данила протянул паспорт. Бегло глянув на него, милиционеры взяли парня под локти.

— Вам придется пройти с нами.

— В чем дело? — спокойно спросил Данила. — Разве у меня не в порядке документы?

— В отделении разберемся, — пообещал милиционер с погонами старшины.

— Не дергайся, — посоветовал второй, с погонами сержанта. — Зубы потеряешь.

В этот момент перед лестницей парадного входа в институт остановилась белая «Верба», из нее степенно вышел пожилой джентльмен в белом костюме, вежливо преградил милиционерам дорогу.

— Будьте так любезны, господа, отпустите хлопца.

— Чего?! — вытаращился бугай-сержант.

— Ты кто такой? — осведомился старшина, удивленный не менее напарника.

— Я Савелий Слипак, — поклонился джентльмен, доставая красненькую книжицу с золотым тисненым двуглавым орлом и надписью: «Министерство юстиции РФ». — В чем провинился этот юноша?

Милиционеры переглянулись.

— Он... нарушал...

— ...общественный порядок...

— Ничего он не нарушал. Я видел, как вы подошли к нему и без видимых причин потребовали документы. Чего делать, кстати, не имеете права. Разве до вас не довели распоряжение мэра о непозволительности проверки документов у жителей и гостей столицы?

— Мы...

— Имеем право...

— Не имеете! Отпустите парня немедленно! Иначе сегодня же к вечеру вы оба будете предупреждены о служебном несоответствии, со всеми вытекающими последствиями. Надеюсь, вы понимаете, о чём речь?

Стражи порядка снова переглянулись.

— Нас послали... — начал сержант.

— Хорошо, мы перестарались, — перебил его старшина. — Нам сказали, что этот молодой человек затеял тут драку и скрылся в здании.

— Вы ошиблись.

— Бывает. — Старшина отпустил руку Данилы, вернул паспорт. — Извиняюсь.

— Вас подвезти, молодой человек? — предложил мужчина в белом.

Данила заколебался, ища глазами своих телохранителей, потом увидел за стеклом «Вербы» знакомое лицо — водителем был Тимофей — и согласился:

— Если вам не трудно.

Они сели в машину, «Верба» уехала, и милиционер-старшина достал рацию...

— Когда экзамены? — спросил мужчина в белом, когда институт остался позади.

— Завтра первый, математика, — ответил Данила смущённо.

щенно. — Спасибо, что вы вовремя вмешались. Я еще ни разу не попадал в милицию.

— Переходите на вариант «Кольчуга», — сказал мужчина Тимофею, поглядывавшему на пассажиров. — Черновейцы начали наступление, просто так не отсидимся.

— Ничего, мы давно готовы дать им жесткий отпор. Куда вас отвезти?

— На базу.

В тот же день попал примерно в такую же ситуацию и Максим Бусов.

После репетиции в театре он решил напомнить о себе Ларисе, позвонил девушке, она предложила пойти в клуб «Семь нянек» на Арбате, Максим согласился, и они встретились в метро, на станции «Библиотека Ленина», от которой до клуба было рукой подать. Однако стоило молодым людям подняться по эскалатору наверх и выйти на улицу Воздвиженку, как к ним тут же привязались два подростка в кожаных безрукавках, требуя «закурить». Максим не курил, о чем вежливо сообщил несовершеннолетним курцам, те начали задираться, обзвывать его и Ларису, Максим рассердился, отшвырнул самого настырного подростка, и тотчас же к нему подошел наряд милиции — сержант и старшина, появиввшись словно из-под земли.

Милиционеры потребовали документы, а затем взяли Максима под руки.

— Пройдемте, гражданин Бусов.

— Куда?! — удивился Максим. — За что?!

— За драку в общественном месте! — веско заявил старшина, усатый, смуглолицый, с глазами навыкате.

— Это они к нам пристали! — возмутилась Лариса. — Начали обзвываться, ругаться... Отпустите его!

— Помолчи, шлюха! — оборвал ее сержант, толстозадый, рыхлый, краснолицый, с бегающими глазками. — А то мы и тебя заберем, просидишь всю ночь в обезьяннике!

Лариса побледнела, округлила глаза, шокированная неприкрытой грубостью стража порядка, беспомощно посмотрела по сторонам, не зная, что сказать, и в это время из

остановившейся у тротуара машины — серебристой «БМВ» — вышел пожилой мужчина в строгом белом костюме, подошел к милиционерам.

— Отпустите парня!

— Ты еще кто такой?! — выкатил и без того выпуклые глаза старшина.

— Где-то я его видел, — отозвался сержант.

Мужчина достал мобильник, посмотрел на экран.

— Старшина Нухоев, сержант Рябенко, не так ли?

Милиционеры переглянулись.

— Ну?..

— Вас уже один раз предупреждали, не так ли?

— Ну?..

— Мы выполняем...

— ...приказ начальства, то есть начальника отделения Центрального округа капитана Дробязго, так? А он, в свою очередь, исполняет приказ майора Дехкоева, так?

— Никакого Дехкоева мы...

— ...не знаем...

— Капитан Дробязго ваш командир?

— Ну?..

— Он велел...

Пожилой, все так же вежливо улыбаясь, достал красную книжечку с тисненым золотым двуглавым орлом.

— Советник юстиции полковник Дробыш. Отпустите этого молодого человека. А капитану Дробязго передайте: если он дорожит своими погонами, пусть отдает обоснованные приказы. Да и майору Дехкоеву пусть передаст, что его время не вечно.

Бусова отпустили.

Мужчина в белом взял его под локоть, ничего не понимающего, подтолкнул к «БМВ».

— Садитесь, юноша.

— Я не один...

— Если это важно, пусть и она садится.

— Д-да, я с вами, — проговорила Лариса.

Дверцы «БМВ» закрылись, и машина тут же скрылась из глаз.

Старшина опомнился, посмотрел на оторопевшего коллегу.

— Б...ь! Что происходит?! Почему мы их отпустили?!

— Звони Дробязге.

Старшина взялся за рацию.

Гораздо более серьезный инцидент произошел с Антоном Громовым. Точнее — с ним и его семьей.

В воскресенье девочки попросились сходить в зоопарк, и Антон, успокоенный двумя проведенными без тревог днями, истосковавшийся по ласке и веселой возне дочерей, согласился, подумав, что ничего особенного не произойдет, если он будет все время рядом. Однако враги рассудили иначе.

До зоопарка семья Громовых доехала без приключений.

Оставили машину напротив метро «Краснопресненская», перешли улицу, купили билеты, прошли на территорию зоопарка в потоке других посетителей. Затем Антон заметил мелькнувшее в толпе знакомое лицо, и настроение его упало. Это был его бывший напарник по «киллер-команде» Рудик, с которым Громову надо было ликвидировать Даниила.

Валерия, необычайно остро реагировавшая в последнее время на мимику и эмоции мужа, внимательно посмотрела на него.

— Что случилось?

— За нами «хвост», — ответил он, пытаясь незаметно просканировать дорожки зоопарка и вычислить тех, кто вел его; в случайные совпадения Антон не верил, да и нечего было Рудику делать в зоопарке, если только ему не поручили убрать носорога или жирафа. Не надо было оставлять его в живых, пришла запоздало-сожалеющая мысль.

Валерия была человеком опытным, к тому же она три года назад прошла с мужем достаточно трудной дорогой испытаний, поэтому удивляться его словам не стала.

— Ты уверен?

— Одного я видел точно... да и второй сзади топает, брюнет в очках, белые шорты... Не оглядывайся!

— Что будем делать?

— Главное — не будем суетиться. Делаем вид, что увлечены прогулкой, улыбаемся, шутим, показываем девочкам зверей.

— А потом?

— Дойдем до аквариума с дельфинами, и я что-нибудь придумаю. А пока что позвоним кое-кому.

Антон набрал нужный номер.

— Илья, мы в зоопарке, и за нами «хвост»...

Пашин среагировал мгновенно:

— Еду! Звони Георгию!

— Может, справимся сами?

— Звони, не рискуй, ты не один. — Илья отключился.

Громовы продолжали путь по зоопарку, ненадолго останавливаясь у вольер с наиболее интересными животными. Посмеялись над обезьянами, отнимавшими друг у друга пластиковую бутылку с водой. Валерия вспомнила прочитанный в газете «школьный маразм»: «Дети, смотрите на меня внимательно, а то не будете иметь никакого представления об обезьяне», — не понятый Дашей и Катей, но развеселивший их папу. И со стороны они, наверное, казались счастливой семьей, устроившей себе беззаботный воскресный отдых с детьми. На самом же деле Антон «работал», ловя взгляды следивших за ними людей и прокачивая варианты возможного развития событий.

Подошли к дельфинарию, имеющему два уровня: за его обитателями можно было наблюдать как сверху, с кромки бассейна, так и снизу, через огромные прозрачные окна.

— Стойте здесь, никуда не уходите, — сказал Антон, когда они подошли к одному такому стеклу. — Я скоро вернусь.

— Гром... — прошептала Валерия, судорожно сжав его локоть.

— Все будет нормально, — пообещал он, целуя жену в щеку.

Вернулся ко входу в дельфинарий, стал так, чтобы видеть всех входящих посетителей, и почти сразу увидел Рудика, беседующего с каким-то стариком в полосатом пиджаке.

Оба посматривали на вход в дельфинарий, вертели головами, потом бывший сосед Антона вытащил мобильный телефон.

Достал и Антон свой.

— Илья, ты где?

— Еду, — ответил Пашин коротко. — А вы где?

— В дельфинарии.

— Стойте там среди людей. Не думаю, что они рискнут напасть при таком стечении народа. Ничего самостоятельно не предпринимай.

Антон вернулся к сгоравшей от нетерпения Валерии (девочки весело щебетали, не обращая внимания на взрослых).

— Попробуем выйти через северный конец дельфинария.

Они двинулись дальше по коридору вместе с потоком посетителей, но интуиция «дернула Антона за ухо», и он задержался у лестницы, ведущей на верхний этаж строения.

— Подождите минутку.

Наверху было многолюдно, в глазах рябило от пестрых сарафанов и платьев молодых мамаш, но обострившееся чутье мгновенно подсказало Антону, кто из гуляющих представляет угрозу. Их было двое, мощного телосложения, одетых в джинсы и футболки с идиотскими надписями, с виду — таких же, как и все парни вокруг. Но на их лицах лежала печать угрюмой сосредоточенности, не стираемая деланными улыбками, а цепкие взгляды говорили о том, что эти парни пришли сюда не ради отдыха. Один из них заметил Антона, толкнул напарника в плечо. Оба длинно посмотрели на объект слежки.

Антон спустился обратно, размышляя, что делать в сдавшейся ситуации. Будь он один, все было бы намного проще, он знал огромное количество приемов, которые позволили бы ему освободиться от «хвоста» за несколько минут. Однако дети и Валерия практически лишили его возможности маневра, и теперь оставалось надеяться только на оперативность Ильи.

Но и наблюдатели не стали ждать, пока семья Громовых

выйдет на поверхность, и спустились в дельфинарий. Они появились с двух сторон коридора почти одновременно: Рудик с напарником и спортсмены в джинсе. Приостановились на пару секунд, глядя на семейную пару: Валерия прижала к себе ничего не понимающих дочерей, Антон загородил их своим телом, переводя взгляд с одной «оперативной двойки» на другую.

— Ну что, дядя, — ухмыльнулся Рудик, держа руку на оттопыривающемся кармане шорт, — пора отдавать долги? Или ты думал, что мы тебя не найдем?

— Вызови милицию! — торопливо проговорила Валерия.

Ее услышали.

— А мы и есть милиция, — снова ухмыльнулся Рудик, доставая красные корочки с двуглавым орлом и золотым тиснением «МВД Российской Федерации». — Прошу следовать за мной!

— И давно ты работаешь в органах? — осведомился Антон, лихорадочно просчитывая варианты действий.

— Да уж лет семь, — пожал плечами Рудик. — Подразделение «Стикс», не слышал?

— Нет.

— Ну и правильно, мы работаем негласно, нам реклама ни к чему. А ведь ты мог бы работать с нами.

— Нет!

— Что ж, вольному воля, как говорится. Давай, двигай за нами, только без фокусов, у меня приказ — стрелять без предупреждения. А с тобой дети, жена, мало ли что может случиться?

Антон оглянулся и увидел за спинами крепких парней возникшего будто из воздуха Илью. Мгновенно сработали боевые инстинкты бывшего рэкса — разведчика экстра-класса. Момент был самый подходящий для неожиданной атаки противника, уверенного в своем превосходстве, и Антон воспользовался им, не задумываясь.

Между продолжавшим ухмыляться Рудиком и Антоном было около пяти шагов — предел дистанции прямого поражения, как оценил бы любой инструктор по рукопашному

бою, но Антон уже подготовился к темповому взрывному действию и преодолел это расстояние одним гибко-змеиным и сверхбыстрым — как бросок кобры — движением. И удар он нанес Рудику из разряда «змеиных», неотбиваемых, под вскинутую руку сложенными щепотью пальцами, в горталь, еще не «смертельное касание», но и не обычный кулачный удар с выплеском энергии.

Рудик не смог перехватить удар. И вряд ли сообразил, что произошло. Его реакции не были рассчитаны на отражение сверхскоростных ударов.

Он еще только начал оседать на пол коридора, когда Антон в т е м п е обогнул его и достал горло дважды хлопнувшего глазами напарника Рудика «лезвием бритвы» — вытянутой в горизонталь ладонью с прижатыми друг к другу пальцами.

Оба «милиционера» из неизвестного Громову подразделения «Стикс» упали почти одновременно.

Антон, не выходя из сверхскоростного режима, оглянулся, готовый продолжить бой, но его вмешательства не потребовалось. Илья так же быстро и без шуманейтрализовал другую пару «милиционеров».

— Быстро отсюда! — сказал он, подходя и беря Валерию под руку. — Надо успеть покинуть зоопарк до того, как поднимется тревога. Кругом полно милиции.

— Кто это?! — очнулась побледневшая Валерия.

— Те, с кем мы воевали три года назад.

— Но это было на озере...

— Они везде! Антон, бери девочек. Выходим. Я первый.

Антон подхватил Катю и Дашу на руки и последовал с Валерией за Пашиным.

Вышли наверх, оставив позади начавшую собираться у тел «милиционеров» толпу недоумевающих посетителей дельфинария.

Илья повел было Громовых по правой дорожке к центральному выходу из зоопарка, но увидел спешащих на встречу сотрудников милиции в сопровождении мужчины специфического — криминального — вида и повернулся обратно. Однако точно такая же группа появилась и у дель-

финария. Противник не дремал, бросив на семью строптивого беглеца, не выполнившего задание Черного Вея, достаточно большие силы.

— Лера, налево! — бросил Илья, останавливаясь. — С девочками! Мы их задержим!

Валерия взяла детей за руки, побежала к ближайшей вольере с белыми медведями.

Илья и Антон переглянулись.

— Справимся?

— Это уже третья часть марлезонского балета, — криво усмехнулся Громов, — не запланированная сценарием. Или чьи-то похороны. Хорошо, если не наши.

— К сожалению, похороны — не свадьба, их не отменишь.

— Тогда начнем. Ты бери правых, я левых.

Оба метнулись к приближавшимся парням, переходя в состояние боевого оперирования, зная, как дорого каждое мгновение, но закончить бой самостоятельно им не дали.

Из потока посетителей зоопарка вдруг выделились дымные с т р у и движения другого временного уровня, почти не читаемые зрением, и обе группы бойцов Черного Вея, посланные за Громовым, в течение секунды перестали существовать.

Парни без звука попадали на дорожки зоопарка. Вокруг них тут же стали организовываться стены любопытных посетителей, не понявших, что происходит.

А вихри д в и ж е н и я, коснувшись боевиков, превратились в трех мужчин, двое из которых были знакомы Громову и Пашину.

— Тимофей... — пробормотал Илья.

— Георгий! — сказал Антон.

— Уходите, — сказал Витязь, только что показавший свои боевые возможности, ровным голосом. — Тимофей вас проводит. Домой не возвращайтесь. Вас отвезут за город, в Сундаковку.

— Где это? — не понял Илья.

— Варшавское шоссе, полсотни километров за МКАД, в сторону Домодедова, там у нас построен Славянский

Кремль и общинный двор. Поживете какое-то время под защитой моих ребят.

— Но у нас все вещи дома! — спохватилась подбежавшая с детьми Валерия.

— Составите список необходимого, вам привезут.

Валерия ошеломленно посмотрела на Антона. Тот обнял жену, прижался щекой к щеке.

— Так надо, Лер. Потерпи немного. Справимся с этой нечистью и вернемся домой.

— Я не хочу! — Валерия зажмурилась, по ее щеке сползла слеза. — Тебя не было — мы жили спокойно, ты появился — началась война!

— Прости...

— Он не виноват, — сказал Георгий, жестом посыпая Тимофея и его спутника, плотного и широкоплечего, вперед. — Враг не дремлет, предлагая нам свои условия игры. И мы пока не можем заставить его играть по нашим правилам. Даже если бы Антон остался в стороне, вас не оставили бы в покое.

— Идемте, — поторопил их Илья.

Валерия вытерла слезы, взяла дочерей за руки, и они поспешили за проводниками, провожаемые взглядом Георгия.

— Я приеду следом, — пообещал Витязь. — Привезу Владиславу.

— Я сам! — заикнулся Илья.

— На сегодня драк достаточно. Поедешь с Громовыми.

Илья стиснул зубы, пересиливая желание возразить. Глава службы безопасности Рода этого бы не понял. К тому же этому человеку можно было верить, как самому себе.

Их вывели через технический вход в зоопарк со стороны Зоологического переулка, усадили в серебристый «БМВ-745», и только после этого до сознания Антона, Ильи и Валерии по-настоящему дошло, что в их жизни начался новый период, период войн и нервных потрясений.

— Мамочка, почему мы не досмотрели зверюшку? — робко спросила Катюша; в отличие от нее младшенькая Да-

шутка приняла происходящее за какую-то игру и продолжала щебетать.

— Мы еще досмотрим, — пообещала Валерия, кусая губы, чтобы не разреветься.

Глава 25

ЗАВОТЫ ЧЕРНОГО ВЕЯ

Первый храм Спасителя был задуман еще в тысяча восемьсот двенадцатом году, после ухода армии Наполеона с территории России, о чем сообщил манифест императора Александра I. Утвердили проект, разработанный художником Витбергом, в тысяча восемьсот семнадцатом году, причем местом установки храма выбрали вершину Воробьевых гор, откуда открывалась захватывающая панорама Москвы.

Однако новый император, Николай I, отказался от проекта Витберга и выбрал для храма район у Пречистенских Ворот, на месте древнего Алексеевского монастыря. В тысяча восемьсот тридцать девятом году был заложен первый камень в фундамент храма, а само строительство — включая работы над скульптурами (семнадцать лет) и живописным убранством (двадцать три года) — длилось почти сорок лет. В мае тысяча восемьсот восемьдесят третьего года храм был освящен.

Кстати, при строительстве фундамента сооружения (на месте старого фундамента монастыря) рабочие наткнулись на некие подземные пустоты, которые впоследствии были замурованы.

Простоял храм до пятого декабря тысяча девятьсот тридцать первого года, когда был взорван по приказу Сталина, несмотря на его очевидную историческую, культурную и художественную ценность. А его фундамент в последующие годы был использован для создания открытого плавательного бассейна.

Новый храм Спасителя на этом месте был построен спустя семьдесят лет (несущие конструкции храма были готовы уже в тысяча девятьсот девяносто шестом году), и в на-

чале двадцатого века в новом храме начались богослужения. Правда, восстанавливавшийся он уже не как символ победы России в войне тысяча восемьсот двенадцатого года, а как «символ покаяния народа за богоотступничество». Хотя никакого «богоотступничества» и не было. Народ русский в глубине своей древних богов никогда не предавал.

Несмотря на то что восстанавливали храм по редким сохранившимся чертежам и фотографиям из музеев Москвы и Санкт-Петербурга, он отличался от аналога, особенно внутри: расположением алтаря, Царских врат, клиросов с хоругвями, престолом, на котором должны находиться антиминс — шелковый плат, крест — меч божий, Евангелие, да-рохранительница и дароносица, а также иконостасом; в первом храме иконостас заменили напрестольной шатровой сенью, выполненной по специальному заказу, в новом храме иконостас являлся стеной для крепления икон. Кроме того, новый храм отличался от оригинала и тем, что имел стилобатную часть, в которой были размещены храм Преображения Господня с восстановленными тремя приделами снесенного Алексеевского монастыря, галерея для крестных ходов, палаты Патриарха и зал заседаний Синода на тысячу пятьсот мест. Да и традиционное золочение куполов было заменено нитрит-титановым покрытием, которое, по заявлениям ученых, должно было стоять «вечно». И все же это величественное тяжеловесное сооружение, способное принять во время богослужения сразу около десяти тысяч человек, впечатляло всех, кто хоть раз бывал возле храма. Служители культа Морока не ошиблись в выборе тайника для Лика Беса, полагая, что никому в голову не придет искасть его здесь.

Заместитель министра МВД Балабонов Алексей Ридигерович посещал сей храм регулярно, как истинный верующий. Правда, он не крестился и не молился святым и самому «спасителю» России, как все, зато щедро раздавал милостыню и был очень любим монахами и старушками, стоящими на паперти.

Появился он у храма и в понедельник десятого июля. Сопровождавшие замминистра парни в милицейской фор-

ме окружили здание, стали у входа спиной к нему, расставив ноги. Сам же Балабонов вошел внутрь в сопровождении майора Дехкоева и настоятеля отца Власия. В руке он нес зонтик, чтоказалось странным, так как дождя не предвиделось, солнце палило вовсю и на небе не было ни облачка.

Прошли алтарь, свернули в галерею, пересекли коридор с горельефами перед приделами Алексеевского монастыря, свернули к залу заседаний Синода, но обогнули его справа и вошли в незаметную дверь за клиросом, закрытую хоругвью на длинном древке. Начали спускаться по винтовой лестнице на подземные уровни храма.

Путь преградила еще одна дверь, металлическая, охраняемая дюжим монахом и военным человеком в пятнистом комбинезоне с эмблемой подразделения «Стикс» на рукаве; берет у него был черный. Настоятель коснулся выпуклой пластинки возле двери пальцем, она открылась. Делегация проследовала дальше, спустилась в низкий подвал с бетонными, грубо обработанными стенами и рядом колонн посередине. На колоннах были установлены телекамеры, следящие за входами в подвал, а в стенах виднелись амбразуры, забранные решетками.

Гости прошли подвал до конца, вошли в последнюю дверь, толстую, сейфовую, охраняемую нарядом из трех боатырей в пятнистом, со знаками отличия подразделения «Стикс».

Открывшееся помещение размерами пять на пять метров было полностью забрано металлической сеткой. Стены его серебрились инеем, и в помещении было холодно, как в лютую стужу. Его освещал один светильник, вделанный в стену, имеющий форму фаллоса. Посреди помещения располагался бетонный постамент — как своеобразный престол высотой в один метр, на котором лежала толстая плита, с виду — из пемзы или вулканического туфа фиолетового цвета, с розоватыми наростами, похожими на лишай.

Из кресла, стоящего у стены под светильником, выпротягнулась согбенная, но все же высокая фигура старика в атласной черно-фиолетовой рясе. Это был Хрисанф, штатный маг и защитник Храма Морока.

— Приветствую наместника Того, Чье Имя Произнесено! — поклонился он.

Черный Вей, не отвечая, подошел к плите Врат, некоторое время разглядывал ставший зыбким, как желе, объемный выпуклый Лик Беса на ней, дотронулся до плиты пальцем.

Прозвучал отчетливый стон, полетели искры. В воздухе запахло окалиной и сгоревшим порохом.

Лик Беса исказился, ожил, на мгновение вылез из плиты вздрагивающей, зыбкой, как мыльный пузырь, головой апокалиптического Зверя и провалился сам в себя, образовав глубокую черную воронку, вход в некий тоннель без дна. Но тут же выскоцил вновь головой Зверя, но уже поменьше высотой, провалился в яму и, покачавшись так туда-сюда, успокоился.

Дехкоев смотрел на это проявление магических сил бесподобно, шуря и без того узкие глаза. Он уже привык к демонстрации колдовских возможностей своего господина.

Хрисанф тоже казался спокойным. На его иссеченном морщинами лице ничего нельзя было прочитать.

Конечно, охранники тайного склепа с Вратами Морока удивились бы, узрели они то, что охраняют. Но спецназовцы «Стикса» были за морочены и не горели желанием заглянуть в бункер.

Балабонов повернулся к Хрисанфу.

— Кого ты назначил ответственным за ликвидацию мешающих мне людей? — Голос Черного Вея был тих и слаб, как воздушное дуновение, но после каждого произнесенного им слова по бункеру проносилось щелкающее металлическое эхо.

Хрисанф поджал губы.

— Служителя Марциана.

— Вызови его сюда.

— Он ждет наверху...

— Вызови! — Слово прозвучало как выстрел.

Хрисанф вздрогнул, бледнея, поднес ко рту уморь:

— Марци, спуспись ко мне.

Балабонов отвернулся, обошел постамент с плитой Ли-

ка Беса, о чём-то размышляя. Через три минуты появился еще один монах, который способствовал выходу Антона Громова из СИЗО Костромы. На лице его с аккуратной черной бородкой и чувственными губами застыло выражение высокомерной уверенности в собственном величии. Он остановился перед заместителем главного милиционера страны, слегка кивнул.

— Звали? — Монах подумал и добавил: — Наместник?

На мгновение глаза Черного Вея и служителя культа Морока встретились.

Марциан переменился в лице, открыл рот, но сказать ничего не успел.

Балабонов вдруг сделал выпад зонтиком, словно шпагой, так быстро, что монах-колдун не отреагировал. Зонтик проткнул его насеквоздь! Крылом алой птицы ударила струя крови! Точно с такой же скоростью Черный Вей выдернул зонтик из тела Марциана. Кровь брызнула веером!

Монах побелел, посмотрел на дымящуюся дыру в груди, перевел взгляд на господина. Затем глаза его помутнели, ноги подкосились, он упал.

— Идиот! — гулким голосом проговорил Балабонов, глядя на недолго дергавшееся тело с презрением. — Он почти сорвал наши планы! Кто позволил ему привлечь к делу этого бывшего гэрэушника Громова?

— Вы, наместник, — поклонился Хрисанф, пряча в глазах злобно-торжествующий огонек.

— Когда??

— Я докладывал вам об инициативе Марци, вы согласились.

Балабонов провел ладонью по лицу, хмурясь.

— Не помню... впрочем, неважно. Мне доложили, чем он занимается на службе. А если у человека хер всему голова, ему не место у Врат Господина! Допустишь еще одну такую промашку, следующим будешь ты, старый осел!

Хрисанф молча поклонился.

Балабонов посмотрел на помощника.

— В чём дело, майор? Хочешь спуститься к Господину раньше срока? Могу устроить. Почему все, кого я велел уб-

рать, до сих пор живы? Как твои люди ухитрились упустить Громова?!

Дехкоев остался невозмутимым, только чуть побледнел.

— Не справившиеся с заданием будут... наказаны, генерал. Я лично займусь этой проблемой.

— Два дня! — прошипел Балабонов. — Я даю тебе два дня, майор! Чтобы через два дня ты принес мне их головы! Иначе полетит твоя!

— Слушаюсь! — щелкнул каблуками Дехкоев.

Алексей Ридигерович посмотрел на сгорбившегося Хрисанфа.

— Почему я узнаю о Соборе волхвов не от тебя, а от посторонних людей? Может быть, тебе пора на покой, старик? Я зря тебя реанимировал? Что скажешь в свое оправдание?

— Я хотел... доложить... Собор волхвов состоялся в Болшеве, там у нас нет резидентов...

— Что он решал, какую задачу?

Хрисанф пожевал губами, потеребил бороду.

— Они инициировали Силу Рода...

— Зачем?

Маг сделал еще одну паузу.

— Они знают, что мы восстановили Врата. Думаю, Собор хотел определить их координаты.

— Ты думаешь?! Чем?! Мне не нужны твои думы! Мне надо знать точно, что сделали общинники! Понял?! Возле храма Спасителя видели людей из общинной безопасности, об этом тебе известно?! Как они могли вычислить местонахождение модуля, закрытого непрограммом?! Ты же уверял, что это невозможно!

— Я был уверен... но моя сила небезграницна... — забормотал Хрис, вытирая потный лоб дрожащей рукой. — Не хватает ниргуны. Моя закончилась. Необходимо восстановить келью юаньшэньши... нужны девки для подзарядки, много девок, у которых мы отберем души...

— Замолчи! — Черный Вей стукнул зонтиком в пол с такой силой, что в нем образовалась дымящаяся ямка. — Ты не справляешься со своими обязанностями! Идея спрятать Врата в храме Спасителя хороша, но и она не принадлежит

тебе. Если здесь появятся друдинники Витязей, я с тебя живьем шкуру сдеру!

Острие зонтика устремилось к Хрисанфу, метнуло извилистую дымную струйку, которая вонзилась в уморь на груди старика.

Хрис отшатнулся, покрываясь слоем искр.

Балабонов опустил зонтик, оперся на него, сгорбился, словно сам постарел на три десятка лет сразу.

— Помощнички, мать вашу!.. Мне нужно знать, что задумали волхвы. Мои агенты молчат, то ли их выявили и уничтожили, то ли они сбежали. Кто их заменит? Где молодые, сильные и умные ученики, способные решать любые задачи? Почему мы работаем только с отребьем, с быдлом, хамьем и бандитами?

— Потому что их легче всего купить и подчинить, — хладнокровно сказал Дехкоев. — Выбирать не из кого. В милиции работают практически одни дебилы и бандиты, вы же знаете.

По губам Хрисанфа скользнула ехидная ухмылка:

— Это говорит о том, что вы очень хорошо поработали с народом, наместник. По статистике, уже больше трети москвичей — русофобы. Москва стала городом «новых рашенов», хорошо прикормленного плебса и быдлячества. Чего же вы хотите? Все идет хорошо! Господин будет доволен! А помощники найдутся. Не справится один — отыщем другого.

Балабонов поднял бровь, разглядывая неожиданно разговорившегося старика, покачал головой:

— Надо же, ты, оказывается, философ и действительно способен думать! Забавно. Может, возглавишь мою аналитическую службу?

Хрисанф сверкнул волчьими глазами, сделал постное лицо.

— Прошу прощения...

— Да нет, ты прав, старик. Превращая людей в стадо, мы и в самом деле сужаем потенциал собственных замыслов. Однако это не наша забота. Господину виднее. Дождемся

его выхода. Итак, вы считаете, что Врата отсюда переносить не стоит?

Дехкоев и Хрис переглянулись.

— Я не верю, что волхвы вычислили точные координаты бункера, — сказал Дехкоев. — Об этом подвале не знает ни патриарх, ни монахи... кроме тех, кому мы доверили охрану.

— Я закрою бункер дополнительным заклятием, — буркнул маг. — Но мне нужна ниргуня.

Балабонов прошелся по угрюому каземату, покачивая зонтиком, размышляя о чем-то. Остановился, сунул руку в карман пиджака, вытащил плоскую флягу синего стекла, с двумя горлышками, протянул старику.

— Учи, это последняя, береги ее до прихода Господина, не трать на девок.

Хрисанф жадно схватил флягу трясущимися руками, вгляделся в жидкое пламя, вихрящееся внутри, прижал к груди. На щеках его проступил старческий румянец. Свою ниргуню, поддерживающую жизненные процессы и омолаживающую организм, он давно израсходовал и готов был отдать все, что имел, за изумительное чувство силы и молодости, которое дарил глоток жидкости. В сказках не зря эта жидкость называлась «живой водой».

— Я отблагодарю, наместник! — Хрис попытался поцеловать руку Балабонова. — Я все сделаю! Завтра же пришлю пару классных телок, будете довольны!

Замминистра вырвал руку, брезгливо вытер ее о пиджак, бросил взгляд на спутника.

— Вечером доложишь об уничтожении рунописца. Он у меня как гвоздь в заднице! Если он успеет восстановить Володарь...

— Не успеет, — пообещал майор.

Балабонов раскрыл зонтик, поднял над собой. Волна холода прянула от него во все стороны. Зонтик завибрировал, раздулся парусом, охватил тело Алексея Ридигеровича черной пленкой, и генерал исчез.

Двое нелюдей в бункере с Вратами молча смотрели на то место, где он стоял. А Лик Беса смотрел на них мрачно и угрожающе.

Глава 26

НАПАДЕНИЕ

Как оказалось, название поселению — Сундаковка — дали друзья его основателя, знаменитого путешественника Виталия Сундакова. Второе его название — Славянский Кремль — не в полной мере, но отвечало форме и содержанию подобного рода сооружений. Не было только крепостной стены, окружавшей древние крепости-кремли, а в остальном все было по-настоящему.

Гости с удивлением и восхищением рассматривали гостиный двор, построенный в стиле русского классицизма и шатровой архитектуры, деревянные дома с двускатными крышами и башенками, с резными крыльцами и отделкой. Постояли у колоколенки, у колодца с красивым навершием, прошлись по гаревым дорожкам, слушая гида, молодого паренька, увлеченного новым для него делом. Потом Георгий прочел им лекцию о Союзе общин, принимавшем активное участие в создании поселения, и Антон узнал много интересных подробностей о деятельности этой славянской организации.

К примеру, его удивило, что в общинах славянского типа никогда не было коммунистического равенства, всегда существовала субординация! Главенствующую роль в управлении общиной играли волхвы и старейшины Рода, а уж потом, за ними, по иерархической лестнице следовали старосты-лидеры (нередко — князья), воины (Витязи), ремесленники и работники.

Во-вторых, главными принципами социального устройства мира отцы-основатели общин считали принципы борьбы, силы, самостоятельности воли (родившийся работник мог подняться по иерархии высоко вверх), свободы поведения, жизненной активности, преодоления трудностей, персональной ответственности и — принцип неравенства как по рождению, так и по воспитанию! По философии волхвов, жизнь общинника должна была зависеть от многих условий, которые он выбирал сам, сообразуясь с принци-

пом полезности вида деятельности для Рода. И только потом он должен был заботиться о себе.

Конечно, со многими положениями устава Союза общин хотелось поспорить, но гости делать этого не стали. Слишком резким был поворот их бытия, привязанного к реалиям российского социума, по сути управляемого наместниками Морока. Слишком высока ставка и чрезвычайно высока ответственность, возлагаемая на каждого, кто должен был выполнить миссию послов к Чернобогу.

Гостей покормили в гостином дворе, и каждой семье предоставили гостевые палаты с отдельными бытовыми блоками.

Антон обратил внимание на некоторые детали интерьера, похожие на фаллические символы, — ручки кресел, ножки столов и лавок, светильники, да и купола башенок на строениях, и Георгий пояснил:

— Не пугайтесь символов жизнеделания, мы не слуги Морока, которые специально использовали культ и символику фаллоса для скачивания энергии в свою пользу. Фаллос всегда играл великую роль Жизненного Принципа, как и Коло — его женская ипостась. И лишь с приходом на Русь христианства эти символы стали ругательствами. Служители Христа, а по сути — Морока, намеренно исказили их смысл, чтобы Род наш не мог пользоваться силой древних ведических знаний.

— А охрана у вашего Кремля есть? — поинтересовался Антон. — В нынешние времена это актуально.

— Приходится кое-что учитывать, — уклончиво ответил Витязь.

До вечера они уединились в своих апартаментах: семья Громовых — в двухкомнатных, Пашины и Данила с Максимом — в однокомнатных палатах, переживая тягостное чувство неуверенности в завтрашнем дне и нежелание принимать предлагаемый образ жизни.

Валерия, к радости Антона, держалась хорошо, не жалуясь на резкое изменение устоявшегося в отсутствие мужа быта. Но было видно, что ее беспокоят мысли о будущем де-

тей, и Антон старался больше заниматься с дочерьми, в силу возраста принимавшими мир таким, каким он им казался.

После ужина женщины с Катей и Дашей отправились на прогулку в сопровождении того же молодого человека, который принимал деятельное участие в их бытуустройстве, а мужчины собрались в отдельном тереме, где остановился Георгий.

Включили телевизор и молча выслушали сообщение диктора первого канала о «сбежавших преступниках», коими стали Антон Громов, Илья Пашин, Максим Бусов и Данила Ломов. За поимку или указание координат места, где прятались «преступники», обещалась награда.

Георгий выключил телевизор, глянул на молча сидевших друзей, усмехнулся.

— Поздравляю, вас объявили во всероссийский розыск. Крепко напугали вы халдеев Черного Вея, да и его самого. Теперь он вам и высунуться не даст. Стоит вам появиться в поле зрения его службы, тут же прихлопнет.

— Но мне надо на репетиции! — воскликнул Максим.

— Придется повременить.

— Меня же выгонят из театра!

— Не выгонят, мы найдем подход к твоему руководству, не волнуйся.

— Но я объявлен преступником!

— Наши юристы легко докажут несостоятельность этого обвинения. Но я думаю, после нашего похода к Мороку все изменится. Балабонов — Черный Вей не удержится в кресле замминистра. И ты продолжишь петь.

Максим хотел возразить, будучи уверенным, что его карьера висит на волоске и может рухнуть в одночасье, но посмотрел на спокойное лицо Данилы, у которого тоже были свои планы, и сдержался.

— А с тобой дела похуже, — глянул Георгий на художника. — Завтрашний экзамен ты сдашь, мы тебя побережем, а вот на следующий можешь не успеть. Расписание экзаменов знаешь?

— Второй — русский язык и литература — четырнадцатого. Потом шестнадцатого июля — творческий конкурс.

— Попробуем что-нибудь придумать. Руновязь готова?

— Осталась последняя руна, я назвал ее — ДУ-ША. —

Данила улыбнулся. — Она такая... теплая...

Георгий кивнул.

— Заканчивай. Завтра к вечеру Володарь должен быть готов. Теперь поговорим о команде и о сборах. Выступаем завтра в ночь. Всего пойдут одиннадцать человек, в том числе ваши жены. Объяснение требуется?

Антон озадаченно потянул себя за ухо, посмотрел на Пашина.

— Что скажешь?

— Это необходимо? — повернул Илья голову к Георгию.

— Практика белой магии, — сказал Витязь, — к адептам которой принадлежат наши волхвы и старейшины, базируется на трех переменных: время, пространство, энергия, — и на трех константах: Истина, Красота, Любовь. Так вот, без любви вы в мир Морока не пройдете. Только она способна дать ту силу и ту свободу, которые требуются для преодоления пути из Яви в Навь. Вот если вы не любите своих жен-берегинь, тогда экспедиция обречена на провал.

Антон и Илья в замешательстве обменялись взглядами.

Георгий улыбнулся:

— Без любви жить нельзя. Только она — ваша защита и оружие. Но я знаю, что вы любите и любимы. Еще вопросы?

Антон открыл рот, собираясь продолжить тему, но Илья опередил его:

— Кто в команде, кроме нас?

— Я.

— И все?

— Терентий Ратников. Знаете такого?

— Тереха? — удивился и обрадовался Антон. — Вы все же разыскали майора?

— Ратников уже полковник.

— Я насчитал восемь человек, — сказал Илья. — А ты говорил об одиннадцати.

— С нами пойдут еще двое моих парней, Влад и Шурик, и летописец Иннокентий.

— Иннокентий — это здорово, а твои парни — тоже Витязи?

— Нет, просто хорошие специалисты своего дела.

— Какого дела?

— Влад — в и д я щ и й, он будет нашим проводником в мире Нави, а Шурик — снайпер.

— Илья тоже снайпер.

— Гром, — недовольно оборвал друга Пашин.

— Да я что, я не возражаю, — пожал плечами Антон, — еще один снайпер не помешает. Единственная закавыка — дети. Валерия не согласится оставить девочек. Да и я не буду чувствовать себя спокойно.

— Положитесь на меня, — сказал Георгий. — С ними останется Милолика и надежная охрана.

— Я поговорю с Валерией, — сказал Илья.

— Тогда я не возражаю. Когда выступать?

— Завтра в ночь. А сегодня вам предстоит пройти обряд очищения.

— Что еще за фигня? — поднял брови Антон. — От чего нас надо чистить? Я не радиоактивен и не заразен.

— Дело не в заразе, — раздался басовитый голос, и в палату вошел Иннокентий, задумчиво-строгий и сосредоточенный. — Как сказал один умный человек: «В борьбе между собой и миром лучше оставаться на стороне мира».

— Кафка... — пробормотал Данила.

Волхв посмотрел на него с любопытством и одобрением.

— Молодежь читает Кафку?

Данила смущился.

— Не только...

— Молодец, одобряю, для широты мировоззрения необходимо знать работы философов старой школы. А обряд очищения — это все не душ и не санитарная обработка, другие мои. Вам скоро придется бороться с самими собой, чтобы сохранить чистое незамутненное сознание и не поддаться окрутным морокам, поэтому высказывание Кафки вполне соответствует этому процессу. Оставайтесь на стороне мира. Что касается обряда, то это скорее корректировка внутренних энергоинформационных связей. Она по-

может вам переходить на другие уровни сознания и подсознания. Кое-кто из вас уже убедился в том, что существует Сила, обеспечивающая целый ряд паранормальных способностей верящему в нее. Если вы поверите хотя бы в себя, вам значительно легче дастся переход из Яви в Навь. Вы сохраните не только души, но и телесные оболочки, что немаловажно. Ведь нам нужно не только войти в мир Морока, но и вернуться, не так ли?

Иннокентий вдруг сделался похожим на мужчину в белом костюме, который недавно спасал Максима и Данилу от милиционеров, и они во все глаза уставились на него, осознавая, кто им помогал на самом деле.

— Или у вас есть возражения? — продолжал волхв.

— А как же наши женщины? — спросил Илья. — Им не нужна... э-э... корректировка?

— Нужна, однако обряды очищения дозированы по времени и по качеству, для мужчин и женщин они разные, поэтому ваши берегини пройдут корректировку отдельно. Да и к каждому из вас нужен индивидуальный подход. Если вы не возражаете, начнем прямо сейчас. У нас мало времени.

Находящиеся в комнате мужчины переглянулись. Илья решительно встал.

— Надо, значит, надо. Идемте. Далеко ехать?

— Три минуты идти.

Все гурьбой вышли вслед за переговаривающимися Иннокентием и Георгием на площадь поселения, двинулись к северной его части, по песчаной дорожке углубились в лес и вскоре вышли на поляну, окруженную мощными двухсотлетними елями и соснами. Посреди поляны стоял самый настоящий дольмен, сложенный из каменных плит и грубо отесанных глыб. Он казался таким тяжелым и древним, что гости невольно замедлили шаг, прислушиваясь к торжественной тишине этого места.

Антон вспомнил свое недавнее знакомство с почти таким же сооружением, покосился на Илью, на Иннокентия, встретил его ответный взгляд, говорящий: да, ты уже знаешь, что это такое.

Остановились в десяти шагах от входа в дольмен.

— Маленькое пояснение, — сказал волхв. — Во-первых, этот мегалит не такой древний, каким кажется, это новодел. Но стоит он там, где и положено, — в точке с и лы, в зоне определенной геомагнитной аномалии, и создан для того же, для чего строились подобные комплексы — для проведения сакральных практик. О его местонахождении никто не знает, даже жители Сундаковки, хотя от поселения до поляны, как вы успели заметить, всего сто метров.

— Он не охраняется? — полюбопытствовал Антон.

— Охраняется.

— Отличная выучка у охраны! Я никого не заметил.

— В первую очередь дольмен охраняется белым п о в е - л е в а н и е м, то есть колдовской наветью, имеющей название «невидий». Для вас оно прозрачно, другим отводят глаза, как говорится. Но есть и специальная служба охраны. Однако продолжу. Наша матушка-Земля представляет собой единый живой организм, для которого каждая зона силы является своеобразной акупунктурной точкой, воздействуя на которую можно получить определенный ответ. Цель, ради которой в основном строились мегалиты и древние храмы, это гармонизация внутреннего мира и окружающего пространства. Как правило, прошедшие эту гармонизацию с в е т л ы е деятели получали сокровенные знания и становились хранителями Рода, героями и защитниками.

— А для чего дольменами пользовались «темные» ребята? — не удержался от вопроса Антон.

— Цели «темных» ребят, — улыбнулся Иннокентий, — далеки от решения социальных задач во благо людей. Обычно они достигали очень высоких жреческих постов, способствующих укреплению личной власти, кодированию планетарных меридианов с и лы для подавления обитающих вдоль этих меридианов цивилизаций и достижению личного бессмертия. Но это отдельная тема. Для нас важнее понять самих себя. Вы должны будете помнить, что, находясь внутри дольмена, являющегося, по сути, резонатором земных и космических энергий, вы можете получить информацию с высших уровней Духовной Системы Вселенной, что

не всеми воспринимается легко. Иногда люди сходят с ума. Все зависит от того, на какие вопросы вы хотите получить ответы. А можно и не задавать никаких вопросов, просто подняться над миром и послушать Великую Тишину Космоса. Это тоже полезно.

— Страшно!.. — пробормотал Максим простодушно, смущаясь под взглядом Иннокентия.

На лицах мужчин промелькнули улыбки.

Георгий потрепал певца по плечу.

— Мне тоже было страшно в свое время. Кстати, Громов недавно проходил дольмен-сеанс, хотя и с другими целями, и ничего, выжил.

Все посмотрели на Антона. Он кивнул, понимая подоплеку слов Витязя.

— Было дело.

— Кто первый? — оглядел всех Иннокентий.

— Я! — шагнул вперед Илья.

Георгий вопросительно посмотрел на волхва.

— Ему можно увеличить интервал до четырех минут.

— Хорошо, я проконтролирую.

Витязь взял Илью под руку, повел к дольмену.

— Что значит — увеличить интервал? — спросил Антон.

— Время нахождения человека внутри резонатора во время обряда очищения зависит от его психофизических возможностей. Одна минута дает успокоение, две минуты — лечение души и тела; ты, кстати, проходил именно двухминутные сеансы. Три минуты внутри дольмена воодушевляют, четыре — позволяют выйти в общеинформационное поле Земли — ментал.

— А пять?

Иннокентий помолчал.

— Пяти минут не выдерживает никто. Человека, задержавшегося в резонаторе пять минут, ждет...

— Смерть?

— Переход в мир Нави. Хотя для нашего явиного мира это действительно смерть.

Антон поежился.

— Оптимистичное сообщение. А если мы не сможем проконтролировать время?

— Вас выведут в нужный момент, не беспокойся.

Георгий и Илья скрылись в дольмене. Затем Георгий вышел, невозмутимый и уравновешенный как всегда.

— Засекли время? — не выдержал Антон.

Витязь покосился на него, но не ответил. Потянулись медленные секунды, складываясь в минуты.

Иннокентий прошелся по траве поляны туда-сюда, поглядывая на затягивающееся облаками небо.

Георгий шагнул внутрь сооружения, ни разу не глянув на часы. У него было исключительно развитое чувство времени, и хронометром он не пользовался.

Через минуту появились оба. Георгий поддерживал Илью под локоть, но Пашин шел самостоятельно, да и лицо у него было самое обыкновенное, разве что чуть бледнее обычного.

— Ну, что?! — жадно подался к нему Максим.

Илья не ответил. Глаза его были устремлены в какие-то невидимые пространства, и казалось, что он в данный момент живет где-то в иных измерениях.

— Пусть посидит, — сказал Витязь. — Это скоро пройдет.

— Теперь я! — сказал Антон.

— Хорошо. — Георгий усадил Пашина на плоский камень у тропинки, сделал приглашающий жест.

Антон, уняв волнение, последовал за ним. Внутри дольмена, накрытого мощными плоскими каменными плитами, было темно. Постояли, привыкая к полумраку.

— Становись, — показал Георгий на голый каменный бугор с углублением посреди округлого помещения. Впрочем, помещением эту странную полость со множеством ребер и стоящих вплотную каменных глыб называть было трудно. «Камера», — подумал Антон, пытаясь прогнать сосущий холодок под ложечкой.

— Ты уже бывал внутри резонатора, — сказал Георгий тусклым голосом (эхо здесь отсутствовало полностью). — Поэтому расслабься и медитируй.

— Молча?

— Можешь что-нибудь спеть, — усмехнулся Витязь. — Хотя обряд требует тишины.

— Когда начнется о ч и щ е н и е?

— Ты поймешь. Сориентируйся и стань лицом к северу. Антон повиновался.

Георгий сжал его локоть, удалился.

Антон расставил ноги, опустил руки вдоль туловища, закрыл глаза. Снаружи в дольмен не проникал ни один звук, поэтому казалось, что он спустился в глубокое подземелье. Внезапно тишина стала буквально осязаемой и обрушилась на голову водопадом! Сердце Антона рванулось в груди испуганной птицей, а потом замедлило бой. И на него снизошло небывалое, удивительное, космическое успокоение!

Он увидел свет.

Этот свет существовал как бы отдельно от него и в то же время пронизывал все его существо. Но главное — он успокаивал, умиротворял, нес неизъяснимое облегчение и покой.

Затем внутри Антона началась какая-то работа. По жилам побежали сотни и тысячи крохотных газовых пузырьков, расширяясь и схлопываясь, щекоча каждую клеточку тела, прочищая каждый канальчик, лаская каждый нервный узел. И сопровождалась эта внутренняя возня такой возрастающей волной возбуждения, что Антон с трудом удержался от ликующего и радостного смеха.

Сколько длился этот процесс, вызвавший воодушевление и желание двигаться, куда-то бежать, что-то делать, Антон не знал. Показалось — очень долго. А вслед за тем Антон почувствовал, что буквально распадается на струи огня, растворяется в пространстве и космической бездне, пронизанной лучами мириад звезд!

Впрочем, это были не звезды. Один из лучиков такой звезды, лунно-призрачный, невесомый, ощутимо элек-трический, вонзился в голову Громова, и перед его глазами на несколько мгновений развернулась удивительная картина: сияющие золотые и серебряные купола гор, перла-

мутровое море, сеть красивых дорог, странные экипажи и существа в них, замок на одной из плоских вершин ближайшей горы, описать который земным языком вряд ли представлялось возможным.

Ворота замка раскрылись, из них вышла женщина неzemной красоты в сияющих эфирных одеждах, похожая на Валерию и на маму Антона, протянула к нему руки. Он слепо шагнул вперед, завороженный красотой незнакомки, но в голове вдруг прошелестел чей-то слабый голосок: не жить... морок... — и тотчас же красавица превратилась в чудовищную тварь, помесь богомола и крокодила. Антон отшатнулся. Чья-то рука поддержала его. Видение пропало.

— Это было лишнее, — проворчал кто-то рядом. — Не давай воли своим фантазиям. Идем.

Антон послушно зашагал в темноту, ничего не видя, поддерживаемый сильной рукой Георгия. И увидел обыкновенный земной пейзаж: поляну, лес, дорожки, дольмен. На него с любопытством и тревогой смотрели друзья.

— Поздравляю, — сказал Иннокентий. — Нашего колдовского полку прибыло.

— Он выдержал, — усмехнулся Георгий. — Хотя последняя минута была лишней. Что ты видел?

— Замок... — пробормотал Антон. — Женщину... она превратилась в чудовище...

Волхв и Витязь переглянулись.

— Первый морок?

— Он не испугался.

— Может быть, не успел?

Оба посмотрели на Громова.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально... кровь кипит... как после бани...

— Это хорошо, — кивнул Иннокентий. — Ты дошел до ступени д е р з е н я, где соединяются намерения и возможности изменить самого себя, восстановить утраченную боегодолестность. Как говорят в таких случаях, только готовый допустить — может! Ты допустил возможность увидеть, это уже немало. Посиди немного. Следующий.

Антона усадили рядом с Ильей.

В дольмен повели Данилу.

— Как ощущения? — тихо поинтересовался Пашин.
Антон слабо улыбнулся.

— Помнишь гриновские «Алые паруса»? Там капитан Грэй дал матросу Летике попробовать вина и спросил, что он чувствует. Знаешь, что ответил Летика?

— Что?

— Улей и сад! Вот примерно и у меня то же самое в крови: улей и сад! А у тебя?

— Я летал.

— Куда?!

— Не куда, а где. Я летал над Солнцем и видел на нем ад!

— Ну да, на Солнце все кипит, плазма, протуберанцы...

— Это был настоящий ад, почти как у Данте.

Антон оценивающе посмотрел на безмятежное лицо друга:

— С тобой все в порядке?

Илья остался абсолютно спокойным.

— Не волнуйся, я не сошел с ума. Но теперь я знаю, что такое ад. И даже могу его описать.

— Расскажи.

— Потом как-нибудь, для этого нужно другое настроение. А кровь кипит и у меня. Странное ощущение, приятное. Значит, процесс очищения организма запущен правильно, и наши возможности должны выйти на другой уровень.

— Что ты имеешь в виду?

— Иннокентий сказал же: нашего колдовского полку прибыло.

— Ну?

— Не тормози, ты теперь личинка мага. Когда-нибудь и ты научишься делать то же, что Витязи и волхвы. Во всяком случае, наверняка овладеешь многими сиддхами.

Антон недоверчиво заглянул в глаза Ильи. Но тот явно не шутил.

— Сиддхи...

— Паранормальные способности.

— И я смогу летать?

— Ты сможешь решать любую поставленную перед самим собой задачу, — сказал незаметно приблизившийся Иннокентий. — Но — только когда это абсолютно необходимо и только для достижения благой цели. Баловаться с экстрасенсорикой нельзя.

— Я не собираюсь... баловаться.

— У тебя хороший паранормальный запас. После обряда очищения ты сможешь реализовать его полностью. Прислушивайся к себе, организм сам подскажет, что и как делать.

— Попробую.

— Попробуй.

Из дольмена Георгий вывел пошатывающегося, бледного, но спокойного Данилу.

— Вот наша основная надежда, — кивнул на него волхв задумчиво.

— Да, он сильный парень.

— Я имею в виду его поколение. Он и его сверстники более подготовлены к будущему, чем мы. Их надо только воспитывать, учить и направлять. И они изменят человечество.

— Если раньше его не изменит Морок, — буркнул Антон.

— А мы для чего? — оглянулся на него Георгий.

— Я понимаю. И все же слишком многое этот дьявол уже успел сделать.

Антон встал, подошел к Даниле.

— Ты в порядке?

Ломов-младший посмотрел на него заторможенно, поглощенный внутренним переживанием, улыбнулся.

— Да, все хорошо.

— В ментал ходил?

— Не знаю... — Данила провел рукой по лицу. — Я летал... там были звезды...

— Значит, и тебе доступен выход в ментал. Здорово, правда? Я никогда не испытывал такого удовольствия, даже когда прыгал с парашютом. Да и вообще ощущения — выс-

ший класс! Не зря наши предки использовали дольмены для настройки сознания.

— Не только для настройки, — качнул головой Иннокентий. — Дольмен — это и обсерватория, и храм, и катализатор индивидуального развития человека, и энергоинформационный ретранслятор, и корректор жизненных процессов. Недаром уже в наше время женщины специально проводят ночи напролет у мегалитов, чтобы излечиться от бесплодия или вымолить себе счастливый брак.

— И как, помогает?

— Есть статистика: в шестидесяти семи процентах случаев искренние мольбы помогают.

Из дольмена вышел Максим Бусов, поддерживаемый Георгием. Певец был в трансе и ни на что не реагировал. Взгляд его был устремлен в дальние дали, хотя, что он там видел, было неизвестно.

— Макс! — окликнул его Данила. — Как ты?

Георгий кивнул, отвечая на взгляд Иннокентия.

— Он взял много, но я не уверен, что ему это необходимо.

Волхв подошел к парню, легонько коснулся пальцем лба. Между пальцем и кожей проскочила розовая искорка. Максим вздрогнул, очнулся, глаза его наполнились жизнью.

— Где я?

— Все в порядке, — мягким басом пророкотал волхв, — ты с нами. Сейчас всем водные процедуры, потом ужин. Потом...

Внезапно словно порыв ветра пронесся по поляне, заставляя всех оглянуться, хотя никакого ветра не было.

— Т е м н о з о р! — нахмурился Иннокентий. — Проверь защиту.

Георгий взялся за мобильник.

— Платон, что там у вас?

— С шоссе к нам сворачивает колонна тачек с мигалками, штук десять! — донесся ответ. — По всей видимости — ОМОН.

— Понял. — Георгий повернулся к спутникам. — Тревога! К нам гости.

— Кто? — раздул ноздри Илья.

— Милиция, ОМОН.

— Наш друг Черный Вей решил упредить наш замах? — проговорил Антон. — Откуда он знает, что мы здесь?

— Вся милиция страны в его распоряжении. Надо уходить.

— Но здесь Валера, дети... Владислава...

— Их сейчас сюда приведут.

— Может, дадим отпор этой своре?

— Нет смысла воевать с теми, кто просто получил приказ задержать сбежавших преступников. Они уверены, что выполняют нужную работу. Другое дело — тот, кто их навел.

— Среди милиции есть один из ч е р н ы х, — озабоченно произнес Иннокентий. — Я егочу.

Издалека прилетели шум приближающихся машин, гудки, визг тормозов, крики, команды, плач детей. Спецназ начал разворачивать свои порядки и окружать Сундаковку.

Антон скрипнул зубами, взглядом спрашивая Илью, что делать.

Но в это время на поляну выбежали Владислава, Валерия с дочерьми и два молодых парня. Антон бросился к же-не, обнял девочек, оглянулся.

— Чего стоим? Они сейчас будут здесь!

— Не будут, — качнул головой Георгий. — Пойдемте, я вас провожу.

— Что случилось?! — прошептала Валерия. — Снова бандиты?

— Хуже, — мрачно ответил Антон.

Георгий посмотрел на Иннокентия.

— Отход по первому варианту?

— По второму. Ч е р н ы й не даст нам шансов, его надо нейтрализовать. Уходите! Я присоединюсь к вам позже.

— Платон подстрахует.

— Езжайте в Куркино, ко мне на квартиру.

Георгий махнул рукой, приглашая всех следовать за ним, направился в обход дольмена. Посуровевшие мужчины и растерянные женщины тесной группой вошли в лес.

Глава 27**ЭКОФЛЭТ**

Микрорайон 2А в Куркине был застроен «квартирными комплексами с экологическим уклоном» еще в две тысячи семьемом — две тысячи восьмом годах и стал прообразом ландшафтного подхода к жилищному строительству для остальных районов столицы, шагнувших за кольцевую автодорогу.

Вообще Куркино считается самым малонаселенным районом Москвы, так как на его территории в восемьсот гектаров проживают всего пятьдесят пять тысяч человек. Несмотря на соблазн увеличить количество строек и квадратных метров, город не отказался от попытки обустроить в огромном мегаполисе место, где можно жить в единении с природой. Так возник первый экофлэт — оазис экологического жилья, в дома которого благодаря продуманному расположению корпусов и варьированию высоты зданий проникает гораздо больше света и гораздо меньше шума. А под окнами домов впервые были высажены канадская пихта, интенсивно поглощающая углекислый газ и автомобильные выхлопы, и сибирский клен. Квартиры же в домах планировались таким образом, чтобы во всех были просторные холлы, подсобные помещения и лоджии с панорамным видом, выходящие на реку Сходню.

В одной из таких трехкомнатных квартир общей площадью около ста квадратных метров жил потворник Общины северной Традиции волхв Иннокентий.

Гости не знали, один ли он живет, есть ли у него семья, но, судя по «инфраструктуре» ванных комнат, к их убранству имела отношение женщина. Однако спрашивать о семейном положении хозяина не отважился никто, а Георгий разговор об этом не поднимал.

Из Сундаковки они выбрались легко: прошли два километра по лесу, сели в самую обычную маршрутку-«Газель» с номером «28» на лобовом стекле, ожидавшую их на дороге, и через полтора часа приехали в Куркино.

Иннокентий, как и обещал, присоединился к гостям

позже, когда они уже высаживались из маршрутки во дворе очень красивого современного дома с уступами разной высоты. Он провел их домой, показал расположение комнат и уединился на несколько минут с Георгием на кухне. Затем незаметно исчез.

Георгий вышел в гостиную, где расположились гости, и там наступила тишина. Сидящие на диване женщины, стоящие у окна мужчины и даже девочки Валерии притихли, ожидая, что скажет Витязь.

Георгий улыбнулся.

— Чего приуныли, громадяне? Жизнь продолжается, мы живы и здоровы, наша сила растет, община развивается. Все идет нормально.

— Нас гоняют, как зайцев по всем буеракам, и это нормально? — проворчал Антон.

Витязь не обиделся, погасил улыбку.

— Мы представляем колоссальную угрозу для слуг Морока, и они, естественно, не оставят нас в покое. Однако и мы не так слабы, как кажется. Знаете, что произошло в Сундаковке после вашего отъезда?

Гости скрестили на Георгия взгляды. Он снова улыбнулся.

— Внезапно на омоновцев налетела туча ос, пчел, шмелей и комаров. Через пять минут им пришлось убраться с территории Кремля.

Лица мужчин разгладились, женщины заговорили; слова Витязя разрядили обстановку.

— Значит, мы тоже можем договариваться с насекомыми? — сказал повеселевший Антон.

— Не только с насекомыми. Мы могли привлечь на свою сторону еще и птиц и зверей, но хватило и насекомых.

— А как же колдун? Иннокентий говорил, что с ОМОНом приехал черный.

— Это был не Хрисант, с ним пришлось бы повозиться, но Балабонов спустил на нас одного из своих магов-телохранов, помните бритоголового? — Георгий посмотрел на Максима и Данилу. — Однако силы этого парня не позволяют ему сражаться с нашими радетелями на равных. Гораздо

опаснее другой помощник Черного Вея — майор Дехкоев. Балабонов сделал из него навьего воина, и он ничего не боится, даже смерти. А колдовство на него не действует.

— Почему?

— Потому что он уже мертв, — тихо сказал Илья.

— Так точно, — кивнул Георгий. — Но не будем о грустном. Устраивайтесь пока, отдохните, ужинайте, все необходимое найдете на кухне. Вечером обговорим наши планы. Да, напоминаю: ни в коем случае не выходите из дома. По Куркину рыщут милицейские патрули и, что еще хуже, черные монахи. Не стоит попадаться им на глаза.

— Как им удалось выследить нас? — помрачнел Антон.

— БАЗа, — тихо сказал Илья.

Все посмотрели на него. Владислава встала, подошла к мужу, с тревогой заглянула в глаза, попыталась погладить по щеке.

— Что с тобой, Пашин?

— Ничего, все в порядке, — отвел руку жены Илья.

— Ему нужен допинг, — изрек Антон. — В этом доме найдется бутылочка коньяку?

Валерия оторвалась от детей, подняла голову.

Антон виновато посмотрел на нее.

— Я пошугнул.

Георгий усмехнулся, вышел.

— Чем будем заниматься? — торопливо добавил Антон.

— Спать! — объявили Максим и Данила в один голос и озадаченно посмотрели друг на друга.

Все засмеялись.

— Что ж, давайте расходиться по апартаментам. Катя, Даша, за мной!

Девочки с удовольствием высвободились из руки матери, побежали за отцом умываться.

Владислава взяла мужа за руку, повела в спальню.

— Ты тоже спиши на ходу. Что с вами сделали там, на поляне?

— Имплантировали совесть, — пошутил Антон, оглянувшись.

Максим и Данила остались вдвоем.

— Я действительно спать хочу, — сказал Максим. — Такое впечатление, будто на мне воду возили.

— Аналогичное впечатление и у меня, — признался Данила. — Но я все же спать не пойду, порисую. Надо закончить последнюю руну. А ты лучше спой что-нибудь веселое.

Максим засмеялся.

— Ну, если я петь начну, весь дом проснется. Это у тебя работа тихая — сиди и води рукой по бумаге. Я с тобой посижу, если не помешаю.

— Без проблем. — Данила начал разворачивать свои холсты.

До позднего вечера Данила вырезал на дощечке руну, поглядывая на карандашный эскиз. Получалась интересная фигура, слегка напоминающая две соединенные основаниями куклы-матрешки. Максим наблюдал за работой художника, затаив дыхание, буквально медитируя от процесса, и даже подходившие к ним время от времени Громов и Пашин тоже подолгу разглядывали руну. Наконец, к двенадцати часам ночи руна была закончена. И, словно дождавшись этого момента, в квартире появились гости. Точнее, Иннокентий и Георгий привели человека, при виде которого мужчины оживились и заулыбались.

— Терентий! — сказал Илья, пожимая руку гостя.

— Тереха! — облапил его Антон. — Рад тебя видеть! Ты совсем не изменился.

— Я тоже рад вас видеть, — ответил Терентий Ратников, три года назад принимавший участие в схватке с бесовскими силами. — Привет, заговорщики! Ну-ка, колитесь, что вы тут задумали!

Вышли из своих комнат и женщины, обрадованные встречей не меньше мужей. Начались расспросы, воспоминания, Ратникова познакомили с Максимом, и он с удивлением взгляделся в смущенного Данилу.

— Ба, да это же младший Ломов! Ну и вымахал, однако! Встретил бы на улице, не узнал!

Внезапно одна из ламп бра на стене мигнула и покернела.

В комнате стало тихо.

— Черт побери! — с расстановкой сказал Антон. — Неужели и здесь работает эта чертова БАЗа?

В гостиной появился Иннокентий, поманил пальцем Георгия, они вышли в прихожую.

— Такие вот пироги, — развел руками Громов. — Никуда от этого не деться. Ищут нас слуги Морока, землю роют, из-под копыт искры летят. Тебе объяснили, ради чего мы тут собрались?

— Объяснили, — вздохнул Ратников. — Была бы моя воля, я бы отказался, да не могу. Я сейчас, к сожалению, не командую оперативниками, сижу в аналитическом отделе, а то бросил бы на храм своих парней.

— Где они сейчас?

— Кто где. Вадик перешел в антитеррор, Славик нынче подполковник, работает в разведке, растет над собой. Встречаемся изредка, горькую попиваем. Ну, а вы как? Где работаете, обитаете?

Антон отвел глаза.

— По-разному... Я на рынке успел поработать... пока не началась эта заваруха. Илья — в охране банка.

Терентий не заметил изменения в настроении бывшего соратника, кивнул, мрачнея.

— Жили бы как люди, не подними голову Черный Вей. Даже представить не мог, что он выберет для внедрения тепло замминистра МВД. Кстати, а почему эти сволочи перенесли Лик Беса именно в храм Спасителя? Это же риск.

— Никакого риска, — появился в гостиной Георгий. — Это лишь кажется, что культ Морока и культ Христа — разные религии. Христианский бог во многом напоминает своего Господина, только раскаявшегося, перешедшего якобы на службу Вышнему. Он и учение свое предлагает не всем, а только падшим, ведущее к их дальнейшему падению.

Ратников с любопытством посмотрел на суровое лицо Витязя.

— Ох, друг мой Георгий, предадут тебя анафеме церковники! Не боишься?

— Волков бояться — в лес неходить, — остался спокойным глава службы безопасности. — Меня хранят другие боги, славные, сильные и добрые. Христу до них далеко, как и Мороку.

— И все же я не понимаю, почему восстановленный Лик Беса был перенесен в Москву, да еще в храм Спасителя. Нежели слуги Морока надеялись, что мы никогда не догадаемся об этом?

— Они правильно рассчитали. Мы искали Врата везде, только не в Москве, потратили уйму времени, поэтому и спешим сейчас. А расчет Черного Вея был психологически безупречен. Храм Спасителя был возведен на месте Алексеевского монастыря. Но задолго до монастыря здесь стоял языческий храм Велеса. А вы должны знать, что все наши капища, куды и храмы возводились в местах выхода светлых теллурических энергий. После крещения Руси огнем и мечом эти храмы разрушили, а на их местах стали возводить христианские церкви, монастыри и храмы, чтобы через них отсасывать энергию прихожан и силу Земли в мир Чернобога. Вот мы и не смогли запеленговать Врата, скрытые одновременно за завесой светлых излучений и черного колдовства.

— Значит, колдуны Морока сильней наших волхвов? — задал вдруг вопрос Максим.

Губы Георгия изобразили беглую улыбку.

— Все зависит от уровня реализации сил и возможностей. Кстати, запомните на всю оставшуюся жизнь: Янь и Навь противостоят друг другу примерно так же, как Статичность и Динамика, однако победа одной Сути над другой невозможна принципиально! Победа «белой» Силы так же негативна, как и победа «черной». И Абсолютный Хаос, и Абсолютный Порядок приведут к исчезновению Вселенной в целом! Любое созидание что-то разрушает, и оба этих процесса взаимоувязаны. Вот почему нельзя допустить преобладания процесса деструктуризации, запущенного Мороком на Земле. Это гибельно не только для Руси-России, это гибельно для цивилизации, для всего сущего.

Георгий умолк.

Никто не пошевелился, никто не задал вопроса. Все сидели молча и думали. Слова Витязя запали в душу каждого, над ними надо было размышлять без лишней суеты и шума.

Георгий подошел к голой на вид стене гостиной, окле-

енной красивыми серебристыми обоями с выпуклым тиснением, сунул в нее руку... и со звуком пробки, извлечаемой из бутылки с вином, вытащил из стены бутылку минеральной воды.

Начавшие было переговариваться женщины замолчали.

— Холодная, — сказал Георгий, показав бутылку. — Кому налить?

— Однако, поручик, — покачал головой Антон, — тот ли вы, за кого себя выдаете? Может быть, вы на самом деле колдун из сказки?

— Я еще только учусь, — невозмутимо ответил Георгий. — До Иннокентия-потворника мне далеко. Что касается сказок, то здесь есть о чем поговорить. Вы хорошо помните старые русские сказки про Иванушку-дурячка и про Емелю?

— Помним, конечно, а что?

— Это не просто сказки, это закодированные сообщения о достижении людьми особых состояний. А начинали герои сказок так же, как и вы, с чистого листа, разве что цели ставили другие.

— Значит, по-твоему, мы сказочные персонажи?

— Возможно, станете ими когда-нибудь, когда о вас станут слагать легенды.

— Что-то я не врубаюсь...

— Каждому идущему по пути самореализации надо взять под контроль свою несовершенную биологическую природу. Только после этого он становится Иванушкой-дурячком или Емелей: лежит на печи, ничего с виду не делает, лениво командует окружающими, ест и пьет. На самом же деле он обрел способность *п р я м о* манипулировать Пространством, Временем и Энергией, что и является, по сути, высшей магией. Практически никто и ничто не может на нести ему вред или вывести из равновесия, вот он и занимается сакральными практиками «ничегонеделания» — работает с техниками осознания действительности, становится мастером материализации *с л о в а*. Между прочим, вот ему, — Георгий кивнул на увлеченного беседой Максима, — сделать это будет легче, чем вам.

— Почему? — ревниво спросил Антон.

— Потому что он быстро учится петь ритмы жизни всем телом. Вам не приходилось чувствовать движение звука в теле? Нет? Очень интересное чувство! Более высокие звуки «находятся» в верхних частях тела, более низкие «опускаются» к ногам. К примеру, различные гласные или звонкие согласные локализуются в совершенно разных органах: «а-а-а» вибрирует в груди, «о-о-о» — в горле, «м-м-м» — в голове. Попробуйте.

— М-м-м-м, — промычал Антон.

— Ну, как?

— Зубы заныли...

Все засмеялись.

— У него голова начинается от горла и кончается носом, — пошутила Валерия.

— А есть еще лады — минор, мажор и другие, — добавил Георгий. — Максим, заставь их плакать.

Бусов смутился, потом все-таки сосредоточился и пропел глубоким бархатным баритоном:

— Со-о-о-л-ль...

И Антон с удивлением почувствовал, как к горлу подступили слезы.

— Ух ты! Волшебство прямо-таки!

— Вот я и говорю, что ему стать «мастером живого слова» легче. Нам же придется, как тому Иванушке из сказок, «пойти туда, не знаю куда, найти то, не знаю что». Кстати, что, по вашему мнению?

Мужчины переглянулись.

— Замок Морока? — робко предположил Данила.

— Свою смерть, — усмехнулся Георгий. — Найти и преодолеть, овладев духовной информацией сверхсознания. Что является в сказках целью для Иванушки? Найти и соединиться с Василисой Премудрой. А как это расшифровывается?

— Цель поисков — достичь мудрости, — негромко сказал Илья, — высот знания.

— Правильно мыслишь, заступник, — с удовлетворением кивнул Георгий.

— Ему легче, — проворчал Ратников. — Он уже нашел свою Василису Премудрую.

Все посмотрели на Владиславу. Та смущенно спряталась за спину мужа.

— Благодарю за комплимент.

— Можно подумать, у тебя нет такой Василисы, — сказал Антон. — Небось Ирина от себя ни на шаг не отпускает?

— Рожать Ирина собралась, — сконфузился Ратников.

— Да ну? Так это ж здорово! Витязя родит!

— Девочку обещают...

— Тоже неплохо — берегиню вырастишь.

— Давайте о деле, — прервал их Георгий. — Экипировку для похода привезут утром. Мы же сейчас обсудим траекторию движения к храму. Кто-нибудь из вас бывал в храме Спасителя?

— Я была, — как школьница, подняла руку Владислава.

Илья, прищурясь, посмотрел на нее, но ничего не сказал.

— Тогда придется прочитать вам небольшую лекцию. Площадь храма со всеми приделами составляет пятьдесят пять тысяч квадратных метров. О самих надземных сооружениях говорить не буду, они нам не понадобятся. Пойдем вниз. Храм имеет под землей четыре уровня. Самый верхний — парковка на триста автомашин, автомойка и автосервис. Второй уровень — подсобные помещения и кельи монахов, обслуживающих весь комплекс. Третий — фундамент бывшего Алексеевского монастыря с пустотами, и четвертый уровень — тайные бункера, в одном из которых скорее всего и хранится Лик Беса. Мы же должны подойти к нему снизу, через систему гиперборейских тоннелей. Вот их схема.

Георгий развернул на столе рулон бумаги, и шесть мужских голов склонились над ней.

* * *

Бабушка Милолика понравилась детям, и Валерия успокоилась, поверив, что с ними в ее отсутствие ничего не случится.

Отряд под командованием Витязя собрался в квартире Иннокентия вечером тринадцатого июля. Всего в него вошли пятнадцать человек, четверо из которых должны были сопровождать группу и расчищать путь до храма Христа под землей. По сути, эти четверо (плюс двое помощников Георгия) представляли спецназ Ведической службы безопасности и владели всеми воинскими навыками.

Разобрали спецкостюмы, легко подгоняемые под рост и комплекцию человека в пределах от сорок восьмого до пятьдесят четвертого размера. В принципе это были даже не костюмы, а комплексы всепогодного индивидуального снаряжения, изготовленные в России с помощью новейших военных технологий «Стелс» для гражданских лиц. А точнее — для жителей Крайнего Севера, нефтяников, лесорубов и горняков. Удобны они были и для туристов. Костюмы назывались «мистери», а изготавливались они из особой трехслойной ткани, верхний слой которой поляризовал и преломлял световые лучи таким образом, что силуэт человека в таком костюме становился расплывчатым, туманно-зыбким, и разглядеть его в лесу или на фоне городских зданий было затруднительно. Игра света и теней на поверхности костюма вводила в заблуждение даже датчики приборов ночного видения, по словам Георгия, а особое расположение швов внутреннего его слоя предотвращало натирание кожи под лямками рюкзака.

Таким же суперсовременным был и сам рюкзак, имеющий свое название — «мул».

В комплект входили, кроме того, солнцезащитные небьющиеся очки, перчатки с креплением для рации (или мобильного телефона), сама рация и аптечка.

— Ну, как? — спросил Георгий, когда все натянули на себя «новую кожу».

— Фантастика! — показал большой палец Антон. — Нигде ничего не жмет, не трет, не стесняет движений! Я в свое время много поносил всяких комбезов, но этот лучше всех!

— Женщин мы подразгрузим, снаряжение и оружие понесут только мужчины, но сухпай придется нести всем.

— Чего нести? — не понял Максим.

— Сухой паек, — пояснил Антон. — Вода, концентраты, тоники, миостимуляторы.

Георгий оглядел свою команду, заполнившую чуть ли не всю квартиру Иннокентия. Он тоже надел «мистери» и ничем не выделялся из общего строя. Лишь Иннокентий, пойвившийся позже всех, не стал надевать спецкостюм. На нем была старая армейская плащ-накидка, скрывающая фигуру, из-под полы которой виднелись только кожаные с виду мягкие сапоги.

— Всем понятна задача?

В гостиной стало тихо.

Георгий еще раз внимательно посмотрел на каждого.

— Еще не поздно отказаться от мероприятия. Тому, кто сомневается в успехе экспедиции, в отряде делать нечего.

И на этот раз никто не проронил ни слова.

— Что ж, будем считать, сомневающихся тут нет. До храма нас доведут проводники, после чего наступит наш черед действовать. Данила, хорошо уложил Володарь?

— Старался! — Молодой художник дотронулся до рюкзака.

— Повторный инструктаж кому-нибудь нужен?

— Нет, — коротко ответил Илья за всех.

— Женщины?

Валерия и Владислава, похожие в одинаковых костюмах, как сестры, покачали головами.

— Не надо...

Георгий сжал локоть Валерии, прячущей глаза.

— Не волнуйся за детей, они под надежной защитой.

— Я знаю... и все равно тревожусь, — призналась жена Антона. — Не обращайте на меня внимания.

— Тогда вперед, други. Во дворе ждут машины. Рассаживаемся свободно, группу будут сопровождать наши люди.

Все гурьбой спустились во двор экофлэта, где жил Иннокентий, не встретив ни одного человека. То ли им так везло, то ли волхв применил какое-то волшебство, отбившее у жителей соседних квартир охоту куда-либо выходить.

Расселись по маршруткам с разными номерами. Тронулись в путь. На улице вдруг показалась машина ДПС с ми-

галками, так что у многих екнуло сердце. Но это была машина сопровождения, принадлежащая службе Георгия, которая и возглавила колонну.

В одиннадцать часов вечера кортеж без происшествий добрался до какой-то недавно начавшейся стройки в районе Китай-города, где и высадился десант. Свет на территории стройки не горел, никто стройку с виду не охранял, но стоило группе выгрузиться из машин, как откуда-то вынырнул молодой парень в камуфляже и без слов повел прибывших за собой.

Спустились в подвал, оказавшийся выходом вентиляционной шахты метро. Проводник снял со стены коллектора квадрат сетки, заглянул в шахту, отступил в сторону.

Георгий тоже заглянул в нее и стал спускаться по скобам бетонного короба, из которого в подвал проникал спертый теплый воздух, несший запахи гудрона, рувероида, пропитанных смолой шпал, нагретого металла, изоляции и другие, не менее «аппетитные».

За Георгием пошли его оперативники, потом Максим, Данила, Илья, женщины и Антон. Последним в шахту спустился Иннокентий, проявивший, несмотря на возраст, хорошую сноровку и физическую подготовку.

Спускались недолго, минут двадцать, пока не оказались в коллекторе, из которого через металлическую дверь вышли в низкий технологический тоннель. Здесь было совсем жарко, не помогал даже постоянный и плотный ток воздуха. Прошли метров сто, свернули налево, уперлись в тупик. Проводник легко поднял крышку люка, снова отступил в сторону. Отряд начал спускаться по скобам колодца, достаточно широкого, чтобы в нем не застряли мужчины с рюкзаками.

На этот раз спуск длился всего пять минут, и отряд оказался в тоннеле метро, освещенном фонарями на стенах.

— Устали? — спросил Георгий, обращаясь больше к женщинам, нежели к мужчинам.

— Долго еще? — поинтересовался вспотевший Максим. Он не устал, но к таким специфическим упражнениям не привык.

— Два километра по прямой. — Георгий подумал и добавил: — Но прямых путей тут нет.

В тоннеле родился слабый шум, стук колес, начал приближаться. Все с беспокойством посмотрели на Витязя, но тот остался невозмутим. Подкатила дрезина с низкой платформой, управляемая парнем в оранжевой робе работника метро. Георгий влез на платформу, подавая пример. Остальные последовали за ним.

Дрезина устремилась в глубину тоннеля, свернула на параллельную нитку рельсов, переждала за рядом колонн электропоезд и помчалась за ним. Но до станции не доехала, свернула еще раз и остановилась в каком-то подземном каземате, представлявшем, очевидно, бункер для технического обслуживания метропоездов. Здесь на высоких бордюрах вдоль стен стояли какие-то механизмы, громоздились штабеля ящиков, бочек, по стенам вились пучки кабелей, трубы, а под куполом располагалась балка передвижного крана.

И ни одного человека. Служба наведения на цель, подчиненная Георгию, знала свое дело.

Прошлись вдоль рельсов, свернули в арку, переходящую в канализационную трубу. Запахи здесь витали соответственные, впору было надевать противогазы. Дошли до тупика и снова полезли в колодец, уже не такой просторный, как первый. Колодец привел их в новый коллектор, где с трудом могли уместиться всего пять-шесть человек. Поэтому движение продолжали небольшими группами, по трое-четверо.

В дне коллектора открылась дыра, пробитая то ли направленным взрывом (попахивало порохом), то ли перфораторами, и через эту дыру была видна какая-то пустота, освещенная розоватым люминесцентом, подвешенным на ремне прямо под дырой.

— Это самый верхний уровень древней системы подземных ходов, — сказал Георгий дребезжащим от мелкого эха голосом. — Если бы не поиск Врат, мы бы так и не узнали, что система существует до сих пор. Будьте предельно осторожны. Теперь вперед пойдем мы с Иннокентием. Почуете

что-нибудь необычное — не молчите, здесь все может быть заминировано.

— Ясно, — кивнул Антон.

Георгий шагнул в дыру, исчез. За ним спрыгнул вниз Иннокентий. Из дыры не донеслось ни одного звука, будто люди упали в бездну.

— А у нас есть миноискатели? — тихо спросил Максим, пытаясь бодриться.

— Речь идет о магических «минах», — так же тихо ответил ему Данила. — Это такие ловушки с заклятиями.

— Как же мы тут пройдем?

— Не бойся, твой учитель пения умеет ловушки не хуже любого миноискателя, — похлопал певца по плечу Антон, сам ощущая внутреннюю неуверенность.

В дыру спрыгнул боец из свиты Георгия, за ним другой. На этот раз их прыжки породили глухие стуки, что означало реальное присутствие дна у дыры.

Пошли вниз и остальные. Илья и Антон помогли спуститься своим женам, Максим с Данилой справились самостоятельно.

Тоннель, сеть которых была создана гипербoreйцами десятки тысяч лет назад для каких-то необъяснимых целей, представлял собой идеальный коридор трапециевидной — в сечении — формы. Нижнее основание трапеции имело длину два с лишним десятка метров, верхнее — около десяти, высота же достигала не менее шести-семи метров, так что здесь свободно могла бы проехать колонна «Тополей-М». Чем, каким инструментом был проделан этот тоннель в горных породах Среднерусской возвышенности, понять было трудно. Стены и потолок тоннеля не имели следов явной механической обработки, да и иной другой — лазерной или плазменной, так как не были ни оплавлены, ни заштрихованы фрезами горнорудных комбайнов. Казалось, порода в этом месте на протяжении всего коридора просто испарилась, оставив его стены в естественном виде, местами гладкие, местами шероховатые, но удивительно ровные и прямые. Лишь пол тоннеля почему-то выглядел так, будто в момент его прокладки он был покрыт слоем грязи, потом по

нему проскакал табун лошадей, грязь впоследствии застыла, окаменела, а следы копыт так и остались, будоража воображение у потомков строителей.

Подсвечивая фонарями под ноги, чтобы не споткнуться, отряд осторожно двинулся в глухую темноту тоннеля.

Георгий, Иннокентий и четверка проводников шли впереди основной группы, метрах в пятидесяти, изредка останавливаясь. Тогда замирали и остальные, напрягая слух и зрение. Однако ни один звук не долетал сюда из глубин гигантского коридора, и ни одна искра света не рассеивала тьму впереди и сзади.

В таком темпе прошли около километра, истратив на движение около часа.

— Долго еще? — прошептала Владислава, шагавшая рядом с мужем.

— Скоро приDEM, — отозвался Илья, чувствуя, как по спине поползли ледяные мураски.

И тотчас же впереди, буквально в метре от авангардной группы, просияла самая настоящая паучья паутина!

Она тут же погасла, но всем стало казаться, что на них со всех сторон смотрят сотни и тысячи паучьих глаз.

— Началось! — стиснул зубы Антон.

— Что это?! — едва слышно проговорила Валерия.

— Очевидно, первая колдовская «мина».

— Она... не взорвется?

— Похоже, Иннокентий обезвредил ее, поэтому она и стала видна.

Постояли немного, выключив фонари.

Впереди то и дело по стенам тоннеля пробегали паутины синего свечения, но больше ничего не происходило.

Георгий включил фонарь, посигналил. Отряд двинулся дальше. Прошагали сто метров, двести, триста...

Внезапно под ногами десантников родился скрежещущий стон, будто в глубинах земли кто-то гнул металлические трубы, и сразу же по стенам тоннеля метнулись ручьи фиолетово-синего пламени, образуя все ту же паучью паутину. Мышцы рук и ног идущих свела судорога, словно они попали под электрический разряд.

Тихо вскрикнула Владислава. Валерия вцепилась в руку мужа. Антон выругался сквозь зубы.

Однако Иннокентий поднял над головой какой-то предмет, испустивший веер золотых лучей, и световая паутина погасла. Лишь вдали еще какое-то время бегали по стенам и потолку электрические всполохи, но и они вскоре пропали.

К замершей группе Пашина подошел Георгий.

— Мы уже близко. Не расслабляйтесь.

— Что это было? — спросил Максим.

— Наведа злы дня. Особое заклинание, не пропускающее людей к накрытому магией объекту.

— Как Иннокентию удалось справиться с ним? — поинтересовался Антон. — У него есть оберег?

— Нечто вроде этого. Шри Янтра.

— А нас не засекут по реакции заклинания? — робко спросила Владислава.

— Может быть, и засекут. Наши люди в это время наверху отвлекают охрану храма, это предусмотрено планом. Однако поторопимся.

Обе группы соединились и устремились вперед вместе. Но шли недолго. Иннокентий, по-прежнему шагавший впереди, поднял руку, призывая отряд остановиться.

— Пришли!

Лучи фонарей осветили стены и потолок тоннеля, не обнаружив ничего похожего на двери, люки или хотя бы ниши и трещины.

— Ничего не видно...

— Мы и в самом деле у цели?

— Храм Спасителя над нами, — сказал волхв уверенно.

— А Лик Беса?

— Врата недалеко. По прямой — всего метрах в тридцати.

— Через горные породы?

— Над нами пустоты. Толщина потолка тоннеля в некоторых местах не превышает полутора метров.

— Как же мы раздолбаем эту перегородку?

— Взорвем, — сказал Георгий.

— Но взрыв услышит охрана...

— Поэтому придется действовать быстро. Отойдите назад, начинаем.

Георгий махнул рукой своим подчиненным, и парни в камуфляже начали снимать рюкзаки и доставать снаряжение.

Иннокентий покружила по тоннелю, разглядывая потолок в свете фонаря, ткнул пальцем вверх.

— Здесь!

Глава 28

ВРАТА АДА

Нельзя сказать, что охрана бункера, в котором находилась плита с Ликом Беса, прозевала момент нападения. Но она никак не ожидала, что десант противника будет столь нагло и внезапно высажен не сверху, как следовало ожидать, а снизу, из-под земли. Хотя у приданного ей в помощь молодого колдуна из свиты Черного Вея и появилось ощущение, что магическую защитную сеть подземелий храма кто-то пытается взломать. Однако поделиться своими сомнениями с господином он не успел.

Почти ровно в два часа ночи где-то в глубинах земли под храмом Спасителя раздался глухой взрыв.

Земля содрогнулась. Качнулись стены храма. Сотрясение вызвало печальный перезвон на стене иконостаса. Пронеснулись монахи, жившие при храме в своих крохотных кельях. Но поскольку «землетрясение» не повторилось, все успокоились. Кроме охраны, разумеется. Для нее как раз все только начиналось. А так как никто из сторожей-монахов и бойцов подразделения «Стикс» не ждал появления десанта снизу, из недр горы, на которой стояли и Кремль, и храм Спасителя, это позволило десантникам завладеть инициативой и быстро зачистить подвалы и бункера четвертого уровня комплекса, доступ к которому, по мысли его защитников, был практически невозможен.

Монахов, имеющих магические способности, было

двоем — бритоголовый молодец и старик бомжеватого вида. Ими сразу же занялся Иннокентий.

Охранников в черных беретах оказалось шестеро, все они были вооружены автоматами Калашникова десантного образца, пистолетами и гранатами, поэтому бой с ними длился дольше, пока бойцам Георгия не удалось загнать их в дальний конец подземелья и нейтрализовать с помощью дымовых шашек.

Иннокентий и сам Георгий в это время покончили с колдунами, охраняющими дверь в бункер, где хранился Лик Беса. Да, у них было свое оружие — трезубцы и посохи, плюющиеся сине-фиолетовыми молниями, но против волхва и Витязя они оказались бессильны.

Георгий, буквально исчезая в воздухе — так быстро он перемещался, достал в конце концов бритоголового молодца, а Иннокентий отразил выпад старика таким образом, что молния разряда, сорвавшаяся с посоха, вернулась обратно к владельцу магического «излучателя» и ужалила его в глаз.

После этого Иннокентий занялся «разминированием» колдовских заклятий, охраняющих вход в бункер, и это зрелище оказалось не менее впечатляющим, чем сражение белого и черного магов.

Все пространство подземелья с рядами колонн вдруг заполнилось сверкающим серебристым туманом, который собрался в летающие извилистые струи, и эти струи начали с визгом гоняться за людьми и жалить их, как змеи. К счастью, Иннокентию удалось сотворить нейтрализующее заклинание, дым рассеялся, хотя одна из туманных «змей» «кусила»-таки бойца в камуфляже. Он упал, парализованный. Но Иннокентий быстро привел его в чувство, и трагедии не произошло.

— Теперь ваша очередь, — отступил в сторону волхв, тяжело дыша.

Георгий дал команду, и его подчиненные сначала расстреляли телекамеры на колоннах, потом амбразуры с торчащими оттуда стволами пулеметов и последней — дверь в бункер.

Отряд ворвался в помещение, и лучи фонарей выхватили из темноты тумбу постамента с лежащей на ней плитой Врат, олицетворяющей вход в преисподнюю Морока, откуда он время от времени поднимался в мир Земли.

Один из бойцов авангарда с любопытством приблизился к постаменту, разглядывая странный объект. Георгий окликнул его, пытаясь остановить, но отреагировать на предупреждение парень не успел.

Выпуклое, источающее зеленовато-синеватое свечение изображение морды апокалиптического Зверя на плите Врат вдруг приобрело жизнь и объем, метнулось к бойцу текучей тающей струей, и он вспыхнул как свечка, загорелся, закричал, падая на пол и начиная кататься с боку на бок. Иннокентий подскочил к нему с кругляшом Янты, крикнул:

— Огнь, упади!

Ядовито-желтые и зеленоватые языки пламени погасли, но тело бойца продолжало дымиться, а потом на глазах обескураженных свидетелей драмы начало рассыпаться в пепел.

Владислава со слезами на глазах спрятала лицо на груди Ильи. Что-то прошептала Валерия. Мужчины молчали.

Георгий шагнул к постаменту с плитой, толкнул воздух ладонью, и невидимый тугой удар отбросил колеблющуюся зыбкую струю к плите, вогнал ее в прежние границы выпуклой морды Зверя. Георгий присел на корточки над продолжавшим дымиться телом бойца, точнее, над горкой пепла, повторяющей форму тела, проговорил глухо:

— Сашка... я же вас инструктировал...

— Время! — незнакомым «металлическим» голосом произнес Иннокентий. — Наверху началась тревога! Сейчас здесь будет «Стикс». И кое-что еще.

— Уходим, — поднялся на ноги Георгий. — Данила, раскладывай на плите свой крест.

— А он... этот гад... нас не сожжет? — неуверенно спросил Максим.

— Это была последняя «мина», — буркнул Илья. — Саша разрядил ее... ценой жизни.

— Начинай, — мягко подтолкнул Данилу к жуткой пли-те Иннокентий.

Художник очнулся, достал из рюкзака холщовый мешочек с дощечками рун. Было видно, что он не уверен в своих силах и побаивается морды Зверя, которую то и дело передергивали судороги. Впечатление складывалось такое, будто Зверь пытается освободиться от материальной тяжести плиты и хочет вырваться на волю.

Иннокентий помог Даниле собрать вертикальную перекладину креста-Володаря, взялся за составление второй, но в это время в бункер заглянул боец Георгия, что-то крикнул и повалился на пол бездыханным.

— Злыдни! — быстро сказал Георгий. — Возьми их на себя, мы отвлечем «черные береты»!

— Нам что делать? — остановил его Антон.

— Ждите, пока Данила откроет Врата.

Георгий, двое его бойцов и Иннокентий выскочили из бункера, оставив пробитую взрывом дверь приоткрытой. Стали слышны выстрелы — отдельно и очередями — и какие-то гулкие хлопки, от которых вздрагивали пол и стены помещения. Кто-то закричал.

Антон и Илья переглянулись.

— Надо помочь! — сказал Громов.

— Мы с вами! — заявила бледная от волнения Владислава.

— Вы останетесь! Позовете нас, когда Данила соберет Володарь.

— Я тоже пойду, — решительно сказал Ратников.

Мужчины оставили рюкзаки у тумбы, метнулись к двери бункера, исчезли в дыму.

Максим нерешительно посмотрел им вслед, топчась на месте.

— Мне надо с ними...

— Там нужны иные навыки, — остудила его порыв Валерия. — У тебя другая задача.

Бой продолжался еще какое-то время, постепенно затихая.

Данила, сосредоточенный на своем творении, перестал отвлекаться, начал составлять рунный крест быстрее.

Лик Зверя на плите Врат несколько раз содрогнулся, сбрасывая на пол дощечки, будто понимая, что сейчас произойдет, и пытался остановить людей. Наконец Данила закончил руновязь, выпрямился, держа в руке последнюю дощечку, с руной СВА.

— Готово!

Владислава подбежала к двери, осторожно высунула голову в пробитую зазубренную дыру.

— Илья!

Сквозь треск автоматных очередей прилетел странный звук, похожий на визг и хохот одновременно.

Владислава отшатнулась, беспомощно оглянулась на застывших Максима и Данилу.

— Не слышит...

Максим посмотрел на Данилу. Тот кивнул.

— Спой!

Певец подбежал к двери, высунулся, в дверь сыпанула струя пуль, он отскочил, меняясь в лице, но глянул на встревоженные лица женщин и, стиснув зубы, снова подступил к двери.

— О-о-до-о-ле-е-н-ны! — раздался его гулкий, с вибрирующими обертонами голос.

Звук птицей метнулся по залам подземелья, перебивая все остальные звуки, заставляя вибрировать сам воздух и порождая серии хлестких отголосков.

Стрельба стихла.

Затем в двери возник Георгий с пистолетом-пулеметом в руке.

— Готово, — указал на крест рун Максим.

Витязь кивнул, исчез, будто растворился в воздухе, но через две секунды появился снова. За ним в бункер вбежали Пашин с Громовым и двое парней, с которыми Витязь собирался идти в поход.

— Где Ратников? — оскалился Антон.

Георгий окинул помещение быстрым взглядом, метнулся назад. Тотчас же за дверью началась ожесточенная пальба.

Илья хотел было последовать за ним, но возникший на пороге Иннокентий остановил его:

— Уходите!

— Но Терентий...

— Он ранен. Придется идти без него.

— Гадство! — скрипнул зубами Антон. — Зачем совался?

В бункере появился Георгий, поддерживающий едва передвигающего ноги Ратникова. Терентий прижал к груди окровавленную руку.

— Зацепило вот, — криво улыбнулся полковник. — Подрастерял я кондиции на кабинетной работе.

— Его нельзя здесь оставлять, — буркнул Илья.

— Раненый, он далеко с вами не уйдет.

— Подлечим.

Из-за двери прилетел леденящий душу человеческий вопль. В дыру влетела световая спираль, ударила в постамент с плитой Врат, проделав в нем дымящийся шрам.

Волхв и Витязь переглянулись.

— Надо полагать, прибыли силы посеребренее.

— Черный Вей?

— Нет, скорее всего жрец Храма.

— Хрис! Я задержу его! — Георгий махнул рукой своим подчиненным, все четверо выскочили из помещения.

Ратников едва не упал, и его поддержал Антон.

— Куда тебя ранило?

— Выше ключицы... слава богу, легкое не задето!

— Давайте побыстрее, парни, он теряет силы!

Иннокентий подошел к постаменту с плитой, дотронулся до нее пальцем. Золотое пламя стекло с руки и с пальца на плиту, одевая ее в ореол золотых искр. Выпуклая кривляющаяся морда Зверя на Вратах вдруг стала втягиваться в плиту, уменьшаться, пока не стала просто изображением чудовища, прорисованным острым резцом на камне.

— Клади, — кивнул волхв.

Данила, сглотнув слюну, опустил последнюю дощечку руновязи в центр рукотворного креста. И тотчас же над плитой столбом стало призрачное розоватое сияние. Плита крякнула, будто на нее упала тяжелая металлическая болванка. Изображение морды Зверя исказилось, словно ему

стало больно. Раскрылась чудовищная клыкастая пасть, как бы собираясь проглотить деревянные дощечки рун.

Иннокентий снял с шеи шнурок с плоским металлическим кругляшом Шри Янтра, коснулся им плиты.

— Мрак отворь, откройся! — прозвучал громовой голос волхва.

Молния пронзила столб розового сияния, и на месте Лика Беса возникла расширяющаяся к краям плиты черная воронка с бешено вращающимися краями.

В бункере появились Влад и Шурик.

— Прыгайте!

Подчиненные Георгия беспрекословно последовали приказу, шагнув в воронку, как в воду, и сразу же исчезли.

— Максим!

Бусов, зачарованно уставившийся на плиту с дырой, вздрогнул, шагнул к постаменту как сомнамбула. Антон взял его за плечи, встряхнул.

— Мы тебя догоним, ахнуть не успеешь.

Максим шагнул в черный вихрь, пропал.

За ним прыгнул в воронку Данила.

— Антон, отвечаешь за него! Вперед!

Громов махнул рукой жене, нырнул головой в воронку, словно нырял с обрыва в омут.

— Женщины!

С тихими вскриками в воронке скрылись Валерия и Владислава.

— Ратников!

Илья помог раненому полковнику добраться до Врат, и тот буквально упал в воронку, словно потерял все силы.

— Пашин!

Илья занес ногу, но задержался, так как стены бункера вдруг заходили ходуном, а металлическая сетка стала плавиться и струйками стекать на пол.

— А вы?

— Мы задержим бесов! Уходите!

Илья задержался еще на мгновение, удерживая в памяти образ — не старика, но воина! — и прыгнул в жидкую с виду воронку метафизического смерча.

— Помоги вам Род! — глухо проговорил волхв.

Внезапно дверь в бункер вспыхнула зелено-фиолетовым огнем, выгнулась пузырем и лопнула дождем стеклянно-металлических осколков. В дымном провале двери возникла высокая согбенная фигура.

— Хрис! — прошептал волхв. — Опоздал ты, братец, однако!

— Уйди с дороги, древлевер! — хрипло каркнул Хрисанф, направляя на Иннокентия посох. — Беги! Сейчас здесь будет хозяин! Тебе с нами не справиться!

— А сам-то что ж? — усмехнулся волхв. — Слабо один на один?

Глаза Хрисанфа метнули молнии, он оскалился, явно помолодевший и окрепший, шагнул вперед...

Георгий и двое бойцов его дружины, оставшиеся в живых, в это время продолжали бой, сдерживая атаки «черных беретов». Бойцы «Стикса» все прибывали и прибывали, плотность огня увеличивалась, возможности для сдерживания противника таяли, и Георгий дал приказ отступать к бункеру с плитой Врат.

В этот момент в подземелье, освещенном десятками фонарей, появился командир «Стикса» Фатых Дехкоев, Георгий узнал его, и «черные береты» пошли в очередную атаку, поливая пространство перед собой струями пуль и стреляя из гранатометов.

Помощники Георгия смогли на какое-то время остановить атакующих, проявляя чудеса храбрости и профессиональных навыков Витязей, используя сверхреакцию и скрестное маневрирование, но силы были слишком неравными, и оба вскоре полегли, буквально изрешеченные пулями и осколками. И тем не менее бой на несколько мгновений остановился.

— Эй, Витязь! — позвал Георгия Дехкоев, прячась за колонной. — Ты остался один, сдавайся!

— Подойди и возьми меня, — отозвался Георгий.

Возникла пауза.

Внезапно в подземелье вспыхнули редкие уцелевшие

лампы на стенах и под потолком: кто-то из охраны догадался включить освещение.

— Я выхожу без оружия. — Из-за колонны вышел майор в пятнистом комбинезоне, держа в руке пистолет дулом вверх, отбросил пистолет в сторону. — Выходи, сразимся. Если победишь — оставлю в живых.

— Мне нужна свобода.

— А вот свободу я гарантировать не могу, это зависит не от меня.

— Хорошо, — после длинной паузы ответил Георгий, считая секунды и понимая, что любая задержка противника будет только на руку десантникам. — Прикажи своим опустить оружие.

— Не стрелять! — скомандовал Дехкоев. — Я сам с ним разберусь.

Бойцы «Стикса» отступили, опуская оружие, окружили центр подземелья, куда вышли Витязь и слуга Черного Вея.

Из-за выбитой двери в бункер с Вратами прилетели лязг и треск, будто внутри появился и начал ворочаться танк. Проем двери осветили вспышки света, зеленоватые, синие и желтые.

Оба посмотрели на вход в бункер.

— П...ц твоему учителю! — растянул в неприятной ухмылке узкие губы Дехкоев. — Хрис ему яйца отрежет! Хозяин дал ему ниргуну, он сейчас практически сорокалетний.

— Посмотрим, — сказал Георгий.

В то же мгновение Дехкоев бросил в него нож и метнулся вперед, демонстрируя примерно такое же владение сверхскоростным режимом, что и сам Георгий.

От ножа Георгий уворачиваться не стал, чтобы не терять времени, просто подставил плечо в «железной рубашке» военной психозащиты, и лезвие ножа, пропоров куртку, скользнуло по предплечью и застряло в складке рукава. Георгий же качнулся в сторону, в другую, сбивая противника с боевой траектории, и «вынес» центр тяжести за пределы тела. Этот прием позволял бойцу маневрировать на уровне «облачных скольжений», а противник не мог ударить и попасть его, так как «вынесенный» центр тяжести становился

виртуальным и легко перемещался вокруг тела. Удары противника при этом как бы проваливались в «пустоту».

Купился на этот прием и Дехкоев. Он дважды промахнулся, получил хлесткий удар по уху, отскочил, не понимая, почему его противник двоится, зыбко качается и исчезает из поля зрения, несмотря на то, что он сам двигался исключительно быстро.

Из бункера в подземелье вырвалась еще одна серия вспышек и визжащих «танковых лязгов», но сражавшиеся не обратили на них внимания.

Развязка боя постепенно приближалась, так как Дехкоев не владел таким богатым арсеналом приемов, как его противник, и все больше отставал в темпе. Да, он не боялся боли и надеялся на свою силу, веря, что ни один удар противника не убьет его и не остановит. Однако он ошибся, полагая, что его возможности живого мертвца — наивного воина дадут ему преимущество в рукопашной схватке с Витязем.

«Пора!» — сказал сам себе Георгий, чувствуя, что бой в бункере между колдуном Храма Морока и волхвом закончился.

Он сделал несколько ложных замахов и движений, заставляя майора отвлекаться на защиту, закрутил две спирали ударов — расходящуюся и сходящуюся, *объемную*, направленную «внутрь», и нанес два удара: ножом в глаз (вытащив нож майора из рукава) и рукой-«копьем» в грудь, напрягая руку на последнем движении в завершающей фазе удара.

Нож Дехкоев успел-таки отбить, а удар рукой пропустил.

Этот удар был из разряда так называемых неотбиваемых «ударов готового результата», с выплеском энергии, и оказался смертельным. Рука Георгия пробила комбинезон на груди Дехкоева, саму грудь, прошла дальше, а при обратном движении вырвала сердце майора.

Несколько мгновений Дехкоев, вытаращив глаза, смотрел на свое окровавленное трепыхавшееся сердце в руке Витязя, потом ноги его подкосились, и он упал.

Георгий же не стал наслаждаться видом поверженного врага, зная, как дороги даже доли секунды в такой ситуации, и, воспользовавшись замешательством бойцов «Стикса», окруживших место схватки, отбросил сердце майора и метнулся к бункеру, бросая за спину гранату. Взрыв раздался, когда он уже был в бункере.

Его встретил взгляд Иннокентия, стоявшего у постамента с Вратами. Вход в преисподнюю Морока был все еще открыт, но воронка помелела и изменила цвет на грязно-фиолетовый.

В углу бункера, в луже крови, раскинув руки и ноги, лежал маг секты Морока, глядя в потолок мертвыми глазами.

— Он был слишком уверен в своих силах, — сказал Иннокентий хрипло, отвечая на немой вопрос в глазах Витязя. — Уходи, догоняй отряд.

— А ты?

Стены и пол помещения вдруг вздрогнули, из глубины подземелья за дырой входа прилетел низкий рокочущий вой.

Витязь и волхв переглянулись.

— Черный Вей!

— Уходи, я задержу его.

— Но...

— Нельзя допустить, чтобы наместник Морока помчался в погоню за нашими посланцами. Я попробую закрыть Врата.

Георгий оглянулся на дверь, из которой в бункер ворвалась струя сизого дыма, сделал шаг к плите.

— Подожди. — Иннокентий вытащил из-под полы плаща стеклянную фиолетово-синюю флягу. — Возьми с собой. Будешь перебираться через Смородину — зачерпни ниргуны, пригодится.

Георгий спрятал флягу в карман на груди.

— И вот еще что. — Волхв снова полез под полу плаща и вытащил нечто вроде язычка пламени. — Возьми и это.

Георгий подставил ладонь, с сомнением разглядывая «язычок пламени».

— Перо?!

— Это перо Финиста.
— Откуда оно у тебя?
— Владыко дал. Финист тебя признает и поможет, если понадобится. Теперь уходи.

Витязь сжал локоть старого учителя, нырнул в воронку с отчетливым «мокрым» плеском, исчез.

Дым поредел, и на пороге возник человек в строгом черном костюме, с зонтиком в руке и с цилиндром на голове. Глаза его прятались за черными очками.

Некоторое время Иннокентий и Черный Вей смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Затем гость перевел взгляд на тело Хрисанфа, подошел к нему, тронул лоб мертвеца острием зонтика.

— Этот старый дурень все же не справился со своим делом. Опять всю силу потратил на девок. Вот дермо, а?

Иннокентий усмехнулся:

— Ваш господь все создал из ничего, но материал все время чувствуется.

Черный Вей, он же Алексей Ридигерович Балабонов, снял очки, озабоченно посмотрел на волхва. Глаза у него были совсем белые, практически без зрачков.

— Ты прав, заступник. Я знал, что Хрис безответственный человек, но все же надеялся на его исполнительность. Он всегда выполнял приказы... из страха смерти.

— Он уже давно перестал быть человеком. Впрочем, как и ты, наместник.

— Грубишь, повторник, — огорчился Черный Вей. — Тоже на что-то надеешься? На что? Ты же остался один, никто не придет тебе на помощь.

— Мне не нужна ничья помощь.

— То есть ты предлагаешь поединок? Мы же в разных весовых категориях, так сказать.

Тело Черного Вея вдруг скачком выросло в размерах, голова превратилась в морду дракона, похожую на Лик Беса на Вратах, руки вытянулись, превращаясь в когтистые лапы.

Иннокентий не двинулся с места, продолжая заграживать Врата с измельчавшей крутящейся воронкой. Черный

Вей показал клыки и в течение долей секунды превратился обратно в человека.

— Пропусти, старик. Ваш замысел — чистой воды сумасшествие. Я не понимаю, зачем вам понадобилось посыпать людей на верную смерть. Им нечего делать в мире моего Господина.

— Это уже не твоя проблема, наместник.

— Значит, добром не пустишь?

— Странно слышать это слово в твоих устах — добром, — усмехнулся волхв. — Попробуй пройди.

Глаза Балабонова угрожающе вспыхнули, превратились в две черные дыры. Он судорожно натянул на лицо очки.

— Отойди в сторону, старик! Последний раз предупреждаю! Убивать я тебя не стану, превращу в слизняка!

— Попытайся, — пожал плечами Иннокентий.

Черный Вей оскалился, вытянул вперед руку, с пальцев сорвались дымные струи — пять и еще пять, но прянули они не к Иннокентию, а к плите Врат, всосались в воронку, исчезли. Иннокентий не успел отреагировать на змеиный бросок струй, хотя и понял, что это такое: Черный Вей выпустил своих слуг — мороков.

— Вот и все, — снова оскалился Балабонов. — Мои шустрики быстро догонят твоих посланцев и остановят. Ничего у вас не выйдет. А теперь прощай, старик!

Он быстрым движением сделал укол зонтиком, направляя острие в грудь волхва. С острия прянула извилистая зелено-фиолетовая молния, вонзилась... в подставленную ладонь с металлическим кругляшом Шри Янты и — отразилась, как луч света от зеркала! Не ожидавший этого Балабонов с воплем отскочил в сторону, так как молния разряда вонзилась ему в левую руку и превратила ее в нечто похожее на гигантскую клешню рака.

Иннокентий, склонив голову к плечу, полюбовался на пляску противника, затем дотронул пальцем до плиты с вихревой дырой в центре.

— Мрак отворь, закройся!

С пальца на плиту стекла струйка золотого сияния, и плита задрожала, заходила ходуном как живая, задымилась

и с визгом приобрела прежнюю форму с плоским изображением морды Зверя.

— Идиот! — завопил, брызгая слюной, Балабонов. — Я все равно открою модуль и выпущу Господина! Но ты этого не увидишь!

В то же мгновение в помещение начали вбегать парни в камуфляже и черных беретах, с ходу открывая огонь из автоматов по фигуре у постамента.

Какое-то время Иннокентий с удивительным проворством уклонялся от пуль, затем стал невидимым, и стрельба прекратилась. Но Балабонов взмахнул зонтиком, и фигура волхва проявилась призрачной вуалью в углу бункера. Бойцы «Стикса» снова начали стрелять.

Тогда Иннокентий закрылся заклинанием «кольчуги», одеваясь в ореол серебристого свечения, и пули начали ricochetировать, словно натыкались на гладкую кристаллическую глыбу. Послышались вскрики, ругань: кое-кто из оперативников Балабонова получил свои пули обратно. Одна из них сбила с его головы цилиндр.

— Прекратить! — рявкнул замминистра.

Стрельба стихла.

Иннокентий перестал светиться, встал перед плитой.

— Уходите все! Сейчас я взорву эту штуку!

Бойцы «Стикса» попятались, переглядываясь в нерешительности, оглянулись на своего босса.

— Он блефует! — скривил губы Алексей Ридигерович. — Модуль невозможно взорвать, он подчиняется другим физическим законам.

Иннокентий раскрыл ладонь, на которой остро блеснул золотой кругляш мандалы.

— Знаешь, что это такое?

Лицо Черного Вея изменилось.

— Зоребор, мать твою! Шри Янтра! Откуда она у тебя?!

— Если не хочешь погибнуть вместе со мной — уходи, мразь! Моих сил, к сожалению, не хватит, чтобы уничтожить тебя, но вполне достаточно, чтобы инициировать детонатор Шри Янты.

— Ты не сможешь! — недоверчиво ухмыльнулся Балабо-

нов. — Для инициации зоребора нужна особая звуковая мантра...

— Вот такая? — спросил Иннокентий и пропел глубоким бархатным баритоном: — Ве-е-р-ра-а-а!..

По бункеру заскакало гулкое эхо, от которого бойцы «Стикса» схватились за уши.

— Подожди, давай договоримся! — торопливо сказал Балабонов. — Переходи на мою сторону, и я дам тебе такую власть, какую только можно выдержать! Представь: ты — на вершине, все остальные — под тобой!

— И все будут счастливы, — тихо проговорил Иннокентий, — все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими. Ибо лишь мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны...¹

— Что ты там бормочешь, старик?

— Уходи! — сказал Иннокентий своим прежним звучным голосом, поднимая на шнурке мандалу и опуская ее на плиту.

— Убейте его! — сдавленным голосом приказал Балабонов.

Но «черные береты» не послушались и гурьбой бросились к выходу из помещения.

Черный Вей выругался, ударом кулака надел цилиндр на голову, скачком превратился в огромного зверя и бросился на противника, вытягивая к нему руки-лапы.

Иннокентий бросил ему навстречу короткое слово, превратившееся в реальный физический объект — звуковой шар, и зверя отбросило к двери бункера.

Волхв опустил Шри Янту на Врата, закрыл глаза, лицо его разгладилось.

— Стань светом, Мракотворь!

Кругляш мандалы засиял, как маленький осколок солнца.

Черный Вей отшатнулся, закрыл лапами глаза, завизжал:

— Не смей! Сам погибнешь!..

Мандала ожила, начала приобретать объем, сочетавший

¹Достоевский Ф.М. «Братья Карамазовы».

в себе призрачные геометрические фигуры и конструкции «божественных манифестаций», являющихся символами для обозначения стадий развития Вселенной и человеческого разума.

Всхлипывая и что-то лепеча, наместник Морока попытался выползти из бункера, забыв о том, что имеет возможность перейти на трансфизическое преодоление пространства.

Иннокентий развел руки в стороны, поднял окончательно у спокойно вспыхнувшее лицо.

Шри Янтра засияла ярче, от ее света плита Врат стала корчиться, плавиться, течь ручьями на пол, словно была сделана из пластилина. А потом во все стороны прынули золотые огненные струи...

Водители проносившихся по улицам ночной Москвы редких автомобилей стали вдруг свидетелями яркого и страшного зрелища.

Храм Спасителя засветился изнутри призрачным лунным светом, покрылся слоем вихрящегося алого пламени!

Земля содрогнулась!

Раздался гулкий подземный удар!

Громада храма закачалась, завибрировала... и стала с грохотом и гулом уходить под землю, проваливаться в неющую бездну! Длилось это явление недолго, с минуту, не больше. Храм исчез! А затем в этот провал хлынули воды Москвы-реки, и на его месте образовалось глубокое черное озеро...

Глава 29

ЧЕРЕЗ РЕЧКУ, ЧЕРЕЗ МОСТ

Сначала было долгое и страшное падение в бездну, от которого сжималось сердце и леденела душа.

Потом был странный порхающий полет над невидимым, но ощущаемым костром. Впоследствии в памяти осталось впечатление, будто он пролетал над самой настоящей звездой наподобие Солнца, с веерами жидкого огня и про-

туберанцами. К счастью, звезду эту удалось миновать без последствий.

А потом был удар о невидимую опять же твердую поверхность и жуткая боль, словно тело сплющилось в блин, все кости переломались, раздробились и тело превратилось в лужу киселя...

Понимая, что все эти ощущения не отражают реальных событий, Илья прислушался к себе, к ватной тишине вокруг и начал медленно настраивать свое тело, как настройщик — рояль, трогая каждый нерв-«струну», прослеживая все его изгибы и добиваясь правильного «звучания».

Боль стала покидать «желеобразный сгусток» тела, пришли новые ощущения, сначала — жаркой духоты, потом — колючего холода. Лишь глаза, как он их ни таращил, ничего не видели. И только по прошествии какого-то времени Илья сообразил, что он лежит на вершине твердой скалы и смотрит в черное ночное небо. Еще чуть позже пришло понимание того, что в этом мире царит вечная ночь, хотя при этом ландшафт виден так, будто освещен полной луной.

Стали видны и звезды, хотя очень странные, больше похожие на немигающие глаза насекомых.

Затем, когда Илья начал осваиваться со своим положением, дышать (воздух здесь был почти так же плотен, как и в земной реальности) и оглядывать окрестности, произошла неожиданная трансформация пейзажа.

Исчезли редкие скалы вокруг скалы, на которую «выпал» Илья из «тоннеля Врат», да и сама она оплыла, превратилась в кочку посреди болота, поросшего сухой и жесткой, шелестящей в безветрии, серо-желтой травой.

Илья сел, пытаясь понять, что происходит. Напряг слух. Но кроме тихого мертвого шелеста ничего не услышал. Ради эксперимента даже пошелепал ладонью о ладонь, о колено, кашлянул. Все звуки в этом мире были тусклы и тихи, будто их пропускали сквозь плотную ткань савана.

Сравнение не понравилось. Хотя тут же пришла мысль, что это мир Морока и Чернобога, уделом которого является пустыня, болото, снег, холод, мрак, запустение и смерть. Живому человеку делать здесь было нечего.

Илья встал, разглядывая колдобины с черной водой, горки грязной пены, бороды водорослей, островки сухой травы и редкие кочки.

Владислава! — вдруг резанула по сердцу проснувшаяся память.

Он встрепенулся, завертел головой, позвал:

— Слава!.. Антон!..

Никто не отзывался.

Душной волной навалился страх, что он тут один, что остальные погибли во время перехода и он теперь никогда не увидит жену и не выберется из мира смерти обратно.

— Слава!.. Антон!.. Валерия!..

Тихий шелест вместо эха, слабые трески, шуршание травы.

Но вот на одной из недалеких кочек метрах в пятидесяти зашевелилась трава на вершине, из нее поднялась фигура мужчины в синеватом спецкостюме, с рюкзаком за плечами.

— Гром, черт тебя возьми! Уснул, что ли?

— Наоборот, только проснулся, — проворчал Громов, озираясь. — Куда это мы свалились?

— Если Врата Морока имеют только один выход, он же вход, то мы свалились туда, куда надо, в мир Нави.

— Это — Навь?! Не может быть! Я вижу натуральное болото!

— Скорее всего таким это место видит наше воображение, и Навь выглядит иначе. Хотя я могу и ошибаться. Иннокентий говорил, что между Явью и Навью существует Кромка — Мир Сновидений и обитель бесстесных духов-кромешников. Может быть, мы упали именно на Кромку.

— Хорошо, что не в ад! Одно время мне казалось, что я падаю как раз туда, в геенну огненную, уж очень жарко было. Однако будем приспосабливаться. Хорошо, что здесь есть чем дышать и гравитация не превышает земную.

— Валерия с тобой?

— Нет... не вижу... Черт! Где ее искать?

— Владислава! — снова позвал Илья, напрягая горло. — Максим! Данила!..

— Я здесь, — откликнулся Данила, приподнимаясь на вершине кочки слева.

Зашевелились и остальные десантники, оседлавшие соседние кочки и бугры. Видимо, Врата работали как пневмо-почта, доставляя «посылки» в одно и то же место, но не сбрасывая их одну на другую.

— Антон! — послышался тусклый голос Валерии.

Громов сориентировался и вдруг спрыгнул с кочки в болотную жижу, одним духом домчался до кочки, где ему махала рукой жена, и выбрался на сухую возвышенность, почти не замочив ног.

— Илюша! — позвала мужа и очнувшаяся Владислава.

Илья точно так же, как и Антон, не раздумывая, бросился в болото, интуитивно обходя трясины и топкие места, перебрался к жене.

Остальные в это время приходили в себя, осматривались, поглядывали друг на друга, на небо, изучали болотный ландшафт.

— Давайте к нам, — предложил Антон, обойдя убежище Владиславы. — Все уместимся.

— Надо найти Ратникова, — сказал Илья. — Кто-нибудь его видит?

— По-моему, на том вон бугре кто-то лежит, — показал рукой Данила.

— Подождите, я проверю. — Илья прикинул расстояние до холмика, на который указал Данила, сосредоточился на экстрасенсорике и перебежал к Ратникову, минута топи и ямы, склонился над ним.

— Жив? — не выдержал паузы Антон.

— Жив, сейчас я его полечу.

— Подождите! — торопливо сказал один из спутников Георгия по имени Влад. — У меня есть снадобье.

Он почти так же быстро, как и Пашин, добрался до бугра, на вершине которого лежал Ратников, и оба снова склонились над потерявшим сознание полковником, начали снимать с него костюм.

Потянулись минуты ожидания, вдвое утомительные от неуютности пейзажа.

Наконец Илья выпрямился, показал издали какой-то маленький предмет.

— Что это? — спросил Антон.

— Пуля.

— Как вам удалось ее вытащить?!

— Влад помог.

— Он что, хирург? — посмотрел на приятеля Влада Антон.

— Он ученик Иннокентия, реченник, — ответил тот спокойно. — Влад знает слово.

— Перебирайтесь сюда, — позвал Илья. — Места хватит всем.

Вскоре весь отряд расположился на кочке диаметром около десяти метров, вздрагивающей под ногами, как слой торфа на болоте. Кочка была окружена зеркальцами воды и мшистыми островками.

Ратников уже мог сидеть. Щеки его порозовели, будто он глотнул водки.

— Что вы ему дали выпить? — хмыкнул Антон.

— Живой воды, — хладнокровно ответил Илья.

— Шутишь?

— Насколько я понял, Иннокентий снабдил Влада кое-какими волшебными прибамбасами, в том числе и стимуляторами. Видишь, что делает с раненым человеком один глоток? Да и рана уже затянулась.

— Сказки! — отмахнулся Антон, но тут же виновато сморщился. — Это я от избытка чувств. Но если у нас и в самом деле имеется живая вода, нам и сама Смерть не страшна!

— А где Георгий? — спросил вдруг Данила.

Все начали озираться, осознавая, что с ними нет ни Витязя, ни волхва.

— Георгий! — позвал на всякий случай Антон.

Его крик застрял в воздухе, не вызвав никакой реакции местности. Стало окончательно ясно, что эхо в этом мире не возбуждается вообще.

— Максим, попробуй ты позвать.

Бусов, озиравшийся с видом человека, пытавшегося проснуться, поднес ко рту сложенные ладони.

Его зов был громче, унесся вдаль испуганной птицей и не вернулся. Однако на этот раз вслед за криком последовал ответ.

Ледяной ветер вдруг пригнул сухую траву болота, заставил людей вздрогнуть и отвернуться.

Гул и грохот прилетели откуда-то с неба, напоминая смерч и гром камнепада! Сменились протяжным воплем, в котором слышались бесприютная тоска, боль и плач! Вопль оборвался внезапно, словно кричащему заткнули рот! Но десантники, вздрогнув, еще долго вслушивались в тишину края, сжимая в потных ладонях рукояти пистолетов-пулеметов, всматриваясь в горизонт и ожидая продолжения «концерта».

— Что это было?! — прошептала бледная Владислава.

Илья молча покачал головой, не зная, что ответить.

— Голос Мары, — медленно проговорил Влад. Он один не оглядывался по сторонам, а стоял спокойно, подняв лицо к черному небу и полузакрыв глаза.

— Кто такая Мара?

— Супруга Велеса, — все так же спокойно ответил Влад. — Она здесь правит бал, вместе с Чернобогом и Мороком.

— Она знает, что мы хотим прорваться в ее владения?

Влад не ответил, как бы прислушиваясь к самому себе, потом поднял вверх руки и быстро заговорил:

Мара-Марушка хозяйшка-матушка
Приди к нам во ноши радеющим
Приди к нам челом те бьющим
Приди дорогами белыми
Приди зелеными елями
Приди со слугами грозными
Приди с выогами морозными
Приди Мати да не с горями
Приди Мати да не с хворями...

— Что это он? — покосился на Илью Антон. — Стихи читает?

— Это благовест Маре, — пояснил Шурик, напарник Влада, услышав вопрос.

— Что?

— Заклинание, — понизил голос Илья.

Влад закончил:

Отрини напрочь изжившее
Худое яко не бывшее
Отрини не возврати
От стара к нову веди!
Гой! Черна Мати!

И, словно услышав просьбу человека, черная богиня отвела протяжным воем, в котором соединились вой выюги, свист ветра, скрип деревьев, хрусткий треск лопающегося льда на озере.

— Идемте, — глухо проговорил Влад, вытирая лоб дрожащей рукой.

— Может быть, все-таки подождем Георгия с Иннокентием? — буркнул Антон, поглядывая на Валерию, на которую голос Мары произвел сильное впечатление.

— Не надо ждать, — покачал головой Влад. — Нам надо как можно быстрее пересечь Кромку.

— Тут невозможно сориентироваться. В какую сторону пойдем?

Влад снял с плеч рюкзак, отстегнул притороченный к нему длинный брезентовый футляр. В футляре оказался сложенный хитроумным способом вполне современный лук. Влад собрал его, достал стрелу, сосредоточился... и послал стрелу вертикально вверх. Стрела, сверкнув лучиком света, исчезла в небе.

Влад продолжал стоять с луком в руках, глядя на звезды.

Одна из звезд над головами десантников вдруг сделалась красной, погасла с отчетливым стеклянным звоном. Раздался хруст, и на кочку упала заиндевевшая, сломанная пополам стрела.

— Нам туда, — показал стрелок в ту сторону, куда смотрел наконечник стрелы.

Десантники переглянулись.

— Ты уверен? — поинтересовался Антон. — Почему мы должны идти именно в ту сторону?

Влад, не отвечая и не пряча лук, надел рюкзак.

— Идемте, — сказал Илья, беря на себя командование

отрядом. — Только, пожалуйста, будьте повнимательнее, ступайте след в след, пока не преодолеем болото.

— Думаешь, оно не бесконечно?

— Это Кромка, граница Яви и Нави, — сказал Шурик; в отличие от приятеля, кряжистого, круглолицего, с шапкой русых волос, он был сухощав, смугл, длинноволос, черноглаз, но при этом походил на него, как брат. — Чтобы попасть в Навь, нам нужно дойти до реки Смородины и перейти ее по Калинову Мосту. Болото скоро кончится.

Антон посмотрел на Илью, скривил губы.

— Сказки...

— Не сказки, — возразил Шурик.

— Да знаю, это я чисто эмоционально. Если бы не наши прошлые встречи со слугами Морока, не поверил бы, что древние легенды имеют вполне реальное основание.

— Вопрос можно? — поднял руку Максим.

— Валяй.

— Нам ведь надо будет вернуться... а кто знает — как?

Все посмотрели на Илью, перевели взгляды на Влада.

— Я не знаю, — смутился проводник. — Только повторник ведает ответ.

— Но его с нами нет.

Влад развел руками.

— Хорошенькая перспектива — застрять здесь до конца жизни, — проворчал Ратников, к которому постепенно возвращались силы.

— Идти сможешь? — подал ему руку Илья.

Ратников ухватился за руку, встал. Лицо его покрылось капельками пота.

— Спасибо за лечение. Грудь уже не болит. А ноги слабые... ничего, как-нибудь поплетусь за вами.

— Слабость пройдет, — пообещал Влад.

— Не обращайте на меня внимание. Начну отставать — не ждите.

— Ага, ты еще посоветуй оставить тебя здесь, — хмыкнул Антон.

— Кто-нибудь пить-есть хочет? — спросил Илья. — Справить нужду, чтобы потом не отвлекаться?

Женщины обменялись смущенными взглядами.

— Понял, — улыбнулся Илья. — Мальчики — налево, девочки — направо. Предлагаю не подглядывать, но и не стесняться, дело житейское. Даю всем три минуты.

Снова собравшись вместе, команда проверила рюкзаки, оружие, снаряжение, и Пашин скомандовал:

— Впереди пойдем я и Влад. Последними — Антон и Шурик. Возражения есть?

Ответом ему была тишина.

— Вперед, спецназ!

И отряд двинулся в путь, пересекая бесконечное с виду болото.

* * *

Им помогло то, что вскоре они набрели на самую настоящую тропу. Кто и когда проложил ее через болото, представить было трудно, тем более что мир Кромки не могли посещать живые люди, но факт оставался фактом: тропа существовала. На шутливый же вопрос Антона: не мертвцы ли протоптали эту дорожку? — Влад ответил уверенно и твердо:

— Это Троянова Тропа, путь в Межмирье. Она дается не каждому.

— Что значит — дается? — удивился Ратников. — Кем дается? Кому?

— Кем — не знаю, — не смутился Влад, — может быть, Марой или самим Велесом, олицетворением личного оружия Вышня. Дается же она не за отличия и заслуги, а за намерение.

— Какое?

— Готовый допустить — может! — сказал Илья. — Так? Я имею в виду, что тот, кто готов к подвигу, может его совершить.

— Верно, — кивнул Влад, сделавшись вдруг похожим на Иннокентия.

— Все понял? — посмотрел на Ратникова Пашин.

— Значит, мы — герои? — усмехнулся Антон, обняв жену за плечи.

— Не ерничай, — тихо сказала Валерия.

Антон виновато шмыгнул носом.

— Я просто пытаюсь понять, насколько мы самостоятельны.

— Настолько, насколько мы свободны от самих себя, — сказал Влад. — Но мы попали сюда не как души умерших людей, а как живые люди, существа во плоти, и это обстоятельство многое меняет. Во всяком случае, потворник говорил, что мы не увидим нашими плотскими глазами то, как на самом деле выглядит Навь.

— Значит, на самом деле мы идем не по болоту?

— Это мир Кромки, и как он выглядит, не знает никто.

— Еще бы, — проворчал Ратников. — Отсюда вряд ли кто возвращается обратно на Землю.

— Все, закончили разговоры разговаривать, — строго сказал Илья. — Пора идти.

Отряд свернул на тропу, неизвестно кем проложенную по миру Кромки и неизвестно для каких целей.

Тем не менее тропа обходила все топи, ямы, колдобины и ловушки, лишь изредка пересекая мшистые низины, и вскоре вывела ходоков к реке, за которой располагалась мрачная, выжженная, холмистая пустыня с красными песчаными проплешинаами и угрюмыми скоплениями скал.

Впрочем, рекой это ущелье, заполненное жидким сине-фиолетовым пламенем, назвать было трудно. Пламя не было ярким, и смотреть на него можно было долго. При этом у наблюдателей начинали слипаться глаза, на них наваливалась дрема, идти никуда не хотелось, голова становилась тяжелой, и мысли из нее улетали в далекое «потом подумаю».

Илья первым догадался, что смотреть на реку не стоит, и резким голосом скомандовал всем отвернуться. Послушались не все. Максим понял приказ только со второго раза, едва не уснув на ходу. Протер глаза.

— Спать хочу...

— Это эманации нежелания, — сказал Влад, на которого река Смородина не произвела особого впечатления. — Река заполнена ниргуной.

Антон и Илья обменялись понимающими взглядами.

— Вот откуда ниргуну черпают колдуны Морока! — пробормотал Громов.

— Что такое ниргун? — поинтересовался Максим.

— Особая субстанция, — ответил Антон, — сродни сильнейшему стимулятору.

— Жидкая энергия, — добавил Илья.

Влад промолчал, не уточняя сказанное.

— Все это хорошо, просто замечательно, — сказал Ратников. — Теперь надо определиться, в какую сторону нам идти — влево или вправо.

— Все равно, — пожал плечами проводник. — Калинов Мост не стоит в определенном месте, это трансцендентное явление, зависящее от наших убеждений и настроя. До него можно идти год, а то и все сто.

— Лично я так долго не проживу, — фыркнул Ратников.

— Мост может проявиться совсем рядом.

— Он что же, может читать наши мысли?

— Нет, не может, — простодушно ответил Влад. — Он олицетворяет собой возможность перехода.

— Что же нам делать?

— Кажется, я понял, — сказал Илья. — Надо сосредоточиться на преодолении преграды, в данном случае — реки, и мост появится сам собой. Нет?

Влад кивнул.

Илья окинул взглядом тревожные лица товарищей, сбившихся в плотную группу.

— Все зависит от нас, от нашего желания дойти и сказать Мороку, что мы о нем думаем. У кого-то есть сомнения в успехе нашего предприятия?

Все начали украдкой переглядываться. Ратников сморщился.

— Честно говоря, я земной человек... Хотя и почитываю время от времени эзотерическую литературу... Но я буду стараться.

— Уж постараитесь, полковник. А теперь сосредоточьтесь на переходе на ту сторону, представьте, что мы хотим перебраться через реку.

— Был бы у нас вертолет... — пробормотал Антон.

— Но его у нас нет. Все, приступили.

И тут же остроглазый Данила, поглядывающий на изгибы реки, вытянул вперед руку:

— Кажется, это он!

Ходоки с удивлением и недоверием уставились на возникшую вдали белую тростинку, перекинутую через реку в трех-четырех километрах от того места, где они стояли. Это и в самом деле был мост.

— Сработало! — с облегчением проговорил Шурик.

— Но мы же еще не успели сосредоточиться...

— Мост нас почувствовал.

— Это здорово! — качнул головой Ратников.

— Он мог бы проявиться и поближе, — проворчал Антон.

— Хорошо хоть, что вообще появился.

— Кто-то из нас до сих пор сомневается в реальности происходящего, — сказал Влад.

— Наверное, я, — виновато поскреб макушку Ратников.

— Не один человек.

Илья уловил смущенный взгляд Бусова, решительно проговорил:

— Мы все немножко сомневаемся, нет смысла искать стрелочника. Идемте к мосту.

— Посмотрите-ка назад! — сказала вдруг Владислава.

Десантники оглянулись. Болото исчезло! Вместо него до неблизкого угольно-черного горизонта с немигающими «глазами»-звездами пролегла мрачная холмистая равнина, точно такая же, что и на другом берегу Смородины, только заполненная дымами и горящими газовыми факелами.

— Мы там прошли?! — прошептал Максим.

Никто ему не ответил.

Мост вырос впереди гигантской бело-серебристой аркой, и отряд остановился, разглядывая это сооружение, представляющее, по словам проводника, физический объект и одновременно трансцендентное явление, реагирующее на определенный психоэнергетический посыл. Однако вряд ли кто-нибудь из ходоков представлял себе этот мост таким! Ибо выглядел он как скелет гигантского динозавра

длиной в двести метров, задние лапы которого упирались в противоположный берег реки, а передние и череп лежали на этом берегу.

— Ничего себе мостик! — вполголоса заметил Ратников, переводя дыхание; он выбился из сил, но держался молодцом, не желая никому показывать свою усталость.

— Что-то он подозрительно пуст, — пробормотал Шурик, оглянувшись на напарника.

— Ты о чём? — осведомился Антон.

— По преданию, Калинов Мост охраняется, — негромко сказал Влад.

— Трехголовым змеем, что ли?

— Змей — это хтонический образ русских сказок. На самом деле переход из Яви в Навь охраняет Вещий Страж, который действительно может приобретать облик Змея или же Медведя, и сама Черная Мать — Мара. Правда, говорят, что страшен Змей лишь для злых и лихих душ, живших в Яви не по Правде.

— Но так ли это на самом деле — неизвестно. Верно?

Влад пожал плечами, предпочитая обходиться минимумом слов.

— Мы можем пройти на ту сторону другим путем? — спросил Илья.

— Нет.

— Тогда вперед, мертвецы! Что будет, то и будет. Кто нас встретит, тот и встретит.

Отряд устремился к мосту, по мере приближения приобретавшему явно осмысленные живые формы. Когда до него осталось всего метров сто, он превратился в жуткую скелетообразную тварь, слепо разглядывающую людей с угрюмой неприязнью.

Десантники снова остановились.

— Интересно, что мы будем делать, — со смешком проговорил Ратников, — если он окончательно оживет и примется нас жрать?

— Не оживет, — тихо сказал Влад. — Он и так живой. Перейти через него смогут только люди, чьи помыслы чисты.

— Час от часу не легче! — Антон хмуро посмотрел на

Илью. — А если он решит, что наши помыслы... э-э, корыстны?

— Значит, мы останемся на этом берегу. И все же я уверен, что мы пройдем.

— Допустим. А где же остальные стражи?

— Они здесь, — уверенно сказал Влад.

Ратников козырьком приставил ко лбу ладонь, всмотрелся в «скелет динозавра».

— Никого не вижу.

— Мы еще не обозначили свои намерения.

— Так давайте обозначим! — сердито проворчал Антон. — Если другого пути на ту сторону нет, нам все равно придется перейти мост.

— А если нас попытаются остановить? Чем будем отбиваться? — спросил Ратников. — У нас-то и оружия приличного нет.

— Наше оружие — твердость духа, — сказал Влад.

Мужчины посмотрели на него в сомнении.

— Это тебе Иннокентий говорил? — прищурился Ратников.

Влад не ответил.

— Продолжаем движение, — решительно сказал Илья. — Семи смертям не бывать, а одной не миновать.

— Одну мы уже пережили, — хмыкнул Антон.

Ратников оглянулся на него вопросительно, и Громов добавил:

— Сюда ведь только мертвые попадают, разве не так?

— Души мертвых, — уточнил Шурик.

— Ну все равно. Вот и получается, что одну смерть мы преодолели.

Илья молча направился к «скелету динозавра», не приближаясь близко к парящему обрыву реки. Остальные потянулись за ним. Через несколько минут мост вырос перед ними гигантским черепом с отверстиями глазниц и оскаленной пастью с кинжаловидными зубами. Чтобы попасть на « позвоночник » — то есть собственно на мост через реку, надо было пройти сквозь этот череп, минуя клыки, шипы и костяные наросты вытянутой вперед морды.

Люди невольно замедлили шаг.

Кости гиганта начали дымиться. Ощущение угрожающего взгляда усилилось.

— Мы ему явно не нравимся! — шепнула Валерия на ухо мужу.

— Идем плотно! — бросил Илья. — Приготовьте оружие! Мы много испытаний преодолели, это далеко не последнее. К тому же обратного ходу нет!

Отряд пришел в движение. Сердца забились сильнее. Дыхание участлилось. Руки сжали рукояти пистолетов-пулеметов и ножей.

«Череп динозавра» приблизился вплотную, навис над людьми, пугая своей величиной и ощущением оживающего зверя. Миновали какие-то черные бугры, перелезли через белые вздутия и гофры челюстей, стараясь не касаться колossalных зубов.

Струи испарений, исторгаемых самой конструкцией моста, закрыли обзор. Дышать стало труднее. Все снова почувствовали неприятное состояние полудремы: захотелось спать, никуда не двигаться, прислонить голову к чему-нибудь и забыться.

— Не отставать! — заставил вздрогнуть товарищей оклик Ильи. — Немного осталось!

Первыми на пористые «позвонки» моста, неровные, но плотно пригнанные, полезли Влад и Шурик. За ними Пашин пропустил Валерию и Владиславу, взобрался сам. Затем наступила очередь Данилы и Максима. Последними, оглядываясь, поднялись Ратников и Антон.

— Я сейчас рухну и усну! — пробормотал Терентий.

— Держись, полковник! — сжал его плечо Громов. — Спать в нашем положении стремно, можем не проснуться.

— Самое нежелательное в нашей жизни всегда практически наиболее неотвратимо.

— Что ты имеешь в виду?

— Налоги, к примеру, — бледно улыбнулся Ратников. — Штрафы гаишников. Да и смерть тоже.

— Что-то мы сегодня слишком много говорим о смерти. О жизни надо говорить... и думать.

— Я стараюсь.

Они догнали ушедших вперед товарищей.

Отряд достиг середины моста.

— Вниз не глядеть! — напомнил Илья, чувствуя, что голова начинает кружиться все сильней.

— Я... больше... не могу! — прошептала Владислава.

Оглянувшись Шурик подставил ей плечо.

— Хватайтесь, смотрите только под ноги и вверх.

— Странно... — пропыхтел Ратников. — Почему же все-таки мост никем не охраняется? Нас решили пропустить без документов?

Никто ему не ответил.

Берег реки приблизился, расплываясь в сизых струях не то дыма, не то пара. В крутой его стене стали видны сотни алых огненных точек, напоминающих светящиеся изнутри норы береговых ласточек. Однако стоило отряду подойти ближе, как эти «норы» сорвались с обрыва, превратились в стаю огненных пчел и понеслись к мосту, превращаясь на лету в гигантского огненного дракона.

— Страж Пекла! — с дрожью в голосе проговорил Шурик, вынимая из чехла снайперскую винтовку.

Взял в руки свой лук и Влад.

— Он один? — пробормотал Антон. — Вы же утверждали, что мост стерегут двое — Мара и Змей.

Словно услышав его слова, рядом с драконом возникла огромная женская фигура в черной кисее, блистающей звездами. Лицо женщины было белым и прекрасным, а взгляд печальным и угрожающим одновременно.

— Приготовьтесь к бою! — коротко сказал Илья.

Глава 30

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Два гиганта рассматривали мост и людей на нем с высоты своего роста изучающие и безмолвно.

Тело дракона дышало, то есть его фигура зыбилась, то увеличиваясь в размерах, то уменьшаясь, и от этого казалось, что он вот-вот бросится на безумцев, собравшихся вторгнуться в мир смерти.

Женщина стояла спокойно, хотя ее одежда, скрывающая фигуру, похожая на клуб черного дыма, сквозь который просверкивали алые искры — как угли костра, тоже непрерывно плыла и шевелилась.

— Выходим на берег! — скомандовал Илья, не дождавшись нападения. — Влад, Шурик, Антон и я спускаемся первыми.

Мужчины повиновались.

Но стоило им сделать несколько шагов, как дракон сунул свою морду в перила-«ребра» моста, раскрыл пасть и плюнул клубом дыма и огня.

Влад и Шурик выстрелили: первый — из лука, второй — из винтовки. Оба не промахнулись. Стрела вонзилась в левый глаз чудовища, пуля с титановым сердечником — в правый. Дракон с воплем отшатнулся, хватаясь лапами за голову чисто человеческим жестом, метнул сноп огня, испепеливший одну из стоек моста.

Женщина посмотрела на него, не меняя выражения властного, строгого, безупречных линий, красивого лица, вытянула вперед руку. Из белой ладони ударила в мост черная молния, так что он весь содрогнулся, и в «позвонках» настила возникла звездообразная дыра.

Мужчины отскочили назад.

Дракон издал еще один вопль. Голова его стала раздваиваться, и через несколько секунд свидетели трансформации увидели вместо одной две головы на двух шеях. Одна была как бы погасшей, черной, хотя и разевала пасть, другая светилась изнутри, играя огнями.

— Надо стрелять заговоренными пулями, — пробормотал Ратников. — Помните, как в сказках? Один рубит мечом головы Змею, второй смазывает обрубок ядом, чтобы головы не отрастали.

— Не ядом, — качнул головой Влад.

— Ну, не важно чем, лишь бы действовало. У нас есть такое снадобье?

— Стрелы и пули заговорены...

— Кем?

— Учителем. Если бы он был с нами...

— Но его нет.

— Вряд ли мы здесь пройдем, — хмыкнул Антон.

— Попробуем еще раз, — решил Илья. — Терентий, Антон, стреляйте в эту двухголовую тварь. Влад, Шурик, попытайтесь поразить спутницу дракона.

— Как-то неэтично стрелять в женщину, — буркнул Антон. — К тому же она владычица Нави.

Мужчины переглянулись.

— Может быть, попробуем провести переговоры? — робко предложила Валерия. — Видите, они не нападают, просто не пускают нас, и все.

Илья посмотрел на Влада.

— Что скажешь?

— Это не настоящие Мара и Змей, а лишь их полуматериальные воплощения.

— Что значит — полуматериальные?

— Ну, это что-то вроде антивирусных программ в компьютере, определенные файлы, имеющие одну определенную функцию.

— Значит, мы здесь представляем собой вирусы? — пробормотал Ратников.

Влад посмотрел на него, но не ответил.

— Ясно, — кивнул Илья. — Надо прикинуться своими, доказать, что мы не вирусы. Как это сделать?

— Может быть, Максим споет и нас пропустят?

— Вряд ли, — усомнился Шурик.

— Я знаю! — подняла руку Владислава, смутилась под взглядами мужчин, посмотрела на Валерию. — Мы с ней попробуем поговорить с Марой. Она женщина и быстрее нас поймет.

— Она не женщина, — покачал головой Влад. — В том смысле, в каком мы думаем.

— Все равно другого выхода нет.

Илья покусал губы, посматривая на рыщущего по берегу реки двухголового дракона и спокойно стоящую великаншу с прекрасным лицом богини.

— Не сходите с ума, — мрачно сказал Антон. — Если Мара — не женщина в нашем понимании, то с какой стати

она пойдет на переговоры? К тому же антивирусные программы не должны реагировать на простые уговоры, их надо взламывать.

— Они должны чувствовать нашу внутреннюю силу, — тихо сказал Влад.

— Тем более нас не пропустят на ту сторону, так как мы для них олицетворяем в е т л у ю силу — разрушительную в данном случае.

— Не уверен...

— Пусть попробуют, — подвел наконец Илья итог своим размышлениям. — Остальным приготовиться отвлечь дракона.

Антон хотел продолжить спор, но встретил предупреждающий взгляд жены и отступил.

— Ладно, попытка не пытка. Только не обещайте им свои души.

Илья посмотрел на Влада.

— Что они должны сказать?

Влад неопределенно повел плечом.

— Они ваши берегини... все равно, что говорить, главное — правильно думать... и чувствовать.

— Хорош совет! — не выдержал Антон.

Влад порозовел.

— Это не совет... и я не волхв, имеющий ответы на любые вопросы.

— Не придирайся к нему, — нахмурилась Валерия.

— Я не придираюсь, — мрачно сверкнул глазами Антон. — Я просто переживаю за тебя... за вас.

Илья обнял женщин за плечи.

— Идите осторожно. Как только заметите угрожающее движение с их стороны — бегите назад!

— Не свалиться бы... голова кружится, — виновато проговорила Владислава.

— У всех кружится. Испарения реки действуют. Нам нельзя долго оставаться на мосту.

Валерия и Владислава посмотрели друг на дружку, взялись за руки и двинулись к берегу, обходя дыру, пробитую черной молнией Мары.

Дракон и его хозяйка, а может быть, просто сотрудница, внимательно следили за приближающимися женщинами. Потом з в е рь раскрыл пасть, а женщина подняла руку, словно собираясь метнуть черную молнию.

— Назад! — сдавленным голосом произнес Антон, поднимая оружие.

Илья остановил его, пригнув ствол пистолета-пулемета к земле.

Все затаили дыхание.

Валерия и Владислава продолжали идти, пока не достигли конца моста. Остановились.

— Пропустите нас! — крикнула Владислава неожиданно звонко. — Мы никому не причиним зла!

— Пожалуйста! — добавила Валерия и тоже — звонко, гулко, будто атмосфера Кромки внезапно обрела качества резонатора.

Мара и Змей переглянулись совсем по-человечески, в буквальном смысле слова, как бы пребывая в некотором замешательстве. Затем дракон снова сунул голову к мосту, разинул дымящуюся пасть, и мужчины не выдержали, открыли огонь.

Очереди из пистолетов-пулеметов Ратникова и Антона скрестились на «слепой» морде з в е р я, пуля из винтовки Шурика угодила ему в глаз «живой» головы, а стрела Влада — в другой. Он взревел, судорожно вскидывая обе пораженные морды к небу, ударом лапы сбил одну из стоек-ребер моста.

Женщины не удержались на ногах, падая от сотрясения «позвонков» настила. Валерия заскользила к краю «позвонка», пытаясь зацепиться за его неровности. Антон метнулся к ней как молния, в акробатическом прыжке схватил за руку, дернул и остановил падение. К нему подскочили Илья и Данила, помогли оттащить Валерию от края моста и подняться на ноги.

Богиня ночи, вернее, ее «программно-виртуальное» воплощение свело брови к переносице, глядя на своего спутника, явно получившего довольно болезненное потрясение.

— Отходим! — бросил Илья.

Мара шагнула к дракону, дотронулась до его мерцающей огнями шкуры. Рука ее превратилась в струю синего, с алыми искрами дыма, расплылась по головам зверя текущим слоем, и тот перестал мотать головами, успокоился. Однако тут же ринулся вперед, настроенный отомстить обидчикам.

И в этот момент за спинами стражей Калинова Моста, за дальними холмами, показалась светящаяся белая фигура. Почва и мост под ногами людей содрогнулись. Фигура начала приближаться, вырастая в размерах со сказочной быстротой, и при каждом ее шаге вздрагивали холмы, вздрагивали берега реки, пошатывался и скрипел мост.

Дракон оглянулся. Его спутница тоже.

Десантники замерли, выставив стволы оружия перед собой, готовые сражаться не на жизнь, а на смерть...

Великан приблизился, вздымая пыль, напоминая былинных богатырей: громадный, в длинной белой рубахе, подпоясанный красным кушаком, в полосатых штанах и лаптях, с длинными седыми волосами, перехваченными красной лентой, с грозным и мрачным лицом судии. Светящиеся голубизной глаза богатыря под насупленными седыми бровями смотрели сумрачно и грозно. В руке он нес огромный, размерами с земной минарет меч.

Впрочем, иногда Илье, да и остальным тоже, мерещилось, что великан одет в кольчугу, а на голове у него шлем с бармицей, но эти видения тут же исчезали. Лишь потом люди поняли, что таким видело богатыря их сознание, отталкивающееся от земных стереотипов.

— Светогор! — прошептал Шурик благоговейно.

Гигант достиг берега реки, остановился, опустил меч и оперся на рукоять обеими руками.

— Желаю здравия, други! Что здесь происходит?

Голосом этот басовитый хриплый рык назвать было трудно, и от него по холмам побежало хрусткое эхо.

Владислава вдруг храбро выступила вперед, раскинула руки.

— Мы хотим пройти на тот берег!

— Зачем?

— Чтобы передать послание Властелину Нави! Его ученик... или слуга, уж не знаю, слишком часто навещает Явь и готовит злодеяние! Его надо остановить!

— О каком ученике идет речь?

— О Мороке!

— Морок — не ученик Владыки и не слуга, он — Лик его, одно из его воплощений.

— Это дьявольское воплощение! Морок хочет нас уничтожить! Всех людей! Заставляет их поклоняться низменным страстям, воевать друг с другом, калечит души!

— Он имеет право поступать как хочет.

— Но он не имеет права отнимать у нас жизнь и свободу! Не он нам ее давал!

Дракон оскалился, обнажив клыки, словно улыбнулся пренебрежительно, выдохнул клуб огня и дыма.

Великан посмотрел на него искоса.

— Что ж, может, вы и правы.

— Помогите нам пройти, мы никому не сделаем плохо.

Мара смерила Светогора неприязненным взглядом.

— С чего это ты проснулся, старик? Твоё время ушло. Возвращайся в свое лежбище, тебе давно пора на покой.

— Кто знает, что такое покой? — рассеянно заметил гигант. — Может, наоборот, мое время только начинается?

Мара зашипела, как кошка, лицо ее исказилось, стало некрасивым, злым, ужасающим.

— Сгинь, дубина! Мы знаем, кого можно пропускать через мост, кого нет! Этим людышкам нет сюда дороги!

Светогор склонил голову к плечу, разглядывая ходоков из-под кустистых белых бровей.

— Русичи... чую родную кровь... как там у вас, в Яви? Кто правит? Какой князь?

— На Земле двадцать первый век, — сказал Антон. — Или семьдесят шестой, смотря как считать. И правят нами не выборные князья, а президенты... плюс депутаты Думы, замороченные Тьмой. Пора бы тебе вернуться и почистить наши властные конюшни.

— Ваша Земля меня не держит, слишком тяжел я для нее. Но здесь я вам помогу. Проходите.

— Ты с ума сошел, стариk?! — изумленно воскликнула Мара. — С какой стати ты здесь раскомандовался?!

Светогор тяжело посмотрел на нее:

— Была бы ты здесь полна я, я бы тебе ответил. Но ты ушербна и зависима.

— От кого это я зависима? — надменно вскинула подбородок стражница моста. — От мужа, что ли?

— Был бы здесь твой муж, ты бы вела себя иначе. Однако тебя слишком часто стали видеть в компании с Мороком. Он и тебе голову задурил. А ведь ты была когда-то другой, Марена. Не только души маетой ослепляла, но и Прозрение готовым видеть истину дарила. И карала не ради удовольствия, а ради Правды, и только тех, кто сам, ничего не ведая, дерзал другим указывать Путь ко Вратам Обители Мудrosti.

— Не тебе меня обвинять в грехах, стариk! Сам грешен!

— Чего уж там, грешен, — сокрушенno кивнул седой головой Светогор. — Тоже чарам Морока поддавался, Илюшке Черному поверил, сам в гроб лег. Да не вечен сей гроб. Проходите, родичи.

— Мы не позволим! — мужским голосом рявкнула Мара, так что у людей на мосту едва не полопались ушные перепонки. — Не ты здесь хозяин!

— Но и не вы.

Мара хлопнула ладонью по костяниому гребню на спине дракона.

— Темнозор!

Дракон раскрыл пасть, бросился на Светогора.

Великан с неожиданным проворством взмахнул мечом и одним ударом отрубил обе головы зверя. Повернул меч, прижал лезвие к обрубкам шей, из которых фонтанами ударили сизый дым.

Головы дракона, открывая и закрывая пасти, скатились с обрыва в реку. В небо взвились столбы дыма и ярких искр. Тело же стража моста начало распухать, увеличиваться в размерах, распалось на клубки черного редеющего дыма и на тучу алых огней, которые струей метнулись к реке и рассыпались по стене обрыва светящимися «норами».

Острие меча нацелилось в грудь сторожихи, отступившей назад.

- Не мешай им, Марена! Пусть идут!
- Они не смогут пройти! Навь их сожрет!
- Ну и оставь их, это не твои проблемы.

Мара показала острые зубы, глянула на застывших десантников, готовых сражаться до конца ради дела, покачала головой.

- Никогда не думала, что это возможно...
- Ты о чем?
- Живые здесь не ходят! Их удел — Явь!
- Значит, мир изменился, Разрушительница. Очевидно, такова воля Вышнего. Ступай своей дорогой, думай.

Мара бросила еще один взгляд на людей, скорее удивленный, чем враждебный и зловещий, отступила, начала таять. Над рекой поплыло кисейное редеющее облако черного дыма, растаяло.

— Удачи вам, родичи! — Светогор отсалютовал мечом, повернулся и зашагал по содрогающейся под его ногами равнине.

- Спасибо!
- Благодарим тебя!
- Будь здоров! — запоздало заговорили вслед ему ходоки.
- Почему он назвал нас родичами? — поинтересовался Ратников.

— Потому что он один из основателей русского Рода, — ответил Влад, с облегчением расправляя плечи, покосился на Илью, в руке которого блеснул чешуйчатый крест. — Я не знал, что у тебя есть уморье. Надо было сразу вытащить его, это своего рода пропуск.

— Я подумал, что таким оружием следует пользоваться только в исключительных случаях.

Влад покачал головой, не желая спорить, оглянулся на приходивших в себя спутников, направился к конечной части моста. Шурик присоединился к нему с винтовкой в руке.

- Спускаемся на берег! — повысил голос Илья.
- Отряд устремился за проводниками.

* * *

Полчаса они отдыхали на вершине холма, поглядывая на оставшийся позади Калинов Мост. Какое-то время он сиял издали белой синусоидой, напоминая спиральку в лампочке накаливания, потом погас.

Зато стала видна дорога, начинавшаяся от моста, вернее, от того места на берегу реки Смородины — границы Кромки, где он стоял. Сначала никто не обратил внимания на узкую долину, в том числе Илья и Влад, посчитавшие эту деталь ландшафта ровной и длинной низиной. Затем Данила разглядел, что низина переходит в выпуклый увал с плоской вершиной, уходящий к горизонту, и ходоки поняли, что это самая настоящая дорога.

— Интересно, куда она ведет? — задал сам себе вопрос Ратников.

— Интересно другое — кто ее построил, — отозвался Антон.

— Скорее всего это след, — неуверенно сказал Влад.

— Какой еще след? Чей?

— Морока... Он проходил здесь...

— Он же не человек. То есть не существо из плоти и крови. Наверняка в своих владениях он перемещается не по земле.

— Летает, что ли? — хмыкнул Ратников. — Как Баба-яга в ступе?

— Ну, не знаю, на ступе ли, на вертолете, на чем-нибудь другом.

— И все же это след, — упрямо повторил Влад. — Он может привести нас к Черной Обители.

— Ты хочешь сказать — к замку Морока?

— Учитель говорил, что Морок живет везде и нигде, мы можем вообще его не встретить... если он не объявится сам. А Чернобог живет... — Влад запнулся, — обитает в Черной Обители.

Антон глянул на Илью:

— В принципе нам к нему и надо, если я правильно понял цель миссии. А поскольку ориентиров тут нет никаких, можно идти и по дороге.

— По следу...

— Ну, по следу.

Илья задумался, взвешивая решение:

— Пойдем в том направлении, но не по дороге, а вдоль. Не стоит рисковать, используя внезапно появляющиеся удобства. Влад, твое мнение?

Проводник пощипал подбородок, пребывая в нерешительности, что-то прикидывая, кивнул.

— Да, так будет лучше.

Отряд двинулся с холма к дороге, которая могла быть на самом деле чем угодно, в том числе и трансфизическим объектом, «следом» Властелина Нави.

Оказалось, что последнее соображение, пришедшее на ум Илье, в какой-то степени отражает реалии здешнего мира.

Сначала ровная серая полоса, венчавшая вершину увала, действительно походила на асфальтовое шоссе, усеянное радужными разводами пролитого бензина. Потом, километров через восемь, шоссе это стало потоком жидкой грязи, а еще через несколько километров — потоком вулканической лавы.

Остановились поодаль, на холмике, разглядывая огненную реку.

— Дорога в ад! — с чувством произнес Ратников, которого радовала любая остановка. — Влад, что бы сказал на счет этого твой учитель?

Проводник, по обыкновению, промолчал.

— Это настоящая лава или нет? — не успокаивался Ратников. — Что-то я не ощущаю сильного жара.

— Я знаю, что это такое, — ухмыльнулся Антон. — Не лава, а благие намерения.

— Чего? — не понял полковник.

— Помните пословицу: «Дорога в ад вымощена благими намерениями»?

— Вон ты о чём... никогда не представлял себе благие намерения в виде физического явления... Хотя, на мой взгляд, мы уже давно тащимся по аду. Влад, что это, по-твоему, преисподняя или еще нет?

— Это Навь, — тихо ответил проводник, не спуская глаз с огненной реки. — Не ад и не преисподняя. Ад — христианское изобретение. В славянской мифологии все иначе.

— Ну почему, ад существует и в других религиях, я читал.

— Наши предки описывали Явь, Навь и Правь. — Влад подумал и добавил: — И Ясунь.

— Что? Не ошибся? Может быть, Славь?

— Славь — это этический Принцип. А Ясунь — высшие райские реальности или планеты, где жители получают максимум чувственных наслаждений.

— Об этом я ничего не читал, — сказал Ратников удивленно. — То есть слышал, что существует еще и Славь... но про Ясунь — ничего... А что в таком случае представляет собой Правь?

— Мир Духовный, Обитель светлых богов. Явь — это низшие райские миры и миры материального плана, как наша Земля. Навь же — адские миры, но не в христианском понимании, это Обитель демонических сил, несущих не только разрушительное начало, но и потенцию обновления и созидания.

— Красиво говоришь! — восхитился Ратников.

— Влад — кандидат философских наук, — вмешался в разговор Шурик, виновато шмыгнул носом, поймав недовольный взгляд проводника.

— Понятно, — с уважением сказал Ратников.

— Примерно такую же иерархию придумали и аборигены Бали, — сказал Илья. — В их мифологии известна хтоническая сфера — келод, обитель дьявола, — несущая примерно ту же функцию, что и Навь.

— И в буддизме, — несмело заметил Данила.

— В буддизме существует брахмалока — верхний рай так сказать, состоящий из двух сфер: имеющей форму рунаварчары и не имеющей формы арупадхаты. Кстати, мусульманский рай, по преданиям, расположен на восьми небесных сферах, а их ад — джанна описывается как многоэтажная пирамида. Да и древнеиндийский ад — нарака разделен на

семь, а по другим источникам, — на двадцать один, двадцать восемь или пятьдесят кругов.

— Лично мне достаточно и одного круга, — буркнул Ратников, морщась. — Хватило бы сил пройти... Значит, если я вас правильно понял, нас тоже ждут десятки кругов ада?

— Еще три, — качнул головой Влад.

— Почему три?

— По количеству стихий. Или планов. Мы сейчас преодолеваем первый план — материальный, олицетворяющий стихию земли.

— В таком случае следующим будет план воды? А потом воздуха?

Влад промолчал.

— Отдохнули? — вспомнил о своих командирских обязанностях Илья. — Всем по глотку воды и вперед!

Отряд двинулся вдоль странной дороги, которую Влад назвал «следом Морока», обходя ямы, низины и все чаще появляющиеся скалы и груды камней. А через час с небольшим все тот же Данила обратил внимание на некую упорядоченность каменных скоплений, и ходоки поняли, что это, по всей видимости, развалины неких сооружений. Остановившись, правда, для их более детального изучения не стали. Навалилась усталость, в душах закопошилось некое безразличие ко всему происходящему, да и Ратников, измученный терзающей тело болью, все чаще начал отставать. Тогда Пашин решил устроить привал.

Выбрали наиболее живописные развалины, еще сохранившие кое-где геометрически правильные формы, направились к ним.

Идти было трудно, и чем дальше от дороги удалялись десантники, тем труднее становился путь. Ноги стали вязнуть в рыхлом грунте или проваливаться в скрытые песком трещины. Появились ямы, сначала сухие и мелкие, потом глубокие, как колодцы, с зеркалами черной воды. Антон сбросил ногой в одну из таких ям небольшой камешек, и это простое движение породило непредвиденные последствия.

Камень звучно шлепнулся о поверхность воды, которая

оказалась вовсе не водой. Вверх рванулся фонтан капель, и каждая капля превратилась в некое крылатое существо, напоминающее летучую мышь. Поверхность колодца заходила ходуном, расплескиваясь на клочья черной жидкости, и через несколько мгновений вся «вода» превратилась в стаю «летучих мышей», бросившихся на людей.

Сначала десантники отбивались от них каждый сам по себе, потом Илья скомандовал:

— Становитесь спиной к спине! Прячьте лица! Эти твари кусаются!

Десантники повиновались, набросили на головы капюшоны.

Антон дал короткую очередь по мечущейся туче, но это не произвело на крылатых тварей никакого впечатления.

Тогда Илья достал уморь. Тотчас же атака «летучих мышей» захлебнулась, стая взлетела вверх будто под порывом ветра, «мыши» начали превращаться в жидкие капли и посыпались дождем в яму, пока не наполнили колодец почти до прежнего уровня. Поверхность жидкости еще какое-то время содрогалась, ходила волнами и наконец успокоилась.

— Вот дрянь! — выдохнул Ратников, опуская руки. — Кто-нибудь скажет, что это такое?

— Души умерших, — предположил Антон, оскалившись. — Всяких там бандитов, отморозков и убийц.

— Нет, — качнул головой Влад.

— Предложи свой вариант.

— Возможно, это мертвая вода.

— Какая же это вода? Эти твари кусаются, как настоящие крысы!

— Учитель предупреждал, что в Нави возможны любые трансформации и визуальные эффекты.

— Ты хочешь сказать, что мы видели не то, что здесь происходит на самом деле?

Влад отвернулся, давая понять, что ответа на вопрос он не знает.

— Ясно одно, — пришел ему на помощь Илья. — Что мы здесь — лишние и воспринимаем все в искаженном свете. Просто в силу ограниченности сознания и отложенных в

памяти стереотипов мышления. Все, что мы видим и ощущаем, порождено нашей фантазией.

— Что скажешь? — повернул голову к проводнику Антон.

Влад неопределенно шевельнул плечом.

— Понятно, зеро информации. Но в таком случае и Светогор выглядит иначе? Это лишь нам он кажется человеком, великанином, а на самом деле он какой-нибудь паук или циклоп с рогами. Нет?

— Все не так...

— А как?

— Все не так просто. Светогора видели и другие люди... и описали таким, каким он показался нам. Изредка он поднимается в наш мир, в Явь... поднимался раньше.

— Мужики, давайте не будем углубляться в тьмутарачанские мифические дебри, — взмолился Ратников. — Нет смысла обсуждать, как выглядит Светогор. Для нас важнее — какими мы видим обитателей Нави, а не кто-то другой. Идем дальше?

— Не спеши, — качнул головой Илья. — Ты прав, нет смысла ни пытаться объяснить явления здешней природы, ни искать место для отдыха. Те развалины тоже могут оказаться вовсе не остатками какого-то замка.

Словно услышав его слова, огромные камни, обтесанные с виду человеческими руками и превращенные в каменные блоки, столбы и арки, вдруг начали «дышать», менять очертания, приобретать некие живые формы.

Отряд замер, хватаясь за оружие.

— Что я говорил?

— Вот дрянь! — сквозь зубы процедил Ратников. — Хорошо, что мы туда не дошли!

— Возвращаемся.

Стараясь не наступать на попадавшиеся на пути плоские камни и бугорки, обходя рывины, канавы и ямы, десантники вернулись к дороге, все больше и больше напоминавшей поток лавы с язычками огня. Устроились на вершине увала, в полусотне метров от огненной реки. Развернули две палатки. Съели по галете, запили соком и водой. Женщины, утомленные долгим хождением по буеракам, улеглись в од-

ной палатке, тихо переговариваясь. В другой палатке устроились Максим и Данила.

В силу молодости и природного оптимизма певец и художник уснули почти мгновенно, в отличие от полковника, которого мучила рана. Илья заставил его раздеться, оглядел рану, покачал головой.

— Что, плохо? — посмотрел на него Терентий.

— Тебе бы в больницу...

— Вы же вытащили пулю.

— Не нравится мне твоя дырка. Красная слишком. То ли здесь атмосфера такая, не способствующая исцелению, то ли мы инфекцию занесли.

Пашин потер ладонь о ладонь, накрыл ими грудь раненного, не касаясь кожи, закрыл глаза.

— Тепло... — пробормотал Ратников сонным голосом.

— Лежи смирно, постарайся уснуть.

Илья сосредоточился на передаче энергии. Но егохватило всего на две минуты. Он отнял руки, бледнея.

— Не могу... как в бочку утекает!

— Мне стало лучше, — поспешил успокоить его Ратников.

— Иди, отдохтай, — посоветовал Антон угрюмо, наблюдая за другом.

— Разбуди через пару часов. — Илья встал, пошатнулся, но справился с собой, дошел до палатки с женщинами, скрылся внутри.

Антон и Влад посмотрели друг на друга.

В глазах Громова стоял вопрос: дойдем ли?

В глазах Влада читался ответ: не знаю...

Глава 31

ПОГОНЯ

Перо Финиста — Ясна Сокола в кармашке на груди грело, как тепловая батарея, и успокаивало душу. Но Георгий все же заставил себя остановиться, как только выпал из «колодца невесомости» в мир Кромки, и провести процедуру внутренней биополевой перестройки.

Для этого он выбрал посреди болота бугорок повыше и посуше, уселся на его вершине, скрестив ноги, выпрямил спину, закрыл глаза и настроился на глубокую медитацию. Затем превратил свой внутренний энергетический стержень (вдоль позвоночника) в крест и заставил этот крест вращаться в двух направлениях сразу.

Образовалось пространственное энергетическое яйцо с полупрозрачными зыбкими стенками.

Тогда Георгий с усилием раздвинул яйцо таким образом, чтобы его стенки отошли на расстояние одного метра от тела, и сделал их зеркальными, отражающими любые внешние биополевые излучения.

Защитный кокон был готов.

После этого он встал, огляделся и сразу увидел тропу, пересекающую болото. Приблизился к ней, настраиваясь на экстрасенсорное восприятие здешней «магической физики», прошелся вдоль тропы, кивнул сам себе.

Он не ошибся.

Во-первых, это была та самая Тропа Троянова, проявляющаяся в мире Кромки лишь на короткое время и дающая направление тем, кто крепок верой и духом. Во-вторых, посланцы Иннокентия прошли здесь недавно, и следы их — в ментальном поле — были еще видны.

Однако, кроме них, Георгий заметил и неясные туманные «царапины» на каменистых возвышенностях возле Тропы, оставленные явно не людьми и явно не с добрыми намерениями. И появились они позже, уже после того, как по Тропе прошли люди.

Мороки — вспомнилось предупреждение Иннокентия. Черный Вей запустил во Врата своих черных двойников, бросившихся в погоню за отрядом Пашина. А что случится с десантниками, если их догонят посланцы Вея, нетрудно было представить.

Георгий сосредоточился на входении в режим активного движения, увеличил скорость хода, потом побежал. Тропа послушно легла под ноги ровной «асфальтовой» дорожкой. Болото Кромки он пересек всего минут за сорок — по внутреннему отсчету времени, преодолев около двенад-

дцати километров. Затем впереди распахнулась черная холмистая равнина, отгороженная от болота ущельем огненной реки Смородины, и Георгий замедлил бег. Добрался до обрывистого берега, ощупывая его «локатором третьего глаза».

Отряд был здесь и, судя по всему, благополучно перебрался на тот берег. Следовательно, Калинов Мост и его стражи пропустили ходоков, иначе те остались бы на этом берегу Смородины в ожидании переправы.

Георгий заглянул в ущелье. Смородина несла не воды, а струи ниргуны, которую использовали в своих целях колдуны Храма Морока, и сочетала эта субстанция странные свойства, свойства мертвой и живой воды одновременно.

Георгий достал из рюкзака флягу синего стекла с двумя горлышками, моток лески. Привязал конец лески к горлышку, пропустил ее между пальцами, «обмазывая» зеркальным «пламенем» защитного кокона, и опустил флягу в сине-фиолетовую, пузыряющуюся, пускающую неяркие язычки голубоватого пламени реку под обрывом.

Фляга исчезла из глаз, леска натянулась, но выдержала. Георгий рывком вытащил ее, подержал на весу, чтобы со стенок фляги стекло на землю синее пламя, быстро завинтил колпачок, обжигаясь и дуя на пальцы. Вытер флягу насухо о штанину, встряхнул, глядя на мерцающее внутри голубоватое «газовое» пламя.

Иннокентий сказал — пригодится. Что ж, посмотрим. Для кого-то это ниргунा, источник силы, омолаживающий организм, — ученый-физик назвал бы эту жидкость Бозеконденсатом, — но главное, что ниргунा может стать и взрывчаткой огромной разрушающей монси. Пусть это будет для вас сюрпризом, господа черти, бесы и демоны.

Георгий сосредоточился на мысленном вызове духов Кромки, и уже через несколько секунд совсем недалеко от него возник Калинов Мост, о котором древние русичи сложили немало легенд.

Но если перед ходоками ушедшего вперед отряда он предстал в виде скелета динозавра, то Витязю мост показал-

ся одной железной фермой, без настила, по которой мог бы вполне комфортно проехать танк.

Хмыкнув, Георгий взобрался на ферму со множеством заклепок, топнул ногой, породив металлический гул. Натуральная сталь, мать твою! Ну и воображение у тебя, господин бывший танкист. Такие мосты строили только в войну. Надо же, застряло в памяти.

Мост дернулся под ногами как живой, на мгновение превратился в каменное строение тяжеловесных форм, но тут же вернул былую форму.

Не брыкайся, проговорил про себя Георгий озабоченно, включил темп и вихрем помчался к противоположному берегу, цокая ботинками по железной поверхности фермы.

Похоже, система охраны моста не ожидала такой прыти от пожилого с виду человека, мало похожего на воина. Поэтому что мост рухнул в реку, загоревшись синим пламенем, уже после того, как Георгий спрыгнул с фермы на берег.

Не успел отреагировать на его переход и собственно страж моста — огромный дракон, сплетенный из струй алых огней, сорвавшихся с берегового откоса.

Не дожидаясь, пока дракон попросит «предъявить полномочия», Георгий опрометью бросился прочь от места переправы и взбежал на холм в километре от реки в тот момент, когда дракон только-только встал на дыбы и оглянулся на промелькнувшую мимо тень.

— Никого больше не пропускай! — строго погрозил ему пальцем Георгий. — Кроме наших. Мы скоро вернемся.

Дракон распался на вихри летающих огней, рассыпавшихся по береговому обрыву.

Георгий огляделся и увидел дорогу.

— Исход з в е р я, — сказал кто-то тихо.

Георгий даже оглянулся, настолько явственным был этот голос. И только чуть позже понял, что это был голос интуиции.

— Еще бы такси... — пробормотал он вслух.

Однако мир Нави на эту мечту не отреагировал.

— Ладно, доберемся и так.

Георгий сбежал с холма, направляясь к дороге, уходящей к неблизкому горизонту.

Конечно, дорогой этот объект не являлся. Ров, заполненный жидкой пузырящейся грязью. Километрах в двух отсюда грязь начинала светиться и гореть, превращаясь в поток лавы. Вспомнились советы Иннокентия: «Морок мог оставить след, по которому вы дойдете до Черной Обители». Выходит, грязевой поток — это и есть его след?

Георгий прошелся вдоль рва с грязью, заметил те же туманно-серые царапины на почве, что и на тропе через Кромку. Мороки Черного Вея тоже были здесь.

Поторопись, Витязь...

Глава 32

МАСТА

Вопреки ожиданиям Ратникову стало хуже. Не помогали ни сеансы биопереноса, ни средства из аптечки, в которые входили противовоспалительные и жаропонижающие лекарства.

— Оставьте меня, — предложил он на очередном привале, окончательно выбившись из сил. — Заберете на обратном пути.

Илья хотел сказать, что возвращаться они скорее всего будут другим путем, но передумал. Легче от этого не стало бы никому. Но и продолжать путь по выжженной каменистой равнине вдоль потока — уже не лавы, а чистого оранжево-зеленого пламени — отряд не мог. Надо было принимать какое-то решение.

Последние несколько километров измотали всех. Поэтому как только Пашин объявил привал, женщины тут же сели на камни, вытянув натруженные ноги, ни на кого не глядя. Антон подсел к жене, и она прижалась к нему, закрыв глаза.

Шурик и Влад тоже не отказались от отдыха, выбрали ложбинки поудобнее и прилегли, подсунув под головы рук-

заки. Максим последовал их примеру. Было видно, что он устал физически и морально и держится лишь на гордости.

Данила, присевший было неподалеку, понаблюдал за действиями Ильи, пытавшегося поддержать Ратникова, потом вдруг поднялся и направился прочь от глубокого рва с жидким огнем, уходящего в обе стороны к горизонту.

По-прежнему в небе не было видно никаких светил, кроме поредевших звезд, но равнина была освещена почти как днем и просматривалась на десятки километров.

— Ты куда? — осведомился Антон, вспомнив о своих обязанностях телохранителя.

Ломов-младший не ответил. Поднялся на холмик в ста метрах от дороги Морока, залез на скалу, венчавшую вершину холма, долго смотрел на исчезающую вдали огненную борозду, потом вернулся.

— Там, впереди, море...

— Что? — не поверил Илья. — Какое море?!

Влад приподнялся на локтях, глядя на художника, перевел взгляд на Пашина.

— Смена планов...

— Ты думаешь, мы близки к...

— За планом земли следует стихия воды.

— Второй круг ада, — криво улыбнулся Антон. — Допустим, мы доберемся до этого моря. Что дальше? У нас нет ни катера, ни лодки, ни даже плота на худой конец.

— Что-нибудь придумаем, — сказал Илья, крутанув желваки на щеках.

— Надо еще дойти. — Антон кинул взгляд на Ратникова.

Терентий, лежащий на земле с закрытыми глазами, бледный до зеленого оттенка, зашевелился, открыл глаза.

— Я готов... пошли...

Все посмотрели на него. Данила подошел, подал руку, помог подняться.

— Что смотрите? — дернул щекой Ратников, обозначая улыбку. — Я еще крепок как дуб. А вот глоток рому мне бы не помешал.

Шурик снял рюкзак, достал алюминиевую флягу.

— Спирт.

— Давай. — Терентий хлебнул прямо из горлышка, заикался, поднес ко рту кулак, выдохнул. — Молодежи эту гадость не рекомендую.

— Дай и мне, — протянул руку Антон.

— Не надо, — тихо сказала Валерия.

— Алкоголь в малых дозах безвреден в любых количествах, — отшутился Антон, но флягу не взял.

— Пошли, — сказал Илья. — Данила, помоги полковнику. Через час я тебя сменю.

Отряд медленно двинулся в прежнем направлении, постепенно вытягиваясь в одну линию. Если бы кому-нибудь из обитателей «земного» уровня Нави взбрело в голову (при наличии таковой) напасть на ходоков, атака наверняка бы удалась. Но живые существа этот мир не населяли, а духи, издали наблюдавшие за процессией, связываться с живыми людьми не хотели. Кроме местных окрутных мороков, которые кружили над ходоками и давили на психику, возбуждая у них страх, безнадегу, равнодушие и усталость. Однако ничего поделать с гостями эти слабые тещи и Морока не могли. Люди были сильнее и терпеливее.

«Терпение — это мелкая форма отчаяния, маскирующаяся под добродетель», — вспомнил Илья чей-то афоризм¹. Усмехнулся про себя. Лично он держался на злости, а не на терпении, но предел был уже близок.

За два часа проползли пять километров с небольшим и действительно увидели впереди синеватую туманную полосу. Это было море, открытое Данилой, или граница подплатонов-кругов Нави. Там земная (земляная) твердь сменялась водным пространством, которое тоже надо было преодолеть.

Настроение ходоков немного поднялось. Все почувствовали прилив сил, оживились. Даже Ратников, едва ковылявший в арьергарде отряда вместе с Ильей, слегка приободрился и расправил плечи. В таком настроении проползли еще несколько километров и вышли на обрыв плато, круто

¹Амброд Бирс.

спускавшийся к гладкой, как стекло, с редкими морщинками волн водной поверхности.

Море, раскинувшееся вширь и до горизонта, имело глубокий синий цвет, с более темными прожилками и пятнами, и всем оно показалось таким безжизненным, мрачным, холодным, унылым, буквально пустым и мертвым, что у людей сжалась сердца.

Огненная борозда круто спускалась с обрыва на воду, но огонь с водой не реагировал, словно был заключен в прозрачную трубу, и лишь редкие струйки пара кое-где поднимались над тропой Морока, подчеркивая ее необычность и неподчинение законам физики.

— Отдыхаем! — сказал Илья после долгой паузы.

Ходоки опустились на землю, не сводя глаз с водной глади.

Все так устали, что никто из них не заметил, как в небе над пустыней, которую они прошли, появились растущие белые ниточки, напоминающие следы земных высотных самолетов, и беззвучно понеслись к берегу моря. Лишь Илья и Влад почувствовали какое-то беспокойство, томление, неуютное чувство приближающейся беды, но связали эти ощущения с предстоящей переправой через «план водной стихии».

— Нас кто-то ждет, — пробормотал Илья.

— Я чую, — отозвался проводник.

Назад оглянуться они не догадались.

Белые ниточки между тем опустились ниже, на их остриях обозначились странные зыбкие объекты, похожие на птиц и змей одновременно.

Встрепенулся Антон, оторвался от жены, поворочал головой.

— Что-то пахнет жареным, мужики. Вам не кажется?

Илья наконец сбросил с себя сонливое оцепенение, встал, но было уже поздно что-либо предпринимать, а тем более хвататься за оружие.

Птицы-змеи, сотканные из клочков серого тумана, разделились ровно по количеству ходоков, спикировали на них и вонзились в каждого, не оставив никакого следа!

Женщины вскрикнули.

Сознание людей помутилось на какое-то время... и восстановилось без особых болезненных ощущений. Только на какие-то мгновения все почувствовали присутствие в голове чужих объектов наподобие черных дыр, но и эти ощущения быстро прошли.

Илья посмотрел на свои руки, ноги, пытаясь оценить былое стеснение в груди и холод в голове, посмотрел на Влада, и ему не понравился ответный взгляд проводника.

— Что ты на меня так смотришь?

— Его надо оставить, — кивнул Влад на лежащего без движения Ратникова.

Илья нагнулся голову.

— Белены объелся?!

— Он стал обузой. Через море мы его не переправим.

Илья раздул ноздри, сцепил челюсти, сдерживаясь. Но раздражение оказалось сильнее.

— Во-первых, он наш друг...

— А что важнее — дело или дружба?

— Идиотский вопрос!

— С ним мы далеко не уйдем, и ты это знаешь.

— Он останется с нами!

— В таком случае я возвращаюсь.

— Эй, малыш, ты на кого голос повышаешь?! — удивился Антон. — Тебе дано указание сопровождать нас, вот и давай, исполняй приказ!

— А вы на него не орите! — окрысился вдруг Шурик. — Мы вам не слуги!

— Чего?! Ты-то сам кто такой?! Тебе слово давали?! Снайпер хренов! Сиди и молчи в тряпочку!

— Дядя, я ведь и ответить могу!

— Да ну?! Испугал ежа голой ж...й! Ну, давай, ответь! Или слабо без винтовочки?

Шурик, поколебавшись мгновение, отставил винтовку в сторону, пригнулся, пошел к Антону боком. Тот отшвырнул пистолет-пулемет, прыгнул навстречу.

— Прекратите! — попытался остановить их Илья.

Валерия кинулась к мужу.

— Антон, не надо!

— Пусть подерутся, — скривила губы Владислава. — Два дурака!

— Что?! — обернулась к ней Валерия. — Ты назвала моего мужа дураком?!

— А разве это не так? Он же бывший зэк... и алкаш...

— Да я тебе язык вырву, колдунья! — Валерия бросилась на Владиславу.

— Дуры, — хихикнул Влад.

Илья, давно едва сдерживающий захлестнувшие душу эмоции, прыгнул к нему и удариł.

Влад попытался поставить блок и увернуться, с криком отлетел на несколько метров в сторону и едва не свалился с обрыва.

Вскочили и отдыхавшие Максим с Данилой, ошеломленные резкой сменой настроения спутников.

— Они что, с ума сошли?! — выдохнул Бусов. — Идиоты!

— На себя посмотри, — не выдержал Ломов-младший. — Они же вдвое старше тебя, и ты не имеешь права судить...

— Да пошел ты!

Данила сжал кулаки, нагнул голову:

— Возьми свои слова обратно!

— Да пошел ты!

Данила бросился на Максима.

Антон двумя ударами уложил Шурика на землю.

Валерия вцепилась в волосы Владиславы, обе упали.

Илья ответил на прыжок и удар Влада и снова чуть не сбросил его с обрыва.

Антон подскочил к упавшим на землю женщинам, оторвал Владиславу от жены и наскочил на кулак Ильи. Упал, перекатился особым приемом, вскочил, хватая с земли пистолет-пулемет.

Схватились за оружие и остальные.

— Остановитесь! — раздался вдруг громовой голос.

Разделенные на противоборствующие пары, десантники замерли, косясь по сторонам, стараясь не выпускать из виду противника.

— Остановитесь! — повторил кто-то с той же мрачной силой и угрозой. — Вспомните, кто вы! Люди или животные?!

Стало тихо.

Илья стряхнул с себя мутное оцепенение, мешающее со средоточиться на смысле сказанного, оглянулся.

С недалекого холма смотрел на них Георгий с разведенными в стороны руками. В правой руке он держал крест-уморь, в левой — нечто похожее на язычок радужного пламени.

— Немедленно прекратите! — добавил Витязь, вычертив крестом замысловатый знак, оставивший в воздухе светлый след. Затем коснулся креста «язычком пламени», махнул им в сторону Пашина, и к людям понеслась струя прозрачного света.

Илья попытался отпрыгнуть в сторону, но сумел подавить страх в душе и желание выстрелить.

Струя ударила в него беззвучной молнией, вышибла дух на мгновение, а вместе с ним и какой-то визжащий серый клубок дыма. Илья упал на колени, силясь не потерять сознание.

Антон, сообразив, что происходит, поднял ствол пистолета-пулемета, собираясь дать очередь. Но Илья, кусая губы, простонал:

— Не стрелять!

Георгий махнул крестом еще раз, посыпая сгусток светящегося тумана.

Сгусток настиг Антона, по-заячьи скакнувшего с камня на камень, вонзился ему в голову, также вышибая из нее клуб черного дыма. Громов согнулся, роняя оружие, оперся ладонями о землю.

Остальные, переглядываясь, попятались.

Шурик поднял винтовку, выстрелил, но Георгий качнулся влево, пропуская пулю, и «выстрелил» в ответ. Уморь метнул струю света, безошибочно угодившую в снайпера. Шурик выронил винтовку, схватился за голову.

Георгий сбежал с холма, продолжая на ходу колдовать с жезлом силы, обезвредил Влада, женщин, но не тронул

Максима и Данилу, которые перестали драться и попятились назад, явно не желая подчиняться.

Илья поборол слабость, поднялся на ноги.

Выпрямился с натугой и Антон.

— Что ты сделал?!

— Изгнал бесов, — ответил Витязь хладнокровно, пряча уморь в карман штанов, а «язычок пламени» — в карман на груди.

— Каких бесов?!

— Мороков, — хрюпло сказал Илья. — Иннокентий предупреждал нас. Это были они?

Георгий кивнул, разглядывая отступивших к обрыву певца и художника.

— Твою мать! — выдохнул Антон. — Вот почему мы взбесились!

Влад вдруг бросил свой лук и сел на корточки, пряча лицо в ладонях.

— Простите меня!..

Антон похлопал его по плечу.

— Мы все были не на высоте. — Он подошел к Шурику, на лице которого вспухли синяки. — Извини, дружище. Я не понимал, что делаю.

— Я должен был преодолеть мороку, — глухо проговорил Влад. — Меня учили... я готовился...

— Это были мороки Черного Вея, — сказал Георгий. — Он послал их за вами, наделив чудовищной силой, затмевающей сознание. Даже я не смог бы с ними тягаться на равных.

— Справился же?

— Я только помог вам избавиться от них, внутри вы со- противлялись, но не хватало собственных душевных сил. Если бы вы сдались, все сейчас были бы мертвые.

Антон посмотрел на молодых людей, сжимающих кулаки, не знающих, что делать.

— Почему ты не выбил мороков из них?

— Они — обретенники, будущие радетели Рода, и должны справиться с мороками сами.

Валерия и Владислава обнялись.

— Ох, как мне стыдно! — шепнула Владислава, заплакав.

— Прости меня! — ответила Валерия, давясь слезами.

Мужчины, отводя глаза, подобрали оружие, выстроились за Георгием в линию.

— Что они должны сделать? — кивнул Илья на молодых людей, в глазах которых боролись сомнения и надежды, легкий флер безумия и рассудок. — Чем мы им можем помочь, чтобы вышвырнуть мороков?

— Это они должны сделать сами. И без подсказок!

Максим и Данила переглянулись.

— Мы им ничего не должны, — разлепил разбитые в кровь губы Бусов.

Данила посмотрел на свои сжатые кулаки, с усилием разжал их, выпрямился.

Поискав глазами, он подобрал камешек, разровнял ногой песок и начертил на нем несколько причудливо переплетающихся линий. Это была руна ВЕ-РА.

Руна вдруг вспыхнула на мгновение, пустив веер призрачных лучиков. Данила вздрогнул. Какая-то серая струйка вырвалась у него изо рта, метнулась прочь.

Лицо парня побледнело. Он посмотрел на внимательно разглядывающих его мужчин и притихших женщин. В глазах рунописца протаяла горестно-виноватая тень. Губы задрожали.

— Простите... меня...

— Все в порядке, — ожил Антон. — Молодец, Ломов, не подкачал. Ну, а ты что ж, голосистый наш?

Максим скривил губы, собираясь ответить ругательством, но сдержался. Открыл рот, закрыл. Покраснел. Он не знал, что нужно делать, да и морок, сидевший внутри, мешал думать.

— Спой! — тихо сказал Данила.

Максим слотнул, борясь с желанием послать приятеля куда подальше, однако все же справился с собой, вспомнил уроки Иннокентия.

Первый взятый им «аккорд» оказался неуверенным и слабым. Максим снова покраснел, бросил взгляд на слуша-

телей, но никто из них не улыбался ехидно и не сделал ни одного презрительного жеста. Все стояли и внимательно слушали. Тогда певец сосредоточился на внутреннем «обретении веры», как учил волхв, прижал ладони к вискам и запел.

Дивной красоты баритон взлетел над холмами и мертвым морем Нави, породив множество звонких отголосков.

— М-рр-а-а-к с-ги-и-и-ны!..

И не успел затихнуть последний зов эха, как из головы Бусова вырвалась серая спиралька и с визгом умчалась прочь, растаяла в воздухе.

Максим пошатнулся, бледнея, и, наверное, упал бы, но Данила подскочил к нему и поддержал под локоть.

— Блин! — сказал Антон, облизнув губы, покачал головой. — Ну и голосище! Аж до нутра пробрало! Что скажете, Витязь? Он избавился от этого дерьяма в голове?

Георгий приблизился к певцу, заглянул ему в глаза.

Максим криво улыбнулся:

— Моя голова со мной не дружит.

— Уже дружит, — усмехнулся в ответ Георгий. — Как самочувствие?

— Словно у меня вырезали что-то. — Максим ткнул пальцем в грудь и в голову. — Здесь и здесь...

— Мороки оставляют следы, изменяющие мироощущение. Иногда человек незаметно для самого себя перерождается, поэтому с этими следами надо бороться еще долго.

— А чем это ты изгонял из нас бесов? — полюбопытствовал Антон. — Похоже на пламя зажигалки.

— Это перо Финиста.

— Перо? Не может быть!

— Благодарю, поручик, — подал Илья руку Георгию. — Ты вовремя вмешался. К стыду своему, я не смог воспротивиться своему мороку. Не знаю, чем бы все закончилось.

— Это было страшно! — передернула плечами бледная Владислава, беря мужа под руку.

Валерия подошла к мужу, неожиданно робко обняла его.

Антон погладил ее по волосам, ошеломленный призна-

нием Георгия, что тот изгнал мороков «пером Финиста», проворчал:

— Нет смысла об этом вспоминать. Все кончилось хорошо. Пора подумать о переправе.

— Да, ладья Харона не помешала бы, — кивнула Валерия с бледной улыбкой. — Терентия надо на чем-то везти.

Все оглянулись на Ратникова.

— Черт, мы же совсем забыли про полковника! — Антон быстрым шагом направился к раненому. — Что-то он не шевелится!

Илья бросился вслед за другом к Ратникову, нагнулся и увидел широко раскрытые глаза Терентия, устремленные в небо.

Ратников был мертв!

Глава 33

КОРАВЛЬ ДУХА

Известие о смерти верного товарища поразило ходоков как гром среди ясного неба, заставив их испытать отчаяние и страх. Но длилось это замешательство недолго. Георгий принялся командовать отрядом, и люди оживились.

— Мы можем спасти его, — заявил Витязь, осмотрев Ратникова. — Он умер недавно, и душа еще не покинула тело. Станьте в круг. Представьте, что он оживает, встает, улыбается, ну, и так далее. Подпитайте его мысленно.

— И все? — спросил Антон.

— Все! — отрезал Георгий.

Люди повиновались.

Георгий кивком позвал Влада, и они раздели Ратникова до пояса, положили поудобнее. Стало видно, что вокруг зарубцевавшейся раны на груди полковника разлилась фиолетовая чернота с красными и зеленоватыми разводами. Морок, проникший в тело полковника, не смог завладеть его душой, но смог остановить сердце.

Георгий достал флягу фиолетово-синего стекла с двумя горлышками, отвинтил колпачок и пролил на грудь Терен-

тия струйку жидкого голубоватого пламени. Струйка зашипела, пробила дырку в рубце раны, всосалась в кожу. Тело Ратникова конвульсивно содрогнулось.

Собравшиеся вокруг десантники вздрогнули.

Влад положил руки на грудь Ратникова, соединив пальцы кольцом вокруг раны.

Георгий достал уморь, затем «язычок пламени», действительно оказавшийся светящимся, переливающимся всеми цветами радуги птичьим пером.

Люди затаили дыхание.

— Максим, пой! — скомандовал Георгий.

— Что петь?! — растерялся Бусов.

— Вспомни «розовый шум», октаву «ми».

Максим открыл рот, закрыл, не издав ни звука. Просипел, бледнея:

— Горло... перехватило!

— Сoberись! — сжал его локоть Антон.

Максим закашлялся, сделался багровым, на лбу его выступили капли пота.

— Ты сможешь, Максим! — убежденно прошептала Владислава. — Давай!

Бусов сжал кулаки так, что ногти впились в ладонь, закрыл глаза.

Сначала тихо, потом громче из уст его полилась-потекла странная песня без слов, горянная, зудящая, вибрирующая в диапазоне лада «ми».

И у слушателей вдруг прояснились головы, заблестели глаза, дыхание перехватило, в сердцах родилось радостное томление, ожидание чуда и счастья.

Георгий взмахнул уморем, вонзая в голову Ратникова клинок бледного лунного сияния. Тело полковника выгнулось дугой! Из головы с визгом вылетела серая струя, кружилась змеей туда-сюда и умчалась в небо.

Ратников застонал.

Вскрикнули женщины.

Влад отнял руки, сел, буквально позеленевший от потери энергии.

Георгий провел пером по груди Терентия, по лбу, по щекам, спрятал в карман, похлопал раненого по плечу.

— Вставай, друже, пора в путь.

Ратников, бесцельно шаривший вокруг себя руками, поднял голову. Глаза его наполнились жизнью.

— Где я?

— На том свете, — серьезно ответил Витязь.

Антон засмеялся с облегчением.

— Эт точно! Мы все на том свете, полковник. Но — живые!

Ратникову дружно помогли встать, Илья коротко рассказал ему последние события, упустив подробности всеобщей драки, случившейся в результате помрачения рассудка, а также о сеансе оживления полковника, и повеселевший отряд собрался на краю плато, глядя вниз, на каменистый, усеянный крупной галькой берег.

— Харон явно манкирует своими обязанностями, — изрек Антон полуслугливо. — Почему его нет? Он же должен перевозить души.

— Харон живет в других мифах, — покачал головой Влад; проводник был недоволен собой и мрачен, все еще переживая проявленную час назад слабость.

— Я имею в виду, что никто нам с переправой не поможет, — уточнил Антон. — У вас есть какие-то идеи?

— Надо строить корабль.

Антон посмотрел на Влада как на больного.

— Из чего? Из камней?

— Он имел в виду другой корабль — духовный, — не громко сказал Георгий. — При определенном психофизическом посыле эта идея реализуется. Думаю, это в наших силах.

— Ну, если существует технология...

— Технологию определяем мы. Придется очень сильно пожелать, чтобы нам помогли духи этих мест. Если хватит сил, они откликнутся.

— Нам надо создать эгрегор? — догадался Ратников.

— Можно сказать и так, — усмехнулся Георгий. — Духовную общину, пусть и небольшую.

— Но мы не встретили на пути ни одного духа.

— Вы просто их не видите, они кругом, и их много.

Ходоки завертели головами во все стороны.

— Иногда мне кажется... — признался Данила смущенно.

— Что-то прозрачное движется... столбики, вихрики... я думал, что это галлюцинации... или особенности атмосферы.

— А если мы вызовем... э-э... недружественных духов? — спросил Ратников.

— Дружественных здесь нет, — сказал Влад.

— Тем более! Зачем же рисковать?

— Надо их заинтересовать.

— Чем? Вряд ли их привлекут наши вещи.

— А если нас услышит Морок? — полюбопытствовал Максим.

— Тем лучше, — пожал плечами Влад. — Никуда не надо будет идти и плыть.

— Прав был философ, — ухмыльнулся Антон. — Не помню кто, если честно. Но он точно отразил нашу ситуацию.

— Как? — поднял бровь Илья.

— Он сказал: «В аду имеет смысл только молитва, обращенная к дьяволу».

— Весьма разумное замечание.

— Спускаемся к берегу, — скомандовал Георгий; с его возвращением управление отрядом автоматически перешло к нему, и Илья почувствовал огромное облегчение.

Отряд начал медленно спускаться с обрыва, используя пологие песчаные откосы и неровности скальных выступов. Илья помог спуститься Владиславе, Антон — Валерии. Спуск занял около часа, и ходоки собрались на каменистом мыске, выдающемся в море, разглядывая прозрачную до самого дна голубую воду.

Это море походило на земные моря только размерами водной поверхности. Его дно оказалось абсолютно пустым и безжизненным. Ни одна водоросль, ни один коралловый полип не росли в воде, ни одно живое существо — рыбешка, головастик, креветка, медуза — не плавало в глубине при-

брежных вод. Море Нави представляло собой гигантскую ванну, наполненную чистой дистиллированной водой.

— Мертвая вода... — пробормотал Ратников.

Никто ему не возразил. Все понимали, что он имел в виду.

— Может, приступим к делу? — осведомился Антон, чувствуя себя неуютно.

Впрочем, ощущения остальных тоже не отличались оптимистическим настроем. От моря тянуло пронизывающим холодом, и по спинам людей бежали ледяные мурashки.

— Да, пожалуй, — сказал Георгий, отрывая взгляд от огненной борозды, пересекающей море и исчезающей за горизонтом.

— Что мы должны делать? Медитировать?

— Прежде всего надо собраться с мыслями и направить их на решение задачи: представить, что мы плывем на корабле.

— На каком именно? — уточнил Ратников. — На катере, на паруснике, на военном крейсере?

— Совершенно не важно. Суть должна быть одна — плавсредство для пересечения моря. Если хотите, можете даже прочитать молитву, не помешает. Успокойте дыхание. Отрешитесь от всего земного и от собственных переживаний. Раскройте свои помыслы Космосу, пусть их прочитают духи.

— А разве здесь, в Нави, есть Космос? — не удержался Максим.

— Космос пронизывает все, в том числе и Навь.

— Но ведь Навь... мир смерти...

— У вас неверное представление о Нави. Прежде всего Навь — это То, Из Чего Рождается Новая Жизнь. То есть — Потенция! А уж потом мир смерти и хаоса. Но об этом мы еще поговорим.

— Но если мы раскроемся, — робко проговорила Владислава, — не воспользуются ли этим мороки? Или злые духи?

— Чтобы они не воспользовались моментом, создайте защитное поле — представьте себя стоящим в цилиндре из зеркального стекла. Вполне возможно, что вы увидите духов. В таком случае выберите самого дружелюбного и, об-

разно говоря, протяните ему руку, приветливо, тепло, а потом попросите о помощи.

— А если мы ничего не увидим?

— Ничего страшного, продолжайте думать о цели и просить помощи. Главное — чтобы вас услышали. Если же вам удастся настроиться на определенного духа, первым делом спросите, что вы можете сделать для него. Поблагодарите духа за контакт. И только потом попросите его о переправе. Еще вопросы есть?

Ходоки молчали, поглядывая на море, на черное, ставшее абсолютно беззвездным небо, друг на друга.

— Если не верите в это — лучше не начинать.

Илья расправил плечи.

— Верим!

— Тогда начали.

Все дружно закрыли глаза. Не закрыли только Георгий и Влад, вынужденные одновременно играть роль охранников отряда. Но они могли медитировать и в таком положении.

Илья сосредоточился на полной расслабленности тела, сфокусировал мысли на проникновении в космические бездны. Затем вспомнил о защите и оказался в зеркальном цилиндре, сквозь стенки которого к нему могли пробиться только лучи света, не несущие злых намерений. Этому его учил еще дед Евстигней, и подсказка Витязя — как выходить на высший уровень медитации — ему была не нужна.

Какое-то время он ничего не видел, кроме равномерно светящегося тумана, и не слышал, кроме гула крови в ушах. Потом за стенками защитного ментального цилиндра замигали серебристые искорки, стали собираться в эфемерные струйки и закорючки, то приближающиеся, то отступающие. Мелькнуло вполне человеческое лицо, исчезло.

Илья торопливо позвал его, «протянул руку».

Личико возникло вновь, печальное и удивленное одновременно, похожее на лицо пятилетнего ребенка, а также на морду кошки.

«Кто ты?» — раздался в голове Ильи тихий прерывистый шепот.

«Я живой человек», — ответил Илья.

«Живым здесь не место. Зачем ты пришел сюда?»

«Мне поручено найти Обитель Властелина этого мира».

«Для чего?»

«Мы хотим, чтобы его слуги не посещали наш явный мир без нужды».

«Почему?»

«Мы от этого болеем, гибнем».

«Но вы — явные формы и не сможете пройти к Обители».

«И все же мы попробуем. — Илья спохватился. — Что я могу сделать для тебя?»

Кошачье-человеческое лицо сморщилось, исчезло, возникло вновь, странное, как бы плачущее и смеющееся одновременно.

«Ты ничего не сможешь сделать для меня. Я служу Госпоже, дарующей смерть».

«Маре?»

«Так ее называете вы, живые».

«В чем же выражается твое служение?»

«Я растворяю собы».

«Что?»

«Сюда иногда приходят заблудшие души, осознающие свою собы».

«То есть не потерявшіе чувств, что ли?»

«Да, они плачут и мучаются. Я помогаю им».

«Как?»

«Указываю им путь обратно, к Кромке».

«И они возвращаются на Землю? То есть в Явь?»

«Не знаю, они больше не возвращаются».

«А сам ты можешь выходить за Кромку, в мир живых?»

«Нет».

«А хочешь?»

Таинственный собеседник Пашина исчез, вместо него на цилиндр бросилась крестообразная зловещая тень, мелькнула морда вурдалака. Но туман пронзил лучик золотистого света, и вурдалак рассыпался тающими вихриками. На его месте проявилось светлое детско-кошачье лицо.

«Уходите отсюда, возвращайтесь! Вас хотят погубить! Вы станете такими же, как я».

«Мы не можем повернуть назад».

«Тогда прощай».

«Подожди, у тебя есть друзья?»

«Какое странное слово...»

«Те, с кем ты беседуешь и тебе радостно, такие же, как ты?»

«Да, нас много».

«Помогите нам, дайте корабль, чтобы мы могли пересечь море».

«Вы все разные, а просите одно и то же...»

«Мы хотим дойти до цели».

«Прощай, живущий иначе».

Личико растаяло.

Илья почувствовал, что ему не хватает воздуха, и очнулся, хватая воздух открытым ртом.

Остальные чувствовали себя не лучше. Приходили в себя, дыша, как вытащенные на берег рыбины, оглядывались, не узнавая друг друга, не зная, как прошли сеансы медитации у других.

— Смотрите! — вытянул руку к морю Данила.

Взоры ходоков упали на струящееся призрачное облачко, всплывавшее из водных глубин. Оно постепенно плотнело, твердело, приобретая некие зыбкие, но узнаваемые формы.

— Корабль! — прошептала Владислава.

Впрочем, кораблем это плавучее сооружение все же назвать было трудно, хотя ни у кого не оставалось сомнений, что оно предназначается для плавания. Больше всего оно напоминало округлое корыто с парусами.

— Шхуна? — неуверенно оглянулся на старших товарищей Максим.

— Целый фрегат, — скептически хмыкнул Антон. — Посудина «а-ля детский тазик». Похоже, на нем уместится только пара человек.

— Все разместимся, — коротко возразил Георгий.

Парусник приблизился к берегу, продолжая менять очертания. Теперь он стал больше походить на баржу с двумя бесформенными парусами, цеплявшимися за похожие на букву «V» мачты.

— А мотора у него случайно нет? — пошутил Ратников. — Я парусами управлять не умею.

— Мотором будем мы сами, — сказал Георгий. — Точнее, наши воля и целеустремленность.

— Это как?

— Залезайте.

Влад и Шурик беспрекословно полезли в воду.

Корабль остановился, вздрагивая и покачиваясь, как живой организм.

Влад ухватился за какие-то ребра на борту парусника, полез вверх, как паук, перегнулся через низкий выступ на подобие балюстрады и оказался на палубе. Подал руку Шурику.

Корабль засветился изнутри, как полупрозрачное мутное стекло, закачался чуть сильнее, как бы «поежился».

Максим и Данила нерешительно посмотрели на Илью.

— Вперед! — подал он им команду.

Молодые люди ступили в воду, без особых усилий залезли на борт посудины.

Антон помог забраться женщинам.

За ними перелез на борт Ратников, и последними поднялись Илья и Георгий.

Парусник был невелик, но по мере появления на его борту пассажиров словно подрастал, и отряд разместился на его светящейся, подрагивающей под ногами палубе без труда.

— Что теперь? — осведомился Антон.

— Кто может — пусть выйдет в ментал с просьбой, чтобы корабль направился к границе стихий. Остальные пусть мысленно присоединяются к общему целевому эгрегору.

Переглянувшись, ходоки сосредоточились на мысленном объединении, начиная привыкать к разговорам с духами, и уже не удивились, когда парусник, «передернув плечами», двинулся прочь от берега. Вскоре он, раздув паруса — в безветрии, мчался по воде с приличной скоростью, которую Антон вслух оценил в двадцать узлов.

Какое-то время пассажиры настороженно приглядывались к унылому однообразному водному пространству, осматривали корабль, напрягаясь, когда он вдруг начинал шевелиться, затем притомились и расселись по палубе.

Ратников уснул первым. Он еще не восстановился пол-

ностью «после операции» и был слаб. За ним, свернувшись калачиком, уснули Максим и Данила. Прилегли и Шурик с Владом. Антон долго крепился, с трудом разлепляя веки, потом опустил голову на колени уснувшей раньше Валерии и тоже уснул.

Еще через несколько минут сон сморил и остальных. Даже Георгий, клюнув носом пару раз, закрыл глаза в полу-дреме, пока сторож организма не подал сигнал, что спать в таком положении не следует.

Витязь встрепенулся, кинув взгляд по сторонам.

— Мороки... — пробормотал очнувшийся вместе с Георгием Влад.

Георгий кивнул.

Вокруг корабля вились прозрачные серые вихрики, складываясь в подмигающие, скалящиеся, злобные и презрительные физиономии, мгновенно возникающие и мгновенно распадающиеся. На самом деле эти образования имели другие формы, а человеческое к ним пририсовывала фантазия зрителей. Но они были опасны, и именно под их воздействием отряд и погрузился в сон.

Георгий достал уморь, вычертил им в воздухе светящийся иерогlyph, своеобразную «мудру», играющую роль оберега. Жезл с и л ы, используемый колдунами секты Морока, сердито зашипел, пустил струйки искр, и серые вихрики отпрянули, стаей вознеслись в небо.

Дышать стало легче.

Проснулся Илья, поднял голову, не понимая, где он и что происходит.

— Дьявольщина! Уснул, как младенец! Где мы?

— Все там же, — ответил Влад.

— Разбудить остальных?

— Не надо, — отрицательно качнул головой Георгий. — Неизвестно, когда еще удастся спокойно отдохнуть.

— Долго еще нам плыть?

— Может быть, час, может быть, год.

Илья вопросительно поднял бровь:

— Все снова зависит от нас? Я правильно понял?

— Наша миссия — это преодоление, причем в первую очередь — самих себя, своих стереотипов и заблужде-

ний. Если нам удастся вместе создать дивосвет — Навь пропустит нас.

— Что такое дивосвет?

— Нечто вроде сферы божественной этики.

— Существует и такая?

— Иногда даже православные храмы создают такие сферы. Кстати, вы тоже создали нечто подобное — небольшой нравственный эгрегор, когда подошли к реке. Мост ведь появился только после того, как вы пожелали этого?

— Точно! Значит, если мы снова создадим этот эгрегор... сферу этики... мы пересечем море быстрее?

— Ты сам ответил на свой вопрос.

— В таком случае надо поднимать всех.

— Намерения наши обозначены, мы едины, этого пока достаточно. Не спеши, пусть поспят.

Илья посмотрел на спящих, заботливо поправил рюкзак под головой жены. Потом сел на носу корабля (относительном, конечно, так как корпус его был почти круглым) и стал смотреть вперед. Захотелось еще раз побеседовать с духом границы, с которым он познакомился на берегу моря. Однако мечте не суждено было осуществиться.

Мир Нави наконец отреагировал на движение живых людей и начал меняться. Море посветлело, изменило цвет с голубого на мутно-белый, как разведенное молоко. В нем появились прозрачные прожилки и струи, а также потоки пузырящейся воды. Вскоре вода закипела вся, до горизонта, будто снизу в нее начал проникать газ.

Люди проснулись от шипения пузырьков, сгрудились на середине палубы, взглядываясь в воду, тревожно посматривая на Георгия.

— Мы не сваримся? — со смешком сказал Ратников. — Может быть, это вовсе не море, а котел для грешников?

— Мы приближаемся к границе стихий, — негромко сказал Влад.

— То есть впереди нас ждет стихия воздуха? — уточнил Антон. — А этот наш парусник умеет летать?

Влад неуверенно оглянулся на молча стоявшего впереди всех Георгия.

— Не знаю...

— Что молчишь, поручик? — не выдержал Антон, взглядом попросив поддержки у Ильи.

— Нам помогут, — бесстрастно сказал Георгий.

— Кто?

— Увидите.

Парусник продолжал скользить по кипящему морю к неведомой границе стихий среди треска и шипения, накрываемый иногда волнами тумана. При этом он становился все более прозрачным и менее осязаемым, словно сам испарялся потихоньку, таял, как леденец, собираясь испариться полностью.

Впереди по ходу движения появилась растущая серая пелена. Стал слышен тихий гул. Пассажиры корабля вытянули шеи.

— Что это? — прошептала Валерия.

— Похоже на водопад, — пробормотал Ратников.

— Тормозим! — сказал Георгий. — Все вместе!

Десантники послушно сосредоточились на объединении мысленных усилий по остановке парусника.

Затея удалась. Корабль начал замедлять ход. Но полностью скорость не погасила. Сориентировавшись, Илья понял, что его несет вперед слабое течение. Впрочем, еще через несколько секунд стало видно, что движется все море, вся его кипящая толща. Впечатление складывалось такое, будто впереди и в самом деле находился обрыв, с которого вода обрушивалась куда-то вниз, в бездну.

Мужчины обратили взоры на Георгия.

— О какой помоши ты говорил? — процедил сквозь зубы Антон.

— Летит! — вдруг воскликнул остроглазый Данила.

Корабль догоняла птица.

Сначала показалось, что это летит черный лебедь. Потом, по мере приближения, птица начала увеличиваться в размерах и превращаться в гигантского летающего монстра, хотя и сохранившего общие лебединые очертания. У нее были мощные многометровые крылья с когтистыми наростами, как у птеродактиля, длинная шея, голова змеи с крокодильей пастью, полной острых зубов, когтистые лапы и

покрытое дымящимися черными перьями тело с женской грудью.

— Обида-птица! — побледнел Влад.

— Это за нами? — оглянулся на Георгия Ратников.

Птица сделала круг над парусником, раскрыла пасть, и в уши людей вонзился клекочущий сверлящий визг, от которого у них едва не полопались барабанные перепонки.

— Огонь! — выдохнул Илья, не дождавшись команды Георгия.

Мужчины открыли стрельбу из всех видов оружия, быстро израсходовав последние патроны. Однако большого впечатления пули на гигантскую птицу не произвели. Перестав кричать, она взлетела выше и спикировала на парусник, сшибая паруса.

Шурик и Влад, ждавшие удобного момента, выстрелили.

Пуля из винтовки и стрела из лука вонзились черному лебедю-змею в голову, заставив снова подняться повыше. Но обычным оружием, даже заговоренным, справиться с этим обитателем мира смерти было невозможно. Птица закричала, метнулась вниз.

— Уморы! — показал рукой Антон, падая на палубу и увлекая за собой жену.

Илья выхватил свой крест, послал навстречу лебедю тусклый блик с и лы. Лебедь замолчал, взмывая вверх. Разряд уморы ему не понравился.

— Поручик! — рявкнул Антон. — Не стой как памятник!

Витязь не ответил, пребывая в каком-то странном оцепенении.

Антон и Илья переглянулись.

Громов хотел вскочить и сбить Георгия с ног, но тот на конец очнулся.

Над палубой тающего на глазах корабля просиял язычок радужного пламени.

Лебедь ринулся вниз, намереваясь потопить парусник. Однако ему навстречу стрелой метнулся невесть откуда взявшийся гигантский огненный сокол.

— Финист! — ликующее вскричал Влад, вскакивая.

Птицы столкнулись!

Раздался густой медный звон, лязг, треск и визг. Дождем

посыпались на воду черные перья и огненные искры. Началось сражение.

Затаив дыхание, десантники наблюдали за ходом битвы, не зная, чем она закончится.

— Влад! — коротко бросил Георгий.

Проводник опомнился, натянул лук, выждал момент и пустил стрелу.

Выстрелил и Шурик, вспомнив о винтовке.

Стрела и пуля с титановым стержнем нашли цель, заставив черную птицу уворачиваться, подставляясь под удары сокола.

Однако силы гигантов были примерно равны, и помочь людей — Илья присоединился к бойцам, раз за разом метая разряды в лебедя, расходуя свою энергию через крест-уморь, — лишь поддерживала равновесие.

— Георгий, присоединяйся! — оглянулся на Витязя Антон, имея в виду второй крест.

Но Георгий не ответил, зорко следя за схваткой с язычком пламени в руке.

Птицы свалились на парусник, едва не раздавив людей на палубе. Женщины, Максим с Данилой, Ратников и Шурик посыпались в воду.

Георгий в этот момент изловчился, подпрыгнул вверх на добрых три метра и воткнул горящее перо в шею соколу, словно делал укол. Укол этот вызвал неожиданно мощный эффект. Сокол вырос в размерах, ударом крыла отбросил лебедя далеко в сторону, метнулся к нему, сбил на воду, заработал клювом так, что полетели струи черных перьев!

И летающий монстр не выдержал атаки, заметался из стороны в сторону, закувыркался, закричал и начал отступать, отмахиваясь крыльями и когтистыми лапами. А затем нырнул в воду и исчез.

Сокол встряхнулся, заклекотал, сделал круг над местом падения лебедя-змея, повернулся к паруснику, на палубе которого суетились десантники, помогая упавшим в море подняться на борт. Георгий, также свалившийся в воду после удачной «инъекции пера», взобрался самостоятельно, махнул рукой.

Сокол осторожно сел на край палубы, разглядывая людей круглыми, янтарно-светящимися, умными глазами.

— Знакомьтесь, — произнес Георгий хладнокровно. — Финист — Ясен Сокол, символ Жизни, символ Славы, символ светой Руси.

Сокол поклонился. Во всяком случае, выглядел его жест именно так.

Максим и Данила нерешительно кивнули в ответ.

— Привет, — пробурчал Ратников, отжимая воду из куртки.

— Значит, легенды о Финисте... — начал Антон.

— Имеют под собой реальную основу, — закончил Влад.

Корабль вдруг под ногами пассажиров качнулся и начал распадаться на отдельные «льдины».

— Садитесь! — скомандовал Витязь. — Влад, Шурик!

Проводники проворно бросились к соколу, вытянувшему крылья в разные стороны, вспрыгнули на них, полезли на спину птице, цепляясь за мерцающие огнем всех оттенков алого цвета перья.

— За ними! — подтолкнул Владиславу Илья.

— А мы... не обожжемся?

— Будет горячо, но придется терпеть, — услышал его голос Георгий.

Аварийная посадка на сокола закончилась в тот момент, когда последние остатки парусника расплылись отчетливо видимыми в молочной пене прозрачными кругами воды.

— Держитесь крепче! — крикнул Георгий.

Сокол расправил крылья, взмахнул ими несколько раз, подпрыгнул и взлетел.

Глава 34

СВЕТОВИД

Такого водопада — длиной от горизонта до горизонта — они еще не видели!

Целое море пеняющейся воды падало в пропасть, и смотреть на это головокружительное зрелище можно было бесконечно!

Однако сокол, названный Георгием Финистом, недолго парил над гигантским водопадом, сделал круг, как бы давая седокам возможность полюбоваться катаклизмом перехода стихии воды в стихию воздуха, и устремился в густеющий туман, олицетворявший собой воздушный подплан Нави. Через несколько минут полета апокалиптический водопад скрылся из глаз, гул отдалился, наступила тишина, и птица с пассажирами на горячей сверкающей спине повисла в бескрайней сияющей перламутром бездне, не имеющей никаких ориентиров. Лишь сила тяжести, хотя и уменьшенная, все же прижимала людей к спине сокола, давая понять, где «низ», а где «верх» в этом мире. Но куда летит птица, над чем пролетает, чем ориентируется, ни увидеть, ни понять было невозможно.

Илья попытался подключить для ориентации «в нигде» экстрасенсорику организма, но не преуспел в этом занятии. «Третий глаз» отмечал со всех сторон только сияющее нечто. Ни дна, ни стен, ни крыши у этого воздушного объема не было.

Сокол летел, равномерно взмахивая крыльями, словно видел цель, в отличие от своих пассажиров. Изредка он косился на людей, как бы проверяя, не слетел ли кто-нибудь с его могучей горячей спины под напором ветра, но скорости не снижал. При этом казалось, что никуда он на самом деле не летит, а просто висит в воздухе рядом с огненной бороздой — следом Морока.

Сначала седоки цеплялись за перья удивительной птицы изо всех сил, боясь свалиться в бездну. Потом все прихоровились к положению, устроились поудобнее и расслабились. Молодежь снова потянуло в сон. Однако вскоре вокруг стали происходить перемены, и люди вновь напряглись, чувствуя приближение каких-то событий.

Сияющая бездна стала терять блеск. В ней начали проявляться темные провалы, складывающиеся в объемные узоры, напоминающие звездные скопления и галактики, только наоборот. Если с поверхности Земли звезды и их ассоциации виделись светящимися на темном фоне космоса, то здешние скопления были черными на светлом фоне.

Похолодало. И это — несмотря на жар тела сокола.

Люди сдвинулись теснее, посматривая на сидящего в позе лотоса Георгия. Но Витязь молчал, уйдя мыслями в себя.

Темнота сгустилась.

Теперь сокол летел почти в абсолютном мраке, в котором постепенно таяли последние паутинки света. Лишь огненная река в сотне метров от трассы полета светилась по-прежнему ярко, хотя цвет ее свечения сдвинулся к багровому диапазону, а плотность текущей «лавы» уменьшилась.

— Мы не замерзнем? — шепнула Валерия, прижимаясь к спине мужа.

— Не думаю, — качнул он головой, усмехнулся. — Насколько я понимаю, впереди нас ждет стихия огня. Не сгореть бы!

Словно в ответ на его полушутивое замечание в глубоком мраке, объявшем летящую птицу со всех сторон, где-то очень далеко проявились алые огоньки, напоминающие угли костра.

Люди встрепенулись, вглядываясь в эти огоньки, начинаяющие разрастаться и складываться в тусклую медузу по курсу полета.

— Граница? — неуверенно сказал Ратников, подразумевая смену планов Нави — воздушного на огненный.

Георгий поднялся на ноги, выглядывая из-за шеи сокола.

Огни впереди слились в общее зарево в форме ромба.

— ДУ-РА! — проговорил Данила.

— Что?! — изумленно глянул на него Антон. — Ты о ком?

— Форма... — Данила кивнул на вырастающее из мрака зарево, в которое вонзился огненный рукав дороги Морока.

— Что — форма?

— Это ДУ-РА — символ трансформации... есть такая runa...

— Внимание! — повысил голос Георгий. — Нам понадобятся все наши душевые силы. Возьмитесь за руки. Необходимо создать кольцо защиты. Мысленно сформируйте

вокруг нас зеркальную сферу. И не пугайтесь, что бы вокруг ни происходило!

Десантники перестали цепляться за перья сокола, взялись за руки.

— Может быть, активировать уморь? — предложил Илья.

— В этом мире жезлы с и лы уже не играют роль антенн. Мы сами теперь — антенны! Все будет зависеть от запасов решимости и твердости духа каждого!

Огненный ромб приблизился, занимая все пространство впереди. Стало совсем светло. Языки пламени, которые, казалось, вот-вот сожгут пришельцев на птице, превратились в потоки красного света, прозрачного, как воздух на Земле, пронизанный лучами заходящего солнца. Температура бездны вокруг повысилась, но не настолько, чтобы к ней можно было применить термин «пекло».

Сокол замахал крыльями чаще.

Красный свет заполнил собой все пространство. В нем потерялся огненный след Морока, служивший людям до этого безошибочным ориентиром — своеобразной «нитью Ариадны».

— Не смотрите по сторонам! — бросил Георгий. — Закройте глаза! Думайте о тверди! Наша общая мысль должна реализовать привычный ландшафт, иначе нас заставят подчиняться чужим правилам!

— Хотелось бы... — начал Антон.

Валерия дернула мужа за руку, и он замолчал.

Впереди в алом сиянии протаяло серое пятно, превратилось в лепешку, потом в плоскую гору, и наконец сокол спикировал к серебристому острову с озером расплавленного олова посредине.

— Остров?! — не поверил глазам Ратников. — Это у нас такая фантазия?!

Сокол сделал круг над озером, и оно внезапно приобрело глубину и голубоватый цвет, словно исполнитель общего желания людей понял, что им нужно, и выполнил их мысленный приказ в соответствии с реально существующим в Яви — на Земле — объектом природы.

Сокол опустился на отливающий серебром морщинистый берег озера.

Седоки горохом посыпались на землю.

Впрочем, это была не земля, а какой-то упругий, как резина, материал. Очевидно, о составе почвы люди думали меньше всего, и реализующая их волю и фантазии сила воспроизвела лишь форму, не заботясь о содержании, то есть об элементном составе реализованного уголка природы.

Сокол посмотрел на Георгия.

— Лети, дружище, — сказал Витязь необычайно мягким голосом. — Благодарю тебя. Дальше мы попробуем пройти сами.

Финист боднул головой воздух, прощаясь, взмахнул крылами... и в этот момент на него сверху свалился черный трехголовый дракон! Раздался грохот, лязг, металлический звон!

Остров с озером содрогнулся, берег озера разорвали дымящиеся трещины. Воды озера вскипели, покрылись рябью. Людей разметало в разные стороны порывом ураганного ветра.

Удар дракона отбросил сокола на два десятка метров, он упал на спину, вскрикнув, как раненый человек. Дракон с длинными змеино-крокодильими головами метнулся к нему, растопыривая четыре лапы с гигантскими когтями.

Однако десантники, в прошлом — профессионалы боя, отреагировали на атаку с похвальной быстротой.

Антон подхватил выпавшую из рук Шурика снайперскую винтовку и выстрелил, не целясь.

Влад выстрелил из лука мгновением позже.

Дал очередь из пистолета-пулемета Ратников.

Но раньше всех воспользовались своим оружием — крестами-уморями — Илья и Георгий.

Клинки прозрачного золотистого света вонзились в хребет дракона и заставили его оглянуться на больно ужаливших «насекомых». Он взревел, растопырил крылья и лапы, разглядывая неожиданного противника узкими, пылающими алым огнем глазами на трех головах.

Люди выстрелили еще раз, целясь по глазам.

Пуля Антона и стрела Влада попали в левую голову.

Разряды Георгия и Ильи поразили правую.

Дракон вскинулся на дыбы, как конь, рубя воздух перед собой передними лапами, сделал выпад средней головой. Из пасти вырвался клуб дыма и огня, накрыл не успевших отскочить мужчин.

Вскрикнули Валерия и Владислава, бросаясь на выручку мужьям.

Дракон взревел гулким кашляющим басом, качнулся вперед, намереваясь одним ударом покончить с пришедшим на подмогу соколу отрядом.

Женщины храбро кинулись к нему, разведя руки в стороны, пытаясь закрыть собой мужчин.

— Не смей, гад!

Дракон на мгновение замешкался, озадаченный их поведением.

Илья и Георгий погасили свою горящую одежду с помощью волшебных жезлов, замахали ими, сбивая пламя с одеждды товарищей.

Антон, почти ослепший, в дымящемся костюме, вскинул винтовку к плечу, выстрелил. Дракон получил пулю в глаз, отшатнулся, но тут же кинулся на строптивых «букашек», осмелившихся причинить ему боль.

Однако он забыл о соколе. Финист пришел в себя и нанес ему мощный удар крылом, отбрасывая в воды озера. Затем бросился на врага сверху, молотя его клювом.

На какое-то время люди получили передышку.

— Складывай Володарь! — махнул рукой Даниле Георгий.

Художник в дымящейся, как и у остальных, одежде скинул со спины рюкзак, достал мешочек с рунами.

— В цепь! — продолжал командовать отрядом Витязь. — Надо отвлечь гада!

— Патроны кончились, — виновато развел руками Ратников.

— Доставайте ножи, эта нежить не любит явного оружия.

— Что это за зверь? Морок?

— Всего лишь сумеречное его воплощение.

Мужчины повиновались, выстраиваясь на берегу озера с ножами в руках. Один только Влад не стал доставать нож, но у него еще оставались стрелы, а луком он владел отменно.

Между тем бой между огненным соколом и черным драконом продолжался. Воды озера, посреди которого баражались сражающиеся, кипели и летели фонтанами во все стороны, превращаясь то в дымные струи, то в огненные смерчи, то в потоки жидких металлических брызг. Однако вскоре сокол начал слабеть, дракон раз за разом ударами голов и лап вгонял его в озеро, и становилось очевидным, что долго огненнокрылая птица сопротивляться не сможет.

Влад и Антон выстрелили по два раза, истратив последние пули и стрелы, но в уязвимые места на теле дракона не попали, и тот продолжал добивать сокола, терявшего вместе с перьями и свою силу.

Попытались отвлечь монстра и Георгий с Пашиным, метнув в дракона клинки бледного света. Их атака оказалась более удачливой и результативной, нежели стрельба товарищей. Дракон, получивший пробоины в черной бугристой броне шкуры, взмыл, дернулся, оглядываясь на обидчиков.

Илья поднял уморь, чтобы направить разряд в морду чудовища, но вдруг побледнел и без сил опустился на разорванную трещинами почву. Он израсходовал практически все запасы энергии.

Владислава бросилась к нему, прижала голову к груди.

— Илюша, милый, не умриай!

Дракон раскрыл пасть средней головы, собираясь метнуть язык пламени, но Георгий опередил его, метнув флягу с ниргуной, вложив в бросок всю свою незаурядную силау.

Сверкнув сине-фиолетовым огоньком, фляга влетела в пасть средней головы зверя и взорвалась!

Дракон потерял обе челюсти, с хриплым воплем взвился вверх, ошеломленно затряс двумя оставшимися головами.

Сокол, израненный, потерявший почти все оперение, погасший, но несломленный, опомнился, снова ринулся на врага, сумев потеснить его к границе острова, за которой

начиналась стихия алого огня и света. Но дракон быстро пришел в себя и ударом хвоста выбросил сокола в алую пропасть. Обернулся, разевая две пасти, словно улыбаясь в предвкушении расправы с пришельцами из мира Яви, существами из плоти и крови, и медленно пополз к ним, гри-
масничая, дергая зазубренным хвостом.

Десантники попятились, сжимая в руках ножи.

— Похоже, кранты, парни! — криво улыбнулся Ратников.

Георгий оглянулся на Данилу, торопливо раскладывавшего на плоском бугре дощечки рун. Максим стоял рядом с глазами в пол-лица, находясь в ступоре.

— Что там у вас?!

— Заканчиваю! — отозвался Данила.

— Максим, пой!

Певец отрешенно посмотрел на Витязя, пошевелил губами, но ничего не сказал. По-видимому, он перешел грань эмоционального насыщения и с трудом понимал, где находится.

— Есть! — воскликнул Ломов-младший, укладывая в центр креста-Володаря последнюю дощечку.

Над крестом тихо встал столб призрачного серебристого сияния.

Дракон на мгновение замер, потом с громоподобным рыком бросился вперед.

— Максим!

Бусов посмотрел на стремительно мчавшегося к нему через озеро з е р я, сделался белым как бумага, шевельнул губами, по-прежнему находясь в странном оцепенении.

— Максим, милый! — подскочила к нему Владислава, схватила за руку, погладила по щеке. — Пой! Ты сможешь! Иначе мы погибнем!

Певец вздрогнул, открыл рот, заторможенно глядя на приближавшееся исчадие ада.

Владислава развернула его к себе, взмолилась:

— Смотри на меня! Пой!

Максим слотнул, снова открыл рот и снова не издал ни звука.

Валерия, не выдержав, спрятала голову на груди Антона. Ратников вдруг бросился навстречу монстру с криком:

— Врешь, не пройдешь!

Дракон домчался до него, наступил передней лапой... точнее, хотел наступить и наверняка раздавил бы как букашку, но в последний миг рядом с островом возникла дымящаяся белая фигура, и огромная рука выхватила полковника прямо из-под лапы зверя. Дракон затормозил, упираясь передними лапами в берег озера, проделал в нем две рваные борозды.

— Светогор! — ахнул Влад.

Дракон выдохнул два клуба пламени.

Великан в дымящейся одежде — складывалось впечатление, что он стоит в море по колено, рядом с островом — небрежно отмахнулся мечом, и два огненных шара с гулом унеслись в багровый «космос».

Ратников трепыхнулся в его руке, и Светогор опустил полковника на берег озера.

Из-за кромки острова вынырнул помятый, израненный сокол. Глаза птицы горели янтарным огнем, и в них не было страха. Легенды, созданные сказителями Яви, точно отражали суть Финиста — возрождаться из пепла и укреплять тем самым души людей.

Дракон качнулся было к нему, разевая пасти, но Светогор ловко подхватил огненноперую птицу, погрозил пальцем черной твари.

— Птичку нашу попрошу не обижать.

— Это нечестно, — сварливым тоном заговорила вдруг левая голова дракона вполне человеческим языком. — Ты не имеешь права, старик!

— Не имею, не имею, — согласился великан. — Да время мое пришло. Зови своего хозяина.

Обе морды зверя — Илья вдруг узнал в них изображение Лика Беса на Вратах Морока — с сомнением посмотрели на грозного противника и ухмыльнулись. Именно так можно было объяснить эту гримасу.

— Ты белены объелся, старик? Да если я позову Господина...

— Зови, зови, черная душа, пусть гости поговорят с ним. От него не убудет. Они ведь не воевать пришли на самом деле, а только высказать просьбу. Али мы забыли о законах гостеприимства?

Дракон чисто человеческим движением почесал лапой гребень на одной из голов, разинул пасти.

— Ну, смотри, стариk. Ты зашел слишком далеко, даром тебе это не пройдет.

Светогор нахмурил седые брови, шевельнул мечом.

— Мне повторить?

Дракон оскалился, посмотрел на отряд, собравшийся дорого продать свои жизни, покачал головами и начал трансформироваться, течь, всасываться в серо-серебряную почву.

Исчез!

Светогор выпустил сокола.

— Лети, воин, ты еще понадобишься Правде.

Финист засиял ярче, взмыл вверх, сделал круг над островом, заклекотал и со свистом унесся в багровый сумрак.

— Пора вызывать светлого, — прогрохотал великан. — Против черного я слаб.

Все посмотрели на Данилу, стоящего у Володаря, над которым все еще сиял столбик прозрачного золотистого света, потом на Максима.

— Пой! — прошептала Владислава, отступая.

Максим сглотнул, шевельнулся, оживая. В глазах его мелькнула искра понимания.

— Что... петь?

— Чему тебя учил Иннокентий? — напомнил Антон.

Максим закусил губу, порозовел, глянул на Георгия, державшегося только на воле, хотя никто этого не видел, кроме, может быть, Ильи, также отдавшего борьбе с монстром все силы.

— Пой, внучек, — пророкотал Светогор.

Максим сжал кулаки, выпрямился, ушел взглядом в себя, сосредоточился на внутреннем переживании.

Через несколько мгновений над островом зазвучал див-

ной красоты голос, заставивший слушателей замереть, ощутить сладостную дрожь, боль и радость одновременно.

Этот голос будил воспоминания детства, воскрешал самые лучшие, счастливые и радостные моменты жизни, обещал удивительные переживания, воздаяние всем по справедливости, звал в будущее. От этого звучного бархатного баритона, полного внутренней силы и тепла, хотелось плакать и смеяться одновременно. От него задрожал остров, а по озеру побежали волны, складываясь в красивую интерференционную картину.

Максим взял высокую ноту:

— Све-е-ет сла-а-а-ый при-и-и-ди-и...

Голос оборвался, и люди шатнулись, как от удара.

Женщины всхлипнули.

Илья с удивлением обнаружил, что и его глаза полны слез. Украдкой вытер слезы, встретил нестерпимо светлый взгляд Георгия.

— Устроение обретения в е р ы, — проговорил Витязь странным хрупким голосом. — А я не верил... что мы дойдем живыми...

— Ты?! — изумился Илья.

Георгий кивнул, посмотрел за спину Пашина.

Илья оглянулся.

Светогор вдруг исчез. А из светового столба над рунным крестом шагнул на землю босоногий мальчишка в сияющей одежонке: белая рубашка, подпоясанная веревочкой, холщовые штаны... В руках — дудочка.

— Световид? — неуверенно произнес Влад.

Мальчик посмотрел на застывших землян светящимися голубыми глазами, улыбнулся. И они заулыбались в ответ, сбрасывая оцепенение, зашевелились, почувствовав прилив сил, спокойствия и уверенности.

Остров под ногами людей вздрогнул.

Все снова замерли.

Мальчик прислушался к чему-то — Илья поймал себя на ощущении, что сквозь облик мальчика просматривается облик рыцаря в доспехах, — взмахнул дудочкой. Сорвавшееся с его ладонки световое перышко развернулось в туманную

вуаль, которая за доли секунды превратилась в ладью без парусов. Мальчик вспрыгнул на низкую палубу эфемерного суденышка, сделал приглашающий жест.

— Садимся! — сказал Илья, не дождавшись команды Георгия.

Ходоки торопливо забрались на хрупкое с виду плавсредство, и ладья тут же поднялась в воздух, устремилась прочь от вздрагивающего и шатающегося острова, хотя тут же остановилась поодаль.

Остров начал изменять форму, плыть, превращаться в некое сооружение, в гигантский замок пирамидально-готических форм, напоминающий индуистский Бхитагаон. Цвет его тоже изменился с серо-серебристого, с бледными зеленоватыми разводами, до красного, багрового, фиолетового и черного.

— Боже мой! — прижала руку к груди Валерия.

Антон успокаивающе прижал ее к себе.

Замок окончательно оформился и вдруг посмотрел на ладью с пассажирами тяжело, угрюмо, недружелюбно.

Люди невольно сдвинулись плотнее, выразив этим движением единение и решимость отстаивать свое мировоззрение до конца.

— Что это?! — тихонько спросила Валерия.

— Черная Обитель! — пробормотал Влад.

— Что?!

— Знакомьтесь, Чернобог, — так же негромко ответил Георгий.

Мальчик со светящимися глазами, в которых играла и бурлила сила, оглянулся с улыбкой.

— Нет еще, это всего лишь виртуальная проекция Хлада.

— Морок, что ли? — поинтересовался Ратников.

— Очень близко.

— А вы... ты... кто?

Мальчик прижал к груди ладошку, слегка поклонился.

— Светич я, младший.

— Световид? — уточнил Антон.

— Лик его.

Замок вдруг плавно и быстро трансформировался в чу-

довище с налитыми тьмой глазами. Рядом с ним выросли две фигуры — волосатый гигант-медведь и женщина в черной вуали с прекрасным лицом богини. Чудовище разверзло огнедышащую пасть.

— Кто посмел меня потревожить?!

Ладья под ногами людей заходила ходуном от гулкого грохочущего баса. Землянам стало плохо. Ахнули Валерия и Владислава, пряча лица в ладонях.

Мальчик погрозил чудовищу пальцем.

— Не морочь голову, царь теней. Ты не смог остановить их там, в Яви, и здесь, в Нави, так что не надувай щеки.

Чудовище распростерло в стороны страшные лапы, угрожающие наклонилось над ладьей. Стало слышно, как Владоропливо шепчет нечто вроде молитвы:

Поведися Чернобоже по наши надежды
Порядися Чернобоже во черны одежды
Опрядися Чернобоже могутой великой
Величайся Чернобоже гой тысячеликой...

Монстр замер... и исчез!

Ладья качнулась в последний раз и замерла.

Женщина и гигантский медведь исчезли мгновением позже.

Вокруг ладьи объявилась алая пустота, уходящая в бесконечность.

Антон прокашлялся, разжал кулаки.

— Я так и не понял, кто это был. Чернобог или Морок?

— Морок, разумеется, — пожал плечами мальчик.

— Но если это был только Морок... слуга его... каков же сам Господин?

— А каким вы его видите? — живо откликнулся мальчик.

Антон озадаченно посмотрел на Илью, пожал плечами.

— Абсолютное Зло?

— А вы что скажете? — обратился мальчик к остальным.

— В Родноверии существует несколько различных взглядов на Чернобога... — неуверенно начал Влад.

— А ваше собственное мнение?

— Чернобог — это не Зло, но отсутствие Добра...

— Замечательно! Еще?

— Это внешняя сила, — вставил слово Шурик, — противостоящая Ладу Всемирья.

— Тоже неплохо. Еще?

— Это Разрушение, — тихо сказала Валерия.

— Олицетворение Смерти, — добавила Валерия.

— Тайна Хаоса... — пробормотал Данила.

— Бог зимы и ночи, — сказал Максим робко.

Мальчик засмеялся белозубо, посмотрел на Георгия:

— Что молчишь, заступник?

— Чернобог не противостоит Белобогу, — негромко произнес Витязь. — Они дополняют друг друга. Зло, творимое Черным, равно как и Добро, творимое Белым, не более чем символы человеческого рассудка. В действительности не существует ни Абсолютного Зла, ни Абсолютного Добра. Эти понятия всегда относительны.

— Как же ты их различаешь?

— Мерою сердца, — просто ответил Георгий. — Мерою совести.

Илья шагнул к нему, обнял за плечи. С другой стороны Витязя обнял Антон. Ратников облапил всех троих.

Мальчик задумчиво склонил голову к плечу, поигрывая дудочкой, разглядывая мужчин и их спутников. Приложил дудочку к губам. Полилась тихая изумительно красивая мелодия.

Из сияющего багрового марева за ладью вылетела такая же ладья, но — из черного тумана, на которой стоял сурового вида мужчина в черной струящейся одежде, седой, длинноволосый, с густыми бровями, усами и бородой. Чем-то он походил на Светогора.

— Привет, Черный, — взмахнул ручонкой мальчишка, прекращая играть.

— Звал? — мрачно сверкнул черными глазами мужчина.

Световид оглянулся на отряд, кивнул.

— Поговори с ними, они того заслужили.

Чернобог перевел взгляд на людей. На миг рядом проявились фигуры женщины и медведя, что-то нашептываю-

щие своему властелину, но увидели это лишь Илья и Георгий.

— Живые... надо же? — кашнул головой черный человек. — Совершенно разные люди... а думают одинаково...

— Поэтому они — люди! — улыбнулся мальчик-бог.

Властелин Нави отодвинул рукой советчиков и шагнул вперед...

Глава 35

ЗНАМЕНИЕ

Ранним августовским утром москвичей, живущих в районе Пречистенки, разбудил низкий подземный гул. Многие в испуге приникли к окнам, решив, что началось землетрясение. Засуетились и бойцы ОМОНа, стоящие в оцеплении вокруг провала, в котором месяц назад исчез храм Спасителя.

Включились направленные в гигантский котлован, наполненный черной водой, прожектора, установленные по краю провала.

Вода в котловане глубиной около ста метров закипела. На поверхность вырвались клубы голубоватого газа. Но запахи, сопровождавшие это явление, не были запахами болота или сернистых соединений. Пахло свежестью!

Гул повторился.

Задрожала земля. В воду посыпались камни с обрыва.

Милиционеры попятились назад, послышались команды отойти от провала на полсотни метров.

И вдруг потрясенные люди увидели, как из огромного котлована начал подниматься белоснежный замок с сияющими небесным огнем круглыми, без крестов, маковками. Но не храм Спасителя! Больше всего этот замок походил на изумительной красоты и совершенства град Китеж в фантазиях русских художников. Покрытый слоем испарений, он медленно, торжественно вытянулся в высоту, заполнив собой весь котлован.

Гул прекратился. Наступила не менее торжественная тишина.

А потом сами собой засветились изнутри нежным опалом и отворились ворота града, словно приглашая свидетелей войти. Раздался нежный певучий голос:

— Вход по любови...

И, подчиняясь этой нежной силе, бойцы оцепления, рабочие, случайные прохожие робко потянулись к сияющим вратам...

РАССКАЗЫ

ЭВОЛЮЦИЯ

Микросага

Весьма средний палеолит

Бырр¹ созерцал переменную облачность и размышлял.

Размышлял он, к примеру, о том, что неплохо бы переехать в пещеру со всеми коммунальными удобствами, что ковры из меха ламы изрядно поизносились, что икра черная, равно как и белая, уже в рот не лезет без мамонтовки, что если ледниковый период продлится еще пару тысячелетий, то мамонты вымрут и придется избрать предметом охоты дичь помельче, может быть, даже крокодилов... и тут взгляд Бырра упал на дерево, в котором любой уважающий себя неандертальец узнал бы морозоустойчивый сорт яблони, и мысли Бырра привычно сменили маршрут, что довольно характерно для первобытного человека того времени.

«Яблоко хорошо после мамонтовки, — подумал Бырр. — Трезвеешь моментально, как от удара дубиной. Впрочем, если запечь его внутри мамонтового хобота, тоже ничего жарево...»

Недолго думая, древний джентльмен поднял с земли камень. После трех-четырех неудачных попыток он добыл-таки яблоко — будучи тоже первобытным, оно было зеленым и смертельно кислым — и тут же съел. Без мамонтовки. Эту изобретенную неизвестным неандертальцем жидкость он допил еще вчера.

¹Перевод имени здесь не приводится ввиду полного его неприличия.

Средние века нашей эры

Старый Митрофан внимательно оглядел из-под козырька руки горизонт, ограниченный сараев, стойлом, домом, лошадью, двумя свиньями и яблоней, и наметанным глазом зажиточного славянского фермера точно определил, что с юго-востока идет антициклон.

«Опять придется раньше времени яблоки убирать, — подумал Митрофан. — Ранние яблоки ценятся меньше, чем поздние, особенно промеж коллег, ну да пес с ними, а то все без урожая останешься!..»

Чертыхнувшись в душе, старый Митрофан рысью побежал к яблоне, по пути припомнив, что его распрекрасная хозяйушка Аксинья умеет отменно запекать порослят с яблочной начинкой.

Тетушка Аксинья доила корову, когда со двора послышался шум падения и вслед за тем визг обиженной свиньи. «Жакели твою в купорос!» — подумала Аксинья привычно, выглянула из сарая и увидела мужа, стоящего на четвереньках под яблоней и почесывающего заднюю часть тела. Опытным глазом определив причину шума, старуха сплюнула в сердцах:

— Лестницу возьми, старый пень! Вздумал лазать по деревьям, как белка! И корзину не забудь — не то яблоки побьешь, жакели твою в купорос!

Митрофан, поохав, покорно взял лестницу, приставил к яблоне, прицепил на тощую шею корзину и полез вверх. Лестница, конечно, многое решала в данный исторический момент.

Средние годы двадцатого века

Сидоров прищурился на солнце — рабочий день, к великому сожалению, еще не кончился — и, громко икнув, полез в кабину фруктоуборочного комбайна.

«Хороши нонче яблочки! — подумал он почти трезво. — Золотой ранет... рашель... антоновка, туды ее в кашель!.. И-ик!»

Затарахтел мотор, вибратор уперся в ствол яблони, и

крупные желтые с багрянцем яблоки посыпались в приемные сетки комбайна.

Сидоров нагнулся, взял из-под картуза яблоко, понюхал, прослезился и с хрустом откусил...

**Середина двадцать шестого
столетия**

Мутант хомо-многомыслящий-разумный-твердотопливный лениво просматривал исторические хроники древних веков цивилизации Земли, как вдруг его поразил вид одного растения, плоды которого отзывались в наследственной памяти странно манящим вкусовым ощущением. Мутант хомо-многомыслящий-разумный-твердотопливный (в дальнейшем будем называть его для краткости ХМЫРЬ) тут же почувствовал желание — что характерно для землян того будущего времени — съесть такой же плод. Он протянул руку с одним-единственным пальцем, предназначенным для нажимания кнопок, тронул сенсор кибер-исполнителя желаний. Тотчас же в стенке его универсальной персональной жилой ячейки открылось отверстие, и в рот скатилось сочное, только что синтезированное яблоко.

Все двадцать два глаза ХМЫРЯ зажмурились от удовольствия, и он подумал, что древние земляне, именовавшие когда-то себя людьми, пусть и имели всего два глаза и лишние конечности, все же умели чувствовать прекрасное желудком...

**Еще пару средних тысяч лет
спустя**

Где-то в сто пятьдесят первом блоке десятой зоны седьмого сектора пятого уровня третьей спирали Всегалактический единый Мозг-анализатор (ВЕДЬМА) внезапно ощутил незапланированную эмоцию, что в общем-то было характерно и для других Галактических Мозгов этого типа окружающего метагалактического пространства.

В течение коротких трех тысяч лет, проанализировав эмоцию, ВЕДЬМА понял, что это одна из бесчисленного количества его звездных клеток, называемая когда-то

Солнцем, вспомнила что-то приятно-грустное из своей истории. Перестроив логические и чувственные цепи, ВЕДЬМА подключил начальный сигнал этой звезды-клетки к общему каналу и всем своим многотысячелетним телом ощутил мысль — нарушительницу покоя: эх, яблочка бы сейчас... да бокал мамонтовки... да чтоб ни о чем не думать...

СИДОРОВ И ВРЕМЯ
сценарий ненаучно-
фантастического фильма

Сцена 1

Отдаленное будущее

На экране проявляется кабинет Сидорова, аскетически голый, как пустая могила. В кабинете сидит на полу Сидоров и тоскливо смотрит в трехмерное пространство. На лице его — великая игра мысли, отчего искушенному зрителю становится ясно, что и в будущем понедельник — день тяжелый.

Вдруг в кабинете со взрывом петарды (или любым другим вплоть до атомного — лишь бы укладывался в смету) появляется абсолютно лысый — по последней моде — человек в синей поддевке и атласных шароварах. Это шеф Сидорова по фамилии Иванов-Водкин.

— Хеллоудую, — гундосит он, застряв взглядом в потолке. — Задание на сегодняшний день у вас несложное, Петров: необходимо раз и навсегда покончить с вопросом — есть ли жизнь на Марсе.

— Сидоров я, — говорит Сидоров.

— Хрен редьки не слаше, — отвечает Иванов-Водкин и с этими словами исчезает, поддерживая тлеющие от телепортации шаровары. Камера крупным планом показывает потолок, в который упирался взгляд начальника: в этом месте наличествует оплавленная дырка.

Сидоров хладнокровно поминает мать, отца, бабушку и всех остальных родственников шефа теплым словом и усилием мысли материализуется на Марсе. Как и шеф, он свободно

владеет якобы телекинезом, но поскольку он моложе — телекинез у него совершеннее, без дыма и запахов серы.

Пока он материализуется, по экрану течет время в форме желтых звездочек. Появляется этикетка: «Конъяк армянский, московского разлива, без консервантов». Слышится задумчивая мелодия — это специально выписанный из-за границы певец и актер Адриано Челентано исполняет под оркестр Поля Мориа «Дубинушку».

Сцена 2

Жизнь на Марсе как будто бы есть. Таково у Сидорова первое впечатление. Материализовался он прямо в толпе и теперь в своем модном скафандре выделяется, как судья на футбольном поле.

Побежала вдруг толпа, и Сидоров с ней. Прибежали, стали в очередь. Прошел слух, что дают конфеты «Бычье молоко», однако с какой-то нагрузкой.

Двоих пришельцев с очень дальних звезд пытаются прорваться без очереди, маскируясь под инвалидов с Земли, в происходящее вмешиваются две старушки-марсианки, и пришельцы, теряя калоши и щупальца, отправляются к себе домой с последней космической скоростью. У Сидорова за��ываются в душу первые сомнения касательно жизни на Марсе.

В это время к очереди подходит марсианин с большой дороги. Увидев Сидорова, обилием блях и пуговиц напоминающего местных полицейских, он пугается и неожиданно для себя самим вежливо спрашивает, кто последний. Ему доходчиво объясняют, как этого последнего найти.

Когда Сидоров наконец подступает к прилавку, конфеты уже кончаются, зато остается «нагрузка»: это двухсотлетней давности подписка на журнал «Итоги».

Сцена 3

Сидоров на пляже.

Далеко за морем что-то сильно дымит. Выясняется, что это первая марсианская атомная электростанция, работаю-

щая на привозной солярке. Ее построили на Марсе первые переселенцы с Земли, о чем писал еще известный магацитл Алексей Толстой в своем отчете «Аэлита».

Искупавшись, Сидоров выходит из воды зеленый, как крокодил Гена. В руках у него нечто вроде рыбьего скелета о двух головах — спереди и сзади.

— А ну, гад, брось обратно! — говорит вдруг «скелет» человеческим голосом на двух языках сразу — русском и матерном. — Чего пристал, лодырь? Селедки не видал? Отпусти в воду, не то сдохну, а тебя посодют за контрабанду!

— Ну, шельмы! — удивляется Сидоров. — Тут и селедка разговаривает! Может, я тебя на Землю отвезу, в чистую воду пущу? Если найду, конечно.

— Я те отвезу, шутник! Чистая вода — яд для меня! У меня организма такая — в чистой воде жить не может!

— А желания ты случайно не выполняешь?

— Что я тебе — золотая рыбка, что ли? Отпусти, говорю!

Сидоров, потея от нахлынувших чувств, выпускает удивительную марсианскую селедку в воду, языком пробует зеленый налет на коже и безошибочно определяет: стрихнин!

Сцена 4

Вдруг обнаруживается, что у Сидорова неизвестные марсиане стянули скафандр.

«Вот железо-кислород! — думает Сидоров, отправляясь почти в чем мать родила — в рубашке — в местное ателье. — Нету тут жизни. Какая же это жизнь, ежели эти дураки не понимают, что скафандр продать нельзя, он одноразовый. Так и доложу!»

В ателье он начинает примеривать новый скафандр, сшитый по марсианской моде задом наперед. Мастер, похожий по большому счету на разумного таракана с лицом «кавказской национальности», бегает вокруг него с медным тазом вместо зеркала. В зеркале этом отражается все, кроме Сидорова и скафандра.

— А тут у вас что? — невнятно спрашивает Сидоров, застряв головой в рукаве.

— А тут, хе-хе, дырка узковата, — находчиво отвечает мастер.

Снять приросший к коже скафандр оказывается невозможным. Так Сидоров и выходит перекошенный на улицу, мечтая убить режиссера фильма. Рядом вдруг появляется из ничего выходец из еще более отдаленного будущего, чем то, откуда сам Сидоров. Они знакомятся. Сидоров поражен — это его праправнук!

— Но у меня нет детей! — говорит он сильно волнительным голосом.

— Нету — так будут! — загадочно улыбается праправнук.

«Интересно, от кого? — размышляет вконец озадаченный Сидоров. — От Кати или от Фроси? Или не дай бог от Люси?!»

Последняя мысль пугает его до заикания. Люся была дочерью шефа и походила на него как две капли воды.

— Чего тебе здесь надо? — грубо спрашивает он у праправнука по имени Гриша.

— Денег, — застеснялся Гриша.

— Рубля хватит?

— Лучше помельче, баксами, марсиане живут бедно, где им разменять рубль...

К беседующим родственникам подходит небритый абориген о трех головах и жестами пытается доказать, что он тоже праправнук Сидорова. Самозванец с позором вышивается в канализационное отверстие нуль-пространства.

Сцена 5

Пружинистой походкой брюнета (на самом деле он блондин в черных ботинках) Сидоров входит в кабинет шефа, в котором стоят суперстол и суперстул. Шеф на этом суперстуле выглядит как небритый кактус в горшке.

В стены кабинета рекомендуется вмонтировать взятые напрокат цветные телевизоры Днепропетровского радиозавода, что намного усилит фантастичность интерьера.

— Нету, понимаю ли, жизни на Марсе, — четко докладывает Сидоров.

— Вы уверены? — говорит шеф по фамилии Иванов-Водкин, рассеянно жуя письменный рапорт Сидорова. — Прежде чем доложить, ексель-моксель, подумайте, у вас еще есть — чем.

Сидоров крестится, вспоминает вдруг прощание с правнуком Гришой, и скучая мужская слеза появляется у него в левом уголке правого глаза. Левый глаз у него искусственный, в него встроены видеокамера, фотоаппарат, пистолет-пулемет, зенитно-ракетный комплекс и ножичек для допросов «языков».

Шеф Иванов-Водкин не выдерживает слез.

— Не реви, Сидоров, — говорит он, сморкаясь в соседнее измерение. — Через девять месяцев жизнь на Марсе появится, я твои способности знаю...

Финальная сцена

Рыдает режиссер — от умиления.

Плачет автор — от предвкушения большущего гонорара.

Плачут зрители — потому что плакали их денежки.

А время все идет и идет...

ХРОНИКИ ВЫХОДА

Часть 1

И НАСТУПИЛА ТЕМНОТА...

Предыстория проблемы.

Земля, век XX

...В результате появления космологической теории Большого Взрыва, постулирующей взрывообразный характер возникновения Вселенной, возникла интересная проблема, проблема скорее философского плана, чем физического: если можно считать доказанным, что квазары — осколки догорающей праматерии, разлетевшиеся после

взрыва Вселенной на гигантские расстояния, то существует ли «заквазарное» пространство? Можно ли сказать, что квазары характеризуют собой пусть условные, но границы Вселенной?..

Проблема. Земля, век XXI

...Решение проблемы привело бы к радикальному изменению представлений об эволюции Вселенной. Появление астрономических инструментов на базе планетарных орбит Солнечной системы позволяет обнаруживать объекты на расстояниях вплоть до ста миллиардов световых лет, практически же объектов на таких расстояниях не наблюдается. Значит ли это, что на дальностях в двадцать миллиардов световых лет (здесь удалось зафиксировать самый удаленный наблюдаемый квазар — Неможетбыть-99) мы обозреваем «границы Вселенной»? К сожалению, аппаратов, способных проверить сущность сказанного экспериментально, земная техника пока не имеет...

Предпосылки решения. Земля, век XXII

...В результате разработки теории мгновенной передачи информации на основе торсионных полей и суперструнных технологий появилась принципиальная возможность создания аппаратов, способных достичь любых самых отдаленных точек космоса за ничтожно малые промежутки времени.

Перед стартом

В три часа ночи Капитан проснулся.

В комнате было тихо и темно, лишь слабо фосфоресцировал циферблат универсальных часов на потолке. На невидимом ложе соседней кровати спал Штурман, посапывая и сбросив с себя невесомое воздушное одеяло.

Капитан привстал, чувствуя, как прогибается под локтями силовое поле кровати, тронул товарища за руку.

— Цель экспедиции, быстро! — хрипло рявкнул он.

— «Достичь границ Вселенной и посмотреть...» — за-
бормотал Штурман, не открывая глаз, потом проснулся, по-
грозил давящемуся смехом Капитану кулаком и повернулся
на другой бок. Он был весьма уравновешенным человеком.

«Достичь границ Вселенной и посмотреть, что там, за
ними, — повторил про себя Капитан. — То есть за предела-
ми... А заодно исследовать топологическую структуру кос-
моса, если говорить просто и не слишком научно. Интерес-
но все же, что нас ждет там?..»

С этой мыслью он уснул.

Старт

В восемь часов по среднесолнечному времени с Луны
стартовал в сторону северного галактического полюса пер-
вый трансметагалактический космолет «Пионер» с двумя
членами экипажа на борту. Целью экспедиции была про-
верка гипотезы ученых-космологов о конечности Космоса,
иными словами — разведка границ Вселенной.

Выслушав напутствия, Капитан произнес блестящую
речь, состоящую из трех слов: «Спасибо! Мы оправда-
ем...» — и скрылся в космолете. Штурман, продемонстриро-
вав мужественную улыбку камикадзе, молча последовал за
ним.

В рубке он ответил на все вопросы диспетчера дальних
космических экспедиций, вопросительно посмотрел на
спутника. Капитан показал ему большой палец.

— Поехали, — согласился Штурман, давая команду
компьютеру корабля на запуск двигателя.

Начало пути

Первый «суперструнный» прыжок космолет сделал за
пределы Галактики, и разведчики долго любовались вели-
колепной спиралью Млечного Пути, занимавшей весь объ-
ем главного экрана.

Второй прыжок вынес их за пределы местного скопле-

ния галактик, откуда родная звездная спираль выглядела уже слабеньkim пятнышком света размером с человеческий зрачок.

— Не потеряться бы... — сказал молчавший со времени старта Штурман, продолжая заниматься анализом поступивших данных.

— А Балбес на что? — ответствовал Капитан, напоминая Штурману, что космолет ведет интеллект-компьютер по имени Балбес.

Однако Штурман почему-то пожал плечами, и на лицо его упала тень сомнения.

День второй

И третий, и пятый, и двадцать пятый прыжки в режиме «струнного кенгуру» ничего не меняли в окружающем их пространстве.

Все так же со всех сторон светили слабенькие светлячки далеких галактик и их скоплений, складываясь в ячеисто-волокнистую структуру на экранах, все так же горел впереди «путеводной звездой» квазар Неможетбыть-99, олицетворявший для науки Земли видимую в телескопы границу Вселенной.

После двадцать шестого прыжка квазар отвалил в сторону, и космолетчики принялись за исследования окружающего мира и проверку систем корабля.

Анализ параметров пути показал, что корабль преодолел около восемнадцати миллиардов световых лет и действительно прошел вблизи квазизвездного источника, известного под названием Неможетбыть-99 — догорающего со временем рождения Вселенной клочка праматерии. Только на момент прохождения выглядел он уже как обыкновенное скопление потухших и затухающих звезд.

Отпраздновав событие звоном бокалов с тонизирующим напитком, космолетчики направили бег корабля в густую тьму «заселенского» пространства. Позади скоплений галактик знакомый Космос. Впереди людей ждала «аморфная фигура Ее Величества Неизвестности»...

Куда дальше?

Очнувшись от сугубого небытия, Капитан пощупал тяжелую после гипносна голову и встретил взгляд спутника, выражающий мрачный вопрос: куда теперь?

Выключив защиту, он дал команду Балбесу, и экраны прозрели.

— Гадство! — сказал Штурман.

— Ничего не понимаю, — почесал затылок Капитан. — А ты?

Их со всех сторон окружала полная тьма! Ни одного лучика света, ни одной самой крохотной звездочки! Ничего. Мрак!

— Тринадцатый день одно и то же... — пробормотал Капитан, по привычке включая бортовой исследовательский комплекс.

Но и с помощью приборов не удалось определить, где находится космолет. Здесь не существовало таких понятий, как «верх» и «низ», «вперед» и «назад», «далеко» и «близко». Казалось, весь корабль плотно обернут в черную, непроницаемую для света материю. Балбес также не мог дать сколько-нибудь толковых рекомендаций, как выбираться из этого странного угольного мешка, в котором не существовало расстояний и линейных мер.

Не верилось даже, что за тонкими стенками космолета вакуум, но экспресс-анализ дал ответ: пространство существенно не изменилось, вокруг все тот же виртуальный континуум, заполненный реликтовым излучением. Правда, плотность энергетического потока со всех сторон стала ничтожно малой, сверхчувствительные датчики выбрасывали на табло почти одни нули.

Сутки исследователи ничего не предпринимали. Не разговаривали. Думали. Потом Капитан снова включил двигатели.

— Будем прыгать, пока куда-нибудь не припрыгаем или пока не кончится энергия. Иного пути нет.

Штурман был с ним полностью согласен, ведь ничего лучше он тоже предложить не мог.

Надежда

Совершив сто тридцать первый прыжок, отчаявшиеся космопутчики с угасающей надеждой обшаривали глазами черноту обзорных экранов. Вдруг Штурман отбросил свою обычную угрюмую флегматичность и проговорил:

— Ушипни меня, Саша, я сплю.

Капитан проследил за его взглядом и, так как не запрещал себе говорить вслух все, что думает, произнес более длинную тираду, смысл которой, однако же, сводился к словам: «... твою мать! Ура!»

Слева по носу космолета появилась маленькая искорка света. Она была почти не видна, находилась далеко за пределами человеческого зрения, лишь автоматы смогли разглядеть ее и отобразить на экране. Но если свет от этой звездочки все-таки дошел в эту область пространства, значит, впереди сияла жизнь? Звезды, галактики, туманности? Иная Вселенная?..

— Звезда! — пропел Капитан от избытка чувств. — Да здравствует жизнь! Да здравствуют герои вроде нас! За это непременно надо выпить!

Штурман в ответ достал бокалы.

День недоумения

После тринадцатого прыжка с момента обнаружения искры света Капитан остановил внепространственное движение космолета, с тревогой посмотрев на счетчик запасов энергии.

Звезда увеличилась, но уж очень странной была эта звезда. Спектр ее не укладывался в рамки ни одной из теорий звездного излучения.

Сначала Штурман мрачно пошутил, что они попали в антимир.

Потом Капитан, вдохновленный примером товарища, в шутку предложил, что это «белая дыра» — канал выхода в иную Вселенную через «горловину максимона» из той, откуда они вылетели.

Но никто из них не предполагал истинного положения вещей.

Змея, кусающая себя за хвост

Сделав еще один прыжок, они наконец увидели, что это такое.

Перед ними, ясно видимая в черноте космического (космического ли?!) пространства, висела исполинская, горящая ровным желто-оранжевым пламенем... свеча!

— Сто тысяч парсеков! — пробормотал Штурман, дикими глазами разглядывая визирные метки экрана и глотая валидол. — Капитан, погляди: длина пламени — сто тысяч парсеков! Представляешь?!

Капитан не представлял, он просто смотрел на экран, открыв рот.

Ствол свечи был витой, на нем застыли капли расплавленного стеарина, основание же свечи терялось во мраке. Она горела ровно, невозмутимо, почти бездымно, словно стояла на столе средневекового горожанина оставшейся далеко позади Земли, а не висела в космосе, превосходя размерами любую Галактику!

— Батюшки-светы! — пробормотал Капитан, озаренный догадкой. — Это куда же нас занесло? Уж не вывернуло ли обратно на Землю-матушку?! Из макромира в микромир?!

Развить мысль он не успел.

Откуда-то из мрака «засвечного» пространства придвигнулись к свече исполинские человеческие губы, дунули на нее — и наступила полная темнота!..

Часть 2

НОВОЕ РЕЛИКТОВОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ

Вторая попытка

Возвращения «Пионера» с двумя членами экипажа на борту ждали три года, пытаясь отыскать космолет всеми доступными землянам методами. Однако все попытки оказались напрасными. «Пионер» канул в Великую тьму «загалактического» пространства и не вернулся. Надежда на его возвращение сохранялась, но и ученые, и друзья космолет-

чиков, их родные и близкие понимали, что с каждым новым днем шансов остается все меньше. Космос во многом оставался загадочным и опасным даже для таких хорошо подготовленных и защищенных кораблей, как «Пионер».

И все же наука не остановилась на достигнутом, «сверхструнный» транспорт постепенно совершенствовался, аварийных ситуаций с выходами новых космолетов из «внепространства» внутри планет и звезд становилось все меньше, и наконец появился корабль, способный пересечь всю Вселенную за один прыжок. После чего правительство Земли решило повторить попытку вырваться «за пределы Космоса».

Монтаж второго трансметагалактического корабля «Преодолеватель» был закончен через три с половиной года после пропажи первого «запредельного» космолета. Накопление необходимых запасов энергии для мгновенного скачка сквозь пространство подошло к концу. В целях безопасности старт корабля с двумя членами экипажа — Капитаном-2 и Штурманом-2 был намечен из точки пространства, удаленной от Солнца и ближайших населенных звездных систем не менее чем на двадцать световых лет, в направлении на южный галактический полюс и состоялся без пышных церемоний и проводов. В памяти был еще свеж старт первого «абсолютника», за которым наблюдали миллиарды ликующих людей.

В рубке «Преодолевателя» тем не менее царило приподнятое настроение. Попрощавшись со всеми провожающими, космолетчики беседовали о перспективах «струнного» космоплавания и о цели полета.

— Кого же не интересует, что там, за границами Вселенной? — говорил Капитан-2, расхаживая по прозрачному полу рубки. — Какие формы бытия, с какими законами? Есть ли там такие же звезды и планеты, как у нас? С какими существами нам придется столкнуться? Или ты думаешь, что там, за границами, ничего нет?

— Если Вселенная замкнута сама на себя — по последним модным гипотезам, то нас просто вывернет в другую часть космоса, — отвечал Штурман-2. — А еще надо учесть, что мы увидим границы мира там, где они были двадцать

миллиардов лет назад. Волнуешься? — внезапно спросил он, прерывая речь. В ослепительно белом защитном балахоне он напоминал сразу парус и облако.

— Волнуюсь, — вздохнул Капитан-2, затянутый в серое защитное облачение и похожий на скульптурное изображение добродушия, — но верю в успех. Пошли полюбуемся на корабль?

Они свободно пронзили стену рубки — через окно активного выхода — и зависли над стокилометровым телом корабля, глядя на гигантское жемчужное зарево Млечного Пути. Скафандры давно отошли в прошлое, личные энергококоны надежно защищали людей в вакууме.

— Пора, — произнес наконец Капитан-2. — Нам выпала нелегкая задача — повторить подвиг первых «абсолютников».

— И к тому же вернуться, — добавил Штурман-2, сжал плечо друга и перенесся в рубку «Преодолевателя», где ждал их команд инк по имени Умапалата.

*Старт. Ноль часов, ноль минут,
ноль секунд*

В Центре управления дальними космическими экспедициями, расположенным по традиции на Луне, был слышен голос инка:

— Всем аппаратам покинуть зону старта! Отсчет контроля — с момента выхода из зоны всех групп. Повторяю: всем аппаратам...

Координатор экспедиции наблюдал за стартом корабля не из ЦУПа, а непосредственно с поверхности Луны: через цепь трансляторов изображение происходящего проектировалось в небе спутника Земли в объеме и цвете. Впечатление было такое, будто трансметагалактический корабль «Преодолеватель» завис над ними в томительном падении...

Во время контроля земной космолет представлял собой гигантский костер, разгул световых волн от фиолетового до вишневого цвета. Языки «пламени» бороздили черный бархат пространства, изгибались, опадали и снова уносились

прочь на многие тысячи километров. Потом разом свечение угасло, наступила полная темнота.

Координатор послал мысленный предупредительный сигнал, включая следящие комплексы Солнечной системы. В воздухе Луны, созданном еще сто лет назад, прозвучала длинная звенящая нота... словно осыпался иней напряжения с проводов тревожной тишины. И почти сразу вслед за звуком в небе распахнулся черный провал и поглотил земной корабль: ни вспышки, ни грохота. До дрожи реальной холодная пасть пространства... Прыжок «Преодолевателя» к границам Вселенной начался.

— Прощайте, ребята, — пробормотал Координатор. — Ни пуха вам, ни пера...

— Когда-то они вернутся? — прошептал за его спиной Помощник. — Когда мы наконец узнаем...

Договорить он не успел.

**Финиш. Ноль часов, ноль минут,
три секунды**

Зуммер тревоги прозвучал неожиданно громко и заставил замереть толпы людей, наблюдавших за стартом «Преодолевателя» на пространствах Луны.

Координатор перенесся в ЦУП, выслушал сообщение, адресованное только ему, как руководителю эксперимента, и оглядел обступивших его работников ЦУПа.

— Во всем контролируемом объеме Галактики, — сказал он почти беззвучно, — приборы отметили внезапное нарастание потока микроволнового излучения, по характеристикам близкого к реликтовому.

Повторив эти слова еще раз немного громче, он бросился бежать к выходу из зала ЦУПа, забыв, что может попасть в любую точку здания мгновенным волевым усилием.

В зале приборного контроля его ждали встревоженные, недоумевающие по поводу случившегося ученые.

— Зарегистрирован ливень неизвестных ранее элементарных частиц, — сообщил один из них. — Излучение

изотропно, характеристики близки к параметрам реликто-вого...

— Я знаю, — перебил его Координатор, сжал лицо в ладонях.

Было страшно представить, что его тело уже пронизывает поток неизвестного излучения, неся гибель и разрушение клеткам мозга, всему организму. Однако он заставил себя собраться и собрать мечущиеся мысли воедино.

Что, собственно, случилось? Откуда появилось излучение? Неужели это связано со стартом «Преодолевателя»?! Что же он обнаружил там, за границами Вселенной? Какие законы нарушил своим появлением? Какие устои мироздания?..

— Микросканирование! — внезапно проговорил Координатор. — Включите ультраскопы, посмотрим, что представляют собой носители излучения, что это за «элементарные» частицы.

Стена перед Координатором исчезла, открыв окно в лабораторию ЦУПа.

— Сейчас проведем сканирование, — отреагировал молодой начальник лаборатории, поворачивая голову к панели гравитонного микроскопа. Над панелью возник белесый шарик видеопередачи и развернулся в объемное изображение.

— Увеличение кратно миллиарду, — продолжал начальник лаборатории. — Любое излучение — это волна и одновременно поток частиц. Вот эти частицы...

Изображение приобрело глубину и четкость. И все увидели трансметагалактический корабль «Преодолеватель». Он ушел за пределы Вселенной и вернулся.

Мириады мириад «Преодолевателей» заполнили космос «новым реликтовым» излучением...

ДЕРЕВО

Гигантское лезвие взрыва вспороло экран, пересекло пульт, разметало людей и ахнуло в противоположную стену ходовой рубки, расколов ее зигзагом щели...

В сознание они пришли тем не менее быстро: первым Диего Вирт, потом Грехов, последним Мишин. И только Саша Лех по прозвищу Мальчик-с-пальчик не шевелился, раскинув по разбитому пульту большие руки.

Диего выкарабкался из-под аппаратной стойки, взлетел к потолку рубки — наступила невесомость, — приблизился к пульту и наклонился над Сашей. Через несколько секунд он повернул к остальным побледневшее лицо и прошептал одними губами:

— Мертв!

Никто из них не знал причины катастрофы, даже Мишин, единственный в экипаже спасательного шлюпа теоретик и практик мгновенной «струнной» связи. Работником Управления аварийно-спасательной службы он стал недавно. И вот первый же его полет в составе аварийного патруля начался катастрофой, причем, по иронии судьбы, пострадал сам спасательный шлюп.

Мишин подумал было, что приемная тахис-станция каким-то невероятным образом вышла из резонанса, что и послужило причиной аварии, но такое предположение нельзя было доказать, и он промолчал.

Маленький их кораблик был поврежден, что называется, надежно: киб-координатор не работал, навигационные системы тоже, лишь системы жизнеобеспечения еще кое-как дышали, снабжая рубку кислородом и крохами электричества. Через два с лишним часа прозрели уцелевшие экраны, но информации о положении шлюпа это не прибавило. Слева по носу шлюпа тускло светила волокнистая россыпь мрачных багровых звезд. Справа, совсем близко, пылало косматое оранжевое солнце. Несмотря на свой опыт, ни Диего Вирт, ни Габриэль Грехов не могли определить, куда вышвырнули их взбесившийся тахис-канал.

«Неклассическая ситуация, — подумал Грехов, с горечью сознавая свое бессилие. — Авария на спасательном модуле — нонсенс! Ирония судьбы. Что произошло на самом деле? Станция на Земле бросила нас по «струне» всего лишь на сто пятьдесят миллионов километров, к Меркурию, а оказались мы здесь... неизвестно где, разбитыми чуть ли не

вдребезги. Наверное, такие случаи бывали только в самом начале тахис-плавания. Как же выпутываться из этого положения?»

И тут озарился пепельным светом центральный экран, и в его глубине выплыл горб близкой планеты...

Шлюп падал уже несколько часов.

Из разбитых блоков пульта Грехову удалось вдвоем с Мишиным собрать слабенькую схему ручного управления, и тогда у всех затеплилась смутная надежда на спасение.

За это время они подробно рассмотрели планету: то, что она могла стать их могилой, не умаляло интереса. Планета представлялась мертвой. Безусловно, это первое впечатление было сугубо эмоциональным: растительность — они открыли степи и леса — уже жизнь! Однако люди невольно искали в безмолвных просторах степей намеки на жизнь разумную и не находили.

Шлюп заканчивал второй, и последний, виток.

Мишин попробовал включить аппаратуру экспресс-анализа, но попытки его не увенчались успехом. Зато он первым обнаружил странную деталь на поверхности планеты. Сначала Диего Вирт щутки ради предположил, что перед ним конец планетной оси вращения. Потом ему же показалось, что это искусственное сооружение, башня необычной формы. Но лишь опустившись до уровня запрещенной орбиты, на которой они уже не могли уберечь шлюп от падения, даже если бы работал двигатель, люди поняли, что видят гигантское — около трех километров высотой! — дерево.

— Ущипните меня! — пробормотал Мишин. — Я сплю. Ей-богу, дерево! Или я на самом деле сплю?

— Эка невидаль — дерево, — пренебрежительно сказал Диего Вирт. — Лучше бы то была антенна даль-связи.

— Да вы что, ребята? Это же то самое Дерево спасателей! Помните историю с «Клинком солнца»?

— Сказки! — грубо ответил Диего по привычке не унывать в самых трудных ситуациях. — Давайте прощаться, что ли, шлюп уже падает.

Грехов в ответ мотнул головой, продолжая копаться в развороченном пульте. А через несколько минут, когда ждать больше как будто было нечего, Мишин вдруг сморщился и, стыдясь своего порыва, сунул Вирту жесткую темную ладонь. И почти сразу же Грехов крикнул:

— Держитесь!

Толчок включенного двигателя бросил людей в глубину кресел. Затем последовали толчки и еще...

Сначала Диего вытащил безвольное тело Мишина, с трудом ворочаясь в смятой, перекошенной рубке. Передохнул и полез в шлюп снова. Вынес Грехова и несколько минут ждал, пока пройдет боль в груди. Потом уже автоматически вернулся за мертвым пилотом. Саше Леху было все равно, где лежать.

Хотя шлюп был почти неуправляем и при посадке пропахал носом несколько сот метров, экипаж он спас. Люди отделались ушибами и ссадинами.

— Слава твоим создателям! — проговорил с улыбкой Диего, погладив с нежностью шероховатый бок шлюпа. — Запас прочности просто поразительный, почти как у человека, да, командир?

Грехов зашевелился, поднялся с трудом, упираясь кулаками в желтоватую почву, оглянулся на целый с виду шлюп и снова лег на спину, стал смотреть на открытое ими с орбиты дерево, наслаждаясь покоем и ощущением уходящей боли. Диего подошел и лег рядом, тоже глядя на дерево. По странной случайности они упали рядом, всего в полукилометре от этого оптического, а может быть, и материального, во что было трудно поверить, феномена. Очнувшийся Мишин сопел рядом, и все трое ни о чем не думали, просто лежали и смотрели на дерево.

— А дела-то наши дрянь, — сказал наконец Диего равнодушно.

— Не паникуй раньше времени, — отзвался Грехов невнятно.

— Да я и не паникую, просто констатирую факт. — Диего пожал плечами, что вызвало укол боли в спине, перевел взгляд на Мишина. Тот окончательно пришел в себя и сел, дыша тяжело, с хрипами. Нереальная прозрачность пленоч-

ногого скафандра позволяла видеть его измученное, посеревшее лицо.

— Это вовсе не сказки, — проговорил Мишин, словно продолжая прерванный на орбите спор. — Можете смеяться или иронизировать, но это дерево, выполняющее желания. О нем постоянно толкуют пилоты галактических транспортников и даль-разведки. Одно время его даже пытались искать.

— Фольклор, — пробормотал Диего и сморщился: прикушенный язык мешал разговаривать. — Миф века. Шутка какого-то пилота, превратившаяся в легенду.

— Возвращение «Клинка солнца» не легенда. — Мишин тяжело встал. — У них полетел тахис-генератор, и если бы не дерево, выплывшее вдруг рядом... Вспомните их ответ. Описание, кстати, сходится даже в деталях.

Он долго смотрел на дерево из-под козырька руки — больше всего оно походило на исполинский одуванчик с чешуйчатым стволом, — потом пробормотал:

— Пойду пройдусь, посмотрю поближе, любопытно все-таки. — И, не дожидаясь ответа, побрел на холм, скрывающий основание ствола дерева.

Диего подождал, пока он скроется из виду, выключил радиосвязь и приблизил голову в шлеме к голове Грехова:

— Как ты думаешь, он понимает, что мы обречены? Или у него шок от удара?

— Не знаю, — глухо ответил Грехов, тоже отключив связь. — Что-то я тебя не пойму. Ты что же, смирился с положением?

— А ты знаешь способ, как отсюда выбраться?

— Пока нет, но... в нашем положении очень хочется верить в существование Дерева желаний.

— Вообще-то о дереве и я слышал немало всякого, причем от серьезных людей. Но когда оно оказывается рядом...

— Дерево и я вижу, а вот насчет желаний... Видишь ли, я привык полагаться прежде всего на свои собственные силы.

— Что-то я тебя не пойму, — поддразнивал командира Диего. — Уповать на собственные силы в таком положении трудно.

— В детстве я часто мечтал о волшебной палочке, выполняющей любые желания.

— Я тоже, — признался с улыбкой Диего.

Они одновременно посмотрели на неподвижное тело Саши Леха.

Через час Грехов, облазив модуль от кормы до носовых защитных экранов, вынужден был констатировать, что с ремонтом шлюпа собственными силами не справиться.

— Я хорошо знаю навигационное оборудование, — сказал он устало, — но почти ничего не смыслю в передатчике и двигателях. Ты, кажется, тоже?

— Я-то? — усмехнулся Диего Вирт. — Двигатели и передатчик, понимаешь ли, не входят в компетенцию врача. Но вот Мишин наверняка кое-что смыслит в тахис-аппаратуре, а значит, и в передатчике. Нам бы только сигнал подать, глядишь бы, и выкарабкались.

— Нам надо не только сигнал подать, но еще и успеть выполнить задание. Был бы жив Саша...

Диего посмотрел на командира как на сумасшедшего, но ничего не сказал.

— Кстати, где Михаил?

— Опять пошел к своему дереву.

— Надо его как-то отвлечь, а то свихнется мужик. Попшли-ка и мы посмотрим на это чудо, разомнемся хотя бы. Нам повезло, что планета такая спокойная.

Они медленно побрали на холм, ступая по короткой, очень жесткой серой траве. На лысой макушке холма задержались, глядя на одинокую человеческую фигурку, застывшую возле мощной колонны дерева. У обоих мелькнула одна и та же мысль, но оба запрятали ее поглубже: один — как заведомую чепуху, второй — как напрасную надежду. Спустившись в низину, молча остановились возле Мишина.

Поверхность дерева действительно напоминала кору — толстая, морщинисто-чешуйчатая, темно-коричневая, более светлая в разломах и трещинах. Ствол вздымался над ними исполинским пальцем, воткнувшимся в небо, крона

была почти не видна — легкое серебристое облачко не то листвы, не то пуха.

— Ну и корень у него должен быть! — пробормотал Диего, которому стало не по себе. — А почему все-таки оно выросло здесь одно? Где другие такие деревья?

Грехов не ответил, потому что мысль, которую он только что прогнал, вернулась вновь.

— Миша, — позвал он, легонько тронув Мишина за плечо. — А как дерево исполняет желания? Какова процедура?

— Что? — очнулся Мишин. — А-а... да очень просто. — Он оживился. — По легенде — каждый человек должен загадать желание, но не высказывать его вслух, и если желания у всех совпадают, то это общее желание исполняется.

— «По легенде»! — фыркнул Диего. — А фактически? Как, например, спасся экипаж «Клинка солнца»?

— Они шли над Тубаном — альфой Дракона. Без генератора добирались бы к Солнцу около трехсот лет... Встретили дерево на одной из планет Тубана, сели. Ну, конечно, сомневались, спорили... а потом собрались вместе, и ... корабль вышел уже над Ураном, в Солнечной системе.

— Просто у них снова заработал генератор, — сказал Диего и хихикнул. — Квазиживые механизмы иногда начинают бастовать, а потом приходят в норму.

— Да нет, генератор так и не починили, списали потом.

— А что, если попробовать? — сказал вдруг Грехов.

— Ты серьезно?! — изумился Диего.

— Давайте и в самом деле попробуем, — взмолился Мишин. — Что мы теряем? Попытка не пытка...

— Чтобы потом был повод посмеяться друг над другом?

— Брось! — недовольно проговорил Грехов. — Можешь начинать смеяться, но минута веселья еще не пришла. Если есть хоть какой-то шанс, его надо использовать.

Они стояли молча несколько минут, стараясь не глядеть друг на друга. Наконец Грехов тихо сказал:

— Начнем, пожалуй.

Диего приподнял бровь:

— Как?

— Михаил уже предложил: думать о том, чего ты хочешь.

— А если наши желания не совпадут, тогда что?

— А ничего, останемся у разбитого корыта.

— Только желание должно быть очень сильным, — заторопился Мишин, хотел что-то добавить, но посмотрел на Диего Вирта и осекся.

— Давайте тогда уж сядем, — предложил Диего, пряча скептическую усмешку. — В ногах правды нет. Кто знает, сколько ждать придется... исполнения желаний.

Трое сели на небольшой бугор и обратили лица к дереву. Сидели так минуту, две, пять...

В Грехове боролись неверие в чудо и ожидание чуда. Он знал, что чудес не бывает, да и ситуация была далека от сказочной, но сдаваться не хотел. «Ну а если это все же пресловутое Дерево желаний? Способное сделать то, что мы считаем чудом? Полет человека без видимых приспособлений тоже когда-то казался чудом... разве все законы природы нами познаны? Может быть, спасение разумных существ — тоже закон, хотя он и требует чистоты помыслов. А раз так, главное теперь — не ошибиться!»

«Все же это дьявольски трудно — верить в исполнение желаний! — думал Диего Вирт, стараясь не шевелиться. — Вот когда необходима дисциплина мысли! Справимся ли мы? Вернее, справлюсь ли я?! Вдруг думаю не о том? Простит ли командир? Вернее, прошу ли я себе сам?! Господи, не дай ошибиться!..»

«Напрасно я втянул их в эту авантюру! — У Мишина так сильно затряслись губы, что он вынужден был закусить их до боли. — Сколько можно ждать? Неужели это все — досужий вымысел, сказки для взрослых детей? Или наши желания не совпадают?!»

Последняя мысль была непереносимой.

Они сидели и ждали, изнемогая от борьбы с собой, от слабости и неистовой надежды. А когда даже Мишин готов был сдаться, Грехов решил отступить, а Диего Вирт — вскочить на ноги и послать этот неведомо кем спровоцированный спектакль ко всем чертям, они услышали сзади шорох

быстрых шагов. Хорошо знакомых, словно крадущихся шагов.

Грехов рывком обернулся.

На голой вершине холма, в двух десятках метров, стоял живой и невредимый Саша Лех — в скафандре, с пилотской блямбой на груди — и разглядывал их с недоверием и тревожным изумлением.

— Черт вас возьми! Что это вы здесь делаете? Что тут вообще деется? Шлюп урчит двигателями, киб орет о срочном вызове, а вы тут пикник устроили! Что случилось, командир? Где мы? Как сюда попали? Я что, уснул? Ничего не помню.

— Еще бы! — пробормотал Диего Вирт, на секунду теряя сознание.

— Ты задаешь слишком много вопросов, — ответил Грехов, тоже ощущая страшную слабость во всем теле. — Шлюп готов к старту?

— Естественно, ведь нас только что тестировали.

— Иди на место, мы сейчас придем.

— Ну и ну! — Саша еще несколько мгновений разглядывал коллег с теми же чувствами, затем послушно повернулся и скрылся из глаз.

— Я себя уже щипал... — прошептал Диего Вирт, кривя губы. — Но оказалось, что я не сплю. Хотя и не верю! Ничего этого на самом деле нет, я дома, на Земле, и снится мне сон, глупый, кстати, потому что в реальной ситуации мы бы поняли, что воскрешать надо было не Мальчика-с-палычика, надо было пожелать сразу оказаться на Земле. Ведь, несмотря на отремонтированный деревом модуль, мы все обречены, на своем слабеньком двигателе до Солнца нам не добраться. Я не прав?

Грехов покачал головой. Да, все они хотели, чтобы пилот остался жив. Конечно, они могли пожелать и другого, например, чтобы дерево дало им новый корабль, или передатчик, или то и другое сразу. Или действительно оказаться на Земле. Это были самые простые варианты спасения. Но это были варианты ИХ спасения! Себя спасти они могли, но Сашу не выручила бы никакая земная медицина, он был мертв много часов. Зато теперь их снова четверо, спасатель-

ный отряд в полном составе, дерево подарило им шлюп, и они готовы постоять за себя сами!

— Выход найдется, — сказал наконец Грехов. — Рад, что мы решили правильно. Был момент, когда я начал сомневаться...

— Во мне? — скривился Диего Вирт.

— В себе.

— А вы думаете, я не сомневался? — подал слабый голос Мишин. — Еще как сомневался! Но, ребята... я за вас теперь... извините мою телячью нежность...

— Один за всех! — засмеялся Диего.

— Все за одного! — подхватил Грехов. — Кстати, как мы объясним ситуацию Саше?

— А никак. Станция на Земле бросила нас в тахис-тунель, а оказались мы уже здесь. И точка!

С вершины холма Грехов оглянулся... и ахнул! Дерево странно расплылось, затем засветилось нежным зеленым светом, вытянулось огненным языком, в котором замелькали вереницы фигур, конструкций, строений знакомой и незнакомой формы. Потом появились изображения людей, их четверка, и все растаяло. Пыльный смерч поднялся в небо, распался, и ветер развеял его по серым травяным равнинам.

— Мы забыли сказать ему спасибо, — пробормотал Мишин.

«Кто ты? — подумал Грехов, разглядывая пустое небо. — Существо или автоматическое устройство? Или корабль аварийно-спасательной службы иного разума? Только службы этической, начинающей операцию спасения с проверки моральных качеств спасаемых. Кто вы, принявшие ответственность за всю Галактику, отвечающие за ее духовный баланс? Дерево ведь видели в разных концах Млечного Пути... Может быть, и нам когда-нибудь придется перенять у вас эстафету?.. А пока — спасибо! И до встречи...»

— Миссия дерева закончена, — сказал он негромко. — Наше спасение теперь в наших собственных руках. И не только наше. Не кажется ли вам, спасатели, что нашей помочь ждут?..

(ЦУНАМИ) КАТАСТРОФА

Космотрон. Восемь часов сорок минут среднесолнечного времени...

Катастрофа произошла внезапно: исчезло защитное поле одной из секций гигантского ускорителя. Сверхплотный поток антипротонов проломил ослабевшие стенки магнитных ловушек и, минуя мишень, ушел в пространство. Лавина яростной энергии, сравнимая разве что с солнечным протуберанцем, но невидимая, устремилась под углом к плоскости эклиптики в направлении марсианской жилой зоны. Пятисоткилометровое двойное кольцо космotronа распалось, как игрушечное изделие из набора «Конструктор», породив вспышку жемчужного света. До ближайшей космостанции свет этот ровно семь минут.

Аварийно-спасательная служба, станция приема аварийных сигналов (СПАС-7). Восемь часов пятьдесят минут...

Шелгунов подогнал кресло по фигуре, подмигнул Стакхову и подтянул к себе микрофон.

— Дежурство принял старший смены Шелгунов.

— Добро, — отозвался динамик, и весь объем экрана заняло смуглое черноглазое лицо Грехова, руководителя оперативной группы патруля. — Рапорт принял. Спокойного дежурства, Саша.

— Спасибо, Габриэль, желаю и тебе того же.

Шелгунов проверил связь с отсеками станции, дежурные энергетики и бортинженеры бодро сообщили о готовности аппаратуры к работе. Александр окинул взглядом черные квадраты пеленгационных экранов, покрытые координатной сеткой, и надел наушники. В течение четырех часов дежурства им предстояло вслушиваться в «тишину» космоса: такова была специфика работы дежурных смен станций СПАС.

— Юра, будь добр, погаси свет, — попросил Шелгунов. Стакхов улыбнулся и выключил светопанели.

...Но в то время как дежурные других станций по всей Солнечной системе обменивались шутками, проверяя связь друг с другом, и вели перекличку оперативные группы патрулей, страшная радиоактивная лавина уже вспарывала космос, с каждой секундой приближаясь к густо заселенной людьми области Солнечной системы...

Фобос, станция специальной ТФ-связи

В восемь часов пятьдесят три минуты среднесолнечного времени дежурный диспетчер станции получил странный сигнал из обсерватории «Полюс», располагавшейся в девяти астрономических единицах от Солнца, над полюсом эклиптики. Автоматы обсерватории зафиксировали в направлении гаммы Треугольника вспышку света с необычным спектром. Диспетчер сверил время: ТФ-связь доносит вести практически мгновенно, свет же вспышки должен был достичь орбиты Марса только через двадцать две минуты.

— «Полюс», повторите информацию и дайте точные координаты вспышки, — попросил диспетчер.

Диспетчер, опытный инженер, в прошлом работник Управления аварийно-спасательной службы (УАСС), хмыкнул, переглянулся с помощником и связался с отделом УАСС на Земле.

Земля, Сахалин. Ночь...

Диего Вирт посмотрел на окошко универсальных часов: было восемь часов пятьдесят восемь минут среднесолнечного времени.

«Странно, — подумал он, вставая с постели. — На тревогу непохоже... Что там могло произойти? Неужели без меня нельзя обойтись?»

В кабине связи он появился уже одетым.

— Слушаю.

Томившийся ожиданием молодой диспетчер отдела встрепенулся и быстро проговорил:

— Получено сообщение от специальной-три с Фобоса. Обсерватория «Полюс» зафиксировала яркую вспышку в

квадрате И-227 и замолчала. На дальнейшие вызовы не отвечает.

— Сигнал SOS?

— Нет, СПАС молчат.

— Кто передал?

— Ну, кто? Диспетчер на Фобосе. — Дежурный замешкался. — Сейчас...

Через несколько секунд, покраснев под взглядом Вирта, он сообщил:

— Диспетчер — Михаил Мишин.

— Мишин? — Диего Вирт сжал руку в кулак и легонько стукнул по другой руке. — Любопытно... Свяжитесь со всеми СПАС этой зоны, я буду через пять минут.

СПАС-7. Девять часов две минуты...

В зале царила обычная дежурная тишина. Шелгунов вдруг открыл глаза и прислушался. В соседнем кресле Стахов доказывал кому-то преимущества земной школы хоккея над школой союза внутренних планет, это отвлекало.

— Тихо! — приказал Шелгунов.

Тотчас же слабо свистнул пеленгатор и затлели алым светом индикаторы приема. Из-под пульта прозвучал требовательный гудок, и голос автомата произнес:

— Сигнал SOS! Квадрат И-227, координаты...

Шелгунов вдавил педаль, и по отсекам пронесся звон тревоги, прервав отдых свободных от вахт операторов.

Динамики донесли людям быстрый скрип, будто ножом по стеклу. Стахов, спохватившись, подключил дешифратор, и все услышали:

— Говорит «Полюс», антипротонная атака... говорит «Полюс», антипротонная атака...

— Патруль, слышишь меня? — позвал Шелгунов. — Сигнал SOS, квадрат И-227, координаты... Обсерватория «Полюс», антипротонная атака. Люди, видимо, погибли, сигнал передает робот. Позаботьтесь о защите.

— Принял, стартую, — лаконично отозвался Грехов.

— Откуда там антипротоны? — пробормотал Стахов. — Запрошу-ка я службу Солнца...

— Правильно, — кивнул Шелгунов. — А заодно физические центры и обсерватории.

Перед пультом неожиданно раскрылся видеом связи с базой, из диспетчерской на них взглянул начальник отдела УАСС Диего Вирт.

— Что у тебя?

— SOS, антипротонное облучение обсерватории «Полюс». Необходим информационный поиск: что за излучение, откуда? Вспышка на Солнце? Так служба Солнца не передавала никаких предупреждений...

Диего покосился на диспетчеров базы.

— Ответ получишь минуты через три. Я пока соединюсь со СПАС зоны Юпитера, СПАС внутренних планет ничего не слышали.

Видеом угас.

— Что же это? — тихо спросил Стахов.

База УАСС. Девять часов семь минут...

Диего Вирт крупными шагами быстро вошел в командный зал базы и с размаху бросил свое сильное тело в пустующее центральное кресло.

Стены зала напоминали соты, в каждой ячее светился видеом, и один из них показывал искристую безду. Звезды зигзагами исчерчивали ее, и Диего представил, какие эволюции выполняет спасательный модуль, повинуясь пилоту.

— Подойти к обсерватории вплотную не могу, — прокрипел искаженный расстоянием и перегрузками голос. — Защита течет, радиация вне всяких норм!

— Что с обсерваторией? — спросил Диего, согнувшись к пульту.

— Обсерватории как таковой не существует, вижу только часть отсека обеспечения и блок главной антенны, остальное радиоактивная пыль!

— Габриэль, возвращайся, — приказал Диего Вирт. — К вам сейчас подойдет «панцирник», это его работа. Возьми еще один модуль и прочеши трассу прошедшего антипротонного луча. Возможно, отыщешь пострадавших. Координаты запроси у СПАС-7.

Щелчок переключателя.

— Внимание! Патрулю УАСС зон Юпитера, пояса астероидов, Марса и свободного пространства подготовить средства к перехвату антипротонного луча в точке с координатами... Готовность к старту три минуты!

Еще щелчок.

Диего подождал и вызвал секториат УАСС.

Земля, секториат УАСС.

Девять часов двенадцать минут...

Руководитель УАСС Солнечной системы Джаваир заканчивал ужин, когда в комнате властно прогудел сигнал вызова и рабочий видеом отразил Вирта.

Джаваир отставил в сторону стакан с соком и, стоя, выслушал сообщение начальника отдела о случившемся.

— Космotron? — переспросил он. Тень недоумения появилась и исчезла в его узких непроницаемо-черных глазах. — Ведомство Эйлера... Какие хозяйства затронет антипротонный луч?

— Коридор входа трансгалактических разведчиков, — начал перечислять Диего. — СПАС-7, рабочая зона завода безгравитационного литья... Детский полигон... Что еще? Сектор пассажирских сообщений примарсианской области... Это, пожалуй, наиболее серьезное. Натворит он там бед... если не задержим.

— Какие меры приняты?

— Начат монтаж силового экрана на пути луча.

— Сколько на это потребуется времени?

— Энергетическая масса луча велика, экран нужен мощный...

— Сколько?

— Два часа... может быть, полтора.

— А когда луч подойдет к сооружениям завода?

— Минут через сорок пять.

Джаваир опрокинул стакан, озадаченно посмотрел на лужицу рубиново-красного сока на столе и спрятал руку за спину.

— Космotron уцелел?

— Нет, вспышка света, и... все.

— А ученые доказывали, что космотрон безопасен, как стандартный вычислитель... Как же так получилось? Чего мы не учли?

— Не знаю. Космотрон работал почти год — и ничего. Может, стеченье обстоятельств...

— М-да. — Джаваир задумался. — На СПАС, кажется, имеется собственный реактор?

— Имеется. Вы хотите?.. — осторожно начал Диего Вирт.

— Взорвать станцию. Пожертвовав СПАС, мы если и не остановим, то хотя бы ослабим силу радиоактивной лавины. Сделайте необходимые расчеты.

Земля, секториат УАСС.

Девять часов восемнадцать минут...

Джаваир навис над пультом видеоселектора, пробежал глазами по экранам и негромко проговорил:

— Составьте объявление по всем ТФ-станциям: кораблям в зоне с координатами... покинуть зону с немедленным отлетом в порты назначения! Правительству и техническому совету Марса принять срочные меры по эвакуации заселенных зон в районах по вектору двести двадцать семь! К зонам приближается радиоактивное облако! Сектору УВСС марсианской зоны обеспечить безопасность транспортных линий при изменении графика сообщений.

Джаваир закончил диктовать и обернулся к собравшимся по тревоге начальникам отделов.

— Всех, кто не участвует в операции, прошу вернуться к исполнению непосредственных обязанностей. Вам, Эйлер, в течение двух суток выяснить причины катастрофы! Взрыв космотрона уже погубил двадцать шесть человек, и я не знаю, конец ли это. Найдите...

— Вас вызывают по коду Совета Мира, — обратился к руководителю УАСС диспетчер, очень смущенный тем, что пришлось его перебить.

Джаваир медленно повернулся...

Венера, орбитальная станция, зал Совета Мира.

Двадцать две минуты десятого...

— Я уже в курсе, — сказал председатель Совета Мира Молчанов, пристально рассматривая Джаваира. — Вам потребуется какая-нибудь дополнительная помощь?

— Нет, — помедлив, ответил Джаваир. — Все, что надо, делается.

Молчанов сжал губы, иластное лицо его пошло морщинами.

— Причины катастрофы неизвестны?

Джаваир покосился на стоявшего рядом долговязого Эйлера.

— Пока нет. О результатах расследования я доложу на Совете через двое суток.

— Надеюсь, ты понимаешь, чем грозит вторжение луча в примарсианскую зону? Луч надо остановить во что бы то ни стало!

Джаваир не пошевелился.

— И вот еще что, — продолжал Молчанов. — Не допустите паники. Это будет пострашней самого взрыва.

СПАС-7. Двадцать пять минут десятого...

Антенны поймали еще один сигнал SOS, и Шелгунов накричал на Стакова, перепутавшего в волнении каналы приема.

В который раз перед ними в темноте видеома возник Диего Вирт.

— Вот что, Александр, луч выходит прямо вам в лоб.

— Знаю, чепуха! — отмахнулся Шелгунов. — Станция может уйти из-под удара в любой момент. Каков диаметр луча?

— Около сорока тысяч километров, радиант расхождения две секунды.

— Уйдем, не беспокойся, сейчас дам команду.

— Уйти-то вы уйдете... — Диего покусал губу... — Конечно, уйдете. Но за вами завод БГЛ, детские площадки...

— Знаю. Что же ты предлагаешь? Говори прямо.

— Надо в нужный момент взорвать реактор СПАС. Взрыв создаст контрволну энергии, которая, по подсчетам,

должна ослабить плотность антипротонного пучка в десять-двенадцать раз.

Шелгунов ощупал каменное лицо Вирта серыми запавшими глазами.

— Так. И сколько времени в нашем распоряжении?

— Около восемнадцати минут. За это время надо составить точную программу автоматам и эвакуировать персонал станции.. Поспеши с эвакуацией, модуль за вами уже вышел.

— У нас же есть свой.

— Это для того, кто останется последним.

— Тогда для меня.

— Значит, для тебя.

БАЗА УАСС. Половина десятого...

Диего Вирт попросил помощника принести скафандр и, не отвечая на его изумленный взгляд, остался стоять посреди зала.

Шелгунов, видимый в одном из видеомов, что-то вычисывал на станционном компьютере, приглаживая время от времени волнистые свои волосы. Потом принялся разбирать пульт управления.

— Акутагава! — позвал Диего Вирт, поворачиваясь к боковому видеому. — Что вы там копаетесь? Скоро сделаете?

— Половину закончили, — отозвался голос руководителя монтажа поглощающего экрана.

— Не торопите его, Диего, — сказал присутствующий в зале Джаваир. — Он и так делает все возможное.

Шелгунов оторвался от работы и обратился к Вирту:

— Я уже вижу луч: хвостатая звезда по оси локатора. Пожалуй, пора уходить, автоматы теперь сделают все сами.

Диего открыл рот, собираясь ответить, и в это время короткий грохот донесся из динамиков, мелькнуло удивленное лицо Шелгунова, и связь со СПАС-7 прервалась.

СПАС-7. Девять часов тридцать три минуты...

Шелгунов закончил вычисления, вспорол по диагонали панель управления и, достав ультразвуковую насадку, начал

перепаивать схему командных цепей. Боковым зрением он видел в объеме экрана зал базы и нетерпеливого Вирта, но он и сам знал, что время не ждет, и работал быстро, как только умел.

Через две минуты закончил пайку, отбросил насадку и собрал блоки пульта. Осталось лишь скорректировать положение станции по последним данным патрульных кораблей и дать команду исполнительным автоматам на подрыв реактора. После этого ему следовало покинуть СПАС.

И в этот момент пол командного пульта станции вздыбился, накренился, звенящий гул прилетел из недр причального отсека. Шелгунов выпал из кресла, но успел схватиться за стойку пульта и удержался. Пол выровнялся, гул стих, и в наступившей тишине координатор станции сообщил:

— Разрушены второй и третий причальные отсеки, оторван переходный биммер. Причина — автоматический старт спасательного модуля.

— В нем же никого нет! — удивился Шелгунов, еще не осознавая последствий происшествия.

— На модуле не были выключены системы безопасности, сторожевой робот отметил приближение опасности, и модуль стартовал...

БАЗА УАСС. Тридцать пять минут десятого...

— Ну что там? — Диего Вирт бросил взгляд на часы и почти подбежал к цепочке видеомов селектора.

— У нас все в порядке, — сухо ответил старший диспетчер. — Очевидно, что-то случилось на самой СПАС.

В зал, широко шагая, вошел напарник Шелгунова по смене Стахов, за ним весь обслуживающий СПАС-7 персонал.

— Есть связь! — радостно воскликнул помощник Диего. Видеом оперативной связи раскрылся и показал помещение командного пункта станции. Шелгунов сидел в кресле со свежей царапиной на щеке, но казался невозмутимым.

— Извини, Диего, — сказал он. — Как говорится, пришла беда — отворяй ворота. Мне не на чем уйти со станции.

Модуль... э-э... модуль поврежден. А в скафандре я все равно не успею выбраться с оси луча.

Даже в этот жестокий миг Шелгунов не мог заставить себя взвалить бремя вины на совершенную кем-то другим ошибку — включенные на модуле системы безопасности, — на этого неизвестного ему человека.

— Саша! — ахнул Стаков, бледнея.

— Корабль патруля мне, — бросил Диего через плечо, направляясь к двери. — Без экипажа.

— Не успеешь, — пробормотал помощник, но Диего уже не было в зале. Прошуршали по коридору шаги, вздохнул шлюз. Потом колебание прошло по цилиндрическому телу базы. Диего Вирт стартовал.

СПАС-7. Девять часов сорок минут...

Шелгунов пристально смотрел на экран локатора, испуская белое призрачное сияние.

— Осталось восемь минут, — сказал появившийся в видеоме Джаваир. Шелгунов оторвался от созерцания бездны, криво усмехнулся и принялся за проверку правильности подключения систем.

Джаваир пожевал губами, радуясь самообладанию Шелгунова и одновременно чувствуя горечь от сознания собственного бессилия. К СПАС-7 стартовал еще один патрульный модуль — Грехова, но он уже явно не успевал. Оставалось уповать на оперативность и реакцию Диего, в данной ситуации не помог бы даже господь бог, если бы он существовал. «Если все сойдет благополучно, — подумал руководитель УАСС, — сниму с должности! Начальник отдела, а рискует как неопытный стажер!.. Впрочем, на его месте я поступил бы точно так же...»

Джаваир старался не думать, что произойдет, если Диего Вирт не успеет прийти на помощь, поэтому он принялся убеждать Шелгунова отвернуть станцию с пути луча.

Шелгунов покачал головой, поколебался, потом выключил связь, зарастил скафандр и стал ждать, когда откроется аварийный люк и в зал ввалился Диего Вирт, свирепый, как джинн, вырвавшийся из бутылки.

КАМЕРТОН (СТИХИЯ)

Солнце зашло. Весь западный склон небосвода заняла медленно надвигающаяся фиолетовая пелена облаков. Ветер уже давно затянул свой пронзительный вокал. Резко похолодало.

Прохожих на мосту через Днепр в этот предвечерний час не было, но Ивонину это обстоятельство лишь доставляло удовольствие: он любил с работы и на работу ходить один, настраиваясь на рабочий или «отдыхательский» режим в одиночестве. К тому же впереди была встреча с Ингой, и он шел и улыбался.

День закончился удачно: начальник отдела не тревожил, предоставив Ивонину право самостоятельно решить проблему компоновки спецконструкции, главный специалист отдела сделал пару глубокомысленных замечаний и тоже «умыл руки», таким образом, Ивонин в спокойной обстановке нашел решение, и теперь предстояло распечатами доказать его осуществимость. Ну а за это Ивонин не тревожился, теоретически он был подкован неплохо, как отметил с долей иронии начальник на оперативке, намекая на почти никакой опыт Ивонина как молодого специалиста.

Окончательно стемнело. Сине-фиолетовая стена туч придавила город обреченностью непогоды. Ветер усилился, хотя дождя еще не было; на мосту он свирепствовал вовсю, не опасаясь заблудиться на проспектах и улицах, в тупиках и двориках.

Ивонин поднял воротник плаща, прибавил шагу. Продвигив взглядом переполненный троллейбус, он уловил сочувственный взгляд пожилой женщины и усмехнулся в душевном настроении, несмотря на непогоду, не ухудшалось. Для поэтической души Ивонина, как и для природы, плохой погоды не существовало.

На середине двухкилометрового пролета он вдруг почувствовал — не увидел или услышал, именно почувствовал, — что кто-то прячется в нише моста, на площадке, делавшей изгиб над опорой. Почему прячется? Потому что без

причины никто сидеть у перил моста не станет, значит, прячется... или упал.

— Кто здесь? — негромко спросил Ивонин, остановившись.

Фонарь в этом месте только что погас, сгустив темноту. Страха Ивонин не ощущал, первый разряд по боксу неплохо гарантировал личную безопасность, но смутное беспокойство все же заставило его пристальнее взглянуться во мрак.

— Кто здесь? — повторил он громче. И вдруг ему показалось, что он... падает в бездонный колодец, зыбкие стены которого сложены из страха, боли, тоски и одиночества, — бесконечный колодец, пронизывающий Вселенную человеческих трагедий. Странным образом он увидел, как неведомо где оползень уничтожает несколько зданий на окраине какого-то города, — и получил укол пронзительной боли в сердце; увидел, как волна цунами, подхватив стоящие в бухте корабли, понесла их на берег и разбила о скалы, — обруч жаркой боли сжал голову; увидел, как падает с обрыва в реку поезд с горящим тепловозом; потом промелькнули видения автобуса, несущегося в пропасть; заливаемый водой поселок; снежный буран, ломающий домики экспедиции; падающая со стапелей на полигоне ракета; полицейские, разгоняющие демонстрацию танк, стреляющий по белым трубам близкого города; и тысяча других событий, каждое из которых затрагивало какой-нибудь нерв и превращало тело в сплошной распухающий ноющий нервный ком...

И вдруг все исчезло. Ивонин ощутил себя на мосту, ветер яростно бросал в лицо пригоршни неизвестно когда начавшегося ливня.

Одинокий автобус обдал парапет рассеянным светом окон, и тут Ивонин увидел в углу ниши скорчившуюся фигуру. С минуту он приходил в себя, ни о чем не думая, даже не пытаясь дознаться, кто прячется в нише. Удар реакции от страшной цепи галлюцинаций был довольно сильным, лишь проезжавшая мимо колонна грузчиков привела его в чувство.

Как нарочно, ртутный фонарь над ним в это время

вспыхнул, напомнив астрономический термин «пульсар». Ивонин наконец смог разглядеть, кто перед ним. Это был худой, нескладный пожилой мужчина, на лице которого выделялись лихорадочно поблескивающие глаза и яркие, словно искусанные, губы. Одет он был в черную кожаную куртку, чрезвычайно потертую на сгибах, серые бесформенные брюки, натянувшись на острых коленях, и тяжелые армейские ботинки с проржавевшими насквозь пряжками. Шею незнакомца укутывал лиловый шарф, тем не менее он дрожал так, что это было заметно даже на расстоянии.

Ивонин встретил его взгляд и ахнул: столько в этом взгляде было неистовой боли, тоски и отрешенности...

— Сердце? — подскочил к незнакомцу Ивонин, нагнулся. — Давайте помогу.

— Двадцать тысяч... — прошептал незнакомец невразумительно. — Восемь баллов... за три минуты...

Ивонин беспомощно оглянулся. В обе стороны мост был пуст, струи дождя превратили его в зыбкий хребет какого-то доисторического чудовища. Только сумасшедший мог решиться идти через мост пешком в такую погоду.

«У него бред, — подумал Ивонин, — и, как назло, ни одной машины. А может, все это чудится? Мне, а не ему?»

— Сейчас, — продолжал шептать обладатель кожаной куртки. — Сейчас пройдет... не волнуйтесь. — Болезненная улыбка исказила его губы, глаза постепенно обрели смысл, прояснились, боль стала покидать их. — Не надо искать машину, — продолжал он уже более внятно. — Ни один врач не в силах помочь мне, уж поверьте, Игорь.

— Откуда вы меня знаете? — хмуро удивился Ивонин.

Незнакомец сделал неопределенный жест. Улыбка его исчезла. Он ухватился за перила, медленно разогнулся и оказался на голову выше Ивонина. Со смешанным чувством жалости и недоумения тот отвел глаза от нелепого костюма незнакомца, потом снова посмотрел на его лицо. Страшно было видеть, как крупная дрожь колотит его тело, не затрагивая головы.

— Наденьте мой плащ, — решился молодой человек. — И пойдемте отсюда, а то промокнете окончательно. Я вас провожу.

— Не стоит. — Незнакомец отвел руку Ивонина и сморщился. Глаза его снова остекленели на минуту, так что Ивонин почувствовал раздражение и смутное недовольство собой. «Псих какой-то, — подумал он, вытирая лицо ладонью, — или наркоман... а я пристал со своей благотворительностью...»

— Так помочь вам? — почти грубо сказал он, хотя тут же смягчил тон. — Далеко идти?

Незнакомца стало корчить, судорога исказила лицо до неузнаваемости, оно стало страшным, как у эпилептика.

— О, черт! — Ивонин обхватил согнувшееся, бившееся крупной дрожью тело, не зная, что предпринять, беспомощно оглянулся. По мосту промчался желтый «Москвич», но водитель не заметил их возни, а может, не захотел остановиться. Инженер чувствовал в этот момент себя так глупо, что первой его мыслью было плонуть и уйти. Но тут незнакомец снова забормотал:

— Еще волна... и еще семь тысяч... Иранское нагорье... три города полностью... не держите меня, не держите... мне легче.

Ивонин отпустил странного больного, тот с усилием разогнулся. Лицо у него стало серым, как бетон моста.

— Идите, — выдохнул он сквозь стиснутые зубы. — Я знаю, вы спешите, Игорь, идите, я сейчас справлюсь с приступом сам.

Инженер, наверное, выглядел довольно обескураженно, потому что незнакомец снова усмехнулся через силу.

— Зовите меня Михаилом, — сказал он. — Я не псих и не наркоман, и болезнь моя не входит в арсенал излечивающихся. Ни одна клиника мира не способна вылечить того, на ком отражается любое явление природы, чья нервная система способна ощущать зарождение циклона в Тихом океане и лесной пожар в джунглях Мадагаскара, вспышку на Солнце и падение вулканической бомбы... к сожалению, не только вулканической.

Мучительная гримаса перекосила губы Михаила, он с заметным усилием преодолел свой новый приступ. Что он почувствовал сейчас, какое событие? Ивонин понял, что

принял слова Михаила за правду, и разозлился. Но тот вдруг улыбнулся и проговорил:

— Только что в Джайлаусском ущелье произошел обвал, есть жертвы... Вы не верите, я вижу, но не обижаюсь, привык. В современную эпоху мне никто не верит. А я в самом деле реагирую на все, что происходит в мире, просто крупные явления природы, сопровождающиеся большим количеством жертв, «забивают» основной фон мелких событий. Иногда бывает так больно, что хочется покончить с собой, иногда организм «сочувствует» мне, и я теряю сознание... Если хотите проверить, засеките время: только что на набережной грузовик наехал на тумбу и опрокинулся. А на проспекте Гагарина ветер повалил фургон на трамвайные рельсы, и трамвай врезался в него и загорелся. Завтра все это появится в газетах.

— Но это же страшно! — воскликнул Ивонин. — Это удивительно и страшно, если только это правда!

— Правда. — Улыбка у Михаила получилась совсем «человеческая», горькая и задумчивая. — Я ношу это в себе почти всю жизнь.

— И никто не знает этих ваших способностей?

— И сейчас никто, вернее, только вы. Раньше знали Кампанелла, Гострид, Абу-ль-Вефа, Соломон... Нас было трое, но наши товарищи не выдержали пытки жизнью, и теперь я совсем один, один вот уже около двух веков.

Ивонин недоверчиво посмотрел на голову Михаила без единого седого волоска. В глазах нового знакомого искрилась усмешка, он иногда во время разговора уходил куда-то в лабиринты своих чувств, в свою сверххранимую душу, которую пронизывали не видимые никем силовые линии бурлящей вокруг жизни. И каждое сотрясение отражалось на нем вспышкой боли! Как же он выдерживает?!

— Не знаю, — тихо и печально отозвался Михаил, хотя Ивонин и не задал вопроса вслух. — Для меня этот век самый жестокий, потому что во время войн я умираю тысячи раз... и воскресаю вновь. Не знаю зачем, но природа заложила в меня бессмертие. Может быть, скомпенсировав тем самым смертность остальных?.. Вы снова не верите. А я помню сожженные Карфаген и Геркуланум, гибель Помпеи

и Содом и Гоморру, провал Ниагары — там сейчас знаменитый Ниагарский водопад, и сражения Второй мировой войны, Хатынь и Саласпилс, Хиросиму и Нагасаки, Вьетнам и Гренаду... Я помню вспышку сверхновой в тысяча пятьсот шестом году и пожар Москвы в тысяча восемьсот двенадцатом, гибель Атлантиды и землетрясение в Чили в тысяча двести девяностом... Очень редко встречаются те, кто выслушивает меня до конца, еще реже — кто верит. Да я и в самом деле привык к недоверию. Просто становится легче, когда есть с кем поделиться, тогда я отдохну.

— А вы не пробовали бороться? — невольно увлекся Ивонин.

— Пробовал не однажды. В шестнадцатом веке я стал ради этого алхимиком, в девятнадцатом — фармацевтом.

— А к врачам не обращались?

— Я уже говорил, врачи не помогут, хотя я, конечно же, обращался к ним за помощью. Никто не верит, зато тут же заносят меня в списки сумасшедших. Штамп мышления... Только великие умы верили мне, но и они помочь не сумели. Саварина как-то предположил, что помочь мне может лишь мой двойник по психонатуре, тот, кто умеет сопереживать, принять на себя груз боли... Я встречал людей, с которыми мне становилось легче, вот как с вами, но чтобы полностью убрать экстрасенсорность, как теперь говорят...

— Подождите, — остановил его Ивонин, у которого голова кругом пошла от обилия сведений и разыгравшейся фантазии. — А вы не пробовали убедить компетентные органы... в... ну, чтобы в районы бедствий вовремя успела помочь? Скажем, произошла где-то катастрофа, и вы тут же сообщаете о ней, чтобы спасатели...

Михаил поморщился.

— Пробовал и такую глупость, но... — Он безнадежно махнул рукой. — Давно... теперь смирился. Да и всем не поможет.

— Ну не знаю... — не согласился Ивонин. Что-то в нем погасло. Жалость к собеседнику и интерес к разговору. «Что это я? — подумал он, вслушиваясь в гортанный голос Михаила. — Поверил? Конечно, в нем есть что-то заслуживаю-

щее доверия... и в то же время отталкивающее... вроде снисходительных интонаций и блеска превосходства в глазах. А может, так оно и есть — превосходство мудрости? Сколько же ему лет, если он помнит гибель Атлантиды? Тут он перехватил явно, не надо было всовывать мне Атлантиду. Шарлатан он, вот кто, увлекся собственным красноречием, чтобы взамен что-нибудь попросить... И я уши развесил, лопух...»

— И вы как все, — с горьким смешком прервал свою речь Михаил. — Шарлатан... Оливер Лодж назвал меня «камертоном событий». И лет мне ровно двадцать три тысячи сто пять.

«Пророк! — хмыкнул про себя Ивонин. — Михаил — пророк... «ангел», так сказать... «камертон событий»... Обалдеть можно! Интересно, откуда он сбежал?»

Ивонин с сожалением посмотрел на часы, окончательно уверовав в свою гипотезу о сбежавшем больном.

— Извините, мне пора идти. Интересно было познакомиться. Так я ничем не могу вам помочь?

— Вы уже помогли, — пробормотал Михаил, щеку его дернулся нервный тик. — Прощайте...

Он шагнул из ниши и растаял в шелестящей дождем темноте. Издалека, словно из-под моста, донесся голос:

— Спасибо за участие!

И все стихло, остался лишь шелест осеннего дождя, одевшего в блестящую под светом фонарей кольчугу асфальт тротуара.

Ивонин потоптался на месте, зачем-то заглянул через перила под мост, никого и ничего не увидел, выругался в душе и побрел на светлое зарево огней вдоль набережной, которое сулило сухое тепло и отдых. Его вдруг начала колотить дрожь, как и странного собеседника на мосту, и, словно отзовок жуткого колодца, в голове засела заноза боли. «Заболел! — с долей удивления подумал он. — Простудился и заболел, вот и все. Отсюда и сегодняшние приключения, встреча с «камертоном событий»... Бред собачий! По словам мамы, я всегда был излишне впечатлительной натурой, вот и нафантализировал...»

На встречу с Ингой он опоздал...

Ночь провел плохо.

Боль не отпускала, пульсирующая, скачущая, колющая боль.

Ивонин снова и снова вспоминал незнакомца на мосту, снова и снова анализировал его слова, поведение и утром вдруг с пугающей ясностью понял — он не просто простудился, а заразился от Михаила! Тот существовал наяву, а не в горячечном бреду сна.

«Подходящая психонатура, — горько думалось Ивонину. — Неужели все это мне не привиделось? Не сон, не бред, не галлюцинация? Что же делать? Если у «камертона» вириуса большой инкубационный период, то, может быть, я успею посоветоваться с... с кем? Кто мне поверит?»

Приступ боли, зародившийся где-то в области сердца, свалил его на пол, и он отчетливо увидел стену урагана, поднявшую в воздух деревянные дома какого-то поселка...

«Так! — сказал сам себе Ивонин, лежа на полу и пытаясь унять боль мысленным усилием. — Человек слаб... Человек слаб, если у него нет друзей и он остался один... Но у меня-то они есть! Инга! Ребята в институте... они поверят. Правда, придется разговаривать с ними на расстоянии, чтобы и они не заразились, и мы поборемся! В первую очередь надо будет научиться определять географические координаты районов бедствий, но с этим я справлюсь, по географии когда-то пятерки были. Михаилу было труднее, у него не оказалось никого, кто хотя бы просто посочувствовал ему. Вот в чем его беда — отсутствие друзей! Вот в чем его трагедия! Плохо, что он опустил руки, отделил себя от всех, «закутился» в себе самом... бессмертный эгоист! Попробую отыскать его, вместе с нами ему будет легче...»

Ивонин привстал, но жесткий приступ боли затуманил сознание — где-то далеко падал в океан горячий пассажирский самолет.

Ивонин, упорно цепляясь за стол, встал, пошатываясь, пошел к телефону.

— Ничего! — выговорил он в три приема, кусая губы. — Мы еще посмотрим, кто кого! Я тоже — стихия!

МЕРА ВЕЩЕЙ

Шлюп медленно дрейфовал в струе кристаллического аммиака, выброшенного совсем недавно из глубин атмосферы Юпитера. Под ним образовалась сияющая, клочковатая, желто-оранжевая бездна, в которой угадывались колоссальные провалы, нагромождения облачных масс и кипение атмосферных течений. С высоты в сорок тысяч километров Юпитер не был ни полосатым, ни пятнистым — невероятный по размерам кипящий котел, в котором то и дело взлетали вверх ослепительно желтые султаны аммиака, оранжевые протуберанцы гелия и серебристые волокна во-дорода; котел, поражающий воображение и заставляющий человека жадно взглядываться в его пучины, испытывая суеверный страх и не менее суеверный восторг, и с особенной остротой воспринимать масштабы космических явлений, одним из которых был Юпитер — вторая неродившаяся звезда Солнечной системы.

Шлюп положило на бок, и Пановский очнулся. Последовал мысленный приказ, летающая лаборатория поползла вверх, на более безопасную орбиту, сопровождаемая перламутровым ручьем «тихого» электрического разряда, на зигзаге которого вполне уместилась бы земная Луна.

— Спокоен старик сегодня, — сказал Изотов, отрываясь от окуляров перископа. — Радиус Ю-поля в два раза короче, чем вчера, мы даже не дошли до верхней гелиопаузы. Рискнем?

Пановский отрицательно качнул головой.

— Пора возвращаться. Мы и так проболтались без малого пять часов, ловушки заполнены до отказа, записей хватит на неделю детального анализа.

Изотов хмыкнул, исподлобья взглянул на товарища, занимающего в данный момент кресло пилота. Пановскому шел сорок второй год, был он высок, жилист, смугл от вакуум-загара. Он начал работать над гигантской планетой двенадцать лет назад, когда закладывались первые Ю-станции на спутниках Юпитера, естественно, это был один из самых опытных Ю-физиков, знаяший все внешние повадки испо-

лина, участвовавший в трех экспедициях глубинного зондирования его атмосферы.

— Жаль, — пробормотал Изотов, думая о своем.

— Чего жаль? — не понял Пановский, поправляя на голове эмкан — бесконтактный шлем мыслеуправления. Шлюп продолжал ввинчиваться в гаснущее зарево разреженной во-дородной атмосферы Юпитера, направляясь к Амальтее, на которой располагалась Ю-станция «Корона-2».

— Жаль, говорю, что не удалось видеть КУ-объект. Вчера ребятам повезло больше.

Пановский поймал в визирные метки пульсирующий радиоогонек маяка станции, переключил управление на автоматику и повернулся к напарнику.

Изотов появился на Ю-станции недавно. Был он молод, настойчив, самолюбив и не успел еще растерять надежд открыть на Юпитере «древнюю цивилизацию», существование которой то ставилось под сомнение, то вспыхивало недолго сенсацией в научных и околонаучных кругах Солнечной системы.

— КУ-объект — фикция, — убежденно сказал Пановский, продолжая исподтишка изучать лицо молодого Ю-инженера. — Я летаю над Юпитером двенадцать лет и ни разу не видел ничего подобного.

— Значит, тебе просто не повезло. Ведь многие видели. Сабиров, например, Вульф, Генри Лисов...

— И никто из них не привез ни одной голограммии.

Изотов вздохнул. Что правда, то правда: никто из учеников — будь то зеленые новички вроде него или опытные «зубры» — не смог запечатлеть КУ-объект на пленку и доставить снимки на базу. На голограммах проявлялись лишь обычные облачные структуры верхней газовой оболочки Юпитера и ничего похожего на КУ-объект.

— Не вешай носа, — добродушно усмехнулся Пановский, видя, что напарник расстроен. — Повезет в другой раз, не со мной, видимо, я и в самом деле неудачник.

— Сотый, Сотый, — раздался в рубке знакомый голос диспетчера станции. — Срочно отвечайте, остался ли аппарат-резерв?

— Да, — коротко отозвался Пановский, бегло проглядев записи бортового компьютера. — Три ленты в видеокассете, дюжина кристаллов в приемнике «Омеги». В чем же дело?

— Немедленно возвращайтесь к южной тропической зоне, координаты... — Диспетчер продиктовал координаты. — Генри только что на главном оптическом наблюдал рождающийся КУ-объект! Вы ближе всех в этом районе...

Диспетчер еще не договорил, а Пановский уже успел перехватить управление автомата и бросить модуль в разворот.

— Что я говорил! — воскликнул Изотов, скорее изумленный, чем обрадованный поворотом событий.

Пановский не ответил, не веря в миражи и тем не менее признаваясь в душе, что вера в чудо не угасла в нем и по сей день.

Шлюп вышел точно по координатам над большой облачной спиралью. В непосредственной близости от короны Юпитера голоса диспетчера уже не было слышно, сложная система радиационных поясов планеты полностью забивала эфир помехами. Пановский осторожно повел шлюп к Южному полюсу, опасаясь приближаться к внутреннему кометно-метеоритному кольцу, возле которого плотность метеоритного вещества достигла критических величин. И тут они действительно увидели загадочный КУ-объект.

Из желто-коричневой муты аммиачно-водородных облаков высунулся ослепительно белый «цветок» на тонком стебле: по форме КУ-объект напоминал земную гвоздику. Стебель «гвоздики» продолжал расти, она увеличивалась в размерах, и наконец стало ясно, что это вполне реальное явление, отнюдь не галлюцинация и не радиолокационный призрак.

Пановский включил аппаратуру видеосъемки и дистанционного анализа, покосился на товарища:

— Ну и везет тебе, юноша! Честно говоря, я и сейчас не верю в его существование. Загипнотизировал ты меня своими фантазиями, да и Ю-поле, наверное, действует, потенциал уже давно выше нормы.

— «Если на клетке слона прочтешь надпись «Буйвол», не верь глазам своим», — процитировал Козьму Прutкова

Изотов. — Ю-поле тут ни при чем. Кстати, почему эту штуку назвали КУ-объектом?

— Первым его увидел и описал полгода назад Костя Уткин, неисправимый фантазер и выдумщик, отсюда и сокращение... Он пропал без вести после третьей встречи со своим открытием. Во всяком случае, сообщил по радио, что идет на сближение...

Изотов повернул голову, мгновение смотрел в серые не-проницаемые глаза Пановского, словно пытаясь прочесть его мысли, потом расслабился и пожал плечами:

— Случайность, которая предостерегает каждого из нас. Посмотри на анализаторы: материал КУ-объекта — безобидное облако ледяных кристаллов. Разве что магнитное поле великовато для обычного облака... Давай подойдем поближе.

Пановский красноречиво постукал пальцем по лбу.

Шлюп проходил уже под краем «гвоздики», достигшей размеров земного Мадагаскара, и в этот момент что-то произошло.

Пановскому показалось, что КУ-объект взорвался! Шлюп вздрогнул, оборвалось пение приборов в рубке, ослепли экраны, наступила глубокая тишина. И в этой тишине раздался Голос! Глубокий, нечеловеческий Голос-вскрик — не звук — сенсорный импульс, ударивший по нервам. Он пронизал оболочку шлюпа, прошел сквозь все его защитные экраны и сквозь тела людей и умчался в космос, в неизмеримую даль — бестелесная молния, сгусток мысли неведомого исполина. Это было последнее, о чём подумал Пановский. Хлынувшая в мозг тьма погасила сознание...

Зал связи Ю-станции «Корона-2» тонул в тусклом серо-желтом сиянии юпитерианского серпа: станция проходила надочной стороной планеты. Гул переговоров отражался от стен зала, смешивался с гудками и тихими свистами аппаратуры и возвращался таинственным шепчущим эхом. Четыре виома отражали четыре таких же, как и этот, зала с группами людей у пультов.

В зал вошел высокий бледный человек с узким жестким

лицом. На рукаве его куртки алея шеврон научного директора станции. У главного пульта расступились люди.

— Какие новости? — спросил, почти не разжимая губ, директор.

— Второй КУ-объект мы прозевали, — сказал смуглый до черноты Генри Лисов. — Вернее, не знали, где ждать. Третий успели захватить в начале образования. А потом — как отрезало, никаких следов. Видимо, существуют какие-то периоды активности КУ-объектов, когда они появляются довольно часто. За последние четыре дня — четыре появления! Но какова длительность периода — еще предстоит рассчитать, не хватает статистики.

— Самое интересное, что третий КУ-объект ничего не излучал, как первые два, — сказал седобородый Сабиров. — Но приборы обнаружили слабое волновое эхо в пространстве сразу после его выхода, я имею в виду приборы станции СПАС.

— Вы полагаете, что это был...

— Приемник, вернее, приемная антенна, если пользоваться земной терминологией. А первые два были передающими антеннами. После выхода их в эфир станция пространственного слежения за орбитами Урана и Плутона, а также станции СПАС этого сектора поймали «след» импульсов, направленных в сторону шарового звездного скопления омега Кентавра. Час назад расчетная группа закончила анализ импульсов. По оценкам машин — это одномоментные передачи огромных массивов информации.

— Итак, КУ-объекты суть аппараты юпитериан, — медленно проговорил Зимин. — Цивилизация на Юпитере — не миф! Вы хоть представляете себе важность сего фактора?!

Сабиров переглянулся с Генри Лисовым, но директор станции не ждал ответа.

— Три года мы возимся с легендой о цивилизации на Юпитере, полгода — с легендой о КУ-объектах, не подозревая, что они существуют реально... Кстати, почему их невозможно голограммировать?

Генри Лисов помялся.

— Гипотез много, но дельной ни одной... Считается, что

все дело в Ю-излучении, сбивающем настройку приборов, в результате чего человеческий глаз видит КУ-объект не там, где он есть на самом деле. Ни на одной из последних голограмм КУ-объектов нет! Визуально наблюдаемы, особенно вблизи, но запечатлеть не удается, хоть плачь.

— Интересная загадка. Что ж, мы на пороге величайших открытий за всю историю космоплавания. Что?

Сабиров откашлялся.

— У меня иное мнение. Уже сто лет человечество изучает Юпитер, из них более полувека — активно, с помощью зондов и обитаемых станций. Множество экспедиций в атмосферу и на дно, тысячи потерянных зондов, гибель исследователей... Едва ли юпитериане не замечают нас, по моему, это невозможно, но тогда их молчание говорит об одном — об отсутствии интереса с их стороны к нам. О каком контакте может идти речь? А если они нас просто не замечают, значит, отличаются по всем параметрам жизнедеятельности. Да и неудивительно: я до сих пор не могу представить, как на этом газожидкостном шаре могла возникнуть жизнь! А уж разумная жизнь... — Сабиров махнул рукой.

— Да здравствует скептицизм! — улыбнулся нежнолицый Вульф. — Так, Баграт? Но факты — упрямая вещь. Вот насчет контакта я с тобой согласен.

— Вопросы ко мне есть? — спросил Зимин, переждав шум. — Прежде всего у заместителей. Я отываю на Землю на неопределенный срок.

— Есть, — сказал Сабиров. — Что с ребятами?

— Для них встреча с КУ-объектом в момент излучения закончилась печально. По мнению экспертов, модуль попал в краевую зону излученного импульса. У обоих шок, общий паралич... Их отправили в медцентр на Курилах. Еще вопросы?

Вопросов больше не было.

— Тогда прошу всех вернуться к исполнению своих непосредственных обязанностей. Помните, что на нас ложится большая ответственность. Как бы ни был контакт с цивилизацией Юпитера далек, начинать его придется нам.

Зимин не спеша подошел к главному обзорному виому станции вплотную и с минуту смотрел молча на слабеющее дымное свечение юпитерианского серпа, пока от него не осталась лишь тонкая бледная полоска. И тогда стало заметно тусклое багровое мерцание в толще ночной атмосферы планеты — отблески небывалых по величине гроз, а может быть, и результат титанической работы ее обитателей.

— Вы напрасно не придаете этому значения, — сказал Старченко. — Это по-настоящему сенсационное открытие!

Наумов молча разглядывал переносицу заместителя, удивляясь его горячности и недальновидности, а может быть, нежеланию вникнуть в суть дела. Сенсация... Неужели для него это лишь сенсация? Что это — максимализм молодости или неопытность? Или еще хуже — равнодушие? Но ведь для тех двоих...

Он перевел взгляд на молочно-белые губы реаниматоров, скрывающих в своем чреве ученых с Юпитера, пострадавших от неизвестного излучения. Вот уже месяц, как крупнейшие ученые Земли: невропатологи, нейрохирурги, нейрофизиологи, психологи, лингвисты, специалисты в области биоэнергетики и физики излучений — пытаются спасти этих людей, но все, что удалось пока сделать, — это предотвратить коллапс и паралич нервной системы космонавтов. Тела их с помощью специальных устройств жили, а мозг, пораженный чудовищной дозой излучения, не хотел просыпаться.

Гипотеза Наумова, высказанная им на консилиуме, породила сенсацию среди медиков, именно о ней и рассуждал Старченко. Гипотеза состояла в том, что передача юпитериан, предназначенная для неизвестного людям абонента в шаровом звездном скоплении омега Кентавра... была воспринята космонавтами на всех уровнях сознания и подсознания! Мозг ученых «захлебнулся» ливнем чужеродной информации, сфера сознания оказалась переполненной, а основная информация осела в глубинах неосознанной психики и привела к параличу двигательных центров, что не

позволяло освободить память пострадавших обычными путями и почти не оставляло надежды на их излечение.

— Сенсация, — повторил Наумов глухо. — Это прежде всего боль и горе родных и близких... вот что это такое.

Он был молод, главный врач Симуширского медцентра нервных заболеваний. Небольшого роста, хрупкий, нервный, он не был красивым, лицо слегка портила угрюмая складка губ и неожиданно нежный «девичий» подбородок, но, когда он улыбался, а случалось такое нечасто, становилось понятно, за что его любят пациенты и персонал клиники.

— И все же, по сути дела, у нас в руках клад с тайнами Юпитера, — упорствовал Старченко. — Представь, какие знания мы получим, расшифровав «записанную» в их головах информацию!

— Не знаю. — Наумов отвернулся и подошел к пульту медицинского комплекса. Автоматы продолжали следить за состоянием пациентов, и красно-желтая гамма на панели пульта указывала на то, что пострадавшие находятся на грани жизни и смерти.

На панели замерцал синий огонек, на трехметровые кубы реаниматоров опустились плоские многосегментные зеркала следящих систем. Одновременно ожила виом над пультом, и взорам врачей предстали тела космонавтов, поддерживаемые невидимыми силовыми сетками. К рукам и ногам лежащих придвигнулись белые шланги с присосами, на панели зажглась надпись: «Питание».

Головы космонавтов скрылись в сложных ажурных конструкциях энцефаловизоров, но Наумову показалось, будто он видит страдальческие гримасы на белых как мел лицах, и ему стало зябко и неуютно.

Тихий звон видеовызыва заставил Старченко замолчать и подойти к дальней стене зала, за перегородку технических систем. Через минуту он вернулся.

— Снова эта женщина, Изотова. Просит пропустить к вам. Я сказал, что сейчас время процедур и ты занят.

— Впусти. — Наумов нахмурил тонкие черные брови. — Это не просто женщина, это его жена.

— Жена! — хмыкнул Старченко. — Да они давно не... — Врач наткнулся на холодный взгляд главного и поспешил скрыться за перегородкой. Белобрысый, высокий, широкоплечий, шумный, он являл собой полную противоположность Наумову, и тот иногда удивлялся в глубине души, как это они проработали вместе уже два года. В этот день Старченко был Наумову неприятен. Может быть, из-за того, что в его рассуждениях было рациональное зерно и Наумову не хотелось в этом признаться?..

Наумов вырастил из стены пару кресел и сел, продолжая наблюдать, как сменяются аппараты над телами людей.

Отчего же пришло острое чувство сострадания? Разве мало прошло перед ним пациентов? Разве мало он повидал смертей? В тех случаях его не однажды охватывали отчаяние и гнев — медицина слишком часто оказывалась бессильной, и люди умирали, несмотря на все ухищрения ее многосотлетнего опыта. Люди научились побеждать болезни, прежде считавшиеся неизлечимыми, выращивать новые органы тела взамен утративших жизнеспособность, но мозг — мозг оказался слишком хрупким и сложным, и даже самые тонкие и точные методы его лечения подчас не давали желаемого результата. Мозг во многом продолжал оставатьсятайной, открытие новых его возможностей происходило медленно, и люди продолжали умирать, если он оказывался поврежденным, продолжали умирать, если ошибалась природа, продолжали умирать на операционных столах «под ножами» хирургов в результате их неосторожности или незнания...

Из-за перегородки шагнула в зал молодая женщина, высокая, гибкая, с лицом строгим, настороженным, на котором выделялись твердые, властные губы. Взгляд ее синих глаз сказал Наумову, что он имеет дело с натурой сильной и целеустремленной.

Такая, пожалуй, не станет ни плакать, ни жаловаться, подумал он с мрачным удовлетворением.

— Здравствуйте, Валентин.

Голос у нее был глубокого баритонального оттенка, который обычно называют грудным, такой же красивый и уверенный, как и весь ее облик.

— Здравствуйте, Лидия, — ответил Наумов, вставая на встречу. — Предупреждаю: нового ничего.

Изотова посмотрела в виом, губы ее дрогнули, раскрылись.

— Он?

— Слева, — кивнул Наумов.

Лидия едва заметно усмехнулась. Наумов понял: кому, как не ей, знать, с какой стороны лежит ее муж.

Они сели. Лидия еще с минуту смотрела на виом, потом повернулась к главному врачу медцентра:

— Я знаю, вы один из самых лучших нейрохирургов Системы... — Наумов сделал протестующий жест, но Лидия не обратила на это внимания. — Не надо меня успокаивать, ответьте прямо: есть надежда? Есть ли надежда, что Сережа будет жить?

Наумов с трудом выдержал прямой выпад синего взгляда.

— Прежде чем ответить, разрешите задать, в свою очередь, несколько вопросов. Как давно вы... не живете с Сергеем?

Она удивилась, прикусила губу.

— Неужели это необходимо для лечения?

— Да, — твердо ответил он.

— Я не живу с Сергеем почти два года.

— И вы...

— Я люблю его.

Сказано это было просто и естественно, Наумов не мог не поверить, но любовь — и полтора года друг без друга?..

— В чем причина ссоры?

— Он спортсмен.

Заметив удивление в глазах Наумова, она заторопилась:

— Он спортсмен во всем: в работе, в увлечении... в жизни вообще. Он ни в чем не хотел быть вторым, и в семье тоже. Правда, сейчас мне кажется, что он был прав.

— Понятно. И вы не встречались с ним... потом?

— Встречались. Потом он ушел к Юпитеру искать уграченную мужскую гордость. — В голосе женщины прозвучала горечь. — Он сильный человек, но... еще мальчик... Прослушайте, ну это же не важно, в конце концов! Мы были нужны друг другу, независимо от... и я люблю его, разве это-

го мало? И хочу знать, он будет жить? Именно таким, каким я его знаю?

Наумов невольно посмотрел на виом, но тот уже погас: программа процедур закончилась.

— Знаете, Лида, положение осложнилось. Изотов и Пановский попали не под простой лучевой удар, а под удар информационный. Ну, вы, наверное, слышали об открытии цивилизации на Юпитере. Так вот, юпитериане послали в космос мощный импульс, содержащий некую закодированную информацию, и, оказавшись на пути луча, космонавты «поймали» импульс на себя, в результате чего информация «записалась» у них в мозгу почти на всех уровнях памяти. Мозг теперь заблокирован чужеродной информацией, и разблокировать его мы... в общем, пока не в состоянии.

— Но ведь вылечивается же синдром «денежного мешка» — болезнь мозга от переизбытка информации.

— Это абсолютно другой случай, так сказать, «космический синдром», шок от переизбытка сверхинформации, причем закодированной неизвестным образом. И тут есть еще одна сложность... — Наумов помолчал, обдумывая, как бы смягчить объяснение, но не придумал. — Сложность в том, что мы еще не разобрались, какие центры и уровни памяти «забыты» ненужным знанием. Может случиться, что в результате операции сотрутся те виды памяти, которые запрещают механизм памяти наследственной, то есть сотрется «я» Сергея Изотова, это страшнее смерти.

— Что может быть страшнее смерти? — покачала головой Лидия. — Только сама смерть...

«Она права, — подумал Наумов. — Но что я могу сказать ей в ответ?» Кто-то заметил: «Если не знаешь, что сказать, говори правду». Иногда жестокость — единственное выражение доброты.

— Извините, что я так сразу... Все может закончиться хорошо. Мы будем бороться, это я вам обещаю.

— Спасибо. — Лидия встала, вызывающе-виноватым взглядом отвечая на взгляд Наумова. Юбка при движении распахнулась, открыв красивые стройные ноги. — Я верю, что вы спасете его.

Попрощалась и ушла.

«Его!.. Эгоизм в самом чистом виде! О товарище мужа она даже не вспомнила, все заслонил любимый... Самый слепой из эгоизмов — эгоизм любви! Черт возьми, мне-то от этого не легче! Лгать другим мы разучились, зато продолжаем лгать себе, испытывая при этом величайшее наслаждение. Как врач, специалист, я не верю в их исцеление, но как человек надеюсь. А многое ли сделаешь, имея надежду и не имея уверенности? Обещание бороться за их жизни — не гарантия успеха...»

— Нас вызывает Петербург, — подошел Старченко. — Экспертный отдел академии.

Наумов кивнул, задумавшись. Красные огни индикаторов на пульте казались ему шипами, вонзающимися в незащищенное тело.

Южный циклон принес на Симушир туман и теплый дождь, продолжавшийся с перерывами три часа.

Наумов соединился с бюро погоды Южно-Сахалинска, и ему объяснили, что циклон пропущен на материк по глобальным соображениям Тихookeанского центра изменения погоды.

— Потерпите еще часа три, — виновато сказал диспетчер, юный до неприличия. — Мы понимаем: медцентр и все такое прочее, но...

— Это не прочее, — сдерживаясь, перебил его Наумов. — Это здоровье пациентов, в медцентре их тысяча двести тридцать, и всякое изменение погоды в зоне Симушира несет им дополнительную, и причем отрицательную, нервную нагрузку! Понимаете?

Диспетчер покраснел, не зная, что ответить.

Наумов понимал, что тот не виноват, но оставлять это дело без внимания не хотел.

— Предупредили бы. Мы бы спланировали микроклимат. Дайте телекс главного синоптика, я поговорю с ним.

После разговора с главным конструктором погоды главврач несколько минут прохаживался по кабинету, поглядывая сквозь прозрачную стену на плотное покрывало тумана, скрывшее под собой бухту Броутона в виде полумесяца,

пролив Дианы, сопки на северной оконечности острова. Лишь строгий конус вулкана Прево плавал над туманом, словно в невесомости, подчеркивая тишину и покой.

Симуширский центр нервных заболеваний представлял собой комплекс ажурных ветвящихся башен, собранных из отдельных блоков лечебных и процедурных палат. Он был построен десять лет назад на гребне кальдеры бывшего вулкана Уратман, образовавшего бухту Броутона, когда люди научились не только предсказывать землетрясения и вулканические извержения, но и управлять ими. С тех пор Симушир, имеющий на языке айнов еще одно название — Шаншири, что значит «громящая, содрогающаяся земля», перестал будить Курилы эхом вулканических взрывов и превратился в заповедную зону медцентра.

Каждая палата клиники смотрела стенами на четыре стороны света и купалась в чистом морском воздухе. Кабинет главного врача венчал одну из башен и ничем не отличался от других блоков, кроме внутреннего инженерно-медицинского обеспечения.

Наумов вспомнил лицо диспетчера погоды и поморщился. Чувство неудовлетворенности не проходило, однако рабочий день только начинался, и в причинах хандры разобраться было некогда. Он сел за стол и вызвал по видеоселектору заведующих отделениями...

В четырнадцать часов дня кабинет быстро заполнился светилами медицины Земли и представителями Академии наук, причем «живых» людей было от силы пять-шесть человек, большинство присутствовало через виомы, хотя по внешнему виду невозможно было отличить «призрак» от реального человека.

Несколько минут ушло на знакомство, потом Старченко стоя сообщил всем о состоянии космонавтов. Глядя на его уверенное красивое лицо, Наумов подумал, что знает своего заместителя совсем плохо, только с внешней стороны. Странное дело: работают бок о бок полтора года, а друзьями не стали, правда, и врагами тоже... Откуда эта молчаливая договоренность не переступать рамки служебных отношений? Не потому ли, что оба представляют разные полюса характеров?..

Первым вопрос задал академик Зимин, научный директор Ю-станции «Корона-2», непосредственный руководитель пострадавших от излучения ученых. К удивлению Наумова, Зимин прибыл на Землю и явился в медцентр материально, а не визуально, и этот не совсем обычный поступок имел для главврача некий тревожный смысл.

Внешность Зимин имел впечатляющую: узкое лицо, сухое, с морщинами на лбу, похожими на шрамы, тонкие губы, выдающийся массивный подбородок, прямой нос и круглые, цепкие глаза — лицо человека, наделенного недюжинной силой воли, знающего, чего он добивается. Он был высок, худощав, жилист, силен. Наумов невольно сравнил широкую ладонь ученого со своей и вздохнул.

— Подтверждено ли предположение о «перезаписи» информации излученного с Юпитера импульса в мозг больных?

— К сожалению, да, — после некоторого колебания сказал Наумов.

— И как велик информационный запас?

— В мегабайтах? — спросил вдруг с иронией Старченко. — Или вам нужен наглядный пример?

Не ожидавший подобного выпада от заместителя, Наумов с любопытством посмотрел на Старченко. Парень явно рассердился.

— Мозг человека способен вместить все знания, накопленные опытом цивилизации, — продолжал молодой врач. — А у космонавтов заблокированы чуть ли не все уровни памяти, сознание и подсознание, так что запас чужой информации, «забившей» даже инстинкты, огромен!

Среди общего оживления Зимин остался бесстрастным и холодным, изучая Старченко, будто выбирал место для удара.

— Существует ли возможность «считывания» этой информации?

Старченко замялся и оглянулся на главного. Он помнил спор и помнил отношение Наумова к своим выводам.

Этого следовало ожидать, подумал Наумов. Было бы странно, если бы кто-нибудь не задал этого вопроса. Что ему ответить? Изложить свою точку зрения? Которой нет...

— Теоретически существует, — ответил он. — Но на практике последние пятьдесят лет никто с этим не сталкивался, потому что случай этот особого рода. — Наумов помолчал. — Существует так называемый метод психоинтеллектуальной генерации, основанный на перекачке криптогнозы, то есть информации, осевшей в глубинах неосознанной психики, из сферы подсознания в сферу сознания. Но, во-первых, этот метод применялся всего один раз и нет доказательств, что он себя оправдал, а во-вторых, может оказаться, что мы сотрем психоматрицу субъекта, что для моих пациентов равносильно смерти.

— Я понимаю. — Зимин пожал плечами. — Но поймите и вы: открыта цивилизация на Юпитере! Чужой разум! Это событие неизмеримо великого значения для всей науки Земли, для всего человечества. И появилась возможность узнать об этой цивилизации очень и очень многое, если верить вашим же словам. Представляете, что может в результате приобрести человек? Мы с вами?

— Ну, хорошо, предположим, мы «перепишем» всю информацию, — вмешался академик Чернышов. — Но сможем ли прочитать ее, расшифровать? Код записи может оказаться таким сложным, что расшифровать ее не удастся — вспомните роман Лема «Голос неба», — что тогда? Люди-то попали под луч случайно, информация предназначалась не нам.

Наумов благодарно посмотрел на старика.

Зимин усмехнулся, но глаза остались холодными и недобрьими. Наумов ощущал его взгляд физически, как укол шпаги, и невольно напрягал мышцы живота. Он не знал, что ответить Зимину, доводы ученого не были абстракцией, они отзывались на его собственные мысли, былиозвучны им. Не из-за этого ли хандра в душе? Предчувствие беды? Профессиональная этика врача запрещала колебаться, но, оказывается, он даже как врач не ощущал своей правоты. Не в этом ли причина раздвоенности и глухой досады?

— Кроме всего прочего, — продолжал Наумов, — существуют врачебная этика (давай, борись с собой, доказывай, что слова твои — сама истина, что только человеколюбие движет тобою, в то время как Зиминым... а что Зимин? Он

ведь тоже, наверное, не для себя старается? Единственное, от чего воротит, что он прикрывается выгодой для человечества. Банально и неоправданно, хотя и выгодно...) и принципы человеческой морали. Кто возьмет на себя ответственность за убийство людей даже во имя блага для всего человечества? И кто, в конце концов, разрешит нам сделать это? Родственники пострадавших? Их любимые и любящие? Да и не в них дело, поймите, мы не должны ставить на весы жизнь людей и самый ценный из материальных выигрышей — знание.

Наумов видел, что убеждает прежде всего самого себя, и, понимая это, не мог не чувствовать, что фальшивит, и эта фальшь, казалось ему, видна и остальным.

— Я не спорю, — негромко сказал Зимин. — Но в истории человечества известны примеры, когда рисковали жизнью во имя гораздо менее значимых целей.

— Да, но люди шли на это сами, — так же тихо сказал Чернышов. — И в этом их преимущество перед нами. За них никто не решал, не распоряжался судьбами. По-моему, прав Валентин, мы не должны решать вопросы жизни и смерти в отсутствие рискующих жизнью.

— Это тавтология. — В голосе Зимина зазвенел металл. — Пациенты не могут сказать за себя ни слова де-факто. Зачем эти высоконравственные слова?

— Коллеги, — вмешался Старченко, — мы отвлеклись от основной проблемы — как лечить больных. Давайте оставим в стороне моральные проблемы и правовые вопросы дела и вернемся к медицине.

— Правильно, — поддержал врача один из биофизиков. — Мы собрались, чтобы обсудить метод лечения, проблема чисто медицинская, не стоит привлекать для ее решения морально-этический кодекс.

Зимин хотел что-то добавить, но передумал.

Разговор перешел в русло медицины. Наумов больше не вмешивался в обсуждение предлагаемых методов лечения, хотя здесь присутствовали многие авторитеты в области изучения человеческого мозга. Он только командовал техникой кабинета, показывал палаты, записи, документы, аппаратуру центра, а в голове раздавалось: «Не все еще закон-

ченко в споре, не все аргументы исчерпаны. Зимин не останавливается перед хрупкой, по его мнению, преградой этики, и, к сожалению, он не одинок в своем мнении. Но самое страшное — я не чувствую себя его противником. К тому же в любом случае способ лечения космонавтов небезопасен, и это плохо. Это отвратительно, это главное, на что сделает упор сам Зимин и иже с ним, выйдя в высокие инстанции... А где найти контраргумент, я не знаю...»

В том, что Зимин обратится в арбитраж более высокого ранга, в Академию медицины, а может быть, и в Высший координационный совет Земли, Наумов не сомневался. Он хорошо понял ход мыслей ученого и доминанту его характера: добиваться конечного результата любыми средствами.

— Предстоит тяжелое объяснение в медсовете Академии, — сказал Чернышов, когда совещание закончилось и кабинет опустел. — Но я с вами, Валентин, можете располагать моим голосом.

— Вы не со мной, — пробормотал Наумов, — вы с ними. — Он мотнул головой в сторону включенного виома, показывающего реаниматоры.

— А я понимаю Зимина, — сказал Старченко, выключая аппаратуру. — Юпитер изучается более века, и сколько там погибло исследователей — не счесть. И вдруг появляется возможность за несколько минут раскрыть суть юпитерианской цивилизации!

— Я его тоже понимаю, — с горечью сказал Наумов и вспомнил лицо Лидии Изотовой. — Скачок вперед, к новым достижениям, к новым вершинам знаний, к великим открытиям... Почему бы нет? Но если бы при этом не надо было перешагивать через такую «малость», как две жизни.

В холле Управления аварийно-спасательной службы Наумов несколько минут разбирался в указателях, нашел нужный лифт и вскоре стоял перед дверью в отдел безопасности космических исследований. Дверь открылась, он вошел.

В кабинете начальника отдела находились двое: сам Молчанов, невысокий, худой, спокойный, с серыми внимা-

тельными глазами, и академик Зимин. Присутствие ученого неприятно поразило Наумова, однако он сделал вид, что ему все безразлично, и сел.

— Ну, я, наверное, больше не нужен, — сказал Зимин, вставая. — Всего доброго.

Во взгляде академика Наумов прочел странное сожаление, и в душе снова шевельнулся дремлющий удав тревоги. Однако взгляд Молчанова он выдержал, ждал, с чего начнет начальник отдела.

Тот щелкнул ногтем по сенсору видеоселектора и сказал «призраку» оперативного дежурного:

— Сима, я буду занят еще пятнадцать минут, все вопросы переключи пока на Ромашина. — После этих слов начальник отдела обратил неулыбчивое свое лицо к гостю.

Они были знакомы давно, года три, по совместному увлечению спортом — прыжками с трамплина на лыжах, тем не менее с минуту присматривались друг к другу, словно встречаясь впервые.

— Ну что там, Валя? — спросил наконец Молчанов. — Что будем делать?

— А что надо делать? — удивился Наумов. — Если ты в курсе проблемы, повторяться я не буду.

— В общих чертах. — Молчанов бросил взгляд на дверь, за которой скрылся Зимин. — Что и говорить, открытие цивилизации на Юпитере — открытие века! Общечеловеческий стресс! Хотя ждали контакта давно и вроде бы привыкли к ожиданию. У меня и без того проблем хватало, а теперь и вовсе вздохнуть некогда.

Наумов иронически усмехнулся. Молчанов посмотрел на него оценивающе.

— Что, жалоба не по адресу? Ты прав, у кого из нас не хватает забот. А что, Валя, Изотов и Пановский действительно восприняли информацию юпитериан? — внезапно спросил он.

— В том-то и проблема! Чтобы вылечить их, надо «стерьеть» чужую информацию, иного выхода попросту нет. Не существует.

— Понимаю, не горячись. Ну а если, «стирая», одновременно записывать эту информацию в память машины?

— «Стирать» и «стирать и записывать» — суть два разных метода, причем последний увеличивает вероятность смертельного исхода. Мы рискуем убить людей!

— Как убить?

— Можем стереть человеческое «я», личность, что для пострадавших равносильно смертному приговору.

«Повторяю в третий раз, — тоскливо подумал Наумов. — Последний ли? Каждому надо доказывать, каждого убеждать... в том числе и себя самого. Когда же настанет время мысленного сопереживания, сострадания, сочувствия? Когда не надо будет убеждать собеседника, ибо он и без слов почувствует твою растерянность и тоску?»

— Зимин говорил, что и обычное «стирание» может дать отрицательный результат.

— Может! — разозлился Наумов. — И все же риск на порядок меньше.

— Риск все равно остается. — Молчанов предупредительно поднял руку. — Погоди, не спеши доказывать обратное, прибереги доказательства и красноречие для ВКС.

Наумов недоверчиво посмотрел в глаза начальника отдела.

— Так серьезно?

Молчанов почесал горбинку носа, утвердительно кивнул.

— Понимаешь, Валя, после открытия цивилизации на Юпитере над ним уже погибли двое исследователей... кроме твоих пациентов.

Наумов побледнел.

— Так что проблема несколько серьезней, чем ты себе представляешь. Открытие взбудоражило всю систему Ю-станций, ученые грезят контактом. Дальнейшее изучение планеты повлечет новые жертвы... и, возможно, та информация, которой обладают твои пациенты помимо своей воли, спасет не одну жизнь. Я понимаю. — Молчанов встал и прошелся по кабинету, остановился у окна. — Этика-моральная сторона любого действия ни для кого из нас не яв-

ляется отвлеченным понятием, но она не должна становиться самоцелью.

— Но я отвечаю за их жизнь. — Наумов тоже встал и подошел к окну. — Я врач и обязан думать о своих пациентах.

— А я обязан думать о живых, — тихо сказал Молчанов. — И здоровых.

В душе Наумова копились пустота, и холод, и странное ощущение вины. «За что? Перед кем? Будто и решения своего не менял, и аргументы не все исчерпал... но вот уверен ли в решении? Нет же, не уверен, иначе откуда взялись тоска и мука? Как это получается у Зимина: жизнь одних за счет жизни других?! Молчанов, по всему видно, тоже близок к его позиции... но не эгоизм же ими руководит, не холодный расчет — самые благие намерения... Стоп-стоп! Вспомни: «Дорога в ад вымощена благими намерениями!» Господи, какой ценой иногда приходится расплачиваться за очевидное, самое простое и верное на первый взгляд решение! Кто способен оценить, что дороже: человеческая жизнь или знания, добытые ценой жизни? Нет, не так, страшнее: убить, чтобы спасти! Так? На войне когда-то тоже убивали врага, чтобы спасти друга... И это не то... при чем тут враг? Кто враг? Обстоятельства? Или я сам себе враг?»

Наумов взмок от усилий вылезти из болота рассуждений, в которое влез, пытаясь оправдать сразу двоих: себя и воображаемого оппонента, и вытер мокрый лоб ладонью.

— А ты как думал? — покосился на него Молчанов, словно зная, что творится в душе товарища. — Подчас принять решение труднее, чем его выполнить, и уж гораздо труднее, чем пожертвовать собой, поверь.

Наумов вдруг снова, уже в который раз, вспомнил Лидию Изотову. Она верила в него. И друзья и родственники ученых, кто бы ни приходил, тоже верили в него. А он? В кого верит он сам? В себя?

— На кого из начальства мне выйти в Совет?

Молчанов вернулся к столу, тронул сенсор координатора.

— К Банглину, наверное. Только не пори горячку, на твоем лице написано все, о чем ты думаешь. Таких, как Зимин, много, и в Совете они тоже найдутся. Он тут много на-

говорил, и я почти согласился с ним, но ты учи — кое в чем он прав! И рискованные полеты к Юпитеру — это ого-го какой аргумент! Ты не был над Юпитером? Много потерял, и наверстать будет трудно.

— А ты не встречался с близкими моих пациентов, — пробормотал Наумов. — У тебя не было такого, чтобы от твоего решения зависела жизнь человека?

Молчанов застыл, потом медленно разогнулся, упираясь кулаками в стол, и на мгновение утратил самоконтроль: лицо его стало несчастным и старым.

Наумов пожалел о сказанном, извинился, пробормотал слова прощения и направился к двери.

Юпитер кипел, увеличиваясь в размерах. Вот он закрыл собой боковые экраны, затем кормовые, рубку заполнил ровный глухой шум — фон радиопомех. Все предметы окрасились в чистый желтый цвет, настолько интенсивным было свечение верхней разреженной атмосферы планеты.

Бам-м-м!

Шлюп содрогнулся, под ним загудело и загрохотало, в носовом экране выпятился из сияющей клочковатой бездны странный золотой волдырь, распустился кружевным зонтом и медленно пополз в высоту, рассыпаясь на белые волокна толщиной с горный хребет. Одно из волокон настигло убегающий модуль, изображение в носовом экране покрылось черной сеткой трещин.

«Падаю! — раздался слабый, искаженный помехами голос. — Не могу... Прощайте!»

Экран погас. Наумов закрыл глаза и остался недвижим.

— Это их последняя передача, — донесся словно издалека голос Старченко. — Погибли все трое: Сабиров, Вульф и Горский. Показывать второй фильм?

Наумов отрицательно покачал головой.

— Не стоит. Оставь записи, может быть, я посмотрю их позже.

Старченко выключил проектор, потоптавшись, ушел. Наумов посмотрел на часы: девятый час вечера. Одиннадца-

тый по среднесолнечному, перевел он в уме. Где у них консультативный отдел? Кажется, в Петербурге, а там уже утро.

Он соединился с Центральным справочным бюро ВКС и через него с консультативным отделом Совета. Узнал телекс Банглина и с ходу хотел позвонить ему, однако еще с полчаса сидел в кабинете, постепенно заполнявшемся сумерками, и смотрел сквозь прозрачную стену на далекий черный конус пика Прево, врезанный в вишневый тускнеющий закат.

Над далеким Юпитером, в тщетных попытках постичь его суть, тайны бытия и молчаливое пренебрежение к роду человеческому, к попыткам контакта с обретенными братьями по Солнцу, продолжали гибнуть люди, первоклассные исследователи и сильные натуры. Зов тайны — сквозь боль собственных ошибок, сквозь ад мучительных сомнений в собственной правоте, сквозь слепую веру в совершенство разума и сквозь собственное несовершенство — вперед! И только сам человек способен оценить поражение, делающее его человечней.

Юпитер — лишь тысячная доля проблем, волнующих человечество, какой же ценой платит оно за прогресс в целом, если одна проблема требует гибели многих?! И как сделать так, чтобы не платить человеческими жизнями ради решения любых, самых грандиозных задач? Или совершенно не существует иной меры вещей?..

На пульте слабо пискнул вызов. Наумов повернулся голову, но не двинулся с места. Сигнал повторился. Это звонила жена.

— Я тебя заждалась, Валентин, — с упреком сказала она. — Уже девять!

— Извини, Энн, — пробормотал Наумов. — Я скоро приду, только закончу один не очень приятный разговор.

— Ты плохо выглядишь. Что-нибудь случилось?

— Ничего, наверное, эффект освещения, у нас тут сумерки.

— Нет, случилось, я же вижу. Это из-за твоих новых подопечных Пановкина и Изотова?

— Пановского, — поправил он машинально. — Понимаешь, Энн... их надо срочно оперировать, а я... боюсь.

Она внимательно присмотрелась к нему и сказала решительно:

— Приходи скорей, слышишь? Обсудим все твои проблемы вдвоем.

Виом угас. Снова сумерки завладели кабинетом. Где-то в невидимых зарослях под зданием лечебного корпуса прокричала птица: не сплю, не сплю, не сплю... Оранжевая полоса на западе становилась тоньше и тусклее, в фиолетово-синем небе засияла белая черточка — капсула гидрометеоконтроля.

Наумов встал, прошелся, разминая ноги, и вдруг подумал: «А не трушу ли я на самом деле? И все мои переживания не что иное, как самый обыкновенный страх ответственности?»

Он стоял долго, уставившись на далекую звезду, потом очнулся и без дальнейших колебаний вызвал комиссию по этике.

Руслан Банглин был очень и очень стар, где-то под сто сорок лет. Морщинистое темное лицо с озерами холодных, прозрачных, будто заполненных льдом, глаз. Волос на длинной, огурцом, голове почти нет, шея скрывается под глухим воротником свитера. Он не удивился, увидев перед собой заведующего Симуширским медцентром.

— Слушаю вас, — сказал он хрипло, с едва слышным присвистом.

Протез гортани, подумал Наумов отрешенно. По долгу службы он имел встречи с председателем комиссии морали и этики, и каждый раз у него складывалось впечатление, будто он беспокоит этого страшно занятого властного человека по пустякам.

— Я, собственно, к вам по такому вопросу... — начал Наумов, не зная, как сформулировать этот свой проклятый вопрос.

— Пановский, Изотов, — подсказал Банглин.

Наумов не удивился: вездесущий Зимин успел побывать и здесь.

— Возникла проблема...

— Выбор метода оперирования, так?

— Дело в том, что нейрохирургическое вмешательство в

мозг почти всегда чревато последствиями. Даже микролазерное и тонкое магнитное сканирование ведет к разрушению соседствующих с оперируемым участков мозга, и хотя в нормальной жизни, как правило, это не сказывается, однако природа зачем-то сконструировала запас клеток, который мы уничтожаем ничтоже сумняшеся. А что теряет человек в результате операции, не знает никто. В случае с космонавтами изложенный мной тезис звучит так: при «перезаписи» информации с мозга в машину вероятность гибели увеличивается по сравнению с методом простого «стирания». Я сделал расчет, по которому вероятности неблагополучного исхода относятся как два к трем.

— Вектор ошибки?

— В «красной зоне». — Наумов невольно покраснел, но не опустил глаз. — Но зона сама по себе не определяет исхода операции из-за недостаточного...

Банглин кивком прервал его речь.

— Полнο, Валентин, эмоции тут ни при чем. Вы сами понимаете, риск остается, а соотношение два к трем не слишком выразительно. Расскажите-ка лучше, как относятся к операции друзья и родственники пострадавших.

Наумов еле удержался, чтобы не пожать плечами. Он устал и был зол на себя за слабоволие. Мысль, что он попросту струсил перед операцией и пытается теперь переложить ответственность на чужие плечи, не покидала его, а звонок Банглину вообще стал казаться жестом отчаяния, какого он вообще в себе пока не ощущал.

— Пановский холост, — медленно начал он. — Отец его в дальней звездной и вернется не скоро. Мать... ну что мать, она как и все матери, сын ей нужен живой и здоровый. Она согласна на любую операцию, которая спасет сына. У Изотова отец и мать, две сестры... жена. Ситуация примерно та же. О жене и говорить не приходится, я уже разговаривать спокойно с ней не могу, так и кажется, что во всем виноват.

Банглин чуть заметно улыбнулся:

— Ясно. Охарактеризуйте каждого, в двух словах.

Наумов озадаченно пощипал подбородок.

— До этого случая я их не знал, сужу только с чужих слов.

— Этого достаточно.

— Тогда... Пановский. Ему сорок один год. Ю-физик. Начинал работать над Юпитером в числе первых исследователей на стационарных комплексах. Три экспедиции глубинного зондирования планеты, последняя едва не закончилась трагически, их вытащили в момент падения. Спокоен, малоразговорчив, необщителен, но всегда готов помочь товарищу... Извините за путаную речь, я волнуюсь, а последняя характеристика универсальная для всех космонавтов. Вот, пожалуй, все, что я о нем знаю.

Изотов молод, он почти мой ровесник, по специальности — инженер-моделист. Хороший спортсмен — мастер спорта по горным лыжам («Он спортсмен во всем, — вспомнил врач, — в работе, в увлечении... в жизни...»). Честолюбив, упрям, любит риск, излишне самонадеян...

В глазах Банглина зажглись иронические огоньки, но перебивать Наумова он не стал.

— С женой не живет два года, — продолжал врач. — Но у меня сложилось впечатление, что некоторым образом это устраивало обоих, хотя они и любят друг друга... любили.

— Интересное заключение.

Наумов нахмурился:

— Самого Изотова я не знаю, но с его женой...

«Стоп! — подумал он. — Что ты плетешь, приятель? Двусмысленность видна невооруженным глазом, следи за речью... черт тебя дернул позвонить!»

— Я верю. — Банглин на несколько секунд задумался, мысль его ушла в дебри памяти, в прошлое. Наумов определил это интуитивно. — Мне кажется, вы преувеличиваете размеры проблемы. И недооцениваете себя. Я не чувствую в вас уверенности, профессиональной уверенности врача, не говоря уже об уверенности психологической, гражданской. Даже не зная всех событий, могу предположить, что вы задумались над шкалой общественных ценностей, так? Но и не имея понятия о существовании определенных нравственных норм, присущих обществу на данном этапе развития, норм врачебной этики, право врача решать — какой метод использовать для лечения больного, можно принять решение исходя из одного простого принципа, вы его знае-

те: мера всех вещей — человек! Человек — и никто и ничто другое! Да, было бы интересно раскрыть тайны Юпитера «одним ударом», и этот интерес общечеловечески понятен: кто бы мы были, не имей страсти к познанию? Любопытства? И все же пусть вас не смущают доказательства и примеры прошлого. К сожалению, кое-кто прав: как и сотни лет назад, человек иногда рискует жизнью во имя неоправданных целей, а тут — познание открытой внеземной цивилизации, случай беспрецедентный в истории человечества! Плюс к этому возможное предупреждение гибели исследователей. Поневоле задумаешься, я вас вполне понимаю. Ведь мы не отступим, нет? Да и куда отступать? За нами — мы сами. Вот и подумайте, разберитесь в себе, а когда придет уверенность, когда вы будете убеждены в своей правоте — позвоните мне, и мы вернемся к этой теме. Только времени у вас мало. Заседание Совета послезавтра, и к этому сроку вы должны быть готовы.

Наумов кивнул. Банглин помолчал, медля выключать связь, выжидательно глядя на врача. Наконец Наумов шевельнулся.

— Я не буду звонить... должен решить сам. Извините, если... А еще вопрос можно? Совет собирается из-за случая с космонавтами?

Банглин вдруг улыбнулся по-настоящему: улыбка у него была хорошая, добрая и немного грустная.

— Я же сказал, не преувеличивайте проблемы до масштабов, способных потрясти человечество. Нет, Совет будет решать множество задач, и лечение пораженных излучением ученых — одна из них. Но для вас, — Банглин погасил улыбку, — для вас она остается главной. Это именно тот экзамен, не сдать который вы не имеете права. Всего вам доброго.

Виом погас.

«А ведь он решил, — понял Наумов. — Он решил, это заметно. И Зимин решил — по-своему, и Молчанов... А я... Я — врач? Чего я боюсь больше всего: принять неправильное решение или оперировать? Не знаю... не знаю!»

Наумов убрал одну из прозрачных стен кабинета и подошел к образовавшемуся проему.

Как странно: один говорит — проблема серьезней, чем ты думаешь, и он прав. Другой — не преувеличивайте масштабы проблемы, такие тысячами встают перед человечеством, и он тоже прав! Наверное, все дело в том, что проблема, мизерная для всего рода людского, оборачивается макропроблемой для одного человека, перед которым она встала, превращается в такую ношу, что выдерживает далеко не каждый. Но черт возьми, каким же образом из тысяч субъективных мнений формируется одно объективное знание? Маленькая задачка, слишком ординарная для цивилизации, и как же она велика, когда выходишь на нее один на один!.. Как сделать, чтобы не ошибиться? Как спасти двоих, стоящих на грани вечности, и уберечь живых, рисующих жизнью каждый день, идущих на подвиг и не знающих этой своей добродетели? Как?..

Над черным острием вулкана на другой стороне бухты всплыл узкий серп месяца — чаша амриты, из которой боги извечно пили свое бессмертие. Бухту пересекла зыбкая, блещущая рассыпанным жемчугом полоска. Кричала птица, вздыхал ленивый прибой...

Наумов подставил лицо прозрачному свету, а в ушах вдруг раздался басовитый гул юпитерианских недр, свисты и хрипы радиопомех, писк маяков и исчезающий, задыхающийся человеческий голос: «Падаю! Не могу... Прощайте!..»

Спасти тех, кто сейчас идет на штурм Юпитера и кто пойдет завтра... и спасти двоих, перегруженных чужим знанием, — на каких весах это измерить? И если спасти облученных, если поставить задачу — любой ценой спасти космонавтов, то кто-то снова будет падать в Юпитер?..

«Падаю!.. Не могу... Прощайте!..»

«А я могу?!» — крикнул Наумов в лицо ночи. Неслышно крикнул, сердцем, страстно желая, чтобы пришло к нему ощущение будущей удачи. Кто он — без права на ошибку? Мыслящая система, загнанная в тупик логикой трезвого расчета. Но с другой стороны — имеет ли он право на ошибку? Выходит, цена ошибки — тоже человек? Его жизнь и смерть? Кто-то сказал:

С своей тропы ни в чем не соступая,
Не отступая, быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя нашла судьба любая
И чью-то душу отпустила боль...

Быть самим собой — не в этом ли главное твое достоинство, человек?

Проклятая птица под окном перестала кричать, но она могла себе позволить снова и снова будоражить ночь криком. Лишь Наумов не мог позволить себе криком показать свое отчаяние и бессилие. Или, может быть, наоборот — силу?..

Он позвонил домой и сказал, что остается готовиться к операции.

Колебания его не умерли, но умер прежний Наумов, не испытывавший неудач и поражений и потому еще не знающий, что такое жизнь...

ВОЛЕЙВОЛ-3000

Этот парень привлек внимание Устюжина едва ли не с первого своего появления в зале. За двенадцать лет тренерской работы Устюжину пришлось повидать немало болельщиков волейбола — игры красивой, зрелищной и элегантной. Он видел разные лица: заинтересованные, радостно увлеченные, спокойные, иногда скучающие или откровенно равнодушные — у случайных гостей, и все же лицо юноши поразило тренера сложной гаммой чувств: оно выражало жадный интерес, напряженное ожидание, горечь и тоску, мерцавшую в глубине темно-серых внимательных глаз.

Юноша приходил на каждую тренировку сборной «Буревестника», появлялся в зале обычно за полчаса до начала и устраивался на верхней смотровой галерее зала, стараясь не очень привлекать внимание. Опытный глаз Устюжина отметил его рост — метра два или около этого, широкие плечи, длинные руки, и у тренера даже мелькнула мысль

проверить юношу на площадке, однако с началом каждой тренировки он забывал о своем желании и вспоминал только после очередной встречи с поклонником волейбола, не желавшим, судя по всему, чтобы его замечали.

Через месяц Устюжин так привык к этому болельщику, что стал считать его своим. Случай познакомиться с ним пришел в руки неожиданно.

В субботу, отработав с женской сборной «Буревестника», Устюжин заметил своего заочного знакомого у выхода из зала и подошел:

— Здравствуйте, давайте знакомиться: Устюжин Сергей Павлович, тренер. Вас заметил давно, с месяц назад. Студент?

Юноша, ошеломленный появлением незнакомого человека, кивнул:

— Медицинский, второй курс.

— А на вид вам больше двадцати.

— Двадцать шесть. Я работал, потом поступил...

— Ясно. Как вас звать?

— Иван... Иван Погуляй.

— Знаменательная фамилия. — Устюжин усмехнулся, продолжая изучать парня. Теперь, стоя рядом, он понял, что недооценил его рост. Пожалуй, два десять — два пятнадцать, прикинул он с долей удивления. Неплохо! И все же чего-то ему не хватает... и взгляд у него напряженный, будто он боится... Чего?

— У меня предложение, Ваня, — продолжал тренер. — У вас идеальное сложение для волейбола. Не хотите заняться волейболом? Может быть, вы станете...

Устюжин замолчал, увидев, какое впечатление произвели его слова на молодого человека.

Лицо того побледнело, потом жарко вспыхнуло — до слез, губы дрогнули, раскрылись, напряглись.

— Если не играли раньше, не беда, — поспешил Устюжин. — Главное, что вы любите волейбол, это я уже заметил. За год мы с вами войдем в дубль-состав «Буревестника», даю слово.

Юноша покачал головой, скжав губы так, что они побе-

лели, повернулся и пошел к выходу. Устюжин молча смотрел ему вслед, сразу все поняв: парень хромал. Нога не сгибалась в колене, и он относил ее чуть в сторону и ставил на полную ступню, все быстрей и быстрей, раскачиваясь из стороны в сторону, будто чувствуя взгляд.

Кто-то за спиной сожалеюще цокнул языком. Устюжин вернулся в зал и задумчиво присел на горку поролоновых матов, вспоминая отчаянное лицо и глаза парня, в которых бились боль, и ярость, и отчаяние.

Вернувшись домой, Иван дал слово больше на тренировки студенческой сборной неходить, поужинал без аппетита, однозначно отвечая на вопросы матери, потом заперся в своей комнате и долго стоял у окна, прижимаясь лбом к холодному стеклу и вспоминая минутный разговор с тренером. В душе царило странное спокойствие да сожаление, и он даже удивился этому, хотя тут же подумал: «Реакция? Или я действительно смирился с положением, привык? Угораздило меня прийти сегодня. Но кто же знал, что тренер подойдет с таким предложением! Неловко вышло... И все же как сказал тогда хирург после операции? «Терпение — это та скала, о которую разбиваются волны человеческого безрассудства». Слова Дюма-отца. Оба они безусловно правы. Терпение и еще раз терпение — вот моя дорога, и лет через тридцать-сорок, к пенсии, — тут Иван усмехнулся, — я найду способ лечения раздробленного коленного сустава. А тогда милости прошу приглашать в сборную...»

Остаток дня он провел в библиотеке. Дома почитал на ночь «Трех мушкетеров», ощущая себя таким же ловким и сильным, как д'Артаньян, разделся, собираясь лечь спать, и в это время почувствовал, что не один в комнате.

Оглядевшись — тишина, мягкий свет торшера, тени от шкафов с книгами, тиканье маятника старинных часов, — он, сомневаясь в своей трезвости, тихо спросил:

— Кто здесь?

— Простите, — раздался из воздуха мягкий приглушенный голос. — Разрешите вас побеспокоить?

— Пожалуйста, — хрипело ответил Иван, откашлялся. — Входите.

— Спасибо. — В комнате без всяких световых и шумовых эффектов появились двое незнакомцев в плотных белых комбинезонах. Оба были высокими, под стать Ивану, хорошо сложенными, с живыми человеческими лицами, на которых легко читались смущение и озабоченность. Оба держали в руках тонкие черные стержни с пылающими алым светом шариками на концах.

Иван поборол искушение закрыть глаза и потрясти головой и жестом радушного хозяина указал гостям на диван:

— Прошу садиться.

— Не пугайтесь, ради всего святого! — сказал один из незнакомцев тем же приятным голосом. — Нас проинформировали, что вы любите волейбол.

— Люблю, — улыбнувшись, сказал Иван и пошевелил искалеченной ногой; ситуация забавляла, сон был любопытен и навеян, очевидно, взволновавшей его встречей с тренером.

— Извините, — вмешался второй, на лице которого отразилось беспокойство. — Мы понимаем, физический дефект не позволяет вам реализовать себя в настоящем, но все же — вы были бы не против?

Иван пожал плечами:

— Если бы не... дефект, как вы говорите, я бы, конечно, играл.

— Тогда все в порядке. — Гость облегченно вздохнул.

— А откуда вы? — полюбопытствовал Иван. — Из какого уголка Галактики?

Незнакомцы переглянулись.

— Мы такие же земляне, как и вы, — сказал первый. — И все сейчас объясним. Но сначала позвольте провести небольшое медицинское обследование — я правильно выразился?

— Правильно-то правильно. — Иван покачал головой. — Только в больницу я не...

— Этого не потребуется. Станьте так: ноги на ширине плеч, руки опустите, дышите ровно и глубоко.

Иван повиновался, удивляясь тому, что начинает верить в реальность происходящего, хотя временами спохватывался и улыбался в душе: сон ему нравился.

Гость провел концом стержня окружность в воздухе, и вместо стены с ковром Иван увидел длинный зал с рядами вычурных пультов, то и дело меняющих форму и цвет. От одного из пультов протянулись к нему десятки световых нитей, коснулись тела, головы, рук, ног... стало трудно дышать. Иван мотнул головой, шагнул с места, пытаясь на брать в грудь воздуха, и почувствовал, что его поддерживают сильные руки.

— Все отлично, — извиняющимся тоном сказал один из гостей, второй в это время складывал гибкий черный шнур, пока тот не превратился в знакомый стержень с шариком на конце.

— А теперь поясним суть нашего появления. Дело в том, что вы являетесь потенциальным игроком в волейбол планетарного класса «хронопризрак», наблюдатель не ошибся. И у вас есть возможность участвовать в Олимпийских играх трехтысячного года по нашему летоисчислению. Вы не хотели бы принять в них участие?

— В качестве кого? — с иронией произнес Иван. — В качестве судьи?

— Игрока сборной команды Земли, — ответил гость без улыбки.

— Каким образом? Я же калека!

Незнакомцы снова обменялись беглыми, как бы летящими улыбками, видимо, это был их постоянный способ общения: они понимали друг друга с полувзгляда. Иван побледнел. Во рту мгновенно стало сухо. Он понял, что все с ним происходит наяву.

— Ну да, конечно, медицина у вас не чета нашей... а я вернусь обратно?

— Разумеется, с точностью до миллисекунды.

— Тогда согласен.

Первый из гостей протянул руку:

— Смелее.

Комната имела привычные стены и черный матовый пол, но вместо потолка над головой пушистая пелена, похожая на облако белого пара.

— Не делайте резких движений, — раздался из этой пелены вежливый баритон. — Сядьте на пол.

Иван повиновался, оглушенный мгновенным переходом из своей вполне реальной квартиры с вещами, которых касался не раз, в комнату, сам вид которой говорил о другом времени.

Его охватила сладкая истома, тело потяжелело, каждая его клеточка налилась сонным теплом, щекочущие невидимые пальцы пробежали по коже, захотелось потянуться, принять удобную позу и спать...

Сколько времени длилось это состояние, он не знал. Пробуждение наступило внезапно: просто захотелось встать, размяться, тело было отдохнувшим, полным сил и энергии, но очень хотелось есть. Иван встал, постоял с минуту, ожидая команды, потом медленно обошел комнату, прислушиваясь к своим ощущениям. И вдруг понял, что его искалеченная нога... сгибается в колене! Он замер, боясь поверить в случившееся, осторожно шагнул, перенес всю тяжесть тела на большую ногу — никаких болезненных ощущений! Нога сгибается так же легко, как и до травмы; мало того, она стала сильнее!

Иван подпрыгнул на месте и чуть не достал головой до белой пелены потолка, повисшей от пола не менее чем в четырех метрах. «Однако! — подумал он. — Медицина у них действительно на высоте! И никаких машин... если только я не нахожусь внутри одной из них».

— Как вы себя чувствуете? — напомнил о себе баритон.

— Отлично! — искренне отозвался Иван, краснея от мысли, что вел себя не совсем сдержанно: за ним, несомненно, наблюдали.

— Пройдите в следующий зал.

Иван хотел спросить, где дверь, но тут одна из плотных, металлических на вид стен исчезла, будто ее и не было, открыв вход в соседнее помещение.

Комната напоминала зал вычислительного центра: все

пространство занимали ряды странных пультов, уже виденных им однажды, а напротив висел над полом, ни на что не опираясь, гладкий черный диск. Из его глубины всплыла световая стрела и развернулась над ним в светящуюся надпись: «Внимание! Нулевой цикл».

В зале никого не было и стояла тишина, но стоило Ивану шагнуть вперед, как рядом с диском возник, словно выпрыгнул из-под пола, высокий молодой человек в свободной белой рубашке и голубых брюках. У него было открытое веселое лицо, загорелое до черноты, с внимательными ярко-зелеными глазами, держался он очень естественно и был гармоничен в каждом жесте. Иван невольно вздохнул, понимая, в какую эпоху попал: в то, что это не сон, он уже поверил.

— Зовите меня Даниилом, — улыбнулся незнакомец. — Хотя я всего лишь виомфант и не нуждаюсь в имени. Прощайте, садитесь.

Диск превратился в кресло. Иван сел. Удобно, мягко. В душе зашевелилось любопытство.

— Виомфант — ваша профессия?

Даниил засмеялся:

— Я всего лишь машина, искусственный интеллект третьего поколения, инк, как говорят в обиходе, и нахожусь в действительности за сорок километров от этого места, а то, что вы видите, — «призрак», фантом.

Иван вспотел и больше не делал попыток заговорить. Даниил извлек из воздуха легкий шлем с двумя штырями у висков, протянул Ивану. Шлем был ощутимо материален.

— Это ваш. Я отвечаю за вас во всех аспектах, от здоровья до накопления информации, знаний быта и профессиональных. Кстати, физика тела вас удовлетворяет? Нигде не «жмет»?

Говорил «призрак» по-русски безупречно, хотя Ивану все время чудился странный акцент — не то в интонации, не то в ударениях; в общем, даже машины говорили здесь хорошо, видимо, русский язык в третьем тысячелетии стал основой разговорного языка для всего человечества.

— А вас? — ответил вопросом на вопрос Иван.

Даниил снова засмеялся:

— Наверное, больше, чем вас лично, потому что вы ко многому не привыкли, а кое о чём и не догадываетесь. Ничего, сейчас пройдет нулевой цикл — быт, особенности языка, жизненно необходимая информация, и все станет на свои места. Небось хотите посмотреть, какой стала Земля?

Иван молча натянул шлем. Что-то щелкнуло в наушниках, и он «поплыл» в дебри неведомых знаний...

Через три сеанса гипноучебы Иван освоился с жизнью Земли трехтысячного года настолько, что не мыслил иной, а прошлую свою жизнь считал чуть ли не мифом. Но тут пошли тренировки в волейбол не только мысленно, через информационно-психологические комплексы, но и нормальные, на площадках и в залах, и он полностью отдался своей страсти, не имевшей выхода в реальности двадцатого столетия.

Волейбол тридцатого века отличался от волейбола двадцатого не только количественно-цифровыми показателями высоты сетки, размером площадки и так далее, но и качественно, соответственно всем раскрывшимся возможностям человеческого тела и технического гения человека. Единственное, что напоминало Ивану знакомую ему спортивную игру, — традиционно сохранившаяся форма игрового поля с размерами площадок десять на десять метров, сетка, разделявшая площадки, и мяч, напичканный, правда, современной молекулярной техникой — для облегчения судейства. Конечно, сетка была натянута гораздо выше, чем в его время, верхняя ее кромка устанавливалась на высоте трех метров шести сантиметров от пола, но все же это была нормальная волейбольная сетка.

Однако, во-первых, изменилось инженерно-техническое сопровождение игры: сила тяжести на площадках устанавливалась равной девяносто трем сотым, вся зона игры охватывалась специальным барьером, и над ней свободно плавали в воздухе плоские диски кибер-судей; каждая ошибка игрока классифицировалась мгновенно, и тут же звучала определенная музыкальная гамма, по которой зрители без судьи-информатора могли узнавать вид ошибки.

Во-вторых, и это было главным, игра проходила как в пространстве, так и во времени! То есть игрок по желанию при подаче мяча мог посыпать его не только в определенную точку площадки противника, но и «смещать» мяч «по оси времени» в будущее в пределах десяти секунд, для чего площадки ориентировались еще и в хронополе. Если мяч при подаче перемещался и во времени, то игроки подающей команды имели право тут же подать мяч повторно, но уже без смещения во времени, что всегда и делалось всеми командами без исключения. Зрительно это выглядело так, будто мяч при подаче исчезал в никуда и возникал в пространстве игры в тот момент, когда кончалось время его посыла в будущее... Пока отыгрывалась обычная подача, могла прийти первая — со сдвигом во времени, и надо было успеть отреагировать, принять подачу, выдать пас и нанести нападающий удар, и были случаи, когда над площадками летали сразу два мяча и обе команды выпускали на поле седьмого игрока, так называемого «засадного». Поэтому остановок в игре почти не было, напряжение матча не спадало от начала до конца сета, завораживая болельщиков волейбола внезапностью и красотой комбинаций.

К концу третьей недели интенсивных тренировок по спецпрограмме с использованием уплотнения времени Иван вошел в основной состав сборной команды Земли по волейболу. До начала Олимпийских игр оставалось чуть более трех месяцев.

Волейбольный турнир Олимпиады проходил на Земле, в спортивном зале комплекса «Россия», старинном сооружении, начало которому дали спортивные постройки Москвы далекого двадцать первого века.

Иван, стоя на километровой башне обозрения, смотрел на панораму города трехтысячного года, по привычке называя эту цифру, в то время как по современному календарю шел тысяча восемьдесят третий год, и думал, что фантасты его родного времени не ошиблись в главном: Земля Идеальной эры представляла собой сплошной город-лес, именно лес, первобытный, с буреломами, чащами и даже непрохо-

димыми топями. Это не означало, конечно, что за лесом не ухаживали, но наряду с ухоженными парками, рощами, садами, очищенными от лесного мусора дендрариями, выращенными вокруг комплексов зданий, существовали неприступная тайга, джунгли, сельва и болота. Человек тысяча восемьдесят третьего года экологически чистой эпохи предпочитал видеть Землю естественной, такой, какой она была до него, разве что помогал быть ей красивой и первозданной, направляя эволюцию природы так, чтобы выгодно было обоим: и природе, и человеку.

Здание спортивного комплекса выделялось среди зеленого оазиса гигантским языком оранжевого пламени: архитекторы ландшафта вписали этот язык в пейзаж с таким мастерством, что издалека, с расстояния десятка километров, казалось, что горит настоящий костер, вернее, олимпийский факел.

В воздухе то и дело «проявлялись» фигуры людей: человек давно научился с помощью мысленного усилия управлять механизмами мгновенного перемещения в пространстве сквозь десятки и сотни тысяч километров, научился и Иван, хотя привыкнуть к этому не мог. Люди спешили в спортзалы комплекса, несмотря на совершеннейшие видеопередачи с мест спортивных событий во все уголки Солнечной системы. Иван отметил сей факт для себя: болельщики на Земле не перевелись, просто возможности их выросли во сто крат, хотя пригласительных билетов, как всегда, не хватало.

Иван мысленно вызвал отсчет времени — в медцентре восстановления и подготовки ему «разбудили» собственные биочасы, — было без семи минут десять по среднесолнечному времени, что соответствовало и времени Москвы. Пора, подумал он, невольно ощущая сожаление: время его пребывания в будущем, в сказке, как он повторял про себя, подходило к концу. А что ждет его на Земле ушедшего двадцатого века, он страшился даже и представить. Снова искалеченная нога? Муки неполноценности? Участливые взгляды друзей?.. Впрочем, как говорил некий мудрец, все будет так, как должно быть, даже если будет иначе. То, что он пере-

жил, — не пережить никому из его современников, и надо будет просить друзей, чтобы они оставили в памяти хотя бы эмоциональную сторону его приключения. Того же Даниила; судя по встречам, Иван ему понравился...

Иван сосредоточился и оказался в метре над белым кругом финишного поля, ближайшего к тому месту, куда он стремился попасть, мягко спружинил на ноги. Рядом возникали из ничего десятки улыбающихся людей: юношей и девушек, женщин и мужчин в расцвете лет, уступая место новым, прибывающим на соревнования. Впечатление было такое, будто шел дождь из разноцветных тел и испарялся, не достигая земли. «Испарился» и Иван, ступив на синий квадрат конформного лифта, вознесшего его в комнату психомассажа, где переодевалась сборная команда Земли по волейболу.

Переодеваясь и отвечая на приветствия товарищей, спешивших в объятия эмоционектора бодрости, Иван вспоминал реестр сборных, участвующих в Играх. Команд было шестнадцать, пять из них из Солнечной системы: сборные Земли, Луны, Марса, Астрономического союза и сборная внешних планет, остальные — сборные поселений людей из других звезд. Еще во время знакомства с командами по видео Иван с трепетом ждал встречи с другими разумными существами, однако в этом вопросе прогнозы его любимых писателей не оправдались: по всей видимости, человеческая цивилизация была уникальна во Вселенной. Во всяком случае, человек, проникший за тысячу лет звездоплавания к центру Галактики, братьев по разуму не обнаружил.

Эта игра со сборной Марса была предпоследней и самой трудной: сборная Марса по волейболу была чемпионом Галактического спортсоюза тысяча восемьдесят второго года, и землянам предстояло в этом поединке доказать, что Кубок предыдущих Игр принадлежит им по праву.

Иван волновался, несмотря на защитный барьер психомассажа и месяц аутотренинга, мысли его все чаще возвращались в родное время, он гнал их прочь и... ничего не мог с собой поделать. Возвращаться не хотелось.

Товарищи понимали, что с ним происходит, ибо чело-

век третьего тысячелетия научился, кроме всего прочего, реагировать на чувства, ощущать боль соседа, сочувствовать, сопереживать, устанавливать мысленный контакт, хотя в последнем случае вступали в силу этические нормы мыслесвязи: никто не «читал» мысли собеседника без его разрешения на контакт; товарищи по команде понимали Ивана и с присущим им тактом «не замечали» его состояния. Он помочи не просил, не ждал, следовательно, мог сам справиться со своими переживаниями.

В десять минут одиннадцатого старший тренер-организатор сборной Земли построил игроков, вздохнул и сказал:

— Веселиться вы умеете, вижу. В нашем активе пять побед, так вот постараитесь, чтобы их стало на одну больше.

Все засмеялись. Иван же вдруг почувствовал, как тает в душе айсберг напряжения. Он знал, что в других командах тоже есть выходцы из прошлого, в том числе и в команде Марса — Сергей Павлов, живший в двадцать втором веке: по правилам Игр разрешалось укреплять команды игроками прошлых веков, прошедшими адаптацию и давшими согласие на временное перемещение; парадоксы времени исключались, наука тридцатого столетия вычеркнула время из списков врагов человечества. Иван был знаком и с Сергеем, и с другими выдающимися игроками, преодолевшими бездну времени, и от мысли, что возвращаться в свое время придется не ему одному, зависть к остающимся и неудовлетворение собственным положением отодвинулись на задний план.

Иван видел, чего ждали от него товарищи и тренеры, в него верили, и единственным способом отблагодарить их за эту веру мог быть только спортивный стресс — полная самоотдача в игре.

Конечно, и среди современников Олимпиады было немало великолепных спортсменов, в совершенстве владевших всеми приемами волейбола трехтысячного года, но надо было, кроме всего, еще и любить волейбол, как любил Иван, жить игрой, забывая обо всем на свете, отдавать всю страсть, пыл, силы и эмоции, уметь подчинять тело до рис-

ка аутотравмы, чтобы понять тех, кто выловил эту находку из глубины времен. А что физические данные людей того времени и современников не были равны — никого не волновало. Медицина и физиология к тому времени «разбудили» многие «спящие» центры в мозгу человека, и разбудить их у Ивана не представляло сложности.

Игру он начал в четвертом номере у сетки, в нападении — угрозе. Подавала сборная Москвы. Первый мяч был послан, как и ожидалось, в будущее, второй — на заднюю линию обороны площадки землян. Мяч принял игрок второй защитной линии Гвендолин, разводящий игрок-координатор во втором номере — Стан подкорректировал передачу и выдал мягкий скользящий пас невысоко над сеткой, так называемый классический полупрострел. Иван, подпрыгнув над блоком, пробил мяч почти вертикально вдоль сетки, в первую линию площадки сборной Марса. Но тут пришла первая подача, посланная в первый номер площадки землян и, как оказалось, на шесть секунд в будущее. Ошибся в приеме Сергей, при передаче нападающему во второй номер переиграл Иван, и мяч был утерян. «Белый балл». Подача осталась у марсиан, а игрокам сборной Земли засчитывалось лишь одно очко — половина оценки. Забей они оба мяча — заработали бы «красный балл» — очко и подачу.

С этого момента у землян явно не пошла игра. Резко, непонятно. Словно утратились навыки игрового контакта и пропали куда-то реакции и чутье времени.

Иван не сразу почувствовал неудовлетворение игрой, лишь с трудом переправив мяч через сетку, он с досадой посмотрел на недовольного игрой Стана и определил, что в отложенном механизме команды что-то испортилось. В это время из воздуха «выпрыгнул» мяч прошлой подачи марсиан. Гвендолин с опозданием упал, мяч угодил в сетку. Сергей в прыжке выполнил «хобот», но блок противника обмануть не смог. Трибуны стотысячного зала игровых видов спорта зашумели. Иван посмотрел на Стана и пожал плечами:

— Попробуем сменить режим первой подачи?

— Не спеши, — хмуро ответил Стан. — Надо отыграть хотя бы стандартную перебежку, я не чувствую настроения команды.

Тренер наблюдал за игрой внешне спокойно, отвечая на советы запасных игроков односложными «да» и «нет». Он тоже видел, что команда потеряла игровое настроение, но не мог определить причины. Минутный перерыв, однако, братя не стал, сначала надо было разобраться в причине плохой организации защиты самому, ребятам на площадке сделать это труднее.

Первый сет они проиграли со счетом двадцать четыре — тринацать.

В середине второго тренер взял минутный перерыв.

— Вы что? — негромко, но резко спросил он игроков, разгоряченных и злых. — Перегорели? Или сетка высоковата? Где стиль команды? Почему хроноимпульсы однообразны? Ведь они поймали ваш ритм хроноподачи, а вы продолжаете в пятисекундном ритме. Смените режим, играйте второй, третий варианты вперемежку, сбейте их с толку. Они не лучше вас, но тактику выбрали лучшую. Поняли? Иван, посиди отдохни, вместо тебя поиграет пока Сосновский.

— Замена в сборной команде Земли, — гулко возвестил голос судьи-информатора. — Вместо номера один — Ивана Погуляя продолжает игру номер девять — Януш Сосновский.

Иван сел рядом с тренером и вытянул ноги, вытирая полотенцем лицо и не глядя на товарищей, делавших вид, что ничего особенного не произошло. Тренер присмотрелся к его хмурой физиономии и хмыкнул.

— Устал?

— Не знаю, — помедлив, ответил Иван. — Что-то мешает играть, а вот что именно — не пойму.

Несколько минут молчали. Игра чуть-чуть выровнялась, но отрыв в очках был слишком велик, и надежда выиграть сет была призрачной.

— А ты попробуй сыграть выше своих возможностей, — тихо проговорил тренер. — На пределе! И перестань думать о возвращении. Я правильно тебя понял?

Иван вспыхнул. Тренер понимающе кивнул и сжал его плечо твердыми пальцами:

— Ты не первый мой гость из прошлого, Иван. В прошлогоднем чемпионате Союза планет у нас играл Виктор Афанасьев. Твой не только современник, но и земляк. Уходя, он сказал: «Теперь уверен, что проживу свой век не зря — я видел свою мечту, значит, работал и мечтал правильно».

— Я этого не отрицаю, — пробормотал Иван.

Второй сет сборная Земли тоже проиграла. Тренер выпустил Ивана на площадку только в третьей партии при ничьем счете, жаждущего борьбы и полного желания совершить невозможное.

О себе Иван уже не думал, сердце забилось ровно и сильно, исчезла скованность, пришло ощущение полета и сказочной удачи, тело словно потеряло вес и стало легко управляемым. Он сразу увидел игру, мгновения полета мяча растягивались для него в секунды, в течение которых он успевал прикинуть траекторию полета, подготовиться к приему первого мяча, найти партнера, принять мяч и выдать пас с точностью автомата.

Сначала он, играя в защите на второй линии, достал «мертвый» мяч, посланный нападающим соперником в угол площадки. Громадный зал ахнул и отозвался волной аплодисментов, но Иван их не слышал.

— Меняем темп, — сказал он Стану. — Максимум — третий вариант с переходом на второй при обычной перебежке в первой зоне.

Стан отмахнулся было, потом оглянулся на Ивана, словно не узнавая, и передал остальным игрокам:

— Ребята, играем третий с полупереходом, предельно!

И они заиграли.

Гвендолин из центра сразу выдал Ивану пас во вторую линию для джамп-темпа. Это был очень сложный для исполнения нападающих удар: Иван взвился в воздух, повернулся на лету на девяносто градусов, показав противнику левую руку в замахе и тем самым обманув блок, и с сухим звоном вбил мяч в центр площадки марсиан — при нанесе-

нии завершающего удара «перемещать» мяч во времени за-
прещалось. Зал зашумел и снова замер.

В третьем номере Иван вместе со Станом и пятым игроком провели великолепную скоростную трехходовую комбинацию «зеркало», причем ситуация осложнилась появлением мяча прошлой подачи, так что на площадке в своеобразной петле времени замкнулись сразу все семь игроков, в том числе и «засадный», и два мяча.

Сначала Иван принял подачу, вспомнил положение рук подающего игрока марсиан две секунды назад и переместился на место, куда, по его расчетам, должен был прийти посып первой подачи. Стан в прыжке выполнил «юлу» — имитацию нападающего удара — и направил мяч вдоль сетки, а закончил комбинацию пятый игрок команды, чисто срезав мяч на взлете во втором номере. В то же время, когда этот мяч еще только летел вдоль сетки, Иван в падении достал второй мяч прошлой подачи. Гвендолин мягко, кончиками пальцев пропустил его за собой, и седьмой игрок, мрачноватый Кенджобуро, обманным ударом «сухой лист» отправил его со второго темпа в угол площадки соперника. Действие длилось не более трех секунд, мячи уже впечатались в площадку сборной Марса, а Иван, Кенджобуро, Стан и Гвендолин еще находились в воздухе.

Зал снова зашумел, выдохнул одновременно и замолчал до конца игры, словно боясь шумом аплодисментов нарушить таинство игры.

Иван нападал с любого номера, согласно смене вариантов, с задней линии, с центра. Он угадывал появление мяча в хронополе до десятых долей секунды, перепрыгивал и пробивал блок, доставал в защите такие мячи, которые лишь теоретически считались доставаемыми. Он блокировал нападающих в труднейшем исполнении аутконтроля — ловящим блоком, угадывал направление удара в четырех случаях из пяти.

Это была игра на вдохновение. Она зажгла остальных игроков команды, и они творили чудеса под стать Ивану, разыгрывая комбинации хладнокровно и уверенно, как на тренировке. Если играют команды, равные по классу, то

именно такая игра, четкая, слаженная, когда партнеры понимают друг друга по жесту, по взгляду — мысленный контакт карался так же, как и техническая ошибка, потерей мяча, — когда все их движения подчиняются ритму и кажется, будто на площадке всего один игрок, чье многорукое тело перекрыло все поле, и мяч каждый раз натыкается на него, с удивительным постоянством отскакивая к согласующим игрокам-координаторам, такая игра только и может дать положительный результат. И земляне, проиграв первые два сета, выиграли остальные три.

Зал еще секунду немо дивился на освещенные квадраты игрового поля, на обнимавшихся игроков сборной Земли, а потом словно шторм обрушился на Дворец спорта.

— Спасибо! — сказал тренер с грустным восхищением, обнимая Ивана последним. — Мы не ошиблись в тебе, брат! Спасибо! Думаю, едва ли я когда-нибудь еще увижу такую игру. Лишь после такой отдачи ты имел право... — Он не договорил.

— Я понял, — кивнул Иван. — Лишь играя на пределе, я имел право увидеть то, что увидел.

В этот момент Иван любил всех, и возвращение домой уже не вызывало в нем отчаяния, несмотря на перспективу оставаться в своем времени калекой на всю жизнь.

Его дружно оторвали от пола и подкинули в воздух.

На буфете часы пробили десять часов вечера.

Иван очнулся и поднял голову, не узнавая привычной обстановки. Он сидел на корточках на полу, в плавках, с полотенцем в руках. «Странно, — подумал он с недоумением, — странно, что я это помню! Они же должны были «ампутировать» в мозгу всю информацию о будущем. Забыли? Или все снова сводится к банальнейшему из объяснений — сон?!»

Иван встал, сделал шаг к двери, и... жаркая волна смятения хлынула в голову, путая мысли и чувства: он не хромал! Нога сгибалась свободно и легко, мышцы были полны силы и готовности к действию. Тот душевный подъем, который сопутствовал ему во время пребывания в далеком трехты-

сячном году, не покинул его. Значит, все это... случилось наяву?!

Он присел, пряча запылавшее лицо в ладонях, с минуту находился в этой позе, потом с криком подпрыгнул, достал головой потолок — дом был старый и потолки в нем высокие, — остановился и подумал: «А если они и в самом деле забыли? На радостях? Чего не бывает в жизни. Может быть, возвращением ведает тот же виомфант Даниил, а он всего-навсего робот, машина, взял да испортился... У меня же остались все знания и навыки спортсмена, который может родиться только через тысячу лет! И если я начну в своем времени проявлять эти чудовищные способности, я изменю реальность, говоря азимовским языком. Ну и влип! Никому ведь не скажешь, не пожалуешься и не посоветуешься... Что же делать?»

Иван снова подпрыгнул, вымещая на теле растерянность и злость, и в этот момент в комнату без стука вошла мать.

— Ваня! — прошептала она, схватившись рукой за горло. — Прости, что без разрешения, мне показалось... ты прыгал?! Ты уже не... что с тобой?

Иван обнял ее за плечи, привлек к себе.

— Все в порядке, мам, не пугайся. Я скрывал от тебя, боялся проговориться раньше времени... просто я тренировался, лечился, и... нога начала понемногу сгибаться.

Признание звучало фальшиво, но мать поверила.

Два дня Иван скрывал от всех свое физическое превосходство и мучительно размышлял, что делать дальше. Стальные переживания, свойственные ему в «доисправленной» жизни, вернулись вновь, но теперь он решил их иначе: комплекс неполноценности превратился в комплекс превосходства и мучительное нежелание возвращаться к прежней жизни. Душа Ивана превратилась в ад, где добродетель боролась с низменными сторонами личности, и он все чаще ловил себя на успокаивающей мысли, что ничего плохого не случится, если он останется «суперменом», просто при-

дется жить тихо и по возможности не проявлять своего превосходства. Омар Хайям со своими нравоучениями типа:

Ад и рай — в небесах, утверждали ханжи.
Я, в себя заглянув, убедился во лжи.
Ад и рай — не круги во дворце Мирозданья,
Ад и рай — это две половины души —

заглох совсем.

Конечно, оставался еще волейбол. Ивана тянуло на площадку все сильней и сильней, знания и возможности требовали отдачи, выхода в реальность, но показать себя в игре современников — значило раскрыть инкогнито, расшифровать себя неизвестному наблюдателю, который когда-то выявил его среди болельщиков, и тогда о нем вспомнят там, в будущем, и вернутся, чтобы исправить недосмотр... Иван приказал себе забыть не только о волейболе трехтысячного года, но и вообще о существовании этой игры, и решился на бегство, хотя бы временное, из города, в глубине души сознавая, что способов бегства от самого себя не существует.

На третий день борьбы с самим собой, притворяясь хромым, он заявил в деканат и отпросился на две недели для «лечения на море», придумав какую-то «чудодейственную» бальнеолечебницу под Одессой. Декан дал разрешение, не задав ни одного вопроса, чем облегчил мучения Ивана, и сомнения беглеца разрешились сами собой.

Вернувшись домой, он сочинил матери «командировку», с удивлением прислушиваясь к себе: лгать становилось все легче, язык произносил ложь, почти не запинаясь. Уложив вещи в спортивную сумку, позвонил на вокзал, узнал, когда отходит поезд на юг, в сторону Одессы, и полчаса унимал сердце, понимая, что возврата к прежней жизни нет: он уже переступил невидимую черту, отделяющую совесть от цинизма.

Но он недооценил своего прежнего «я». В троллейбусе нахлынули воспоминания, навалилось душное, жаркое чувство утраты, болезненного смятения, неуютной потери смысла жизни, пришлось сойти за три остановки до вокзала, пряча пылающее лицо от любопытных взоров окружающих.

— Ваня! — позвал вдруг кто-то с другой стороны улицы, выходящей прямо на набережную. Голос был мужской и знакомый, но Иван не хотел ни с кем разговаривать и с ходу свернул в дыру в заборе: справа шла стройка двенадцатиэтажного жилого дома.

Его окликнули еще раз, пришлось прибавить ходу. Иван обошел штабель кирпичей, нырнул в подъезд и, не останавливаясь, одним духом, словно убегая не от настырного знакомого, а от самого себя, поднялся на самый верх здания. Никто его не остановил, принимая то ли за проверяющего, то ли за члена кооператива дома. Двенадцатый и одиннадцатый этажи еще достраивались, и он вышел на балкон десятого, выходящий на улицу и реку за ней. Внизу шел нескончаемый плотный поток пешеходов, не обращавших внимания на привычный пейзаж стройки, равнодушный ко всему, что происходит вне данного отрезка маршрута и конкретной цели бытия.

Иван поставил сумку на пол балкона и бездумно устремился в пропасть, распахнутую обрывом проспекта. Не хотелось ни думать, ни двигаться, ни стремиться к чему-то, жизнь тягуче двигалась мимо, аморфная и не затрагивающая сознание, раздражающее нервы стремление к цели растворилось в умиротворении принятого исподволь решения, как облако пара в воздухе...

Сколько времени он такостоял — не помнил.

Очнулся, как от толчка, хотя никого рядом не было. Взгляда вверх было достаточно, чтобы понять — случилось непредвиденное, грозящее отнять многие жизни тех, кто шел сейчас под стеной здания по своим неотложным делам: четырехсоткилограммовая плита перекрытия, как в замедленной киносъемке, соскользнула с края крыши, пробила ограждения лесов и зависла на мгновение, задержавшись за железную штангу, чтобы затем рухнуть вниз с высоты в тридцать метров.

«Сейчас грохнется!» — сказал кто-то чужой внутри Ивана, хотя мозг, натренированный на мгновенную реакцию в трехтысячном году, уже рассчитал варианты вмешательства, способность изменить реальность события. Требовалось

немногое: по-волейбольному прыгнуть с балкона вперед и вверх и «заблокировать» плиту так, чтобы результирующий вектор ее последующего падения уперся в реку. Все. И сделать это мог только один человек в мире — Иван Погуляй, с его новыми «сверхчеловеческими», по оценке современников, возможностями.

«Не делай глупости, — шепнул ему внутренний голос. — Никто не знает, что ты это можешь, никто никогда не догадается, ты не виноват, что техника безопасности здесь не сработала. Ты для этого ушел из дома? Только жить начинаешь по-человечески...»

Мгновение истекло. Плита сорвалась с железной стойки лесов.

«Если бы еще была возможность уцелеть самому, — добавил внутренний голос, — а то ведь разобьешься в лепешку!..»

В следующее мгновение Иван прыгнул, как никогда не прыгал даже во время прошедших Игр, вытянул руки, безошибочно встретил плиту в нужной точке и направил ее по дуге в реку, тем самым «заблокировав» чью-то смерть...

И в этот момент что-то произошло. Мир вокруг исчез. Иван оказался внутри серого кокона с дымчатыми стенами. Из стены вышел человек и оказался Устюжином, тренером «Буревестника».

С минуту они смотрели друг на друга. Потом Иван кивнул:

— Я так и думал, что вы и есть наблюдатель.

— Вы правы. — В глазах Устюжина появилось сложное выражение вины, горечи и холодной жестокости. — Итак, Иван Михайлович, вы вернулись. Поговорим?

— Поговорим, — согласился Иван. — Хотя я в глупейшем положении. Как случилось, что меня вернули с памятью?

Устюжин помрачнел, глаза у него и вовсе сделались как у больного без надежды на выздоровление, тоскливыми и всепонимающими.

— Редчайший случай в моей практике. Виомфант Дани-

ил солгал, что отпустил тебя прежним! Эти автоматы имеют не только интеллект, но и эмоциональную сферу, так что от людей их отличают только способы размножения и существования. Не знаю, чем ты ему так понравился, что он смог солгать! Специалисты еще не разобрались.

Иван тихо присвистнул.

— Не ожидал!

— Мы, к сожалению, тоже. Но виноват во всем я, что не проконтролировал возвращения и не начал искать тебя в тот же день.

— И вы появились, чтобы исправить ошибку? — Иван развел руками и улыбнулся. — Я готов. Попытка к бегству не удалась, и к лучшему. Я ведь хотел уехать отсюда и жить полным сил. Но едва ли я смог бы прожить таким образом долго.

— Я знаю. — Выражение глаз Устюжина не изменилось. — Все гораздо сложнее. Мою ошибку исправить труднее, чем твою. После того, что произошло, у нас с тобой есть три варианта: в порядке исключения, потому что вина лежит на всех нас и больше всего на мне, Совет разрешил тебе самому выбирать свою судьбу. Это первый прецедент подобного рода, который послужит нам уроком. Что касается меня, то я отстранен от работы наблюдателя и буду скоро отправлен в другое время и на другую работу. Итак, вариант первый: игрок сборной Земли трехтысячного года... к сожалению, без права возвращения в свой век. Сейчас ты поймешь, почему. Второй: наблюдатель хомоаномалий Земли всех времен, и тоже без права возвращения домой. — Устюжин поднял измученные внутренней болью глаза. — И третий... оставить все, как есть.

Иван удивился:

— Не понял! Жить здесь таким?!

— Не жить, Иван Михайлович. Жить тебе осталось всего полчаса. Сейчас ты увидишь падающую железобетонную плиту и прыгнешь в последний раз в жизни, использовав все навыки волейболиста, ей навстречу, чтобы сбить с траектории и спасти тех, кто идет внизу, ни о чем не подозревая.

Молчание повисло внутри пространственного кокона, тяжелое и холодное, как ржавая болотная вода. Двое молча смотрели друг на друга и решали одну и ту же задачу, каждый по-своему, поставленные волей жестоких обстоятельств в абсолютно неравные условия, перед нравственным выбором одного. Потом Иван спросил пересохшими губами:

— Вот, значит, как... и выхода... нет?

Устюжин понял:

— Нет. История должна подчиниться закону детерминизма, как и пространство-время. Мы не можем произвольно изменять историю, а падающая плита — это не безобидное явление, это исторический факт, повлекший тяжелые последствия. Остановим мы плиту — и мир будущего изменится, потому что изменится реальность биографических линий большого количества людей. Начни мы исправлять прошлое — и будущего бы не было. Конечно, в мире за время существования человечества свершилось много жестоких событий: войны, стихийные бедствия, катаклизмы, и многое можно было бы повернуть не так, но потомки — ветви, а мы — их корни. Они станут такими, какими ты их видел, если и мы останемся теми же, с грузом наших ошибок, и сомнений, и лучших моральных качеств. Итак, что ты выбрал?

— Что тут выбирать, — пробормотал Иван. — Выходит, из-за меня вы идете на нарушение закона? Конечно, играть в сборной Земли и жить там... разве я заслужил? Но объясните, что это за работа — наблюдатель хомоаномалий.

— Все просто. Спустя полтысячи лет после твоего рождения на Земле возникнет служба, назовем ее «Хомо супер», которая начнет искать аномалии талантов людей во всех веках, чтобы генофонд человечества, фонд гениев и творцов «работал» в полную силу, с отдачей своего потенциала человечеству. Я работаю здесь, в Рязани двадцатого века, другие наблюдатели сидят в других временах, такие же люди, как и все. Я не «пришелец из будущего», а такой же рязанец, как и ты, мне просто повезло, что я работаю в свое, родное время.

— Поиск гениев? — переспросил Иван, оглушенный открытием. — Я-то здесь при чем?

— Хочешь, чтобы это сказал я? Гениев, кстати, обогнавших свое время, не так уж и мало, просто мы знаем далеко не всех. Реализуют свои возможности лишь яркие индивидуальности или те, кому помогли фортуна, случай, обстоятельства, условия. Самые громкие примеры ты, наверное, знаешь: индеец майя Кецалькоатль — Пернатый Змей, Джордано Бруно, Леонардо да Винчи, Эйнштейн.

Иван скептически усмехнулся:

— Неужели и я в этой шеренге?

Устюжин не улыбнулся в ответ:

— Напрасно иронизируешь, ты тоже гений — гений спорта, гений волейбола, если хочешь, очень редкое явление. Среди сфер искусства, культуры, политики, науки и техники сфера спорта — самая не насыщенная гениями. Талантливых спортсменов немало, гениев — единицы. Бегун Владимир Куц, хоккеист Валерий Харламов, прыгун Боб Бимон, футболист Пеле, борец Иван Поддубный. Список можно продолжить, но он мал. Ты выбираешь профессию наблюдателя?

Иван качнул головой, закрыв глаза и снова вспоминая свою последнюю игру в волейбол трехтысячного года.

— А что будет, если я... не прыгну?

Устюжин отвел глаза:

— Будут... жертвы. Но ведь ты мог и не зайти сюда, мог просто ускорить шаг и пройти мимо. Так что выбор твой оправдан.

«Вы это искренне говорите?» — хотел спросить Иван, но передумал, он и так понял тренера.

— Ясно. Однако, чтобы стать наблюдателем хомоаномалий, нужно иметь призвание. К тому же профессия наблюдателя требует таких качеств, как терпение и умение оценить человека с первого взгляда. И главное: у долга и совести альтернативы нет, не может быть. Я струсил, это правда, но уйти сейчас в будущее, зная результат такого бегства... это... предательство!

Устюжин отвернулся, помолчал и сказал глухо:

— Я не ошибся в тебе, брат. Прости за вмешательство в твою судьбу. Прощай.

— Прощайте. — Иван задержал руку тренера в своей. — Не поминайте лихом. Еще один вопрос, он почему-то мучает меня: как будут играть в волейбол еще через тысячу лет после тех Игр? Ведь волейбол в трехтысячном — не предел.

— Не предел, — согласился Устюжин. — Например, в четырехтысячном году произойдет слияние многих игровых видов спорта с искусством, игры будут напоминать красочные представления-турниры со множеством действующих лиц... а волейбол станет хроноконформным: во время игры будет трансформироваться не только мяч, но и пространственный объем игры, и время, и сами игроки.

Иван вскинул заблестевшие глаза:

— Хотел бы я поиграть в такой волейбол...

ПРИГОВОРЕННЫЕ К СВЕТУ

На этого молодого человека в безукоризненном темно-синем костюме обратили внимание многие посетители ресторана «Терпсихора», принадлежащего известному в прошлом певцу Алексею Мариничу. Ресторан открылся недавно, однако быстро снискдал славу одного из самых модных мест тусовок московской богемы.

Молодой человек пришел один, в половине восьмого, когда завсегдатаи ресторана еще только начинали подтягиваться к началу ежевечерней программы: здесь часто выступали известные певцы, актеры и танцевальные группы, а иногда пел и сам хозяин, не утративший голоса и артистического обаяния. Обычно это случалось по просьбам присутствующих в конце недели, когда Маринич отдыхал в кругу близких друзей. Нынешним вечером он также собирался расслабиться в своем ресторане и спеть несколько песен в стиле ретро, что особенно ценилось женской половиной посетителей.

Юноша в синем костюме занял столик в хрустальном гроте, поближе к оркестровой раковине, где любил сидеть хозяин ресторана, заказал минеральную воду и стал ждать,

разглядывая постепенно заполняющую зал публику. Он был довольно симпатичен, высок, много курил и явно нервничал, то и дело бросая взгляд на часы. К десяти вечера его нетерпение достигло апогея, хотя глаза оставались темными, полусонными, если не сказать — мертвыми, но волнение выдавали руки, ни на секунду не остающиеся в покое. Молодой человек барабанил пальцами по столу, перекладывал из кармана в карман зажигалку, расческу, бумажник, платок, разглаживал скатерть на столе, поправлял галстук, стряхивал с костюма несуществующие пылинки, пил воду и в конце концов обратил на себя внимание официанта.

— Что-нибудь не так? — подошел к нему метрдотель. — Вы кого-то ждете, молодой человек.

Гость посмотрел на часы, сказал отрывисто:

— Еще бутылку воды, пожалуйста. Скажите, а Алексей Артурович скоро начнет выступление?

Метрдотель покачал головой.

— Сегодня он, к сожалению, выступать не будет, плохо себя чувствует. Так вы его ждете?

— Н-нет, — глухо ответил молодой человек, стекленея глазами. — Где его... можно найти? Мне с ним надо... поговорить...

— Что с вами? — обеспокоился пожилой метрдотель. — Вы побледнели. Вам плохо? Может быть, вызвать врача?

— Мне надо... встретиться с Алексеем Артуровичем Мариничем... немедленно...

— Ничем не могу помочь. — Метрдотель пошевелил пальцем, подзывая секьюрити ресторана. — Посодействуйте молодому человеку дойти до машины.

— Вы меня обманываете. Алексей Артурович должен сегодня... быть здесь... меня предупредили...

— Он заболел, — терпеливо сказал метрдотель, хмуриясь. — Кто вас предупредил, что он должен выступать?

— Он всегда... в десять часов...

Метрдотель кивнул, отходя от столика.

Двое плотных парней в черных костюмах и бабочках подхватили юношу под руки и повели из зала, но не на улицу, а через служебный коридор на второй этаж здания, где у Маринича был кабинет и где располагались хозяйствственные

службы ресторана. В комнате охраны парни усадили молодого человека, порывающегося сопротивляться, на стул, и начальник охраны подошел к нему вплотную.

- Обыскивали?
- Так точно, Сергей Петрович, чист. Даже ножа нет.
- Зачем ты хочешь встретиться с Мариничем?
- Мне надо... это очень важно... его хотят...
- Ну?
- Его хотят... убить!
- Кто?
- Это я скажу ему... лично...
- Говори здесь, мы передадим.

Настенные часы в комнате тихо зазвонили, стрелки показали десять часов. В то же мгновение молодой человек вскочил, ударом ноги свалил начальника охраны, парня слева просто отшвырнулся на пульт монитора телеконтроля, обнаружив недюжинную силу, сбил с ног второго охранника и выбежал в коридор. Секьюрити подхватились, бросились за ним, и тотчас же раздался взрыв.

Начальник охраны, встававший на четвереньки, успел заметить в открытую дверь, как тело беглеца вспыхнуло фиолетово-сиреневым светом и разлетелось струями огня во все стороны. Ударная волна разрушила половину коридора, часть помещений по обе его стороны, комнату охраны и снесла дверь в кабинет хозяина ресторана, но Маринич не пострадал. Он действительно чувствовал себя неважко и спускаться в зал не хотел, просто намеревался посидеть в кабинете с друзьями и предложить им, как он любил говорить, «продукты от кутюр».

Взрыв был такой силы, что вздрогнуло и зашаталось все старое семиэтажное здание сталинской постройки. К счастью, стены его были толстыми и крепкими, пострадал лишь второй этаж да рухнула часть потолочного перекрытия третьего этажа. Из четырех охранников, дежуривших в тот злополучный вечер в спецкомнате контроля, уцелели двое, в том числе начальник службы секьюрити, который и рассказал прибывшим спецподразделениям о взорвавшем себя самоубийце, от которого остались лишь штиблеты, пуговицы да ключья костюма.

Слежку за собой Николай Александрович Зимятов, генерал-майор милиции, заместитель начальника ГУВД Москвы, заметил на другой день после взрыва в ресторане «Терпсихора». С его хозяином он был знаком давно, лет пятнадцать, они дружили семьями, ходили друг к другу в гости, встречались часто, а после того как Леша Маринич стал бизнесменом и приобрел ресторан, эти встречи и вовсе приобрели характер потребности, благо в ресторане встречаться было и удобно, и приятно.

В тот вечер Николай Александрович приехать к бывшему певцу на посиделки не смог, был с женой на даче, но утром, узнав о случившемся, примчался в Страстной переулок, где располагался ресторан, и застал Маринича в подавленном состоянии, уныло взиравшим на разруху в коридорах и залах своего детища, в которое вложил немалые средства.

После разговора с Алексеем Николай Александрович понял, что взрыв — не просто дело рук одной из преступных группировок, контролирующих ресторанный бизнес, а нечто другое. Маринич с мафией дела не имел, денег на ресторан ни у кого не одолживал — взял ссуду в банке, должен никому не был и собирался зарабатывать на жизнь честным путем, поэтому и ответил отказом представителям «частной охранной фирмы», предложившим «крышу». За немалые деньги, разумеется. Судя по взрыву, «охранникам» не понравилась самостоятельность новоиспеченного владельца ресторана, не повлияла на их решение и близость Маринича с генерал-майором милиции, и принадлежность публики ресторана к артистически-богемной среде, в которую входили известные артисты, певцы и музыканты. Взрыв показал, что Маринича хотели не приугнить, а убрать, и решимость бандитов заставляла искать причины их такой уверенности и думать о наличии прикрытия группировки: эти люди (если можно было называть их людьми) никого не боялись.

И еще один нюанс смущал Николая Александровича: характер взрыва. Если верить словам начальника охраны ресторана, исполнитель не имел при себе взрывного уст-

ройства и тем не менее взорвался! Но даже если допустить, что его просто неумело обыскали, объяснить п о л н о е исчезновение исполнителя никаким взрывчатым веществом было невозможно. От исполнителя не осталось буквально ничего! Только ботинки, пуговицы и ключья костюма!

Поговорив с удрученным Мариничем, Николай Александрович пообещал разобраться с происшествием по своим каналам, позвонил в управление и вызвал эксперта, хотя в здании уже работала следственная группа МВД. Но у генерала были свои резоны. От взрыва за версту несло специфической э к с п е р и м е н т а, списать его на мафиозную разборку интуиция не позволяла. Прямо из кабинета Маринича Николай Александрович соединился с ФСБ, позвал к телефону давнего приятеля полковника Щербатова и поделился своими соображениями по поводу происшествия в ресторане. После этого он попытался успокоить Маринича, а когда вышел на Сретенку, почти сразу же заметил слежку.

Вели его классно, методом «терпеливой очереди», с применением постоянной радиосвязи, однако Николай Александрович работал в милиции тридцать с лишним лет и опыт оперативной работы имел достаточный, чтобы знать все секреты службы наружного наблюдения.

Его продолжали «пасти» и дальше, несмотря на то, что ездил Николай Александрович на служебной «Волге» и мог привлечь к опознанию наблюдателей оперативную службу спецназовской «наружки». До вечера он дважды выезжал по делам в разные концы города и каждый раз обнаруживал слежку, хотя машины сопровождали его «Волгу» разные. В конце концов он не вытерпел и взял с собой на встречу с приятелем-чекистом машину оперативной поддержки, собираясь передать неизвестных наблюдателей в руки профессионалов. Однако с удивлением обнаружил, что никто за ним на этот раз не едет. Наблюдатели словно знали, когда можно «пасти» генерала, а когда нет, словно их заранее предупредили о принятых мерах.

Встречу ему полковник Щербатов назначил в кафе «Тихий омут» на Бережковской набережной, представлявшем собой нечто вроде катрана — места встреч высокопостав-

ленных сотрудников спецслужб. Кафе принадлежало военной контрразведке и обслуживалось по высшему разряду, здесь можно было поговорить о делах и приятно провести время, поэтому оно никогда не пустовало.

Николай Александрович прогулялся вдоль узорчатой чугунной решетки парапета набережной, поглядывая на заходящее за рекой солнце, выслушал доклад старшего группы сопровождения, что все чисто и спокойно, признаков «чужого внимания» не наблюдается, и отпустил машину. Затем увидел выходящего из такой же черной «Волги» на стоянке возле кафе полковника Щербатова с двумя телохранителями и направился через дорогу к нему. Дальнейшие события произошли в течение нескольких секунд.

Вышедший в это время из кафе пожилой мужчина в хорошем светлом костюме достал сигарету, двинулся через дорогу к набережной и, встретившись на полу пути с Николаем Александровичем, попросил огоньку. Машин по данному участку набережной ходило мало, но все же прикуривать посреди улицы было бы по крайней мере неосторожно, и генерал, задержавшись на мгновение, зашагал через дорогу дальше, не собираясь забирать зажигалку, и в тот же момент человек, попросивший огоньку, взорвался!

Взрыв был такой силы, что тело Николая Александровича взрывная волна отшвырнула на три десятка метров, вплюшив в стену кафе. Чугунный парапет снесло в реку, две близстоящие машины перевернуло, а во всех домах, окружающих кафе, выбило стекла.

Генерал скончался, не приходя в сознание, на руках у полковника Щербатова, тоже изрядно помятого и поцарапанного. От самоубийцы, взорвавшего себя на глазах двух десятков свидетелей, не осталось ничего.

Очередная бутылка из-под пива со звоном грохнулась на крышу подъезда, и Потапов наконец осерчал настолько, что решил тут же разобраться с любителями выпивать и выбрасывать бутылки из окна вниз ради забавы.

В этот шестнадцатиэтажный дом на улице Рогова он переехал недавно, полгода назад, когда умер отец, доктор хи-

мических наук, бывший завлаб Курчатовского института, и квартира досталась Потапову в наследство. С отцом он особенно дружен не был, заезжал изредка, раз в два месяца, да встречался с ним иногда на его же даче в Горках, но мама такие встречи не одобряла, и Потапов сократил встречи с отцом до минимума, о чем сейчас жалел. Отец, по сути, был добрым человеком, а с матерью не ужился по причине увлеченности работой, отдавая ей (работе) все свободное время. Маме же хотелось, чтобы известный ученый-химик хотя бы изредка переставал быть исследовательской машиной и обращал бы на нее внимание чаще, чем два раза в год — в день рождения и на Восьмое марта. Прожив с мужем двенадцать лет, она ушла от него и забрала сына, и Потапов вырос в Бибireве, в однокомнатной квартирке на улице Плещеева. Он не удивился, когда после похорон отца их с мамой нашел судебный исполнитель и прочитал завещание Потапова-старшего о передаче трехкомнатной квартиры в Щукино в собственность сыну. Вскоре Потапов переехал на новое место жительства, разобрал старье, которым была под завязку забита квартира отца, починил старую, но добротную, времен русского ренессанса, мебель, переставил все по-своему и впервые в жизни почувствовал себя человеком, не зависящим от квартирных условий.

Но недолго.

Сначала по вечерам в квартире над ним стали собираться молодые люди в возрасте от девятнадцати до двадцати двух лет, включая на полную мощь аудиоаппаратуру и не давая Потапову, да и соседям, естественно, отдохнуть после трудового дня и спокойно спать. Длилось это безобразие с месяц, Потапов терпел, он и сам любил посидеть в компании друзей, хотя не так громко и скандально, потом в очередной загул компании в два часа ночи поднялся на третий этаж (сам он жил на втором) и мирно попытался объяснить молодым людям, что ведут они себя неправильно. Его слушать, разумеется, не стали, пообещали «набить морду», если он еще раз «посягнет на священное право человека отдохнуть, как ему хочется», — парни, судя по всему, были начитанными, хотя и предельно инфантильными, — и Потапов

рассвирепел. Драться, правда, с ними он не стал, хотя мог бы уложить всю компанию в течение нескольких секунд, а просто позвонил дежурному в управление, обрисовал ситуацию, и через полчаса к дому подкатил джип отдела с рядом оперативников. Ребята были в черных спецкомбинезонах, с масками на головах, увешаны оружием, и глядеть на них было приятно. Еще через несколько минут компания веселящихся «хозяев жизни» — пятеро парней и две девушки — сидела в машине и икала от страха, не понимая, что происходит, а Потапов пошел спать. Потом ему рассказали, что девушек высадили возле отделения милиции, а парней отвезли за город и оставили в лесу, пригрозив в следующий раз всех «утопить в реке». С тех пор пьяники по ночам в квартире этажом выше прекратились. Зато кто-то начал регулярно сбрасывать на крышу подъезда пустые бутылки, банки, пластиковые пакеты и объедки, что в конце концов довело Потапова до белого каления, так как два окна квартиры выходили аккурат на крышу подъезда, и осколки бутылок изредка залетали на кухню в открытое окно. Вдобавок ко всему мусор вонял, и запахи летом бродили по квартире еще те.

Вскоре он выяснил, что бросали бутылки с двенадцатого этажа снявшие там квартиру не то армяне, не то азербайджанцы. Связываться с ними не хотелось, но поскольку вызванный участковый сделать ничего не смог под предлогом: не пойман — не вор, Потапов решил действовать сам, и как только тихим майским вечером раздался звон, поднялся на двенадцатый этаж.

Мише Потапову исполнилось недавно двадцать девять лет. Работал он в оперативном управлении антитеррора Федеральной службы безопасности под командованием полковника Щербатова. Служил в армии в десантных войсках, закончил юрфак МГУ, с малых лет занимался рукопашным боем, много читал, увлекся эзотерикой и даже женился — в двадцать один год, но прожил с молодой женой всего четыре месяца, после чего она погибла — утонула при невыясненных обстоятельствах в Киргизии, на озере Иссык-Куль, куда поехала отдыхать с подругой. Потапов тогда поехать с

ней не мог из-за экзаменов, он сдавал летнюю сессию. С тех пор жил один, лишь изредка позволяя себе короткие знакомства и расставания без сожалений. Второй такой женщины, как Даша, он пока не встретил.

Нажимая кнопку звонка, Потапов вспомнил приговорку отца, которую тот любил повторять: одинаково опасно и безумному вручать меч, и бесчестному власть¹, — подумал, что пapa, безусловно, смотрел в корень, но меч все же надо хотя бы изредка вынимать из ножен, чтобы лечить кое-какие социальные болезни, требующие хирургического вмешательства, и сказал в приоткрывшуюся дверь, в щель которой выглянуло мрачное смуглое усатое лицо «кавказской национальности»:

— Будьте так любезны, позовите хозяина.
— Я хазаин, — с акцентом ответило лицо.
— В таком случае прошу вас или ваших гостей больше бутылки вниз не бросать. Во избежание неприятностей.
— А ты кто? — поинтересовалось лицо, даже не озабочившись опровержением сказанного.
— Я живу на втором этаже, и мне очень не хочется, чтобы крыша подъезда превращалась в мусорку.

— Тогда иди к сэбэ, — буркнуло лицо, закрывая дверь, но Потапов сунул в щель носок туфли и постарался приятно улыбнуться.

— Не доходит? Или ваш ответ следует считать обещанием жить как люди, а не как свиньи?

Усатый посмотрел на ногу Потапова, позвал кого-то, дверь распахнулась шире, и на пороге вырос еще один абorigen, в спортивном трико, но уже не кавказской, а вполне славянской организации, которую обычно называют одним словом: бугай.

— Тебе чего, мужик?

Потапов снова попытался объяснить ситуацию, прислушиваясь к доносившимся из квартиры голосам: судя по всему, здесь обитала целая компания людей определенного

¹Пифагор.

склада, — но достучаться до сознания бугая не смог, для этого, очевидно, нужна была кувалда.

— Хошь жить — мотай отседа, и шоб боле не видал, — косноязычно сказал бугай с украинским акцентом. — Не покушайся. Хочем — бросаем, не хочем — не бросаем. Понял? — Он сделал ударение на последнем слоге. — Хошь, иди в милицию, тока потом не жалуйся.

— А без милиции никак нельзя обойтись? — скучным голосом проговорил Потапов, начиная тихо сатанеть. — Есть правила человеческого общежития, их надо соблюдать, вы не в пустыне и не в горах Кавказа живете, кругом люди, и надо к ним относиться по...

— Пашел ты на..., законник! — махнул рукой бугай... и, охнув, согнулся пополам, держась руками за живот.

Потапов толкнул его в лоб, бугай осел громадным задом на разбросанную по всей прихожей обувь. Смуглолицый сожитель бугая резво отскочил назад, заорал, вынимая из штанов складной нож:

— Степан, Гейдар, сюда!

В прихожую выскочили в одних трусах и майках еще двое мужиков, молодой и постарше, один русый, другой черноволосый, но оба с заросшими щетиной лицами и потому похожие друг на друга как братья.

— Стоп, мужики! — поднял руки перед собой Потапов. — Я не драться пришел, а ради справедливости. Вы не у себя дома, насколько я знаю, и шум вам ни к чему. Пообещайте жить тихо, как и все, не гадить в подъезде и на лестничной площадке, не кидать вниз бутылки и прочий мусор, и я мирно уйду.

— Мы сейчас тэбэ морду набием, — пообещал усатый, с беспокойством поглядывая на бугая, который все еще не мог отышаться. — Или зарэжэм.

— Это, конечно, печальный вариант, но, боюсь, неосуществимый. Я законопослушный гражданин, а вы тут, судя по запаху, квартиранты. Стоит мне позвонить куда следует, и через два часа вас здесь не будет. Ну так как, граждане хорошие, устраивает вас такой расклад?

Мужики переглянулись, явно не зная, что делать дальше. Видимо, главарем у них был млеющий на полу бугай.

— Хорошо, — мрачно сказал усатый, — иды к сэбэ, мы нэ будэм.

Потапов усмехнулся, оценив детский лепет кавказца.

— Спасибо на добром слове, орлы. Будьте здоровы. Надеюсь, мы больше не встретимся.

Он повернулся, чтобы спуститься к себе на второй этаж, и в это время бугай с криком: убью, курва! — бросился на него.

Потапов, не оборачиваясь, выставил назад локоть, дождался вопля: здоровяк нарывался на выпад, — крутанулся вокруг оси и ребром ладони нашел толстую шею противника, так что тот отлетел назад в прихожую, упал и успокоился.

— Извините, я нечаянно, — сказал Потапов хладнокровно, кинув взгляд на остальных членов компании. — Руки иногда, знаете ли, чешутся, вот и приходится их... чесать.

Притихшая компания молча смотрела то на своего командира, то на Потапова, почувствовав его уверенность и силу.

Дома Михаила ждал сюрприз: звонок шефа.

Через полчаса он был в управлении, где уже собирались следопыты и охотники группы антитеррора «Антей», и полковник Щербатов хмуро сообщил всем о возникшей проблеме, связанной со взрывом в ресторане «Терпсихора» и убийством генерал-майора милиции Зимятова.

Проблема оказалась сложней, чем полагало руководство управления. За три дня расследования не удалось выйти ни на исполнителей терактов, ни тем более на заказчиков. Мало того, в связи с тем, что на местах взрывов не нашлось ни малейших следов взрывчатки, проблема неожиданно свинулась в другую область — научно-техническую, и ею занялись научные консультанты и эксперты управления, усмотревшие во взрывах в ресторане «Терпсихора» и возле кафе «Тихий омут» физические процессы с «нелинейными характеристиками».

Во вторник Потапов, назначенный командиром опера-

тивно-разыскной группы, встретился с руководителем экспертной бригады, доктором физико-математических наук, полковником Трубецким в его кабинете, и тот поделился с ним своими соображениями.

— Взрывы подобного рода можно отнести к так называемым реакциям фотонного самораспада. Мы и раньше сталкивались со случаями самовозгорания людей, по разным причинам превращавшихся в объекты с нестабильной энергетикой из-за потери биоэнергии и электромагнитных излучений, но в тех случаях люди просто сгорали дотла, реакция протекала быстро, но не как цепная, со взрывом. Нынешние случаи — это уже новый тип подобных реакций. Кто-то научился инициировать биоэнергетические вспышки и использовать людей в качестве живых мин.

— Кто, по-вашему, это мог сделать?

Трубецкой, маленький, седой, подвижный, вечно занятый какими-то вычислениями, снял очки и близоруко посмотрел на собеседника.

— Если бы я знал, давно сообщил бы. Знаю только, что наши лаборатории такими вещами не занимаются, другого хватает. Но эган — очень интересная проблема, у меня у самого руки зачесались, я когда-то пытался делать расчеты энергопотоков с вакуумным возбуждением.

— Что такое эган?

— Эгоаннигиляция, сокращенно — эган. Обычно этим термином пользуются психологи, но к нашим случаям он тоже подходит.

— Значит, вы считаете, какая-то криминальная структура научилась использовать людей в качестве аннигилирующих взрывных устройств?

— Не обязательно криминальная, но очень мощная, имеющая соответствующую научно-техническую базу.

— Оборонка? А не может быть другого решения? Скажем, новый тип взрывчатки, не оставляющей следов...

— Молодой человек, — Трубецкой протер и водрузил очки на нос, — никакой тип взрывчатки принципиально не может уничтожить объект таким образом, что от него не остается ничего! Даже пыли! Люди исчезли, понимаете? Испа-

рились, аннигилировали. И в связи с этим возникает еще одна интересная сопутствующая загадка — проблема зомбирования. В обоих случаях люди были запрограммированы на самоуничтожение. Господину Мариничу повезло, что он остался жив. Видимо, тот, кто посыпал к нему смертника-камикадзе, был на сто процентов уверен, что Маринич будет в тот вечер выступать. Ищите наводчика или же самого заказчика среди друзей певца.

— Спасибо за совет, Вадим Сергеевич, — поблагодарил эксперта Потапов. — Наверное, вы правы. Но меня смущает еще одно обстоятельство: демонстративность терактов. Организатор не побоялся раскрыть свои карты, наоборот, как бы заявил о себе:смотрите, чем я владею! Почему? Зачем ему огласка?

— Не имею понятия, — покачал головой Трубецкой. — Может быть, он собирается шантажировать силовые структуры, или правительство, или еще кого-нибудь. Но уверяю вас, так государственные конторы не поступают, они экспериментируют тихо, тайно и свидетелей не оставляют.

— Это я знаю, — задумчиво кивнул Потапов.

До конца дня удалось выйти на след частной охранной фирмы «Аргус», представители которой приходили к Мариничу перед появлением «живой мины», Потапов наметил план действий, доложил Щербатову о проделанной работе и вечером отправился в ресторан «Терпсихора», чтобы поговорить с владельцем о его связях с генералом Зимятовым, а также о друзьях и приятелях певца. Версия Трубецкого о том, что заказчик или в крайнем случае наводчик террористов находится среди них, имела право на разработку.

Ресторан уже работал по полной программе. Оба его зала, хрустальный и бархатный, к десяти часам вечера были заполнены почти до отказа, и Потапову пришлось ждать, пока ему найдут место за столиком в хрустальном зале, за тонкой стеклянной колонной, изображавшей пальму. Здесь уже сидел какой-то небрежно одетый в фиолетовый, в полоску, немодный костюм, зеленую рубашку с расстегнутым воротом, съехавший набок бордовый галстук времен Брежнева седой старик и цедил пиво. На приветствие Потапова

он не ответил, только посмотрел вскользь и отвернулся. Потапов проследил за его взглядом и увидел за столиком у стены пару: молодого человека боксерского вида с неприятным лицом рэкетира и бандита и красивую девушку-брюнетку, слушавшую своего соседа со сдвинутыми бровями и пылающим лицом. Короткое черное платье приподнялось и очень сильно открыло ее красивые стройные ноги, но девушка ничего не замечала, видимо, занятая ссорой, и все время порывалась уйти, но собеседник останавливал ее и продолжал что-то доказывать.

Посидев с полчаса, но так и не дождавшись развязки этой беседы, Потапов поднялся на второй этаж здания, коридор которого был уже отремонтирован, показал охраннику удостоверение и вошел в кабинет хозяина ресторана.

Беседа с Мариничем не заняла много времени. Приятелей у бывшего певца было невероятное количество, особенно в артистической среде и шоу-бизнесе, а вот друзьями он считал немногих. Потапов записал разговор на пленку, втайне от собеседника, разумеется, отметил три фамилии, за которые зацепилось внимание, и рас прощался с Мариничем, все еще чувствующим себя не в своей тарелке. Пройдя через зал, он отметил отсутствие красивой незнакомки и ее неприятного кавалера, посочувствовал старикану в фиолетовом костюме, на которого она произвела, судя по всему, неизгладимое впечатление, и вышел на улицу. А сядясь в свою машину, заметил не совсем обычную сцену, в которой участвовала та самая брюнетка из ресторана в коротком черном платье.

Очевидно, это был уже финал ссоры, начавшейся в зале ресторана. Девушка сбросила с плеча руку молодого человека с повадками и внешностью гангстера, быстро пошла со стоянки на улицу, но тот догнал ее, схватил за руку, дернул к себе. Девушка снова вырвала руку, но парень вцепился в нее, заломил ей руку за спину так, что она вскрикнула, потащил к белому «Мерседесу», где сидели еще двое молодых людей. Дверца открылась, парень начал заталкивать девушку в кабину, она снова вскрикнула, отбиваясь, и Потапов решил вмешаться.

Подойдя к молодому человеку сзади, он тронул его за шею особым образом, и у того сразу онемела рука, выкручающая локоть подруги. Девушка вырвалась, отскочила, но ее перехватил вылезший из «Мерседеса» кругоплечий отрок с короткой стрижкой, точнее, почти наголо обритый, с небольшим чубчиком над узким и невысоким лбом. Парень, заталкивающий девушку в машину, оглянулся, глаза у него были светлые, бешеные, с еле заметными точками зрачков. Такие глаза обычно бывают у наркоманов, принявших дозу.

— Тебе чего, козел?

Потапов глянул на девушку.

— Извините, что вмешиваюсь, но они ведут себя не очень прилично. Если хотите, я отвезу вас домой.

Девушка, закусив пунцовую губу, кивнула. С румянцем на щеках, с большими чуть раскосыми глазами, в которых стояли слезы, она была необычайно хороша, и Потапов даже позавидовал тем, кто с ней был знаком.

— Вали отсюда, козел, пока жив! — опомнился «гангстер», сунул левую руку под полу пиджака, и Потапов ткнул его большим пальцем в шею, не желая начинать «показательные выступления по рукопашному бою». Затем, не останавливаясь, ударил ногой по дверце «Мерседеса», отбрасывая на сиденье начавшего вылезать водителя, хлопнул по ушам спортсмена с чубчиком, нанес ему мгновенный, незаметный со стороны удар сгибом указательного пальца в ямку за ухом — так называемый кокэн, и поддержал девушку под локоть.

— Пойдемте, вон моя машина стоит.

Девушка расширенными глазами глянула на своих приятелей, один из которых сполз на асфальт, держась за уши, а второй уже сидел у машины спиной к колесу, перевела взгляд на Потапова и, вырвав руку, торопливо пошла прочь.

Михаил пожал плечами, уже жалея, что ввязался в эту историю, побрел к своему «Лексусу», глядя на исчезающую за углом стройную фигурку, оглянулся, услышав щелчок дверцы: это вылез шофер «Мерседеса», такой же накачанный, как и его друзья, с цепью на шее и массивными перстнями на пальцах обеих рук.

— Эй ты, придурок! — прошипел он, держа руку под мышкой, где у него, судя по всему, был спрятан в кобуре пистолет. — Ты на кого наехал? Мы же тебя в грязь превратим, смерть легкой покажется...

Легкая смерть — это еще одна маленькая радость жизни, вспомнил Потапов чей-то афоризм, молча метнул в парня расческу и, пока тот уклонялся и вынимал оружие, в прыжке достал его ногой. Водитель перелетел через капот «Мерседеса», роняя пистолет, исчез в кустах под решеткой забора. Потапов сел в машину и выехал со стоянки рядом с рестораном. Он не заметил, что, кроме прохожих, свидетелей короткой потасовки, его проводила пара внимательных глаз, принадлежавших старику в фиолетовом костюме и зеленой рубашке, с бордовым галстуком, повязанным нарочито небрежно и сдвинутым набок.

Девушку в черном платье, которую Михаил освободил от компании крутых парней, Потапов увидел стоящей на следующем перекрестке. Подъехал, открыл дверцу:

— Боюсь показаться назойливым, но вам все-таки стоит побыстрей уехать отсюда, ваши знакомые сейчас очухаются. Садитесь и не бойтесь, я не из их компаний.

Девушка оглянулась, прикусила губу, затем тряхнула головой и села в кабину «Лексуса» рядом с Михаилом.

— Улица Рогова, если можно. Знаете, где это? Район Щукино.

Потапов невольно присвистнул.

— В чем дело? — повернула она к нему красивую головку с короткой, но очень оригинальной прической.

— Мы с вами соседи, я тоже обитаю на Рогова.

Девушка пожала плечами, забилась в уголок сиденья и притихла, глядя перед собой остановившимися глазами. Она все еще переживала свой конфликт с молодыми людьми, показавшими себя далеко не с лучшей стороны.

— Как вас зовут?

— Дарья, — безучастно ответила она.

— А меня Михаил. — Потапов внутренне поежился. Дарьей когда-то звали его жену. Желание разговорить спутницу, как-то утешить прошло. Но все же он не мог не пред-

ложить свои услуги в качестве телохранителя, чтобы не показаться невежливым. — Чего они от вас хотели? Я заметил вас еще в ресторане, вы сидели неподалеку...

— Это личное, — тем же тоном отозвалась Дарья.

— Может быть, нужна помощь? Я бы мог поговорить с ними...

— Спасибо, не стоит. — Девушка очнулась, в глазах ее зажглись иронические огоньки. — Вы очень любезны. Высадите меня здесь, пожалуйста.

— Но мы еще не доехали.

— Я выйду.

Потапов остановил машину на площади Курчатова, девушка открыла дверцу и выскользнула из кабины.

— Возьмите мой телефон на всякий случай, — протянул он ей клочок бумаги с номером. — Может быть, пригодится.

Дарья молча захлопнула дверцу, двинулась прочь по тротуару, но потом вдруг вернулась и взяла записку.

— Извините, вы ни в чем не виноваты. Я позвоню... если понадобится ваша помощь.

Повернувшись, она быстро пошла по направлению к метро. Потапов, обрадованный таким поворотом событий, проводил ее взглядом и тронул «Лексус» с места. Через пять минут он был дома. Размышая о превратностях судьбы, о своих отношениях со слабым полом, о невезении вообще и о случайных знакомствах в частности, принял душ, заварил чай и уселся в гостиной перед телевизором, но покайфовать не успел: раздался телефонный звонок.

Звонил Боря Липягин, старлей, старший розыскник команды.

— Мы тут потянули ниточку, Петрович. Охранная фирма «Аргус» связана с какой-то крутой конторой под вывеской «Агропромышленная компания «Восток», расположенной на территории Тимирязевской сельхозакадемии. Мы пробовали подойти поближе, но не смогли: серьезная охрана, фейс-контроль, телекамеры, собаки. Однако самое интересное, что компания с таким названием нигде не зарегистрирована.

— Действительно, интересный факт, — согласился Потапов. — Не светитесь там, спугнуть можете, если это те, кто нам нужен. Я покопаюсь в комп-сетях, может, отыщу что, тогда и возьмемся за «Восток».

— Я сам могу погулять по серверам силовиков.

— Добро, начинай, утром поговорим.

Липягин повесил трубку.

Потапов снова уселся перед телевизором, вспоминая облик новой знакомой по имени Дарья, пожалел, что не взял номер ее телефона, попытался представить причину ее конфликта с коротко стриженными мордоворотами, похожими не то на ракетиры, не то на телохранителей какого-то крутого «нового русского», и в это время снова зазвонил телефон.

— Быстро на Пятницкую, дом десять, квартира двадцать два, майор! — прогундосил в трубке голос Щербатова. — Одна нога здесь, другая там.

— Что случилось? — подобрался Михаил.

— Только что в отделение милиции позвонил депутат Госдумы Ноздренко, утверждает, что два дня назад его захватили какие-то люди, продержали в подвале, потом пропустили через какую-то установку наподобие рентгеновской, отчего ночью у него стали светиться ногти, затем под гипнозом внущили явиться на утреннее заседание и поздороваться за руку со спикером Думы. Но он сбежал и теперь прячется у знакомого на Пятницкой. Улавливаешь?

— С какого боку присоединить к нашему расследованию депутата Ноздренко? — осторожно спросил Потапов.

— Ты разговаривал с Трубецким?

— Понял, — после недолгого молчания сказал Потапов. — Вы считаете, это новый заминированный? Как же ему удалось сбежать из столь мощной организации, имеющей аппаратуру гипноза и обработки?

— Не знаю, может, у него «белая» реакция на внушение: человек подчиняется гипнозу, но помнит при этом все, что ему внущили. Я уже послал туда оперов Богданца, выезжай.

Потапов за минуту переоделся, сунул в наплечную кобу-

ру пистолет и выскочил из дома. Через полчаса он был на Пятницкой. Но, как выяснилось, опоздал.

В арке дома номер десять толпился народ, оттесняемый парнями в камуфляже, тут же стояли две милицейские и пожарные машины. А в узеньком треугольном дворике, носящем явные следы взрыва: два автомобиля смяты в лепешку боковым ударом, в двух других не уцелело ни одного стекла, в окнах невысоких двухэтажных домиков, образующих со стеной арки треугольный дворик, также повылетали все стекла, — урчала мотором машина «Скорой помощи», в чрево которой люди в белых халатах грузили носилки с лежащим на них окровавленным мужчиной.

— Кто это? — подошел Потапов к хмурому капитану милиции, командующему следственной бригадой.

— А вас кто сюда пропустил? — буркнул тот.

Михаил показал ему удостоверение, увидел входящих во двор оперативников Щербатова во главе с майором Богданцом, подозревал их движением руки.

— Сворачивайте свою службу, это дело переходит в нашу компетенцию.

— Я попросил бы вас не... — начал капитан, но Потапов уже отошел, кивнув Богданцу, чтобы тот начинал процедуру приема дела, приблизился к следователю, допрашивающему свидетелей.

— Спасибо за помощь, вы свободны.

Следователь, пожилой, невысокого роста, с бледным одутловатым лицом, поглядел на своего командира, пожал плечами и спрятал в карман блокнот. Потапов оглядел свидетелей: двух девушек и пожилого толстяка в шляпе, — попросил их повторить, что они рассказывали следователю, и понял, что приехал сюда не зря. Судя по всему, здесь только что произошло самоуничтожение «фотонного» человека.

Со слов свидетелей, картина получалась следующая.

Двое мужчин, один из которых, судя по описанию, и был депутатом Ноздренко, стояли во дворе дома возле мусорного бака и курили. Потом к ним подошел молодой человек в светлом плаще, что-то сказал и бросился бежать. А через несколько секунд раздался взрыв.

От мужчины, похожего по описанию на Ноздренко, не осталось ровным счетом ничего, а его собеседника ударная волна перенесла через весь двор и впечатала в дверь двухэтажного особняка с десятком разных контор, работающих в дневное время.

Взрыв, по словам свидетелей, сопровождался яркой, словно от электросварки, вспышкой. Девушек, пересекавших дворик, спасло то, что они в этот момент находились в тени высокого джипа, а старик-свидетель, вероятнее всего бомж, нагнулся за пустой бутылкой у стены арки и отделался шишкой на голове, когда его швырнуло к стене.

Подъехавший спустя четверть часа Щербатов выслушал Потапова, обошел дворик и уехал, озабоченный и чем-то расстроенный. Обсуждать случившееся он не стал, сказал только, что ждет майора с докладом к обеду следующего дня.

Потапов дождался появления Липягина, они поговорили со следопытами Богданца, полюбовались на туфли и клочки серой материи — все, что осталось от депутата, и разъехались по домам. Спать Михаил лег лишь в третьем часу ночи.

Следующий день выдался чрезвычайно хлопотливым.

Потапов встретился с двумя десятками людей, в том числе с Трубецким и еще одним специалистом-физиком, занимающимся биоэнергетикой и теорией полевых взаимодействий, а также со всеми, кто мог бы хоть в малой степени быть полезным в розыске «фотонных террористов», как их стали называть сотрудники управления. Кроме того, Михаил провел информационный поиск по секретным компьютерным сетям спецслужб, еще раз допросил начальника охраны Маринича и вместе с группой Липягина побывал в парке Тимирязевской сельхозакадемии, полюбовался издали на трехэтажное здание агропромышленной компании «Восток», располагавшейся на берегу пруда, в конце улицы Пасечной. И хотя особых находок этот день не принес, все же Потапову удалось выделить несколько интересных моментов.

Момент первый: в недрах обороны существовал ряд закрытых лабораторий, тематика которых касалась всех аспектов человеческого бытия, в том числе аспектов психотропного влияния на людей, кодирования, управления психикой и интеллектом, а также создания оружия на основе новейших научных достижений, таких, как теория спинторсионного поля или теория энергоинформационного обмена.

Момент второй: неожиданное появление «фотонных» людей, запрограммированных на самоуничтожение вблизи специально выбранных объектов, больше смахивало на экспериментальную проверку «живых мин», а не на выполнение неведомыми террористами плана по уничтожению конкурентов или опасных свидетелей их деятельности. Вряд ли такой технологией могли завладеть обыкновенные бандиты.

Об этом Потапов и доложил вечером полковнику, когда его вызвали в управление. Щербатов думал примерно так же, но гипотез, по обыкновению, не строил, говорил мало, был хмур и озабочен. На вопрос Михаила: не заболел ли, чай, Владимир Васильевич? — он ответил мрачной шуткой:

— Не бойся, майор, моя болезнь незаразная, старость называется.

Потапов внимательно посмотрел на полковника, которому недавно исполнилось пятьдесят два года, и покачал головой.

— До старости еще дожить надо, товарищ полковник. Что случилось все-таки?

— Пока ничего. Но если мы будем продолжать копать дело в прежнем темпе, что-нибудь непременно случится. Короче, *наверху*, — Щербатов поднял глаза к потолку, — мне дали понять, что расследование надо спустить на тормозах. Улавливаешь?

— Значит, моя догадка верна, — хмыкнул Потапов. — Это не мафия, это забавляется какая-то государственная контора, секретная до такой степени, что даже в нашей базе данных ее нет.

— Похоже, что так.

— Значит, мне надо сворачивать поиск?

Щербатов поморщился, достал из сейфа плоскую металлическую флягу, налил в колпачок, выпил.

— Хочешь глоток? Коньяк.

Михаил молча покачал головой.

— Тогда иди и работай.

— А как же?..

— Работай, я сказал! Терпеть не могу, когда экспериментируют на людях! Пусть даже с благими намерениями «защиты Отечества». Мы призваны защищать народ от террористов, вот и будем защищать... по полной программе. Господь дал руки человеку не для того, чтобы тот создавал орудия убийства себе подобных, а для создания красоты неповторимой. Это мне еще мой отец говорил, обычновенный крестьянин.

— Самое неповторимое, что создали руки человека, — пробормотал Потапов, — это отпечатки пальцев.

Полковник хмуро улыбнулся, подал ему руку.

— Иди и будь осторожен. Чем быстрее выйдешь на разработчиков «живых мин», тем больше шансов уцелеть. — Он подумал и добавил: — Генерала Зимятова убрали, потому что он кое о чем догадался, а он был моим другом. Улавливаешь?

Потапов вышел из кабинета в смятении чувств, унося в душе тосклиwyй взгляд Щербатова, понимавшего, чем он рискует. Поужинал в столовой управления, еще раз встретился с Липягиным и поехал домой.

Вечер провел в каком-то возбужденном состоянии, не понимая, чего хочет душа, пока наконец не сообразил — общения с женщиной. Вспомнил вчерашнюю брюнетку с раскосыми глазами — Дарью, и как только он о ней подумал, зазвонил телефон.

— Михаил? Извините, я не поздно? Вы меня вчера подвозили...

— Дарья?! — не поверил ушам Потапов. — А я только что о вас думал! Где вы?

— Дома. Не хочется проводить вечер в одиночестве. Не желаете погулять?

— Приходите ко мне, дом номер восемнадцать...
— Лучше давайте пройдемся по парку, на реку посмотрим, весна все-таки, давно я не гуляла по вечерам.
— Давайте, — легко согласился Потапов. — Где вас ждать?

— Возле продуктового магазина, на Рогова он один.

Потапов несколько секунд вслушивался в зачастившие в трубке гудки, не веря столь откровенной удаче, потом опомнился и помчался переодеваться. Через несколько минут он уже стоял у газетного киоска возле магазина, а еще через минуту появилась Дарья в белом плащике и туфлях на высоком каблуке.

Настроение у нее действительно оказалось минорным, хотя она и пыталась бодриться, и Потапов, поощренный улыбкой фортуны, постарался его улучшить, превзойдя себя по части шуток и веселых историй, половину из которых он выдумал на ходу. В конце концов его усилия не пропали даром, Дарья развеселилась, и вечер прошел весьма мило, почти как в юности, когда молодому Потапову очень хотелось произвести впечатление на одноклассницу, влюбленную, как было известно, в другого парня.

Они гуляли по парку, спустились к реке, посидели в новом кафе на Живописной, потанцевали и снова гуляли по тихим и немноголюдным в это время улицам Щукино, найдя массу тем для разговора, к которым оба относились почти одинаково. В час ночи простились у дома номер четырнадцать по улице Рогова, то есть совсем недалеко от дома Потапова. Михаил поцеловал dame ручку и подождал, пока она войдет в подъезд, капельку разочарованный, что его не пригласили в гости. Спохватившись, что снова не взял номера телефона девушки, кинулся в подъезд, вспомнив цифры кода домофона, которые набирала Дарья, и остановился, словно наткнувшись грудью на стену.

Она уже входила в лифт, где стоял молодой человек в светлом плаще, тот самый, с которым она была в ресторане. Дверь лифта закрылась, он поехал наверх. Оглушенный новостью, Потапов повернулся к выходу из подъезда и наткнулся на двух парней в плащах, бесшумно спустившихся с

лестницы за спиной. Один из них, с чубчиком, был Михаилу знаком, прошлым вечером он помогал кавалеру Дарьи запихивать ее в машину.

— Тебя разве не учили в школе, козел, не гулять с чужими девками? — осведомился второй «плащ», низкорослый, но широкий, почти квадратный, с таким же квадратным лицом, на котором лежала печать инфантильности; короткая стрижка и квадратная челюсть превращали его в стандартного криминального мальчика, в шестерку на побегушках у босса.

Потапов молча пошел прямо на парней, озадаченных таким его поведением, парень с чубчиком даже отступил в сторону, и Михаил, воспользовавшись их замешательством, уложил квадратного ударом торцом ладони снизу вверх в нос, а «чубчику» вывернул руку с ножом, так что тот взмыл и согнулся, поскуливая.

— Кто вы такие?

— Отпусти!.. Больно!.. Мы тебя... изувечим!..

— Это я уже слышал. — Потапов нажал на предплечье парня сильнее, тот упал на колени, снова взмыл. — Спрашиваю еще раз: кто вы? Почему преследуете Дарью? Кто тот белобрысый, что ждал ее в лифте?

— Дарьин... телохранитель... мы тоже... отпусти! Мы работаем в охране... тебе хана, если будешь пытать на нее глаза! Босс из тебя...

— Кого вы охраняете?

— Отпусти руку, с-сука!

Потапов хладнокровно качнул парня вперед, тот врезался головой в стену, ойкнул, снова заскулил.

— Мы из охранного агентства «Аргус». Ты не представляешь, на кого наехал, болван. Дарья — девушка босса, он тебя живого в бетон зальет...

Потапов присвистнул в душе, отпустил руку парня, повертел в руках его нож, глядя, как тот постепенно оживает, кидая на врага косые яростные взгляды.

— «Аргус», говоришь? Что-то не слышал я ничего о таком агентстве. Впрочем, неважно. Передай боссу привет и скажи ему, что девушка сама должна решать, с кем ей быть и

где гулять. Если он будет и дальше контролировать каждый ее шаг, я его найду и успокою.

— Да ты на кого ноздрю поднимаешь, фраер?! — взвился «чубчик», картино выхватывая из-под полы плаща пистолет. — Лечь! На пол!

Потапов перешел в темноту, изящно вывернув пистолет из руки мордоворота, вошел в спираль выкручивания и всадил ему локоть в солнечное сплетение. Посмотрел на скривившееся под батареей почтовых ящиков тело второго мордоворота, сунул пистолет в карман и вышел.

На улице было темно, накрапывал дождик, фонарь в двадцати метрах в ореоле туманных капель не рассеивал мрак в глубине двора, но Потапов сразу почуял человека за будкой ремонтников теплотрассы. Двинулся прочь, не намереваясь выяснить отношения еще с одним представителем охранного агентства «Аргус», но человек сам догнал его и оказался оперативником Липягина.

— Я обалдел, когда вас увидел, товарищ майор, — прошептал он, пряча под куртку бинокль. — Мы тут пасем охранников «Аргуса», в этом доме живет...

— Девушка их босса.

— Нет, директор той самой агропромышленной компании «Восток», которую вам показывал старлей. Давайте отойдем отсюда подальше, чтобы нас ненароком не засекли. Перед вами в подъезд зашли трое бугаев из «Аргуса», не встретили?

— Нет, — буркнул Потапов. — Фамилию директора помнишь?

— Калашников.

Потапов еще раз присвистнул про себя. Фамилия Дарьи тоже была — Калашникова.

— Ладно, работай. Ты не один?

— С Пашей Ножкиным. А кого это вы провожали, товарищ майор? Красивая девушка.

Не ответив, Потапов нырнул за кусты шиповника, разросшиеся у забора, обошел стоявшие напротив шестнадцатого дома машины и вышел к своему дому, встретив выгуливающего собаку старика. Но он так задумался над посту-

пившей с совершенно неожиданной стороны информации, что не придал этому значения, хотя время для выгула собак было уже слишком позднее — два часа ночи.

Наутро Потапов собрал совещание группы, чтобы поделиться своими соображениями по поводу взаимодействия охранной фирмы «Аргус» и агропромышленной компании «Восток». Раздав задания на день, сам Потапов решил заняться господином Калашниковым и первым делом вывел на экран компьютера данные по директору компании «Восток». Однако сведений в базе данных кадровых компьютеров службы о Калашникове Н.Н., кроме двух строк: «Совершенно секретно. Доступ к информации запрещен», — не нашел. Господин директор несуществующей компании был засекречен, а это, в свою очередь, говорило о том, что он не тот, за кого себя выдает. Гриф «Сов. секретно» на материалах досье в таких конторах, как Федеральная служба безопасности, ставился только на данные работников службы. Или на ученых, так или иначе связанных с особо важными исследованиями. Калашников Н. Н., очевидно, был одним из таких ученых. Теперь надо было попытаться определить круг его интересов, чтобы или отбросить версию о причастности компании «Восток» к терактам с использованием «живых мин», или принять ее за базовый вариант.

Щербатова на месте не оказалось, посоветоваться было не с кем, и Потапов продолжал заниматься по плану, утвержденному полковником еще вчера. Михаил тоже не любил циников, кричащих с высоких трибун о «правах человека», о «спасении нации любой ценой» и тут же хладнокровно подмахивающих распоряжения о финансировании «перспективных научных разработок», предполагающих испытание на людях новейших видов оружия.

К вечеру хакер из отдела компьютерных технологий, приятель Потапова Владимир Тушкан по прозвищу Вовчик Тушканчик, взломал секретные файлы Минобороны, и у Михаила появилось досье на доктора физико-математических наук Калашникова Николая Наумовича, отца Дарьи. В частности, в документе была указана его последняя офи-

циальная работа, выполненная в тысяча девятьсот девяносто шестом году в Московском энергетическом институте, которая называлась: «Проблемы холодного термоядерного распада». Темы других его работ, выполненных в лабораториях Тимирязевской сельскохозяйственной академии, в данном документе приведены не были.

— Все это ложь, — сказал старлей Липягин, которому Потапов сообщил о своих находках. — Я имею в виду сельхозакадемию. Это объект оборонки. И работает господин Калашников именно по нужной нам теме, лепит «живые мины». Выйти бы на него, а? У тебя нет соображений?

Соображения у Потапова были, но делиться он ими со старшим лейтенантом не стал. Для этого надо было рассказывать о дочери Калашникова Дарье, чего душа вовсе не жаждала. Душа жаждала встречи с этой умной и красивой девушкой, каким-то непонятным образом попавшей в зависимость от босса телохранителей папаши, президента частной охранной фирмы «Аргус». Вечером Потапов надеялся услышать ее звонок, договориться о встрече и попытаться выяснить, чем занимается ее отец на самом деле. На дальнейшее его фантазии не хватало, в благополучное завершение своего «служебного романа» он не верил. Занозой в памяти торчало видение закрывающейся двери лифта, и все чаще душу тревожило странное ощущение забытой вещи, каким-то образом связанное с Дарьей. Лишь вечером, очистив себя с помощью медитативной техники сам-май от шелухи эмоций и переживаний, Михаил поймал-таки причину срабатывания «ложной памяти», она была проста и незатейлива, как дыра в кармане: Дарья так и не сказала ни слова о причинах конфликта со своими телохранителями в ресторане, хотя Потапов спрашивал ее об этом дважды. Вероятно, она не хотела встречаться с боссом «Аргуса», и ее пытались уговорить. Так, во всяком случае, представил себе эту картину Потапов, но сама она ничего рассказывать не стала, сделала вид, что не расслышала вопроса.

Телефон зазвонил после девяти часов вечера. В трубке раздался игривый голос Дарьи:

— Привет работникам пера и топора. Шутка. Ты чем занят, Михаил Петрович?

— Ничем, — ответил Потапов честно, с одной стороны обрадованный звонком, с другой — чувствуя себя виноватым.

— Тогда заходи в гости. Сегодня я одна, предки уехали на дачу.

Михаил хотел было спросить: а как же телохранители, где их босс? — но вовремя прикусил язык.

— Мчусь, говори адрес.

Дарья продиктовала номер квартиры, и Потапов кинулся переодеваться, сдерживая нетерпение, странное волнение и дрожь в коленях. Очень не хотелось ударить лицом в грязь, показать себя наивным пацаном, очень не хотелось ошибиться в своих чувствах, но еще больше не хотелось играть на чувствах девушки ради получения информации об ее отце.

Он надел все белое — брюки, рубашку, туфли, захватил коробку конфет, купленную по случаю еще вчера (как в воду смотрел, что пригодится), и поспешил к дому номер четырнадцать, привычно отмечая глазом любое движение вокруг. Нервная система, специально тренированная для специфических нагрузок мастера перехвата, давно научилась прислушиваться к подсказкам подсознания, что не раз спасало жизнь Михаилу в моменты захвата террористов, сработала она и в этот вечер, хотя Потапов не сразу понял, в чем дело, голова была занята предстоящей встречей. Лишь пройдя два десятка шагов, он очнулся.

Старика с собакой, встретившегося у подъезда, он уже видел! И не один раз.

Потапов напряг память, сосредоточился, но смог вспомнить только ночную встречу: этот старик уже выгуливал свою дворнягу — в два часа ночи. Теперь вот сегодня. Но где-то они пересекались с Потаповым еще раз, Михаил был уверен в этом, хотя и не помнил, где именно.

Ругнувшись в душе, он отложил поиск знакомства на более удобное время, обошел дом Дарьи, убедился, что никто за ним не следит, и набрал код домофона. Поднялся в

лифте на восьмой этаж, где располагалась квартира Калашниковых, унял поднявшееся волнение, чтобы выглядеть уверенным и спокойным, и, уже нажимая кнопку звонка, вспомнил наконец, где он видел старика: в ресторане Маринича! Этот гнусного вида старикиан сидел за его столиком в фиолетовом пиджаке, зеленой рубахе с бордовым галстуком (вкус — жуть!) и смотрел на Дарью! А таких случайностей, как известно, не бывает.

Потапов шагнул было назад, но дверь уже открылась, и ему ничего не оставалось делать, как войти. И тотчас же сработала сторожевая система организма, уловившая дуновение опасности.

Дарья в халате стояла в глубине гостиной с закусенной губой и смотрела на гостя исподлобья, с ясно читаемым испугом в глазах. Она не могла открыть дверь сама, это сделал кто-то другой, но отступать было уже поздно, и Михаил метнулся вперед, перекувырнулся через голову, оглядываясь в падении и видя две мужских фигуры — за дверью прихожей и за спиной Дарьи, вскочил... и все поплыло у него перед глазами от страшного и странного, мягкого, но массивного удара по голове, вернее, по всему телу, удара, нанесенного не столько извне, сколько изнутри. Проваливаясь в беспамятство, Потапов услышал крик девушки:

— Миша, они заставили! Я не хотела! Не бейте его!..

И потерял сознание окончательно.

Туман был густым и белым, как молоко, таким густым и белым, что, казалось, его можно пить. Потапов попытался облизнуть губы, не чувствуя их, так ему захотелось пить, хотел позвать кого-нибудь на помощь, чтобы ему принесли стакан молока, но обнаружил, что не в состоянии.

Попробовал пошевелиться — с тем же результатом. Зато стал рассеиваться туман перед глазами, в нем протаял розоватый светящийся овал, приблизился и превратился в размытое человеческое лицо с черными глазами, в которых вспыхивали злые огни силы и воли.

— Кто... вы? — вяло спросил Потапов, не слыша своего голоса.

— Гляди-ка, очнулся майор, — донесся как сквозь вату чей-то тихий голос. — Сильный мужик нам попался, всего три часа и провалалялся. Другие на его месте спали бы сутки.

— Укол!

Потапов почувствовал боль где-то в области сердца, и сразу все вокруг переменилось, туман рассеялся, появилась обстановка помещения со стерильно-белыми кафельными стенами, белым потолком с системой металлических концентрических кругов и бестеневым светильником. Михаил стал слышать все звуки и голоса, увидел аппаратные стойки, экраны, непонятное оборудование и двух мужчин в халатах у высокого операционного стола, на котором он и лежал, пристегнутый к столу за руки и ноги специальными манжетами.

Один из мужчин наклонился над ним. Он был смуглолиц, с заметной сединой в черных волосах, со слегка раскосыми черными глазами и походил на Дарью. Потапов понял, что это и есть отец девушки, засекреченный ученый, работающий на одну из лабораторий стратегической системы специсследований.

— Здравствуйте, Михаил Петрович. Как вы себя чувствуете?

— Добрый день, Николай Наумович, — усмехнулся Потапов онемевшими губами.

Мужчины переглянулись. Более молодой, но выглядевший каким-то рыхлым и болезненным, покачал головой.

— Кажется, он знает больше, чем мы думали, шеф.

— Вам крупно не повезло, Михаил Петрович, — сказал Калашников, — что именно вы занялись расследованием так называемых терактов. К тому же, как оказалось, вы слишком умны и догадливы. Ведь вы уже догадались, что созданием «фотонных» людей занимается моя лаборатория?

— «Восток», — против воли пробормотал Потапов, начиная приводить себя в боевое состояние.

Мужчины снова переглянулись.

— Вот видите, вы становитесь опасным, Михаил Петрович. Дарья вас правильно оценила.

— Она... с вами?

— В каком смысле? Она моя дочь, но, конечно же, к моей работе отношения не имеет. Хотя кое-что знает. К сожалению, в последнее время она совершенно отбилась от рук, не слушается, самовольничает, знакомится с кем попало и так же, как и вы, становится непредсказуемо опасным свидетелем. Мне, очевидно, к глубокому прискорбию, придется ее урезонивать, то есть кодировать.

— Как тех двух несчастных, сыгравших роль «живых мин»?

— Вы были правы, Кирсан Вольфович, — посмотрел на одутловатого коллегу Калашников. — Он значительно опаснее, чем я думал. Начинайте процедуру программирования, к утру он должен быть готов... — короткий смешок, — к акту самопожертвования. — Отец Дары повернул голову к Потапову, развел руками. — Извините, майор, что не могу уделить вам много времени, пора и отдохнуть от трудов праведных. А с вами мы уже больше не увидимся. Утром вы, как и всегда, пойдете на работу, встретитесь с полковником Щербатовым и пожмете ему руку. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. На этом расследование, затянувшее неугомонным полковником, будет закрыто, а программа испытаний «фотонных» людей завершена.

Калашников наклонил красивую голову, прощаясь, и вышел из помещения, напоминающего хирургический кабинет. Потапов напрягся, пытаясь разорвать манжеты, в глазах поплыли красные круги, но ремни выдержали.

— Не дергайтесь, майор, — хмыкнул наблюдавший за ним собеседник Калашникова, названный им Кирсаном Вольфовичем. — Эти ремешочки рассчитаны на буйнопомешанных, слона выдержат, а вот вы себе только ручки-ножки повредите. Сейчас я вам сделаю уколчик, и вы поплынете, поплынете, легкий и радостный, и очнетесь уже дома в постельке. Хлумов!

В помещение вошел могучий молодой парень в халате с неподвижным сонным лицом.

— Приступим.

Потапов еще раз попытался освободиться от пут, не смог и понял, что надо начинать в нутренний бой, бой с химией и гипнотическим воздействием, с помощью которо-

го его хотели запрограммировать. Закрыл глаза, сосредоточился и, будто ныряя с берега в омут, вошел в состояние «железной рубашки», которому его научил тренер, мастер цигун.

Укола в плечо он уже не почувствовал.

Часы прозвонили семь утра.

Потапов проснулся, чувствуя себя совершенно разбитым, поплелся в душ, пытаясь вспомнить что-то важное, случившееся с ним вчерашним вечером. Но не вспомнил, даже постояв несколько минут под ледяными струями. Продолжая размышлять над своей разбитостью и полным отсутствием тонуса, начал бриться и вдруг увидел на левом плече три маленькие красные точки. Болото памяти колыхнулось из-за всплывающего пузыря воспоминания, однако тут же успокоилось. Потапов побрился, прикидывая, где он мог получить точечки — явные следы уколов, и вспомнил, что вроде бы проходил в управлении медицинское освидетельствование, где ему заодно сделали какую-то новейшую комплексную прививку. Слегка успокоился, пошел пить чай, отбиваясь от привязавшейся, как слепень, мысли: надо встретиться с полковником, пожать ему руку... надо встретиться с полковником... надо встретиться...

— Черт! — с досадой проговорил он. — Отстань, приставала. Сам знаю, что надо встретиться с Шербатовым... — Он осекся на полуслове, внезапно осознавая, что такого с ним еще не было. Подсознание диктовало ему, что надлежит делать!

Потапов встал перед зеркалом, оглядел себя со всех сторон, заметил, кроме следов уколов, бледно-синеватые перетяжки на запястьях рук и на лодыжках, напрягся, насилия память, и чуть не потерял сознания от приступа слабости. Память сопротивлялась, она была заблокирована!

— Ах ты, зараза! — вслух выговорил он, сунув голову под кран. — Что это со мной?

Успокоив немного расходившиеся нервы, он достал пузырек с настойкой эспарцета полевого, известного под названием «одолень-трава», развел в кипяченой воде столо-

вую ложку и выпил. Подождал, пока прояснится голова, а мышцы наполняются упругой силой, уселся на диване в позу лотоса и начал настраивать организм для ментального «просеивания». Он не был уверен, что это поможет прояснить ситуацию, но более верного способа снять гипноблокаду не было. Этому его тоже научил тренер, когда Михаил еще только начинал увлекаться эзотерикой и боевыми искусствами.

Казалось, он стал падать в бездну и растворяться — в воздухе, в стенах комнаты, в зданиях вокруг, в земле и деревьях, в космосе... в глазах потемнело, тело исчезло, все ощущения растаяли... черное Ничто обступило его со всех сторон, словно он умер... и длилось это состояние невероятно долго, целую вечность, хотя время текло не внутри него, а снаружи и мимо, обтекая мыслесферу, не затрагивая ни чувств, ни мыслей... Наконец он достиг дна бездны, усеянного острыми шипами и лезвиями, раскаленными до багрового свечения, обнаружил светящийся в каменном ложе люк, охраняемый гигантским змеем с огнедышащей пастью, и понял, что ему надо нырнуть в этот люк: там его ждала свобода...

Потапов начал раздуваться, увеличивать свою массу, вырастил огромную мускулистую руку и схватил змея за глотку, а когда тот начал биться, вырываться, свиваться в кольца и пускать пламя, «отделил» от тела-носителя развед-аппарат второго Я и нырнул в колодец заблокированной памяти, попадая в ясный солнечный день личной свободы.

Он стоял в огромной библиотеке со множеством стеллажей под открытым небом, на которых лежали тысячи светящихся книг, — библиотеке своей памяти и мог беспрепятственно вытащить любую «книгу» и прочитать ее от корки до корки. Легко скользя над светящимся полом, Потапов двинулся вдоль «стеллажей» с «книгами», выбрал нужный «том» и раскрыл на первой странице. Через несколько мгновений он вспомнил все...

Подъем из бездны памяти проходил неспокойно, словно он поднимался со дна моря сквозь косяк пиранний, норовивших укусить его или уколоть плавником. Самое инте-

ресное, что Потапов понимал процесс: организм находился в состоянии ментального озарения и сопротивлялся заложенной в глубинах психики чужой программе, но ему это плохо удавалось. Все-таки те, кто кодировал Потапова, использовали слишком мощную аппаратуру подавления воли и встроили, помимо целя вого приказа, еще и дополнительные защитные пси-контуры типа программы самоликвидации, срабатывающей при попытке внешнего воздействия на мозг заминированного. Потапова никто не допрашивал, по сути, он «допросил себя сам», но от этого легче не становилось. Программа самоликвидации была на грани срабатывания, и удерживать ее было невероятно трудно. Зато теперь Михаил знал все.

Николай Наумович Калашников действительно работал над созданием «фотонных» объектов, в том числе живых — кошек, собак, людей, птиц, то есть объектов с нестабильной энергетикой, превращавшихся в излучение от малейшего толчка. Таким толчком мог быть и внушенный приказ включить себя «на извержение», что уже продемонстрировали взрывы в ресторане «Терпсихора» и у кафе «Тихий омут».

Агропромышленная компания «Восток» действительно представляла собой секретную лабораторию по разработке «фотонных» мин и бомб, где Калашников работал уже четыре года, добившись значительных успехов.

Дарья была не виновата в захвате Потапова секьюрити отца, к тому же сама она тоже была запрограммирована на самоликвидацию, а приказ мог поступить в любой момент. Жить ей осталось, судя по всему, всего несколько дней. Или часов. В зависимости от поведения. Но жить с президентом «Аргуса» она не хотела, как ее ни заставляли. В Потапове она увидела крохотную надежду на освобождение от смертельно надоевшей опеки, и в том, что Потаповым заинтересовалась служба безопасности лаборатории, ее вины не было.

И, наконец, Потапов узнал, что стал живой «фотонной» миной и должен уничтожить Щербатова, встретившись с ним в управлении, а заодно и все материалы дела.

Посидев на диване, оглушенный свалившейся на голову бедой, борясь с желанием сунуть в рот ствол пистолета и спустить курок, Потапов потащился на кухню, машинально вскипятил чайник, выпил чашку чая, не ощущая ни вкуса, ни запаха, ни температуры, тщательно вымыл посуду, оделся и принял решение. Время работало против него, в десять часов должна была активизироваться программа «извержения», и до этого момента ему предстояло успеть сделать то, что задумал.

Конечно, за ним следили.

Он вычислил наблюдателей сразу, как только вышел из подъезда походкой занятого своими мыслями человека, направился к машине, стоящей во дворе дома, открыл капот и сделал вид, что занят ремонтом.

Во-первых, на глаза попался стариk, по-прежнему делавший вид, что выгуливает собаку. Во-вторых, в серой «девятке» у соседнего подъезда сидели двое крепких ребят и якобы слушали музыку. Потапов закрыл капот и подошел к ним, вытирая руки тряпкой. Наклонился и, когда водитель опустил боковое стекло, подчиняясь правилам вежливости, с улыбкой воткнул палец ему в сонную артерию. Соседа водителя он успокоил по-другому, ударив его в кадык костяшками пальцев.

Затем Потапов догнал за углом старика-филера и без жалости вырубил ударом ребра ладони по бугорку на затылке. После этого спокойно поднялся к дому Дарьи, вошел в подъезд и дождался появления охраны Калашникова: двое парней влетели в подъезд, обалдевшие от неожиданного появления «объекта», и налетели на Михаила, действующего жестко и надежно, не отвлекаясь на сострадание к бедным шестеркам.

Дверь в квартиру Калашниковых открыл белобрысый знакомец Потапова, с которым Дарьяссорилась в ресторане. Он успел лишь округлить глаза и открыть рот, чтобы задать вопрос, и отлетел в глубь прихожей от удара в лоб. Второго телохранителя взять на прием не удалось, он выхватил пистолет и готов был открыть стрельбу, поэтому Потапов выстрелил первым.

Дарья спала, судя по тому, что она выскочила в гостиную в одной ночной рубашке от звука выстрела. Больше в квартире никого не оказалось, если Калашников и собирался отдыхать, как он обещал, то не дома. Дарья перевела затуманенный взгляд с телохранителя на Потапова, глаза ее расширились, она хотела закричать, и Михаил зажал ей рот рукой.

- Тихо! Это я. Собирайся.
- За-зачем?! К-куда?
- Собирайся, если хочешь мне помочь.
- Что происходит? Почему ты здесь?! Ты же должен...
- Они меня отпустили. Всадили программу и отпустили. Быстрее, у нас мало времени.

Дарья глянула на лицо Потапова и повиновалась, проглотив возражения. Через несколько минут она появилась, одетая в свой белый плащ, взяла сумочку, косясь на не подающих признаков жизни телохранителей, влезла в туфли, и они с Михаилом покинули квартиру, тихо закрыв за собой дверь.

В машине Потапов рассказал Дарье все, что знал сам, и погнал «Лексус» по Алабяна, через Ленинградское шоссе и улицу Волкова, по Большой Академической по направлению к Тимирязевской сельхозакадемии. Дарья выслушала его признание молча, и, глядя на ее застывшее лицо, Потапов пожалел, что втянул ее в эту историю. Но отступать не хотелось, времени до «часа ноль» оставалось все меньше и меньше, а ему еще надо было пройти на территорию академии, найти лабораторию «Восток» и...

— Ты хочешь... взорвать собой лабораторию?! — подала наконец голос девушка, повернув к нему бледное лицо с привычно прикушенной губой.

— Да, — сказал он почти спокойно, стиснув зубы. — И ты должна мне помочь пройти туда, тебя там знают.

— А если там сейчас... отец?

— Он сказал, что пойдет отдыхать. Тебе его жаль? А вот он тебя не пожалел, приговорил «к свету», как и меня.

— Я не верю...

Потапов угрюмо усмехнулся.

— Это уже ничего не изменит. Но уж очень ты строптива, как он выразился, да и свидетель опасный.

— А если я откажусь тебе помогать?

— Тогда я справлюсь без тебя.

— Не справишься, тебя не подпустят к лаборатории и на километр. А если мы пройдем туда и заставим Кирсана разрядить тебя?

— Это возможно?

— Не знаю.

— И я не знаю.

— Но я не хочу! — закричала вдруг она, заплакав. — Не хочу, чтобы ты взрывался! Не хочу, чтобы так все закончилось! Неужели нет другого способа остановить их?

— Не знаю, — помедлив, сказал Потапов. — Я позвонил своему начальнику, если он отважится бросить группу антитеррора на захват лаборатории, то еще есть возможность что-либо изменить. Если же нет... я должен пройти туда, внутрь, понимаешь?

Зажмурившись, Дарья прижалась к его плечу головой, и Потапов поцеловал ее в мокрую от слез щеку, с тоской подумав, что очень хочется жить. Надежда на то, что он уцелет, все же оставалась, но очень и очень слабая, один шанс из миллиона...

Но если он вдруг выживет... Господи, на все твоя воля!

Если он выживет, то будет жить и эта девочка, вынужденная страдать за грехи отца. И никогда не будет плакать!

Машина обогнула Садовый пруд, свернула на Тимирязевскую улицу, потом на Пасечную и остановилась у ворот, за которыми виднелось трехэтажное здание агропромышленной компании «Восток». Потапов поцеловал Дарью в губы и вышел из машины...

НЕПЕРЕМЕЩЕННЫЙ

Артем проснулся совершенно разбитым, словно после бурно проведенной ночи или с бодуна, хотя ни то, ни другое не имело места. Во-первых, он пил мало и только легкое вино, во-вторых, женщины, с которой можно было бы бурно

проводить ночь, у молодого инструктора по рукопашному бою, тренирующего спецназ Главного разведуправления, пока не появилось.

Прошлепав босыми ногами по теплому полу в ванную, Артем с недоумением посмотрел на свою помятую, с тенями под глазами, курносую физиономию, покачал головой и начал умываться. Потом подумал и залез под холодный душ, придавший ему бодрости и слегка поднявший тонус.

На кухне он покопался в холодильнике и долго разглядывал его практически пустое нутро: с ним такое бывало, особенно в детстве — глаза вдруг останавливались, мысли исчезали, время переставало идти, ощущения пропадали, и сознание уходило в странную пустоту; такое состояние врачи объясняли «спонтанной медитацией», помогавшей расслабляться и избегать нервных срывов. Когда он начал заниматься боксом и карате, это состояние сначала мешало молодому парню, потом, наоборот, стало помогать ему концентрироваться и адекватно отвечать на действия противника, а потом Артем научился вызывать у себя состояние пустоты сознательным волевым усилием.

Он очнулся, вытащил из холодильника вчерашний пакет кефира, допил и бросил в мусорное ведро, заполненное почти до отказа. Пора начинать генеральную уборку, пришла светлая мысль, которая появлялась каждый раз, когда он заглядывал в ведро. Удивляясь своим невеселым ощущениям, Артем кое-как сделал зарядку, смыл пот и сварил себе кофе. Потом попытался дозвониться приятелям, девушки Вале, с которой намеревался провести вечер, начальнику спортбазы подполковнику Соловьянникову, но телефон молчал, как партизан, и в конце концов Артем махнул на него рукой. Обзвонить всех можно было и после работы.

Он собрал свою видающую виды сумку, переоделся в джинсы и темно-синюю рубашку с короткими рукавами, натянул кроссовки, вышел из дома — жил он на даче отца, уехавшего на все лето к родственникам на Алтай, — и только тогда обратил внимание на небывалую тишину, завладевшую дачным поселком.

Не тарахтел движок электросварочного аппарата — со-

сед проводил себе водопровод, не играла музыка, не разговаривали люди, не шумели машины, которые должны были проноситься по недалекому Ленинградскому тракту, не горланили петухи в соседней деревне, не лаяли собаки. То есть все эти звуки и раньше не воспринимались слухом, потому что были тихими и естественными, не противоречивыми природе и пейзажу, теперь же тишина стала просто оглушительной. А самое главное, Артем не видел ни одного человека, хотя не помнил случая, чтобы сосед слева, дядя Петя, не возился в огороде, а сосед справа, Леонтий Исаакович, декан химико-технологического института, профессор и убежденный холостяк, не принимал на веранде очередную студентку. Поселок словно вымер! А вместе с ним вымерло шоссе Москва — Санкт-Петербург, не умолкавшее до этого момента ни днем, ни ночью.

— Мать честная! — поскреб в затылке Артем, сделав несколько шагов по скрипучей гальке и испугавшись этого звука. — Или я сплю, или одно из двух...

Что-то звякнуло сзади.

Артем стремительно обернулся, готовый увидеть живого человека, но звук был рожден фрамугой, которую раскачивал легкий ветерок в окне соседской дачи. Скрипнула дверь в доме напротив. Артем дернулся к забору и увидел кота, выходящего во двор с видом драчуна: шерсть дыбом, глаза горят, хвост трубой. Увидев глаз Артема в щели забора, кот зашипел и бросился на забор, будто собирался пробить его насеквоздь. Артем шарахнулся прочь, прошелся по улице, взглядываясь в окна коттеджей и садовые участки, но по-прежнему не видел ни одной живой души, никакого движения, лишь распахнутые двери, раскиданные вещи, стоявшие во дворах машины да осиротевшие собачьи будки, в которых не было видно собак. Кот, встретившийся минуту назад, был единственным живым существом на весь дачный поселок Бобры, если не считать самого Артема.

Сомневаясь в своей трезвости и рассудке, не веря глазам и пугаясь того, что приходило на ум, он вышел за ворота поселка, никем не охраняемые, и дошел по асфальтовой дороге до шоссе. Из конца в конец оно было пустынно и без-

молвно, продуваемое ветром и освещенное ярким утренним солнцем. Ни одна машина не появилась ни справа, ни слева, пока Артем стоял и смотрел на него, млея от предчувствия беды, ничего не понимая и ни о чем не размыслия, находясь в состоянии спонтанной медитации, однако это состояние не помогло ему определить причину внезапного исчезновения людей и транспорта, и он очнулся. Пора было что-то делать, предпринимать какие-нибудь меры, чтобы не сойти с ума и выяснить, что произошло. Артем уже знал, что не спит: задев рукой за створку ворот, он оцарапал палец и почувствовал боль. Происходящее вокруг, а вернее — не происходящее, на сон не походило.

Он вернулся в свой дом, еще раз попытался позвонить по телефону на работу и друзьям, дозвониться ни до кого не смог — сплошные длинные гудки — и завел машину; у него был маленький «Фольксваген» марки «Поло-классик». Через несколько минут он уже ехал по шоссе к Москве, по-прежнему не замечая ни одного живого существа. Кроме птиц. Воробы и вороны сновали в ветвях деревьев, летали над огородами попадавшихся селений, копались в мусорных кучах, единственные свидетели таинственной трагедии, но рассказать об этом человеку они были не в состоянии.

Первые несколько километров Артем ехал с усиливающимся ощущением нереальности происходящего, подспудно прислушиваясь к звуку мотора и ожидая уловить звуки движения по шоссе, потом отвлекся, разглядывая брошенные вдоль дороги и на самом шоссе автомобили. Некоторые из них были разбиты вдребезги, сожжены, многие просто уткнулись радиаторами в столбы, заборы, ограждения домов, в стены и подъезды, в другие замершие автомашины, большинство же просто стояло у обочин, будто их владельцы только что вышли из кабин на минутку и вот-вот вернутся. Артем проводил взглядом еще дымящиеся остовы столкнувшихся грузовиков и остановился у бензоколонки, где у заправочных стояков сиротливо жались несколько «Жигулей» с вдетьми в горловины баков шлангами.

Никого из людей не было видно и здесь, хотя дверь в ка-

фе-магазинчик рядом с заправкой была открыта, а внутри него на прилавке спокойно лежали деньги, касса была открыта и показывала свое нутро, где также лежали купюры разного достоинства.

Артем, дурея от тишины и чувства ирреальности, потрогал дензнаки, щелчком сбросил их на пол, прошелся между столиками кафе, на которых лежали недоеденные сосиски и стоял недопитый чай и кофе, и вышел, похолодев от привнесшего наконец осознания беды. Что-то произошло в мире, пока он спал, люди не просто ушли, разъехались по домам или на работу, они и с ч е з л и! Причем все сразу! И все, на что ни бросал бы взор Артем, подтверждало его догадку.

Очнувшись, он бегом вернулся к машине и включил двигатель, выруливая на шоссе. Через двадцать минут он подъезжал к Москве, уже не обращая внимания на стада замерших машин и осиротевшие посты ГИБДД.

Столица встретила его такой же тишиной, запустением, отсутствием движения, транспортных потоков и людей. Грелись на солнце автомобили, троллейбусы и автобусы стояли с закрытыми дверцами, но пассажиров в них не было. Многие были перевернуты или столкнулись в заторах, многие сгорели, и по улицам и площадям города ползали струи едкого дыма, вызывая желание позвонить в милицию и в пожарную часть. Людей же не было видно совсем, хотя любое происшествие всегда собирало зевак, будь то дорожная авария или пожар.

Артем проехал по крайней мере три дома с горящими квартирами, но так никого и не увидел. Остановил машину на Тверской. Снова накатило совершенно жуткое ощущение катастрофы, произшедшей не с миром, а с ним, Артемом Бойцовым, никогда не жаловавшимся на здоровье. Но кусать пальцы и выдавливать себе глаза он не стал. Захотелось пить. Горло пересохло так, будто он бродил по пустыне под палящим солнцем несколько дней.

Артем зашел в «Елисеевский», балдея от обилия открыто лежащих продуктов, прошелся по залу, глотая слону и разглядывая прилавки, потом вспомнил, зачем зашел в магазин, и достал с полки бутылку минеральной воды. Жадно

выпил полбутылки, остальное вылил себе на голову, аккуратно поставил пустую бутылку на прилавок и вдруг услышал с улицы какие-то звуки, похожие на приближавшийся топот. Выскочил из магазина и увидел стремительно бегущего по тротуару мужчину с залитым кровью лицом.

Человек дернулся в сторону, заметив Артема, перебежал на другую сторону улицы и припустил быстрей, пока не скрылся в переходе на Пушкинской площади. Только тогда Артем опомнился, хотел было броситься за незнакомцем, но врожденное чувство опасности остановило его, и вовремя. Послышался странный дребезжащий гул-свист, и с крыши дома в сотне метров от того места, где стоял Артем, свалился необычный аппарат, похожий на хищную птичью голову с клювом, два эллипсоидальных выступа по бокам головы походили на уши, а сзади трепетал самый настоящий хвост из черных пушистых перьев, которые и порождали свист, накладывающийся на гул кабины-гондолы. Аппарат, накренясь, понесся вдоль улицы по следу беглеца, пролетел мимо присевшего за машиной Артема и завис над площадью, хищно поводя своим клювом из стороны в сторону. Затем вдруг с клюва сорвался длинный шипящий язык радужного огня, с грохотом разлетелась витрина магазина на углу.

Необычный аппарат двинулся кругами над площадью, дважды выстрелил языками яркого радужного пламени внутрь подземных переходов и развернулся в ту сторону, где, разинув рот, стоял Артем. Молодого человека спасло только падение осколка стекла за кормой аппарата. Клюв летающего огнемета мгновенно развернулся на звук, а Артем метнулся в дверь магазина, понимая, что его может постичь участь беглеца с окровавленным лицом. Вихрем промчавшись через залы «Елисеевского», он выскочил в Козицкий переулок, а оттуда во двор дома за магазином, рванул дворами к Страстному бульвару и, уже сворачивая в переход, ведущий в метро, заметил боковым зрением движение сзади. Проклятая летающая птичья голова все-таки засекла его маневр.

Прыгая через десяток ступенек сразу, он ссыпался по лестнице вниз, свернул в переход налево, и тотчас же сзади

пронесся свистящий факел огня, от которого затрещали волосы и задымилась рубашка на спине Артема.

— Сюда! — услышал он вдруг чей-то возглас.

Не раздумывая, свернул в приоткрывшуюся в стене перехода дверцу, хотя намеревался добежать до входа в метро, и оказался в узком помещении, заставленном коробками, банками с краской, досками и пачками газет. Дверца закрылась за ним, стало темно, однако Артем все же успел рассмотреть человека с испачканным кровью лицом. Это был тот самый беглец, за которым охотилась жуткая птицеголовая машина, стреляющая струями пламени. Впрочем, теперь она охотилась за ними обоими.

Артем открыл было рот спросить, что происходит, но мужчина прошипел:

— Тихо!

За дверцей послышался гул, завибрировали стены перехода, затем щели дверцы засветились, раздался свистящий удар, грохот раскалывающегося стекла и падающих плит перекрытия. Гул отдалился. Еще раз донесся тяжкий удар, потрясший подземный переход, и все стихло. Но беглецы еще несколько минут сидели в темноте, прислушиваясь к долетавшим из перехода звукам, и молчали. Потом Артем отодвинулся от провонявшего потом, кровью и пылью неизвестного и спросил:

— Кто вы?

— Такой же неперемещенный, как и вы, — невнятно пробормотал мужчина.

— Что это значит?

— Это значит, что мы обречены...

Артем разозлился.

— Говорите ясней. Что за «птица» за нами охотится? Что вообще происходит, черт побери?!

Мужчина зашевелился, приоткрыл дверцу помещения, служившего, очевидно, подсобкой магазинчика в переходе метро, оглянулся на Артема.

— Если я расскажу, вы не поверите, примете за психа. Я сам бы не поверил, когда б узнал. Пошли отсюда, здесь мы не отсидимся. Оружие бы хоть какое достать, а то бегаю

от этого летающего гуся, как мышь. Если хотите жить, следуйте за мной.

— Что вы намерены делать?

— Для начала нырнем в метро, там нас искать не станут, хотя, конечно, наверняка я утверждать не могу. И все же шанс прожить на пару часов больше у нас есть. Идете?

Артем подумал. Идти никуда не хотелось, но и оставаться здесь смысла не было.

— Иду.

— Тогда не отставайте.

Они на цыпочках двинулись ко входу в метро, стараясь не наступать на осколки стекла и кафеля, так же тихо спустились по ступеням вниз, дошли до эскалатора, но в это время послышался нарастающий свистящий гул и в зал ворвалась знакомая птицеголовая машина, над клювом-излучателем которой горел мощный прожектор.

Беглецов спасла стойкатурникета, за которую они успели присесть. Луч прожектора прошелся над ними — раз, другой, третий, преследователи в машине пытались разглядеть пустой зал станции метро «Чеховская», кстати, хорошо освещенный штатными светильниками, а может быть, это был кибер, запрограммированный на поиск людей, но главное, Артем и его новый знакомый остались незамеченными. Поворочав прожектором (луч света бил, казалось, прямо из лобовой брони), машина попятилась назад и скрылась в переходе. Но это было еще не все, потому что сквозь прерывистый гул послышались чьи-то визгливые голоса, команды и топот ног. Птицеголовая машина высаживала десант.

Незнакомец, не пожелавший назвать свое имя, побледнел, что было видно по части щеки, не залитой кровью.

— Охотники! Ойги! Нам конец!..

— Что за охотники?! — притянул его к себе за отворот рубашки Артем.

— Ты не поверишь...

— Говори!

— Они не отсюда...

— А откуда?! Говори, зараза, а то убью к хренам!

— Ойги... как тебе сказать... в общем, они чужие...

— Пришельцы, что ли?!

— Не совсем. Они из прошлого... хотя для нас они все равно пришельцы. И теперь охотятся за теми, кто оказался неперемещенным.

— Куда?!

— В будущее...

В переходе загудело сильнее, стихло, однако топот послышался отчетливей, к залу станции приближались люди в клацающих металлом ботинках.

— За мной! — выдохнул Артем и одним движением перемахнул через турникет, уселся на разделяющую лестницы перегородку и съехал вниз на заднице, увертываясь от стоек фонарей. Больше всего нервировал его тот факт, что в метро горел свет! Хотя, возможно, диспетчеры электростанции, снабжающей Москву энергией, еще не знали, что город пуст, и продолжали поддерживать в сети нормальное напряжение.

Ценой нескольких ушибов им удалось скатиться вниз, почти не поднимая шума, но останавливаться было нельзя, звуки шагов слышались уже над головой, и Артем бросился к тоннелю метро, понимая, что выхода у них нет. Преследователи знали, что они здесь, и собирались, видимо, прочесать всю станцию.

Электропоезд стоял у перрона, двери его были закрыты, в вагонах горел свет, однако людей и здесь не было видно, и Артем снова поразился отсутствию толпы и шума, сопутствующего бесспокойной жизни станций метро. У него было такое ощущение, что люди вот-вот появятся, мир вернется к привычной жизни, все вокруг двинется с места, а он очнется от странного сна, чтобы посмеяться над своими видениями и страхами. Но тишина нарушилась лишь звуками его шагов и топотом на лестницах эскалатора, пол казался твердым и неподатливым, корпуса вагонов железными, стены мраморными, в глазах ничего не двоилось, и Артем, преодолев приступ обессиливающих сомнений в собственной нормальности, спрыгнул на рельсы впереди электропоезда. Его неожиданный спутник оказался на рельсах секундой

позже, и они бросились в глубину тоннеля, поминутно ожидая окрика или выстрела в спину.

Но убежать успели недалеко, метров на двести. Интуиция заставила Артема остановиться и метнуться в темноту ниши с противопожарным инвентарем. Мужчина присоединился к нему, и тотчас же сзади в свете фонаря на своде тоннеля показались преследователи.

Их было шестеро, все высокие, массивные, в камуфляже, с особыми шлемами на головах, и Артем снова усомнился в словах спутника, что преследователи — пришельцы, уж очень они походили на обычновенных спецназовцев в боевых оперативных комбинезонах. Однако, во-первых, оружие в их руках никак нельзя было назвать обычновенным, огнестрельным или каким-нибудь иным: в руках «спецназовцы» держали черные дубины с чем-то вроде светящихся стеклянных ананасов вместо утолщений, а во-вторых, бежали они совершенно не по-человечески, выгибая ноги не в коленях, а сразу в двух местах и в разные стороны. Вдобавок ко всему ботинки на них были какие-то плоские, как огромные толстые ласты, ну, может, чуть покороче, и при каждом шаге издавали металлический щелчок, напоминающий звук конской подковы о камень мостовой.

— Мать честная! — прошептал Артем. — Откуда свалились эти уроды?!

— Можно рыть могилы, — почти спокойно отозвался мужчина, начиная дрожать мелкой дрожью. — В живых ойги никого не оставляют. Свидетели перемещения им не нужны.

— Ну уж хрена с два! — оскалился инструктор. — Это мы еще посмотрим, кому придется рыть могилы. Что у них в руках?

. — Метатели каких-то энергетических капсул, каждая взрывается, как граната, хотя и без осколков, но в радиусе трех метров все исчезает. Так они убили моего друга.

— Понятно. Жаль, что я не взял с собой пистолет. Тем не менее попробуем посражаться чем бог послал:

Артем снял со щита на стене ниши лом, протянул незнакомцу.

— Держи. Как только они приблизятся — бросишь лом как можно дальше от себя, в глубь тоннеля. Как тебя зовут?

— Эдуард Александрович... Эдик.

— Меня Артем. Женат?

Мужчина несколько успокоился, перестал дрожать.

— Был женат, дочка Ася, жена Марина... все уже там...

— Где?

— Где все, — криво усмехнулся Эдик.

— На том свете, что ли?

— Может быть, и на том, а может, и на этом, только на пару тысяч лет дальше, в будущем.

Артем посмотрел на спутника с состраданием, как на сумасшедшего, снял со щита топор с красной деревянной ручкой и баллон огнетушителя, оглядел фланец трубы с вентилем, к которому можно было в случае пожара присоединить шланг, и остался доволен. Можно было начинать свою маленькую войну с пришельцами, кто бы они ни были.

Улучив момент, когда шестерка обследующих тоннель чужаков сблизилась для короткого совещания (идиоты, кто же это делает во время преследования?!), Артем метнулся в нишу напротив, где начинался так называемый «технический карман» метро, и скрылся в темноте. Потянулись секунды ожидания, отсчитываемые цокающими шлепками шагами «спецназовцев», они наконец преодолели двести метров, явно не спеша с поисками беглецов, и наступил момент действия.

Послышался звон и лязг — это лом, брошенный Эдиком, закувыркался по рельсам и шпалам метропути, «спецназовцы» ответили дружным залпом из своих «метателей ананасных долек»: шесть голубых дымных струй прорезали воздух, шесть ослепительных вспышек разорвали полутору тоннеля в двадцати шагах от спрятавшихся людей, и тоннель в этом месте увеличил диаметр на несколько метров. Исчезли рельсы, шпалы, тюбинги стен, кабели и трубопроводы, исчезли фонари, крепления потолка, швеллеры бортовых конструкций вдоль тоннеля, исчезли десятки кубометров земли и камня, сквозь которые был проложен ствол

метро. Стало гораздо темнее. И в миг, когда «спецназовцы» двинулись вперед, среди них появился Артем, вооруженный топором и монтировкой, которую он обнаружил в нише технического обеспечения.

Этот бой вряд ли можно было взять за образец воинского искусства и тактического мастерства. Во всяком случае, обучая профи разведки, Артем не стал бы приводить его в пример, потому что для оперов Главного разведуправления всякий бой — это практически провал, агония, ошибка, неудача, акт отчаяния, все, что угодно, только не победа. Хотя драться, защищать свою жизнь они, конечно, должны были уметь. Бой же с преследователями, выглядевшими обыкновенными омоновцами и одновременно неземными «кузнецами» из фантастических романов, самому Артему казался сном... Если бы не тоскливая реальность происходящего. Врагов было шестеро, он был один, и о жалости, красоте движения и прочих человеческих эмоциях и категориях речь не шла.

Первый удар — топором по шлему — показал, что пришельцы киборгами не являются и реагируют на внезапную атаку не лучше дико испуганных людей: не поняв, что произошло, они просто начали палить во все стороны, в том числе и друг в друга. Скорее всего они не ожидали, что получат отпор.

Топор остался в голове завязавшегося в узел «спецназовца», и дальше Артем действовал монтировкой, в течение секунды разбив шлемы трем чужакам. Затем он свернулся шею (хрустнуло, будто отломилась ледяная сосулька) четвертому противнику, отобрал у него «ананас на палочке» и, взмахнув им, врезал пятому по шлему...

Бой закончился.

Шестеро пришельцев, дергая конечностями, лежали на шпалах и рельсах, воняло дымом, сгоревшей изоляцией и уксусом, но все перебивал запах озона. Из нишиглянул ошелевший Эдик, приблизился, вытягивая шею и разглядывая поверженных преследователей, прохрипел вполголоса:

— Охренеть можно!.. Как это ты их?!

Артем молча собрал «ананасы» метателей зарядов, уничтожающих вещество.

— Пошли отсюда. Перекусить надо, отдохнуть и поговорить. Ты знаешь, откуда взялись эти монстры?

Эдик ответить не успел. В стороне станции послышались гул, металлические щелчки, голоса, звуки шагов, и Артем махнул приятелю рукой.

— За мной! Доберемся до вентиляционного колодца — уцелеем.

К счастью, у преследователей не было собак, иначе беглецам пришлось бы туго. Новая группа «спецназовцев», прибывшая к месту боя, сразу принялась палить во все стороны, на малейший звук и шорох, на отблески огней и игру теней, уничтожив по крайней мере до десяти тысяч кубометров грунта вместе с кровлей тоннеля и стаю крыс в придачу, но добилась лишь того, что кровля, лишенная тюбинтового крепления, рухнула и едва не завалила самих стрелков.

Артем с Эдиком к этому времени были уже далеко от района сражения чужаков с собственным страхом. Им удалось добраться до колодца, ведущего вверх, и выбраться из системы подземных коммуникаций метро в трубопровод канализации, откуда они попали в один из дворов Вознесенского переулка. Передохнув пару минут, прислушиваясь к небывалой тишине города, от которой шевелились волосы на голове и замирало сердце, они со всеми предосторожностями посетили продуктовый магазин на углу Большой Никитской и Хлыновского переулка и устроились в одной из пустых квартир неподалеку для отдыха и обсуждения сдавшегося положения.

— А теперь выкладывай все, что знаешь, — сказал Артем, обойдя квартиру и возвращаясь с острым самодельным ножом, который он обнаружил на кухне.

Эдуард, смывший с лица кровь и оказавшийся не только блондином, но и альбиносом, уселся в кресло с целым стаканом коньяка, половину которого тут же выпил, пьянея на глазах. Все его лицо через верхнюю губу пересекал рваный шрам — от шеи слева до уха справа, под глазом багровела

ссадина, на скуле виднелась фиолетовая гематома, и Артем невольно покачал головой:

— Эк тебе досталось!.. — Подошел, отобрал стакан. — Сначала рассказывай, потом допьешь.

— Все равно не поверишь, — скрчил унылую гримасу Эдик. — Ты кто по профессии?

— Слесарь-гинеколог, — сострил Артем.

— Понятно, секрет. Судя по мордобою, ты из СОБРа или спецназа. Но от ойгов все равно не уйдешь, не спрячешься...

— Кто такие ойги?

— Хроноджамперы. — Глаза Эдика посоветели, он был готов отрубиться.

Артем шлепнул его по щеке, встряхнул за ворот грязной рубашки.

— Говори толком! Что за хреноджамперы? Откуда они? Что вообще происходит в Москве? Где все люди?

— В Москве... — хихикнул Эдик, приходя в себя на короткое время. — Если бы только в Москве. А во всем мире не хочешь? Щас на всем шарике никого нет, кроме нас с тобой да сотен трех неперемещенных, как и мы. Эти разумные хорьки-ойги не в счет. Они, видите ли, решили попользоваться готовеньким: переместили все человечество на тысячи лет вперед, а сами теперь переселятся в наше время из прошлого. И делают они так уже не в первый раз. Динозавры тоже были разумными, как и люди, а эти хорьки переместили их на миллионы лет вперед, они все и загнулись в короткое время... от экологической несовместимости. Теперь наш черед. — Эдик сплюнул. — Дай глотнуть.

— Успеешь. Если я тебя правильно понял, это не пришельцы? Не зеленые человечки с летающих тарелок?

— Ты молоток, быстро соображаешь. Ойги — пришельцы, но не из космоса, а из прошлого. Обыкновенные технологические паразиты, как говорил Славик Полянский... вечная ему память!.. Они умеют перемещаться во времени. Посылают вперед команду, которая готовит переброс всех разумных существ вперед, а сами приходят им на смену. На Земле никого нет, а все есть, понимаешь? — Эдик снова хи-

хикнул, язык его начал заплетаться. — Ни одной живой души, ни одного человека, а ифасруксу... инфраструктура имеется. Этим резиноногим нужна была другая эпоха для заселения, где уже развита техника и наука. Воевать — это практически уничтожить все, что построено, а вот если переместить всех людей в будущее... — Эдик потянулся к бутылке. — В горле пересохло, дай глоточек перед смертью. Последняя воля приговоренного — закон!..

Артем помотал головой, закрыв глаза, снова посмотрел на спутника, готового рухнуть и уснуть.

— Ты... спятил?!

— Сам дурак! — обиделся Эдик. — Я тебе — как на духу. Эти уроды подсоединились к мировой компьютерной сети, превратили ее в генератор времени и — фьють! — Он резко взмахнул рукой и завалился на диван. — Все исчезли! Нема никого. Все в будущем. Может, на тысячу лет, может, на миллион... — Он повозился и лег поудобней, не обращая внимания на мимику Артема, ошеломленного — он почему-то сразу в это поверил — известием.

— Откуда ты все знаешь??!

— Я... работал... программистом... в институте... вместе со Славиком...

— И ты им помогал?!

— Как же им не помогать, ежели вся наша группа была запрограммирована... зомбирована.... кроме Славика... он и меня научил, как освободиться... потом мы сбежали, а Славика они испарили, даже ботинок не осталось! — Эдик заплакал. — Транклюкировали, гады... и до нас доберутся... — Он зевнул и затих.

Артем очнулся, затормошил приятеля, дважды ударив его по щекам. Эдуард сморщился, начал отбиваться, еле разлепил слезящиеся глаза.

— Ну чего ты пристал? Видишь, человеку совсем плохо? Не бей... — Он принаорился лечь, но Артем плеснул ему в лицо воды, посадил прямо.

— Ну, хорошо, допустим, эти резиноногие ойги... это ты их так называешь или они сами?

— Сами они называют себя ойгохорьями, Славик пере-

иначил их в хорьков-ойгов. Уже двадцать лет они сидят на Земле, в научных центрах, в каждом правительстве... Дай, говорю, глотнуть, а то умру!

— Допустим, ойги послали все человечество в будущее... бред какой-то!.. Почему же мы с тобой остались?

— Есть люди с «белым» сознанием... ну, они могут переходить в такое состояние, когда их сознание не зависит от внешнего воздействия... торсионные поля в группе Ли-пребразований... ты не поймешь...

— А ты объясни, чтобы я понял.

— Все люди передают и принимают пси-информацию с ускорением-замедлением скорости передачи, что, по сути, есть мысль, прием и передача информации с постоянной скоростью — свойство информационных тел, не обладающих мыслительной способностью. Улавливаешь?

— И что?

— У людей с «белым» сознанием возможно состояние, когда они не мыслят. Ты, очевидно, находился именно в таком состоянии, когда сработала группа временного преобразования всего информационного поля Земли — через компьютерные сети, между прочим... а ты в этот момент выпал из него...

— Я спал...

— Ну вот. Мы со Славиком тоже можем так «спать». Могли... Только они его убили и гонятся теперь за мной. — Эдик отобрал из руки Артема бутылку, выдул ее в три глотка и снова рухнул на диван. — Как только они подчистят территорию от таких, как мы, начнется... — донеслось сквозь сопение.

— Что начнется? — нагнулся к нему Артем.

— Заселение... — еле слышно ответил беглец.

Артем попытался его растормошить, но безуспешно. Эдик находился в полном отрубе. Артему ничего не оставалось делать, как ждать, когда он очнется.

Ждать пришлось четыре с лишним часа, практически до вечера. За это время Артем сделал вылазку за пределы квартала, дважды прятался от птицеголовых машин, шныряю-

ших над улицами города, чуть не попал под облаву, устроенную «спецназовцами» на кузнециковидных «резиновых» ногах, ушел от нее через канализационный люк и выбрался из системы канализации в районе Большого Крымского моста, напротив Театра эстрады. Полюбовавшись на стены и башни Кремля по ту сторону реки, над которым также летали хищные «птичье головы», чуть не взывший от безысходности (мать честная, да что же это творится на белом свете?!), Артем собрался было вылезти из люка, но одна из пролетавших над рекой машин засекла его, и Артему пришлось проявить чудеса находчивости и скорости бега по трубам канализации, спасаясь от преследования, отчего он вернулся в квартиру со спящим Эдиком злым и воинственным, приняв решение начать партизанскую войну с хроноджамперами. Надо было лишь определить их уязвимое место, найти центр управления временным перемещением и вернуть людей обратно из будущего в родное время. Судя по действиям «спецназовцев», профессиональными бойцами и охотниками они не были, и с ними можно было сражаться на равных, несмотря на экипировку и вооружение.

Эдик еще спал, но терпения подождать, когда он выспится, у Артема не хватило, поэтому он применил испытанное народное средство: дотащил бесчувственное тело до ванной комнаты, раздел до пояса, впихнул в ванну и включил холодную воду. Через полчаса мычания, стонов, воплей, ругани, сменившихся членораздельной речью, Эдуард приобрел более или менее живой вид, и Артем принялся выпытывать у бывшего компьютерщика, доктора физико-математических наук, как оказалось, подробности захвата Земли хронодиверсантами. После того как Эдик рассказал все, что знал, Артем сообщил ему план действий, на что физик отреагировал вполне естественным образом — покрутил пальцем у виска.

— Ты псих! У них же армия, а ты один!

— Во-первых, армия у них хоть и технически оснащенная, но не боевая, видно, что мужики не привыкли воевать по-серезному. Во-вторых, если я остался неперемещенным, то и другие такие же отыщутся, вот как ты, к примеру.

И, в-третьих, до переселения сюда ойгов осталось не так уж и много времени, так что выбора у нас все равно нет.

— Я не умею...

— Зато все про ойгов знаешь. А если ни на что не надеялся, зачем же тогда бежал от этих... хроножо... хроноджамперов?!

— Славик подбил... О долгे говорил. Да пойми ты, нас мгновенно прихлопнут, как мух, если мы высунемся. Видел, какая у них силища?!

— Фигня, — отмахнулся Артем. — Уэллса помнишь? Марсиане тоже хотели попользоваться готовеньким, да ничего у них не вышло.

— Так то ж фантастика...

— Фантастика отражает реальность. Ты что же думаешь, отсидишься здесь? Ойти в покое тебя не оставят, слуги им, судя по всему, не нужны.

— Все равно не хочу, — буркнул Эдик, набычившись. — Так хөт пару дней лишних...

Артем сплюнул, с презрением оглядел его синее лицо.

— Хрен с тобой, я один пойду, скажи только, где находится их центр управления перемещением? Не в Кремле случайно?

— Нет, — качнул головой Эдик, пряча глаза. — Генератором служит вся компьютерно-телефонно-электрическая система планеты; каждый провод, каждый компьютер — это проводник, а центр управления расположен на территории Курчатовского института.

— Ясно. Где именно?

— Улицу Максимова знаешь? Там проходная с часами, спуск под землю... Ты что, всерьез собираешься гробануть центр управления?! Это же самоубийство!

— Сначала попробую крутануть генератор назад, чтобы вернуть людей обратно. Мне терять нечего. Прощай, неперемещенный, не встретимся уже, наверно.

Артем деловито сложил в найденную в шкафу сумку отобранное у «спецназовцев» оружие, переоделся в рубашку и джинсы, найденные в спальне, и пошел к двери, не обра-

щая внимания на сгорбившегося на диване Эдуарда. Потом вернулся:

— Случайно не знаешь, как пользоваться этой дубиной? — Он показал на стреляющий дольками «ананас» на рукояти. — Ни курка, ни дула...

— Для этого нужен шлем...

— Черт! Что же ты не предупредил? Мы бы сразу взяли парочку у тех, в тоннеле. Теперь вот придется охотиться за шлемом. Ладно, разберусь.

Он вышел из квартиры. Наступившая тишина показалась оставшемуся Эдику оглушительной.

— Погоди! — бросился он за Артемом, догоняя его на лестничной площадке. — Я тебе хотел сказать...

— У меня мало времени, — бросил через плечо Артем, продолжая спускаться.

— Я хотел сказать... я с тобой!

Артем остановился, медленно поворачиваясь, недоверчиво оглядел бывшего программиста с ног до головы, усмехнулся.

— Не пожалеешь? Не на прогулку идем.

Эдик криво улыбнулся в ответ.

— Как говорил Панург: как бы ты ни поступил, все равно будешь жалеть об этом. Дай мне один метатель. Уверенней себя чувствуешь, когда в руках оружие.

Артем поколебался немного, потом протянул напарнику «ананас» на рукояти, хлопнул его по плечу и, не оглядываясь, направился вниз по лестнице, не сомневаясь в своем выборе. Сомнение в его понимании никогда не являлось мерой ценности. Единственная же ценность, которая стояла жизни, называлась свободой...

* * *

— Верните его, — сказал пожилой лысоватый мужчина в голубом халате, глядя на лежащее на специальном столе тело человека, на запястьях и лодыжках которого были надеты браслеты, а на голове необычной формы шлем.

— Он нам подходит, — сказал второй мужчина в таком

же халате, но моложе, со шрамом на щеке. — Вводную он воспринял нормально. Я боялся, что у него поедет крыша.

— У кого хочешь поедет, — угрюмо бросил лысый. — Вряд ли он обрадуется, когда узнает, что действительность ничуть не лучше его виртуальной реальности с хроноджамперами.

Он махнул рукой, подзывая медсестру.

— Начинайте брейнсорбцию.

Мужчины вышли из палаты без единого окна, пересекли коридор, поднялись в лифте на два этажа выше и вошли в комнату, занятую компьютерным комплексом и десятком устройств с разнокалиберными экранами, за пультами управления которых сидели люди в халатах, но уже не в голубых, а в серых и со шлемами на головах. Прибывшие тоже надели шлемы, подошли к столу, за которым сидел седой старик с худым изможденным лицом. Халат на нем был белый.

— Команда практически готова, — сказал мужчина со шрамом. — Защита им не нужна. Можем посыпать хоть завтра.

Старик молча кивнул, трогая клавишу на пульте компьютера.

Картинка на экране изменилась. На фоне мрака космического пространства стала видна Земля, опутанная сетью линий спутниковой связи. Начала приближаться, словно съемка велась с борта совершающего посадку космического корабля, превратилась в плоскость, на которой появился город и стал увеличиваться, расти, пока не закрыл весь экран. Стали видны извилистая петля реки, кварталы, купола церквей, красивый комплекс старинных зданий, обнесенный зубчатой стеной, в котором угадывался Московский Кремль. Все здания города соединялись пульсирующими светящимися линиями, которые соединялись на северо-западе в яркий светящийся узел. Фокус зрения телекамеры чуть сместился, и стали видны движущиеся по тротуарам потоки людей, а по улицам — потоки машин. Ничего удивительного, обычная картина живого города. Но вот камера опустилась ниже, и стали видны лица прохожих — с бездум-

ными невидящими глазами, пустые, без единой улыбки или гримасы. Это были лица мертвцов!

— Наше будущее, — тихо сказал старик.

Над головой послышались далекие гулкие удары: тумм-тумм-тумм, от которых начали вздрогивать стены и пол комнаты, замигали экраны, потом раздался короткий грохот и все стихло.

Один из операторов сделал успокаивающий жест в ответ на взгляды старика и мужчин в голубых халатах.

— Ничего страшного, какой-то хакер пытался взломать нашу защиту, мы его завернули в вату.

Мужчины снова повернулись к экрану компьютера. Старик пробежал пальцами по клавиатуре, вид на город с высоты птичьего полета исчез, появилась труба канализации, по которой брели шестеро в пятнистых комбинезонах, вооруженные с головы до ног.

— Они понимают свою задачу? — спросил старик.

— Так точно, — ответил молодой со шрамом. — Выйти из игрового поля и уничтожить программатор, запустив в него вирус.

— Идите, готовьтесь к выходу.

Молодой козырнул и вышел.

Старик посмотрел на пожилого, устало размял лицо ладонью.

— Как ты думаешь, психика этого парня, Артема Бойцова, выдержит, когда он узнает, что все мы — живые биокомпьютеры — объединены в один колоссальный сверхкомпьютер?

— Судя по тесту, выдержит, — кивнул после паузы лысый. — Сложнее будет воспринять другой уровень правды, что он сам и мы, такие же, как он, являемся всего лишь своеобразным самостоятельным файлом внутри этого компьютера. Единственным пока еще свободным файлом. Если мы не поторопимся с уничтожением программатора, то есть сети Интернет, запустив в него наш вирус, жизнь людей на Земле скоро не останется. На ней будет жить очень большой компьютер-термитник, играющий людьми, подчиняющийся дьяволу, которого мы же сами и создали...

ПОКУПКА

Совсем ненаучная фантастика

Константин шел по рынку и ради смеха приценивался ко всему, что видел глаз. Удачно доведенная до логического конца операция с соседскими цветами позволяла ему чувствовать себя хозяином положения до двух часов дня включительно и сулила не только пиво, на что он рассчитывал вначале, но и заграничную жидкость под названием «Гавана-клуб», что в переводе означало примерно то же, что и самогон.

Подойдя к краю шеренги «кустарей», изготавливших вручную всякую всячину от сапожных гвоздей до средства от насморка, он заметил странную личность в непонятном одеянии, державшую в руках блестящую штуковину с рычагом. «Личность» была на вид худа и невзрачна, многодневная, но редкая щетина не могла скрыть под собой горную складчатость лица, громадные черные брови прятали в пропастях глазниц темные омуты глаз. «Леший! — решил про себя Константин. — И не боится при народе!..»

— Привет, — сказал Константин «лешему», удостоверившись осмотром, и потрогал рычаг штуковины. — И как же эта твоя хреновина работает?

— Отвали, — прогундосил «леший», презрительно окидывая Константина взглядом. — Твоих средствов не хватит, брандахлыст.

Константин от такого обращения оторопел, но так как он не знал значения слова «брандахлыст», то ограничился только коротким:

— Сам дурак! У меня, может, целый капитал — одиннадцать рублей под кепкой! А ты — средствов не хватит!

— Инда другое дело, — изменился в тоне «леший». — А работает она проще пареной репы: нажал тута, и весь сказ. Бери, за рупь отдам.

— Тю! — обалдел Константин. — Ты же брехал — «средствов не хватит»! Рекфеллюр косоглазый!

— А че с хорошего-то человека деньги драть, — совсем ласково прошлепал губами «леший». — Бери, дешевле грибов.

Константин хмыкнул, сдвинул кепку на затылок и с некоторым трудом подсчитал в уме предлагаемый убыток. Без рубля закусь выходила не ахти какая: если брать заморский «Клуб», то на кильку хватало. «А, сатана его задери! — уговорил он себя. — Возьму! Женку удивлю и соседу пузатому покажу — знай наших!»

— На, хрен старый, — достал он железный рубль и протянул продавцу. — На зуб спробуй, может, фальшивый.

«Леший» рубль на зуб пробовать не стал и тут же скрылся, будто его и не было.

— Во дает! — крякнул Константин, шибко почесал темя и с трудом выпрямился, держа на весу тяжелую штуковину с рычагом. — Мать честная, да в ей же пуда четыре! А на вид не больше трех!

Кое-как дотащив покупку до скверика, Константин опустил ее на скамейку и вытер лицо кепкой.

— Ух и зараза! Бросить, что ли? На кой ляд она мне?! Купил, называется!..

Он со злости хрюснул штуковину кулаком и минут десять сидел рядом, отдыхал, курил и ругал себя самыми последними словами, которые почему-то всегда приходят на язык первыми. С одной стороны, железяка ему была абсолютно не нужна, и тащить ее в деревню, трястись в автобусе, а потом еще и пешком пилить три версты было глупо, тем более что ничего путящего из нее сделать было нельзя, кроме разве что подставки под самогонный аппарат. С другой стороны, Константину до слез и спазм в животе было жаль потраченного рубля.

«Эх, мать честная! — горько думал он, вспоминая странного продавца. — Уговорил, леший его задери! Что ж это я у него купил? Даже не спросил, зачем тут палка пристроена... И старик чудной попался, за рупь отдал... я бы ни в жисть не отдал!»

Константин с досады треснул штуковину ногой и вдруг

заметил на ее боку какую-то надпись. Нагнувшись, разобрал:

«МАДЭ ИН ПРИШЕЛЬЦЫ! МАШИНА ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ, ЗНАЧИТ, ЖЕЛАНИЙ!»

Охнув от неожиданности, Константин зажмурился, покрутил головой, снова посмотрел на покупку. Надпись не исчезла. Константин дважды прочитал ее, шевеля губами, потом попытался вспомнить, как в книгах описываются избавления от галлюцинаций и наваждений. Вспомнил. Надавил пальцем на глаз и чуть не заорал от боли. Подумал: «Во пишут, ядрена штукатурка! Ослепнуть можно!»

Он перевернул штуковину на другой бок и увидел еще одну табличку с такой же — по части грамоты — надписью:

«ЗАГАДСТВО ЖЕЛАНИЕ И ДВИНУТЬ РЫЧАГ ДО УПОР. ТУТ ЖЕ И ПОЛУЧАТЬ ЕСТЬ!»

— Так! — сказал Константин севшим голосом и по привычке добавил пару выражений на древнеславянском. — Точно — пришелец! Похож, как вылитый! У сына где-то и книжка валяется про таких индюков залетных... Желания, значит, выполняет...

Ему стало жарко, и он скинул рубаху, не обращая внимания на удивленные взгляды прохожих.

— Тогда мы ему загадаем! Такое загадаем — удивится!

Думал он, однако, долго, мучился. Перед мысленным взором появлялись то грузовая машина с прицепом, то четырехкомнатная квартира в городе с мусоросборником, то ящик «Столичной», то цветной телевизор за четвертак, то красавица соседка. Наконец он остановил свой выбор на соседке.

«А мужа — на Колыму!» — решил он и рванул рычаг.

* * *

Очнулся он почему-то на клумбе. Была ночь. Где-то выла собака, напоминая заезжего гастролера, знакомо пахло дымом, этилмеркаптаном, свинарником и цветами. Где-то на околице выли дурными голосами «Веселые ребята». Рядом в круге фонарного света топтались чьи-то ноги. Как сквозь вату доносился голос ненавистного соседа:

— Живой, Костик?

«Неужели уже с Колымы вернулся? — вяло подумал Константин. — Эх, надо было дальше отправить, на Луну или на Марс!»

Он с трудом встал, пощупал голову и обнаружил на затылке громадную пульсирующую шишку.

— Извини, Костик, — виновато сказал сосед, пряча за спину лом. — Думал, воры за цветами лезут, не разглядел в темноте...

— Это все «леший», — тупо проговорил Константин, потрогал шишку и пожалел, что не успел выпить пол-литра до того, как очнулся.

ULTIMA RATIO

Североморск засыпало снегом, несмотря на середину марта, и город снова побелел, съежился, притих в ожидании весны и перемен, хотя оптимизма в этом ожидании было мало. Большинство предприятий главной базы Северного флота России не работало. Закованные льдом и припорощенные снегом стояли в порту крейсера, эсминцы, сторожевые катера, черно-серыми тушами сдохших китов высокивались из льда и воды длинные вздутия подводных лодок. Многие из них просто дожидались конца, годясь лишь на металлом, и только ядерные реакторы не позволяли людям затопить лодки. Завод же по разделке корпусов кораблей неправлялся с ликвидацией списанных посудин.

Николай Ващинин каждый день проходил по берегу Кольского залива и с болью в сердце смотрел сверху на мертвые корабли. Многие моряки были ему знакомы, кое с кем из них он дружил с детства и знал, чем живет и дышит флот вообще и каждый, кто с ним связан, в частности. Жизнью эту ежедневную борьбу за выживание назвать было трудно.

Сам Ващинин тоже в свое время хотел попасть на флот и даже пытался поступить в мореходку, но не прошел по здоровью. Зато ему удалось закончить институт инженеров

морского транспорта в Мурманске, а затем устроиться в порту и пережить все невзгоды переходного — от бандитского социализма к не менее криминальному капитализму — периода, хотя, как и все, зарплату он получал мизерную и на месяц, два, а то и полгода позже, чем следовало. И все же семью прокормить он не мог. Если бы не тестя-пенсионер, удачно торгующий на местном рынке овощами с собственного садового участка и подбрасывающий время от времени зятю и дочери деньжат или тех же овощей и фруктов, Ващинин давно протянул бы ноги.

В этот день он возвращался с работы рано, его отпустили по случаю дня рождения, и решил завернуть на рынок, чтобы договориться с тестем о воскресной рыбалке.

Снег продолжал сыпать с беспросветно-свинцового неба, прохожие кутались в воротники, спешили закончить дела дотемна, быстро обходили полупустой рынок. Николай тоже не задержался в неуютном помещении, выскочив на территорию летнего рынка с пустыми торговыми рядами. И тут его окликнули:

— Эй, земляк, подойди.

Ващинин оглянулся. Из ниши, образованной углом здания, забором и навесом, выглядывала темная фигура в нахлобученной на брови собольей шапке и ватнике. Николай подошел. Денег у него с собой было немного, и быть ограбленным он не боялся.

— Извини, землячок, — хрипловатым голосом сказал мужик, в голосе которого сквозили виноватые нотки, а в глазах тлела тоска. — Выручи, друг, четвертый день сидим без крошки хлеба. Ты не думай, не зэк я и не нищий, охотник, да, вишь, заготовитель подвел... Ей-богу, отдам.

Ващинин порылся в бумажнике, молча протянул охотнику (на вид — лет пятьдесят, щеки ввалились, действительно плохо мужику) пятидесятирублевую купюру.

— Держи, потом как-нибудь отдашь.

— Вот спасибо, земляк! — обрадовался замерзший мужик. — Выручил по-человечески. А не хочешь у меня купить эту железку? Даром отдашь, больно нужда заела.

Он достал из-за пазухи тряпичный сверток, развернул, и

Ващинин увидел странной формы пистолет из черного металла, отсвечивающего красными и фиолетовыми искрами.

— Что это?

— Бери, не сомневайся, в хозяйстве при нынешних временах пригодится. Стреляет бесшумно, лазерный прицел, попадает на два километра, сам проверял.

— Это... «маузер»? — Николай взял в руки теплый на ощупь, тяжелый пистолет.

— Не, не «маузер», — усмехнулся мужик, — там на рукояти три цифры выдавлены и какой-то значок в виде паука. Бери, задаром отдаю, добавь только еще полтинник.

Николай еще раз взвесил в руке необычное оружие, придающее странное ощущение уверенности и мести, хотел отказаться, но увидел голодный блеск в глазах продавца и, поколебавшись, сунул пистолет в сумку. Достал две купюры в пятьдесят и десять рублей, протянул охотнику:

— Больше у меня нет. Будь здоров.

— Вот спасибо, мил-человек, — обрадовался мужчина, пряча деньги, — век не забуду! Захочешь что еще купить, приходи послезавтра на это же место, я еще парочку таких железок принесу.

— Где ты их берешь? — оглянулся уже шагнувший прочь Ващинин. — С военного склада, что ли? — Он уже пожалел, что ввязался в эту историю и взял у мужика пистолет.

— Не, не со склада, — застенчиво возразил охотник. — Да ты не боись, об этом склоне никто не знает, только свойок мой, Сашка, да я. Он и показал. Рыбачит в Косой губе, лодки там брошенные, целое кладбище, он залез в одну, а там... в общем, никому это богатство не надо. Да и мне тож, это я с тоски взял, продать да хлебца купить. Всего второй раз и продаю.

— Рискуешь, — покачал головой Николай. — Загребут по статье, за торговлю оружием...

— Не загребут, мне б только чуток продержаться до тепла, а там в леса уйду, на охоту. Ну, бывай, землячок, спасибо тебе.

Мужик в собольей шапке растаял в подворотне за пеленой снега.

Ващинин постоял немного и поплелся домой, переживая в душе, что пожалел чужого человека и отдал совсем ненужные деньги. С другой стороны, охотнику надо было помочь, выглядел он неважно и на бандита не походил.

Дома Николая встретила жена, подарила лосьон после бритья, усадила ужинать, пришли мама с отцом, сестры, теща с тещей, и день рождения закончился поздно вечером. И только провожая гостей, Николай вспомнил о своей покупке, о которой не сказал никому: ни родственникам, ни жене. Дождавшись, когда она уснет, он уединился на кухне и достал пистолет, удивляясь его тяжести, необычной зализанной форме и хищной, грозной красоте. Таких пистолетов он никогда в жизни не видел, а сходство этого оружия с «маузером» было порождено лишь длинным стволом и мощной рукоятью, удобно укладываемойся в ладонь. Так как было уже поздно, испытания «супермаузера» Ващинин решил отложить на утро, предварительно договорившись с другом.

Друга звали Денисом Савельевым, и работал он в охране порта. В принципе он мог знать, что за подлодки стоят в Косой губе и почему на одной из них, по словам охотника, сохранился никем не охраняемый склад оружия.

Единственное, что расстраивало Ващинина, было отсутствие дополнительной обоймы патронов, о которой он просто забыл спросить у продавца. Оставалось надеяться, что тот придет на рынок, как обещал, и с ним можно будет договориться о патронах.

* * *

Савельев о лодках в Косой губе ничего не знал, но согласился поучаствовать в пристрелке приобретенного другом по случаю «супермаузера».

Утром в субботу девятнадцатого марта они оделись потеплей, взяли с собой рыбакские снасти и потопали на лыжах на берег залива, к бухточке, где рыбачили практически круглогодично, невзирая на морозы, снегопады и дожди.

Неожиданный весенний снегопад кончился, горизонт

отодвинулось, выглянуло солнышко, стали видны щетинистые сопки вокруг города.

Выбрали поляну подальше от людских глаз, очистили от снега высокий пень и установили на нем жестянку из-под пива. Савельев, высокий, широкоплечий, хороший спортсмен и любитель женщин, — Ващинин всегда ему завидовал, — повертел в руках черный пистолет с алыми искрами, но предохранителя не нашел. Спросил:

— Ты уверен, что эта штуковина стреляет?

Николай пожал плечами.

— Продавец уверял, что бьет на километр, причем бесшумно, однако я же не проверял. Давай попробую.

— А ты вообще когда-нибудь из чего-нибудь стрелял?

— Из карабина, — подумав, ответил Ващинин, — когда в армии служил.

— Тогда доверься профилю. Из чего я только не стрелял, разве что из переносного зенитно-ракетного комплекса, но такой пистолет держу в руках впервые.

Они отошли от пня на полсотни шагов, Савельев прицелился и вдавил шершавую выпуклость, заменившую в пистолете курок. Ничего не произошло. Савельев выругался.

— Да он же не заряжен!

— Посмотри внимательней, — обиделся Николай. — Не мог тот мужик меня обмануть, я в людях разбираюсь.

— А на кой ляд этот пугач тебе вообще понадобился?

Ващинин смущился.

— Да черт его знает, сам не понял. Уж очень охотник меня упрашивал помочь.

Савельев снова начал внимательно разглядывать «супермаузер» и увидел справа на щеке пистолета маленькую впадинку с матовым стеклышком внутри. Сунул туда палец и чуть не выронил пистолет: стеклышко засветилось изнутри, погасло, однако спустя секунду внутри простили три светящиеся цифры: 999. Кроме того, загорелся алый огонек и на торце рукояти.

— Вот чудо-юдо! Что бы это значило?

Савельев снова прицелился, коснулся пальцем курка и

увидел тонкий алый лучик, протянувшийся от дула к жестянке из-под пива.

— Ух ты! Действительно, лазерный прицел!

Денис выстрелил.

Раздался отчетливый треск, и в пне появилась сквозная дыра величиной с два пальца.

— Ё-моё! — выдохнул Савельев.

Вдвоем с Николаем они сходили к пню, полюбовались сквозь дыру на лес, посмотрели друг на друга и заспешили обратно. Денис прицелился тщательней, нажал на спуск, и банка из-под пива слетела с пня. При ближайшем рассмотрении оказалось, что в ней проделана аккуратная круглая дырка тех же размеров, что и в пне.

— Интересно было бы взглянуть на пулью, — пробормотал Савельев, с недоверием рассматривая «супермаузер». — Не знаешь, как тут обойма вставляется?

Вашинин покачал головой.

— Об этом я его не спрашивал. А вообще странная пушка. Стреляет абсолютно бесшумно, а это невозможно в принципе. Я читал, что любая пуля, вылетая из дула, вызывает ударную волну. Щелчок будет слышен всегда.

Савельев еще раз навел пистолет на пень и выстрелил. Рядом с первой дырой в толстенном, чуть ли не с метр в диаметре, пне появилась вторая такая же.

— Дай мне попробовать. — Николай отобрал «супермаузер» у друга и выстрелил в сосну на краю поляны, обрушив с ее ветвей лавину снега.

Затем они стреляли по остальным деревьям и пням, срезали не менее двух десятков сучьев и издырявили не менее десятка деревьев, пока не осознали, что обойма в пистолете не кончается.

— Не может же она вмещать две сотни пуль?! — изумленно воскликнул разгоряченный стрельбой Николай, глядя на свое грозное оружие. — Что за автомат я купил?

— Какая-нибудь новейшая секретная разработка, — задумчиво отозвался Савельев. — Надо показать ее специалистам. У нас в охране работает инженер, на тульском «Точмаше» работал, он должен разбираться в таких вещах.

Они вышли из леса на берег залива, однако о рыбалке не вспомнили. Не удержались, чтобы не испытать «супермаузер» на дальность. Выбрали небольшую сопочку с грудой валунов на глаз в километре от себя, и Савельев выстрелил в один из очищенных от снега камней.

Охотник, продавший Ващинину необычной формы пистолет, не соврал. «Супермаузер» обладал такой убойной силой, что пробивал камни даже на этом расстоянии. Друзья молча осмотрели сквозные дыры в валунах на вершине сопки и так же молча двинулись в дом.

— Зря я тебя втянул в это дело, — покаялся Николай, когда они расставались. — Чувствую, вляпались мы в нехорошую историю... Еще припаяют срок за соучастие в краже оружия...

— Не переживай, — отмахнулся Савельев, — мы ничего такого противозаконного не делали, ну, постреляли малость. А вот подлодку стоит поискать. Если твой охотник не врет, на ней можно отыскать еще что-нибудь интересное.

— Ты всерьез считаешь, что лодка существует?

— Завтра пойду в Косую губу, поищу. Пойдешь со мной? Не найдем ничего, в понедельник пойдем на рынок и поговорим с твоим охотником. Давай пистолет, пусть у меня пока побудет.

Николай подумал, почесал в затылке и согласился.

* * *

На другой день «рыбаки» снова отправились в поход с рюкзаками за плечами. Лыжню прокладывал Савельев, он был сильнее и знал короткую дорогу к Косой губе, проходившую по территории порта мимо угольного склада на берегу залива. Этот угол порта не охранялся.

Восемь километров до бухточки, прозванной североморцами Косой губой, они прошли за час с небольшим. Остановились только раз, чтобы перевести дух, хлебнуть горячего чаю из термоса и отлить лишнее из организма. Савельев не удержался, дважды выстрелил по скалам в распадке, сбивая с их вершин камни, но затевать соревнование в меткости Николай с ним не стал. Ему почему-то было не по се-

бе. Складывалось впечатление, будто за ними кто-то следит, хотя ни впереди, ни сзади не было видно ни одной живой души.

Вскоре они вышли на берег Косой губы, и перед ними открылся вид на полосатое серо-белое покрывало бухты, полностью покрытой льдом и снежными торосами. Разглядеть на этом рябом фоне корпуса подводных лодок было почти невозможно, так их рубки и длинные туши были занесены снегом, не отличаясь от ледяных наплывов и сугробов цветом и формой. Однако «разведчики», поелозив по бухте биноклями, обнаружили ряд серо-свинцовых бугров невдалеке от береговой кромки и определили траекторию спуска. Осторожный Савельев поискать даже охрану, но, кроме изгороди из ржавой колючей проволоки вдоль берега, ничего и никого не увидел. Если лодки и охранялись, то пост охраны мог располагаться лишь на одной из них. Во что верилось с трудом.

Рыбаки же так далеко от города не заходили, да и Косая губа среди неселения Североморска пользовалась дурной славой. Поговаривали, что в бухту сливают не только мазут и остатки дизельного топлива, но и радиоактивные отходы, поэтому рыбачить сюда мог забрести только сумасшедший.

Друзья спустились к берегу, нашли брешь в изгороди и вышли на лед бухты, направляясь к разной высоты волдырям брошенных подводных лодок. Обошли кругом первую, вторую, двадцатую, однако ни в одной из них не обнаружили открытых люков или дыр, сквозь которые можно было бы проникнуть внутрь. Не увидели искатели и следов, которые говорили бы о посещении бухты людьми.

— Обманул тебя твой охотник, — сплюнул на снег Савельев. — Да и я, дурак, поверил. Сам посуди, кто в наше время будет держать в подлодке склад оружия?

Николай промолчал, доставая термос с чаем.

Около часа они бродили после этого по льду бухты, осматривая туши лодок, собирались было возвращаться, с тревогой поглядывая на затягивающееся мглой небо, и внезапно наткнулись на группу торчащих изо льда черно-сизых «волдырей» эллипсоидальной формы. Савельев обошел их и

первым обнаружил следы человеческих ног и лыжню. По сути, здесь была протоптана настоящая стежка, по которой ходили не раз и не два, на лыжах и без них. И утыкалась эта тропа в один из двухметровой высоты «волдырей».

— Непохоже, что это лодка... — пробормотал уставший до чертиков Николай, зябко передернув плечами. — Может быть, какие-нибудь цистерны?

Вместо ответа Савельев постучал палкой по черному, в сизых и белых разводах вздутию, вызвав дребезжащее металлическое цоканье. «Волдырь» был из металла, а не из камня. Тогда Денис снял с плеч рюкзак, лыжи и, оскальзы-ваясь на крутом боку «цистерны», полез на ее верх.

— Есть! — глухо воскликнул он, достигнув вершины вздутия. — Залезай сюда.

Николай рассстегнул крепления и взобрался на металлический «волдырь» непонятного сооружения, уходившего под лед. На вершине «волдыря» он увидел лист железа, прикрывающий рваную дыру в корпусе, через которую свободно мог пролезть человек. Савельев отодвинул лист в сторону, и разведчики долго рассматривали открывшуюся взору «пещеру» с гофрированными перепончатыми стенами, напоминающую чей-то желудок. Свет хмурого дня не проникал в глубину этого «желудка», но все же друзьям удалось разглядеть в дне помещения круглое отверстие с рядами поручней или скоб, уходящих в темноту.

— Жаль, не догадался взять фонарь, — удрученно сказал Денис. — Ну что, полезли вниз?

— Не поздно? — Николай посмотрел на небо, затянутое тучами. — Сейчас снег пойдет.

— Мы только одним глазком глянем, что там внутри, и вернемся.

— Веревка нужна...

— Есть у меня репшнур. — Савельев сполз вниз, достал из рюкзака моток бечевы и вернулся. — Давай ты первый, я подстрахую.

— Да боюсь я! — признался смущенно Ващинин. — Никакая это не подлодка. Бункер какой-то секретный... Не-

бось наши вояки построили на случай войны. Если охрана увидит...

— Во-первых, сюда уже кто-то лазил и ничего не случилось. Во-вторых, наши вояки такие бункеры маскируют так, что рядом пройдешь — хрен увидишь. В-третьих, мы только посмотрим, что за посудина здесь торчит, ничего брать не будем. Не дрейфь, Коляня, прорвемся.

— Не полезу, — мотнул головой Ващинин. — Не нравится мне все это... давай лучше уберемся отсюда подобру-поздорову. Предчувствие у меня нехорошее...

— Тогда подожди меня здесь, — не обиделся на приятеля вошедший в азарт Савельев. — Я спущусь, погляжу и назад.

Он ловко юркнул в дыру, спрыгнул на дно «пещеры», пропустил в отверстие люка веревку и полез по скобам вниз. Скрылся из глаз. Дважды в глубине колодца мелькнул огонек — Денис зажигал спички, и Николай окончательно остался один, чувствуя возрастающую тревогу.

По-прежнему вокруг не было видно ни одной живой души, небо нависло над головой рыхлым фиолетово-серым покрывалом, пошел снег, горизонт сузился, берег и лес на нем скрылись за белесой пеленой снегопада. Но ощущение чужого взгляда не проходило.

Подождав десять минут, Ващинин позвал друга, наклонившись над дырой в толстом, чуть ли не метровом, корпусе неизвестной подлодки. Пробит он был явно изнутри, хотя было трудно представить, чем это можно сделать. С другой стороны, пистолет, доставшийся Николаю и добытый охотником, по его словам, со склада подлодки, также нельзя было назвать обычным оружием.

Ващинин снова начал звать приятеля, мучимый сомнениями и тревогой, подождал еще четверть часа, собрался было лезть вниз и с облегчением услышал голос Дениса. Вскоре показался и сам Савельев, с трудом поднимающийся по скобам колодца. В одной руке он держал какой-то длинный черный предмет, похожий издали на обгоревший сук, другой цеплялся за скобы. Поднявшись в «пещеру» с

гофрированными стенами, он обвязал свою добычу веревкой, махнул рукой:

— Поднимай.

Ващинин вытащил тяжелый, весивший не меньше десяти килограммов, черный предмет длиной больше метра, оглядел толстое, с напльвами, щелями, рядами дырочек и вмятин дуло, загибающийся конец штуковины, похожий на рукоять, и понял, что держит в руках странной формы карабин или ружье.

— Дай руку. — Савельев вылез наверх, сел, свесив ноги в дыру, измазанный какой-то жирной копотью. Глаза у него были бешено-веселые, изумленные и задумчивые одновременно. Он жадно допил остатки чая из термоса, вытер рот и посмотрел на Николая, сгорающего от любопытства и нетерпения.

— Ну что, контрабандист, перетрусил тут без меня? Я слышал, как ты орал во все горло.

— Да неуютно здесь, наверху, — признался смущенный Николай. — Все время кажется, что кто-то в спину смотрит. Ну, чего ты там видел? Что за хреновину вытащил?

— Сейчас проверим, — сказал Савельев, вытирая вспотевший лоб. — Я далеко не ходил, там длиннющий коридор, весь скособоченный, в напльвах и потеках, куча пробитых перегородок и намертво заплавленные двери, причем тоже не прямоугольные или круглые, а в форме полумесяца. Одна из них была пробита, я влез и... — Денис провел ладонью по лицу. — Это же золотая жила, Коля! Понимаешь? Там стеллажи со спецзахватами, ящики, контейнеры, и все забиты такой вот техникой. — Савельев кивнул на «ружье» в руках Николая. — И знаешь, что я тебе скажу? Все тамошнее оружие — не наше.

— То есть как не наше?

— Я имею в виду — не российское.

— Может быть, еще с советских времен осталось?

— И не советское. Ни на одном контейнере, ни на одном карабине нет маркировки. Точнее, она есть, только таких букв и символов я не знаю.

Николай внимательно вгляделся в вязь необычных значков на рукояти «ружья».

— Похоже на арабский язык...

Савельев усмехнулся.

— Ну, ты специалист. Не хочешь ли сказать, что в наших водах торчит арабская подводная лодка? Под завязку набитая супероружием? Чушь!

— Тогда чья это лодка? Или бункер? Секретной лаборатории?

— Секретная лаборатория охранялась бы. Здесь же впечатление такое, будто внутри этой посудины шла война, все стены оплыли от жара. Но чья она, кому принадлежит — загадка.

— Что будем делать?

Савельев очнулся.

— Домой пойдем пока да эту пушку по пути испытаем. А завтра я поговорю с экспертом-туляком и приведу его суда, пусть посмотрит и оценит. Чует мое сердце... — Денис не договорил, закрыл дыру в корпусе подлодки листом железа и спрыгнул на лед.

Николай сполз следом.

Друзья встали на лыжи и направились по лыжне-тропе к берегу бухты. Взобравшись на откос, оглянулись, но снегопад превратил даль в серо-белую мглу, сквозь которую ничего нельзя было разглядеть на льду Косой губы.

Отойдя от бухты пару километров, они остановились в распадке с двумя группами невысоких скал, выбрали одну, с каменной шляпой на макушке, похожую на гриб, и Савельев навел на нее свой «карабин».

Держать в руках это необычное оружие было очень удобно, рукоять сама ложилась в ладонь, а для левой руки ствол «карабина» имел специальную вмятину. Снимался же он с предохранителя точно так же, как и «супермаузер». Справа на щеке, переходящей в наплыв с курком, виднелась небольшая вмятина со стеклышком, и стоило Денису вставить туда палец, как стеклышко вспыхнуло, и внутри него засветились три цифры: 999. Вспыхнул алый огонек и над

дульным срезом, превратился в тонкий алый лучик. Это заработал лазерный целеуказатель.

Денис нажал на мягко поддавшийся под пальцем заливанный крючок спуска, раздался тихий всхлип, затем звонкий каменный удар, и в ножке скалистого «гриба» появилась звездообразная дыра величиной с туловище человека. Качнувшись, с грохотом упала на землю «шляпка гриба», скала осталась без крыши. Наступила тишина.

— Мать моя женщина! — хрипло пробормотал обалдевший Савельев.

Николай, ошеломленный не менее, ничего не сказал, разглядывая сквозь пелену снегопада черное отверстие в боку скалы. Ему, инженеру, выпускнику института, окончательно стало ясно, что они наткнулись на склад оружия, не имеющего аналогов не только в России, но и во всем мире.

Савельев навел «суперкарабин» на ствол высохшей сосны в сотне шагов, нажал на спуск, раздался звонкий дробный стон и хруст, и сосна упала, перерубленная пополам, а вместе с ней свалилась целая шеренга стоявших за сосновой деревьев.

— Какая силища! — выдохнул Савельев. — Махнул одной рукой — улочка, махнул другой — переулочек... Помнишь былину про Илью Муромца? Может, у него тоже такая пищаль была?

Ващинин не ответил. Ощущение скрытого наблюдения не проходило, и от этого на душе скребли кошки.

Назад они возвращались, погруженные каждый в свои думы. «Супермаузер» и «ружье» Савельев оставил у себя.

* * *

В понедельник Ващинин решил поговорить с Денисом и предложить ему сообщить о находке в милицию. По его мысли, это было бы самым лучшим выходом из положения. Однако Савельев на работу не вышел, как сказали Николаю в управлении охраны порта, и у Ващинина болезненно сжался низ живота. Дурные предчувствия начинали сбываться. Очередным таким происшествием стало сообщение в местной газете «Новости Североморска» о загадочном

убийстве пятидесятишестилетнего охотника Ивана Мансурова, тело которого с огромной сквозной дырой в груди было обнаружено утром на рынке. Фотография убитого, прилагавшаяся к некрологу, была плохонькая, но все же с замиранием сердца Ващинин узнал в нем того самого продавца, который всучил ему на рынке «супермаузер».

Помаявшись до обеда, Николай отпросился у начальника таможни, где он работал экспертом-механиком, и поехал в Подлесье, в восточную часть города, где в одной из пятиэтажек жил Савельев. Слежку он заметил не сразу, сначала приняв идущего следом мужчину в пятнистом военном полуушубке, укутанного шарфом по уши, за случайного попутчика. Но мужчина не отставал, и Николай невольно ускорил шаг, почувствовав тревогу. Сядясь в автобус, идущий в Подлесье, он успел заметить, как пятнистый полуушубок садится в джип «Хонда», а после того как джип двинулся за автобусом, Ващинин понял, что за ним следят.

Облившись потом, он выскочил из автобуса на конечной остановке, нырнул во двор ряда пятиэтажек, перебежал площадку и спрятался за зданием детсада, пытаясь сообразить, что делать дальше. Джип во двор въезжать не стал, но вместо него появились двое мужчин в полуушубках, укутанные шарфами, и стали медленно обходить дом за домом, недолго останавливаясь у подъездов. И в этот момент кто-то схватил Ващинина за плечо, зажимая рот ладонью.

Николай дернулся, выворачивая голову, увидел лицо Савельева и обмяк.

— Тихо! — прижал палец к губам Денис. — Не шевелись!

— Там, во дворе...

— Знаю. Они уже у меня дома побывали, еще вчера вечером, еле ушел.

— Кто это?

— А хрен их разберет! Явно не милиция. Может, спецорганы, охрана того склада зашебуршилась, может, кто еще. Но действуют, собаки, нагло и жестоко. Серегу убили...

— К-какого Серегу?!

— Завальнюка. Я тебе говорил о нем — он работал на тульском «Точмаше». Я пришел к нему вчера вечером пис-

толет показать, а тут они нагрянули... В общем, бежать пришлось.

— А пистолет?

Савельев, оскалившись, вытащил из кармана волчьею шубы рукоять «супермаузера», спрятал и на секунду отвернулся полу шубы, под которой торчал черный приклад «карабина».

— Все со мной. — Он подумал и передал Ващинину пистолет. — Держи, может, отстреливаться придется. Охота за нами началась серьезная. Хотел я тебя предупредить, да во время увидел топтунов.

— Почему ты уверен... — Николай осекся. — Слушай, давай отнесем эти иностранные мушкеты на подлодку, положим на место...

— Потом поговорим. За мной! — Савельев побежал наискосок через березовую рощицу к шеренге домов, за которыми начинался лес.

Николаю ничего не оставалось делать, как последовать за ним.

За домами их ждал снегоход «Тундра».

— Садись быстрей, — вскочил на сиденье водителя Савельев.

— Куда ты хочешь ехать? — Николай садиться не торопился.

— За кудыкины горы! Садись, говорю, пока они нас не увидели!

Ващинин оглянулся, изменился в лице и сел сзади Дениса. Снегоход взвыл и рванулся вперед, по дороге в лес, ведущей, как знал Николай, к радиолокационной станции.

— У меня двоюродный брательник в гарнизоне РЛС, — прокричал на ходу Савельев. — Поедем к нему, расскажем обо всем.

В то же мгновение мимо несущегося снегохода пролетела какая-то невидимая электрическая струя — Николай всем телом ощутил ее злой полет, — и пихта впереди накренилась, стала падать, срезанная почти под корень. Николай оглянулся.

За ними мчалась та самая «Хонда» с невероятно широ-

кими баллонами. Верхний люк кабины был откинут, из него высовывался мужчина в пятнистом полуушубке, закутанный шарфом по глаза, и держал в руках какой-то черный предмет, похожий издали на гранатомет с толстым дулом.

Савельев тоже оглянулся и тут же рванул снегоход вправо, лавируя между деревьями. Николай едва удержался на сиденье, судорожно хватаясь за ремень позади Дениса. С тихим «внутренним» гулом мимо пролетела еще одна энергетическая струя и срезала сразу два десятка деревьев слева от снегохода.

— Держись! — крикнул Савельев, направляя машину вниз по склону оврага.

Стрельба сзади из оружия, которое Николай назвал гранатометом — похоже, оно было из той же серии, что и «супермаузер», — прекратилась. Джип не мог ездить по бездорожью, как снегоход, несмотря на свои огромные вздутые колеса, и отстал. Но беглецы радовались недолго. Стоило им подняться на кромку оврага, как послышался стрекочущий гул, и над лесом показался вертолет. Заметив снегоход, он развернулся, сделал горку и выстрелил по мчащейся машине ракетой. Точнее — из неизвестного оружия, снаряд которого слегка походил на летящую ракету. Самой «ракеты» видно не было, заметен был лишь неяркий конус огня, но действие этого конуса не уступало по мощи взрыву ракеты типа «воздух — земля».

Впереди и чуть правее идущего зигзагом снегохода вдруг вырос веер зеленоватого дыма, и часть горба невысокой сочки вместе с кустарником, деревьями и сугробами снега исчезла. Снегоход с трудом миновал образовавшуюся воронку диаметром около десяти метров и глубиной не меньше трех, нырнул в расщелину между скалистыми стенами распадка. Остановился.

— Ты что? — испуганно сжался Николай.

Савельев, оскалясь, достал из-под полы шубы «ружье», бросился назад, к выходу из расщелины, и как только над скалами появился вертолет — выстрелил.

В лобовом стекле кабины вертолета появилась дыра, он

дернулся, вильнул в сторону. Денис выстрелил еще раз, и вертолет отвернулся, скрылся за скалами. Гул мотора стих.

Савельев сел за руль снегохода и бросил машину назад из расщелины, не обращая внимания на переживания пассажира. Снегоход вырвался на склон холма, помчался вниз, к заливу, петляя между деревьями и редкими скальными обнажениями. Николай понял, что у друга появился новый план, потому что РЛС стояла в другой стороне, да и путь к ней был перекрыт преследователями на джипе.

— Куда мы едем? — прокричал он на ухо Савельеву.

— В порт, — лаконично ответил тот.

Но и к порту им приблизиться не дали. Стоило снегоходу спуститься к дороге, идущей вдоль берега залива, как на ней показался еще один джип. Хотя, возможно, это была та же машина, что гналась за беглецами еще из Подлесья.

Савельев свернул влево, проскочил мимо угольного склада и направил снегоход в лес, по тропинке, образованной следами лыж. Их собственными следами, почти занесенными снегом со времени похода в Косую губу.

Сухим звонким стоном лопнул ствол сосны слева: преследователи открыли огонь из «гранатомета», но беглецы уже углубились в лес и скрылись из глаз стрелка. Следующие энерготрассы их миновали.

Вскоре показалась поляна, где друзья испытывали «супермаузер», а еще через несколько километров снегоход вырвался на берег Косой губы с ее мертвыми подводными лодками, среди которых пряталась и странная подлодка с грузом оружия. Денис остановил машину возле колючей изгороди, оглянулся.

— Жив, инженер?

— Что ты хочешь делать?

— У нас остался только один выход — добраться до той лодки и вооружиться чем-нибудь помощней. Иначе не отобьемся.

— Ты что, воевать собрался?!

— А у тебя есть предложение получше?

— А если за нами охотится ФСБ? Или милиция?

— Какая разница? Главное, что им нужны наши трупы, а не умные головы. Не любят ребята свидетелей.

— Но мы же не виноваты в... — Николай не договорил.

В лесу послышался воющий треск мотора, это приближался джип, и Савельев сквозь дыру в заборе направил снегоход на лед Косой губы.

Скорее всего до лодки добраться они бы не успели.

Джип выбрался на берег бухты и открыл по юркой машине огонь из «гранатомета», проделывая во льду огромные парящие полыньи. В одну из них едва не влетел на полном ходу снегоход. Савельев резко вильнул влево, машина опрокинулась, седоки вылетели на снежные торосы. Затем в скользящий по льду снегоход врезался огненный конус и превратил его в прозрачно-серый дымный смерч. Николай, лежа на снегу, перевернулся на спину, нашел глазами мчащийся по берегу джип, невольно зажмурился. «Каюк!» — мелькнула задавленная страхом мысль.

И в этот момент в происходящее вмешалась третья сила, о которой не подозревали не только беглецы, но и сами преследователи.

Откуда-то со стороны — друзьям показалось, с неба, — берег бухты стегнула яркая зелено-синяя плеть, перечеркнула джип. Николай, ждущий конца, открыл глаза и ахнул: машина вдруг на ходу разделилась на две части! Одна — передняя — взорвалась, загорелась, вторая продолжала двигаться по инерции, но уткнулась в изгородь и застыла. С грохотом лопнули огромные колеса машины. В момент разделения джипа из его кабины посыпались на снег люди. Двое остались лежать неподвижно, двое бросились бежать в лес, одетые все в те же знакомые пятнистые полуушубки, однако берег бухты перечеркнула еще одна огненная плеть, и бегущие, разрезанные пополам, зарылись в снег.

Наступила тишина. Лишь гудело и постреливало искрами пламя, пожирая переднюю часть джипа.

Савельев зашевелился, встал на четвереньки, глядя куда-то вдаль, нашарил рукой неподалеку выпавшее «ружье».

Николай тоже поглядел туда и увидел на одном из снежных торосов две бликующие, как жидкое зеркало, фигуры.

Одна из них сделала жест, приглашая беглецов подойти. Друзья переглянулись.

— Я мог бы их снять... — прошептал Савельев одними губами.

— Не дури! — таким же сдавленным шепотом отозвался Ващинин. — Они нас спасли...

Послышался тихий свистящий гул. Из-за спин людей в бликующих комбинезонах взмыл в небо необычный аппарат в форме соединенных краями половинок эллипсоида, двинулся к берегу, завис над телами убитых пассажиров джипа на минуту и, скользнув к лесу, исчез за сопками. Тела убитых исчезли.

Николай закрыл рот, дернул Дениса за рукав.

— Пошли...

Они поднялись и поплелись к ожидающим их незнакомцам, лица которых прятались под непрозрачными пластинами шлемов. Один из них протянул руку. Савельев, поколебавшись, отдал ей «карабин». Николай торопливо сунул свой «супермаузер». Незнакомец повернулся и, скользя по склону сугроба, как на лыжах, понесся вниз, к видневшейся неподалеку подлодке с тремя буграми рубок. Второй сказал металлическим голосом:

— Спасибо за помощь. Теперь уходите.

— Кто вы? — поинтересовался Савельев.

Незнакомец повернулся к ним спиной, и тотчас же с треском, гулом и грохотом из-подо льда начал вылезать корпус подлодки, в которой скрылся спутник незнакомца с экспроприированным оружием.

Подводная лодка вылезала медленно, ломая и кроша лед, торжественно и неумолимо, пока не показалась над застыившейся полынью вся: метров двести в длину и около пятнадцати в высоту. Формой эта «подлодка» больше всего напоминала увеличенный до гротеска коленвал.

— Мать моя... — пробормотал Савельев.

Незнакомец начал спускаться с тороса. Денис в порыве любознательности догнал его, тронул за плечо и отдернул руку: бликующий комбинезон чужака щипался электричеством.

— Извините... может быть, все-таки скажете, кто вы?

Незнакомец остановился, поворачиваясь, стекло его шлема разошлось пластинками веера, и на людей глянули узкие, длинные, фиолетовые светящиеся глаза.

Савельев отшатнулся, сглотнув слюну. Николай вздрогнул, также делая шаг назад.

Лицо человека было смуглым, широким, вполне человеческим, но имело другие пропорции: нос начинался не от переносицы, а ниже, губы напоминали две серебристые складки, подбородок отсутствовал вовсе, но больше всего поразили друзей глаза, излучающие силу и нечеловеческое спокойствие.

— Мы из... скажем, из службы безопасности, — прежним металлическим голосом сказал незнакомец. — И успели вовремя. Что вам нужно еще?

Денис облизнул пересохшие губы, оглянулся на потрясенного Ващинина.

— Мы хотели бы... но ведь вы... не люди?!

Блестящие губы незнакомца раздвинулись, что, очевидно, означало улыбку.

— Мы люди, но из другой реальности Земли. К сожалению, наш мир тоже пока не совершенен и не свободен от негативных процессов типа терроризма и бандитизма. Одна из таких групп захватила унбанх...

— Что?

Незнакомец махнул рукой на висящую над водой и льдом коленвальчатую «подводную лодку».

— Мобильный сдерживатель пограничных инцидентов. Так вот они «перегнали» унбанх в вашу реальность и прятались здесь после набегов на наши города. В ваших местных разборках они поучаствовать, к счастью, не успели. Хотя намеревались. Повторяю, мы успели вовремя.

— Амблиринх, — раздался со стороны «подлодки» высокий лязгающий голос.

— Иду, — отозвался незнакомец.

— Вы шли по их следу? — догадался Савельев.

Новая улыбка скользнула по необычным губам пришельца из «иной реальности».

— Мы помогли некоторым вашим соотечественникам найти унбанх, они взяли несколько образцов оружия, как и вы, в частности, и заставили террористов выдать себя, гоняясь за ними и за вами.

— Но ведь нас могли убить!

Незнакомец отвернулся, заскользил прочь, достиг корпуса унбанха и прыгнул в образовавшееся отверстие люка.

— Прощайте, — донесся его голос. — Не поминайте лихом, как принято у вас говорить.

Над лесом показался аппарат из двух половинок эллипсоида, с ходу вонзился в раскрывшееся отверстие в корпусе унбанха. «Подлодка» поднялась еще выше, оделась слоем голубовато-фиолетового пламени и стала бледнеть, таять, исчезать.

Люди на вершине тороса остались одни.

— Вот сволочь! — пробормотал Савельев. — Они же нас специально подставили...

— А чего ты ожидал от спецслужбы? — пробормотал в ответ Ващинин, затрясшийся в ознобе. — Во все времена силовые структуры действовали одинаково подло... Единственное, чего я не понимаю, так это почему они нас не убрали как свидетелей...

— Потому что нам никто не поверит, — усмехнулся Денис, засовывая руки в карманы шубы. — Но у меня предчувствие, что эти парни еще вернутся.

— С чего ты взял?

Савельев кинул взгляд на гигантскую полынью на месте бывшей «подлодки» и вытащил из кармана состоящий из напльвов и зализанных выпуклостей предмет черного цвета с красной искрой. У предмета имелась рукоять и короткое толстое дуло.

— Что... это?! — прошептал изумленный Николай.

— Пистолет, конечно, — пожал плечами Денис.

— Ты с ума сошел!

— Я хотел отдать, а он не спросил. Останется на память.

— А если вернутся те... кто охотился за нами?

Савельев легкомысленно отмахнулся.

— Не бери в голову, Коля, отобъемся. Если никому не

расскажем, никто и не узнает, с кем мы столкнулись. Ну что, пойдем постреляем? Надо же испытать этот пистолетик.

Ващинин сунул в рот горсть снега и не почувствовал холода. Мысль, пришедшая в голову, была полна обреченности: их снова подставили! Незнакомец из другой реальности Земли по имени Амблиринх знал, что у них остался образец оружия, но не стал его забирать по одной простой причине: в окрестностях Североморска остались в живых террористы, земляки Амблиринха, которых надо было выловить «на живца». Таким «живцом» теперь стали они с Денисом.

— Ты что? — посмотрел на него, побледневшего, Савельев.

— Ты идиот! — прошептал едва слышно Николай, озираясь по сторонам. — Охотники не ушли. Неужели не понял? Нас снова оставили в качестве приманки...

Где-то далеко за сопками послышался стрекот вертолетных двигателей.

Глаза Дениса расширились. Он оглянулся...

**В. Головачев,
З. Головачева**

**КТО МЫ?
ЗАЧЕМ МЫ?**

Эссе

КТО МЫ?

Наша жизнь полна тайн. Одна из них — тайна нашего бытия. Кто мы? Откуда мы? Зачем мы? На эти вопросы ортодоксальная наука дает свои ответы, мы же хотим взглянуть на них с другой стороны, со стороны наших личностных ощущений — что такое Вселенная и что такое Вечность, и рассказать об этом в простой и доступной форме. Но предупреждаем: мы не наставники и не учителя. Мы не навязываем своего мнения, не учим и не посвящаем, мы даем возможность читателю подумать и осознать себя в себе, опираясь на факты жизни.

В этой работе вы не найдете формул и рецептов, как стать бессмертным, магом, властелином. Мы хотим, чтобы вы задумались и поняли свою человеческую суть.

Глава 1

ВЕЧНОСТЬ

Мы говорим «Космос», «Вселенная» и под этими терминами подразумеваем то, что вокруг нас и в чем находимся мы и что полностью осознать не можем. Мы считаем, что Космос, или Вселенная, состоит из материи, что существует «Свет» и «Тьма», и, когда «Свет» оживляет «Тьму», проявляются новые миры. Там же, где новые миры не проявились, остается «Хаос». Между «Светом» и «Тьмой»-«Хаосом» существует борьба. Можно все представить как взаимодействие сил Инь и Ян (доктрина восточной философии): когда они в гармонии, появляется мир, который порожден ими. Инь — это темное, холодное, женское, внутреннее и т. д.

Ян — это светлое, быстрое, теплое, мужское и т. д. Об этом можно прочитать — это классика. Откроем словарь Даля, найдем объяснение следующих терминов:

Космос — мир, вселенная и мироздание.

Мир — вселенная; вещество в пространстве и сила во времени. Одна из земель вселенной, наша Земля, земной шар, свет; все люди, весь свет, род человеческий.

Заглянем в Толковый словарь русского языка (Москва, «Русский язык», 1981).

Вселенная: 1. Вся система мироздания, весь мир. 2. Земля со всем, что на ней находится.

Вечность: 1. Течение времени, не имеющее начала и конца. В антинаучной религиозно-идеалистической философии: вневременность, независимость во времени.

Вечный: 1. Бесконечный во времени, не имеющий ни начала, ни конца. В метафизике: независимый от времени, неизменный. 2. Не перестающий существовать, никогда не прекращающийся. 3. Проявляющийся или имеющий место всегда; постоянный, непрестанный.

Космос: Мир, Вселенная.

Мир, миры: 1. Совокупность всех форм материи в земном и космическом пространстве; Вселенная. 2. Отдельная часть Вселенной; планета. 3. Земной шар, Земля со всем существующим на ней (Советский энциклопедический словарь. Москва, «Советская энциклопедия», 1986).

Вселенная — весь существующий материальный мир, безграничный во времени и пространстве и бесконечно разнообразный по формам, которые принимает материя в процессе своего развития.

Для того чтобы понять смысл данного произведения, авторы предлагают ввести наиболее подходящий, по их мнению, термин — «Вечность». Введем понятие «Вечности», как Всего, что вокруг нас и в нас; не имеющее начала и конца, времени, не подпадающее ни под какие определения, в том числе такие, как: верх — низ, темное — светлое, мужское — женское, хаос — порядок; не поддающееся просчетам, характеристикам и не имеющее никакого отношения к земным законам и понятиям. Важно осознать, что

Вечность создана не Богом, Аллахом, Иеговой и не есть Альфа и Омега — начало и конец. Если кто-то что-то создает, значит, существует начало. Если кто-то что-то создал, значит, существует конец. Вечность же существует всегда, без начала, края, объема.

Земля находится в Вечности и считается сравнительно молодой планетой. У Земли есть свои характеристики и определения, отвечающие тем знаниям, которые доступны науке. На Земле существует понятие «времени». Согласно данным науки и жизни, Земля обращается вокруг Солнца за триста шестьдесят пять дней, что является годом, который люди разбили на месяцы, сутки, часы.

Человек познает свой земной мир пятью органами чувств. Все, что свыше, например ясновидение, телепатия, внутреннее видение, считается парапротивными явлениями.

На Земле существуют свои законы, выработанные по мере накопления жизненного опыта.

Живя в данном трехмерном мире, мы считаем, что можем на что-то повлиять, создать, изменить в лучшую сторону. Попробуем разобраться с этим утверждением.

Если руководствоваться земными понятиями, то да, можем! Чем и занимаемся, «успешно» преобразуя окружающую среду, вырубая леса, загрязняя водоемы. Используем искусственные, не предусмотренные природой химические и биологические соединения, ведем работы по клонированию животных и людей, производим трансгенетические продукты, воздействуем на эволюцию человека путем создания религий, которые, сменяя одна другую и вроде бы проповедуя единого бога, утверждаются в своей значимости путем кровавых войн, насилию насаждая веру и убивая «неверных», то есть людей другой веры. Вспомним хотя бы Крестовые походы, вражду гугенотов и католиков. Кроме того, человек создает искусственные миры (подробнее об этом дальше по тексту), виртуальные игры и не понимает, что при этом он саморазрушается, самоуничтожается.

Если рассуждать логически, то все великие открытия, такие, к примеру, как закон всемирного тяготения, использу-

зование металла, производство удобрений с целью повышения урожайности, построение небоскребов, мостов, разработка технических устройств, одежды — все это создано человеком. Все правильно... и неверно в то же время! Мы используем то, что уже создано до нас, что видим, ощущаем, воспринимаем, но не мы создали элементарные частицы, металл, электромагнитные поля, воздух, воду, не мы создали планеты, звезды и галактики. Мы всего лишь способны изменять форму существующего.

Мы знаем, что Земля, Солнце, астероиды, Вселенная состоят из материи. Но можем ли мы сказать, что и Вечность состоит из материи?

Рассмотрим понятие «материи». Обратимся к словарю русского языка (любого издания):

Материя: 1. Объективная реальность, существующая вне нас и независимо от человеческого сознания. 2. Вещество, из которого состоят физические тела природы.

С позиции авторов данного произведения, конкретное название, термин должны нести конкретное объяснение, что едва ли возможно ввиду недостатка информации и знаний, существующих на сей день. В результате не все существующие определения точны, а доказательства можно свести к двум группам взаимоисключающих формулировок.

По мнению авторов, состав Вечности просто необъясним человеческим языком. Хотя, постоянно изучая свой земной мир столько времени, сколько существует человек, ученые пришли к выводу, что в состав Вечности входят известные нам по земным понятиям явления — электромагнитные, торсионные, гравитационные поля; радиационные, световые, тепловые излучения и т. д., мельчайшие невидимые частицы, гигантские галактики и другие составляющие. Однако Вечность наполнена иной информацией, пронизана энергией — все это неповторимо, гармонизировано, находится в равновесии и подчинено неизвестным нам законам. В Вечности все движется и все имеет свое неповторимое лицо.

Кроме движения, понятного нам как скорость, существует и другой тип движения, как бы внутренний, невиди-

мый невооруженным глазом, — это колебательные движения мельчайших частиц: протонов, нейtronов, электронов, кварков и других, еще не открытых. Назовем эти движения для удобства изложения вибрациями.

Диапазон вибраций бесконечен. Свое видение мира авторы основывают на характеристиках и возможностях этих вибраций или полей, которые излучают элементарные частицы и их соединения. Вибрации бывают световые, тепловые, цветовые, магнитные, радиационные; в виде струй, волн, потоков, разнообразных по ощущению и видению (также паранормальные явления). Вибрации присутствуют везде и всегда, рассматриваем ли мы ауру человека или открываем характеристики какой-либо звезды. В тексте постоянно будут встречаться ссылки на вибрации и более четко раскрываться их суть.

Со школьной скамьи нам известно, что каждое вещество состоит из молекул, атомов, которые, в свою очередь, состоят из более мелких частиц. Атом представляет собой положительно заряженное ядро с вращающимися по своим орбитам электронами, несущими отрицательный заряд. Взаимодействие этих зарядов приводит к возникновению полей: электростатических, магнитных, электромагнитных и иных. Создаваемое поле имеет свою частоту колебания — Вибрацию, которая индивидуальна для каждого соединения. Вибрации могут быть более высокие, то есть имеющие больший диапазон движения, что означает больший приток энергии, информации, возможностей, либо более низкие — плотные, ограниченные в информации, возможностях, энергии. Все живое, разумное и неразумное состоит из вибраций, вибрации имеют характеристику того вида, который представлен. Например, минерал, дерево, человек или орган человека — печень. Кстати, при пересадке органов в результате биологической несовместимости происходит отторжение искусственного органа еще и потому, что вибрации этого органа не гармонируют с вибрациями оперированного человека.

Существуют мельчайшие частицы, которые пока не имеют названия. Для образного примера авторы предлагают назвать такую частицу Странницей, потому что в Вечно-

сти мельчайшие частицы несут большую информацию, находясь в постоянном движении. Эту мельчайшую частицу можно опять-таки для образного понимания представить как некий кристаллический многогранник с непредставимым количеством граней. Каждая грань частицы обладает своей индивидуальной информацией, мы же назовем их Странницами из-за того, что они, странствуя в Вечности, имеют информацию Вечности. Частица, в зависимости от востребованности, поворачиваясь, отдает информацию. Эти Странницы Вечности, самые мельчайшие частицы, пронизывают и заполняют Вечность. В Вечности ничего не исчезает бесследно и ничего не возникает ниоткуда, в ней не бывает пустого места. Странницы притягиваются друг к другу определенной информацией — гранью и формируют энергоинформационные структуры (сокращенно ЭИС). Структуры различны по формам, содержанию, функциям, возможностям реализации, разумности, востребованности, составу, использованию, возможностям контакта с другими структурами, вибрациями. Энергоинформационные структуры могут быть многофункциональными, и в состав таких структур могут войти более простые. Для нас ЭИС невидимы, ученые могут их вычислить путем изучения окружающих Странностей, или явлений, или происходящих вокруг катаклизмов, например: возбуждений электромагнитного поля, искажений пространства, отклонения световых лучей и т. д. В качестве примера можно представить ЭИС нашей Галактики, в которую входят ЭИС созвездий, планет, комет и т. д., или ЭИС человека, состоящую из ЭИС клеток, тканей, органов. Энергоинформационные структуры пронизывают друг друга, не изменяя информацию и не нарушая целостности. Возьмем самые простые примеры: вибрации света, звуковых волн, теплоизлучения, которые существуют одновременно и не влияют друг на друга. Если выключить свет, музыка звучащая не станет тише, если убрать музыку, свет не станет ярче, тепло не превратится в холод, а синий спектр не станет красным.

Наша Галактика находится в равновесии и гармонии, в то же время в ней происходят постоянные процессы и изменения, возникают сверхновые звезды, образуются «черные

дыры» и т. д. В определенный момент развития нашей Вселенной возникло очередное вихревое образование как результат происходящих процессов, и именно в этом месте, не ниже, не выше, и именно в это время, не раньше и не позже. Вихревое неслучайное образование содержало информацию рождения, частицы-Странницы начали работу, притягивая нужную информацию, пылевые частицы, метеоритные обломки и т. д. Образовавшееся сгущение росло и уплотнялось, превращаясь в кипящий конгломерат, до тех пор, пока не обрело заданную форму, постепенно охлаждаясь и реализуя информацию развития как внутри, так и снаружи, вокруг себя, с помощью окружающих планет, образований, вибраций данной Галактики. Так примерно появилась наша Земля с индивидуальной программой развития, определенным количеством энергии, соответствующей вибрацией. Родившаяся Земля, остывая, образовала сушу, воду, давая возможность развития флоры и фауны для реализации своего собственного мира как этапа подготовки для появления человека. Образовалась и атмосфера — как ограничение доступа на планету посторонних внешних вибраций и влияний.

Нам недоступна истинная причина появления Земли, как и причина появления на ней человека. Созданию человека проявленного (непроявленный человек — это энергоинформационная структура) предшествовало создание ЭИС, в которой заложен код развития, защиты, реализации, разумности, бессмертия, способности выживания, продления Рода с сохранением вложенных в него знаний и возможности Выбора. Вечность не нуждается в помощниках, она творит в рамках своих законов, и никакие боги, никакие сверхсущества не могут вмешаться в созданное самой Вечностью. То, что проявлено Вечностью, неповторимо, и никто не может знать тайну создания мирозданий, по той простой причине, что никто не может создать фотон, кварк, электрон и т. д., а также обеспечить информацию развития, создание механизма адаптации к окружающей среде, осознать себя, направить информацию на эволюционное развитие и создание энергоинформационной структуры.

Хочется сказать особо рьяным исследователям: человек

может только исказить реальность, то есть создать биоробота, которому не свойственны логика и эволюционное развитие; может создать клонированных людей, не имеющих шансов на развитие, может играть в генетические игры, меняя состав продуктов, и искусственно изменять вибрацию человека, варьируя процессы усвоения и водно-солевого обмена, а также биохимические процессы. Человек может успешно уничтожать человека, изменять сознание посредством внушения религиозных догм, использования магии, ведения войн, искажения истории и т. д. Человек, сделавший свой Выбор, давший добровольное согласие на веру и служение культурам, лидерам, учениям и ритуалам, посвящает себя миру образов, миру искусственному, ложному и теряет связь с истоком своего создания по причине изменения вибраций.

Чтобы не потеряться в Вечности, нам даны маячки — это Солнце, звезды, планеты, галактики, относительно которых мы ориентируемся во Вселенной. В Вечности все подвержено изменениям. Например, если проследить за расположением звезд Большой Медведицы на протяжении сотен лет, то видно, что форма созвездия изменилась, что говорит нам о происходящих во Вселенной процессах.

Глава 2

ЧЕЛОВЕК

Созданный Вечностью-Создателем (термин «Создатель» — от слова «создавать», ведь Вечность создает, а не от понятия божества, которому поклоняются) человек не знает ответа на вопрос, как он появился, потому что нам это знать пока не дано. Мы должны принять появление человека как должное и не фантазировать на тему его происхождения от обезьяны или потомков звездных цивилизаций. Появление на Земле Человека проявленного (не имеющего рода и не способного иметь детей) предусматривало его адаптацию к среде проживания и возможность выживания путем создания видов флоры и фауны, которые являлись

пищей, защитой и которые находились в непосредственном подчинении Человека. С момента появления Человека все на Земле работало на него, позволяя набираться опыта. Наконец информация о благополучном выживании Человека на Земле позволила перейти ему к следующей ступеньке развития — становлению Рода Человеческого. Продление Рода Человеческого и есть основная задача человечества, ибо с прекращением Рода прекратится и жизнь на Земле. Вечность, создавая Человека, создала его разумным, то есть имеющим право Выбора, отвечающим за свой жизненный, иногда не совсем удачный опыт, наделила его образным мышлением, эмоциями, склонностью к познанию и к реализации своего творческого потенциала. Каким образом используются уникальные возможности человека, какие искажения мы иногда допускаем, об этом ниже.

На данный момент Род Человеческий развивается в течение многих веков, сохраняя заложенную информацию, имея все знания, обладая всеми возможностями, вложенными в него Вечностью-Создателем. Что же изменилось в мире с появлением не проявленного, а рожденного человека?

Прежде всего изменились функции, то есть произошло усложнение и расширение возможностей, человек адаптировался к выживанию, теперь он защищает своих детей, помогая их реализации, при этом приобретая все большую самостоятельность решений, наращивая опыт и улучшая эволюцию своей энергоинформационной структуры, которая, имея опыт поколений не одного индивидуума, а потомков многих поколений, становится более стабильной, защищенной, сильной. А для человека настали трудные времена, появилась агрессия, связанная с защитой потомства, появились эмоции, борьба за выживание, вызывающая чувство страха, и другие переживания. Можно сказать так: после разрыва связи с природой, которая неминуемо должна была произойти вследствие предоставленной ему свободы, человек стал самостоятельно эволюционировать, а выбор варианта поведения, умение реализоваться, принимать правиль-

ные решения без помощи Природы, выживание — все это заложено в программе, зависящей от выбора человека.

В данный момент жизнь человека усложнилась еще и в том отношении, что выжить он может только сам, без чужого мнения, ценя свой Род, стремясь только к свободе самовыражения, опираясь на опыт поколений, анализируя историю поколений, логически размышляя, кто свой, кто чужой.

Рождение ребенка.

По заложенной информации нашего Рода вступающие в брак пары притягиваются друг к другу посредством вибраций, которые могут гармонизировать брак и реализоваться в продлении Рода. Авторы не имеют в виду браки, которые происходят не по любви, а об отклонениях и изменениях мы поговорим дальше.

Как правило, зачать ребенка после первой близости не всегда возможно, так как родители должны друг к другу адаптироваться. Во время полового акта происходит выброс энергии, соединяющий вибрации родителей и связывающий их на определенное время, а также участвующий в оплодотворении и развитии зародыша. Энергия дана человеку на развитие и поддержание жизни, количество энергии predeterminedo, дополнительно мы имеем возможность вырабатывать свою жизненную энергию путем физической нагрузки, питанием. Энергия, данная на продление Рода, совершенно индивидуальна и не имеет отношения к нам, эта энергия дается Вечностью отдельно для зачатия и развития зародыша. Яйцеклетка матери несет индивидуальную вибрацию и информацию рода матери. Сперматозоид отца имеет свою индивидуальную вибрацию и информацию своего рода. Оплодотворенная яйцеклетка, получившая вибрации родителей, имеет свою энергоинформационную структуру и свои индивидуальные вибрации, которые включают память рода, информацию развития, знания на невидимом уровне, то есть ЭИС от Вечности-Создателя, программу адаптации поколений, бессмертие. Из невидимой вооруженным глазом, оплодотворенной, одной-единственной

клетки за девять месяцев реализуется многофункциональная структура — видимый человек.

Мы знаем (или полагаем, что знаем), что человек состоит из души, духа, тела. Авторы не спорят с библейскими истинами, но предлагают посмотреть на все с позиции определения Вечности.

Вечность создала человека и наделила его перечисленными не один раз возможностями, возможностями, которым нет предела. Некоторые люди верят, что дьявол забирает души и мучает в Аду, но что в этом случае имеется в виду под душой, а что под дьяволом, судить мы не беремся. Однако то, что дано Вечностью, нельзя отнять и передать по желанию. Для нас самое дорогое — это связь с Вечностью, которую мы можем потерять, если человек разумный по своей воле изменит свое предназначение.

Вернемся же к рожденному человеку.

Яйцеклетка развивается по заложенной Вечностью информации, реализация которой настолько сложна, что миф о создании человека является, по нашему мнению, неприводимой тупостью. Изучая строение человека, нам необходимо понять, что одна-единственная яйцеклетка способна из себя произвести некое количество клеток, которые, в свою очередь, наделяются информацией и производят свое количество клеток с подобными функциями и индивидуальной реализацией. Колонии таких клеток составляют ткани, органы, кровеносную систему, обеспечивают передачу импульсов по нервной системе, адаптацию, связанную с лимфатической системой, создают электромагнитные вибрации, видимые на электроэнцефалограммах, УЗИ, тепловые излучения, видимые на тепловизорах, и так далее. Цель каждой клетки — развитие и реализация организма в целом, так как любая структура — и в данном случае человек — состоит из мельчайших частиц, несущих информацию развития и имеющих свою вибрацию. Клетка также состоит из вибраций, а так как человек состоит из множества клеток, то и любой орган имеет свое поле — вибрацию. Вибрации органов, систем человека находятся в гармонии и равновесии, создавая данный организм в целом. Организм человека

для выживания настроен на определенный ритм, или вибрации, которые зависят от состояния окислительно-восстановительных процессов, водно-солевого обмена, устойчивости иммунной системы, гормонального благополучия, а также состояния нервной системы и психоэмоционального состояния. Нарушения этих процессов отражаются на вибрациях, а причины нарушений различны и зависят от того, чем мы питаемся, и от образа жизни, который ведем.

Итак, допустим, родился ребенок, неповторимое создание Вечности, со своими вибрациями, опытом и адаптацией поколений, знанием Рода, разумением Выбора, но с усложненным путем развития, который сформировался в результате взлета и падения исторической действительности. Нам бы проанализировать нашу историю, но уничтожены все документальные свидетельства, уничтожены и продолжают уничтожаться археологические находки, о чем пишут многие авторы, в том числе Носовский Г.В., Фоменко А.Т., Казаков В., Асов А.И. и другие. Ребенок, встающий на путь развития, вынужден опираться на лживые учения, недостойные примеры. Рассмотрим наш жизненный земной путь от рождения и постараемся проанализировать то, что видим вокруг и что коснулось лично каждого. Возьмем «святая святых» — наше отношение к продлению Рода, что носит чисто технический характер и подвержено сильному искажению.

1. Брак не по любви — отсутствие гармонии, неустойчивость к адаптации будущих детей.

2. Бездетный брак — родители считают брак без детей трагедией и прилагают неимоверные усилия для рождения ребенка.

Продление Рода заложено в нас генетически, то есть эта информация заложена в нас Вечностью, с уничтожением этой программы исчезает род человеческий, так что если зачатие в каких-то случаях не происходит, значит, данные родители не могут иметь детей, так как программа развития ребенка с их вибрациями полноценно реализоваться не может.

3. Прерывание беременности — это, по сути, нереализо-

ванная программа рождения ребенка, оно не влечет за собой резких изменений и видимых нарушений. Просто во время полового акта выброс энергии не реализуется и не направляется на процесс информационно-энергетического развития ребенка, в результате которого происходит связь родителей с плодом. Образовавшаяся структура, не имея возможности реализоваться, нарушает вибрации партнеров, искажая их информацию и вызывая изменения вибраций. В результате насильственного разрыва вибрационных связей происходит сбой по линии воспроизведения, затрагивающий центры гениталий, связанные с солнечным сплетением, разумом и так далее. Прерывание беременности влечет за собой заболевания области таза от воспалительных процессов до злокачественных опухолей, потерю энергетической силы, изменения состава крови, пониженный иммунитет, неуравновешенное психическое состояние, затруднение в реализации жизненного пути. Этим страдают и отцы, и матери.

4. Бездумный секс — тантрический, ритуальный, извращенный; скотоложество, мазохизм, лесбиянство, гомосексуализм, проституция и тому подобное. Прогноз изменений тот же, что и в пункте 3.

Остановимся подробнее на проституции, беспорядочном сексе.

Каждый партнер имеет свою индивидуальную вибрацию, каждая сексуальная близость несет, кроме выброса энергии, информацию о партнере. Более того, информация о партнере остается не только у того, кто имел близость, но и передается остальным, поражает детородные органы венерическими заболеваниями, и, как следствие, возникает импотенция, потому что так проявляется искажение программы продолжения Рода.

Следующий пример — это лесбиянки и гомосексуалисты.

Как правило, это потерянные, одинокие, страдающие от недостатка любви и друзей люди, опустошенные и отверженные при жизни. Попытка самореализоваться и самоутвердиться любым способом, заполнить пустоту, образованную слабой психикой, вследствие отсутствия связи с выс-

шим предназначением по своей воле и инфантильности, заставило их перешагнуть роковую черту и вычеркнуть себя из Рода Человеческого, а изменение предназначения и искажения программы проявились в болезни иммунодефицита, да и не только. От «голубой» же любви дети не рождаются.

Несколько слов о ритуальном сексе.

Ритуальный секс применяется колдунами, магами для использования энергетического выброса сексуальной энергии в целях совершения определенных магических операций, насыщения дополнительной энергетической силой, для выхода в астрал, увеличения неких возможностей. К этой категории, категории оргии и шабаша, относятся те силы, которые не имеют достаточного количества энергии, отказались от Дара Вечности и вынуждены любой хитростью продлевать свое существование.

Рассмотрим, каким образом изменяется заложенная информация развития у некоторых людей с их первых шагов.

Рождается ребенок, растет индивидуально с чистого листа. Его энергоинформационное поле, или структура, сбалансировано, целостно. Весь мир принадлежит ему, он открывает его с каждым днем жизни. Научившись говорить, произносит «я — сам», «мое», потому что он единственный в мире. Он для себя — бог. Взрослея, ребенок теряет свою индивидуальность, ему в этом помогают родители и окружающая социальная среда. Например, ребенку объясняют: «это не твое, а общее» или — «ты жадина». А ведь чаще всего ребенок просто взял в рот на пробу что-то, ведь он познает мир.... и тут же получил шлепок! Обиженный, непонявший ребенок плачет и получает еще.

Ребенка учат — этот цвет красный, тот зеленый, эта тетя злая, та добрая. Не понимая, за что он получает шлепки и стоит в углу, ребенок начинает соображать, что познавать мир нужно только тогда, когда никто не видит, и не признаваться в этом, — тогда никто не заругает. Но как бы не так, взрослых не обманешь, и мы слышим: ты обманщик, ты вор, марш в угол, с тем не дружи, туда не ходи, не тронь, заткнись, не дам! Можно ребенка бить, отнимать игрушки, наказывать, вынуждать хитрить, оскорблять и так далее. И в

результате у него возникает стресс, который выражается в плаче, печали, смехе, злобе, замыкании в себе, отчаянии. В результате ребенок изменяет свою индивидуальность, теряет свое лицо, у него уже нет своего мнения, зато появляется масса комплексов. С этими «дарами» ребенок идет в школу, где продолжается стирание его индивидуальности и прибавляются новые искажения целостности. Появляется обида, разочарование, чувство униженности или ложного превосходства вследствие неправильных отношений между учителями и учениками, а также между самими школьниками. Начинается борьба за лидерство, самоутверждение за счет слабых, появляется зависть к более обеспеченным. К ребенку в школе приходят искаженные понятия секса и наркомании. Если же ребенок воспитан без комплексов, его независимость зачастую пытаются ограничить учителя, заявляя, что у него завышена самооценка, не понимая, что, глядя на задавленных правилами детей, этот ребенок просто старается адаптироваться к несвойственной ему среде.

Представим себе ребенка как домик с окошечками (для образного понимания). В норме окошечки закрыты, и посторонние нежелательные гости не имеют в домик доступа, но когда в доме непорядок, например стрессовые ситуации, то окошечки открываются соответственно причинам, и нежелательные гости врываются в домик, внося дисгармонию. Это можно назвать последствием стресса, в результате которого изменяется мировоззрение ребенка. На невидимом плане это выглядит как нарушение стабильности вибраций, проявляющихся в некоторых искажениях. Взрослея, уже юноша или девушка влюбляются, неважно — разделенная это любовь или нет, — то есть находят себе кумира. Имеется в виду, что настоящая любовь не создает себе кумира, человек приобретает спутника жизни, свободного от взаимной зависимости, верного, любящего. Кумиром же может стать и ниндзя, и киллер, и артист, и певец, и спортсмен. Таким образом, ребенок, подросток, молодой человек, не умея защититься от окружающей среды, да еще привязанный к стереотипу своего близкого окружения (семейный распорядок дня, определенное меню, отдых у телевизора или компьютера, бесцельное шатание по ули-

цам), теряет себя и начинает бунтовать. То есть бунтует он с детства, когда начинает появляться внутренний протест на любое «нельзя», «нехорошо», проявляется же он разными способами: смирением, непослушанием, воровством, предательством, лестью и так далее. Человек или замыкается в себе, или не поддается на провокации, сохраняя достоинство и внутреннее убеждение в правоте, вырабатывая правильную защиту и оценку происходящего.

Бунт может перейти в долгое самоутверждение, но рано или поздно человек начинает понимать, что жизнь несколько сложнее школьной программы, и начинает размышлять, искать. Как правило, человек, «обласканный» жизнью, имеет неустойчивую психику, обведен рамками конкретного воспитания со сложившимся стереотипом, ограничен в своих возможностях, пространстве, обладает искаженной информацией, набором комплексов.

Человек — существо неуемное, идущее напролом, не осознавая и не оглядываясь, не прислушиваясь к голосу разума. Человек борется за идею, за изобретение, за открытия, порой сметая всех и вся на своем пути, жертвуя жизнями других, а подчас и своей. Работая в поте лица, не видя дня и ночи, заполняя смысл жизни одной, но пламенной страстью, иногда раскаиваясь, не в силах что-то изменить. К таким фанатам относятся и ученые, которые в результате бездумных трудов создают... ну, к примеру, атомную бомбу или атомный реактор, не имея возможности обезопасить свое открытие, не думая, в чьи руки оно попадет, сколько смертей и разрушений последует за открытием.

В жизни существует универсальный закон — закон выживания. В природе выживает сильнейший, тот зверь или вид, который более способен к адаптации и реализации рода. Хищник же убивает больных и слабых, тормозящих адаптацию, и улучшает вид. Это происходит на суше, в воде и в воздухе. И только человек убивает сильнейших, здоровых, лучших!

Смысл всех войн — это убийство перспективы, силы поколений, сокращение рождаемости от здоровых, сильных, в результате чего потомство от дурных и больных деградирует. С каждым столетием вырождаются честь, достоинство,

мудрость здоровых поколений, знания. Неприспособленный, неадаптированный человек, чтобы выжить, рубит сук, на котором сидит.

Например, удобряя почву, сбрасывая продукты отходов промышленности в реки и моря, мы отравили стоки и подземную воду, образовав ядовитый замкнутый круг. Стремясь погубить еще больше, Запад изобрел трансгенетические продукты, последствия применения которых непредсказуемы.

Мы рождены на планете, где Создателем-Вечностью предусмотрено ВСЕ для выживания! Человек же, самоутверждаясь, желает создать что-то свое, искусственное, не понимая, что природные продукты при употреблении поддерживают вибрации на должном уровне. А вот продукты искусственные — с красителями, ароматизаторами, консервантами, подсластителями и так далее — требуют дополнительных условий и усилий для их переработки, что изменяет вибрации человека, создает искусственную среду выживания, к которой больше подходят биороботы, клонированные «люди». Кстати, о клонированных — в библейской аллегории создания человека говорится, что человек создан по образу и подобию бога, но мы выяснили, что Человек и есть бог, что создан он из мельчайших частиц, наделенных информацией и энергией Вечности, что дает ему право на реализацию, эволюцию, бессмертие. Адам создан по образу и подобию человека, а Ева создана из ребра Адама, вот и получается, что о клонировании знали еще в давние времена и в данный момент идет попытка восстановления утерянных прошлых возможностей, и в настоящем наука продвинулась настолько, что на Западе ученые нашли ДНК, отвечающую за развитие человека, и ставят опыты на выведении нового вида, не задумываясь, что любой искусственный «человек», при создании которого отсутствует всплеск энергии брачной ночи и отсутствует передача родовой информации, а также энергоинформационной структуры, ведет к инволюции и является оружием с изменением предназначения. Те же, кто допускает и участвует в этом, являются прямыми посланниками разрушений.

Информация искажения рода человеческого в любом

проявлении ведет к отсечению полученной информации от Создателя-Вечности, к разрыву с Родом, в результате тот ученый, экспериментатор, маг теряет, если так можно выразиться, почву под ногами, логику, осознанность, самовыражение — его уже ведет по жизни теория относительности Эйнштейна и нечто вроде «собственного компьютерного вируса».

Человек на жизненном пути приобретает патологические изменения, мешающие объективному осмысливанию. К этим качествам можно отнести следующие характерные состояния:

1. Самым опасным проявлением нашей инволюции является ложь, как следствие всех негативных явлений, искажающих нашу жизнь. Ложь — царица астрала, ложь — признак нашей деградации, проводник современного образа жизни. Лжем, что любим, что не видели, не брали, не оскорбляли, не предавали, не изменяли, не крали, не провоцировали. Лжем, что умеем, что верны, добры, справедливы, чужды корысти, гордыни, тщеславия, жажды власти и денег.

Ложь — это низкие поступки, низкие вибрации. Говорят, кто обманул один раз, обманет и другой. Ложь — это власть, «уважающая» закон, это ученые, создающие «блага», это игра религий и верований, которые вынуждают жить по писанным и неписанным правилам, зомбирующим и направляющим человека по ложному пути, не позволяющим мыслить, но требующим исполнять. Это «невинность», вонзающая нож в спину, это «благородство», оставляющее без помощи, это «честность», которая подставляет других.

2. Ложная добродетель.

Истинно добродетельных, творящих добро и чистых сердцем, не так уж и много, хотя многие приписывают себе эти качества. Наша благотворительность не рассчитана на обеспечение работой, жильем, пособием, возможностью учиться, на лечение детей, изготовление протезов для инвалидов, обеспечение животных пищей, чего чаще всего просят нуждающиеся. В основном наша добродетель проявляется в подаянии. Мы подаем просящим, точнее, тем, кто выклянчивает, то есть зачастую проходимцам, ворам, на-

глецам, пьяницам, к которым как приходит, так и уходит. Нами создана криминальная машина, которая распределяет места попрошайничества, привлекая инвалидов, старииков, детей и отбирая у них часть дохода.

Мы помогаем друзьям, знакомым и незнакомым, предоставляя им взаймы деньги, жилплощадь, делясь последним, и в ответ зачастую получаем обман, зависть, теряем квартиры и семьи, с нас начинают требовать и на нас же обижаться. Мы забываем, что добродетель — это благо, которое идет на реальную помощь и имеет плоды ответной доброты и искренней благодарности без показухи и афиширования. Мы забываем также, что, предлагая помощь в трудную минуту, не думаем о последствиях и меняем выбор человека, иногда отбрасывая назад его развитие в духовном и материальном плане, так как зависимость от помощи уменьшает выбор и адаптацию, а человек становится заложником добра.

3. Тщеславие и гордыня — наши спутники жизни. Без таких «друзей» немыслимо наше существование. Иначе как мы можем узнать, чего стоим? Как можем понять, что лучше, умнее, справедливее, добрее, красивее, богаче, сексуальнее? Мы хотим, чтобы нас заметили, оценили, чтобы на ми восхищались, мы желаем поразить если не мир, то хотя бы своих знакомых, и каждый перед каждым, не слушая других, хочет, чтобы слушали его, дает оценку, не вникнув, разбирает чужие беды, не пережив их. Мы хотим показать хотя бы видимость благополучия и, скрывая правду, лжем. Во имя чего? Кому? Зачем?..

Тщеславие и гордыня наиболее свойственны тем людям, которые по каким-то причинам, зависящим от них самих, не самодостаточны. По тем же причинам эти люди одиноки, им кажется, что их не понимают, они не могут смотреть в глаза фактам, не могут проанализировать причины неудач, бравируя тем, чем не обладают. Таким людям тяжело перестроиться, они плывут по течению, выжидая, что удача им улыбнется, и не замечают, как течение сносит их к болоту. Завидуя втайне успехам друзей и знакомых, они стараются брать с них пример, то есть повторять их путь, меняя работу, учебу, подруг или друзей, ища участия и поддержки,

рассказывая о том, что они собираются делать, хотя словам уже никто не верит, а реальных дел нет. Тщеславные ищут, теряя время и годы, свой интерес, свою мечту, которые от них все больше удаляются, им и в голову не приходит, что можно молча поставить одну цель, которая в данный момент выполнима, направив на реализацию все возможности, приобретая относящиеся к выполнению знания, не сообщая всем и каждому о своей цели.

Глава 3

ЖЕЛАНИЯ, ЭМОЦИИ

Считается, что в начале Всего было Слово и в результате Слова появился наш мир. Авторы же считают, что мы, люди, что-то не так поняли. Чтобы произнести слово, у нас, у людей, должна появиться мысль, а чтобы появилась мысль, должен быть толчок, знание, опыт. То есть слова рождаются тогда, когда есть о чем говорить.

Ребенок идет по траве и вдруг наступает на крапиву, ему больно, он плачет, а взрослый объясняет ему, что это крапива. Увидев ее в следующий раз, ребенок вспомнит о боли, и у него появится мысль, а затем слово «крапива», и он ее обойдет. Таким образом, слово не может появиться без причины, если нет знания. Мы считаем, что наша речь появилась тогда, когда накопились знания и пришло время словам.

С новыми знаниями появились новые проблемы, слово стало и оружием. Говорить мы стали много, и мысли наши не умещаются в голове, редко кто может отвлечься и прекратить внутренний диалог. Мы постоянно что-то домысливаем, перебираем по несколько раз прошедшие события, то есть наш мозг не отдыхает, а работает как включенный постоянно компьютер.

Больше всего нам не дают покоя мысли, порожденные нашими желаниями. Все наши стрессы, печали, неудачи связаны с невозможностью или трудностью воплощения желаний, и вся наша жизнь посвящена их реализации. Желания порождают ложь, любовь, ревность, преступления.

О греховности наших желаний предупреждают религии, пишут трактаты философы, учат в школе, предупреждают родители, но мы, проходя испытания, все равно умудряемся поддаваться всем желаниям.

Правда, существуют и исключения. Это отшельники, аскеты, йоги, монахи, истязающие себя и борющиеся с самой жизнью, которые не могут понять, от чего отказываются, почему не продлевают род свой, рожденные в этом мире. Не понимают они, борясь с искушениями, и почему отказываются от мира и его познания, от выработки иммунитета на соблазны, от накопления силы воли и мужества. Недопущение таких крайностей и есть борьба в процессе жизни.

Чем же опасны желания? Исполнение желаний или неисполнение прямо связано с эмоциональным состоянием нашего организма. Эмоциональные состояния проявляются в стрессах, положительных или отрицательных. Положительная сторона стресса заключается в хорошей «встряске» нервной системы человека. Стресс может изменить всю дальнейшую жизнь человека, заставить взглянуть на себя со стороны, понять и осознать то, о чем он раньше и не подозревал, стресс мобилизует защитные силы организма. Но немало и отрицательных сторон. Реакция организма на стрессы может быть разной — от мышечного спазма до суицида.

Как мы знаем из школьного курса наук, в основе эмоционального состояния лежат химико-биологические процессы: выброс адреналина, гормонов в кровь, вызывающие изменения в организме. Мышечные спазмы, начиная с кома в горле, сдавливают сосуды и нервы и нарушают функции сердечно-сосудистой, лимфатической, нервной систем, нарушая иннервацию органов, лишая клетку питания и кислорода. В зависимости от силы, продолжительности и частоты стрессовых ситуаций изменения в организме носят проходящий характер или же наступают органические, необратимые изменения. Стрессы и эмоциональные состояния нарушают нашу целостность. Чем меньше человек поддается искушениям, чем тверже его воля, тем незыблемее его взгляд, тем становится он на невидимом плане более мощной, слитной структурой. И наоборот, если человек не

имеет своего мнения, если живет эмоциями, то его целостность нарушается.

Каждое эмоциональное состояние ведет к выбросу энергии. Эта выброшенная энергия, скажем так, впитывается определенной чужеродной структурой. При частых стрессовых состояниях появляется связка с этой структурой, которая изменяет и разрушает вибрации человека. Выглядит это примерно так (на видимом плане).

Нередко эмоциональное стрессовое состояние человека выражается в горьком плаче, у него появляется ком в горле, его даже подбрасывает на кровати от рыданий. В следующий раз появляется другое эмоциональное состояние — но реакция, по сути, та же. Возможен еще подобный вариант, и в следующий раз при совсем незначительном расстройстве человек даст ту же жуткую реакцию, которая в медицине имеет название невроза. Неврозы бывают разного характера, но реакция организма одинакова, срабатывает не разум человека, а нервная система, нашедшая выход в описанной реакции. Можно привести еще один пример, когда человеку стало плохо в метро или лифте, в результате чего у него появляется страх замкнутого пространства.

Каждое эмоциональное состояние порождает свои изменения в вибрациях, поэтому выброс энергии притягивается теми структурами, или, как еще говорят, сущностями, которые имеют возможность их поглотить и спровоцировать на дальнейший выброс энергии. На физическом плане это еще будет выглядеть как неадекватное состояние человека.

Рассмотрим одно из самых провокационных эмоционально-стрессовых состояний — состояние любви.

1. Очень часто мы придумываем себе принцев и принцесс и приписываем выдуманные качества обожаемому лицу. В жизни происходит переоценка ценностей, и тогда мы чувствуем разочарование. Как часто мы выбираем человека не по внутренним качествам, а по внешности, по влиятельности, по тому, что он (она) нравится другим, и как часто нам интересен только секс, не несущий никаких обязательств, ответственности. Мы говорим о животной, непреродолимой страсти, не понимая, что в данном случае чело-

век — это животное с человеческими страстями. Животные же имеют свой брачный сезон, который начинается с песни любви, завоевания любви, им свойственны преданность, совместное воспитание и защита потомства. Мы же в своей жизни, в своих ошибках ищем козла отпущения, например дьявола, который соблазняет и сбивает нас с пути истинного. Для примера припомним телевизионную программу, которую вел Артур Крупенин.

Главным героем передачи был мужчина, который рассказал о своей жизни. Мужчина был женат четыре раза и имел одну дочь. Всю свою сознательную жизнь, будучи женатым, он посвятил «любви», которая заключалась в неограниченных знакомствах с женщинами и интимных связях. Со временем этот Казанова решил упростить себе жизнь, встречаясь с подругами жен, сестрами и даже с тещей, что находил удобным и нравственным. Этот мужчина не считал, что поступает неправильно, он учился самодовольством и умился успехами. Так кто же он, такой «любимый», и ему подобные? Да тот, кто соблазняет и монашек в келье, вечно не удовлетворенный, созданный страстями и пороками, настоящий дьявол в личине человека, который ищет оваций и сочувствия, оскверняя любовь и преподнося смертный грех как пример для подражания!

Пример такой «любви» далеко не единственный, мы же ищем виновных, не понимая, что прообраз темных сил — мы сами, что зло в нас самих и именно мы являемся переносчиками губительного разложения себе подобных.

Семья — это «семь Я», когда ты можешь быть уверен в поддержке, любви, верности. Естественно, семья несет функцию продления рода. Женщина сохраняет традиции, семейный очаг, дарит тепло, любовь, ласку, стабильность, уверенность, материнскую защиту, нежность, уважение к мужу, являясь внутренней силой и опорой. Мужчина является внешней силой, защитой семьи. Он уравновешен, уверен в своих действиях, содержит семью, помогает воспитывать детей и т. д. (Добавим — должен быть таковым!) Дети тоже должны быть уважительными, без непрестанного «хочу» и «дай», тогда они развиваются без комплексов и свободно высказывают свое мнение, отвечают за свои ошибки.

К сожалению, эти семейные функции утрачиваются, вытесняемые сексом, принимают дикие формы. Любовь ради секса порождает негативные эмоции, такие, как ревность, депрессию, обиду, ложь, страх. Женщина в основном боится одиночества, а мужчина не хочет потерять собственность (жену). Слова песни: «Ревность сердце сжигает на тайном огне» — говорят яснее ясного.

2. Что же такое ревность? Говорят: ревность есть следствие измены. А что такое измена? Если человек не ревнует, не считает свое достоинство ущемленным, если не устраивает разборок и не бьется головой об стену, то ему никто и никогда не изменит, он как был индивидуальностью, так и останется, о ревности в этом случае нет и речи.

Кто-то другой нарушил свою индивидуальность, опустился до лжи, бегая за призрачным удовлетворением физиологических потребностей, удовольствий, все больше и больше разочаровываясь, погружаясь в самообман, изменения своей сути, за что и страдает, ему плохо.

Каждый из нас, как уже было сказано, является индивидуальностью и развивается по своим вибрациям, ищет свою половину пары в жизни, чтобы было с кем поделиться и поддержать друг друга в трудную минуту, не претендуя на свободу любимого человека, друга, не судя, не насиляя, не посягая на свободу, идя по такой короткой и трудной жизненной дороге. Если не создавать себе кумира и не считать себя совершенством, не придумывать образ несуществующий, то не возникнут и разочарования по поводу прически, походки, одежды, мнения, вкуса и тому подобного. Разумные пары всегда найдут компромисс, смогут простить и помочь. Правда, наша жизнь показывает, что мы почему-то всегда должны друг другу, обязаны отчитываться, делать так, как хочется нам, мы унижаем друг друга, посягаем на свободу, а изменения, требуем верности и уважения. Да кто же мы тогда такие?! Боги? Судьи? Разве мы такие совершенные, что имеем право посягать на чужое право Выбора? Разве мы такие достойные, что, совершая ошибки, вмешиваемся в чужую жизнь, вынуждая других следовать нашим ошибкам? Как часто мы теряем время на борьбу за свой интерес, не понимая, что не помогаем близким, но казним их!

Как часто мы становимся тем агрессором, который тормозит развитие индивидуальности, имеющей право на свои собственные ошибки и свой путь. Как часто, не анализируя, понижаем свои вибрации, опускаясь до ссор, выяснения отношений, лжи, сравниваясь с тем человеком, который низок морально и этически!

И все же, что такое Любовь? На наш взгляд, Любовь не является чувством и эмоцией. Любовь — это способность воспринимать красоту окружающего нас мира. По любви мы видим достоинства человека, любящий человек не прелест, не заставит платить за любовь, не потребует жертвы. Если человек обладает Даром Любви, он уже идет путем знаний. Дар Любви не требует объяснений, он или есть, или его нет! В понятие Любви не входят такие составляющие, как ложь, измена, ревность, как «поклянись своей любовью», «возлюби врага своего», «соверши во имя любви» и так далее. Настоящая Любовь отвечает только Любовью, и не присутствуют при этом негативные эмоции, ложное чувство долга. Настоящая Любовь — это радость, счастье, реальное восприятие мира. Не нужно путать Дар Любви с материнской, зачастую эгоистичной любовью, с отношениями между мужчиной и женщиной.

3. Страх также является сильнейшим эмоциональным состоянием. С одной стороны, он заставляет нас спасаться, с другой — делает человека животным, подавляет, унижает, подчиняет человека. Бояться нужно не страха, а мыслей, его порождающих, реально оценивая ситуацию. Страх может возникать на подсознательном уровне, особенно в раннем возрасте, когда причина забыта, а необъяснимый страх в определенных ситуациях проявляется. Если вспомнить и проанализировать ситуации, можно эти моменты уже сознательно контролировать. Страх, возникший в экстремальных ситуациях, нужно пережить и... забыть, вычеркнуть из памяти, поставить внутреннюю преграду и не допускать ни единой мысли, не возвращаться ни на миг в ту ситуацию. А если кто-то напомнит о ней, то при внутреннем контроле реакция на воспоминание будет не столь острой, а со временем исчезнет вовсе.

Спекулируя на чувстве страха, как и на чувстве любви,

человека можно использовать в неблагородных целях. Поэтому бороться со страхом можно только силой воли, не распускаясь, не теряя ясность мысли, особенно в крайних ситуациях, чтобы, во-первых, не превратиться в животное, а во-вторых, не позволить организму выбросить энергию, что открывает путь чуждым вибрациям.

В нашей истории было много катализмов, войн, глобальных катастроф, человеческая память сохранила много подобных событий. Например: истребление инакомыслящих во имя веры, когда сжигали, пытали, топили, уничтожали семьи и целые поселения, вырубали священные деревья, убивали животных, сжигали дома и даже музыкальные инструменты. Все это хранит наша память, и поэтому бесконательный страх так часто овладевает нами.

4. Следствием наших желаний являются обида, жалость, гнев, эйфория, депрессия, радость и так далее. Это мины замедленного действия, которые взрывают человека изнутри, делая его уязвимым и предрасположенным к постороннему влиянию. Избавление от такого состояния довольно простое: нужно вернуться в момент возникновения события, вспомнить подробности, обстановку, присутствующих, мысленно попросить прощения и простить обидчиков самому — только искренне, — после чего все забыть.

Глава 4

ЗАВИСИМОСТЬ

Немного повторимся.

Итак, нам дан разум, дана жизнь — путь от рождения до окончания пребывания в этом мире. Каждый проходит этот путь по-своему, создавая себе проблемы и препятствия, преодолевая их или не преодолевая, уклоняясь по собственной воле от пути, заложенного Вечностью, или не уклоняясь. Физическое время жизни у каждого разное. Кто-то считает, что прожил точно определенное количество лет, но если проанализировать, то окажется, что это только слепые цифры — годы от рождения до данного момента, время, отсчитанное механическими часами. События и образ жизни

укорачивают или удлиняют жизнь, даже день для одних тягнется чуть ли не бесконечно, для других же проходит очень быстро.

На самом деле время жизни надо считать по количеству воспринятой и переработанной информации, по насыщенности жизни событиями, по значимости воспринятого, все остальное — это механический ход стрелок часов, физическая смена дня и ночи, весны и осени.

Один после экстремальной ситуации скажет: я прожил три жизни и пересмотрел их смысл. Другой скажет: мне сорок пять, но я чувствую себя на двадцать восемь. Один человек выглядит моложе, другой старше, один ведет подвижный образ и радуется жизни, другой просит смерти. Вот и получается: один за свои семьдесят пять лет прожил двадцать восемь лет, другой четыреста, а третий ровно семьдесят пять.

Проанализировав наше бытие, можно прийти к выводу, что мы лишены свободы самовыражения в той или иной степени, находимся в зависимости от силы посторонних влияний и истин, которых нам рекомендуют придерживаться. То и дело можно услышать: я болею, что-то не так сделал, и за это меня наказал бог. Или: у меня нет счастья в жизни, я неудачник, это моя карма за грехи этой и прошлых жизней. А почему бы не подумать о реальных причинах своего положения, не ссылаясь на влияние устаревших и ничего не объясняющих догм? Например:

1. Я часто болею, но никого за это не виню, потому что у меня неправильная осанка вследствие сколиоза, кифоза, лордоза и бог знает чего еще. Любое заболевание позвоночника ведет за собой напряжение мышц, которое, в свою очередь, вызывает нарушение иннервации сосудистой, сердечной, лимфатической систем, что рано или поздно ведет к нарушению деятельности органов, в зависимости от того отдела позвоночника, который в данный момент имеет нарушения.

Я болею, потому что веду неподвижный или недостаточно подвижный образ жизни, в результате чего плохо циркулирует кровь, происходит застой в лимфатической системе, нормальная работа которой зависит не от мотора — сердца,

а от мышечных движений, перистальтики кишечника, здоровой циркуляции кровеносной системы. Мышцы теряют тонус, появляются опущения органов.

При нарушении поясничного отдела позвоночника страдают органы малого таза, что может вызвать бесплодие и опухолевые процессы, происходят и изменения в сосудах нижних конечностей от варикозного расширения вен до тромбофлебита и других патологий.

Я болею, но мне некого винить, потому что именно я не слежу за своим питанием и не получаю с пищей достаточно микроэлементов, витаминов, других необходимых организму веществ, и именно я люблю употреблять искусственную пищу.

Я не слежу за состоянием своего кишечника, и, как следствие, кишечник работает нерегулярно, ослабляется перистальтика, образовываются на стенках камни, засоряя и отравляя кровь продуктами отработанными, гниющими, вызывающими интоксикацию организма с дальнейшими негативными последствиями.

Я болею, но не виню за это никого, потому что неправильно одеваюсь и тем самым нарушаю микроциркуляцию крови кожи, вызывая то переохлаждение, то перегревание. Не виню и потому, что, желая выглядеть особенно красиво, качаю мышцы, забывая о главном: основная сила не в мышцах, а в сухожилиях, которые требуют другого тренинга.

2. Моя ошибка в том, что я легко поддаюсь влиянию эмоций, а мы уже знаем, что каждое эмоциональное состояние имеет свое воздействие. Можно привести и такой пример: тоска, печаль, депрессии — поражают кишечник, легкие, селезенку; страх — почки; злоба, месть — желчный пузырь, печень; любовь, ревность, обиды — сердце.

3. Я не понимаю, какое пагубное воздействие идет от музыки, когда ее включают на полную громкость — одну и ту же, жестко ритмизированную, с минимальным набором нот. Музыка настолько может изменять вибрации, что этому желательно посвятить целый труд.

Под грубый рок хорошо развиваются мышцы, но тупеет мозг. Под марши Вагнера Гитлер вел армию на гибель. Под медитативные мелодии можно попасть в плен их создателей

и потерять энергию. А вот под колыбельную дети успокаиваются, крепко спят, у них забываются негативные впечатления дня, они чувствуют себя защищенными, любимыми. Изменяется и тот, кто поет, превращаясь в хранителя и обретая уравновешенность и силу. Народные песни о Родине, любви, разлуке, веселые и грустные, согревают наше сердце, вдохновляют, дают силу, поются всеми и на любых торжествах, передаются поколениями, свойственны всем нациям, являются важнейшим культурным наследием.

4. Естественно, в связи с отсутствием критики к себе лично нам трудно понять, что многие неудачи зависят от нашего понимания действительности. Мы не можем найти работу не потому, что не умеем искать или не умеем работать, а потому, что переоценивает свои способности и не понимаем, почему впереди оказался кто-то другой. Выбирать себе работу для того, чтобы гордиться собой, — одно, чтобы жить — другое. Нам хочется, чтобы в этом мире нам всегда было хорошо, и мы все время боремся за лучшую жизнь, призрачное счастье, но... стоит ли тратить силу и время за такое короткое пребывание на Земле?

Есть еще одно обстоятельство, нарушающее равновесие, от которого мы зависим, — это отношение к заработанному. Получив материальное вознаграждение, мы тратим его на совершенно ненужные вещи: идем в казино, рестораны, клубы, меняем машины, покупаем предметы далеко не первой необходимости, тратим деньги на бессмысленные телефонные переговоры и так далее и тому подобное.

Существует и другая крайность: отказывая себе во всем, складываем деньги в чулок, оставляя их «на черный день», и в результате тот, кто его ждет, дожидается!

Процветает и благотворительность, не приносящая никому конкретной пользы, но успокаивающая совесть. Все это нарушает космические законы равновесия в человеческом исполнении.

Вспомним: любое действие, эмоциональное состояние представляют собой информацию, которая считается реализованной, если она несет смысл, не нарушающий гармонии и равновесия.

5. То же можно сказать и о производственных отношениях. Начальник не выдал полностью заработанные деньги, уволил без веской причины, унизил, оскорбил, обманул. Надо ли говорить о состоянии его ЭИС, его вибрациях? Такие люди еще более уязвимы. Состояние человека, который обидел, обманул, усугубляется тем, что о нем думают с ненавистью, обидой, не желают добра, а про это в народе говорят — «сглаз» и «порча». Такого человека преследуют неудачи, и он вынужден постоянно бороться за свое благосостояние, постоянно держаться в напряжении, подрывая здоровье. Вот и получается, что человек сам себе роет могилу.

Здесь есть один маленький нюанс. В том случае, когда человек не прав, его вибрации взаимодействуют с вибрациями того, кого он обидел, ответной волной неприятия. У одного они понижаются, другой получает самую настоящую порчу. Если негативной реакции не последовало, то есть обиженный посчитал ниже своего достоинства иметь дело с этим человеком, то пострадавшим окажется один обидевший.

6. Алкоголизм и наркомания присущи слабым людям, которые плывут по течению, и неважно, какими мотивами это вызвано. Самое интересное, что это на самом деле выход из безнадежности, горя, бессилия, только выход временный и тупиковый. Пьющий человек не знает той роковой черты, когда последняя капля алкоголя изменит его разум. Алкоголик — это уже животное, так как он теряет критику, не осознает себя как человека, галлюцинации его носят отвратительный характер, голова в тумане, рефлексы ограничены, память притупляется, жизнь состоит из очередного принятия алкоголя.

Наркоманы — это подростки с неустойчивой психикой, не имеющие своей воли, с разной степенью инфантильности, самоутверждающиеся и подраживающие друг другу. Первое впечатление от принятия наркотика у всех разное, но приятное: это чувство парения и легкости, это галлюцинации небесного плана, это чувство превосходства и мощи, прилива энергии и силы, отсутствие комплексов и постороннего влияния. Второе впечатление — это уже чувство

дискомфорта и желание попробовать еще. Потом появляется зависимость от принятия дозы, неважно где, неважно с кем. Человек не понимает, что с ним происходит, становится своего рода сомнамбулой без ясности мышления, грязным, заразным, лживым, преступным, управляемым животным. Ничего хорошего он не ощущает, кроме боли в суставах и ломоты в иных местах, только очередная доза способна продлить жизнь без мучений. Просвета в его разуме уже нет, человек гибнет в жутких муках, по сути перестав быть человеком.

Алкоголь и наркотики изменяют вибрации, превращая человека в сущность не от мира сего. Распадается сама энергоинформационная структура, лишенная энергии и реализации, как невостребованная. Это и есть Смерть. Так проявляется насильтственное разрушение ЭИС, в результате добровольной глупости самореализовавшегося разума и полного изменения предназначения ЭИС, когда образная грань частицы-Странницы поворачивается и стирает невостребованную информацию. Кому-то покажется это не страшным, но масштаб процесса говорит о сокращении рода, а это катастрофа для всего человечества. И если учесть, что любящий, нормальный человек этого никому не пожелает, то нужно задуматься, а кому это нужно?

7. Примером изменения человеческой сути являются и места лишения свободы, где исправление недостойных граждан можно сравнить с еще большим преступлением, так как человек теряет свою личность вне зависимости от тяжести преступления и от фактора, породившего преступления. Зато приобретаются качества, о которых он и не подозревал: жестокость, извращенность, разочарование, униженность, ненужность обществу, чувство третьесортности. Если прикинуть количество людей, находящихся в процессе следствия, в колониях, тюрьмах, опять возникает вопрос: кому это нужно?

8. Существует масса негативных влияний, искажающих нашу психику, действующих на наше здоровье и образ мысли, тормозящих развитие и управляющих нами. К вышеупомянутым факторам, вызывающим изменение нашей сути, относятся следующие негативные воздействия.

Это «безобидные» мультики, в которых создается атмосфера войн, ужасов, неэтических выражений, безобразных изображений. На психическое и интеллектуальное состояние зрителя влияет множество факторов: цвет, яркость, форма, скорость движения, продолжительность, смысл, интенсивность развития событий, яркость образа, насыщенность информацией и т. д. Примером может послужить японский мультик «Покемон» (карманные монстры), после просмотра которого у детей развились психосоматические отклонения и дело дошло до госпитализации.

В основном западные мультсериалы страдают отсутствием психологии, главные герои — супермены, постоянно борющиеся со злом, которому нет конца. Рисованные образы просто отвратительны! Примером могут послужить так называемые мультишки, которые развлекают по телевизору неизвестно кого. Наши же отечественные мультфильмы психологичны, имеют смысл, их герои — обычные люди, которые борются за весну, красоту, доброту. Они просты, доступны, и в них всегда побеждает тот, кто смел, умен, правдив, справедлив.

Сейчас критерием развитости считается умение пользоваться компьютером, и в ближайшее время нам обещают сделать компьютер и Интернет общедоступными. Не секрет, что виртуальные игры — наша головная боль. Мы горим желанием погрузиться в виртуальный, искусственный мир, в котором можно «жить», испытывая все эмоции, усиленные современной техникой и ощущениями, недоступными в жизни. С каждым разом такой любитель, как настоящий наркоман, ищет более сложные игры и тратит на это все свое свободное время и здоровье. И вот он уже живет в виртуальном мире, не подозревая, что построенные по определенным схемам игры разрушают, зомбируют, искажают действительность, ужасающим образом снижают интеллект.

Воздействие, вызывающее психоэмоциональные изменения, оказывает на человека и излучение компьютеров, спутников, сканирующих землю, радиотелефонов и даже бытовых приборов. В качестве примера можно привести

воздействие торсионных полей, отрицаемых ортодоксальной наукой. Приводим отрывок из работы А.Р. Павленко, ученого из Украины:

«Понятие «торсионное поле» имеет широкий характер: под этим термином понимают и поля, обусловленные геометрической формой тел (поле внутри предмета, объекта и др.), и излучения геопатогенных зон, и торсионные компоненты электромагнитных излучений телевизоров, мониторов персональных компьютеров (ПК) и другой электронной техники.

Одним из главных направлений исследования торсионных полей есть медико-биологическое, так как торсионные технологии проявляют определенную степень агрессивности по отношению к человеку.

...При наличии левого торсионного поля монитора в мозгу пользователя, вероятно, возникают торсионные структуры, которые повторяют пространственно-частотную структуру воздействующего внешнего торсионного поля; эти новые торсионные структуры, являющиеся результатом воздействия индивидуального торсионного поля пользователя и торсионного поля монитора, отражаются как сигналы управления теми или иными физиологическими функциями, что приводит к известным нарушениям в организме; у некоторых пользователей взаимодействие вышеупомянутых торсионных полей, наряду с нарушениями в организме, может отражаться в виде образов или ощущений на уровне сознания...»¹

Итак, зависимость психики человека от внешнего воздействия возможна только при отсутствии критики к себе и отсутствии анализа своих поступков. Человек, если он в здравом уме и памяти, не будет искать оправданий и причин своей зависимости, страхов, эмоций, ущербности, потому что он индивидуален, свободен, разумен. По крайней мере — должен быть таковым!

¹А.Р. Павленко. Защита населения от негативного влияния геопатогенных зон, мониторов персональных компьютеров... Киев, 1997 г. (Патент на изобретение № 18009 от 17.06.97 г.)

Глава 5

УЧИТЕЛЯ

Коротко охарактеризовав земные воздействия, мешающие нашей эволюции, нельзя не остановиться на все более распространяющейся паутине оккультно-эзотерических наук и влиянии «духовных» учителей. Мы все умные, но одни знают, как они умны и для чего, а другие если не изобретают велосипед, то слепо подставляют шею для петли, лишь бы стать посвященными, целителями, учителями, наставниками, «гуро».

Начнем с того, что большинство так называемых «учителей», по нашему глубокому убеждению, — шарлатаны. Настоящих Учителей — единицы. Они не печатают объявлений и учеников находят себе сами. Настоящий Учитель ищет своего последователя, который имеет возможность восприятия, необходимое качество вибраций, внутреннюю подготовленность. Учитель отвечает за ошибки своего ученика, так как за время учения их обоюдные вибрации гармонизируются, образуя связь. Учитель может закрыть информационный канал ученика, который совершил ошибку, угрожающую изменением вибраций ученика. Учитель оказывает ему помочь вплоть до конца своего земного бытия. Учение бесплатно, основано на взаимном доверии, оно индивидуально. Группой такой Учитель не набирает.

Земной Учитель дает лишь толчок к знаниям, контролирует первые шаги, не мешая индивидуальному развитию неофита. Впитывание знаний и дальнейшая эволюция зависят от способности ученика. По мере повышения вибраций появляются у ученика и невидимые им ведущие, о которых можно догадаться по происходящим событиям, когда по мере созревания начинают открываться более глубокие знания, появляется литература, встречаются люди, происходят события, которые наталкивают на определенные выводы. При этом неважно, какая подается информация, положительная или отрицательная, вывод однозначно будет правильным. Ведущий — это не обязательно проявленный учитель, по сути — это доступ к информации, ко-

торая может быть воспринята не любимым нами интеллектом, а только сферой вибраций, которые не зависят от «прости» и «не буду», от образования и дохода, от власти и желания. Вибрации притягивают информацию в зависимости от своего качества и уровня по Родовому каналу, связанному с Создателем-Вечностью.

Если же учитель по объявлению набирает учеников, берет с них определенную сумму, лечит их и знакомых по совместительству, организовывает центры, группы, школы, секты, это заведомо ведет к нарушению психики людей, сбивке вибраций, отклонению пути, кодированию. Учителя, берущие материальный эквивалент за свою «науку», ответственности за ученика не несут по той простой причине, что ученик по с в о е й воле к у п и л знания, а истина не продается, как и совесть, и знания. Зачастую такие учителя и наставники не имеют иного дохода и живут за счет своей так называемой «духовности», которую продают вместе со своими «знаниями».

С другой стороны, не все ищут учителей для знаний. Ученик может иметь корыстные цели и не иметь, как мы говорим, духовности, но желает зарабатывать и воздействовать на людей в своих целях. В этом случае нужно опасаться самим учителям, особенно тем, которые еще не поняли, что им учить еще рановато. Учителя изменяются вибрации, он начинает деградировать, не понимая, что получил то, что и хотел, — плату за учение.

Задачей «посвященных учителей и наставников» для обладания и заработка является отделение ученика от родителей, семьи, друзей, чтобы быть единственным владельцем и использовать ученика без помех, и нет им никакого дела до того, что семья — это сила и знания Рода. Нет у таких «наставников» понятия, что человек индивидуален и его выбор не должен повлиять на родных, близких, друзей, а тем более вести к разрыву отношений с ними, одно только это говорит о преступности намерений. Родные, стараясь уберечь от ошибки члена семьи, бывают категоричны, стараются надавить на психику, впадают в панику, а в результате получается так, как вещает учитель: «Родные тебя не

понимают, они лишают тебя духовности и знаний, самостоятельности, преуменьшают твои способности, уходи от них». Конфликт превращается в ссору и часто заканчивается трагедией, ученик бросает семью, расторгает брак, продает или дарит имущество «духовному учителю» и идет к нему, как кролик к удаву. Измененные вибрации поражают психику ученика, превращая его в зомби.

Есть и такое диво: ученик оканчивает школу или курсы, получая диплом или свидетельство экстрасенса, проучившись с месяц или чуть больше, и начинает целить сам, учить, «ясновидеть», чтобы зарабатывать деньги. Как только новоиспеченное светило начинает «трудовую деятельность» и денежные средства начинают течь в его карман, он останавливается в развитии, искаженные знания и применение их играют с ним злую шутку.

Мы уже знаем, что вибрации являются неповторимым лицом сути человека и имеют диапазон Вечности, в зависимости от, скажем так, качества и способности притягивать к себе информацию. Они могут быть низкими и высокими, стабильными и нестабильными.

Учитель обладает сильными, стабильными и высокими вибрациями, присущими только ему одному. Учителей с одинаковыми вибрациями не бывает, так как у них разный уровень реализации знаний. Подбирая учеников, учитель ищет людей с подобными вибрациями, способных возвыситься до уровня учителя и развиваться дальше, не изменения индивидуальности. Платные же «учителя» берут всех подряд, ломая индивидуальность, искажая вибрации, тормозя развитие, в худшем варианте зомбируя и разрывая связь с Родом и Создателем.

Итак, информацию учитель берет за счет связи, установленной между его вибрациями и Вечностью, по мере той возможности, которая ему дана. Принимая ученика, он как бы дает толчок и возможность присоединения ученика к его собственному личностному каналу информации за счет стабильности и мощи своих учительских вибраций, помогая раскрывать ученику его собственный канал и поддерживать это состояние, пока ученик не сможет пользоваться им са-

мостоятельно. Учитель защищает ученика от постороннего влияния и удерживает его от желания иметь знания все и сразу, для того чтобы психика ученика постепенно перестраивалась на более высокие вибрации. Платный же «учитель» имеет дело с разными вибрациями и не может контролировать ход событий и сохранять индивидуальность учеников. Рассмотрим это утверждение на примере целительства.

Целитель — настоящий — имеет связь с информацией Вечности. Пусть эта связь будет называться каналом, который содержит целительские вибрации. Процесс целительства начинается с момента воздействия целительских вибраций на больного, образовавшаяся информация изменяет болезненные вибрации на целостные вибрации организма пациента, приводя в норму его здоровье. Созданная связка или канал между целителем и больным однороден и направлен на достижение цели. В том же случае, когда целитель берет за лечение материальный эквивалент, наступает как бы замыкание, то есть канал «искрит», так как появляется сбивающая информация, которая независимо от целителя пронизывает созданный канал своими вибрациями, вибрациями материального вознаграждения, особенно когда цена определена и когда у больного возникают мысли, где взять подарки или деньги. Особенно этот эффект проявляется, когда деньги берутся целителями до появления результата лечения, которого часто нет.

Со временем целительский канал размывается и остаются только реклама да амбиции. Истинный целитель не пропускает через себя болезни больного, не прибегает к магии, не будет обвешиваться иконами и молиться для приворота и отворота, насильственно воздействуя на больного. У него есть доступ к информации, и он лечит комплексно. Пример неправильного целительства сходен с примером обратного воздействия ученика на «учителя».

«Целитель», назначающий определенную сумму за лечение, подвергается обратному воздействию по многим причинам:

1. Установленная цена на лечение создает преграду для

тех, кто не имеет достаточно материальных средств, то есть «целитель» отказывает в помощи, на что не имеет морального права.

2. «Целитель», берущий материальный эквивалент до положительного результата и не возвращающий деньги в связи с отсутствием эффективности лечения, получает энергетический удар от обратившегося к нему человека, который уходит с обидой и негативными эмоциями.

3. Все это, негативно воздействуя на целителя, понижает его вибрации, делая уязвимым, что влечет за собой худшие последствия. «Целитель» с разбалансированными вибрациями начинает сам набирать от больных их болезни и зарабатывать, как говорят в народе, порчу, сглаз, тем более что больные могут сбросить все негативные эмоции и состояния за деньги, которые «целитель» как бы у него покупает. В основном мы идем лечиться именно к таким «целителям», которым нужно лечиться самим, а не наносить вред больным.

Больше всего страдают те, у кого есть деньги. Их просто искушают возможностями оказания услуг — от целительских до удачи в коммерческих делах. Маги и экстрасенсы так «заботятся» о благополучии и процветании этих людей, что часто возникает обратный эффект. Это касается и политиков. Столкнувшись с подобными «заботами» магов, проанализируйте последствия сами.

У доступных «учителей» проскальзывают одинаковые приемы: обязательное очищение земли и космоса во время медитации, стремление изменить мир, обязательное изменение себя, утверждение, что правы только они, а не другие, некоторые предсказывают конец света, некоторые разъединяют семьи.

Существуют белые маги, имеющие свою символику, свои классические знания, которые помогают людям, неся добро и равновесие, опираясь на свои этические законы.

Черные маги являются противоположностью белых магов, создают культуры, ложи, центры, вовлекая нестабильных людей и пользуясь ими, проводя культовые обряды и человеческие жертвоприношения. Как и белые маги, они имеют

свои высшие посвящения, к знанию которых доступа желающим нет.

В принципе, если говорить о вибрациях, то нельзя сказать, что они низкие или высокие, вибрации можно назвать только специфическими. Черные маги не созидают, могут только пользоваться знаниями белых магов, но в зеркальном отражении они могут пользоваться символикой белых магов, искажая ее. О связи с высшими силами, Вечностью нет и речи, в их действиях заложена только возможность инволюции, отсутствие связи с прогрессом и реализацией, что приводит к ограничению временного существования. Чтобы продлевать его, маги вынуждены прибегать ко все более изощренным мерам. Они живут как бы в замкнутом пространстве, где являются богами, однако они не бессмертны, несмотря на возможности продлять свое существование в зависимости от количества обманутых людей, силой которых они пользуются, и могут существовать тысячелетия.

Нивелируя действия друг друга, черные и белые маги сохраняют равновесие, понимая, что в противном случае все будут уничтожены. На Земле свои законы, свой ад и рай, и зависят они от количества людей, которые не имеют привязки к кумирам, «учителям», которые управляют своими эмоциями, не зависят от влияний, не ссылаются на ошибки бабушек и прадедушек, не считают, что дети не устроены из-за их ошибок и прочего бреда.

Никакой маг не в силах воздействовать на свободного человека, если хотя бы в мыслях у него будет слово «нет» и если человек верит, что создан не для чьих-то игр, а у него есть Вечность, Род, Разум, то от него зависит и существование нашего Мира. Все доступные нам учения: существующие религии, Дианетика, учение Кришны, учение Церкви Христа, Белого братства, учение Ошо, Аум Сенрикё, секты, верования, ложи, культы, другие эзотерические и оккультные школы являются примитивными программами, искающими наш разум, наносящими человечеству огромный вред, и никому не приходит в голову узнать, кто же эти «учители», чем занимаются и чьи они последователи, ведь многие из них служат более серьезным политическим организациям, а многие, прожив жизнь, ушли в мир иной при

помочи насильтственной смерти в результате увиденного тупика и разочарования. Многие «учителя» просто потеряли разум, многие имеют только облик человека, давно перестав быть людьми.

Смешно не верить и отрицать (можно только не знать), что существуют более древние учения, учителя которых не-посредственно боги, если можно так сказать, которые живут по своим законам, не касаясь нашей действительности, и у которых свои обязательства перед Вечностью. Некоторые люди пытаются реанимировать старые верования. Как было сказано раньше, природа создавалась с целью охраны, защиты, пищи, реализации и адаптации человека, человек был неотделим от природы. Со временем, когда период адаптации человека в этом мире закончился и он должен был развиваться и реализовываться самостоятельно, связь его с Природой была, по сути, прервана.

После глобальных событий произошло как бы разделение людей по возможностям и знаниям. Одни стали развиваться дальше, как и было предназначено Вечностью-Создателем, и им была дана информация и возможности более высокого уровня. Назовем их Древними. Другие не могли отказаться от волшебных сил единения с Природой и начали искать возможности запрещенные. Назовем этих людей магами.

Маги, достигнув головокружительных высот знания, поняли, что строят другой мир, не предусмотренный Вечностью, но эволюция для них была уже закрыта.

Высшие маги стали скрывать свои знания, старались не вмешиваться в творение Вечности, но было уже поздно, их ученики жаждали могущества и власти, не думая вследствие амбиций о последствиях. Не обладая знаниями Великих Посвященных, маги разделились, и в результате была перейдена роковая черта допустимого воздействия на мир, начавшиеся изменения нарушили равновесие, и произошла еще одна глобальная катастрофа. Развитие Земли пошло по другому пути.

Опустив часть событий, рассмотрим, к чему мы пришли.

Разорванность нашего мира позволила неким посторон-

ним вибрациям чуждых ЭИС проникнуть в наш мир, нарушая его целостность и стабильность, воздействуя и на вибрации человека, что выражается в нашем забвении, или полусне, или дремоте, или частичной потере памяти. В результате, не понимая, для чего существует и кто он такой, человек решил, что он раб, что он должен жить и действовать по написанным кем-то догмам. Те силы, которыми он раньше управлял, превратились в богов, управляющих человеком. Так возникло язычество на Руси, отягощенное чуждыми вибрациями, так возникли кровавые жертвоприношения.

Человек все еще связан с Вечностью, и в определенное время память к нему может вернуться, но тогда Силы, контролирующие нас, погибнут, так как с памятью возвратятся и наша целостность, и наши знания. Те же Силы, вибрации которых оказали на нас воздействие, сами изменились под воздействием наших вибраций и без нас существовать не смогут, так как возврат нашей целостности ведет к уничтожению их вибраций. А пока мы, темные, верим всем и вся, создаем и разрушаем религии, в зависимости от колебаний веры, наша жизнь сопровождается войнами, истребляющими лучших, а нам усиленно предлагаются искусственные виртуальные миры, наркотики, секс и другие наслаждения.

Глава 6

УЧЕНИЯ

Доступные нам учения имеют реальную основу и строятся на определенном фундаменте знаний, которые передаются учителями, посвященными — Великими и рангом ниже. Они вводят нас в тот или иной мир, приоткрывая покрывало Изиды и применяя свои наработанные методики, которые зависят от времени: что-то теряется, что-то приобретается. Но во всех случаях это созданные искусственно миры, вхождение в которые происходит через медитации, посвящения с соблюдением таинств, верований, ритуалов, молитв, мантр. Эти миры образно можно сравнить с компь-

ютерными виртуальными мирами, когда человек сживается с ними и проводит время, создавая все новые и новые реальности, живет в них, реализуя свои фантазии, изменения психику и подготавливая себя к быстрому восприятию внушенния и влияния как со стороны, так и через игры. Идет массовая подготовка (с незрелого возраста) к понятию искусственных миров, таких как астральный, ментальный и другие планы, что является идеальной психологической ловушкой.

По современным эзотерическим понятиям человек имеет душу, определенную степень духовности и состоит из видимой физической оболочки, нарабатывая по жизни невидимые: эфирную, астральную, ментальную, каузальную и другие «тонкие» оболочки. В теле человека насчитывается семь главных чакр, имеющих свое место, цвет, ноту, запах, вкус, которые несут определенную функцию и развитие которых открывает соответствующие возможности. В своем развитии человек проходит на Земле цепь реинкарнаций, которые, в свою очередь, зависят от наработанной кармы, то есть от действий правильных или греховных. Так нас учат, так внушают нам «учителя». Давайте разберемся в этом.

1. Мир астрала.

Человек входит в мир астрала — мир желаний — с развитием астральной оболочки, которая является мостиком между человеком и мирами астрала. Умирая, человек через некий коридор попадает в один из семи подпланов астрала, в зависимости от степени духовности, встречаясь там с образами своих желаний и деяний, с родными, друзьями, ангелами, которые его сопровождают, и где он искупает свои грехи, переходя в следующие миры.

Мир астрала хорошо описан в эзотерической литературе. Доступные учения позволяют нам входить в этот мир путем оккультных приемов. Астрал считается ступенькой лесенки, ведущей вверх, так как доступен тем, кто считается духовно продвинутым. Астрал открывает свой мир тем, кто верит в него, по астралу можно путешествовать, встречаясь с учителями, сущностями, ангелами и так далее. В астрале

можно общаться, задавать вопросы, получать ответы, предвидеть события. Доступные учения предлагают знакомство с астральным планом путем медитаций, когда во время расслабления или трансового состояния начинают проявляться картинки, оживать заданные сценарии, с каждым разом все отчетливее, а вхождение в транс становится доступнее. Натренированный человек самостоятельно входит в астрал.

Осваивая астральный план, мы входим в искусственный мир, порожденный миражами нашего сознания, оживляемый нами по чужой воле, и отдаем на реализацию и визуализацию этого мира свою энергию. Собираясь в группы и коллективы, мы по доброй воле, не понимая смысла содеянного, создаем структуры, которые питаются нашей энергией и информацией (эзотерики называют такие структуры эгрегорами), оживляя их постоянной подпиткой, наделяя их вибрациями группы, мистерий и т. д. Если группа сплоченная, целеустремленная, то эгрегор помогает достичь цели, если группа разобщенная, эгрегор ускорит распад группы, исказит ее информацию, что непременно скажется на духовности и психическом состоянии людей.

Существует даже метод исправления возникшего положения путем ухода, прекращения всех связей, медитаций, вплоть до перемены места жительства на какой-то срок с желательным переездом через реку, чтобы оторваться от нежелательных связей. В более тяжелых случаях рекомендуется одиночество, пока воздействие группы не ослабеет.

Астрал — мир иллюзии, искусственный мир, являющийся как бы книжкой, которую можно читать, и с помощью которой можно воздействовать на людей. Астрал — отражение наших желаний, негативного поведения, разгула эмоций — это и есть самое настоящее королевство кривых зеркал. Веря в него, входя в него, мы его создаем и живем по его правилам, по правилам измененного сознания, теряя свободу и возможность эволюции. Мы становимся врагами сами себе, зацикливаясь на том отрицательном, что только в нас есть, но мы привыкли и не замечаем этого, соглашаясь с любым абсурдом.

Например, нам говорят, что черт — существо с рогами и

копытами, и мы верим в это, не понимая, что этот образ — фотографическое порождение чьих-то страхов, внущенных нам. Сколько же гнусных желаний и соответственно образов, лжи и эмоций можно накопить в себе, чтобы выплыснуть в образ и поверить в него, назвать астральным планом — планом желаний, а потом представить этот иллюзорный мир ступенькой духовного развития. Разве можно назвать наши желания ступенькой вверх? Нет, это ступенька вниз! Человек неотделим от эмоций и желаний, но у человека есть разум и воля для контроля над своими чувствами и действиями. Человек может управлять собой, и человеком могут управлять его эмоции, желания, создавая мир иллюзий.

2. Ментальный план.

Ментальный план, или мир мысли, по традиции является еще одной ступенькой вверх более продвинутых духовно людей. Так ли это на самом деле?

Наши желания, воплощению которых мы посвящаем жизнь и с которыми мы почти безуспешно боремся, являются порождением нашей мысли. Нет поступков и желаний без предшествующей им мысли, которую мы скрываем от окружающих, изворачиваясь и обманывая. Мысли, которую мы вынашиваем, чтобы совершить какую-то подłość. Философы предупреждают: следите за мыслию, останавливайте внутренний диалог, освободите разум. Мы своими грязными мыслями порождаем грязные желания, вот и получается, что именно ментальный план порождает астральный и является второй ступенькой вниз. К деградации.

За время существования человеческой цивилизации были сделаны открытия и выводы, основанные на практике, но привязанные к различным верованиям. В китайской практике существует система У-Син, которая показывает зависимость заболевания органов от эмоций, связанных с пятью стихиями. В других учениях мы встречаем описание человека, связанное с чакрами. Можно объяснить все это, не привязываясь к мистике, а обратиться к медицине, к строению человеческого тела.

Для начала нужно понять, что характеристика чакр несколько неточна, так как «цвет», «запах», «нота», «вкус»

имеют различные вибрации и характеризовать одно и то же не могут. Другое дело, что во время медитаций мы просто внушаем себе такие нестыкующиеся характеристики чакр.

Возьмем, к примеру, аджну — шестую чакру, ее еще называют «третьим глазом» и связывают с ясновидением и другими качествами. А с точки зрения современной медицины этот центр является проекцией переднего мозга, которому приписываются высшие интеллектуальные качества, и проекцией среднего мозга, в состав которого входят таламус и гипоталамус, где происходит переключение почти всей информации, входящей в передний мозг и выходящей из него, что говорит о восприятии информации высших знаний и о диапазоне видения.

Пятая чакра (вишудха) — центр щитовидной железы, имеет несколько функций, расстройство которых ведет к нарушению психической деятельности, к повышенной раздражительности, то есть к изменению эмоционального состояния. С этой областью связано и возникновение мышечного спазма при эмоциональных нагрузках.

Таким образом, можно объяснить с научной точки зрения то, что считалось идеалистической философией и относилось к сокрытым знаниям.

Наши предки в результате своих наблюдений сделали много открытий, которые можно понять и с научной точки зрения. Описав значение пятой и шестой чакр-центров, остальные описывать мы не будем, так как эта информация требует отдельного рассмотрения. Можно только добавить, что все центры (их семь — основных) взаимосвязаны между собой, находятся на уровне важнейших зон нашего тела, несут определенные функции и участвуют в развитии и жизнедеятельности организма. Можем для примера рассмотреть взаимосвязь энергетических центров и психоэмоционального воздействия на человека стрессовых ситуаций.

Как мы уже писали, любое стрессовое состояние, в зависимости от ситуации, положительной или отрицательной, влечет за собой соответствующую реакцию организма, которая может выражаться в мышечных спазмах, измененных биохимических и гормональных процессах в организме. Чакры-центры также реагируют на любое негативное

состояние, что проявляется в качестве, силе вибраций. На видимом уровне это происходит примерно так.

Самые сильные эмоционально-стрессовые ситуации, такие как любовь и страх, проявляются в следующем: страх — спазм мышц; в народе говорят — «ком в горле» или «дыханье сперло» (реакция центра щитовидной железы); усиленное сердцебиение, обморок, инфаркт (реакция центра области сердца); желудочно-кишечный спазм, напряжение (центр солнечного сплетения); при сильных стрессах у беременных женщин возможен выкидыш, частое или не-произвольное мочеиспускание и другие неожиданности у здоровых людей (центр гениталий); возможно неадекватное восприятие действительности (центр уровня «третьего глаза») и так далее — если объяснять коротко.

В нормальном здоровом состоянии наш организм работает слаженно и гармонично, все центры-чакры функционируют и открыты для взаимодействия с окружающим миром, что говорит о здоровье, устойчивом эмоциональном и энергоинформационном состоянии человека. В противном случае приходится искать причину нарушений.

Происходят нарушения на энергетическом и физиологическом уровне человека, что ведет к искажению гармонии, равновесия, ослаблению защитных функций и предрасполагает как к соматическим, так и к психоэмоциональным заболеваниям. Можно сделать вывод, что наши стрессы влияют на нашу жизнь, и наибольшую опасность несут состояния страха и любви, так как они оказывают воздействие практически на все важные центры одновременно.

Практически все Учения содержат свою неповторимую программу и воздействуют на определенные центры, доводя эмоциональное состояние человека до экспрессии, а его самого до фанатизма. Все Учения связаны с соответствующими искусственными мирами, во главе этих Учений стоят посвященные лица, учителя, наставники, магистры, жрецы. Каждое Учение признает за истину только с в о и знания и свято следует ритуалам, символам, соблюдению тайнств, сохранных с незапамятных времен. В отличие от платных примитивных учений, посторонние в эти культуры и школы не допускаются или же ученики исполняют роль помощни-

ков, зачастую не понимая смысла Учения, но беспрекословно подчиняясь учителям. Все сконструированные Учениями миры являются созданиями человеческого воображения, поэтому человеком могут быть и разрушены. Каждая вера и каждый культ имеют одинаково мыслящих последователей, которые научены воспринимать только свою школу. Группа, объединенная одним Учением, представляет собой замкнутый мир со своей иерархией, информационной структурой, которая ее объединяет. Такие группы имеют свои вибрации и могут стать по отношению друг к другу агрессорами, поэтому в реальном мире существуют посвященные, сохраняющие равновесие.

Вечность создала нас для определенной цели и наделила разумом, не вмешиваясь в нашу деятельность, заставляя путем проб и ошибок понять, что разум — оружие и что пользоваться им нужно правильно. Человек должен понять, что, создавая миры образов, он делает и себя, и миры смертными, надеясь стать богом, великим и могущественным, скитаясь веками по воображаемым мирам, живя в аду, откававшись от реального знания, свободного от предрассудков, желаний, лжи, тщеславия. Многие, лишенные Дара Вечности, занимаются тем, что улучшают себе жизнь на земле, созлазия других, провоцируя на гонки забвения путем создания виртуальных миров, богатства и власти, подчиняя себе других. У них нет другого выхода, кроме смерти. И получают они по делам своим или — по вибрациям, если говорить образно.

Глава 7

ЦИВИЛИЗАЦИИ, СИМВОЛЫ

Известно, что в давние времена существовали высоко развитые цивилизации, такие, как Атлантида, Борея, Лемuria, Майя, Инки и так далее. Эти цивилизации обладали обширными знаниями по астрономии, физике, математике, геометрии, медицине. В расцвете своего могущества цивилизации исчезали, оставляя неясные следы величия в ви-

де развалин, символов, легенд. О причинах исчезновения ученые всего мира спорят до сих пор и прийти к однозначному объяснению не могут. На основании имеющейся информации можно сделать вывод, что могущество цивилизаций поддерживали жрецы, обладавшие высшими магическими знаниями. До наших дней сохранились лишь осколки тех величайших знаний, информация о жреческих ритуалах, жертвоприношениях, поклонениях Луне и Солнцу, а также руны и вообще символы, лишенные основ знания, так как возрожденные из небытия нынешними неофитами-магами магические знания собирались по крупинкам, потеряв целостность.

Каждый культ несет свою, но искаженную магию с примесью политики и материального интереса. Аdeptы культа забыли об ошибках, потрясших всю планету.

На тему магии издано много книг, которые будят фантазии и несут предупреждение, например: книги Кастанеды, «Логово зверя» Головачева (реальные события, описанные в этой книге, связаны с экспедицией отечественного путешественника Виталия Сундакова), «Новая модель Вселенной» Успенского, «Гиперборейская вера русов» коллектива авторов и т. д. Выше было сказано, что, когда наш разум принялся действовать самостоятельно, перед человеком встал выбор: идти путем Вечности или воспользоваться данными возможностями, то есть создать свой мир и быть в нем богом. Одни, не поддавшись искушению, пошли путем бессмертия, поняв, что рождены Создателем-Вечностью, и их возможности безграничны. Это Древние.

Другие воспользовались «божественными» возможностями и стали создавать свои миры, достигнув высот манипулирования миром, и стали называться магами. Вернее, так называемых мы.

Следов истинно Древних найти мы не можем, потому что следы оставляют только смертные. Цивилизации магов, наоборот, создавая миры, оставляют свои следы, тщеславно заявляя о своем величии и великолепии замысла, поражая воображение потомков. Самые сокровенные знания жрецы передавали только преемникам, посвящая их с малых лет.

Учеников искали, просчитывая одним только им понятным способом, зная место и время рождения младенца. Многие маги, встав на путь создания и управления собственным миром, потеряв Дар Вечности, вынуждены прибегать к ритуалам, продлевая свою земную жизнь и, естественно, сохраняя наработанные знания, в которые нельзя посвящать других.

Способ продления жизни считается строго хранимым таинством и называется реинкарнацией, когда маг продлевает себе жизнь путем захвата тел. Маги высшие не рождаются, они не имеют Рода, так как предали свой Род и изменили предназначение свое, не поняв, чего лишаются. Свободные же люди в реинкарнации не нуждаются, они, как уже неоднократно говорилось, и так бессмертны.

Все искусственные миры, рожденные магами, разрешены Вечностью для того, чтобы человек понял и, логически анализируя свой трагический опыт, отказался от заведомо утопического применения своих возможностей. Поэтому искусственные миры имеют замкнутую структуру и не могут эволюционировать — по правилу «стоячей воды», которая в конце концов гниет и гибнет.

Если Вечность не имеет дифференцированных характеристик, о чем было сказано раньше, то искусственные миры существуют за счет строгой иерархии, просчета, предугадывания, определения форм, верха — низа, добра — зла, предсказуемости, любви — ненависти и так далее. Цивилизации вынуждены сохранять атрибутику, символику, ритуалы, пользоваться охранными знаками, талисманами, мантрами, молитвами. Многие ученые погибли, пытаясь проникнуть в тайны гробниц, раскрывая знания прошлого, ведя раскопки, прикасаясь к магическим предметам. Всем известны слова: «не будите спящего зверя», тем более не стоит «будить» мертвых! Мы не знаем, почему погибли цивилизации, но продолжаем восхищаться и искать утраченные знания, хотя понимаем, что знания эти не принесли пользы, что эти погибшие знания уничтожили своих обладателей, перешедших черту равновесия и стертых с лица земли! Древних ци-

вилизаций давно нет, а цепь попыток их оживить продолжается желающими иметь власть и величие.

Задумайтесь над пирамидами Египта и пустыми гробницами Асуана. Они давно перестали быть символами Жизни, превратившись в символы Смерти.

Но продолжим разговор о реинкарнациях. Да, реинкарнации можно помнить, но это не те воспоминания, которые нам выдает иногда наше подсознание. Эти воспоминания, относящиеся к информации Рода, связаны с наиболее значимыми событиями в жизни наших предков. Мы же после физической смерти, как второгодники, на землю не возвращаемся! Наш путь обладает большими возможностями. Память же реинкарнаций связана непосредственно с самим магом, с его действиями во всех прошлых жизнях на земле, в данном ограниченном мире. Память мага сохраняет и его действия по отношению к другим, его поступки, связанные с уничтожением людей, ложью, различными проступками, проведением ритуалов с извращениями.

Под проступками нужно понимать те действия, которые направлены на изменения окружающего мира, на вмешательство в путь человека, использование стихий во вред человеку. За этим всем стоит понятие кармы, которая идет за магами следом и отягощает их существование. Карма, как и реинкарнации, не имеет отношения к человеку, который в процессе обучения делает ошибки, но набирается опыта, преодолевая искушения при жизни, и расплачивается своим здоровьем и жизненными неурядицами. Если карма преследует магов все их «жизни», то проступки обычных людей в течение жизни исчезают без следа по мере понимания, раскаяния и осознания собственной сути.

Нам стараются внушить, иногда довольно успешно, что ребенок, рожденный с патологиями, тяжкими болезнями, врожденными аномалиями, а также мертворожденный — это карма, или расплата родителей за прошлые неправильные действия, или — проклятие Рода, или расплата ребенка за его ошибки в прошлых реинкарнациях. Мы же, после объяснений сути реинкарнации и бессмысленности кармы, можем сделать вывод, что врожденные аномалии, мертворо-

рождаемость и бесплодие — все это говорит о деградации Рода вследствие накопления негативных вибраций в самой ЭИС Рода! Об изменении природных ритмов, чистоты окружающей среды и о том, что мы идем не тем путем.

Из-за своего «интеллектуального» скудоумия мы допустили развитие процессов, которые воздействуют на продолжение нормального Рода человеческого. Люди должны понять, что не призваны они отрабатывать несуществующую карму в череде эфемерных реинкарнаций, а логически построив факты, знать, что нам навязывают, запомнить и перевернуть, разбить зеркало кривизны и лживого отображения действительности. Только люди сами могут себя прощать и изменяться согласно своему разуму, не прося помоши, не поддаваясь влияниям, анализируя, сравнивая, учитывая ошибки свои, ошибки знакомых, наций, поколений. Когда мы говорим о Вечности, все кажется легким и простым, но когда мы говорим о жизни на Земле — это отдельная книга.

Если говорить кратко: на Земле существует множество миров, множество учений и учителей, не имеющих никакого отношения к нашему пути и реализации.

Теперь проанализируем значение символов.

Символы появились в незапамятные времена, когда и люди, и образ их жизни были совершенно иными. Если мы говорили, что речь появилась лишь тогда, когда появился накопленный опыт и стало о чем разговаривать, то символы появились тогда, когда маги учились пользоваться данными Вечностью возможностями в корыстных целях, кодируя связи с космическими силами в виде знаков, рун, символов, звуковых вибраций. Наработанные знания, имеющие определенную цель, а значит, и заключенные в определенный символ, хранились в тайне и передавались только adeptам. Символы действовали и оживали при определенных условиях. В результате появившегося могущества маги переступили черту дозволенного, их незаконные действия и злоупотребления стали угрожать возникшему миру. Слишком поздно осознав ошибки, высшие маги самоустранились от воздействия на мир, «умыли руки», не в силах что-то изме-

нить. В результате неправильно выбранного человеком пути частицы-Странницы изменили нереализованную информацию, заданную Вечностью, которая соответствовала не тем заложенным вибрациям, и были потеряны магические знания и произошла глобальная катастрофа, котораянейтрализовала возникшее отклонение.

В данный момент мы имеем множество замкнутых искусственных миров, которые подчиняются соответствующим религиям и культурам. Потомки погибших и забытых цивилизаций влачат печальный образ жизни, продолжая дикие ритуалы и не имея возможности развиваться. Кто-то называет их колдунами и шаманами, кто-то дикарями. Символы, рожденные соответствующей эпохой, утеряли свое значение, так как события развиваются и не повторяются, да и понимание символов утрачено. Пользуясь методами магических действий, мы наносим вред себе и окружающему миру, не понимая этого. Ограничив свою жизнь замкнутыми мирами, нынешнее поколение зазеркалья не думает, что время их существования закончится в более жестком варианте.

Свастика — очень древний символ (я не пишу — русский). Символ свастики был взят на вооружение Красной Армией в 1918 году командармом В. И. Шориным (казненным впоследствии), в 1923 году отменен. В 1941 году силой знака свастики воспользовался Гитлер при непосредственном участии тибетских лам и магов. Гитлер под монотонные, четкие, грохочущие марши, со знаменами — всей атрибутикой мистерий, в сопровождении пламенных речей о чистоте крови и величии нации, совершил магический ритуал, в результате которого произошло зомбирование населения Германии, начавшего проявлять признаки психоза исключительности и величия. Восторженные «роботы» отряда СС, со свастикой на мундире черного цвета, шли в психическую атаку во весь рост с автоматами наперевес, распевая марши, убивая и осуществляя кровавые жертвоприношения, переступая через своих убитых, смыкая ряды, не останавливаясь, приводя в ужас.

Но план захвата СССР имел свои сроки, так как любой

магический ритуал имеет срок действия. Русский народ беспримерным подвигом доказал еще раз, что с мечом пришедший от меча и погибнет, сорвал сроки завоевания и тем самым разрушил всю магию. Применение символа свастики, не до конца понятого, не изученного ни Гитлером, ни магами его, ни ламами Тибета, еще раз доказало, что пользоваться силами прошлого, ушедшего в забвение, нельзя, так как смысл действия этого знака знает только тот, кто сотворил его.

Вообще любой символ, или ключ к Силам, пользоваться которым нужно с определенной целью и в свое время, знак, или руна, или символ, примененный не по назначению, становится, образно говоря, «грязным», теряет первоначальную информацию, и пользоваться им повторно никто не сможет, если не хочет неприятностей.

Еще пример. В 1923 году символ свастики в СССР был заменен Львом Бронштейном — Троцким на пятиконечную звезду. Звезды появились на кремлевских стенах, вытеснив двуглавого орла. Звезда, или пентаграмма, является символом магических действий, означающих пять свойств Великого Магического Агента. Маг при помощи этого символа может управлять всеми земными созданиями. Используя звезду, черные маги применяют извращенную Силу, изменяя конфигурацию, переворачивая вершины, удлиняя или укорачивая лучи. Иногда эту пентаграмму называют Отпечатком ноги Дьявола. В данное время на кремлевских башнях появился однажды уже свергнутый символ — двуглавый орел, означающий двойственность, двоевластие и искажение действительной формы. Зачем надо было возвращать старое? Ради воспоминаний о былом могуществе Империи?

Рассмотрим, что же обозначает «змея, кусающая себя за хвост», символ круга, преподносимый нам как символ Вечности без начала и конца.

Конечно, все правильно, кольцо не имеет начала и конца, однако кольцо образует замкнутое, ограниченное пространство, что не свойственно Вечности. На Земле этот знак мы часто встречаем в оккультных науках. Кроме того, нам знакомо понятие ведьминых кругов, или ведьминых

полян, когда мы блуждаем по лесу в поисках выхода, забредаем на такие поляны и не можем выйти к людям. Хотя символ круга может использоваться и для защиты. Вспомним «Вия» Гоголя, где этот знак рисуется для защиты от нечистой силы. Вспомним также русские хороводы, которые наносили силой людей, передавая по хороводу энергию, замкнутую в этом круге.

Другой пример — символ медицинской службы: змея, капающая свой яд в чашу для излечения больных. Но ведь яд еще и убивает, как и лекарства, принимаемые без меры от всех недугов. Напрашивается вывод, что символы существуют в мире замкнутого пространства, представляя собой двойственный ключ к пользованию определенными Силами, входящими в это пространство и оказывающими влияние по воле мага. Эти Силы опасны тем, что между ними и пользователем возникает связь, разрушающая суть человеческую, зачастую управляющая магами.

Глава 8

ВЫБОР

Итак, существует Вечность, существует Веер Миров, и даже называется их количество — от семи и больше (по разным источникам). Не будем оспаривать эти идеи, ведь существует же наш мир, где живем мы, люди, разумные существа с огромным потенциалом. Нам открыт Путь длиною в Бессмертие. Кроме того, нам предоставлены варианты выхода на Путь, варианты Выбора. Однако истинный Выбор на самом деле один, и зависит он от нашей разумности, остальные пути — ложные. Если мы внимательно понаблюдаем за окружающим нас миром, то найдем много подсказок, например:

Каждый прожитый год — это напоминание о Пути, что он есть.

Весна напоминает о рождении, чистоте, красоте, росте, об открывающихся возможностях.

Лето — о пыли, труде, суете, зрелости, накоплении опыта, заботе о будущем.

Осень смывает пыль предыдущего времени, говорит о сделанном Выборе, созревших плодах, грустит о невозвратимом, о неисполненных возможностях, о пламенной красоте этого времени, о реализации своих успехов или неудач.

Зима — сон жизни, расслабление, покой, стерилизация пространства-времени, в результате которой каждый живущий пожинает плоды своего труда. Путь выбран.

В следующем цикле времена года снова напоминают нам о Выборе Пути, но мы не видим этого, мы слепо повторяем свои ошибки. Что было Даром Вечности, вернулось в Вечность, оставаясь непроявленным. Все, что было проявлено, Земля не отдает, перерабатывает, чтобы помочь новому рождению и запасти свою энергию, в которой нуждаются последующие циклы.

Человек, прия в этот мир, не осознавая причин своего появления, но наделенный разумом, должен в конце концов понять, насколько ограничен его разум. Мы видим это по нашим основным пристрастиям к ограниченности, понимая, что существуют зло и добро, темные силы, которые порождены вместе с искусственными мирами самим человеком. Много поколений мы внушали себе, по причине некомпетентности, что существуют какие-то Силы, которые могущественнее нас, которых надо бояться, которым надо поклоняться. Эти Силы приводили нас в ужас и оказывали влияние на всю нашу жизнь. Люди, не понимая причин различных природных явлений и таинственных событий, испытывая при этом различные эмоциональные состояния, придумывали верования, образы, фантастические истории.

Мы сами по причине страха, тщеславия, желания могущества, неумения пользоваться наделенными возможностями допустили, что искаженные понятия нашего развивающегося разума стали оживать и воплощаться, охватывая паутинной сетью себя и подрастающие поколения. Для воплощения дичайших фантазий, основанных на искажении природных явлений и на своих страхах, мы отдаем свои жизненные силы и за прошедшие тысячелетия реализовали

и оживили образы и создали искусственные миры, поддерживая их существование слепой верой, меняя религии, культуры, символы, мантры, молитвы, ритуалы.

Мы изобрели радио и телевидение на основе распространения волн определенных вибраций, которые улавливаются приемниками и антеннами, преобразуясь в звук и изображение, то есть в вибрации, воспринимаемые нами непосредственно. Так же просто объясняется происхождение и реализация искусственных миров и образов.

Каждая мысль, рожденная человеком, материальна в полном смысле этого слова и в виде волн распространяется в окружающем пространстве. Если мысли имеют сходные характеристики или вибрации, то возникает соответствующее информационное поле, которое может быть реализовано или лидером, который в свою очередь пользуется данной информацией целенаправленно для ее реализации, или человеком, который своими подобными эмоциями, мыслями смог подсоединиться к этому информационному полю. Например, в Библии есть слова: «не произноси имя Господа всуе». Как же мы это понимаем? Мы постоянно твердим: «прости господи», «помоги господи», «помилуй господи», случайно споткнувшись или разбив что-то, мы произносим «господи» или «вот растила, господи», и так далее, по разным причинам и обстоятельствам, зачастую не осмысливая причин обращения. Таким образом, мы — а нас много — создаем информационное поле с повторяющимся словом «господи», которое воспринимается как реализованное божество, и привязываемся к этому слову, создавая искусственный образ. Нам трудно осознать себя и понять, что тот, кто создал нас, Создатель Вечность, не имеет имени и к нему обращаться не следует, так как он во Всем, Везде, Всегда и Все Знает! Поэтому:

1. Его бесполезно просить, ибо мы, наделенные разумом, творим себя сами, а знания в нас — заложены.
2. Ему нет смысла жаловаться, потому что данные обстоятельства мы создали сами.
3. У него нельзя просить прощения, так как мы страда-

ем, сделав неправильный Выбор, и должны получить по заслугам.

4. Мы прославляем и восхваляем придуманное нами искусственное божество, не понимая, что Создавший нас воспринимает нас не эмоциями, а действиями, которые создают определенные вибрации, качество которых зависит не от нашего желания и старания, а от того, как и что мы сделали. Так что наши льстивые речи — результат тупости и непонимания Вечности.

Мы, имея патологические привычки и желания, выплескиваем вибрации, которые, как радиоволны, распространяются по планете, обретая силу. Рассмотрим как пример войну в Чечне. Эта война имеет свои причины, которые имеют своих создателей.

Непосредственно война ничего общего с причинами не имеет, дело в следствии. Следствие же — это кошмарный сон, когда целый народ пронизан вибрациями зла и мести, ослеплен несправедливостью, стирает с земли свой Род и убивает других. Умирая, каждый осознает, что ему эта война не нужна, что создан он не для убийства, а для пути, от которого отказался сам, лишил пути тех, кого убил, и позволил посеять семена зла в подрастающем поколении. Такое происходит в основном с теми, кто находится под внутренним или внешним искусственным воздействием. Это тоже Выбор, но неужели — людей? Преступники не всегда только те, кто исполняет, но больше всего те, кто планирует, жестоко ошибаясь, и те, кто провоцирует. Н е л ю д и!

Мы привыкли считать, что умерший человек попадает в рай или ад. Теперь представим себе, что Вечность разделена на две половины, в одной умершие счастливы, в другой жарятся на сковороде. На самом деле Вечность состоит из мельчайших частиц, находящихся в постоянном движении, а также из изменений и вихревых процессов, порождающих жизнь. Люди также состоят из мельчайших частиц, но уже материальных, которые находятся в постоянном движении, также подвержены изменениям и процессам, подвластным нам только частично. Можно спорить, доказывать, что это не так, но от этого ничего не изменится. Вечность имеет

столько возможностей, столько вариантов развития жизни, что аллегория рая и ада кажется детской игрой. Тела умерших разлагаются и перерабатываются землей, и мы это видим. Кто-то говорит, что остается дух. А что это такое? Никто его не видел, но доказывает, что дух существует. Авторы же считают, что после смерти тела — а это относится к тем людям, которые при жизни не прервали связь с Вечностью, — энергоинформационная структура востребуется подобными вибрациями и продолжает свое развитие в любом из сопредельных миров, где ЭИС может реализовываться дальше.

Возникновение Рода человеческого на Земле не говорит о том, что определенная нация лучше, у умерших нет нации. Вечность с ее Законами нам непонятна, мы видим только проявленное-видимое, а в Вечности имеют значение только те вибрации, которые, в свою очередь, зависят от информации и состава мельчайших частиц, а также необходимости для осуществления равновесия, гармонии, соблюдения Законов Вечности. Поэтому что мы посем в этом мире, то и пожнем. Чья-то ЭИС может просто быть невостребованной для дальнейших испытаний и подвергнется изменениям. Когда проявленное тело заканчивает свой земной путь, то перед затухающим взором человека проходят многие картины прожитой жизни, так как физически проявленный человек жил образами и эмоциями, и вот то, что он видит в последний раз, ощущает, — и передается в ЭИС, но уже в виде волн-вибраций, в виде чистой информации, которая поглощается ЭИС и обновляет ее.

Возможно, все наши беды происходят от неумения реализоваться? От незнания, какой сделать Выбор (хотя такое оправдание явно от лукавого)? Может быть, нам нужна всего-навсего возможность быть волшебниками, обладать величием и могуществом? И все заключается в простоте и доступности нужных Сил, надо только осознать, чего хочешь и для чего? Давайте порассуждаем.

1. Власть и могущество основаны на насилии и подчинении более слабых. Волшебство заманчиво только тогда, когда оно оценено, видимо и исполнено, невзирая на дру-

гих и в ущерб другим людям или природе. Подобная реализация возможна при наличии таких черт, как зло, подлость, ложь, насилие, жестокость, гордыня, тщеславие и так далее. Эти негативные характеристики, помноженные на число людей, ими обладающих в течение тысячелетий, представляют собой энергоинформационное поле, которое породило при участии целенаправленных действий некоторых магов образ Великого Искусителя — Сатану, призванного питаться негативными эмоциями и проступками людей, провоцируя их на грехопадение, а также его воинство. Мы создали эту силу, и мы же даем ей возможность выжить, питая ее все теми же негативными эмоциями и действиями. Хотим ли мы обладать такими возможностями и быть в воинстве Сатаны?

2. Если мы не согласны с описанным «величием», то можем просто жить по совести, не касаясь болота негативных проявлений, спокойно идя по жизни независимо от постороннего вмешательства, не испытывая злобы и зависти, не поддаваясь тщеславию и искушениям, не доверяя свою жизнь посторонним «мудрецам». Именно благодаря наличию таких обыкновенных людей — милых, добрых, сострадательных, имеющих свое мнение, не зависящее от обстоятельств, и держится наша земля! Трудно выжить в наших условиях социальной несправедливости, но трудности закаляют, а люди имеют достаточно сильные вибрации и способность предчувствовать опасности и избегать их.

3. Есть еще путь, который труднее, — это путь знаний. По пути знаний идет тот, кто этого хочет и кто свободен от всех предрассудков, кто умеет сдерживать проявлениеunnужных эмоций, способен преодолеть желания и неподвластен выполнению ложного долга. Человек, идущий по пути знаний, повышает свои вибрации и получает постепенно соответствующую информацию о мире. Идя путем знаний, ученик постепенно осознает себя и окружающий мир, изменяется сам, в результате чего перестраивается и его психоэмоциональная сфера. Идущий сознательно отказывается от любого вида колдовства, вырабатывает иммунитет на ошибки и соблазны, поэтому к нему постепенно приходят

возможности, не зависящие от веры, культа, магии, ритуалов. Боль и тяжесть окружающего мира сопутствуют Идущему, так как у него обостряются слух, зрение, обоняние, чувствительность, а видение говорит не о предсказаниях судьбы и будущего, а о горечи утраченных людьми знаний, об искажении действительности, об ущербности существования людей и их амбиций.

До сих пор, несмотря на развитие науки и техники, не можем мы ни увидеть, ни услышать, ни понять процессов, происходящих вокруг нас. Мы, наделенные разумом и способные реализовать возможность своего мозга всего на четыре процента, независимо от гениальности и образования, считаем себя ответственными за развитие всего человечества и планируем, определяем путь развития для всех вместе. Мечтая о лучшей жизни, мы входим в новое тысячелетие с камнем на шее, с камнем нашего прошлого. Мы, имеющие бессмертие и неограниченные возможности, подчиняемся рожденным нами темным силам и влечим жалкое существование. Наша жизнь — это игра в красных и белых, синих и зеленых, добрых и несчастных, бедных и богатых. Считается, что наступил Армагеддон, что скоро конец света, но когда это началось? Ведь, насколько мы себя помним, всегда были войны, всегда преследовал людей ад рабства, страха, отчаяния. Что же нового происходит сейчас? Да ничего! События развиваются по кругу. Наступает эра Водолея, о которой вещают астрологи, эра перемен и обновления — и это со старыми-то истинами, понятиями, структурами? Неужели созвездие Водолея способно изменить ситуацию?!

Мы живем, по расчетам ученых, в мире трех измерений, который, в отличие от Вечности, имеет свои конечные характеристики. Ось Земли, полюса, четыре стороны света, четыре времени года, мы видим в диапазоне семи цветов, слышим в диапазоне семи нот, мы наивны настолько, что верим в предсказания гороскопов, в магию имени, хотя понятно, что счастье или несчастье зависит не только от символики имен. Кстати, современные имена имеют не такое уж далекое прошлое. Все зависит от того, как произнесено имя, какой разрушительной или созидательной силой про-

низаны вибрации, с какой любовью или с какими проклятиями оно произнесено.

Мы страдаем от одиночества, потому что не привыкли принимать решения сами, не можем взять на себя ответственность за поступки, за деяния. Ведь со всеми вместе легче, и не зря говорится, что за компанию можно и повеситься, а вместе легко и батьку бить. Но стоит нам собраться вместе, как мы начинаем совершать странные поступки. Мы стараемся показать свое превосходство, напиваемся, ссоримся, сплетничаем, завидуем друг другу и ведем себя так, как будто нас подменили. Мы стараемся утвердить и доказать свое личное, не считаясь с законами природы, этическими и моральными принципами, делая выживание людей в этом мире нереальным.

Каждый из нас привык жить в своем мире, который характеризуется определенным кругом друзей и знакомых, работой, местом жительства, соседями, родственниками, приобретенным запасом знаний, определенным ритмом жизни. Если кому-то приходится менять место жительства, место работы, расширять или углублять свои знания, менять ритм налаженной жизни, мы нередко теряемся и входим в стрессовую ситуацию. Наша жизнь начинается с нуля, мы вынуждены приспосабливаться, по-новому адаптироваться, перестраиваться морально, что отнимает у нас силы, время, здоровье.

Так же мы реагируем и на человека, который попадает в наш мирок, создавая ему проблемы. Это говорит о нашей ограниченности, отсутствии свободы Выбора, косности, неуверенности в своих силах перед всем новым, загадочным, неизвестным, но вполне преодолимым.

Что же в нас с *с* *в* *о* *е* *г* *о*, индивидуально приобретенного?

Ничего!

Возврат к прошлому, изучение и реанимирование того, что уже себя не оправдало и нанесло вред нашей эволюции, ведет нас в тупик. В будущее надо идти со своим уставом, а не пользоваться прошлым. Если мы подставляем под удар другую щеку или пользуемся девизом деградантов: «око за око, зуб за зуб», что можно от нас ожидать? Если мы отаем

последнюю рубашку, а ее топчут в грязи, если мы превращаем любовь в жертву, то кто мы такие?!

Мы трубим миру, что на нас снизошло откровение, что мы космические проводники или ретрансляторы, которые передают сообщения или принимают участие в непонятных действиях и событиях. Но не спешите радоваться! Проанализируйте, кому вы подчиняетсяе, кто и что вам говорит, кто управляет вами, принимая за пустой сосуд, который подставляет себя добровольно неким Силам, не требуя знания конечного результата и объяснения смысла, для чего все это делается. И знания цели, с какой он используется.

Стирая свою индивидуальную информацию, так как она мешает контакту, человек превращается в антенну и, представляя свои вибрации для изучения, использования, становится заложником внеземных Сил, причем безвозвратно. Чтобы избежать посторонних влияний, человеку дан Дар Выбора, проявляющийся в разумных, адекватных действиях. Вечность не имеет эмоций. Во Вселенной побеждает сильнейший, выживает мудрейший. Соединяются с Вечностью только свободные и осознавшие себя. Выбор — вот главное!

Мы сами поддаемся искушению — и это тоже наш Выбор! Если бы мы прислушивались к своему внутреннему голосу!.. Но нет — мы сомневаемся и все равно совершаляем ошибки!

«Нет» всему, что мешает индивидуальности, и тем, кто посягает на Выбор и Свободу! Остановитесь на половине рюмки, забросьте шприц, выключите виртуальную игру на самом интересном эпизоде, уйдите от земных «учителей»! Нет одиноких, нет брошенных — есть единственная, неповторимая, разумная индивидуальность, которая не перестраивает мир, не бьется лбом о стенку, не создает иллюзий и искусственных миров.

Оглядываясь на прошлое, мы должны брать накопленный опыт, анализируя, оставляя эмоции, исправляя ошибки. Только наш личный путь через испытания откроет путь в Вечность и бессмертие. Так почему не попробовать? Что еще может потерять тот, кто потерял почти все?..

Глава 9

ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ

Вчера

сегодня

завтра

вчера

сегодня

завтра... —

вот иллюзорная лестница, которая ведет нас по жизни.

Мы считаем, что наше прошлое — это одетые в шкуры примитивные люди, добывающие огонь, обладающие каменным оружием и живущие в пещерах. Мы же сами — цивилизованные люди, интеллектуально развитые, живущие во времена стремительного научно-технического прогресса.

Мы ведем порядковый счет начиная с единицы, если мы занимаем очередь, то спрашиваем, кто последний, в жизни мы считаем себя первыми, хотя по факту жизни мы последние, первыми были наши предки, даже не те доисторические люди, с изучения которых начинается школьная программа, и не атланты, лемурийцы, майя. А до них кто был? Если судить по легендам, сказаниям, то были люди и до них, еще раньше, мы просто не знаем точно — кто, поэтому утверждение, что наша цивилизация высокоразвита, по крайней мере спорно.

Человек создан Вечностью, которая дала ему разум и определила условия развития в данном ЗЕМНОМ мире, ограничив его деятельность, реализацию только условиями окружающей Среды. Сколько бы человек ни приписывал себе гениальность, за пределом земного мира он не существует, а в пределах своего земного мира человек разумен, обладает логическим мышлением, неограниченными возможностями получения знаний, которыми может пользоваться как в разрушительных, так и в созидательных целях и получать результат своей деятельности по принципу: как аукнется — так и откликнется. Судьба и злой рок никого не преследует

ют — человек сам рубит сук, на котором сидит, да еще при этом ищет виноватого.

Мы неоспоримо, по факту, живем, ощущая себя здесь и сейчас, в настоящем. Ложась спать, мы считаем, что пронесемся в завтра, утром оказывается, что мы снова в сегодня, а завтра наступит на следующий день, и опять мы оказываемся в сегодня. Таким образом, мы постоянно находимся здесь и сейчас, а завтра и будущее вообще предполагается и для нас недосягаемо.

Мы многое планируем на будущее, мы ждем его, постоянно на него ссылаемся и... снова оказываемся здесь и сейчас, и так до конца нашей жизни никто из нас не попадает в завтра, в будущее. Живя в настоящем, сегодня, мы совершим разные поступки, правильные или неправильные, справедливые или несправедливые, иногда сожалея о содеянном, но изменить ничего не можем. Все наши поступки, действия имеют одну странную закономерность: как только они совершаются, то тут же оказываются в прошлом. Прошлое существует в этой жизни, более того, в прошлом оказывается причина поступка, а настоящее — сегодня — является следствием этого поступка, действия, слова. Если мы не совершили действия, не произнесли слова, которые нам могут принести неприятность, значит, мы сделали себе добро и все остается в равновесии, которое нами не замечается, так как не несет с собой никаких хлопот. Равновесие считается нарушенным, если мы после поступка испытываем неприятные эмоции, стресс, получаем наказание и т. д. Почему-то принято ругать прошлое и ждать хорошее будущее, а о настоящем никто не вспоминает, настоящего вроде бы нет.

Мы в настоящем имеем несколько излюбленных тем: например, ругаем Сталина, Ленина, коммунистов и при этом забываем, что за Сталиным и Лениным шли наши деды, веря, надеясь, любя, имея цель улучшить жизнь и для нас... Не получилось! В чем причина?

Мы в настоящем, здесь и сейчас, тоже улучшаем наше будущее, но правильно ли? Кто нас оценит и одобрит? Будут ли осуждать нас наши внуки, как мы сейчас, такие правильные, своих предков?

Итак, существует прошлое, в котором находится причина совершенных нами действий, произнесенных слов, мыслей.

Существует настоящее, сегодня, здесь и сейчас, где разворачиваются события, уходящие в прошлое, плоды которых мы пожинаем. Живя в настоящем, по мнению авторов, мы как бы завершаем все свои дела здесь и сейчас, не оставляя причин для исправления, негодования, сожаления, лечения, и если мы что-то планируем на завтра и на будущее, то только выполнимое и необходимое.

Мы постоянно говорим о добре и зле, но при этом зло мы видим тогда, когда нам плохо, а не тогда, когда обижаем других. И опять же, где граница добра и зла? Ведь кому-то хорошо, а кому-то другому может и не понравиться? Например: кто-то ворует, а кого-то обокрали. Кому из них хорошо, а кому плохо?

Мы доказываем, что существуют параллельные прямые, которые не пересекаются. Но где в природе вы видели идеальные ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПРЯМЫЕ линии? Их не существует! Докажите самим себе, что это не так! Посмотрите на небо, на природу, загляните в микроскоп — где вы увидите параллельные прямые?

Мы считаем, что должны планировать свое будущее, например: учебу, работу, женитьбу, покупки, экономно расчитывать бюджет и многое другое. Есть ли смысл в этом планировании, ведь в системном плане это давно запланировано самой жизнью! Как говорится: черт прячется в деталях.

Иногда мы считаем, что можем изменить свою жизнь (поле вибраций), собираемся: вот с этого понедельника, нет — со следующего, и так далее, но много ли положительных примеров исполнения таких планов нам известно? Да, можно сесть на диету, заняться спортом, создать новую семью и поправить здоровье, стать красивым, получить новые эмоции, но изменишь ли характер? А вибрации, которые уже стали стабильными, изменишь?

Представим себе озеро в спокойном состоянии, а затем после грозы — волнующееся, бурное, темное. Какова его

суть? А суть одна — вода! Конечно, люди все разные, многие живут в гармонии с самим собой и окружающим миром, им и не нужно начинать жить «с понедельника». Тем же, кто хочет изменить себя, важно ощутить, что сей миг — точка отсчета прошлого и будущего. Точка выбора!

Вечность подсказывает нам, что не все дается даром, что человек как разумное создание имеет и обязанности:

1. Человек должен продлевать свой род, иначе нас не было бы на Земле.

2. Человек должен воспринимать знания, иначе он не будет разумен. Если он не разумен — человек ли?

3. Человек сможет гармонично развиваться, только занимаясь разнообразной трудовой деятельностью.

4. Выживание человека возможно только при тесном союзе с природой.

Каждый из нас имеет своих бабушек, дедушек, прапрадителей, то есть свой Род, время которого — века. Из года в год, из века в век, из тысячелетия в тысячелетие потомкам Рода передаются знания, опыт, информация выживания через ту же оплодотворенную яйцеклетку, которая так микроскопична и обладает такой огромной информацией, что она практически непросчитываема. Любая клетка имеет свою информацию разного специфического объема, но только половые клетки человека на нашей планете имеют такой вселенский объем! Каждая родительская пара рождает своего ребенка — то есть свою вселенную! Ну разве семья не божественна при этом? Ведь где третий, там и бог!

Наш Род, или — масштабнее — древо жизни, передает нам информацию адаптации на нашей планете, которую потом несут наши гены. Изменяя целостность вековой информации, мы можем таким образом нарушить и адаптацию. Наши болезни связаны с условиями пребывания на Земле и нашим образом жизни, все они — предупреждение человеку, предостережение от неправильных действий. Каждое неправильное действие имеет свое следствие, которое записывается на генном уровне, и если, к примеру, мы уберем ген с информацией о диабете, то диабет не исчезнет, а реакция организма на него станет иной. Прежде чем убрать

из организма ген рака, неплохо бы ответить на вопрос: почему любая доброкачественная опухоль, паразитируя в организме человека, живет вместе с ним и «радуется» своему сожительству, а раковые клетки, высасывая энергию из организма, умирают при этом сами?..

Поэтому мы должны помнить, что все имеет свою причину и следствие и бесполезно экспериментировать со следствием, не поняв причину.

И еще: если мы уничтожаем леса, водную среду, изменяем свой родной язык, обычай, сокращаем численность населения, перечеркиваем культурное наследие своего Рода здесь и сейчас, то следствие этого беспрецедентного разрушения имеет свой термин — Апокалипсис!

Глава 10

СИЛЫ

Анализ основан исключительно на видении авторов.

Все рассуждения исходят из понятия Вечности, определение которой дано в первой главе. Для лучшего представления происходящего на Земле назовем Вечность еще и Силой Икс, с учетом отсутствия аналогов этой силы, которая есть совершенство и истина. На Земле искать истину нет смысла. Все же, что создано Силой Икс, — истинно, например, человек, который имеет такие качества, как разумность, возможность эволюционирования, полет фантазии, всестороннее и непредсказуемое творчество, осознание себя как личности. По этим качествам человек отличается от нечеловека и искусственного человека, которые также существуют на Земле. Человек истинный может образно и логически мыслить, созидать и создавать, но — только смертное, вторичное, не истинное. Никто не может повторить созданное Силой Икс.

Земля и все, что на ней находится, являются проявлением Силы Икс, ее детищем, а дети не должны забывать своих родителей и прерывать с ними связь. До своего рождения человеческий зародыш находится в чреве матери, это его

жизненная среда обитания. Жизненную силу человеческий плод черпает от плаценты, с которой связан пуповиной, получая пищу и кислород.

Представим, что человек — это зародыш, живущий в чреве нашей Вселенной и имеющий плаценту — нашу Землю. Для того чтобы выйти в Вечность, нужно сначала выжить в чреве Вселенной. Если ребенка отсоединить от плаценты, он умрет, если человек погубит природу Земли, он не родится.

Кстати, появляется все больше информации о сотворении человека внеземными цивилизациями, представителей которых наши предки считали богами. Возможно, это так. Любые создания Вечности, даже боги, имеющие форму, разум, средства передвижения, опередившие нас в развитии, вольны создавать все, что угодно, но это опять же будет вторично, не истинно.

Рассмотрим происходящее на нашей планете в настоящее время.

На Земле имеет место двухполюсная сила, назовем ее Игрек, которая состоит из двух взаимодействующих сил, это:

1. Духовность, свет, добро, порядок.
2. Бездуховность, тьма, зло, хаос.

Население Земли разделено на социальные кластеры — религии, мистерии, ложи, союзы. Равновесие между ними пытаются сохранять Высшие посвященные, жрецы, причем самыми разными способами.

Примеры.

Язычество подавлялось Крестовыми походами «за веру».

Буддизм умело разделен на более чем сорок учений, отступивших от своего истинного истока.

Христианство также имеет множество течений, соблюдая собственные постулаты (вроде семи смертных грехов) с точностью до наоборот.

Ислам — самое сильное на сей день религиозное течение позволяет втягивать себя в бессмысленные кровопролития, убивая «неверных» — как правило, людей беззащитных и ни в чем не виновных.

Остается иудаизм, который имеет финансовую, а значит, экономическую и политическую власть. Но он находится под властью «золотого тельца» и требует отдельной темы.

Существует наука, называемая вирусологией, которая связана с молекулярной генетикой, изучающая феномен вируса. Вирус является «голой» информационной матрицей, неклеточной частицей, для которой характерно внедрение в клетку растений, животных, человека и считывание информации этой клетки. Изменяясь, как хамелеон, вирус размножается за счет информации этой клетки (попротому не способен), уничтожает ее и таким образом живет, переходя от одного хозяина к другому.

Что породило такую агрессивную структуру, каков секрет ее природы? Ученые пока не знают ответа, и насколько вирус непредсказуем, опасен, и какую вселенскую информацию несет. А вдруг он является колоссальным банком информации о тех царствах, в которые он внедрялся?

Кроме упомянутых выше сил Икс и Игрек, существует еще одна сила, назовем ее силой Зет, которая подобна вирусу, но не в биологическом понимании, а в информационном. Влияние этой силы на человеческую жизнь также велико. В то время как двухполюсная сила Игрек старается регулировать и гармонизировать процессы на Земле, уравновешивать добро и зло — в нашем понимании, сила Зет действует необъяснимо, что требует изучения и всестороннего анализа.

Любая сила, кроме истинной Силы Икс, ищет проявления и подпитывается энергией обрядов, поклонений, ритуалов, звуковых вибраций. Человек, связанный своим выбором с определенной силой, как бы подписывает дьявольский контракт, который переносится и на его будущее поколение. Поддерживая ту или иную сторону, мы являемся генераторами пищи и, в зависимости от блюда, выдаем «на первое, второе, третье» свои неконтролируемые эмоции и желания. И если у нас на шее сидит сила Игрек, избавиться от нее так же трудно, как иволге от птенца кукушки.

Итак, существуют некие силы, к которым мы имеем не-посредственное отношение.

1. Сила Икс — совершенная, истинная, являющаяся для нас прасилой. Мы, ошибаясь, эту силу игнорируем.

2. Сила Игрек — несовершенная, неистинная, порожденная и поддерживаемая людьми. Сила Игрек хорошо изучена философами, эзотериками, политиками, которые манипулируют этой силой. Мы в большинстве своем эту силу признаем и этого монстра любим. Победить его можно, если попытаться понять и выявить причины, его порождающие.

3. Сила Зет — не совершенна, не истинна, проявляется в ситуациях и событиях, выходящих из-под контроля силы Игрек, непредсказуема. Мы не осознаем ее опасности.

Анализируя происходящее, попробуйте раскрыть и осознать силы Игрек и Зет. Метод борьбы с ними — только знание, воспитание, правда, а насилие, кровопролитие — как жертвоприношение — это победы монстра!

Не кормите монстров своими эмоциями, желаниями, поклонением, не ищите истины у людей, если не можете отличить их от нелюдей и искусственных людей. Идущий и ищущий в любом случае Силу Икс не минует!

ЗАЧЕМ МЫ?

ВСТУПЛЕНИЕ

В первой книге данной работы — «Кто мы?» — нами было дано понятие ВЕЧНОСТИ, соответствующее нашему мировоззрению, на основе которого раскрывается наше трансперсональное видение. Итак:

«Вечность — это то, что вокруг нас и в нас, не имеющее начала и конца, времени, не подпадающее ни под какие определения, в том числе такие, как: верх — низ, темное — светлое, мужское — женское, хаос — порядок; не поддающееся просчетам, характеристикам и не имеющее никакого отношения к земным законам и понятиям».

Вечность разумна.

Вечность находится в постоянном движении, и это движение представляет собой непрерывное вечное изменение энергоинформационных структур, от атомов до галактик. Вечность состоит из миров, пронизывающих друг друга и имеющих свои характеристики времени — движение относительно своему проявлению. Движение — это целый пласт загадок, которые малодоступны, ведь в это понятие входят и вибрации — волны света, тепла, звука, мысли, и планеты, и галактики, и то, о чём мы и не догадываемся, и у всех своя скорость, своя частота, «свой ветер».

Несмотря на термин «мельчайшие частицы», получивший объяснение в первой книге, которые мы назвали Странницами для образного выражения, в Вечности нет понятия маленькое — большое, так как все относительно и измеряется только по отношению одной структуры или объекта к другому. Вот, пожалуй, и все, что мы хотели сказать в кратком вступлении к новому разделу книги. Перейдем собственно к теме.

Глава 1

НАШ МИР

Наш мир — один из неповторимых миров Вечности. Граница нашего мира — это степень его осознанности на-ми, то есть насколько мы его видим при помощи приборов, понимаем с позиции науки, используем в своих возможностях, воспринимаем с точки зрения эзотерики. Произнося «Наш мир», мы выражаем свое отношение к месту данного проживания, соответствующего нашему сроку жизни и обеспечивающего нашу жизнеспособность. Наш мир считается *проявленным*, то есть видимым.

Причина появления именно Земли, — а в данный момент нас интересует Земля, — известна только Вечности. О возникновении жизни на Земле имеются лишь предположения, как научные, так и эзотерические, полная же информация нам недоступна.

Предания говорят нам, что жизнь на Земле произошла

из ЕДИНОГО, который состоит из множеств. В Единстве тайна и беспредельные возможности развития окружающего нас мира, видимого и невидимого. Разворачиваясь спиралью, наш мир проявляется во всем своем многообразии и величии.

При формировании Земли, когда она представляла собой кипящий огненный конгломерат, происходило огромное выделение энергии с мощным излучением волн-вibrаций (которые сопровождают любую энергоинформационную структуру в любой стадии развития, отличаясь только степенью интенсивности). Эти волны, распространяясь в космосе и встречая преграды в виде небесных тел, сталкивались с вибрациями тел и, возвращаясь назад, несли измененные вибрации, характерные этим энергоинформационным структурам. Таким образом происходил обмен информацией в нашей галактике, в результате чего планеты влияли на формирование нашей Земли.

С появлением земной атмосферы и формированием слоев земной коры, по которым мы определяем ее возраст, и в которых возникли определенные пласти защитных природных ресурсов, влияние небесных тел уменьшилось, и Земля в своем развитии приобрела большую самостоятельность. В окружающем нас пространстве нет пустоты, все проникнуто излучениями, мельчайшими частицами, можно сказать, что мир вокруг нас тверд. Составляя гороскопы, не лишне было бы учитывать не только влияние небесных тел, но и в каком месте орбиты мы находимся, и какое излучение действует на Землю в данный момент.

Мы знаем, что существует ночь Брахмы (индийская мифология). Наша славянская мифология — это по большей части темные страницы Книги. Ученые же считают, что существует «темная материя» и «темная энергия», ответственные за судьбу Вселенной. Откуда возникли такие понятия? И можно ли избежать негативных воздействий этих видов материи? Наверное, на этот вопрос смогли бы ответить хранители древних обсерваторий, которые, видимо, не только отслеживали время правления эрами разными Владыками жизни, но и время катаклизмов вселенского масштаба, время земных катастроф, время изменения психологии, потери

знаний, общей деградации цивилизаций. Земля, двигаясь по орбите, совершает движение и совместно с галактикой, то есть и в самой галактике происходят перемены и изменения. Можем ли мы охватить такие масштабы своим разумом?

Развиваясь, жизнь на Земле была взаимосвязана, ЕДИНА, один процесс следовал за другим планомерно, поэтапно, длительно, перед нами возникал мир из атомов, бактерий, клеток, регулируемых физико-химическими, биологическими процессами. Становление вида живых организмов усложнялось. Если мы проследим за организацией живых организмов от прокариотических до ядерных клеток, то увидим, что клетки — основа живого организма. Клетки, являясь реликтом изобретением Вечности, хранят информацию рождения жизни на Земле, различаясь свойствами и участием в процессах разной сложности, создавая биосферу Земли.

Очень важен тот факт, что с начала зарождения жизни до появления на Земле человека прошли миллионы лет эволюционного развития — без участия людей, без поклонения людей богам, без ритуалов и прочих человеческих изобретений и заблуждений. Под воздействием космических излучений, сгустков темных и светлых энергий, несущих свою необъяснимую информацию, на Земле появлялись защитные слои, формирование которых, не будем забывать, требовало определенных условий и внешних воздействий. Ученые назовут эти слои минеральным миром, который мы будем считать полезными ископаемыми, энергетическим сырьем, растительным миром. Эти слои являются составной частью Единства множеств, а данное мироустройство — естественным процессом жизненного круговорота.

Человек, наделенный разумом в результате деятельности Вечности и проявленный именно на Земле и именно в таком обличье, «обречен» на право выбора и в результате жизнедеятельности либо защищает свою Землю и развивается, сохраняя данное устройство мира, либо разрушает Единство, роды человеческие и противодействует круговороту жизненного процесса, — человек ли он в этом случае?

Глава 2

БИНАРНОСТЬ

Мы считаем, что живем в трехмерном пространстве-времени и вскоре перейдем в четвертое. Школа дает нам представление об одномерном пространстве — это линия. Плоскость, характеризующаяся длиной и шириной, — это двухмерное пространство. Длина, ширина, высота создают трехмерное пространство. Определять же характеристики четырехмерного пространства пока воздержимся. Попробуем проанализировать предположение, что мы живем в трехмерном пространстве, применительно к нашей жизни. Как оно ощущается нами реально?

В *Едином* одна форма жизни предшествовала другой, более совершенной, и возникла из элементарных частиц, которые пронизывают Вечность и при определенных условиях рождают формы жизни, будь то бактерии или человек. Формы жизни усложняются, но информация, накапливаемая за время эволюционного развития, сохраняется. Мельчайшие частички Вечности, которые составляют любую структуру, ткут свои причудливые узоры. *Единство* — это объем материи, переходящий в четвертое и другие измерения за счет усложнения круговорота жизни и развития разума человека. По факту на данный момент мы имеем *Единство*, разделенное на *множества*, то есть *Единое* искажено и превращено в точку отсчета, в единицу, за которой идут далее два, три, четыре — символы сложности нашего восприятия. В результате появляется бинарность *Единство — Множество*. Плохо это или хорошо, еще предстоит разбираться.

Кто может ответить, когда зародилась жизнь? Кто может утверждать, что существует смерть? А это уже следующая бинарность: *Жизнь — Смерть*, — наше земное понятие.

Система понятий наших предков *Правь — Явь — Навь* канула в Лету, нам более привычна бинарность *Порядок — Хаос*. Наверное, существуют и другие бинарности, которые наравне с перечисленными управляют нашей жизнью.

Наши предки обладали знаниями — *Ведами*. Знания уничтожены, и по факту мы признаем следующую бинар-

ность: *Наука — Лженаука*. Мы изучаем физику, отрицая «лженауку» — метафизику, признаем химию и отрицаем алхимию (высшую химию). Воспитываем философов, отрицая метафилософию. Восхищаемся Историей (наукой свободного поведения) и исключили из обязательного изучения в школах Истинную Летопись.

Наш жизненный путь пестрит доктами, не позволяя разуму развиваться. Мы как подростки играем в «синих» и «зеленых», разделяемся на «правых», «левых», демократов, националистов (в худшем понимании этого слова), шовинистов, сионистов, фашистов, коммунистов. Придумываем общества определенного строя и, если это социализм — распределяем на всех, уравнивая то, что нельзя уравнивать, или отбираем по праву сильного, если капитализм — торгуем всем, даже совестью.

Нас клеймят язычниками, и мы забыли, что это вера предков, что за нее умирали. Но главное, что к язычеству наша вера не имела никакого отношения. На данный момент мы называем себя НЕОязычниками, разве это не смешно? Зачем нам реанимация прошлого? Наши деды шли в бой с криком: «За Родину, за Сталина!», — умирая, говорили: «Прошу считать меня Коммунистом!» Честь им и слава за это! В наше время это понятие — коммунист — опошлено, время диктует новые формулировки и содержание данного понятия, только новое — это не приставка НЕО — НЕОкомунизм, НЕОхристианство.

Мы вошли в новый виток эволюции, и от судорог прошлого ничего не зависит, пришло новое, оно предопределено эволюцией. Восточная мудрость гласит: в одну реку нельзя войти дважды. Мы уже не вернемся в прошлое, в детство, не воскресим наивные мечты.

Однако нам не зря дан путь развития, который идет по спирали, изменяясь и эволюционируя. Вначале социум был организован племенами, после возникли крепостной, рабовладельческий, феодальный строй, монархический, социалистический, капиталистический. Какой следующий? По сути названия социальных структур — это диагноз. Мы должны до конца пройти последний «круг ада», чтобы пе-

рейти на новый виток спирали развития, чтобы цивилизация не погибла и вышла на путь духовной эволюции. Однако на данный момент ни одна страна не готова к эволюционному развитию.

Бинарностью является и *Закон — Бездаконие*. Правда, в наше время она размыта, очень трудно проследить, где закон превращается в свою противоположность.

Логически рассуждая, можно прийти к выводу, что в данный момент мы живем по принципу *двухмерного пространства*. Восприятие трехмерного пространства пока осуществимо лишь эмоционально, четвертое же измерение непредставимо вовсе. *Единое Множество*, разъединенное на отдельные множества, не способно к спиралевидному развитию и требует искусственного воздействия и вмешательства, что вредит развитию и тормозит его. А именно это и происходит в данный момент в результате неразумной деятельности человека, провоцирующего *проявление Хaosа*.

Глава 3

ЕДИНСТВО-МНОЖЕСТВО

Итак, вначале было *Единство*, в котором содержалось множество и которое развивалось по спирали, усложняя и разнообразя формы, виды, процессы, необходимые для реализации заданной Вечностью информации.

Над всеми процессами царил порядок, никакого хаоса не было и в помине, все было оправданно и закономерно. Когда первый этап формирования жизни на Земле был завершен и образовались минеральное, растительное, животное царства, настало время появления Человека. К этому времени процесс размножения видов был доведен до совершенства. (Необходимое дополнение: авторы не излагают и не объясняют все происходившие процессы развития жизни на Земле, об этом написано много увлекательных и интересных трудов учеными нашей планеты, но точку ставить все же преждевременно.)

Итак, Человек появился как составная часть *Единого*

множества, как составная часть Природы, вобрав в себя все самое лучшее, в том числе способность сохранять и перерабатывать информацию, которая проявляется в ряде безусловных инстинктов новорожденного, и осознанную разумность слияния с *Единством*, без которой человек не может быть Человеком.

Первые люди были частью *Единого множества*, обладая самой совершенной Энергоинформационной структурой и Разумом, которому предстояло развитие с правом на самостоятельное принятие решений. Разумом, который мог распоряжаться всем тем, что окружало его, и частью которого был он сам. Разумом, который принимал непосредственное участие в жизненном круговороте естественной эволюции, заданной информацией Земли.

Это важно, так как уровень развития Человека соответствовал уровню развития самой Земли (Земля же считается молодой планетой), а Разум позволял в отличие от других форм жизни понимать происходящие этапы эволюционного развития Земли. Человек был *Един*, разделения человека на две ипостаси — душу и тело — не было. Являясь одним из множеств *Единства*, наделенным разумом, *Единый Человек* обладал свойствами видения окружающего мира и происходящих в нем процессов, накапливая информацию и передавая ее потомкам по родовой линии.

Жизнь на Земле развивалась по спирали, информация развития от появления нашего мира до рождения человека сохранена и содержится в клетках, которые имеют сложное строение. Если мы снимем видимый покров вплоть до клеточных оболочек, то познаем мир, состоящий из мельчайших частиц, которые образуют различные структуры, находящиеся в непрерывном движении, и которые связаны процессами, поддерживающими жизненный круговорот, — это фотосинтез, это круговорот воды и азота в природе, образование органических веществ, разложение и синтез, процессы ассимиляции и диссимиляции, излучения тепла, света, мысли, эмоций, воздействие магнитных, электрических и других полей. Все находится в гармонии, всему соответствует определенный порядок, и это Все есть — *Единство*.

Не следует забывать, что характерный нашему миру состав мельчайших частиц — с преобладанием атомов водорода, кислорода, азота, серы, железа и их соединений, которые находятся в окружающей среде, участвуют и в разнообразных проявлениях форм жизни (без них жизнь на Земле не могла бы существовать), — задан Вечностью для существования и развития нашего мира. Изменение состава окружающей среды различными химическими соединениями в результате неразумной жизнедеятельности человека, а также уничтожение и неправильное использование флоры и фауны негативно влияют на все проявления жизни, так как в *Единстве* не предусмотрены барьеры и фильтры, ограждающие клеточный состав от обменных процессов с окружающей загрязненной средой. Как следствие, возникает вторичный искаженный круговорот жизни, в котором нет *единства*, согласованности, порядка и который исключительно негативно влияет на разум человека. Неразумный человек уничтожает то, что дало ему жизнь, — воду, воздух, флору, фауну, превращая их в отдельные множества.

Первые люди, рожденные Вечностью, находящиеся в полном согласии с окружающим их миром, понимали язык природы. Люди понимали язык птиц, зверей, растений, могли пользоваться всем тем, что было необходимо для нормальной жизни, и общались посредством мысли, передавая образы действия, предмета, желания.

Люди, звери, птицы были как одна семья, так как вибрации ощущали все одинаково, ложь, хитрость, обман были человеку неведомы. Природа давала ему кров, пищу, защиту, возможность мыслить и развиваться. Этих первых людей авторы называют *Древними, или прародителями*.

Прапредки стали принимать участие в эволюции Земли посредством своих способностей и возможности слияния с *Единством*, которое служило благу; отсюда выражение *благодарю*. Прапредки не строили храмы, ибо весь мир был для них храмом, они не создавали орудия труда и войны и ничего не разрушали, потому что существовали *Порядок, Единство, постоянный труд и творчество*. Человек, входящий в *Единство* и участвующий осознанно в круговороте жизнен-

ных процессов, общаясь мысленно, был чист в помыслах и поступках. Понятия лжи и хитрости, стяжательства отсутствовали. Поэтому нас легко обмануть. Нас невозможно сломить, взять силой, но к хитрости и обману мы не адаптированы.

В какой-то момент произошло «Нечто». Фантазируя, ссылаясь на людей, обладающих паранормальным видением, представим три варианта этого «Нечто».

Первый — появление инопланетных существ высокоразвитых цивилизаций.

Второй — внедрение искусственно созданного человека.

Третий — война магов.

Четвертый — это суть отдельных размышлений.

В результате произошла катастрофа — распад Первоцивилизации Первлюдей. Возможно, в этом была необходимость. С тех пор считается, что на Земле проявилась энергия, разрушающая знание, и возникли *силы*, противодействующие правильному устроению мира. Возможно, с той поры люди (выжившие) стали бояться различного рода природных явлений, возможно, так зародилось «язычество», теософские парадигмы, религии. Человек, потерявший знание, потерял и свою *целостность*. Возможно, катастрофа была не одна, возможно, земные цивилизации достигли вершин опасных знаний, разрушивших социум. Возможно. Но посмотрим на себя и свой временной промежуток жизни.

Если мы говорим о душе человека, то, по видению авторов, — это связь, пронизывающая *Единство* и связывающая проявленную жизнь на Земле с внутренним миром, который явился причиной возникновения Человека на Земле. Это есть еще и единство вибраций — Духов четырех стихий, которые составляют *Единство*, объединяя все формы жизни. Считается, что белый цвет разлагается на весь спектр цвета, так и пятый элемент — на четыре стихии.

Человек — здесь и сейчас — не участвует в жизненном круговороте, так как не представляет даже, что его предки ведали и каким образом принимали непосредственное участие в этом процессе. Более того, человек болен, у него за-

крыты глаза, ибо, философствуя о происходящих событиях, человек ворошит прошлое, уходит в будущее, ссылается на технические достижения, ищет козла отпущения, но не осознает, что происходит на **даный момент жизни — здесь и сейчас!**

Не представляет, что предки сохраняли «живое количество человек».

Не понимает, что, разрушая природу, окружающий мир, он по сути включил программу самоуничтожения, потому что окружающий мир и человек должны быть Едины.

Заблуждается, занимаясь практиками «совершенствования духовности», не видя, что творится вокруг, «спасает себя».

Веря в определенные учения и отрицая другие, живет в двумерном пространстве, где властвует бинарность *вера — неверие*, отказываясь от истинных знаний, которые не приемлют догм.

После разделения *Единства* на множества человек и природные царства стали беззащитными и уязвимыми. Сам человек, по классическим канонам эзотерики, магии, из единой энергоинформационной структуры превратился в «капусту», то есть расслоился на физическое, эфирное, ментальное и другие тела. Более того, каждое из этих тел живет в своем «параллельном» мире — плане физическом, втором, третьем... седьмом, но и это не предел, в каждом плане имеется еще и по семь подпланов (для тех, кто в это верит).

Единству водного, растительного, животного царств, как и человеку, стала грозить опасность, поэтому в целях защиты молодого земного мира — Рода человеку был дан прайзык — Слово, на котором он мог общаться звуковыми вибрациями, не раскрывая мысленного общения в *Единстве*.

Предания говорят, что первые звуки прайзыка в данное время произносят грудные дети — это гласные звуки. Далее появились согласные, которые разделялись на внешний и внутренний круг. Так как звуки, рожденные речью, соответствовали вибрациям *прамира* и развитию голосового аппарата, то при произнесении этих звуков происходило колебание содержимого живых клеток, из которых состоял *прамир*,

и если к этому добавить образ и волю, то происходило соединение с *Единством*. Непопулярные нынче распевки наших бабушек, хоровые, застольные песнопения являются настройкой жизненных вибраций, — как и народные пляски, — с внутренним миром. Не зря аборигены устраивают танцы определенного смысла. Поют песни соответственно обстоятельствам, перед охотой или военными действиями.

Нам дано было Слово, но мы не стали его держателями. Зачастую мы непозволительно легкомысленно говорим: даю слово. Кому? Зачем? По какому праву? Слово дано нам было и в начертании. Каждая буква имела свое значение и содержала информацию, объединяющую прошлое, настоящее и будущее, космические вибрации и земные. Одна буква имела смысл предложения, слово — целый «пакет смысла», настоящий философский трактат. Мы же *единство* Слова также разделили на *множество*, называемое — алфавитом, и складываем по единой букве, пока не получится слово, сократив количество букв со ста сорока семи буквов до тридцати трех, заодно изменив некоторые буквы. Многие изначально *творящие*, сакральные слова превратили в материальные, что говорит об утрате их старинного смысла и воздействия, но некая энергия в них сохранена. В настояще время нецензурные слова мы заменяем новой формой иска^{жения} — сленгом. Кто эти слова преподносит нашей молодежи? Какие вибрации они в себе заключают? Едва ли — положительные.

Часто мы любим без надобности произносить: клянусь! Да еще говорим — кем! Как вы думаете, эти клятвы отражаются на тех, кем мы клянемся?

Самые близкие по значению буквы нашего современного языка — это кириллица, а написание этих букв можно увидеть в старых христианских книгах, только вот философия их создания другая. В доступной нам информации прокальзывают описание значения старорусских букв, только ошибка их интерпретаторов в том, что современные слова нельзя наполнять старорусским значением, так как даже многие слова из словаря Даля нам непонятны, хотя со временем его первого издания прошло всего полторы сотни лет.

Предания гласят, что наш Бог — Сварог, но богов в *Едином множестве* не было! Мир развивался и до появления людей, поэтому Сварог относится к знаковой модели и расшифровывается так: Сва (птица Сва) — мудрость, Рог — могущество, а так как рог (Единорог — тоже знаковая модель) дан в единственном числе, то получается, что Сварог — это Мудрость *Единого Могущества*. К знаковой модели относится и любимая нами Богородица: Бог означает высший разум, Род — единство разумной жизни во множестве проявлений. *Род людской* — это начало жизненного процесса, основанного на адаптации и опыте предков, передающих знание потомкам рода, продолжающим дальнейшее эволюционное развитие. Вот и получается Богородица — знаковая модель Рождения, Реализации и передачи информации Высшего Разума Рода. Понятия: род, рождение, природа, родник, родня, родимый, родославие, родители, родительский день (поминание умерших), — относятся к одному корню. Те дети, кто считает себя сиротой, у кого родители пьяницы или от кого родители отказались, тем не менее являются потомками Рода, имеют всю информацию Рода и должны чтить свой *род*, помнить и славить! Те же родители, которые не взяли на себя ответственность за воспитание ребенка, то государство, которое не оказалось им помочь, нуждаются, мягко говоря, в прощении, но не в отпущении грехов. Понятие Рода неотделимо от *Единства союза мужчины и женщины* — так предопределено жизнью! Без мужчины нет продолжения рода, без женщины также! Так с какой же «благородной» целью, с какого «бодуна», какой «демонократией» легализуются сексуальные меньшинства?!

Существует градация человеческого развития, зависящая от степени разумности индивида. Социум можно представить как взаимодействие-противодействие сил разного уровня знания, что и вызывает не только социальные катаклизмы, но и природные возмущения. Причина этого — в пиках человеческого мышления, в разных состояниях просветления разума, осознанности трехмерного пространства. Ошибка видящих и ученых, правильно (от слова Прав) осознающих мир, в непонимании, что они *сами противостоят* биоценозу данного времени. Разум этих людей вы-

ше среднего человека, и у них нет защиты от тех, кто их не понимает. Эти люди к тому же разобщены, потому что самодостаточны и поэтому же — уязвимы. Но это отдельная тема.

И еще о Единстве множеств.

Несколько примеров.

1. Клетка является наименьшей единицей живого. Все клетки живых организмов сходны по составу, а процессы, протекающие в них, однотипны. Клетка появляется только из предшествующей клетки, размножается, видоизменяется, реагирует на раздражение, приспособливается к окружающей среде. Компоненты клеток — гены, хромосомы, весь генетический механизм — обеспечивают наследственные признаки следующему поколению. В сложных многоклеточных организмах клетки еще и специализированы по выполняемой функции, строят органы, зависимые друг от друга и связанные между собой нервными и гуморальными системами регуляции. Это пример живого *Единства множеств*, так как из клеток состоят и растения, и животные, и человек.

2. Если мы проанализируем общие характеристики форм жизни на Земле, включая человека, то обнаружим следующее: человек обладает пятью органами чувств, но совершенны ли они по отношению к органам чувств других форм жизни? Нет! Обоняние острее у хищных животных. Зрение острее у многих, в том числе у птиц. Тактильная чувствительность развита и у растений, существ водного, летающего, ползающего и животного миров. Многие виды живых существ адаптированы к видению в темноте, другие воспринимают ультразвуковые волны, третья находят путь без приборов на длительные расстояния, четвертые могут летать, меняя свой курс, образуя поле антигравитации, пятые воспринимают тепловые излучения, предвидят изменение погоды, наводнения, землетрясения. Кто-то бегает быстрее человека, кто-то поднимает тяжести не в пример большие, кто-то более гибок и так далее, таких примеров множество. Чем же человек особенный? Вы скажете — разумом и речью. На это можно ответить, что человек использует свой мозг всего на четыре процента, а речь современного

человека деградировала по отношению к речи «древнего человека». Если в те времена мы были *Единым множеством*, то наше *Единство* ныне превратилось в единицу, и счет пошел дальше — два, три, тысяча, миллион: и чем больше цифра, тем больше наше *разъединение* с природой. Мы считаем, что миллиард — огромное число, и формально мы правы, на самом же деле получается, что чем больше число, тем оно *меньше* энергетически, так как делит *Единое* на большее количество частей.

Раньше все измерялось *мерой*. *Мера* — это, говоря современным языком, прожиточный психофизический минимум одного человека. На основании *меры* происходил продуктовый и продовольственный обмен, торговля. Правосудие тоже воздавалось *по мере* содеянного. У богини правосудия в руках были весы, на одной чаше которых было добро, содеянное человеком в результате его жизни, а на другой причиненное зло. От соразмерения чаш зависело, куда человек попадал после смерти, в рай или ад. Мы же все измеряем деньгами, причем те люди, которые кормят наше население, живут в бедности, те же, которые ничего не производят, едят и пользуются всеми благами, имеют денежный эквивалент, превышающий потребность нескольких (даже миллионов!) семей. *Единство* стало множеством, порождающим неравенство. Что бы человек ни производил, это либо прямые орудия уничтожения себе подобных — атомные бомбы, химическое, биологическое оружие, либо замаскированные орудия уничтожения — заменители натуральных продуктов, искусственные удобрения, отходы промышленности и даже пищевые добавки, влияющие на здоровье и наследственность человека.

Человек впадает и в другую крайность, начинает конструировать *невозможное*. К примеру, после событий, начало которым дало «Нечто», люди решили построить Вавилонскую башню, чтобы добраться до богов и жить всем вместе. Естественно, разгневанные боги, если верить мифам, разрушили башню и разделили народ, дав им разные языки. Авторы же имеют свое видение на произшедшее.

Людей, потерявших связь с *Единством*, живущих в разных регионах, имеющих свою индивидуальность, некие си-

лы Зем решили объединить, чтобы, смешав язык и генофонд, привести к деградации и уничтожению, для чего им и была внушена идея строительства Вавилонской башни. Высший разум не допустил смешения народов. Вавилонская башня была разрушена, были сохранены и языки разных народов, а общий язык, который, как считают ученые, имел место, говорит лишь о едином источнике его возникновения.

Каждый народ, каждая нация уникальны по наработке опыта выживания, по культурным традициям. Каждая нация уникальна в своей адаптации и имеет генетические различия, а если нации смешиваются, то потомство имеет неустойчивую адаптацию, ослабленный иммунитет, в таких семьях происходят разногласия, риск заболеваний намного увеличивается. Нация сильна та, которая сохраняет свой Род, свое место жительства, так как в них изначально заложена зависимость человека от места проживания предков, обладающих родовой энергией. Отсюда и ностальгия по родине у разлученных с ней, по этой причине дома людям и стены помогают, а травы имеют большой лечебный эффект.

История приводит примеры войн, которые происходили из-за амбиций властителей, посягавших на чужую территорию ради наживы, расширения империй, приобретения рабов и наложниц, богатств и власти. Где эти империи теперь?

Человек, потерявший изначальное знание о сотворении мира и единстве с природой, лишенный собственного языка, отвергающий свой Род и культуру, о пасен для себя и для окружающего мира. Мужчина, женщина, не желающие иметь детей и воспитывать их, приводят свой Род к вырождению. Видимо, слово *выродок* имеет абсолютно конкретное значение.

На данном этапе развития мы не имеем Летописи, где без пристрастия и без искажения велась бы хронология прошедших лет. История диктуется временем правления тех или иных сил, которые в данный момент у власти и которые в данный момент исповедуют ту или иную религию. По миллеро-шлецеровской истории, славяне появились сразу как сложившийся этнос со своей сложившейся культурой и тер-

риторией. Русские появились тем же манером, как снег на голову. Получается, как в частушке: «Я не мамина и не папина, я на улице росла, меня курица снесла». Обидно, но объяснимо: у нас просто украли нашу многотысячелетнюю историю! Но мы есть и будем!

Нам внушают, что мы варвары, язычники, и в то же время нас все боятся, таких безграмотных, отсталых, слабых. Почему-то нас преследуют, претендуют на нашу территорию, богатые природные ресурсы, сжигают берестяные грамоты, старинные летописи, музыкальные инструменты, при крещении не разрешены славянские имена, археологические раскопки не обнаруживаются, курганы с захоронениями разворовываются. Если за рубежом целые институты с новейшими разработками изучают каждый предмет, kostochku, черепочек и радуются на весь мир, то дощечки, обнаруженные в Нижнем Новгороде в виде рун на дереве, обрабатываются ручным способом, и никто не ведает об этом, спасибо военным, помогли своими новыми разработками. А многие ли слышали о потрясающих раскопках древнейших сооружений Аркаима на территории Челябинской области? Информацию об этом можно найти у Быструшкина К. К. в книге «Феномен Аркаима». А дольмены на Камчатке? Те рукописи, которые были изъяты с целью изучения и использования «некими мудрецами», не подлежат расшифровке, так как слово считалось живым и несло энергию знаний только тем, кому предназначалось, если допустить частичную расшифровку, то звуковое содержание недоступно. По истории наши дети изучают мифологию, но они не знают о ведах, о ведунах, которых сжигали, о витязях, которые защищали нашу землю. Эти факты говорят больше, чем то, что преподносится. Эти факты вопреки всему говорят о тайне нашего могущества, которое необходимо скрыть, о нашем предназначении, которое предается забвению. Это странно еще и тем, что все происходит на нашей территории, отсюда один вывод, который намекает, что запретный плод сладок. На данный момент в моду вошло арийское происхождение Руси. Звучит красиво, но — Славяне Мы!

Один муравей погибает и не несет никакой информации, несколько муравьев обладают знаниями устройства

муравейника, в муравейнике образуется государство, обладающее присущей только муравьям иерархией, законами, которые неотделимы от окружающего мира, природы и сохраняют последующие поколения. То же можно сказать о пчелах, которые неразделимы с природой и служат ей. Животный, воздушный, водный мир, мир насекомых и бактерий также служат природе, поддерживая жизненный и видовой баланс.

Люди на нашей Земле живут на территории, которая имеет свое специфическое предназначение, зависящее от прохождения магнитных волн — излучения между полюсами, удаленности от экватора, соседства небесных светил, которые периодически привносят нам изменения своими вибрациями, и, естественно, от Луны, которая оказывает непосредственное влияние на нашу земную жизнь. Значение имеет и расположение нашей планеты относительно Солнца и других ориентиров космоса, наконец, от сторон света, солнечного излучения, от которого зависит наша жизнь и все процессы, происходящие на земле.

Трудно представить себе народы Крайнего Севера, которые мигрировали в пустыню, и, наоборот, странной покажется жизнь племен из джунглей в нашей тайге. Захочется ли жителям равнины проживать в горных районах, народам, живущим на побережье морей, — в степи? Та территория, на которой проживает человек, имеет качественные характеристики, которые возникли на определенной грани кристалла нашей Земли во времена зарождения нашей флоры и фауны, имеет определенной структуры грунт, на котором имеется определенный слой почвы для произрастания растений. В зависимости от растительного мира — мир насекомых, бактерий, птиц, животных, наконец, климат и полезные ископаемые. Заметим, звуковые колебания также имеют свое разнообразие соответственно развитию голосового аппарата, строению челюсти, строению скул. Просматривается разнообразие звуков, несущих определенный смысл в зависимости от свободного пространства. Эти звуки — песни народов Севера... гортанные напевы горцев, плавная речь населения равнин. Изменяется цвет волос, глаз, кожи,

одежда применительно к климату и в зависимости от местности. Все расы, народности, национальности организовали свой быт за время выживания, за века с наибольшей возможностью к адаптации в данных условиях, творческому развитию, созданию потомства, культуры.

Ученые предупреждают, что лишь благодаря наследственности сохраняется однородность вида, а изменчивость в противоположность наследственности делает вид неоднородным. На эту тему есть и другая информация, в том числе интересен закон Менделя от 1865 года — о передаче наследственных признаков предыдущих связей. Многие народы, племена находятся в стадии вымирания, что также говорит об уничтожении *Единства*, потому что с этими народами уходят и частички знаний, которые мы уже не найдем. Считается, что если при кровосмешении ребенок не похож по цвету кожи на одного из родителей и при этом побеждает темный цвет кожи, то это говорит о более сильном преобладании крови темнокожего родителя. Этот феномен можно объяснить и по-другому: род, в котором происходит кровосмешение, просто выявляет и выделяет то, что данному роду не свойственно генетически.

Любая национальность имеет свои корни и подлежит защите и поддержке. Любой народ имеет право на свою культуру и свой язык. Более того, народ обязан сохранять наследие предков и чтить их, так идет от Вечности, и не нам менять данную информацию. Сильные, многочисленные и могущественные народы, принявшие в свой состав малочисленные народности, национальности, этносы, имея единый государственный язык, помогают сохранить язык и культуру национальных меньшинств. Вводя законы, единые для блага всех, и учитывая интересы всех народов, не допуская неравноправия, столкновений на национальной почве, наказывая провоцирующих и нарушающих покой данного государства, мы восстанавливаем *Единство*. На данный исторический момент некие силы предлагают ассимиляцию народа, имеется в виду — в нашей стране, — в связи с уменьшением населения. Интересно, зачем народам менять страну проживания, как квартиру в новостройке?

Кому-то плохо на земле предков? Только растворение народов в нашей стране означает ассимиляцию не прибывших «кочевников», а коренных народов, момент начала оккупации без войны! Еще одна Вавилонская башня? Кому это нужно? Мигрируют в основном те народы, которых не может обеспечить свое государство, вынуждая скитаться, получать гроши, жить в антисанитарных условиях. Либо миграции вызывает сила *Зем*, просчитывающая возможности уничтожения родов человеческих.

Добавим. Государства, использующие рабов, имеют четкое разделение труда, вплоть до выноса ночного горшка господ рабами. Выполняя свою «неинтеллектуальную работу», проникая во все сферы социальной жизни данного государства, господа становятся настолько зависимы от рабов, что не понимают, как оказываются в положении самих рабов, в ожидании восстаний и перезахвата власти. Назовем это «рабским эффектом». Государства, принимающие гастарбайтеров, должны предоставлять им определенные документы. Обеспечить общежитием, соответствующим всем стандартам цивилизованного проживания. Заключить договор на временную работу до года. Не позволять частным лицам использовать наемных рабочих в целях личного обогащения, заставляя их заключать договора с местным населением, организовывая рабочие места, достойно оплачивая труд. Без этого контроля государства как раз и происходит «рабский эффект».

Организовывая свое дело, отдавая знание и энергию, предприниматель или бизнесмен в конце концов достигает своей цели, и тут начинаются проблемы. Созданное дело нужно защищать от конкурентов и криминальных структур, контролировать помощников, уважать рабочих и оплачивать их труд, в противном случае снова сработает «рабский эффект».

Можно ли в свете изложенного сомневаться в мудрости, например, китайцев, которые с молоком матери впитывают философию своей избранности? Эта философия утверждает, что они в конце концов будут хозяевами всего мира. Они же не ассимилируются ни с кем! Это является еще одним

примером действия «рабского эффекта». И таких примеров можно привести множество. Можете привести их сами.

В нынешние времена нам навязывается западный образ жизни, чужая система образования, что ведет к упрощению языка и падению культурного уровня нашего народа. Видимо, кому-то хочется построить еще одну «Вавилонскую башню», но уже на территории нашей страны.

Говорят, что наши сказки глупые. Но мы-то знаем, что наши сказки лишь кажутся глупыми, не несущими информацию, просто не все дано понять тому меньшинству, которое так считает.

— Жили-были дед да баба...

— Сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок...

— Яйца кур не учат: а если яйцо крутое?

— Испекли дед да баба колобок и положили его дозревать на солнышко. Укатился колобок, пел песенки, пока лиса его не съела: правда — страшно?

Мудрые дед да баба дали колобку, яйцу, Красной Шапочке, козлятам, внучатам главное — знания! Покатился не просто колобок, вышел в свет наш потомок, встретилось ему первое испытание, преодолел он его с легкостью и покатился дальше. Второе испытание прошел — хищнику он не по зубам оказался. Третье испытание прошел: сила есть — ума не надо. Возгордился колобок, поет и никого не боится, а тут лиса навстречу. Лиса вроде и не враг, поет приятно, ласковая, красивая, слегка глуховата, правда, вот и попался колобок — самое трудное испытание не прошел — хитрость, потому что не дозрел. Подвела гордыня, самоуверенность, русский авось. Почему бы не объяснить смысл таких сказок детям? Неужели они страшнее американского бреда про подвиги Микки-Мауса?

А Емеля — вот уж дурак так дурак! Пошел за водой, поймал щуку: что ж тут особенного? Ах нет, есть особенность: щука-то не просто рыба — это мудрость, и послала за водой его не просто мать, но Мать — РОДительница (знание Род дает, мудрость посвящает). Дальше что? Лежит Емеля на печи, четыре стихии ему подвластны (вода, огонь, воздух, печь — земля-матушка), силу и защиту дают. И мало инте-

ресует его жизнь мирская, все, что необходимо, имеет, достаточно приложить намерение и волю. Приказал дровам — сами в сани попрыгали. Не нужно ему подарков, и далек он от царских проблем, только вот род свой продлевать необходимо, ну и выбрал царскую дочку, а царство — суeta все. А вам слабо от царства отказаться? Я там был, вино, мед пил, по усам текло, а в рот не попало (рановато обладать знаниями, одного намерения маловато).

Рассмотрим несколько других сказочных эпизодов.

Идет по полю богатырь, видит, лежит на перекрестке дорог камень. На камне надпись: налево пойдешь — коня потеряешь, направо пойдешь — друга потеряешь, прямо пойдешь — сам погибнешь. Нелегкий выбор? Почему же богатырь выбирает прямой путь и остается жив? Не оттого ли, что он презрел смерть, страх, сделал правый выбор, сохранил коня и друзей?

Почему нужно пройти в тридевятое царство, тридесятое государство и при этом истоптать семь пар железных сапог, семь железных посохов износить? Видимо, для последнего сражения со злом и гарантии победы необходимо обрести крепость духа и, пройдя испытание, получить *посвящение*. А для этого в первую очередь нужно отказаться от иллюзорности проявленного мира, реинкарнаций, «капустных тел и планов».

Любую сказку можно понять, зная ключ и систему подачи информации теми, кто их писал. Много информации у Пушкина, у Гоголя, Лермонтова, Даля, Бажова, Лосева. Читайте сказки, читайте классику, ищите их сокровенный смысл.

Глава 4

ЖИЗНЬ — СМЕРТЬ

Рассмотрим кратко промежуток жизненного процесса между жизнью и смертью, наработанный тысячелетиями, отличающийся небольшими вариациями, однообразный до безобразия.

Родился, учился, женился, работал, состарился, умер.

Жизненный путь основан на понятиях бинарности: голод — еда, друг — враг, любовь — ненависть, горе — радость, умный — глупый. Так мы живем, так мы «прожигаем» жизнь, потеряв смысл, не в силах осознать себя.

Анализируя наш жизненный путь, попробуем придать объем бинарности «жизнь — смерть», соответствующий третьему измерению, развернуть спираль эволюции и осознать то, что знаем, что слышали, что прочитали.

Вечность наполнена постоянной реликтовой энергией, которая зарождает миры. Энергией наполнены наш мир и мы. В процессе эволюции вырабатывается как бы вторичная энергия, которая зависит от реализации заданной информации, эту энергию можно увеличить и растратить. В жизненном круговороте существует четыре вектора использования энергии, которыми владели наши предки и которые в более полном изложении представляли собой взаимодействие природных сил, разума человека в эволюционном миропонимании:

1. Энергия природы.
2. Энергия труда.
3. Энергия питания.
4. Энергия знаний.

Кратко остановимся на использовании каждого вида энергии в свете реализации данной нам информации.

Глава 5

ЭНЕРГИЯ ПРИРОДЫ

Философы предлагают ответить на вопрос, кто появился раньше — яйцо или курица? Другой вопрос: кто появился раньше — клетка, яйцо или курица? Третий вопрос: из чего появилась протоклетка? Четвертый: чьим подобием является элементарная частица?

Материалом построения жизни на Земле стали именно элементарные частицы, которые по заложенной в них информации образовали фундамент данного Мироздания. Жизнь на Земле существует за счет деления клеток. Клетка

является наименьшей единицей живого. Все клетки живых организмов сходны по составу, а процессы, протекающие в них, однотипны. Клетка появляется только из предшествующей клетки, размножается, видоизменяется, реагирует на раздражение, приспосабливается к окружающей среде. Компоненты клеток — гены, хромосомы, генетический механизм, обеспечивающий наследственность следующему поколению. В сложных многоклеточных организмах клетки еще и специализированы по выполняемой функции, строят органы, зависимые друг от друга и связанные между собой нервными и гуморальными системами регуляции. Это *Единство множеств*, так как из клеток состоит биологическая, земная жизнь. Информация адаптации за прошедший срок жизни и информация продолжения жизни последующими поколениями находится в частичке ДНК. ДНК имеет двойную спираль, лента которой имеет длину предположительно в два метра и которая умещается в клетке размером десятки микрон. Молекула ДНК реализует информацию, воспроизведенную на ленте в виде рибонуклеиновой кислоты. ДНК содержится в ядре клетки, имеет сложный состав и функции, до конца учеными не изученные. Многие ученые пришли к заключению о невозможности самозарождения жизни на Земле, и в то же время единодушно признано, что любой организм рождается от своих родителей, то есть происходит биогенезис.

Ведающие же говорят: Мужчина обладает Живым Семенем, так как передает Дар Жизни следующему поколению. Дар Жизни включает в себя понятие передачи родовой информации за прожитые тысячелетия адаптации и информацию развития от мельчайших частиц до протоклетки, положившей начало биологической жизни на Земле. Считается, что душа человека перевоплощается, то есть при рождении в тело новорожденного входит душа умершего и продолжает жить. Обычно этот «старый» новорожденный не помнит прежние свои жизни и совершает ошибки соответственно данному периоду жизни. Исключение составляет временная «амнезия наоборот», когда человек вспоминает, кем он был раньше, и это дает ему право считать себя из-

бранным. Получается, что реинкарнации не нуждаются в адаптации и передаче знаний, в отличие от родовой передачи, и в этом случае информация существует совместно с бесконечно живущей душой, меняющей тела «как перчатки». Родовая же информация передается последующему поколению, и при наличии необходимых знаний возможно ясновидение, предвидение, телепатия. Мужчина-наркоман, алкоголик, извращенец Живым Семенем не обладает и передать Дар Жизни не может. Женщина представляет собой Мать-ПриРоду, в лоне которой зреет плод будущей жизни, полученный от живого семени, а не посредством клон-методик. *Единство* состоит из множеств. Множество — это в первую очередь индивидуальности вида. Если нет людей с одинаковым отпечатком пальца или радужки глаза, неужели существуют одинаковые, совместимые ДНК? Возникает закономерный вопрос: как можно пересаживать органы одного человека другому, продлевать молодость стволовыми клетками чужого организма, проводить эксперименты по внедрению в клетку возбудителей гриппа, гепатита и с пищевыми продуктами внедрять в организм?! Ведь каждый организм, будь то человек, животное или растение, имеет свою индивидуальную программу развития, свой вектор использования или неиспользования энергии на данную индивидуальную информацию. С этой позиции любое вмешательство в организм человека, животного, растения можно рассматривать как внедрение, *атаку* чужеродной организации, вируса, созданного руками ученого. Если учесть, что такие услуги основной массе людей недоступны, то кто-то хорошо на этом зарабатывает, кто-то не боится мутированных потомков, а кому-то нравится жить по принципу: «Петь будем, плясать будем, а смерть придет — помирать будем». Здесь тоже прослеживается некая закономерность. К примеру, мы тратим знания и денежные средства в основном на изучение себя. Но действуем таким образом, будто кто-то чужой исследует непонятный ему предмет или ребенок разбирает игрушки, ломая их при этом. То есть мы тоже разбираем себя на составляющие! И при этом за прошедшее время мы так и не смогли излечить туберкулез, за-

болевания крови, ДЦП, рак, СПИД, научиться принимать роды без осложнений, до сих пор делаем аборты, развиваем букет венерических заболеваний. Вся наша энергия направлена на проведение экспериментов, поиск бессмертия, получение биороботов, создание клонов, на производство оружия, в том числе биологического, химического, генетического, уничтожающего жизнь в таких масштабах, что и не перечислить. Правильно ли такое отношение к здоровью и эволюционному развитию людей, или мы являемся всего лишь материалом для экспериментов нелюдей?

В рождении ребенка участвуют четыре стихии: Стихия Огня, возникающая во время соития в виде энергии, Стихия Земли — в виде делящихся клеток, из которых формируется мышечная, нервная, костная и другие видимые системы человека, Стихия Воды, в которой содержится плод, называемая околоплодной жидкостью, плюс жидкость в составе клеток, и Стихия Воздуха, которая возникает с первым криком ребенка при рождении, извещает о возникновении новой самостоятельной жизни с чистой душой, которая связывает наработанную информацию рода с теми частицами и Стихиями, из которых она возникла.

В природе также происходит воспроизведение потомства. Возьмем, к примеру, птиц или животных во время брачного периода, когда происходят особые ритуальные действия для привлечения к себе противоположного пола. Это и пение, и танцы, окрас оперения, бои. В результате образуются пары с подобными, гармоничными характеристиками — вибрациями, способные воспроизвести потомство. Собственно брачный период — это прелюдия, необходимая для создания семьи и продолжения рода, заложенная на генном уровне.

Молодые люди, достигшие зрелого возраста, вступают в брачный период примерно с двадцати лет, предварительно выполняя брачный ритуал. Под ритуалом мы понимаем знакомство, ухаживание, проявления любви. Брачный ритуал отчасти в данное время сохраняется и необходим для создания гармоничных вибраций и наработки энергетического эквивалента для создания полноценной семьи. Пара,

желающая создать семью, должна быть девственна и здорова. Занятия сексом с раннего возраста, смена партнеров, обнажение интимных отношений по СМИ являются нарушением вектора природы и отклонением от жизненного круговорота. Если в любви нет взаимности — тупик, не твое, забудь, прояви свое осознание. Потомки несут перед родом и предками ответственность за продолжение рода и поддержание численности в неизменном количестве. Так было, пока к нам не пришел западный образ жизни. Интимные отношения, наполненные любовью и тайной, радостью материнства и отцовства, превратились в порнографию и секс; недавно родился новый термин для случайного и необременительного секса — «стыковка». Любовь же стала посмешищем, пары превратились в партнеров, модными стали гражданские браки, которые не несут ответственности за семью и за ребенка. *Единая Семья* превратилась во *множество*. Дети в основном мешают родителям, старики забыты. Лишенные опоры дети предоставлены сами себе да телевизору с компьютером, способствующим впитыванию аморального образа жизни, насилия и убийства, лжи и извращенного образа жизни. Дети не видят достойных примеров, не имеют понятия о чести и достоинстве, патриотизме, принимают весь негативизм как должный образ жизни.

Каждый период жизни имеет свое предназначение: до двадцати лет дети получают знания. До сорока родители обеспечивают жизненные потребности, набирают опыт жизни. До шестидесяти дедушки и бабушки передают опыт жизни и помогают воспитывать внуков. После шестидесяти познают мудрость. Соответствуем ли мы этому вектору природы? В *единстве* ли мы? Ответьте сами на этот вопрос.

В нашей жизни существуют периоды стабильного существования и переходы в качественно другое состояние, характеризующие степень осознанности прошедшего периода жизни, мы не всегда это осознаем.

Новый мир открывается нам с момента рождения, и это открытие продолжается, пока мы не начнем себя сознавать, — примерно до восьмого класса. Далее наступает переход «искаженного пространства». Это поиск себя как личности, провалы и удачи, стремления к реализации и пол-

нейшие разочарования, браки и разводы, научные открытия и полное бездействие, эволюционное развитие и деградация, потеря друзей и близких, новые встречи, болезни, взлеты и падения. В какой-то момент, в зрелом возрасте, в окружении уже своей семьи, потеряв близких и знакомых, привычный уклад жизни, мы вдруг осознаем, что:

— беззаботный образ жизни остался в прошлом, и уже кажется, что это было не с нами;

— в данный момент мы находимся в положении, когда можем надеяться только на себя, когда тяжесть жизни нельзя разделить ни с кем, когда нас окружают другие люди, происходят другие события, хотя эти другие люди — твоя семья, друзья и приятели, соответствующие данному периоду жизни;

— решения, касающиеся этого нового мира, принадлежат исключительно нам, ответственность за поступки и ответственность за семью, работу, страну несем тоже мы, как это делали наши предки;

— находясь здесь и сейчас, мы осознаем себя в этом новом для себя качестве, в этом нашем мире и понимаем, что мир нашего детства исчез безвозвратно, а «житейские дела», сопровождающие нас в этом переходе, — лишь отвлечение, подготовка к здесь и сейчас; этот переход необходим для осознания значимости жизненного пути, для исключения стрессовых ситуаций, для восприятия нового, идущего на смену старому;

— можно оценить, сколько энергии и эмоций было отдано этой суete суэт, и понять, можно не понять и продолжать жить, мучаясь и страдая.

Как только мы осознаем, что вокруг нас и в нас произошли изменения, чувство безграничности мира, восторг и страх охватят нас, и это ощущение нельзя разделить ни с кем, ибо жизненный путь у всех индивидуален, восприятие тоже. В этот момент зрелости возникнет желание вспомнить все! Найти смысл, объем прошедших лет, оценить, почувствовать себя в жизненном круговороте — выйти в наше третье измерение. Это означает, что все события, терзавшие нас некое время, обстоятельства, владеющие нами, могут быть в момент оценены и выброшены за пределы нашего

сознания, уничтожены нашей волей раз и навсегда, как груз, снятый с плеч, как произнесенное слово «прощай». Следующим этапом нашей жизни будет новый *переход* для следующего «искажения» пространства, нового витка жизненного осознания, последнего в этой жизни и следующего в другой.

Итак, *Единство множества* развивается по определенной Вечностью программе. Человек и Природа — это части симбиоза, имеющие одни корни, одни составные элементы, взаимосвязанные процессы жизнедеятельности. В *Единстве* устроено так, что, развиваясь *здесь и сейчас*, человек закладывает прочный фундамент, уходящий в прошлое и обеспечивающий будущее. То есть Явь — это точка отсчета, в которой независимо от обстоятельств проявляется прошлое и будущее. При этом прошлое изменить нельзя, будущее тоже, и все зависит от настоящего. Например, зарождаясь, наш мир в своем настоящем строил кирпичики жизни от простейших форм. Водоросли и лишайники подготовили почву для растений. Растения в результате воздействия солнечного света аккумулировали энергию. Обмен веществ в природе привел к процессам, в результате которых возникли нынешние природные ресурсы, так называемые залежи полезных ископаемых, которые нами кощунственно разрабатываются. Живя в «мимо текущем времени», мы решаем проблемы будущего. Прошлое же нас интересует постольку, поскольку мы можем похвастать «своей» историей, скрывая историческую правду. Создавая «светлое будущее», мы оставляем потомкам ядерные отходы, горы мусора из полимеров, могильники с инфицированными трупами животных, зараженные химическими отходами земли. Наступил черный век исчезновения видов флоры и фауны, жизни вообще, а человечеству грозит деградация и исчезновение, несмотря на научный потенциал, который никак не может реализоваться. Кстати, кто ответит, почему?

Рождаясь и созревая, наша Земля проходила стадии развития, зависящие от окружающего ее космоса, от влияния солнечной энергии и космических вибраций. Угол наклона Земли, периоды вращения, магнитные инвазии расположили сушу, водные пространства, растительный мир соответ-

ственно возникшим закономерностям. Закономерности рождения последующей жизни на Земле дали нам тектонические плиты или «границы» Земли, которые, в свою очередь, зависят от происходящих в ней глобальных процессов. В настоящее время мы бездумно, как беспризорники, а не дети своей Матушки-Земли, вмешиваемся в жизненный круговорот планеты, противопоставляя свой разум разуму планеты и силам, нам неведомым, но создавшим то, что мы разрушаем. Мы не желаем понять, что наши полезные ископаемые (так мы хотим уверить себя) обречены нами на уничтожение. Нам бы задуматься, почему пласти природных ресурсов находятся в определенных гранях и узлах земных недр и почему в наиболее изученное нами время, называемое нашей эрой (да и до нашей эры, насколько мы можем это установить), не образовались и не образовываются залежи нефти, угля, золота, титана. Однако об этом никто из людей власти не думает. Полезные ископаемые не разбросаны хаотически, обязательно имеются пары, которые говорят о наличии тех или иных ископаемых, в этом прослеживается связь и единство. Так же и грибница образует единство с корнями деревьев, улучшая рост и питание всей экосистемы. Хотелось бы получить от правящих мира сего информацию о жизненно важном значении для нашей планеты газовых, нефтяных, рудных прослоек в свете их взаимодействия с космическими излучениями, с другими планетами Солнечной системы и звездами. Хотелось бы знать также, кто возьмет на себя ответственность за изменение климата планеты и проведет параллель не только с работой заводов, а с использованием природных ресурсов и уничтожением лесного пространства.

Глава 6

ЭНЕРГИЯ ТРУДА

Какой вектор использования энергии ни возьмем, в большинстве своем он ведет к разрушению жизненного пространства. Как же мы живем? Почему не понимаем этого?

Если у нас в стране все делается для народа, как понять, почему увеличивается плата за электричество, за садовые участки, за землю, за дороги (еще та песня, недаром существует поговорка: русские называют дорогой то направление, по которому собираются проехать), за пользование общественным транспортом? Нет возможности прикоснуться к земле, трудиться, используя энергию труда. Конечно, зачем работать, когда столько рекламы на красивых пакетах, из которых растут горы мусора, и никто не хочет знать, что содержимое этих пакетов состоит из вкусовых заменителей, отрицательно сказывающихся на здоровье! Причем состав (если даже он напечатан) продукта за мелким шрифтом не прочтешь или не разберешься в многочисленных Е. Измененные же генетически продукты вообще не маркируются.

Еще пример. Народ по сути является соинвестором железной дороги, оплачивая свой проезд. Почему же постоянно случаются аварии, отменяются поезда, не улучшается качество обслуживания пассажиров? Где наши деньги? В карманах чиновников? Тогда почему государство не контролирует использование средств?

Или, к примеру, дачное хозяйство. Дачники исключительно плохо обслуживаются энергокомплексами, а что касается подачи электроэнергии — вообще беспредел. При устраниении аварий и подключении электроэнергии нет никаких четких смет. Обычно предлагается к оплате нереальная сумма, но при этом людей предупреждают — можно без налога, но и без чека. Естественно, лишних денег у народа нет, и люди соглашаются. В результате не платятся налоги государству, и по большому счету не из чего отчислять десятину на воинскую повинность, как это было раньше, нарушаются балансы энергии труда.

Человек не просто живет и развивается, набирает опыт, адаптируется, но и принимает участие в жизнедеятельности всего единого жизнеобеспечения планеты, так же, как леса, болота, почва. Изменяя образ жизни, искажая законы природы, человек изменяет в отрицательную сторону и окружающую среду, и самого себя. К сожалению, в школе нет предмета, объясняющего с малых лет взаимодействие чело-

века и окружающей среды, таких, как этика, экология, статистика, охрана природы, количество и состав веществ, вредящих здоровью и экологии, изучение человека как части *Единого множества*.

Вернемся к теме.

Энергия труда позволяет нам принимать непосредственное участие в жизненном круговороте, контролируя и защищая окружающую среду. Энергия труда дает нам внутренний источник энергии, неистощимый потенциал, особенно — за заботу о Земле-матушке. К энергии труда относится и воинская повинность. Отдавая сознательно воинам часть энергии труда, наши предки удесятеряли их потенциальные возможности. Служение Отечеству было славой и достоинством наших предков, клич «Ура» призывал эту силу. Никто не имел права забирать жизнь человека, а кто совершил такие преступления, был *нелюдью* либо психически неполноценным человеком. Только воины, давшие присягу защищать свою землю, могут лишить врага жизни, поэтому у нас нет кровной мести. Поэтому только воинам прощается кровопролитие и только ради защиты Рода. Почему мы победили в Великой Отечественной войне? Да потому что, когда череда эмоций, гнев за вторжение, боль за близких, страх перед силой сменились не отчаянием, а всеобщей яростью за свою многострадальную Родину, силы *удесятились!* Исполнилось завещание наших предков. И всегда мы воевали не за нефть, не за золото, а за свободу и матушку-землю, так можно ли землю, политую кровью наших предков, продавать? Имеем ли мы право энергию труда воинской повинности превращать в братоубийственные войны, строительство генеральских дач, дедовщину, неуставные отношения?

Энергия труда — это еще — и в большей мере — сельскохозяйственный труд, с помощью которого любовно выращиваются жизненно необходимые продукты, состоящие из веществ, усвоению которых способствуют естественные ферменты нашего организма, обеспечивающие нас живой энергией природы. Рабочий класс также использует энергию труда, поставляя орудия производства и помогая пере-

работывать продукцию. Ученые помогают улучшить производительность труда, чиновники-управленцы обеспечивают слаженность и непрерывность процессов. Все используют энергию труда на благо планеты и во вторую очередь для своего жизнеобеспечения. Так было завещано предками. Сегодня мы имеем полную дестабилизацию жизненно важных процессов, земледельцы покидают землю, не в силах продать урожай и воспитать наследников рода. Потомственные рабочие лишаются рабочих мест, теряя профессиональные навыки, профтехучилища закрываются. Все продают и рекламируют зарубежные товары, а прожиточный минимум обеспечивают за счет разграбления природных богатств. Светлые головы ученых не могут реализовать свои замыслы, направленные на усовершенствование условий жизнедеятельности, на выведение устойчивых сортов пшеницы, морозоустойчивых плодовых деревьев, выведение высокоудойных пород рогатого скота, на разработку экологически чистых видов транспорта, космического топлива, технологий утилизации отходов, дешевой энергии для хозяйственных нужд, и даже обыкновенные конденсаторы и микросхемы мы уже давно ввозим из-за рубежа. Что, свои технологические базы уничтожены?

Говорят, русский человек ленивый и пьяница. А ведь это только проявление его самодостаточности! Русский человек не любит тупо работать, повторяя одно и то же, он любит созидать, экспериментировать, претворять в жизнь *невиданное*, ему нужны полет и свобода, а главное — возможность реализации. У русских свое ощущение времени, они не могут жить невостребованными, ради безудержного секса и богатства. Русскому нужен простор и свобода выбора, связь с внутренним миром, с Россией-матушкой и Единством, а иначе русскому на все наплевать. Вот и пьет! Только есть у нас *предназначение!* И есть возможности само-реализации! Но это уже другая история.

В настоящее время вектор энергии труда размыт. К примеру, чиновник, который занимается словоблудием, разработкой нелепых реформ, положений и указов, не приносящих основному населению пользы, не использует вектор

энергии труда и занимается не деланием, а безделием, *недвижением*. Это говорит о том, что чиновник, живя в *мимо текущем времени*, находится за пределами жизненного коловорاثения. Человек, ищущий причины *неработы, недвижения*, к тому же находится вне времени своего срока жизни. Этот человек может ночью не спать, утром ложиться. Ему без разницы, какой день недели по календарю — понедельник или суббота. Он не имеет отпуска — отпуска, так как не работает. Ему все равно, весна за окном или осень, ведь он не сажает и не убирает урожай. В то же время ему хочется быть на высоте, красиво говорить, философствовать, касаться высоких материй, лелеять несбыточные мечты, все иметь, но он жалок. Такой человек не будет уважать чужой труд, будет использовать вектор труда людей, выращивающих хлеб, изготавливающих одежду, и имя ему — альфонс, лентяй, иждивенец, вор. Тем не менее колесо жизни крутится, и наступает момент, когда *неделание, недвижение* смывает дальнейшее предназначение такого человека. Чертат перейдена, отпущенный срок закончился, и он уже — никто, человек за бортом.

Даже если ты бизнесмен, оглянись! Человек, не идущий путем Прави, победителем, к сожалению, может стать только путем предательства, обмана, грабежа, силы, хитрости, за счет труда и бедности других. Иерархия бывает не только небесная, но и земная. Кто впереди? Тот, кто в гармонии с природой и кто обрабатывает землю, или тот, кто играет на биржах ценных бумаг, путешествует на «летучих голландцах»?

Глава 7

ЭНЕРГИЯ ПИТАНИЯ

Мы, являясь частью *Единого целого*, имеем набор клеток, идентичных всему живому миру планеты, и, соответственно, все химические реакции, осуществляющие круговорот веществ в природе. Это означает, что все разнообразие

природных составляющих имеет полный набор веществ, в которые входят и витамины, и микроэлементы, предусмотренные *Единством*. Все продукты питания, предоставленные нам природой, служат для энергообеспечения нашего организма, участвуют в процессах жизнедеятельности, роста, размножения, умственного развития. Мы, дети Земли, зависимы от элементов, которые отражены в таблице Менделеева, из которых состоит наш мир. Например, селен, который участвует в построении основных антиоксидантных соединений, выполняющий защитную функцию в организме, способствует продолжению жизни. Цинк, принимающий участие в процессах формирования Т-клеточного иммунитета, инсулина поджелудочной железы, полового гормона дигидрокортикостерона, участвует в кроветворении. Калий поддерживает электрическую активность мозга, регулирует активность важнейших ферментов. Углерод необходим для обеспечения жизни на Земле, участвует в построении всех тканей в организме.

Это лишь краткие примеры химических элементов, без которых немыслима жизнь на Земле и которые дарит нам природа. Перечисленные элементы, как и другие известные на данный момент, составляют наш мир. Комбинируясь в различных вариациях, соединениях, они участвуют в окислительно-восстановительных процессах, образуя жизненный круговорот веществ в природе. Костная система накапливает необходимые микроэлементы, которые обеспечивают прочность опорного аппарата и всего организма в целом. Примеры взаимодействия элементов безграничны, они описаны в научной литературе, наша же цель напомнить, что все предусмотрено природой, *Единством* и находится в равновесии.

Все мельчайшие частички, из которых состоят атомы, молекулы, клетки, участвуя в процессах жизнедеятельности планеты, находятся в состоянии непрерывного движения — вибрации. Вибрации образуют фон, который определяет «ауру» света, звука, цвета, характерный данному миру и поглощающий диссонансы внешние вибрации. Принимая данное явление *Единства*, человек, являясь одним из мно-

жеств, наделенных разумом, рожден для помощи Земле в ее предназначении в первую очередь! Для этой цели матушка-Земля и предоставила человеку все блага. Ему же дан вектор энергии питания, основанный на естественных природных составляющих с элементами, входящими в состав природных продуктов с соответствующими вибрациями, согласно основному фону, ауре Земли. Природные ингредиенты, из которых мы готовим пищу, рассчитаны на усвоение ее нашим организмом, содержат полноценный баланс витаминов и микроэлементов, белков, жиров, углеводов. Из этих же даров природы нам предоставлена возможность лечения. Это и есть один из аспектов *четырех векторов энергии*, соответствующий естественному устроению мира. Изменяя естественный состав природных пищевых ингредиентов, мы изменяем вектор питания. Вроде бы и не заметно и не так уж важно, и чуть-чуть. Но — не поставив никого в известность и не спросив: хочу ли я? А между тем в результате исподволь меняется вибрация клеточного содержимого, что, несомненно, влияет на память, разум, защитные свойства организма и многое другое. Например, свинец в избытке является канцерогеном в организме. Избыток или недостаток соединений алюминия, ртути и других элементов, в зависимости от содержания в продуктах, воде и экологической среде, представляют серьезную опасность для здоровья.

Энергия питания дана не для удовлетворения безмерных потребностей желудка, не для соблюдения стройной фигуры, а для возможности участия в жизненном круговороте мира внутреннего и мира проявленного — видимого. Вибрации нашего организма, соответствующие вектору энергии питания, соответствуют ауре нашей Земли и соединяют ее с внутренним миром. Те трансгенетические продукты, продукты со вкусовыми добавками, идентичными натуральным, искусственные ароматизаторы, напитки и тому подобное — не являются природными продуктами, а представляют собой соединения, содержащие вредные примеси, которые не имеют жизненно важной энергии, нарушают обмен веществ организма и вибрацию человека в це-

лом. Таким образом человек принимает участие в разрушении заданного *устройства* мира, что есть проявление Хаоса посредством проявления силы Z.

Глава 8

ЭНЕРГИЯ ЗНАНИЙ

Человек имеет срок жизни, и его жизнь зависит от правильного использования энергии, которая необходима для процессов, предусмотренных эволюционным развитием. Не развиваясь, человек использует энергию знаний не по назначению, например, тратит ее на азартные игры, секс, несбыточные мечты. Зачастую человек вмешивается в жизнь другого человека, желая сотворить из него свое подобие. Не будучи осознанным сам, старается спасти другого, ищет причины в карме своей. В результате зачастую идет на поводу у этого человека, боясь оттолкнуть. А замечает ли сам, что опускается в омут чужой искаженной информации? Осознает ли, что сам не является примером? Не получится ли как в песне: вот и встретились два одиночества, да такими и остались? Одиночества боится неуверенный в себе, несамодостаточный, ленивый, эгоистичный, тщеславный человек.

Получая информацию, человек тратит на ее реализацию энергию в объеме полученной информации, в противном случае вектор жизненного круговорота или коловорота считается неиспользованным.

Предками нам передано *Живое* слово. Откуда взялось это понятие? *Живым* слово названо потому, что оно несет в себе семя знаний, которое дает всходы новых знаний, то есть рождает, приумножает, развивает. Учитель передает ученику семя знаний, которые он получил в свое время. Ученик всегда умнее учителя, так как старые знания учителя дают новые всходы семени знаний ученику, соответственно приобретаемому им опыту применительно к данному времени жизни. Роль учителя выполняют родители, люди старшего поколения, школьные учителя, преподаватели

высших учебных заведений, наставники. Энергия знаний, передаваемая от учителя к ученику, соответствует необходимому процессу эволюции. Учитель, принявший на себя добровольно передачу знаний, использует вектор энергии труда и несет великую ответственность. Учитель же, считающий себя умнее ученика и не несущий семя знаний, теряет энергию четырех векторов и реликтовую жизненную энергию по причине отторжения его учениками, которые либо относятся к учителю с глубоким уважением, либо срывают уроки, считая предмет неинтересным, обижаясь и горько разочаровываясь.

Передача знаний идет в течение тысячелетий, одно поколение сменяет другое поколение, передавая жизненный опыт. Эволюция, идущая по спирали, не имеет прямых повторений, ибо мы живем в *мимо текущем* времени, которое не зависит от нашего рождения и образа жизни. Поэтому в нашем мире нет копирования и нет реинкарнаций. Человек не может родиться повторно. Опять же, совершая по жизни правильные или неправильные действия, мы нарабатываем положительную и отрицательную карму, от которой зависит суть реинкарнаций — перевоплощений. Получается, что *кто-то* отслеживает наши поступки и в следующей жизни ставит условия, при которых человек исправляет свои действия, и так — несколько жизней. Это уже чья-то программа, а в этом случае человек уже не является разумным существом, так как не имеет возможности осознать свои поступки и не допустить повторения ошибок, так как не помнит свои прежние жизни. Если же человек *подконтрольное* существо, то оправданы все его ошибки, а это в свою очередь означает, что уничтожение природных ресурсов, лесные пожары, войны так же *кем-то* предусмотрены, ибо не согрешишь — не покаешься, не ошибешься — не будет кармы, а без кармы нет маргинальной философии, без греха — религии. Вследствие ошибок человека возникают и эмоциональные всплески, ведущие к потере энергии, без которой немыслима эволюция и осознание себя как человека разумного. Напрашивается вывод: кому-то нужна выброшенная человеком энергия, и кто-то заинтересован в ошибках чело-

века, в отсутствии у него силы воли, чтобы он не смог осознать себя и иметь возможность права выбора. Видимо, не зря по восточной философии человек стремится выйти из замкнутого круга бесчисленных перевоплощений, и только единицы обретают свободу. Да и возможно ли представить, что происходит с человеком, который к концу перевоплощений остается без энергии и без осознанной информации, разделенный на *планы*, как капуста? Захочет ли человек обладать властью, быть богатым и здоровым? Если призадуматься, то прослеживается некая умная тактика: если расслоить человека на «капусту», то легко воздействовать на его оболочки — эмоции, желания, мысли, что больше уязвимо? По философии кришнаитов, человек за неправедный образ жизни может перевоплотиться в собаку, а может в сущность или энергетического вампира. Все страсти мы проецируем в своей больной голове сами и сами растим образы, иначе как бы мы смогли выбрасывать адреналин после просмотра соответствующих фильмов, к примеру, таких, как очень любимые «Звездные войны» и обожаемый «Гарри Поттер».

Да, можно участвовать в мироустройении, эволюционируя, проходя миры *Вечности* соответственно наработанным знаниям. Это тайна наших предков, за которую мы расплачиваемся, за которой идет охота и которая закрыта. Можно вспомнить, порождать ужасы в хаосе, но что это даст? Мы часто слышим о вечном блаженстве, но разве наши боги имеют отношение к *Вечности* или дают *Вечности* откаты? Все зависит только от нас самих.

Обратим внимание на известную философскую доктрину: «возлюби врага своего». Сколько нужно времени каждому, чтобы понять и оценить ее? Рассуждая же, можно прийти к следующему выводу: враг — зло, горе, разрушение. Враг может быть внешний и внутренний. Внешний — это сила *Зем*, войны и тому подобные обстоятельства. Внутренний — это мы сами со своими заморочками. Враг может быть видимым и невидимым.

Любовь — это свет, тепло, радость, созидание, свойство чистой души. Если мы определились, что для нас зло — раз-

рушение *Единства*, уничтожение флоры и фауны, экологическая трагедия матушки-Земли, угроза жизни человеку, то как мы можем возлюбить врага своего?

Представим себе две силы. Первая — энергия, наполненная враждебной информацией зла и разрушения. Вторая направлена на созидание, эволюцию, любовь (с понятием «любовь» нужно быть осторожнее, так как любовь может оказаться колоссальной разрушающей силой). Эти силы имеют свои индивидуальные вибрации, свою структуру, определенные мельчайшие частицы. Для того чтобы полюбить врага, нужно проявить силу воли и намерение, что означает перестройку структуры и, как результат, сбой своей информационной структуры от неустойчивой до структуры, слившейся со структурой своего врага, и ты уже — *нечто!* Если к этому добавить, что враг полон ненависти и не способен любить, сделайте вывод!

Мы несколько легкомысленно относимся к любви. Поэтому прежде чем наращивать астральные да каузальные оболочки, неплохо бы обладать свойством любви. Воспитывать любовь с детства и понять, что любовь надо заслужить, приложить усилие и намерение для того, чтобы тебя любили, исключить гордыню, тщеславие, обиды и ненависть — свойства темной стороны.

Представим, что мы живем в *мимо текущем времени*, что соответствует факту (время от нас и наших желаний не зависит). Время, которое показывают стрелки часов, количественное время, придуманное для удобства. Люди же по отношению к *мимо текущему времени* имеют свое время — срок жизни. Время — как срок жизни человека мы можем представить как среднюю величину биения пульса человека, умноженную на среднюю продолжительность жизни, в результате чего получается количество энергии, строго отмеренное на эволюционное обеспечение жизнедеятельности. От нас зависит правильное использование этой энергии на данный момент жизни. Человек способен значительно увеличить свой срок жизни или свести его на нет. Не упадет камень на голову человека случайно, если он выполняет свое предназначение. Пока человек способен воспри-

нимать знания, познавать неизведанное, радоваться жизни, участвовать в коловорощении жизни, с ним ничего не случится.

Существует некий странный момент относительно времени.

Небосвод разделен на двенадцать знаков зодиака, которые имеют очередность по ходу часовой стрелки: Овен, Телец, Близнецы, Рак. Эры же имеют тенденцию идти против часовой стрелки. Например, на данный момент наступила эра Водолея, а перед этим закончилась эра Рыб, и каждая эра имеет своих покровителей, свои мистерии. Земля же имеет свое время, недоступное пониманию. Где мы его потеряли, когда забыли, после какого вселенского события?

Часто нам предлагают открыть «третий глаз», который, раскравшись, дает преимущества магические. Мы считаем, что это не так! «Третий глаз» открыть за месяц учебы в рекламируемых,уважаемых центрах невозможно по той простой причине, что «третьего глаза» не существует физически. Существует лишь способность человека воспринимать информацию, перерабатывать. Правильно воспринятая самая парадоксальная информация является стимулом для привлечения следующей информации. Если у человека возникает потребность в новой информации и он изъявляет намерение приложить некие усилия, то есть востребует энергию знаний, то он получит желаемое. Этот процесс не приемлет внешнего вмешательства, ибо семя знаний не прорастет само по себе, нужно самим трудиться. Привлечение знаний в течение жизни, познание себя и окружающего мира по мере развития собственного восприятия и называется *раскрытием «третьего глаза»*. То, что мы видим глазами, относится к внешнему восприятию, то, что мы познаем через внутреннее восприятие, разумом, считается восприятием «третьего глаза», и это восприятие сугубо индивидуально.

Очень заманчиво иметь открытым «третий глаз» и быть посвященным, обладая волшебными знаниями. Хотелось бы понять, равны ли данные понятия: рассудок, разум, интеллект, знание, познание, осознание. Разум представим

как бесконечно развивающееся состояние — от человека неразумного к человеку разумному, который набирается знаний в соответствии с поэтапной эволюцией совместно с эволюцией окружающего мира. Интеллект же мы представляем как состояние механического разума, развивающегося не в согласии с единством окружающего мира, а вопреки, в противопоставление естеству. К рассудку мы взываем, когда хотим кого-то в чем-то переубедить. Вывод: разумный человек — тот, кто осознает свою разумность! Простой пример: я хочу есть! Это пример одномерного параметрического пространства. Двумерное пространство — бинарность: я хочу есть, я приготовлю еду. Война — мир — тоже пример бинарного пространства. Трехмерное параметрическое пространство — дипломатия, то есть недопущение обострения отношений, анализ происходящих событий, несколько решений. Четвертое измерение — осознанность своего поведения в сложном изменяющемся мире, при которой подобные обстоятельства не имеют места. Нам пора соответствовать хотя бы трехмерному пространству, мыслить объемно, брать на себя ответственность за принятие решений, переборов в себе стадное существование, не ставить рамки познанию. На данный момент времени мы переходим на объемное осознание, и, естественно, любой переход, бифуркационный процесс — явление болезненное, так как приходится преодолевать препятствия. Нам бы изучать историю не как догму данного политического строя и интеллектуального уровня, а как анализ мнений независимых ученых: археологов, геологов, уфологов, математиков, физиков, системологов, — изучать сказки, летописи, легенды, песни. В последнее время нам все чаще приходится слышать, что русского этноса не существует. Так можно договориться, что и других этносов тоже не существует! Поэтому будьте ответственны за свои слова! Для начала определитесь, насколько вы разумны, а насколько вами движет понятие бинарности.

В наше время мы «размазали по стенке» целую эпоху жизненного цикла, называемого социализмом. Оказывается, все было «очень плохо», особенно что касается бесплатного и обязательного среднего образования. Плюс бесплат-

ная медицина, всеобщая диспансеризация. Право на труд и обязательное трудоустройство. Армия — как воспитатель «трудных» подростков. В «замечательное» наше время дети в глубинках страны не имеют возможности учиться, нет учителей, школы далеко от места проживания. Получение знаний идет по следующей шкале: дети, не способные к развитию, — нулевое символическое пространство. Дети, не имеющие образования, — одномерное пространство. Дети, умеющие читать, писать, — двумерное пространство. Дети, имеющие среднее и высшее образование, — трехмерное пространство. Гениальные дети имеют свои градации от плюса до минуса, но это отдельная тема. Здесь важно и процентное отношение перечисленных различий. Если все вышеперечисленное увязать с сокращением рождаемости, то при социализме мы имели заботу о здоровых детях, которые по сути являются золотым запасом, эволюционным будущим страны. Что дала нам «свобода» от старых, отживших век социальных схем? Пока только разрушение ранее созданного. Конечно, эволюция не должна идти по кругу, эволюция идет по спирали, то есть знания должны иметь *живое семя развития*, а для этого методики знаний не должны упрощаться.

Итак, *Единство множеств* развивается по определенной Вечностью программе. Одна из составных множеств *Единства* — человек. Человек несет ответственность за сохранение окружающей среды, за рождение и воспитание потомков рода. Сохраняя растительный мир, человек сохраняет животный мир, выживает сам. Человек участвует в жизненном круговорождении естественного устройства мира. На данный момент человек как бы разделен на две половины — тело и душу, сознание и подсознание. Наша трудность осознания себя как *единого целого* зависит от возрождения знаний при условии соблюдения объема жизненного пути и свободы выбора. Начиная свой путь с минимума знаний, прилагая непоколебимое намерение, не отвлекаясь на преподносимые учения, доверившись сердцу и интуиции, человек добьется своего, и мир раскроет ему свои тайны!

Давайте попытаемся представить и осознать, что Вечность не имеет границ! Если мы вообразим, что мельчайшие

частицы несут огромную информацию, которая в сочетании с энергией строит миры, то, возможно, мы поверим, что жизнь зарождается из семени. Семя состоит из мельчайших частиц и, разворачиваясь, рождает, например, человека. Плод человека также состоит из невидимой энергоинформационной структуры, входящей во внутренний мир. Развиваясь из клетки, плод трансформирует элементы, входящие в состав нашего мира, которые, в свою очередь, организуясь при помощи четырех стихий, образуют видимое тело. К примеру, стихия воздуха напоминает о себе первым криком ребенка. Когда человек умирает, она первой уходит из тела: сначала воздух из клеток собирается в верхней части легких, заполняя трахею, издавая «булькающий» звук; старые люди называют эти звуки колокольцами; после чего происходит последний выдох. Нам объясняют, что вес человека после смерти меньше на несколько грамм, так как тело человека покидает душа (Моуди, «Жизнь после смерти»), на самом же деле это выходит лишь воздух, а душу взвесить невозможно, как и стихии, как и мельчайшие частицы.

Следующей из тела уходит стихия воды. Далее распадается на составляющие элементы стихия земли или видимое тело, связь с проявленным миром нарушается. Что же остается? То же, с чего и началось, — энергоинформационная структура, входящая во внутренний мир, где жизнь соответственно наработанным вибрациям продолжается и способна принимать любые новые формы. Здесь еще раз стоит призадуматься, кто же мы?

Заложники бинарности «жизнь — смерть»? Но эта бинарность слишком примитива. Жизнь многомерна, и мы открываем эти многомерности по мере осознанности себя, как обладателя глубокого внутреннего пространства.

Смерть же — это одномерное пространство, свертывание естественного хода событий и распад энергоинформационной структуры. Оставшееся видимое тело человека распадается на составляющие элементы. Земля поглощает эти элементы, как и все остальные продукты жизнедеятельности планеты.

Глава 9

ПОРЯДОК – ХАОС

Порядок и хаос являются терминами людей. С нашей точки видения их смысловое содержание богаче.

Порядок – это отражение многомерного пространства, представляющее собой естественный ход эволюционного развития, заданный Вечностью. Хаос представляет собой неорганизованное пространство, то есть беспорядок, противодействующий естественному порядку на земле. Порядок – Хаос понятия земные, придуманные интеллектуалами, поэтому к процессам, происходящим в Вечности, эти понятия отношения не имеют. Считается, что Мирь рождаются из Хаоса. Но возможно, что Хаос – есть Иной Порядок, нам неведомый, где есть иная, неведомая нам Жизнь. Это отдельная тема.

Процессы, происходящие в нашем мире, в том числе и те, что способствовали происхождению Земли, имеют научную и эзотерическую стороны. Это чаще всего противоположные точки зрения, не имеющие доказательств и одинакового видения на происходившее и происходящее в нашем мире. Пожалуй, это самые непримиримые бинарности, четко характеризующие двумерное пространство. Что говорит о слабой способности нашего мозга воспринимать и перерабатывать информацию (в этом процессе занято примерно 4–5% мозга). Задавая себе вопрос о происхождении человека, мы нарушаем очередность происходящих событий.

Вначале появилась Земля, затем минеральное, растительное, животное царства. Почему? Для чего? Каким образом? Не ответив на эти вопросы, не получим ответа на вопрос о происхождении человека. Можно задать еще один «простой» вопрос: если объем всего окружающего нас мира принять за сто процентов, то сколько процентов составит видимый нами мир? 0,1%? Намного меньше?

Многие учения говорят об иллюзорности нашего мира. Как это понять? Если мы себя ушибнем, иллюзорна ли боль? Если я не верю в *астрал*, *ментал*, станет ли моя жизнь менее насыщенной или вообще иллюзорной? А возможно,

илюзорность нашего мира заключается лишь в нереальных мечтах, в созданных смешных проблемах, утопических образах создаваемого нами «интеллектуального» подобия и веры в него. В немыслимой страсти объяснять недоступное, в потрясающем заблуждении, что все знаем, в наивном предположении, что мы создаем и ведем жизнь к процветанию? А может, потому, что мы всего лишь видимая, проявленная часть внутреннего мира?

Когда мы говорим: «Наш мир», — то невольно объединяем это понятие в единое целое. Какие же миры свойственны данному времени? Какие илюзорны, в каком случае иллюзия порождает иллюзию?

1. Мир форм. Возникает с капли дождя, снежинки, лепестков цветка, кроны дерева, горы, ручья, паука, ежика, барса, человека, всех тех форм, которые мы привыкли видеть и не замечать, потому что они естественны и привычны, можем ли мы считать их иллюзорными? Мы перестали ощущать этот мир, мир естества, так же как не осознаем себя. Мы осознаем в основном только мир, который создаем сами, потому что этот мир небоскребов и развалюх, мусора, грохота, смога вносит дисгармонию, а то, что мешает, раздражает, болит — всегда ощущается. Можем ли мы изменить формы проявленной жизни нашей планеты, как одежду? Небольшое отступление: мы моделируем одежду от обнажающей до экстравагантной, эмоционально обсуждая каждый фасон. Аборигены ходят голые, иначе одежда, пропитанная потом, привлечет массу насекомых и животных; это естественно. Мы в данное время привлекаем, оголяясь, противоположный пол, подчиняясь животному сексу, целуясь на улице и в транспорте, держа в одной руке пиво, в другой сигарету, считая чмоканье проявлением «истинных» чувств. Мы упрощаемся? Деградируем? Мир форм, какое разнообразие представляет он, какое потрясающее диво, а мы облекаем его в геометрические фигуры и символы, разработки посвященных проявленного мира, которые приводят к общему знаменателю естественное устройство мира, недоступное для понимания, но которым хочется властвовать и управлять. Опять же возникает вопрос: описывая

смысл пентаграммы, шестиконечной звезды, декаэдра, к чему пришли посвященные в результате, что изменили в лучшую сторону? В Китае существует наука о формах и пространстве — фэн-шуй, ну и чему научила красивая философия перенаселенную страну? Захватывать территории, голодать, приобретать атомное оружие? В чем заключается смысл символики фэн-шуй, какую духовность она несет?

2. Мир цвета. Мы считаем, что белый цвет — это основная матрица спектра, объединяющая семь цветов радуги. Да, по причине научного зуда мы можем все объяснить, после чего теряется смысл, полет фантазии, ограничивается восприятие. Наверное, для того чтобы художник нарисовал картину, действительно необходимо смешивать краски, в этом случае свой труд, свое видение красоты мира художник может выплеснуть на холст, и тогда мгновение его восторга могут ощутить многие. Наше зрение способно выделять цвета, которые могут дифференцировать колбочки хрусталика глаза. Мы видим оттенки небесного цвета от нежно-голубого до черного. Нежную зелень листвы от светло-салатового до темно-коричневого и так далее. Но предел ли это? Могут ли цвета природы подсказать нам, что происходит вокруг, перед грозой, бурей, можем ли мы читать краски заката, положение месяца на небосводе, чтобы спрогнозировать урожайный год? Неужели химические краски для нас приятнее естественных? И какой смысл заключен в черном квадрате Малевича? Подумайте на досуге, несет ли цветовая гамма, как и геометрические *формы*, угнетающее воздействие на настроение и какой срок понадобится для перехода угнетенного настроения в депрессивное состояние вкупе с другими, ниже перечисленными факторами? Не сталкиваемся ли мы здесь с иллюзией? Являются ли семь цветов радуги истинными, а может, это иллюзия, преломление и отражение солнечного света от капелек воды?

3. Мир звука. Мир семерки. Семь нот, семь дней в неделе, семь цветов радуги, седьмая планета. Мир семерки, ограничивающий наше восприятие, вынуждающий втискиваться в разработанную концепцию эзотериков. Осознаем

ли мы мир звука? Замечаем ли, как с развитием технического мира упрощаем звуковое содержание музыкальных инструментов, понимаем ли, что звуки зависят и от природных материалов, специально обработанных и сделанных из определенных видов древесины для более качественного звучания, понимаем ли, что звуки живут внутри инструмента? Почему трудно записать и воспроизвести музыку Паганини? Что, если он не вписался в семь нот? Семидневка. Но с таким же успехом в неделе может быть и девять дней. Нужно ли работать каждый день определенное количество часов? Результативно ли мы отываем часы работы? Все ли успеваем сделать? Всегда ли мы довольны результатом? Работают ли в сельском хозяйстве почасово? Кукарекает ли петух согласно переводимому времени? Планирует ли ученик, изобретатель, скульптор свое время? Является ли музыкой разговорный звук? Существует ли тишина? Изменяется ли звук в помещении, в лесу, в поле? Почему для эмоциональной релаксации используется воспроизведение шума прибоя, голоса птиц? Но все ли звуки нам комфортны? И относится ли ультразвук к одной из семи «жизненно необходимых» нот? Существуют ли структуры жизни, не имеющие своего индивидуального звучания? Были ли звуки до появления человека?

Существует ли мир излучений, запаха, температур, плотности? Если мы смотрим на Солнце — истинно ли оно в этот момент или находится уже на расстоянии пяти минут от прежнего места вследствие времени прохождения фотонов, несущих свет? Истинны ли преподносимые нам учения, как научные, так и «ложнонаучные», не являются ли они отражением непонятых старинных свитков и заблуждения людей, жаждущих познания и ошибающихся, как, например, учение о плоской Земле, хрустальных сферах? Возможно, мы задаем риторические вопросы, но вместе с тем мы рассматриваем некую характеристику мира, способную приоткрыть наше восприятие, предлагаем самим расширить свое видение, увидеть *миры множеств*. Любое вмешательство в Единое множество порождает хаос, уничтожающий естественное устройство мира и способствующий уни-

тожению взаимосвязанных миров, вносит беспорядок в процессы эволюции, разрушает круговорот жизненных процессов. Существуют ли на Земле другие формы жизни?

Мы живем в проявленном, видимом мире, но существует ли непроявленный, или внутренний мир? Мы привыкли к размерам видимых предметов, сравнивая маленькое с большим, не имея истинного представления о размерах вообще. Если мы считаем тысячу большим числом, то на самом деле оно является всего лишь частицей раздробленного множества, а большое оно лишь в сравнении с единицей, как килограмм в сравнении с миллиграммом. Внутренний мир в отличие от внешнего имеет свое беспределье, выстраиваясь в различные соединения. Видимый мир со своими размерами также имеет свой предел. Мир вокруг нас плотен и тверд, так как состоит из частиц, сквозь которые проходит звук, свет, излучение.

Внутренний мир — мир изменений и созиданий, мир проецирования видимых миров. Мы считаем, что информация рождения человека и его болезней находится в ДНК, и, с одной стороны, это верно. С другой стороны, вступают в брак молодые люди физически здоровые, а болезни проявляются в зрелом возрасте, когда уже есть дети. Почему же болезни передаются по родовой линии, те, которыми в молодости не болеют, а приобретаются в течение жизни? Получается, что существует связь ДНК с временным сроком жизни, которая может фиксироваться на генном уровне, и это зависит от образа жизни и окружающей среды, от воздействия хаоса. Убирая ген, отвечающий за любое заболевание, туберкулез или умственную отсталость, мы сотрем информацию о болезни, не исключив причину, заболевание выйдет с другими симптомами, а мы будем удивляться, откуда оно появилось. Но ведь мы живем в том же мире, в тех же условиях. ДНК находится в каждой клетке, и везде заменить его нельзя, все попытки приведут к усугублению хаоса, тем более что со временем болезни имеют тенденцию к ослаблению клинического проявления, возникает некая адаптация.

ДНК имеет двойную спираль, одна из которых отражает

информацию, наработанную родом и передаваемую по наследству. Другая (почему бы не предположить?), копируя происходящее в проявленном мире, информирует внутренний мир о происходящем в нем. В определенных случаях запись на ДНК восстанавливается мигрирующими частицами. Если весь этот процесс проанализировать, то можно прийти к выводу, что болезни соответствуют своему времени, отражая происходящие изменения в окружающей нас среде, уходят одни, проявляются другие, это неизбежно и зависит от нас самих. Почему же мы боремся с последствием, а не с причиной?

Представим миры в другом ракурсе.

Мы живем в видимом мире, имеем физическое тело и пять органов чувств, которые воспринимают этот мир. В этом мире мы устраиваем личную и общественную жизнь, прогнозируем будущее. Наш девиз: «Я главный, умный, талантливый, сильный, а подо мною все равны». Жизненные трудности и неудачи мы преодолеваем по принципу «напиться и забыться» или пойти и все проиграть в игорных домах. Пьем в радости и горе, когда холодно и когда устали. Первый признак потери себя, как индивидуальности и как морального модуса человека, проявляется в стандартных проявлениях типа вопроса: «Ты меня уважаешь»? Или: «Правда, я сильный?»

Это говорит о том, что в видимом мире человек ищет *видимые* причины своего поведения. Мы не обращаем внимания на смысл выражения «п р о я в л е н н ы й мир». То есть наш мир проявленный — видимый — внешний, а значит, существует мир не проявленный — внутренний. И каждый мир имеет свой объем и связь с другим, которая осуществляется посредством человека разумного, через его выборции — душу, дух. Этой возможностью обладали и сознательно изменяли свое состояние наши предки. Это Великая Тайна русской души! Мы были «варвары» и «язычники» — так считали «цивилизованные» Византия и иже с ними. С распадом *Единства* прервалась связь с внутренним миром, поток человеческой цивилизации вырвался из «клетки» и стал радоваться и упиваться проявлением миром.

Пик расцвета видимого мира пришелся на так называемый Золотой век, когда были созданы потрясающие произведения искусства, строились храмы, покупались красивые женщины, процветали философия и другие науки, проводились Олимпийские игры. Познавший красоту внешнего мира не может отказаться от его благ, удобств и радостей. Этот человек берет от жизни все, живя одним днем, страдая и устраиваясь со всей пышностью и возможным блеском, имея одежду от французских кутюрье, замки в заповедных местах, за забором которых можно испытывать патологическое одиночество, не ощущая окружающей красоты и гармонии, не ведая, насколько он, человек, ущербен. Видимо, есть смысл в словах, сказанных вороной из мультика: «Счастье — это когда *все дома!*» Внешняя мишуря нынешней жизни отрицает мир внутренний, бессмертный, разрывает с ним связь. И только «варвары» поддерживали эту связь, а на данный момент поддерживают те, у кого трезвая голова и доброе сердце. Чем «выше» развитие цивилизованного мира, тем материализованнее становится проявленный мир, тем дальше от понимания различий науки и лженауки, а точнее, Ведения — от Неведения.

Это наше личное видение, с которым можно не соглашаться, но высокоразвитые цивилизации, лишенные духовной связи с внутренним миром, гибнут, а человек, лишенный внутренней связи, не может себя осознать. Наш народ сокращает свою численность, часть его с приходом «цивилизованного» образа жизни деградирует, и это вполне устраивает силу *Зем*, так как земли, которые защищали и за которые умирали наши предки, заселяются без лишнего шума и с «благими намерениями» инородцами.

Мы — видимая проекция внутреннего мира, где воплощается энергоинформационная структура для дальнейшего развития. Мы живем на земле только свой срок жизни и уходим во внутренний мир, открывающий нам свои врата. В первой части книги «Кто мы? Зачем мы?» авторы писали о частицах-Странницах, которые в зависимости от поворота грани проявляют, образно говоря, информацию проецирования соответствующего мира. Так же образно можно пред-

положить, что каждая грань частицы-*Странницы* является воротами в другие миры.

В этом мире мы оставляем потомков для продолжения реализации задач внутреннего мира. Потомков, наделенных разумом для восприятия проявленного мира, имеющих непосредственную связь с внутренним миром, участвующих в естественном мироустройстве. Мы сохраняем Род только в соитии с земным *Единством*, где определенные вибрации окружающей среды позволяют оставаться человеком без искусственных органов, генетических продуктов, лекарств. Чем дольше мы сохраняем жизнь на Земле, тем больше появляется возможностей взаимодействия с миром *Единства* и осознания силы разума. «Золотой миллиард» — нежизнеспособен, потому что в отличие от животного царства выживает не сильнейший и более приспособленный, а имеющий власть и богатство, что является в его руках оружием для достижения своих целей, но гибельно для него самого! В данный момент мы стараемся, мечтаем войти в контакт с разумными инопланетными цивилизациями. Посылаем звуковые послания, прослушиваем космос. Интересно, а придет кому-то в голову, что планеты тоже разумны? Может, стоит обратить внимание на Землю с этой точки зрения, она ведь ближе?

Высокоразвитые цивилизации, не нашедшие путь к *Единству*, обречены на смерть. Почему бы не предположить, что технически развитые цивилизации, потерявшие связь с внутренним миром, вынужденные существовать за счет видимых ресурсов, высасывая из очередной планеты жизненные силы, как вечные скитальцы — вирусы вынуждены искать очередное пристанище после того, как исчезнет очередная среда обитания? Возможно, нелюди — остаток очередного «золотого миллиарда», который вынужден теперь существовать за счет искусственных продуктов и генной инженерии, убивающий очередную развивающуюся цивилизацию?

Считается, что посредством ритуалов и символов можно развернуть и свернуть проявленный мир. Да, в наше время очень многое возможно, но кто этим пользуется? Или кто

хочет, но не может? Кто сжигал на кострах, пытал и убивал якобы колдунов и ведьм, а заодно просто случайных людей — искал ли он ответы на вопросы о тайнах мира и бессмертия?

Существует мистическое число двенадцать, с которым связано существование двенадцати Посвященных, защищающих нашу Землю с «внешней» стороны. Но для кого? И кто, кстати, защитит саму Землю?

Если историки утверждают, что славян, русских не было, письменности и культуры тоже не было, а мы тем не менее есть, значит, они лгут! Ложь — проявление Хаоса. Мы живем во времена Апокалипсиса и ежедневно идем Путем Воина, который воюет не с себе подобными, а с самим собой за честь и достоинство Человека, и эта битва самая беспощадная! К сведению читателей, упоминание об этом все же есть у Захарии Ситчина в книге «Двенадцатая планета» (Эксмо, 2005, стр. 264), где он ссылается на шестую главу Книги Бытия.

«...В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это сильные, издревле славные люди...»

Славные. Славить, Славяне, разве не так? А имена: Светослав, Всеслав, Вечеслав, Станислав, Ярослав, Мечеслав, Волеслав, Бореслав.

«Здесь и сейчас» мы живем по наитию, и вроде бы правильно, но постоянно преследует ощущение ограничения знаний, чувство дремоты, кажется, что вот-вот проснешься и мир распахнется перед тобой, но — не распахивается...

Внешний мир — это то, что мы видим, ощущаем при помощи пяти органов чувств, это окраина нашего разума, где, проходя через лабиринт жизни, мы либо выходим в *запределье* своих возможностей, либо нет. Причина же в том, что мы не создаем единства энергоинформационной структуры внутреннего мира с его видимым проявлением. Например, мы о себе говорим «Я» — в единственном числе, но мы на данный момент двойственны и даже множественны. Мы состоим из органов и систем, обеспечивающих работу орга-

низма, в нашем теле происходит множество обменных, окислительно-восстановительных процессов, жизнедеятельность нашего организма зависит от электромагнитных полей, создаваемых атомами железа в гемоглобине и электролизом водных растворов. Мы зависимы от соединений, находящихся в окружающей среде. Соединения, не подвергающиеся конечному распаду и выбрасываемые в атмосферу, изменяют состав окружающей среды и провоцируют все большее распространение Хаоса. Мы получаем отрицательные вибрации от телевизоров, компьютеров, мобильных телефонов, радиотелефонов (яркость, звук, вибрации), провоцирующих эмоционально-этические стрессы. Понимая, что можно и что нельзя, совершая семь смертных грехов, мы тем не менее не в состоянии контролировать свое интегральное Я, разделяясь на множество «я», содержащих свое «хочу». Одно «я» употребляет алкоголь или наркотик. Другое «я» отрицает необходимое условие своего жизненного баланса — сон. Следующее «я» требует сексуальных утех, нейтрализуя жизненно важную энергию, нарушая принцип зачатия, изнашивая организм, меняя микрофлору, приводя организм к иммунному ослаблению. Пятое «я» считает, что в жизни должны быть кумиры, якобы взявшие ответственность за его учение, развитие, жизнь, и тупо следуют всем инструкциям, наставлениям. Сколько же реинкарнаций им потребуется, чтобы пробудиться и принять ответственность за время своего пребывания на Земле? А может, потихоньку растворятся в прахе земном, как негодный материал? Шестое «я» прожигает жизнь в игорных домах, принимает участие во всех розыгрышах, начиная со сбора пробок, входя в болезненный азарт, ища бесплатный сыр в мышеловке, теряя время жизни. Остальные «я» каждый найдет сам, но все «я» делают что хотят, и получается, что эмоция «Я Хочу» — главное Я видимого организма, разрывающее связь с собственным единством, внутренним миром, требующее столовых клеток для продления молодости, органов для сохранения жизни, лекарств для продления бездарного существования. Мы, не осознавая, создаем себе не мифический, а земной ад! К примеру, мы любим обвинять кого-то в тех об-

стоятельствах, которые вызывают дискомфорт и жизненные проблемы. Обвиняем людей, якобы виновных в негативных для нас ситуациях. При этом теряем сон, настроение, любовь, работу, учебу, друзей. Без конца возвращаемся к уже прошедшим событиям, переживаниям, анализируем их, храним обиды, проклиная, ругая, перенося их на ни в чем не повинных близких, а принесший такую бурю эмоций живет себе и считает, что поступил правильно, или же вообще все забыл. Говорят: «Не судите, да не судимы будете», — это о тех, кто, осуждая других, казнят себя, лишаясь покоя, сна, здоровья. При этом часто возникает очень маленький нюанс: виноват-то ты сам, пусть чуть-чуть, и суд по факту вершишь над собой.

На данный момент жизни мы часто попадаем в ситуации, которые не торопимся изменить по причине нежелания прилагать какое-то усилие или хотя бы проявить намерение, не говоря уже о силе волевого действия. Здесь начинает работать универсальный прием, его можно назвать законом Иллюзорной Замены. Смысл этого закона заключается в цепи взаимозаменяющих уловок, которые помогают пустить пыль в глаза самому себе и окружающим. В принципе, поступки, перечисленные ниже, приятны тому, кто их совершает, а замена одних желаний на другие — это всего лишь иллюзия борьбы с ними. Например: я начинаю новую жизнь с понедельника! Или, чтобы не сойти с ума от скуки или одиночества, я целый день смотрю телевизор и засыпаю с помощью телевизора... Я не буду ходить по игорным центрам, если у меня будет выход в Интернет... Моя сила воли не позволяет мне бросить пить, заменю-ка я алкоголь марихуаной или транквилизатором. Раз у меня нет личной жизни, найду временного партнера, второго... пятого. Я устал на работе, расслаблюсь пивом. У меня стресс — приму противостressовые сто грамм... Нет времени приготовить обед, куплю лапшу «Доширак», перекушу в «Макдоналдсе»... У меня очередной стресс, и я в очередной раз провожу переоценку ценностей. Я заменяю натуральные продукты вкусовыми добавками, «идентичными» настоящим продуктам... Я меняю свободу на бумажки денежного экви-

валента. Я заменяю жизненные проблемы на страдания, которые лелею и возвожу в ранг абсурда! В результате любые человеческие отношения перевожу в негатив, который и является основой существования и с которым идет «борьба» до бесконечности.

Многие занимаются духовными практиками, надеются найти себя и свой путь, ошибаясь и падая. Стارаются медитировать с прямым позвоночником, соединяясь с космосом и пропуская через себя космическую энергию. А ведь важна не поза, соединяться можно, и стоя вверх ногами. Космическая энергия безвекторна, нет в *Вечности* «верха» и «низа». Но космическая энергия потому и называется космической, что она заполняет космос, космос же не сочувствует человеку, у него свои проблемы. И вот мы подошли к проблемам! Проблемы — это один из признаков нарушения *Единства множеств и собственного Я*. Проблемы возникают у человека, который в силу характерологических особенностей не способен на принятие самостоятельного решения, который хочет быть как все, но ему не хватает силы воли. Проблемы преследуют человека по жизни, когда он полон гордыни и, не имея к себе критики, обвиняет и перекладывает вину на других, не ведая об этом, или специально изощренно заставляет их страдать.

Мы считаем, что энергия нейтральна и все зависит от тех, кто и как ее использует. В то же время энергия в чистом виде не существует, энергия — это плод действий, процессов в результате приложенной информации. Например, мы говорим о солнечной энергии и видим не энергию, а следствие приложенной информации — фотосинтез, необходимые жизненно важные циклы, наводящие Порядок. Энергия, выделенная в результате ядерного взрыва, несет информацию разрушения естества из-за возникающих радиоактивных изотопов, что ведет к Хаосу. Мы не имеем права, не осознав последствий своих преступных замыслов, реализовывать утопическую и негативную информацию, содержащуюся, кстати, и в нейролингвистическом программировании и в магии. Возможно, у кого-то возникнет вопрос: если наши предки такие умные, то почему их нет? Да потому,

что они имели отношение к *Единству* и участвовали совместно с природными силами в естественном *устройении* мира и не имели агрессивных устремлений, созерцая, участвуя в процессе созидания. К тому страшному «Нечто», которое произошло, прародители не были готовы, предсказав время, когда надо будет в мудрой книге читать черные страницы. Другие философские системы говорят о ночи Драхмы, ночи Сварога, Библия говорит, что люди будут искать друг друга, и это отдельная тема.

Те, оставшиеся в живых, не могли противостоять грубой и безжалостной силе, которая сжигала, убивала, преследовала людей. Наши предки не обладали магией, так как магия — это противодействие природному естеству, — и пользовались ею как раз те, кто стоял за якобы порядком. Более того, мы являемся проекцией мира внутреннего, энергоинформационной структуры, которая через нас осуществляет свои замыслы. Мы же, проявленные и видимые, не обладаем таким количеством энергии, которая порождает миры. Мы можем осознанно дать возможность реализоваться тем внутренним силам, которые нас контролируют и которые развиваются вместе с нами, с которыми мы сливаемся после своего срока жизни. Несомненно, *ведающие* среди нас есть, но с кем из нас они захотят разговаривать? Ведь наше миропонимание идет параллельно, это же два разных мира, мы не способны их понять! Нас больше интересует, как вылечить больного родственника, где найти работу в должности директора, как обрести бессмертие, где достать денег, каким образом вернуть любимого, как продлить молодость, иметь ноги от шеи и так далее. Попробуйте провести свой собственный эксперимент, о чем бы вы попросили золотую рыбку?

Мы живем в проявленном мире, и сила наша внутри нас, в *духе*, который соединяет нас с внутренней силой через Род наш (душу русскую, не новых россиян). Сила духа в *Единстве*, наши предки могли брать силу четырех стихий — огня, воды, воздуха, земли. В глубине океана, там, где солнечный луч не может проявить свою живительную силу, тоже существует жизнь, которая наделена многими возмож-

ностями и разнообразием и которая развивается по своим законам, по примитивной (по отношению к нам) заложенной информации. Так и в проявленном мире мы ограничены по сравнению с миром внутренним. С разрушения *Единства*, как Основы Жизни, на Земле начал постепенно проявляться Хаос в виде искусственного противостояния естественному развитию жизни на Земле.

На данный момент трудно уловить причину возникновения внезапного катаклизма, изменившего развивающуюся жизнь на Земле и рода людей. Однако можно, не вдаваясь в подробности, провести некий этический анализ произошедших событий, причем каждый интересующийся может провести этот анализ в большем объеме на основании имеющейся информационной литературы, что полезно для индивидуального восприятия.

Вера возникла, когда люди потеряли связь с *Единством*, Родом. Будучи одинокими и беспомощными, они пытались наладить связь с Природой, частью которой были. Единственное, что могли они сделать, это на местах силы пытаться связаться с *Единством*, образно представляя силы, от которых требовалась помощь, входя в состояние транса путем эмоциональных переживаний, и перед ними оживали образы. Впоследствии эти образы воплощались в каменных идолов, в капища — своеобразные места силы. Обожествлялось все, что было взаимосвязано и стало простым множеством: духи огня, воды, воздуха, земли, — они действительно божественны. Проведение ритуальных праздников: хороводов, песен, игрищ, прыгание через костры — давало людям возможность восстанавливать связь со стихиями в результате эмоционального настроя. Человеческие же кровавые жертвоприношения, оргии и другие ритуалы произошли уже как *противодействие, противопоставление и разрушение* естественной сути развития, и нам были не свойственны. Мир стал двойственен: с одной стороны — существовал естественный образ жизни, свойственный природе, с другой стороны — страх, насилие, зло, которые вызывались не естественными, а искусственными вибрациями (проявление силы *Зем*). Вибрациями, действующими на психоэмо-

циональную сторону человека и разрушающими его естество. Тот, кто живет *подобием* естества, не осознает этого.

Наш мир, как и *Вечность*, находится в постоянном движении, вырабатывая энергию, которая необходима всему существу. Процесс эволюции на нашей Земле зависит от Солнца и космических вибраций — излучений, которые осуществляют развитие *Единства* во множестве проявлений. Это — Порядок. Предвидя изменения естества жизненного круговращения, наши предки оставили нам послания. Послания, которые могли бы сохраниться, — это берестяные грамоты, старинные названия населенных пунктов, руны, сказки, то есть самое простое, которым можно воспользоваться. Например, нам дан знак круговорота жизненных процессов в виде коловрата. Коловрат представляет собой колесо, имеющее точку — внутренний мир. Из внутреннего мира идут восемь спиц — векторов, которые ограничены внешним кругом — проявлением миром. На вышивках наших бабушек мы видим геометрические фигуры, которые называем в данный момент свастикой. Свастика — это два перпендикулярных вектора с загнутыми концами, она бывает двух видов — левостороннего вращения и правостороннего вращения. Свастика символизирует разделение мира на две противоположные ипостаси, нарушающие естественный ход событий, как и человек, разделенный на две ипостаси — тело и душу, как порядок и хаос, добро — зло, белое — черное.

Авторы считают, что любой искусственный мир имеет своих богов, своих магических покровителей, не связанных между собой и порою имеющих прямо противоположные и отрицающие друг друга принципы. Этим богам необходимы поклонения, ритуалы, праздники, весь набор мистерий, в результате которых происходит добровольная отдача энергии. Это тоже проявление Хаоса! Все знают о семи смертных грехах, но грехи-то наши, человеческие, а смертны они для богов, так как на секс, переедание, воровство мы отдаем энергию, которую должны отдать кумирам, и если не справляем праздники, забывая о кумирах, то приносим им забвение или смерть.

Что случится с человеком, который, по сути, неуязвим, так как информация рождения, разумность и эволюция, заложенные в нем *Вечностью*, не имеют аналога? Как можно оценить то, что происходит с людьми? Когда возникает Хаос?

Проанализируем:

1. Человек уничтожает окружающий его мир, загрязняет атмосферу, реки, почву.
2. Человек уничтожает флору и фауну.
3. Человек уничтожает человека.
4. Человек подвержен влиянию собственных слабостей, отнимающих его свободу и волю, после чего он по сути перестает быть человеком. К ним относятся: секс, abortionы, наркотики, алкоголизм, верования, лживость, властолюбие, страсть обогащения, отказ от продолжения рода, магия и многое другое.
5. Человек не обладает знаниями рода, считает себя венцом природы, погрязнув в гордыне и тщеславии, обвиняет в бессмысленности своей жизни правительство, тещу, соседей и так далее.

Многие скажут, если Вечность вокруг нас и в нас, если Вечность разумна и создала нас, то почему существуют такое мракобесие, болезни, бедность — богатство, умные — глупые?

Ответ кроется в логике наших действий, анализе поступков, свободе выбора жизненного пути, в том, что, находясь в состоянии заблуждения — полусна, нам не хватает времени оглянуться и подумать, посмотреть на себя со стороны, дать оценку своему образу жизни. Не будем забывать, что человек считается разумным, то есть повинен отвечать за свои действия, иначе это животное.

В детстве нам читали сказки про принцев и принцесс, про Бабу-ягу и Кощея Бессмертного, Дед Мороз приносил нам новогодние подарки, и мы всему этому верили. По взрослев, мы с огорчением поняли, что это сказки, но продолжали рассказывать их своим детям. У взрослых тоже есть свои сказки, и они им верят. Разделенное *Единство* — это множество нестыкующихся событий и фактов, недоказан-

ных и нелогичных, но имеющих сказочное правдоподобие. Это правдоподобие имеет колоссальное значение и определяет суть нашей жизни. Видимо, нашу летопись и происхождение изменяют и скрывают не напрасно, видимо, был смысл уничтожения ведающих, которые слишком много знали. Что же они знали?

1. Мы часть *Единства*, состоящего из множеств.
2. Мы наделены разумом и осознанно участвуем в жизненном круговороте *Единства*.
3. Мы, находясь в проявленном, видимом мире, связаны духом, душой с внутренним миром.

Кроме того, наш девиз: «Хлеб всему голова!» А выражение: «Не хлебом единым сыт человек» не сравнимо по смысловому содержанию. Хлеб — это зерно, живое семя, дарующее жизнь! Попробуйте прокормиться философией, осознать себя через Интернет!

Нам даны четыре вектора энергии, которые участвуют в реализации эволюционного развития. Используя энергию соответственно четырем векторам, мы будем уже идти по дороге наших предков, за клубочком, который дала Баба-яга добруму молодцу, наставляя на путь истинный.

Связь с внутренним миром позволяет нам быть *Едиными* и обладать видением, которое разделено на некие составляющие: ясновидение, телепатию, телекинез и т. д.

Мы имеем возможность использовать информацию, воздействуя на мир силой знаний, не применяя магию, так как для нас это естественно.

На данный момент мы не готовы воспринять информацию, завещанную нам предками, потому что:

1. Нам нравится видимый мир, и мы живем одним днем.
2. Мы растрачиваем энергию, создавая суету сует.
3. Любимое хобби — предаваться мечтам и верить всем учениям.
4. Мы не используем энергию четырех векторов.
5. Мы не любим друг друга, усложняя свою жизнь.

Результаты таковы.

Мы, обладая реликтовой энергией и энергией, данной нам на развитие, покупаемся на дешевые трюки, добро-

вольно отдавая Дар жизни, свою энергию искусственным мирам и иллюзорным покровителям. В нашей жизни существуют боги, которые делятся на белых и черных. Между этими силами установлено равновесие. Белые маги получают энергию в виде постоянного соблюдения ритуалов, праздников, мантр. Черные маги получают энергию в результате воздействия страхом, кровавыми жертвоприношениями. Между этими силами идет борьба или война богов, магов. Орудия этой войны — люди. Вопрос магии и наличия темных сил не стоит, они признаны религиями, и основная задача религий — это борьба с ними и провоцирующими их пороками. Под магией подразумеваются действия, основанные на обрывках глобальных знаний *высшей химии*, метафизики и других наук. Это отголоски знаний, оставшихся в памяти последователей ритуалов с использованием символов и звуковых вибраций. Сюда же можно присоединить и современное воздействие НЛП, истоки которого забыты, смысл искашен, цели примитивны (власть, могущество). Магов нельзя отнести к нелюдям и искусственным людям, скорее маги — это орудия вырвавшихся из небытия сил искашенной информации, которая не относится ни к Хаосу, ни к силе Зет. Маги не в состоянии «исправить» содеянное «добро» и не могут уйти от возмездия.

Конечно, в каждом развивающемся мире существуют свои носители разума, которых нередко клеймят варварами и дикарями, но которые являются частью мира и развиваются вместе с ним. Нелюди высших техногенных миров не имеют права вмешиваться в развивающуюся жизнь, изменять ее, разрушая сложившиеся биоценозы, и уж тем более уничтожать. Так пусть же они постигнут космическую ответственность по мере своего злодеяния, суд Вечности! Да будет так!

Давайте на данном отрезке времени постараемся увидеть во всем методичное, поэтапное воздействие некой силы Зет, которая проявляется вокруг нас, в не свойственных людям поступках.

Разве истинные люди могут истреблять флору и фауну? Насиловать детей, убивать их ради стволовых клеток, выре-

зать органы? Могут ли люди заниматься проституцией, гомосексуализмом, скотоложеством, некромагией? И рекламировать спиртные напитки, допускать употребление наркотиков детьми? Не могут! Мы просто не замечаем, не видим, что музыка заменена бездарной «попсой». На смену художественным произведениям приходят убогие фантазии некрофилов и нетрадиционалов. Спектакли, оперетты, оперы все чаще заменяются мюзиклами — своеобразными комиксами. Перед нами проходит череда сект, верований, учений, магических школ, не имеющих ничего общего с естественной природной организацией. Кто их создал? Люди?..

Давайте представим, что некая сила захотела изменить жизнь на Земле, и назовем эту силу «Оно». Что бы Оно сделало в первую очередь?

- Разрушило бы *Единство множества*.
- Лишило людей возможности применения четырех векторов энергии.
- Создало условия жизни, снижающие рождаемость.
- Предприняло меры, снижающие выживание и умственное развитие детей (питание, прививки, СМИ, компьютерные программы, незащищенность, ликвидация детских молочных кухонь, уменьшение прожиточного минимума в семье, изменение школьных программ).
- Распространило бы детскую порнографию, педофилию, неэтичное воспитание в школах, дедовщину и неуставные отношения в военных школах и армии.
- Создало невыносимые условия жизни для населения в глубинках нашей страны, вынуждая жить в больших мегаполисах, где удобно контролировать массы людей.
- Изменило бы отношения между людьми, посеяв зависть, стремление обогатиться за счет другого, обиды.
- Применило бы проверенный способ уничтожения разума спиртным и наркотиками.
- Легализовало бы секс и однополые браки.
- Внедрило повсеместно компьютеры, не для работы, а для информации, воздействующей на психоэмоциональную сферу человека.

К примеру, в Интернете существует ряд игр, которые не появляются в продаже. Эти игры рассчитаны на изучение человека и его способностей на реакцию, психоэмоциональных характеристик, на действие в определенных заданных ситуациях, на внимание и фантазию. При этом в процессе игры нужно торговать, убивать, заниматься магией, строить, разрушать, получать призы и т. д. Кто играет в эти игры, знает больше. Интересен тот факт, что одна и та же игра имеет усложненные варианты, рассчитанные на разные уровни подготовки. Через банк данных все действия игрока компьютером анализируются, и вот уже все пути воздействия на человеческую психику и разум просчитаны! Спросите себя: КОМУ ЭТО НУЖНО?

Как же мы в суете нашей жизни, читая книги в жанре научной фантастики, фэнтези, не понимаем, что нельзя выдумать несуществующее, что нет дыма без огня?! Почему мы не верим сказаниям, передаваемым из уст в уста, веря в богов? Почему не можем согласиться, что среди нас существуют нелюди?

Анализируя, можно осознать, что, идя по жизненному пути, человек непременно встречается с трудностями, потерями, разочарованиями, вот только реакция на ситуации у нас разная. Хотелось бы обратить внимание на воспитание детей. Ребенок должен получать полноценное питание из натуральных продуктов, приготовленных руками любящего человека. Особое внимание уделять костной системе (депо микроэлементов), связочному аппарату, работе кишечника, больше времени уделять прогулкам и сну. Изолировать детей от радиотелефонов и телевизоров, беседовать с детьми и читать книги. Ставить не ругать детей, больше объяснять, играть в игры, которые развивают пальцы рук, позволяют ориентироваться в окружающей среде. С возрастом объяснять поступки и действия как ребенка, так и взрослых, не акцентировать внимание на одежде и поведении, показывать положительный пример, а все «прелести» жизни постепенно будут восприниматься нормально. В школе он узнает все сам, и не нужно отгораживать его от жизни, нужно только придать правильное направление, помочь в адаптации к

жизненным коллизиям. Человек начинает изменяться, накапливать обиды, различные негативные эмоции, когда вибрации эмоционального состояния становятся постоянными и перестраивают программу организма вплоть до химико-биологических реакций. Это разбалансировка психоэмоциональной сферы, или проявление хаоса. В момент просветления, когда человеку покажется, что он сможет что-то изменить, это будут слова, вибрации всего организма, характеризующие изменение личности, потому что происходит потеря энергии.

Как лечит мать ребенка? Прижимает его к груди, носит на руках, укачивая, баюкая, сопререживая, передавая ей энергию, любовь. Целитель видит больную зону как изменение вибрации в сравнении со всем организмом. В этом случае он воздействует на зону изменения вибрации до тех пор, пока не ликвидирует воздействие, далее организм восстанавливается посредством своих родных вибраций.

Наконец, кто же такие мужчина и женщина, почему человек, наделенный разумом, не ведает, что творит? Не отвечая на вопрос, предположим следующее.

Развиваясь в *Единстве* и являясь частицей множества, наделенный разумом человек не нес определенной функции, как растение, бактерии, водоросли. Напрашивается вывод, что, только обладая осознанием, видением, человек участвовал в устройении миропорядка и жизненном круговороте, путем отслеживания процессов по мере развития Земли, передавая знания по роду, и так же поэтапно, вместе с земным миром развивался. Мужчина — носитель живого семени — является продолжателем рода и носителем энергии. Женщина — носитель информации и воплощение знания. Мужчина и женщина вместе есть *одно целое*, дополняющее друг друга, выполняющее свое предназначение.

Предки говорят: женатый мужчина обретает целостность, неженатый — *живой мертвый!* Здесь и сейчас мужчина, образно говоря, потерял голову, то есть высшее предназначение. Женщина не имеет возможности открыть знания, она покрыта покрывалом Изиды, связана обетом молчания.

Небольшое отступление для тех, кто забыл.

Девушек, детей и беременных женщин обижать нельзя!

Обряды, ритуалы магии связаны с приношением девственниц в жертву. Эти обряды символизируют разрушение и уничтожение девственной реликтовой природы, разрушение естества и миропорядка. Убийство младенцев во время кровавых мистерий посягает на продолжение рода, эволюцию! Беременные женщины — символ лона матери-Земли, символ развития Природы. Все эти мерзости вошли в наш повседневный быт в образах насильников, террористов (убивающих невинных), родителей, издевающихся над детьми, садистов и прочей нечисти, которая не осознает, что продолжает дело грязных магических операций, способствуя разрушению мира. В конечном итоге идет процесс превращения людей в нелюдей, слуг силы *Зем*, которым нет места на Земле.

Представляя данную информацию, мы стараемся отталкиваться от существующих эзотерических предположений, которые захлестывают массовую литературу и всевозможные школы. В нашем изложении Мироустройства много вопросов, но эти вопросы — суть программа для думающих. Жизнь сама ответит на них, каждому в свое время и каждому на доступном уровне. Жизнь гораздо сложнее и интереснее, если предположить, что мир состоит из мельчайших частиц, которые имеют свой индивидуальный код.

Каждая мельчайшая частица предназначена для создания определенной энергоинформационной структуры. На эти структуры, объединенные происходящими процессами, оказывают влияние Галактические силы — энергии, которые воздействуют на информацию развития нашего мира, в том числе и на человека. В этом случае человек как индивидуум, наделенный разумом, в результате внешнего воздействия отражает чужое и, познавая мудрость, испытывая свою волю, развивает свои знания. Человек, игнорирующий четыре вектора энергии, психически и эмоционально неустойчив, с комплексом «самости» и не в силах противостоять этим энергиям.

Мы, люди, считаем, что владеем знаниями, что немало

дорог ведет к ним, только выбирай. Мы даже уверены, что в конце туннеля увидим свет! Правда, иногда мы путаем свет с его отражением, которое ослепительно прекрасно. Мы считаем, что существует Ад и Рай, а также срединный путь (философия дзэн-буддизма). И все? Или таится что-то еще, о чем мы пока не знаем ничего?

Есть в наших сказках одна таинственная и манящая фраза: «Пойди туда, не знаю куда, найди (принеси) то, не знаю что». Какими еще словами можно дать определение тому, что еще не открыто, неведомо и называется Знанием?!

СОДЕРЖАНИЕ

УКРОЩЕНИЕ ЗВЕРЯ. Роман	5
Глава 1. УПРЕЖДАЮЩИЙ УДАР	7
Глава 2. МИСТЕРИЯ БЕСА	11
Глава 3. ДРУГАЯ СИЛА	19
Глава 4. НАДЕЖДА	24
Глава 5. ТРЕТЬИМ ПЕТЬ БУДЕШЬ?	34
Глава 6. ГРОМОВ	44
Глава 7. ЧЕРНЫЙ ВЕЙ	58
Глава 8. ПАШИН	68
Глава 9. ЗВУКИ МУ	85
Глава 10. В ДОБРЫЙ ПУТЬ	102
Глава 11. НАЛЕВО ПОЕДЕШЬ	113
Глава 12. ПОГРУЖЕНИЕ В ТРЯСИНУ	125
Глава 13. УРОК ПЕНИЯ	138
Глава 14. СНЫ	150
Глава 15. РАБОТА «НЕ БЕЙ ЛЕЖАЧЕГО»	155
Глава 16. ДРУЗЬЯ – ВРАГИ	170
Глава 17. ПОЙДИ ТУДА, НЕ ЗНАЮ КУДА	181
Глава 18. ПОГУДИМ?	197
Глава 19. КАК В БЫЛЫЕ ВРЕМЕНА	207
Глава 20. ПРОФЕССИОНАЛЫ	219
Глава 21. С ЛЮБИМЫМИ НЕ РАССТАВАЙТЕСЬ	232
Глава 22. СИНИЙ ТУМАН	238
Глава 23. ДРАКОНЫ В МОСКВЕ	259
Глава 24. ВРАГ НЕ ДРЕМЛЕТ	267
Глава 25. ЗАБОТЫ ЧЕРНОГО ВЕЯ	285
Глава 26. НАПАДЕНИЕ	293
Глава 27. ЭКОФЛЭТ	308
Глава 28. ВРАТА АДА	324
Глава 29. ЧЕРЕЗ РЕЧКУ, ЧЕРЕЗ МОСТ	339

Глава 30. ПРЕОДОЛЕНИЕ	354
Глава 31. ПОГОНЯ	369
Глава 32. МАЕТА	373
Глава 33. КОРАБЛЬ ДУХА	383
Глава 34. СВЕТОВИД	397
Глава 35. ЗНАМЕНИЕ	411
 РАССКАЗЫ	413
ЭВОЛЮЦИЯ	415
СИДОРОВ И ВРЕМЯ	418
ХРОНИКИ ВЫХОДА	422
ДЕРЕВО	432
(ЦУНАМИ) КАТАСТРОФА	442
КАМЕРТОН (СТИХИЯ)	452
МЕРА ВЕЩЕЙ	460
ВОЛЕЙБОЛ-3000	487
ПРИГОВОРЕННЫЕ К СВЕТУ	511
НЕПЕРЕМЕЩЕННЫЙ	547
ПОКУПКА	568
ULTIMA RATIO	571
 <i>В. Головачев, З. Головачева. КТО МЫ? ЗАЧЕМ МЫ? Эссе</i> . .	593

Литературно-художественное издание

Головачев Василий Васильевич

Головачева Зоя Вячеславовна

ПРИГОВОРЕННЫЕ К СВЕТУ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *Е. Мельникова*

Корректор *Л. Гусева*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Лео Хао*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

ООО -ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,

Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрязерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Информация по канцтоварам: www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»

обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Подписано в печать 17.10.2006.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 38,64.

Тираж 4100 экз. Заказ № 5270.

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленных диапозитивов

в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

ГРАНДМАСТЕР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

И ЕГО НОВЫЙ РОМАН

«ПО ТУ СТОРОНУ ОГНЯ»

Экипаж «солнечного крота» во главе с Кузьмой Ромашиным исчезает в петле времени. Теперь никто не знает, удастся ли отважным исследователям вернуться из путешествия в недра Солнца...

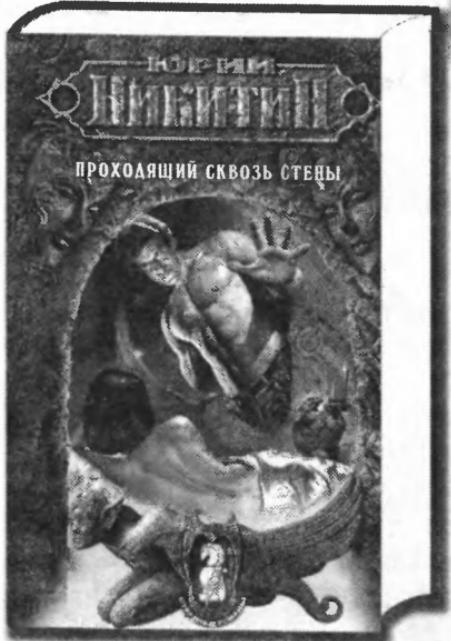
Василий Головачев входит в пятерку самых известных авторов отечественной фантастики.

ЮРИЙ НИКИТИН

НОВЫЙ РОМАН
от автора легендарного цикла
«ТРОЕ ИЗ ЛЕСА»!

ПРОХОДЯЩИЙ СКВОЗЬ СТЕНЫ

www.nikitin.wm.ru
www.eksmo.ru

Он старательно качался в спортзале, потреблял препараты, наращивая мускулы, как все мы, питался модифицированными продуктами. И однажды ощутил, что рука погружается в бетонную стену, словно в мягкую глину...

Также в 2006 году вышли новые романы мастера:
«Транчеловек», «Последняя крепость»,
«Возвращение Томаса»

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ -

автор более 30 романов в жанре боевой
и приключенческой научной фантастики.

НИКОГДА ЕЩЁ ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ
НЕ БЫЛИ НАСТОЛЬКО РЕАЛЬНЫ!

В 2006 году
вышли новые романы
АНДРЕЯ ЛИВАДНОГО:
«ЗАРЯ НАД АРАКСОМ»
«КИБЕРПРОСТРАНСТВО».
Скоро новый роман: «БАГРОВЫЕ НЕБЕСА».

ISBN 5-699-19127-5

9 785699 191277 >